

Елена Петровна
БЛАВАТСКАЯ

**ОККУЛЬТИЗМ
ИЛИ
МАГИЯ**

ВЕЛИКИЕ ПОСВЯЩЕННЫЕ

Е.П. БЛАВАТСКАЯ

МОСКВА

ЭКСМО

2006

УДК 133
ББК 86.42
Б 68

Перевод с английского *Е. Писаревой, К. Леонова,
К. Бурмистрова, С. Сергеева, О. Колесникова*

Блаватская Е.П.

Б 68   Оккультизм или магия. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. —
800 с. — (Великие посвященные).

ISBN 5-699-14739-X

Одна из главных целей учения Елены Петровны Блаватской — объединение религии и науки, установление связей между природными явлениями и высшими божественными силами. Этим целям служит наука магии, дающая глубокое знание законов вселенной, оккультных сил природы, управляющих видимым и невидимым мирами.

Книга содержит всевозможные доказательства существования магии, знакомит с различными методами постижения оккультных тайн, рассказывает об искусстве общения с духами. Здесь также собраны работы, посвященные теории создания теософского общества, художественные сказки-притчи, поражающие таинственностью и неожиданностью содержания.

УДК 133
ББК 86.42

- © К. Леонов, перевод с английского, 2005
- © К. Бурмистров, перевод с английского, 2005
- © С. Сергеев, перевод с английского, 2005
- © О. Колесников, перевод с английского, 2005
- © ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-14739-X

МИССИЯ Е.П. БЛАВАТСКОЙ

Посвящается памяти «той, которая принесла нам свет».

Теософия, т. е. богомудрие, существовала во все века: она составляет сокровенную часть всех религий, тот вековой все-ленский гнозис, из которого все мистики и пророки черпали свое вдохновение. Это — та мистическая философия, которая скрыта во всех мировых религиозных системах и которая дает духовной жизни философское и этическое обоснование.

В конце XIX века, в самый разгар торжества материализма, Е. П. Блаватская основала теософское движение, задача которого напомнить человечеству о едином источнике всех религиозных концепций и обнародовать те положения, которые всегда лежали в основе богомудрия (теософии) и которые связывают все религии одной глубокой мистической нитью. Эти положения, вытекающие из всестороннего понимания великого космического закона эволюции, выливаются в стройную философскую систему, краеугольный камень которой составляет научно-религиозный синтез, т. е. примирение разума и сердца. Твердо поставить этот синтез и бесстрашно его провозгласить в самый скептический из всех веков — было заслугой основательницы Теософического общества, Елены Петровны Блаватской.

Итак, это движение возникло в тот самый сложный исторический момент, когда человечество, развив до полного расцвета свое начало интеллектуальное, подошло к поворотной точке и готовилось к раскрытию нового начала — духовного. Теософское движение есть знамение времени, указание на то, что синтез должен сменить анализ и что мы подвигаемся к новой заре, новой культуре, основная нота которой будет — *единство*. Проводником, посредником, глашатаем этих великих перемен и была Е. П. Блаватская.

На чем же основан этот гениальный синтез? На изучении эзотеризма, той сокровенной мудрости, которую Вл. Соловьев удачно называет «отшельнической теософией». Это изучение приводит к признанию полнейшего единства религиозных концепций всех времен и всех народов. Если мы обратимся к этике, то мы увидим, что всюду, на Востоке и на Западе, религия призывает к очищению помыслов и желаний, к любви, чистоте и милосердию; эти требования составляют азбуку духовной жизни.

«Благословляйте проклинающих вас и молитесь за оскорбляющих и гонящих вас», — сказал Иисус Христос.

«Благословляйте проклинающих вас», — говорит Кришна.

«Ненависть не побеждается ненавистью, она побеждается только любовью», — говорит Будда.

«Отвечайте добротой на ненависть», — говорит Лао-Цзы.

«Кто герой? Превращающий в друга врага своего», — гласит Талмуд.

«Совершенство религии состоит в желании добра другим» — был девиз Магомета.

Почему такое поразительное сходство в религиозной этике всех времен и всех народов? Потому, что эта этика не красивый и случайный вымысел той или другой яркой индивидуальности или плод углубленной работы нескольких гениальных мечтателей: она есть неизбежное проявление в жизни того духовного ведения, которое ясновидцы духа обрели на высших планах бытия. Так, как из элементов данного уравнения непременно должна вылиться та или другая математическая формула, так и из знания космических законов неизбежно вытекает незыблемая основа мировой этики, обнимающая собой как личную, так и общественную этику. Разъединять и противопоставлять друг другу эти части одного целого, как это постоянно делает наша журналистика, так же несообразно, как вынимать камни из строящегося дома и противопоставлять их этому дому. Такое противопоставление указывает на непонимание неразрывной связи законов и мировых явлений и на полную оторванность человека от вселенной, — оторванность, из которой вытекает весь трагизм душевных переживаний современного человечества. Тщательно отстраняя все то, что не поддается непосредственному чувственному воспри-

ятию, и искусственно разъединяя физический мир от всех соприкасающихся с ним сфер, мы наводим на него, как в фокусе, яркий свет электрического фонаря, а затем ужасаемся и недоумеваем, почему этот ярко освещенный обрывок действительности, который мы так искренне мечтаем превратить в рай, вызывает в нас такое глубокое чувство неудовлетворенности, и невольно напрашивается тоскливый вопрос: «Будет ли когда-нибудь человек счастливее?»

Люди с сильным общественным чувством обыкновенно отвечают: «Будет ли человек счастливее или нет, мы не знаем: это не наше дело; наше дело — строить дом, чтобы было где укрыться от непогоды. Мы не мечтатели, а только строители».

По силе любви и отречению, труд «строителей» несомненно отмечается печатью свыше, печатью духа. Эта печать и дает им право на гордое наименование «богостроителей». Каковы бы ни были утилитарные платформы строителей, творчество их несомненно имеет религиозный источник, так как движущий их категорический императив есть мотив сверхличный, т. е. сила идеальная. Но как бы идеально ни были настроены строители, их работа не может быть прочной, если они не будут ясно видеть, *что* кладут они в основу своего здания. Для разумного строительства зрение нужно не меньше энтузиазма. А видят ли пламенные строители, на чем они строят, если они так упорно разъединяют явление от его источника, если, не признавая Бога, они хотят осуществить Его Правду?

Отделять Бога от Его Правды, Любовь от проявлений любви, это то же, что желать отделить Солнце от его лучей. Бог есть духовное Солнце вселенной, и те силы, которыми мы пытаемся заменить Его (любовь, красота, правда), — не что иное, как видимые лучи Его. Те, кто ищут Бога и не пытаются внести Его Правду в жизнь, не знают Бога; и те, кто пытаются осуществить Его Правду на земле, отрицая Его Самого, также не знают Его. Богоискание и Богостроительство неудержимо сливаются воедино в душе того, кто нашел Бога в себе, кто нашел незримые нити, соединяющие нашего скрытого Бога с Богом вселенной. Ибо Богоискание и Богостроительство сливаются в Богопознании, а познать Бога человек может только познав самого себя. Познав себя, свое «высшее я», человек свободно

и сознательно становится на тот путь истинного Богостроительства, который Вл. Соловьев называет «богочеловеческим процессом», а теософия именует «путем ученичества».

Для исцеления и обновления жизни нужно нечто большее, чем любовь и сострадание: нужны знание и вдохновение. Не только художники и поэты, но и деятели во всех сферах жизни должны стать жрецами и пророками. Это относится и к нашим строителям. Величайшее из всех искусств, *искусство строить жизнь*, требует для своей творческой работы боговдохновенных строителей, не простых архитекторов-любителей, а пророков и жрецов, способных видеть и понимать те силы, которые они будут вкладывать в свое творчество; сознательно управляя ими, они будут и вполне сознательно творить новую жизнь.

Лучшие русские люди не способны без отчаяния отделять Бога от воплощения Его правды. Истина без Добра и Красоты для них так же невозможна, как и Добро без Красоты, или Красота без Добра. Не в этом ли кроется тайна тоски, так сильно гнетущей душу многих наших общественных деятелей?

Мы переживаем совершенно особое время; время, когда рушатся веками утвержденные авторитеты, когда происходит переоценка всех ценностей, всех идеалов, а над кажущимся хаосом разрушения уже проносится веяние новой, могучей жизни. Утеря путей, страстное искание; колебание между гордым самоутверждением и столь же пламенным самоотрицанием, — все это явные признаки того, что в человечестве совершается какой-то кризис, что оно стоит на пороге новых и чрезвычайно важных переживаний. Рассудочная культура, достигшая на Западе своего апогея, не в силах более удовлетворить человека; она должна уступить место новой, высшей культуре. Каждой культуре соответствует известная ступень сознания, а раскрытие нового сознания сопровождается настоящими родовыми муками духа, муками, при которых неминуемо происходит полная утрата гармонии. Возьмем один из многих признаков этого перелома: так называемый «кризис индивидуализма». Этот кризис, отмеченный и в социологии, и в психологии, и в литературе, есть не что иное, как явно выраженный переход от обособленной жизни к единению всечеловеческому, отражение в общественной психологии великого

космического момента. В этом свете и социалистические теории и стремления суть лишь проекция на физическом плане того великого духовного преображения, которое готовится совершиться в иных сферах бытия. Зарождающиеся формы общественности неизбежно выльются в жизнь вслед за новым сознанием человечества, но социальное преображение установится на твердых основах только тогда, когда оно выльется, как естественное последствие обновления и одухотворения человечества, а не тогда, когда оно опередит сознание. «Мир не должен быть спасен насильно», — сказал Вл. Соловьев. Мы бы сказали: «Мир *не может* быть спасен насильно», ибо условие духовного творчества есть свобода. Свободно и радостно творить новую жизнь может только религиозное сознание.

В свете теософии раскрытие сознания совершается в том же порядке, как и раскрытие Божества, ибо человек есть храм Бога живого, «град Брахмы». Сперва проявляется Св. Дух деятельности, затем рождается Сын Божий, мудрость (знание и любовь), Св. София; наконец проявляется Воля Отца, Которая совершает то, что духу раскрылось в знании и любви. Таков венец эволюции.

Св. Дух деятельности уже раскрылся в человечестве. В высшей степени ярко сказался он в западноевропейском творчестве. В настоящий момент мы стоим накануне раскрытия нового начала, того, о котором молится апостол Павел в словах: «Молюсь, братия, чтобы родившийся в душе вашей Христос вырос до полного возраста Христова». Христос, которому суждено родиться в нас, это тот пламенный дух единения, который разбивает все стены между нациями и людьми и который творит новую жизнь, основанную на братстве и любви. Этому духу одинаково чужды и партийные распри, и национальная вражда, и религиозный фанатизм, потому что все стены пали, все люди — братья: одни просветленные, другие еще не прозревшие, но все — дети единого Бога.

Достоевский и Вл. Соловьев, которым был близок Дух Христов, говорят о «вселенском христианстве» в противоположность «домашнему и храмовому» христианству, т. е. внешнему. «Истинная Церковь, которую проповедовал Достоевский, говорит Вл. Соловьев, есть *всечеловеческая* прежде

всего в том смысле, что в ней должно в конец исчезнуть разделение человечества на соперничающие и враждебные между собою племена и народы. Все они, не теряя своего национального характера, а лишь освобождаясь от своего национального эгоизма, могут и должны соединиться в одном общем деле всемирного возрождения».

Все религии мира призывали к этому всечеловеческому единению, над всеми витал св. дух единения, дух «Христа», и каждая религия давала, в зависимости от исторического момента и особенностей данной культуры, божественное откровение об этом славном единении, об этом рождении Христа грядущего. Экзотерически все религии разные; в сокровенной своей глубине они дают одно и то же духовное видение, одну и ту же теософию. Неисповедимость Первопричины, имманентность проявленного Бога, учение о духовной эволюции и вытекающее отсюда учение о Богочеловечестве, таковы основы религиозного эзотеризма всех времен и всех народов. Центральное место в нем занимает ожидание Христа, учение о «св. дитяти, которому суждено родиться в сердце человечества», о «скрытой жемчужине в глубинах человеческого сердца», о «белом лотосе», который «дремлет под водами Майи» и которому суждено «подняться над Майей» и распуститься в цветок божественной красоты и славы. Этот *цветок*, эта *жемчужина*, это святое дитя, это — то высшее начало, которое уже раскрылось в апостолах и пророках и которое готовится к рождению в душе всего человечества.

Истина многогранна и проявляется в каждом духовном движении, в каждом искреннем порыве человеческого сердца. До бесконечности разнообразны проявления этих отдельных лучей, но все они родились из единого белого Света. Пока человечество развивало святой дух деятельности и работа творческого разума проявлялась в созидании рассудочной культуры, то естественно и неизбежно на первом плане стоял дух анализа, критицизма, самоутверждения и обособления. Эгоцентрическая тенденция ярко сказывалась и в культе личности, и в национализме, и в религиозной розни. Все это проявление самости во всех сферах бытия, на всех «планах», по теософской терминологии. В свете теософии все это — явления данной ступени, ибо в проявленном мире нет абсолютного зла

и добра, а есть лишь Правда осуществляющаяся и Истина, к которой мы движемся. То, что идет с эволюцией — добро; то, что противится ей — зло, иного определения нет. Человечеству нужно было пройти через период крайнего обособления и самоутверждения, потому что в нем должно было во всей полноте своей раскрыться личное интеллектуальное начало. Но теперь, когда человечество подходит к поворотному пункту и вступает в новый фазис развития, оно должно подняться над *эгоцентрическим* сознанием и вступить в сферу *сверхличных* переживаний. Вот почему *синтез* должен был заменить *анализ*; настало время свести воедино разбросанные сокровища Добра и Красоты, собрать рассеянные лучи божественного многогранника и зажечь ими ту звезду, которая всегда загорается на небе в минуты великих исторических кризисов, в час космического перелома. Такую минуту мы переживаем, и в ней кроется вся сила и значение теософского движения. Миссия Е. П. Блаватской заключалась в том, чтобы установить научно-религиозный синтез и перебросить мост от эгоистической современной культуры к культуре будущего, постепенно преобразуя рассудочное сознание человечества в сознание духовное, то, которое на Востоке называется «сострадательным разумом» (Буддхи). Пламенный призыв к этому преобразованию мы слышим в ее книге «Голос Безмолвия».

«Да внимает душа твоя каждому крику страдания, подобно священному лотосу, обнажающему сердце свое, чтобы упиться лучами утреннего солнца».

«Не допускай, чтобы палящее солнце осушило хотя единую слезу страдания прежде, чем ты сам не сотрешь ее с очей скорбящего».

«И да ниспадет каждая жгучая слеза человеческая в глубину твоего сердца и да пребывает она там; не удаляй ее, пока не устранится печаль, ее родившая».

В этой объединяющей работе великое значение и великая заслуга Е. П. Блаватской перед будущими поколениями. Сама она никогда не считала себя творцом своей системы; она была глубоко убеждена, что знание, которое она сообщала, было знание мировое, хранившееся в божественной сокровищнице: вселенской Теософии. Себя она считала лишь маленькой передаточной станцией, проводником Сил высших, смиренной

ученицей Тех, Кого на Востоке принято называть «Учителями Сострадания».

В современной русской литературе немало было споров о «человекобожестве» и «Богочеловечестве», причем первое ставилось как идеал, выразитель современных брожений; второе — как совершившийся исторический факт. Но для теософа то, что в истории было исключительным подвигом Богочеловека, является лишь прообразом того высшего Пути, на который суждено сознательно и свободно стать всему человечеству. Учителя сострадания уже совершили этот путь; мы стоим на пороге его. И именно потому, что мы стоим на пороге, явилась в мир Е. П. Блаватская и создала теософское движение, которое не отнимает ни у одной религии своего венца и потрясающей силой своего синтеза заставляет всех признать загоревшуюся на небе звезду духовности и всем протянуть руку, как братьям по духу, как детям одного Отца. Вместе с *vade tecum Pastoral*,¹ Е. П. Блаватская могла бы произнести:

«Вместе с язычниками, поклоняющимися восходящему солнцу, и с магометанами, молящимися с вершин своих минаретов, с евреями, обращающими все молитвы к Новому Иерусалиму, и с христианами, которые молятся перед Распятием, я каждое утро повергаюсь ниц перед зарей и громко восклицаю: «Восходящее на Востоке Солнце Правды, Свет мира, я поклоняюсь Тебе!».

А. А. Каменская

---

¹ См. «Вестник теософии», апрель 1908 г., «Теософия во Франции».

МОИ КНИГИ

Некоторое время тому назад один теософ, м-р R***, путешествовал поездом с американским джентльменом, который поделился с ним изумлением от своего посещения нашей лондонской штаб-квартиры. Он рассказал, как просил мадам Блаватскую посоветовать ему лучшие теософские работы и заявил ей о своем намерении начать изучать «Разоблаченную Изиду», на что, к его удивлению, она ответила: «Не читайте ее, это все вздор».

Насколько помню, я не говорила «вздор»; но по сути сказала вот что: «Не стоит, «Изида» не понравится вам. Из всех книг, вышедших под моим именем, именно эта наиболее неудачная и плоха в литературном смысле». С той же искренностью я могла бы добавить, что в «Изиде», если тщательно проанализировать ее со строгой литературной и критической точки зрения, открывается множество опечаток и неверных цитат; она содержит бесполезные повторы, крайне раздражающие отступления от темы, а для случайного читателя, незнакомого с определенными аспектами метафизических идей и символов, столь же много явных противоречий; что значительной части материала там не следовало быть вовсе; и также, что там имеются некоторые очень серьезные ошибки из-за неправильного написания слов. И наконец, эта работа по причинам, которые сейчас будут разъяснены, не имеет в себе системы; как заметил один мой друг, она выглядит, по сути, как некая масса независимых параграфов, не имеющих между собой связи, наугад перетасованных и опубликованных в таком виде.

Таково и сейчас мое искреннее мнение. Когда я впервые после публикации 1877 года перечитала всю работу от начала до конца — в Индии в 1881 году, — ко мне пришло полное осознание этой печальной истины. С тех пор и до настоящего времени я всегда говорила то, что думаю об этой книге, и где бы ни представилась возможность, высказываю свое откровенное мнение об «Изиде». Поступаю так это к ужасу тех, кто беспокоится о том, что я ухудшаю ее продажи. Но так как в писании моей главной целью была не слава и не выгода, но нечто гораздо более высокое, я никогда не обращала внимания на такие предупреждения. Этот неудачный «шедевр», эта «монументальная работа», как называют книгу некоторые обозреватели, с ее ужасными заменами одного слова на другое, полностью меняющими смысл,¹ с ее опечатками и неверными цитатами уже более десяти лет доставляет мне больше волнений и хлопот, нежели что-либо еще за всю мою долгую жизнь, в которой терний всегда было больше, чем роз.

Но я утверждаю, что несмотря на эти огромные упущения «Разоблаченная Изида» содержит массу новой и до того времени неизвестной информации по оккультным вопросам. То, что это так, доказывается тем, что всеми, кто достаточно умен, чтобы выделить ключевое, не обратив внимание на второстепенное, отдать предпочтение идее, а не форме, не придавая значения ее досадным недостаткам, работа была весьма высоко оценена. Приписывая себе — как я далее покажу, за других — все внешние огрехи, чисто литературные дефекты работы, я без боязни упрека в тщеславии отстаиваю ее идеи и учение, ибо как я всегда заявляла, *ни идеи, ни учение не являются моими*; и утверждаю, что они представляют огромную ценность для мистиков и изучающих теософию. Также верно,

---

¹ Например, слово «цикл» чьей-то неизвестной рукой было исправлено на «планета» (том 1, стр. 347, 2-ой абзац); это «исправление» так представляет учение Будды, будто *нет перерождений на этой планете* (!!), в то время как на предыдущей странице утверждается обратное и говорится, что Господь Будда учит, как «избежать» *реинкарнации*; также слово «планета» не раз попадает вместо слова «план», «монады» вместо «манаса»; не раз смысл целых идей приносится в жертву соблюдению грамматики, меняется из-за подстановки неправильных слов и неверной пунктуации и т. д., и т. д., и т. д.

что когда «Изида» была впервые опубликована, многие лучшие американские газеты расточали ей похвалы — вплоть до преувеличения, как явствует из приведенных ниже цитат.¹

---

¹ Вот какие комментарии были в прессе на «Разоблаченную Изиду» (*Isis Unveiled; a master key to the mysteries of ancient and modern science and theology. By H.P. Blavatsky, Corresponding Secretary of the Theosophical Society. 2 vols., royal 8vo., about 1,500 pages, cloth, \$7.50. Fifth Edition*):

«Это монументальная работа... в ней говорится обо всем, имеющем отношение к магии, таинствам, колдовству, религии, спиритуализму, и она незаменима в качестве энциклопедии». — *North American Review*.

«Следует признать, что это замечательная женщина, читавшая больше, видевшая больше и думавшая больше, чем большинство ученых мужей. Ее работа изобилует цитатами с дюжины различных языков не для пустого бахвальства эрудицией, а для обоснования собственных взглядов... страницы украшены множеством сносок, указаниями на ее источники, на мудрейших писателей прошлого. Для большого числа читателей эта замечательная работа представляет огромный интерес... она заслуживает серьезного внимания мыслителей и требует вдумчивого чтения». — *Boston Evening Transcript*.

«Эрудиция автора ошеломляет. Множество ссылок и цитат из совершенно неизвестных и малопонятных авторов на всех языках чередуются с упоминаниями писателей высочайшей репутации, о которых не скажешь, что они поверхностны». — *N. Y. Independent*.

«На удивление легко читаемое и захватывающее эссе о перво-степенной важности возвращения герметической философии в мир, который слепо полагает, что он ее перерос». — *N. Y. World*.

«Лучшая книга сезона». — *Com. Advertiser*.

«Для читателей, прежде не знакомых с литературой по мистицизму и алхимии, эта книга предоставит материал для захватывающего изучения — источник множества любопытной информации». — *Evening Post*.

«Многое свидетельствуют о большой и разнообразной исследовательской работе автора, и здесь огромное количество интересных рассказов. Тот, кто любит чудеса, не найдет недостатка в них в этой книге». — *New York Sun*.

«Удивительная книга как по содержанию, так и по манере изложения. Некоторые замечания могут быть высказано относительно ее объема и размера некоторых комментариев — простирающихся до пятидесяти страниц, — но мы не преувеличим, если скажем, что такой комментарий фактов никем еще раньше не предпринимался...

Первыми врагами, которые ополчились на мою книгу, были спиритуалисты, чьи фундаментальные теории, будто духи умерших общаются в *propria persona*, я не признаю. За последние пятнадцать лет — со времени первой публикации — на меня изливался непрерывный поток гадких обвинений. Любая клевета — от обвинений в безнравственности и теории «русского шпиона» до подлогов и подлости, что я хронический мошенник и олицетворенная ложь, пропойца, агент Папы, нанятый для того чтобы разгромить спиритуализм, и воплощение Сатаны. Любое злословие, которое только можно было представить, сваливалось на мою личную и общественную жизнь. Но ни то, что ни одно из этих обвинений не было подтверждено; ни то, что с первого января до тридцать первого декабря, год за годом, я жила, как в стеклянном доме, окруженная друзьями и недругами, — ничто не могло удержать эти злые, ядовитые и совершенно бессовестные языки. Моими недремлющими оппонентами в разное время заявлялось, что: (1) «Разоблаченная Изида» — это просто пересказ Элифаса Леви и некоторых старых алхимиков; (2) она написана мной под диктовку злых сил и духов умерших иезуитов (*sic*); и наконец, (3) оба моих тома составлены из рукописей (ранее неизвестных), оставленных после себя Бароном де Пальмом — знаменитым своей кремацией и двойными похоронами, — и

Эта книга любопытна тем, что содержит уникальный материал, и без сомнения ее с радостью примут библиотеки... Она, конечно, будет интересна всем, кто увлекается историей, теологией и тайнами древнего мира». — *Daily Graphic*.

«Настоящая работа есть результат необычайного образования и подкрепляет ее репутацию адепта тайных наук, достигшего в мистическом знании ранга иерофанта». — *New York Tribune*.

«Всякий, кто прочитает эту книгу внимательно, узнает всё о необыкновенном и мистическом, за исключением, возможно, только самых сокровенных секретов. «Изида» будет хорошим дополнением к «Анакалипсису». Кому понравилась книга Годфри Хиггинса, тот получит удовольствие и от мадам Блаватской. Между их работами огромное сходство. В обеих много говорится обо всем апокриптическом и апокалиптическом. Легко предсказать спрос на эту книгу. Необыкновенное своеобразие ее, смелость и многосторонность подходов, удивительное разнообразие тем, охватываемых ею, делает эту работу одной из лучших книг столетия». — *New York Herald*.

которые я нашла в его сундуке.¹ С другой стороны, мои друзья, сколь добрые, столь же и неосмотрительные, несколько подчеркнуто говорили о связи моей работы с моим Восточным Учителем и другими оккультистами, что действительно являлось правдой; это было подхвачено врагами и раздуто до неприличной лжи. Заявлялось, что вся «Изида» от корки до корки и слово в слово была продиктована мне этими невидимыми адептами. И так как недостатки моей книги были слишком очевидными, последствия всей этой пустой и злонамеренной болтовни были таковыми, что мои враги и критики заключили — столь проворно, как они это умели, — что либо этих невидимых вдохновителей не существует и они лишь часть моего «обмана», либо их талант ниже даже среднего писателя.

Однако никто не должен отвечать за чужие высказывания, и я отвечаю лишь за то, что утверждала вслух или в публикациях за моей подписью. Итак, я заявляю следующее: что исключая прямое цитирование и многие отмеченные выше и упомянутые опечатки, ошибки и неверное цитирование, а также вообще набор «Разоблаченной Изиды», автором которых я не являюсь, (а) каждая крупница знания, изложенная в этой или более поздних работах, исходит от наших Восточных Наставников; и (б) что многие отрывки в этих трудах были написаны мною *под их диктовку*. Я не утверждаю этим чего-то *сверхъестественного*, ибо подобная диктовка не представляет из себя чуда. Любой трезвомыслящий человек, знающий сегодня о многообразных возможностях гипнотизма (признанных и исследованных современной наукой) и о феномене передачи мысли, легко признает, что если гипнотизируемый субъект, простой безответный медиум, слышит невысказан-

---

¹ Этот австрийский дворянин, проживавший в Нью-Йорке в полной нищете, которому полковник Олькотт предоставил кров и пищу, ухаживая за ним в последние недели его жизни, оставил после себя только неоплаченные счета. Единственной собственностью барона был старый чемодан, в котором его «душеприказчик» нашел оббитого бронзового купидона, несколько иностранных орденов (фактически, их имитация, так как золотые и алмазные украшения были, очевидно, проданы) и несколько рубашек полковника Олькотта, которые экс-дипломат позаимствовал без разрешения.

ную мысль своего гипнотизера, который может таким образом передавать ему свою мысль, и даже способен повторять слова, мысленно вычитываемые гипнотизером из книги, — то и мое заявление не содержит ничего невозможного. Для мысли не существует пространства и расстояния; и если два человека находятся в прекрасном взаимном психо-магнетической *контакте*, и один из этих двоих — великий адепт оккультных знаний, то передача мысли и диктовка целых страниц на расстоянии в десять тысяч миль становится столь же легкой и понятной, как и передача двух слов в комнате.

До сих пор я воздерживалась — кроме очень редких случаев — от реакции на любую критику моих работ и даже оставляла без опровержений прямую клевету и ложь, так как по отношению к «Изиде» я находила почти всякий род критики законным, а что касается «клеветы и лжи», то мое презрение к клеветникам слишком велико, чтобы замечать их. Особым был случай с хулой, пришедшей из Америки. Все это исходило из одного и того же источника, хорошо известного всем теософам, — человека, наиболее неутомимо преследовавшего меня нападениями последние двенадцать лет,¹ хотя его самого я никогда не видела и не встречала. Не стану я отвечать ему и сегодня. Но так как «Изида» подвергается нападкам уже, по меньшей мере, в десятый раз, настало время, чтобы мои недоумевающие друзья и все те, кто симпатизирует теософии, узнали всю правду — и ничего кроме правды. Не то, чтобы я хотела перед ними просить извинения или «оправдываться» — я собираюсь просто предоставить факты, неопровержимые и не противоречащие друг другу, излагая своеобразные, хорошо известные многим, но теперь почти забытые обстоятельства написания моей первой английской работы. Я изложу их по порядку:

(1) Когда я приехала в Америку в 1873 году, я не говорила по-английски: в детстве я училась разговорному, но с тех пор прошло более тридцати лет. Я могла читать текст, но почти не могла разговаривать.

---

¹ Я не буду называть его имя. Некоторые имена несут в себе моральную нечистоту и не могут появиться в каком-либо приличном журнале или публикации. Его слова и дела исходят из *cloaca maxima* материальной Вселенной и должны вернуться туда, не касаясь меня.

(2) Я не получала образования ни в каком колледже, и все, что знаю, я изучила сама; я никогда не претендовала на ученость современных исследователей; в то время я с трудом читала какие бы то ни было европейские научные работы и мало знала о западной философии и науке. То немногое, что я к тому времени изучила и узнала, внушило мне отвращение своим материализмом, своей ограниченностью, духом узкого догматизма и своей атмосферой превосходства над философией и наукой древности.

(3) До 1874 г. я не написала ни слова по-английски и не опубликовала ни одной работы ни на каком языке. А потому:

(4) Я не имела ни малейшего представления о правилах литературного жанра. Искусство написания книг, их подготовка к печати и публикации, чтение и правка гранок являлись для меня неведомыми тайнами.

(5) Когда я начала писать то, что позже вылилось в «Разоблаченную Изиду», у меня было не больше представления, что получится из этого, чем у тщеславного невежды. У меня не было плана; я не знала, будет ли это книгой, эссе, памфлетом или статьей. Я знала только, что должна написать это, и все. Эту работу я начала еще до того, как близко познакомилась с полковником Олькоттом, и за несколько месяцев до образования Теософического общества.

Итак, как каждый может увидеть, условия для создания английской теософской и научной работы были вполне подающими надежду. Тем не менее, мне удалось написать текста на четыре таких тома; как в «Изиде», прежде чем я представила свою работу полковнику Олькотту. Разумеется, он сказал, что все — за исключением продиктованных страниц — следует исправить. С того момента мы принялись за наши литературные труды и работали вместе каждый вечер. В некоторых страницах он правил английский, и их я переписывала; те, которые не поддавались никакой беспощадной корректуре, он заново надиктовывал прямо с текста, англизируя мои практически неразборчивые рукописи. Именно ему я обязана *английским* в «Изиде». Он же предложил разделить работу на две части, первый том посвятить НАУКЕ, а второй — ТЕОЛОГИИ. Для этого потребовалось пересмотреть все изложение и связь между его частями; необходимо было исключить повто-

рения и улучшить литературные взаимоотношения между элементами. Когда работа была готова, мы показали ее профессору Александру Уайлдеру, известному ньюйоркскому ученому и платонисту, который, прочитав труд, рекомендовал его м-ру Бартону для публикации. Вслед за полковником Олькоттом, профессор Уайлдер оказал мне неоценимую помощь. Именно он составил превосходный Указатель, исправил греческие, латинские и еврейские слова, предложил дополнительные цитаты и написал большую часть Введения «Перед Завесой». То, что это не указано в книге, вина не моя, но твердое желание д-ра Уайлдера, чтобы его имя не фигурировало нигде, кроме сносок. Я никогда не делала из этого тайны, и об этом знал любой из моих многочисленных знакомых в Нью-Йорке. Итак, подготовленная, книга пошла в печать.

С этого момента и начались настоящие трудности. Я не имела ни малейшего представления о правке гранок. Заниматься этим полковнику Олькотту не позволяло время; поэтому я с самого начала все перепутала. Счет в шестьсот долларов за правку и переделку пришел, когда мы еще не закончили и трех частей, и мне пришлось бросить корректуру. Под давлением издателя полковник Олькотт делал все от него зависящее, но мог посвящать этому только вечера; а д-р Уайлдер находился далеко в Джерси-Сити. В результате гранки и страницы «Изиды» прошли через руки множества деятельных, но неаккуратных людей и в конце концов были отданы на милость издательского корректора. Стоит ли удивляться после этого, что в напечатанных томах «Вайвасвата» (Ману) превратилась в «Вишмавитру», что тридцать шесть страниц Указателя были непоправимо потеряны, а кавычки поставлены без всякого смысла (даже в некоторых моих собственных предложениях!) и пропущены во многих местах, где они отмечали цитирование из других авторов? На вопрос, почему эти фатальные ошибки не были исправлены в последующем издании, мой ответ будет прост: гранки были стереотипными; и несмотря на все мое желание что-то изменить, я ничего не могла сделать, так как гранки являлись собственностью издателя; у меня не было денег оплачивать расходы по исправлению, а издательскую фирму вполне устраивало оставить все как есть, ибо эта моя работа — выходящая сейчас уже седь-

мым или восьмым изданием, — несмотря на ее явные недостатки, все еще пользуется спросом.

И сегодня — возможно, вследствие всего этого, — возводится новое обвинение: в *тотальном плагиате* вводной части «Перед Завесой»!

Хорошо, если я совершила плагиат, то без малейших колебаний могла бы признать и «заимствования». Но, напротив, у меня нет никакого желания признавать «параллельные места», так как у меня их не было; пусть даже «передача мыслей», как метко замечает «Pail Mall Gazette», и в моде и в почете. Как-то раз американская пресса подняла вой против Лонгфелло, который, заимствовав из какого-то (тогда неизвестного) немецкого перевода финский эпос Калевала, опубликовав его как собственную величественную поэму «Песнь о Гайавате», забыв при этом указать ее источник. Континентальная печать неоднократно высказывала различные обвинения такого рода. Нынешний год особенно богат на подобные «передачи мысли». Здесь и мэр Лондона, повторяющий слово в слово старую забытую проповедь м-ра Спургсона и клянущийся, что никогда не читал и не слышал о ней. Преподобный Роберт Брэдло пишет книгу, и «Pail Mall Gazette» тут же опровергает ее как буквальную копию чьей-то чужой работы. У м-ра Гарри де Виндта, путешественника по Востоку, в его только что вышедшей в лондонской книге «Путешествие в Индию через Персию и Белуджистан» F.R.G.S. в придачу находит параллельные страницы со «Страной Белуджистан» А. В. Хьюга, идентичные *verbatim et literatim*. Миссис Парр отрицает в «British Weekly», что ее роман «Сэлли» сознательно или бессознательно заимствован из «Сэлли» мисс Уилкинс, и утверждает, что она не читала вышеупомянутой книги и не слышала имени ее автора и т.д. Наконец, всякий, кто читал «Жизнь Иисуса» Ренана, найдет, что автор *путем предвидения* совершил плагиат некоторых эпизодов, описанных стихами в «Свете Мира». Также даже сэр Эдвин Арнольд, многообразному и признанному таланту которого не требуется помощь чужого воображения, забыл поблагодарить французских академиков за свои картины горы Табор и Галилеи в прозе, которые он так элегантно переложил на стихи в своей недавней поэме. Впрочем, в этой фазе нашей цивилизации, *fin de siècle*, можно по-

читать за счастье войти в такую замечательную и многочисленную компанию плагиаторов. Однако я не могу претендовать на такую высокую честь, ибо, как уже сказала, — из всей вводной части «Перед Завесой» заявляю как о своих только об определенных отрывках из глоссария, прилагаемого к ней, а раздел о платонизме, который ныне преподносится как «бесстыдный плагиат», написан профессором А. Уайлдером.

Этого джентльмена, ныне живущего в Нью-Йорке или недалеко от него, могут спросить, истинно мое утверждение или нет. Он слишком благороден и учен, чтобы чего-то бояться и ради этого отрицать. Он настаивал на том, чтобы к Введению присоединить своего рода глоссарий, объясняющий греческие и санскритские термины, которыми изобилует работа, а также помог в этом. Я попросила его написать краткую статью о платонистах, которую он любезно предоставил. Таким образом, со стр. 11 по стр. 22 текст его, за исключением некоторых вставок, прерывающих рассказ о философах-платонистах до того чтобы показать идентичность их идей с идеями индуистских священных книг. Кто сегодня, знающий д-ра А. Уайлдера лично либо его имя и отдающий себе полный отчет в огромной эрудиции этого выдающегося платониста, редактора многочисленных научных трудов,¹ станет столь безрассуден, чтобы обвинять его в «плагиате» чужих работ?

---

¹ А. Уайлдер, магистр наук, редактор «Культы Змия и Шивы» Гайда Кларка и К. Станиланд Вэйка; «Древнего искусства и мифологии» Ричарда Пэйна Найта, к которому, как редактор, написал Вступление, перевел на английский Замечания и добавил новый и полный Указатель; «Древнего культа символов» Годдера М. Вестроппа и К. Станиланд Вэйка, со «Вступлением», дополнительными замечаниями и приложениями от редактора; и наконец, «Элевсинских и вакхических мистерий», диссертации Томаса Тэйлора, переводчика Платона, Плотина, Порфирия, Ямвлиха, Прокла, Аристотеля и др., с Введением, Замечаниями, Поправками к тексту и Глоссарием, под редакцией Александра Уайлдера, магистра наук; а также автор различных ученых работ, памфлетов и статей, которые мы ради экономии места не будем указать здесь. Он также редактор «Older Academy», ежеквартального нью-йоркского журнала, и переводчик «Мистерий» Ямвлиха.

В сноске я даю названия нескольких платоноведческих и других работ под его редакцией. Обвинения выглядят просто абсурдными!

Вполне возможно, что д-р Уайлдер, либо забывал поставить кавычки перед и после отрывков, выписываемых им в свою статью у разных авторов, либо из-за своего очень неразборчивого почерка отмечать их с недостаточной тщательностью. Невозможно по прошествии почти пятнадцати лет вспомнить и проверить все факты. До сегодняшнего дня мне представлялось, что это описание платоников было его собственным, и более ничьим. Но ныне враги углядели цитаты без кавычек и объявили д-ра Уайлдера — пожалуй, еще крикливее, чем автора «Разоблаченной Изиды», — плагиатором и мошенником. Возможно, найдут и большее, поскольку эта моя работа неисчерпаема по части неверного цитирования, опечаток и ошибок, за которые я не могу признать себя «виновной» в общепринятом смысле. Однако, пусть клеветники злословят и далее, но и в следующие пятнадцать лет, как и в прошедшие, они увидят, что чего бы они ни делали, они не в силах ни сокрушить теософии, ни причинить мне вред. У меня нет авторского тщеславия; и годы несправедливых гонений и оскорблений сделали меня совершенно равнодушной к тому, что публика может подумать обо мне лично.

Но ввиду вышеизложенных фактов, а также учитывая, что:

(а) Язык в «Изиде» не мой, но (за исключением той части работы, которая, как я заявляю, была продиктована) может быть назван лишь некой разновидностью перевода моих слов и идей на английский;

(б) Это написано не для широкой публики (что, однако, имеет для меня второстепенное значение), но для узкого круга теософов и членов Теософического общества, которым «Изида» и посвящена;

(в) Несмотря на то, что я с тех пор изучила английский язык в достаточной степени, прежде чем сотрудничать с двумя журналами («Теософист» и «Люцифер»), и в настоящее время я никогда не пишу статью, передовицу или даже просто короткую заметку без того, чтобы подвергнуть свой английский язык тщательной проверке и исправлению.

Учитывая все это и многое другое, я ныне спрашиваю всех справедливых мужчин и женщин, заслуженно ли, и даже законно ли, критиковать с тех же позиций, как работу урожденного американца или англичанина, мои труды — и прежде всего «Изиду»? То, что я утверждаю в них от своего имени, есть плод моего изучения и исследований в области, до настоящего времени остававшейся незнакомой науке и почти неизвестной в европейском мире. Лавры и похвалы за английскую грамматику, за цитаты из научных работ, пригодившихся мне, чтобы использовать отрывки из них для сравнения или для опровержения старой науки и, наконец, за общую структуру томов, я с радостью уступаю всем, кто помогал мне. Даже в случае с «Тайной Доктриной» около полудюжины теософов работали над редактированием, помогая упорядочить материал, исправить несовершенный английский и подготовить книгу к печати. Но ни один из них, от первого до последнего, никогда не станет претендовать на самую фундаментальную доктрину, философские заключения и учения. Ничего этого я не изобрела, а только провозгласила, как была научена; или, цитируя в «Тайной Доктрине» Монтеня (том I, стр. 46): «Я составил лишь букет из избранных цветов и не внес ничего своего, кроме связующей их нити».

Сможет ли хоть кто-то из тех, кто помогал мне в подготовке, сказать, что я не расплатилась сполна за ниточку?

27 апреля 1891 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Мы, нижеподписавшиеся члены Теософского общества (и члены внутренней Эзотерической секции), ручаясь своей честью и репутацией, настоящим заявляем:

Что мы подвергли всесторонней проверке все обвинения и нападки, предпринятые когда-либо против личности и *bona fides* Е. П. Блаватской, и нашли их в подавляющем большинстве совершенно не соответствующими действительности, а в некоторых случаях и сильнейшим искажением реальных фактов.

Более того, принимая во внимание все те обвинения в плагиате, отсутствии систематичности и ошибках, — которые выдвигаются

ныне и которые могут быть выдвинуты в будущем в отношении ее литературной работы, — для блага всех членов Теософического общества и для ознакомления прочих мы делаем следующее заявление:

По причине несовершенного знания Е. П. Блаватской английского языка и литературных приемов, ее работы постоянно исправлялись, переписывались и переделывались в рукописи, а их гранки, исправленные ближайшими «друзьями», были верны лишь в некоторой степени (кое-кто из «друзей» иногда снабжал текст ссылками, цитатами и советами). В результате, в них вкралось множество ошибок, пропусков, неточностей и т.д.

Однако эти работы были опубликованы исключительно с намерением привлечь внимание Западного мира к определенным идеям, без всяких претензий с ее стороны на ученость или литературное совершенство. Для этого ей (часто без возможности проверки) пришлось привести множество цитат и ссылок на исследования, о надежности и основательной изученности которых она никогда не утверждала.

В течение долгого и близкого знакомства с Е. П. Блаватской мы постоянно видели, что она работает не для себя, а на благо и просвещение Теософического общества и остальных, и первой откажется использовать в корыстных целях то, что другие могут считать ее «учением». Хотя из нашего опыта мы знаем как факт, что Е. П. Блаватская — обладатель еще более глубокого «знания», чем то, которое она смогла изложить в своих опубликованных работах.

Из всех этих соображений логически следует, что никакие обвинения не могут несколько поколебать наше доверие к личности и *bona fides* Е. П. Блаватской как учителя. Поэтому в будущем мы не намерены терять время на бесполезные опровержения или отрываться от нашей работы из-за всякого рода нападок, и готовы только повторить наше настоящее заявление.

Тем не менее, мы оставляем за собой право в случае необходимости обратиться к закону.

Джордж Мид; В. Р. Олд; Лаура М. Купер; Эмилия Кислингбори; Е. Т. Стерди; Х. А. В. Корин; Констанция Вахтмейстер; Алиса Лейтон Кливер; Клаудиа Ф. Райт; Арчибальд Кетли; Изабель Купер-Окли; Анни Безант.

УЧАСТЬ ОККУЛЬТИСТА

С самого первого месяца моего прибытия в Америку, я, по загадочным, но, вероятно, объяснимым причинам, начала вызывать ненависть среди тех, кто претендовал на хорошие со мною отношения, если вообще не стремился стать лучшими друзьями. На меня изливались клеветнические измышления, гнусные инсинуации и грязные намеки, поскольку больше двух лет я хранила молчание, несмотря на то, что приписываемые мне и меньшие оскорбления были рассчитаны на то, чтобы возбудить ответную ненависть к людям. Я избавилась от большого количества сплетников, однако, обнаружив, что действительно пострадала в оценке моих друзей, чьим добрым мнением очень дорожила, в дальнейшем выбрала политику уединения. В течение двух лет всем моим миром были мои апартаменты, и в среднем по семнадцать часов в день я проводила за письменным столом со своими книгами и рукописями, в то время считая их своими единственными друзьями. В течение этого периода состоялось множество весьма ценных знакомств с некими леди и джентльменами, которые отыскивали меня, не надеясь на то, что я сделаю им ответные визиты.

Я — пожилая женщина и испытываю необходимость в свежем воздухе, как и другие люди в возрасте, но мое отвращение к лживому, клеветническому миру, который я нахожу за пределами «языческих», нецивилизованных стран, достигло такой степени, что, в итоге, за семь месяцев я уезжала отсюда три раза. Однако эти «бегства» не смогли уберечь меня от анонимного клеветника, пользующегося почтой Соединенных Штатов. Письма, получаемые моим доверенным другом, со-

держали в себе самые отвратительные обо мне высказывания. В совершенно разные времена я обвинялась в: (1) пьянстве; (2) подделке документов; (3) том, что я российская шпионка; (4) что я антироссийская шпионка; (5) что я вовсе не русская, а французская авантюристка; (6) что я попала за решетку за воровство; (7) что я была любовницей польского графа на Юнион-сквер; (8) что я убила семерых мужей; также меня обвиняли в (9) двоебрачии; (10) том, что я любовница полковника Олькотта и (11) какого-то акробата. Можно было бы перечислять еще много обвинений, но я считаю, что их лучше опустить.

Со дня прибытия Вонга Чин Фу эта игра возобновилась с удвоенной силой. Мы получили анонимные письма и кое-что еще, а целые своры газетчиков рассказывали о нас самые неблагоприятные истории. Со своей стороны, он получал о нас сведения, некоторые из которых я, с его позволения, включаю в настоящую статью.

4 мая.

Знает ли ученик Будды нрав народа, с которым он сейчас проживает? Окружение учителя морали и религии должно быть высоконравственным. А что происходит на самом деле. Напротив, они — это люди с сомнительной репутацией, как он может выяснить, обратившись в ближайший полицейский участок.

ДРУГ.

Мне ничего не известно о заслугах или промашках Вонга Шин Фу, если не считать того, что со дня его прибытия его беседы и поведение действовали на меня самым благоприятным образом. Казалось, что он очень преданный делу и восторженный ученик. Тем не менее он — мужчина и способен позаботиться о себе сам, несмотря на то, что он, как и я, иностранец. Однако мне бы хотелось сказать именно так: что я бросаю вызов любому человеку в Америке, чтобы тот выступил вперед и доказал хотя бы какое-нибудь обвинение против моей чести. Я приглашаю любого, кто обладает подобным доказательством, представить эти доказательства в суде, и тогда я сама опубликую их в газетах. Я предоставлю любому список

моих нескольких резиденций и оплате услуги детективов, которые бы прослеживали каждый мой шаг. Настоящим я уведомляю, что если хотя бы еще одно клеветническое заявление дойдет до соответствующих источников, я призову на защиту закон, который, будучи одним из разделов американской национальной Конституции, был создан как для язычников, так и для христианского населения.

С уважением,
Е.П. Блаватская.
Нью-Йорк, 5 мая 1877 г.

МАСОНСКАЯ ГРАМОТА Е.П. БЛАВАТСКОЙ

[ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Нам посчастливилось представить читателям «Register'a» этой недели, уважаемые господа, весьма особенное письмо, подготовленное специально для нашей газеты мадам Еленой П. Блаватской, автором «Разоблаченной Изиды». В своем письме эта дама подтверждает действительность ее масонской грамоты, указание на которую была напечатана в нашем номере от 18 января. То, что немедленно побудило мадам Блаватскую прислать это письмо, это бесконечные нападки на ее притязания на столь исключительную честь, имеющие место и до, и после упомянутой публикации.]

Эта область открыта для ответа на критику; и мы верим, что обязательно появится тот, кто защитит то, что так рьяно и храбро отстаивает.

Этот предмет дискуссии наверняка с первого взгляда окажется заметен даже тем, кто не является постоянным читателем нашей газеты, поэтому мы снова публикуем текст ее грамоты.]

К вящей Славе Верховного Зодчего Вселенной.

Древний и первоизданный Ритуал Масонства, установленный Хартией Верховного Святилища Америки, Великим Советом Великой Ложи Франции.

Приветствие со всех точек Треугольника.

Почтение к Ордену.

Мир, Терпимость, Истина.

Всем Выдающимся и Просвещенным Масонам всего мира — союз, процветание, дружба, братство.

Мы, Трижды-Величайший Верховный Великий Гроссмейстер, и мы, Верховные Великие Хранители тридцать третьей и

последней степени Верховного Святилища Англии, Уэллса и так далее, отмеченные Великой Звездой Сириус и так далее, Великие Командующие Трех Легионов Рыцарей Масонства, облеченные добродетелью и высоким авторитетом, заявили и провозгласили и сим объявляем и провозглашаем нашего выдающегося и просвещенного Брата Е.П. Блаватскую Учеником и Компаньоном, Совершенным Магистром, Верховной Избранной Шотландской Леди, Великой Избранницей, Кавалером Розенкрейцеров, Преданным Магистром, Совершенным Преподающим и Коронованной Принцессой Ритуала Посвящения.

Выдано нашими руками и заверено печатями Верховного Святилища Англии и Уэллса, в Лондонской долине, сего дня, 24 ноября 1877, года истинного света 000 000 000

ДЖОН ЙАРКЕР, тридцать третья степень,
Верховный Великий Магистр.

М. КАСПАРИ, тридцать третья степень,
Великий Советник.

А.Д. ЛЕВЕНСТАРК, тридцать третья степень,
Великий Секретарь.

Издателю «The Franklin Register»!

Считаю своим долгом исправить некоторые ошибки в вашем очень лестном для меня издательском примечании в «*The Register*» от 18 января. Вы пишете, что я получала «очередные степени в Масонских ложах» и достигла высокого звания в этом ордене, а далее добавляете:

Недавно самая старая масонская организация в мире удостоила мадам Блаватскую грамотой тридцать третьей масонской степени.

Если вы любезно обратитесь к моей «*Разоблаченной Изиде*», то обнаружите, что я говорю следующее:

Ни под каким обещанием, ни по обязанности, ни под клятвой, мы не нарушаем доверия, и не станем упоминать о *Западном* Масонстве, критике которого посвящена эта глава; при этом я с полной уверенностью утверждаю, что никогда не достаивалась «очередных званий» в какой бы то ни было За-

падной масонской ложе. Конечно, тем самым, не получив таких степеней, я не являюсь масоном тридцать третьей степени. В частном письме, также напечатанном в вашем недавнем примечании, вы утверждаете, что уверились в этом благодаря некоторым масонам, среди которых есть один, имеющий тридцать третью степень — что подразумевает, что имя этого человека «нельзя упоминать всуе» — потому вы заговорили обо мне. Мой масонский опыт — если вы так назовете членство в нескольких восточных масонских братствах и братствах эзотерических — ограничился Востоком. Тем не менее это не помешало мне быть в курсе — вместе со всеми восточными «масонами» — обо всем, что связано с Западным масонством (включая бесчисленные обманы, навязываемые масонскому братству на протяжении второй половины века), равно как получить грамоту от «Верховного Великого Мастера», о которой вы написали в вашей статье: я имела право называть себя масоном. Тем самым, не утверждая ничего о Западном масонстве, кроме того, что высказано в вышеуказанной грамоте, вы поймете, что ваши масонские учителя должны перенести свою ссору с Джоном Йаркером, мл., P.M., P.Mk., M.Pz., P.G.C., и M.W.S.K.T. и R.C., K.E., P.K.H., и K.A.R.S., P.M.W., P.S.G.C. и P.S., Dai A.D., и P. Ритуалов на другого человека, известного в Англии и Уэллсе, а также во всем мире, как член Масонского археологического института; как почетный член лондонского литературного союза; Ложи № 227, Дублин; Бристольского Колледжа розенкрейцеров; который является бывшим Великим Жрецом Часовни и Храма; членом Королевского Великого Совета по Древним Ритуалам уже с давних пор; хранителем Древних Королевских секретов, Великим Командором Мизраима, Ковчега Моряков, Розенкрейцеров Константинополя, Вавилона и Палестины, Великим Суперинтендантом Ланкашира, Верховным Великим Хранителем Древних и Первоначальных масонских обрядов, имеющим тридцать третью и последнюю степень, и так далее, о чем указано в грамоте.

Итак, ваш друг с «Непроизносимым именем» наверняка усовершенствовал свое духовное восприятие для ничтожных целей в изучении и размышлении «Непроизносимого имени» от четвертой до четырнадцатой степеней этого определенного надувательства, А. и А. Ритуала, если он мог сказать, что хар-

тия Верховного Святилища Америки не позволит никакому авторитетному лицу опубликовать эту грамоту.

Поистине, он живет в Хрустальном Дворце из масонского стекла; и наверное, следит за падающими камнями. Брат Йаркер в своих *«Заметках о ... современном розенкрейцерстве и различных обрядах и степенях»* говорит, что:

Великое Братство Востока, в 1725 году образовавшееся из Великой масонской ложи Англии, работает и признаёт все соответствующие Ритуалы, утверждая представителей вместе с отделениями в Америке и повсюду: 1. Французский Ритуал; 2. Наследственный Ритуал; 3. А и А. Ритуал; 4. Ритуал Килвиннинга; 5. Философский Ритуал; 6. Ритуал улучшения образа жизни; 7. *Ритуал Мемфиса*; 8. Ритуал Мизраима. Все это находится под эгидой великой коллегии Ритуалов.

А. и Р. Ритуалы первоначально были созданы в Америке 9-го ноября 1856 года Дэвидом Макчеланном, Великим Магистром (см. *Королевская масонская энциклопедия* Кеннета Маккензи, с. 43), а в 1862 году они полностью подчинялись Великому Братству Востока во Франции. В 1862 году, Великое Братство Востока *завизировало* и поставило печать на Американской грамоте Сеймура, как Великого Магистра, и оба представительства были обоюдно утверждены до 1866 года, когда отношения Великого Братства Востока с Америкой были разорваны и Американское Верховное Святилище укрепило в своем положении «на груди» у Древнего Сернеарского Совета «Шотландского Ритуала» тридцати трех степеней, как утверждает Джон Йаркер, в труде, процитированном выше. В 1872 году Верховное Святилище Ритуалов учредилось в Англии, посредством Великой Американской организации во главе с Джоном Йаркером, который был Великим Магистром. До настоящего времени законность Святилища Сеймура никогда не оспаривалась Великим Братством Востока, и указания на это можно отыскать в книгах Маркониса де Негре.

Несомненно, обладание тридцать третьей степенью, да еще вдобавок «Непроизносимым именем», звучит весьма величественно; однако прочитаем, что говорит в своей работе *«Древний шотландский ритуал принятия в тридцать третью степень»* сам Роберт Б. Фолджер, М.Д., бывший Магистр тридцать третьей степени:

Что касается других степеней... (за исключением тридцать третьей, которая была изобретена в Чарльстоне), до этого все обладали G.O., но это посчиталось устаревшим.

И далее он спрашивает:

Кем были те люди, из которых состоял этот Верховный Совет тридцать третьей степени? И где они достигали этой степени или права завоевать ее?.. Их грамоты никогда не изготовлялись, как не было ни единого доказательства, что когда-нибудь они становились обладателями тридцать третьей степени на постоянной и законной основе (с. 92, 95, 96).

Этот американский Ритуал, таким образом, проводимый поддельно, отклоняет признание Грамоты Английского Верховного Святилища и, вполне признанный Великим Братством Востока, совершенно не аннулирует мои претензии на масонские отличия. С таким же успехом протестанты могли отказаться называть христианами доминиканцев, поскольку они — протестанты — порвали с католической церковью и учредили свою; это как для А. и А. масонов Америки отрицать действительность Грамоты от английской А. и организации Р. Ритуала. Хотя я не имею никакого отношения к современному американскому масонству и не надеюсь на это, все-таки я признаю высокую честь почтительного отношения ко мне Брата Йаркера; это значит, что у меня остались мои привилегированные права, и мне не требуется признания никаких других авторитетов, кроме авторитета высших масонов Англии, которые в свое удовольствие прислали мне это добровольное и неожиданное свидетельство своего одобрения моих скромных трудов.

Один уже напечатанный отрывок говорит о невежественной грубости некоторых критиков, которые провозгласили Калиостро «самозванцем», а его желание привить восточную философию к западному масонству — «шарлатанством». Без такого союза западное масонство — есть бездушный труп. Как замечает Йаркер в своих «Записках об античных мистериях»:

Теперь, когда масонское братство вступило в силу, оно становится местом сбора мелких масонских императоров и других шарлатанов, которые обманывают своих собратьев и набивают себе карманы из аристократических претензий, которые они присоединяют к нашим институтам — *ad captandum vulgus*.¹

---

¹ В угоду толпе (лат.).

ОНА МЕРТВА, И ВСЕ ЖЕ ГОВОРIT

[В завещании покойной Е.П. Блаватской имелось требование, чтобы ее друзья собирались на годовщину ее смерти и читали некоторые абзацы из «*Бхагавадгиты*» и «*Света Азии*». Это было сделано 8 мая соответственно в Адьяре, Лондоне, Нью-Йорке. В Нью-Йорке среди других интересных тем, затронутых тогда, миссис Дж. Кэмпбелл Кейгтли прочитала, после нескольких вступительных замечаний, выдержки из частных писем Е.П.Б. В ответ на многие вопросы мы напечатать их ниже. Вступительные замечания, будучи импровизированными, цитировались по памяти.]

ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ, ДРУЗЬЯ!

Это первый случай, когда я говорю на людях, поэтому прошу вас извинить мою неопытность, когда я сделала несколько замечаний касательно выдержек из писем мадам Блаватской, обращенных к нескольким знакомым.

Что касается мадам Блаватской, то мир, если использовать выражение Чарльза Лэма, стал «жертвой недостаточного взаимного понимания». Мир не сумел понять ее; и этот промах стал его собственной великой потерей. Среди многих брошенных ей обвинений было одно, доведенное до крайности, и его никогда не упустили сделать; а именно: говорили, что мадам Блаватская лишена Нравственного Идеала. Это совершенно неверно.

Она имела свой идеал; к тому же она обладала восточным почтением к идеалу — почтением, которое неведомо западному миру. Следовательно, мы могли бы ожидать обнаружить в ее учении этот идеал в значительной мере под тай-

ными покровами, и, кстати, на это имеются указания во всем, что было опубликовано по поводу Эзотерической Школы. Что ее идеал всегда присутствовал в ее мыслях и сердце — это видно по выдержкам из ее частных писем к друзьям, что и будет показано.

Суть ее воззрений можно сократить до следующих утверждений:

- Нравственность имеет основу в Законе и в Факте.
- Нравственный Закон — есть Естественный Закон.
- Эволюция происходит ради Справедливости.
- «Фундаментальная тождественность всех Душ со Сверхдушою» приводит к распространению нравственности посредством искусного психического медиума.
- Духовная тождественность всех Существ приводит к Вселенскому Братству — единственному возможному пути для людей, ищущих истину.

Она недоверчиво относилась к воззванию к чувствам. Она понимала, что существующие религии терпят крах именно в чувствах; что современная цивилизация разрушает их; что эмоциональность не является основой для Воли, которая уничтожает все соблазны плоти, — и видела основу в Вере, которая может и должна сдвинуть горы.

А потому она учила придерживаться *научных* убеждений и научного отношения к греху. Учила соблюдать Универсальный Закон, в каждой области, строго противостоять и мстить совершению греха, выказывая свободную волю человека, служащую противовесом утверждению «Мне отмщение, и аз воздам, изрек Закон». Она учила, что ужасная ответственность оккультиста, распространяясь до самого крошечного атома субстанции, вечно запрещала нам давать ответ на вопрос о Каине, который мы слышим ежедневно: «Разве я сторож брату моему?» Она учила, что это давнишний ответ, эхом отдающийся через века, как можно прочесть его в наших библиях: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне из земли».

Она учила справедливости и тому, как на самом деле различать ее; а также Милосердию и Любви. Она так написала об одном человеке: «Он развил в отношении меня сверхъестест-

венную ненависть, а я любила его сильнее, чем он меня ненавидел». Помимо всего прочего, она учила, что «Чистый сердцем познает Бога»; учила этому, как научному факту; доказывала, что так оно и есть, так сказать, как материально, так и духовно, и этого можно достичь через духовные законы, действующие в единой Сущности; и, показывая это, она вселяла в нас воодушевление, более высокое, чем видимые звезды.

Первые выдержки из писем Е.П.Б. датированы 29 ноября 1878 года, и они весьма любопытны из-за того факта, что рассказывают о первоначальном утверждении трех степеней Теософического общества. Этот факт в последнее время очень часто бывает предметом дискуссий.

«Цели и намерения Теософического общества вы найдете в двух закрытых циркулярах (брошюрах). Это человеческое братство, основанное на устранении всех до единой догматических религий, опирающихся на толкование мертвой буквы, и на обучении людей и каждого члена общества верить не только в одного беспристрастного Бога; отказываться от своей (человеческой) власти; считать самого себя единственным Спасителем; изучить беспредельность тайных психологических сил, скрытых внутри человеческой психики; развивать и усовершенствовать эти силы; давать человеку уверенность в бессмертии его божественного духа и возрождении души; заставлять его уважать каждого человека, какой бы тот ни был расы, цвета кожи или убеждений, и доказывать ему, что истины, открытые человеку только высшими людьми (не богом), содержатся в Ведах древних индийских ариев. Наконец, доказать ему, что никогда не было, нет и не будет существовать никаких чудес; что во Вселенной нет ничего «сверхъестественного», а на Земле один-единственный бог — это человек».

«Стать и продолжать оставаться богом после смерти физического тела находится в пределах сил человека. Наше общество не приемлет ничего, что нельзя продемонстрировать сразу. Мы верим в феномены, но не верим в постоянное вмешательство «духов», чтобы производить эти феномены. Мы

утверждаем, что воплощенный дух обладает большими силами, чтобы производить феномены, нежели развоплощенный. Мы верим в существование духов, но многих типов, а человеческий дух — один тип из многих.

Обществу нужны члены, но такие, которые не тратят времени на свои личные дела. Существует три степени членства. На самой высшей, третьей, степени, эти члены должны почти полностью посвящать себя работе Теософического общества...

Каждый человек, имеющий право быть выбранным, должен быть готов быть честным, искренним мужчиной или женщиной, не свободным любовником без обязательств и, в особенности, не *фанатичным* христианином. Мы боремся на смерть с идолопоклонничеством, равно как и с материализмом».

«Из двух непростительных грехов первый — Пексниффское лицемерие. Лучше сотня ошибок по незнанию, глупой искренности и неосторожности, чем *святость*, подобная Тартюфу; это как гробы повапленные, с виду как новенькие, а внутри подверженные распаду и разложению... Это непростительно, это опасно... сомнение — вечное колебание из стороны в сторону, и это ведет человека к несчастью... Одно крошечное мгновение, проведенное без сомнения, скорбного бормотания и отчаяния — вот чего надо добиваться; и это мгновение пролетит для нас в десять раз быстрее. Однако каждый идет к своей собственной судьбе».

«Те, кто отдаляется от наших *живых* человеческих махатм, чтобы встретиться с *Сантариши* — звездными риши, — не теософисты».

«Позвольте мне процитировать несколько слов из очень эзотерически мудрой и экзотерически глупой книги, сочинения некоего одного из старых друзей и врагов: «Гораздо больше радости в Небесном Царстве по поводу раскаивающегося грешника, чем о девяносто девяти святых» — будем же справедливы и предоставим Кесарю кесарево, пусть и несовершенное, даже порочное, соответствовавшее тому, каким, вероятно был Цезарь. «Благословим миротворцев», — изрек

еще один старый адепт, живший в 107 году до Р. Х., и это сказано осознанно и отбрасывает в прошлое прочь нынешний день для МАСТЕРОВ».

«Эзотерическая Секция создавалась как Школа для убежденных теософов, чтобы те узнали намного больше (чем могли бы выучить из опубликованных трудов) об истинных эзотерических догматах... Здесь нет места для приказов или распоряжений, равно как для денег, чтобы их платить или зарабатывать; здесь не было места для моей славы, зато нашлось место для ряда неправильных убеждений, клеветы, подозрений и неблагодарности, которые скажутся в самом ближайшем будущем:¹ но если здесь выучатся ... теософы, которые уже торжественно поклялись в верности нашему учению, то, значит, мне удалось наставить на верный и истинно подлинный путь хотя бы полдюжины человек, и я умру счастливой. Пока с ними не будут проведены все занятия, о которых вы говорили, пока они не будут в точности следовать Мастерам, они *не смогут* достигнуть намеченной цели.² Я могу только указать им путь к тем, чей взор открыт истине, чьи души полны альтруизма, милосердия и любви к каждому существу и кто думает о себе *в самую последнюю очередь*. Слепым ... это учение никогда не принесет пользы. Сотворенные ими «тесные врата» не приведут много людей к Небесному Царству, ни теперь, ни после, не приведут к Будде-Христу в Святилище наших самых сокровенных душ, а выведут к их же собственным идолам на глиняных ногах... Эзотерическая Секция находится не на Земле, и она не земная; она не причиняет вреда эзотерической администрации Лож; она не относится с доверием к *внешней стороне теософии*; она не имеет ни сотрудников, ни персонала; она не нуждается в залах для собраний... наконец, она не требует ни пожертвований, ни денег, ибо, «поскольку я не получала их, я *не должна* делиться этим», и я скорее голодала бы в канаве, чем взяла бы хоть

---

¹ Датировано 1 декабря 1888 г. Последующие события доказали правоту предсказанного.

² Корреспондент Блаватской процитировал письмо «К.Н.» из Симлы в «*Оккультном мире*».

пенни за мое учение о священных истинах... здесь мне, вероятно, осталось находиться только несколько лет или несколько месяцев (Мастер знает), до того как оставить на земле это отвратительное, старое, разрушенное тело; и я готова ответить на зов любого добропорядочного теософа, *работая для теософии следующего по пути, проложенному Мастерами*, и я готова, как розенкрейцерский пеликан, питать мое сердце кровью избранных «Семи». Тот, кто получит свое наследие прежде, чем я умру... дайте ему спросить первым. Спросить о том, что у меня есть, или, скорее, что мне дозволено дать, и я дам».

«Многие названы, но очень мало избранных. Что ж, не надо скорбеть сердцем над пролитым молоком. Ступай куда можешь, а я умру на своем посту, со стягом теософии в руке, а пока живу, я *лихорадочно* надеюсь, что все комья грязи, брошенные в теософию, угодят лично в меня. Во всяком случае, я намереваюсь продолжать защищать величественную истину даже с помощью моего дряблого старого тела до тех пор, пока она существует. А когда я упаду за смерть ради добра, надеюсь, что каждый теософ... в свою очередь продолжит эту работу и защитит знамя теософии. О! Я чувствую такую боль в сердце, оглядываясь вокруг и не видя ничего, кроме эгоизма, личного тщеславия и мелких амбиций. А как же быть с тем, что «солдат не бывает свободным»?¹ Конечно, солдат не может свободно перемещать свое физическое тело всякий раз, когда ему заблагорассудится. Но какое отношение имеет эзотерическое учение к внутреннему человеку? Солдат может быть привязан к своей будке часового, как моряк к своему кораблю, а эго солдата будет при этом свободно и может отправиться куда угодно и размышлять о том, что считает приятным... Ни от кого не требуется взвалить на себя ношу тяжелее, чем человек может вынести; никто не сможет сделать больше, чем может. Человеку действия, независимому и свободному от всех обязанностей, придется идти и идти, подобно миссионеру, чтобы обучать теософии саддукеев и христианских иноверцев. Человек привязан своим долгом к одному месту и не

---

¹ Ссылка на спорное положение о том, что и Основатель Теософического общества видится ей как солдат в армии.

имеет права бросить его, чтобы выполнять другие обязанности, пусть они даже будут намного важнее; ибо первый долг, которому учит оккультизм — это выполнять одну обязанность, категорически отклоняя *все остальные*. Извините за эти кажущиеся нелепыми парадоксы и за «ирландских быков»; но мне придется повторять это *ad nauseam usque* [до тошноты (лат.)] весь последний месяц. «Осмелюсь ли я оставить жену, бросить детей и дом, если я дал торжественный обет?» — спрашивает некто. На что я отвечаю: «Нет, поскольку тому, кто играет такую легкомысленную роль в одном, нельзя доверять в другом. Ни один истинный Мастер не примет к себе в ученики того, кто пожертвовал кем-то кроме себя, чтобы отправиться к этому Мастеру». Если некто не может из-за обстоятельств или положения в жизни полностью стать адептом в этой жизни, пусть готовит свой ментальный багаж для следующей, чтобы быть готовым явиться по первому зову и заново возродиться. Что придется сделать тому, кто сам решил дать торжественный обет, чтобы испытать свой характер до самых его глубин ради самодисциплины — то основано на самопознании. Где-то говорилось, что самодисциплина часто ведет к состоянию самонадеянности, которая с течением времени становится тщеславием и чванством. Я скажу так: тот, кто произнес эти слова, сказал глупость. Это может случиться, когда наши мотивы носят всемирный характер или корыстно-эгоистический; напротив, самонадеянность — это первый шаг к своего рода ВОЛЕ, которая сможет сдвинуть горы. «Твое собственное я станет истиной, и она придет, как ночь сменяется днем, и тогда ты не сможешь стать лживым по отношению к любому человеку». Можно не сомневаться, что Полониус имел здесь в виду мировую мудрость или оккультное знание; а под «собственным я» подразумевал *фальшивое эго* (или земную личность) или такую искру в нас, которая есть отражение «Единого Вселенского Эго».

Но я засыпаю. Мне бы поспать четыре часа... Отнесите ко мне искренне, по-братски... и пусть он попробует ощутить мою старую руку, передающую ему *рукопожатие Мастера*, крепкий захват лапы Пенджабского Льва (не из племени Иуды) через Атлантику. С вечной привязанностью и благодарностью

Ваша Е.П.Б.»

«Жить как кошка с собакой в Теософическом обществе — это категорически против всех Правил и желаний «Мастеров», как и против нашего так называемого Братства и всех его правил. ИМ это противно. ОНИ наблюдают, и в этом взгляде (о, Боже! Если ты мог бы видеть то, что вижу я!) — целый океан скорбного сожаления, презрения и печали... Идеал был испачкан грязью, но поскольку это не золотой идол на глиняных ногах, он стоит и по сей день недвижимый... а профан видит лишь свою собственную грязь, которую швыряет своими же руками и которая создает покров, непроходимый барьер между ними и идеалом... не портя последнего... Надо иметь большое Общество, чем больше, тем лучше; все это наносное и внешнее надо со временем отбросить; а зерно останется. Однако в плохом и злом человеке заложено то же *семя*, что и в хороших людях, — только его намного труднее вызвать к жизни и сделать так, чтобы оно дало ростки. Опытный земледелец беспрестанно разбрасывает семена из пригоршни. Он предоставляет всем им шанс, и даже некоторые наполовину сгнившие семена оживают, когда брошены в унавоженную почву. А эта почва... Посмотрите на меня: универсальное теософическое удобрение — веревка для тех, кто оплетает ее, сделана из льна, посеянного мною, и все, что в нее вплетено, скручено из моих так называемых «ошибок». Так что, если в вашем отборе из десяти случаев вы ошибались девять раз, то в десятый раз вы все же добились цели, и большей, чем многие другие теософы... Эти несколько праведных душ станут ядром для будущего успеха, и их дети станут... Дайте им сеять добро — и тогда неожиданно появившееся зло унесет ветром, как и все другое в этой жизни — в свое время».

«Я — Мать и Создатель Общества; оно обладает моими магнетическими флюидами, и эти дети унаследовали все физические, психические и духовные качества его родителей — пороки, добродетели и многое другое. Тем самым, я единственное колено... способное послужить для этого светлым проводником кармы. Меня спрашивали, когда я пребывала на пороге смерти, хочу ли я этого — и я ответила: «да» — ибо это единственный способ спасти дело. Поэтому я согласна жить — что в моем случае означает испытывать муки физически две-

надцать часов в день и ментально — двенадцать часов ночью, пока я не избавлюсь от своей физической оболочки... Все, что сказано по поводу Калиюги — правда. Однажды, когда я сама предложила себя в качестве козла отпущения, Калиюга признала это сама — в то время как любой другой съезжил бы от страха от подобной вещи — но так уж мне судьбою суждено перегружаться сверх меры в этой жизни больше любого несчастного вьючного осла, тянущего телегу, наполненную тяжеленными камнями. Вы *первый*, кому я это рассказываю, поскольку вынудила себя на признание... У вас впереди обширные и благородные перспективы, если вы, конечно, не потеряете терпения... Попробуйте тогда прислушаться к тихому голосу внутри вас».

«Да, во мне «два человека». Ну и что из этого? Поскольку эти двое в одном — это лишь мое сознание и ответственность — а у вас их нет. Поэтому вы счастливее меня. Я *знаю*, что вы симпатизируете мне, и делаете это потому, что чувствуете, что я всегда отстаивала вас и буду это делать до горького или счастливого конца — тут уж какая мне выпадет участь».

«Его могут обуревать сомнения — а ведь это начало мудрости».

«Что ж, сэр и мой *единственный друг*, кризис близится. Я заканчиваю мою «*Тайную Доктрину*», а вы собираетесь сместить меня или занять мое место в Америке. *Мне известно, что вы добьетесь успеха*, если не впадете в уныние и у вас не опустятся руки; так делайте же это, оставьте правду Мастерам и *Их* теософии и именам... *Да помогут* Они вам и позволят нам послать вам наше благословение...»

«Существуют предатели, сознательные и *бессознательные*. Существует ложь и несправедливость... Поэтому убедительно прошу, не воображайте, что я из-за того, что *держу язык на замке, ибо связана клятвой и долгом*, не знаю, кто есть кто... Я могу не сказать ничего, но тем не менее я могу испытывать омерзение. Но поскольку наши ряды довольно редки и

часто случается так, что самые лучшие носители интеллекта покидают нас один за другим, переходя во вражеский стан, то я говорю: Благословите чистых сердцем, которые обладают только интуицией, ибо интуиция — лучше, чем интеллект».

«Долг — оставим пока в покое счастье — каждого теософа, и особенно эзотерического, это, безусловно, помощь другим нести их ношу; но ни теософ, ни кто-либо другой не имеет права жертвовать собой, пока он *не узнает с полной уверенностью*, чем обернулась его помощь ближнему, а не пожертвовал ли он собою тщетно ради пустой славы абстрактной добродетели... Психическая и жизненная энергия в каждом человеке ограничены. Это как капитал. Если у вас есть доллар в день, а вы тратите два, то к концу месяца у вас будет нехватка в 30 долларов».

«Кто-то не соглашается давать обет не выслушивать без протеста любые злобные слова, высказанные собратом — как будто о нашем божественном Будде или Христе или о каком-либо другом великом посвященном никогда не ходили всяческие слухи! Ах, бедные, несчастные слепцы, не ведающие разницы между словесным осуждением — которое бывает весьма жестоко — и отстранение в молчаливом сожалении от виновного, тем самым наказывая его, но все же предоставляя ему шанс раскаяться в своих поступках. Пусть никто не будет говорить плохо о своем брате без причины и доказательства его нечестивого деяния, и пусть воздержится от всей клеветы и злословия, порочащей молвы и слухов. Пусть ни один человек никогда не скажет за спиною брата, чего он не скажет открыто ему в лицо. Порочащие выпады кого-либо против соседа часто вызывают намного более прискорбные последствия, нежели крупная и грязная клевета. Каждому теософу приходится бороться и сражаться против зла, но он должен обладать смелостью в своих словах и поступках, и то, что он делает, должно прежде всего делаться открыто и честно».

«Каждый обет или обещание способно держаться на четырех столпах: на совершенной искренности, категорической решимости, бескорыстности намерений и *нравственной силе*,

которая и является четвертой подпоркой и уравнивает три других столпа — и это здание весьма ненадежно. Единственное непоколебимое — это торжественные обещания тех, кто уверен в стойкости четвертого столпа».

«Вы что, дети, что так хотите чудес? Неужели в вас так мало веры, что вам нужен постоянный стимул, как затухающему костру необходимо горючее!.. Неужели вы позволите семени великолепного Общества погибнуть от ваших же рук, как больному — от рук знахаря-шарлатана?.. Вам следовало бы никогда не забывать, какая для вас серьезная вещь — наше Общество, чтобы напрочь наши силы и разбудить ужасных часовых, спящих у его порога. Они не смогут *нам* навредить, но способны отомстить за себя, сами броситься на незащищенного неофита. Вы все, как малые дети, играющие с огнем, потому как он прекрасен и красив, в то время как должны стать людьми изучающими философию для своего же блага».

«Если бы среди вас был хотя бы один, кто сам заключал бы в себе эту отображенную идею, то я бы сочла своим долгом уступить ему кресло учителя. Ибо для меня высшей дерзостью стало бы претендовать на обладание столькими добродетелями. То, чем занимаются МАСТЕРА, соразмерно соответствующим им темпераментам и стадиям развития бодхисаттв, парамитам и устанавливается правом на наше отношение к нашим Учителям. Поэтому цель каждого и всех из нас — это стремиться всей силой нашей природы следовать и подражать Им... Также необходимо постараться осознать, что прогресс совершается шаг за шагом, и каждый такой шаг преодолевается путем *героического* усилия. Необходимо избавиться от страха и отчаяния. Пробуждаясь *каждым* утром, постарайтесь прожить этот день в гармонии с Высшим Я. «Попытка» — это боевой клич, которому учитель обучил каждого ученика. Больше *ничего* от вас и не ожидается. *Тот, кто не шадит усилий, может сделать все, что у него попросят.* Однажды случилось так, что даже Будда прекратил жить, как грешный смертный, и сделал свой первый шаг к буддизму. Шестнадцать парамит (добродетелей) существуют не для одних только жрецов и йогов, как говорится, а они остаются об-

разцом для всех, кто стремится к ним... И ни жрецы, ни йоги, ни челы, ни махатмы никогда не пользовались ими всеми одновременно... Мысль о том, что грешники и несвятые собираются тоже вступить на Путь, подчеркивается в “*Голосе Безмолвия*”».

«Я не верю в успех... Теософического общества до тех пор, пока вы полностью не впитаете в себя *Мастера* или меня; до тех пор, пока вы не станете трудиться вместе со мною и с НИМИ, рука об руку, душа в душу... Да, дайте тому, кто откровенно предлагает себя Мастерам в качестве ученика... дайте ему сделать то, что *он может*, если он когда-нибудь встретится с НИМИ... Потом вопросы разрешатся... *Ибо я единственная ответственна за это потомство*. Я единственная должна нести карму, на случай провала и ни в коем случае не ради *награды* в случае успеха... Я понимала, что Т. о., возможно, будет разгромлено, иначе *ради чего я предлагала бы себя в качестве козла отпущения*. Это последнее, что я сделала. Теософическое общество живет, а меня *убили*. Убили мою честь, славу, имя, убили в Е.П.Б. все, что ей было близко и дорого, ибо это тело — МОЕ и я остро чувствую через него... что я заблуждаюсь в моих силах, как Е.П.Б. Я изнурительно в нем трудилась в течение сорока лет, я не разыгрывала партии, рискуя моей будущей наградой, и наделила кармой эту несчастливую внешность, чтобы служить Им без разрешения обладать каким-либо голосом по этому поводу. Е.П.Б. не безгрешна. Е.П.Б. стара, измождена, больна, ощущает боли во всем ее поношенном теле, но однако это лучшее, чем я обладаю на этот период времени. Поэтому следуйте указанным мною путем, а Мастера — позади вас, но не следуйте моим поступкам или моей ДОРОГОЙ. Когда я умру и исчезну в этом теле, тогда вы узнаете всю правду. Затем вы узнаете, что я *никогда, никогда* не притворялась ни перед кем, никого не обманула, но терпеливо позволяла им обманывать самих себя, ибо я не имела права вмешиваться туда со своею кармой... О, все вы — глупые, слепые кроты; кто из вас способен пожертвовать собой, как это сделала я!»

ДНЕВНИКИ Е.П. БЛАВАТСКОЙ

(Крупные числа, встречающиеся в тексте дневника, являются ссылками на пояснения, сделанные составителем и находящиеся в конце Дневника). [Так в тексте. Для удобства мы будем давать ссылки внизу страницы. — *Переводчик*].

[Среди самых ценных документов архивов Адыра хранились множество томов «Дневников» полковника Г.С. Олькотта. У него имела привычка ежедневно записывать все события данного дня, упоминая о людях, с которыми встречался, и вкратце пересказывать различные события, имевшие место. Он постоянно вел подобные дневники по крайней мере с 1875 года и почти до своей кончины в 1907 году. Эти «Дневники» таинственным образом исчезли некоторое время назад, и полковник понятия не имел, что с ними случилось. По этой причине единственные из оставшихся в наличии — «Дневники» за 1878 год. Они особенно интересны, так как только в них имеются записи Е.П.Б. В те дни полковник довольно часто был вынужден оставлять свое дело, и во время его отъездов Е.П.Б. делала различного свойства вставки в эти «Дневник». Возвращаясь, он возобновлял работу над Дневниками. «Дневник» 1878 года дает яркую картину жизни Е.П.Б. и Олькотта в последний год пребывания в Америке перед их отплытием в Индию.

Вставки, сделанные полковником Олькоттом, напечатаны более мелким шрифтом и вставлены в Дневник лишь с 23 октября. Мы сочли целесообразным по возможности сохранить первоначальную пунктуацию, которая порой очень двусмысленна. Никаких исправлений и часто присущих Е.П.Б. особых сокращений нет.]

6 февраля. Визитеры — Хайнеман. — Е.П.Б. и Изаб. Митчелл ¹ заперлись в комнате. Созеран ² привел Ричарда Харта из Нью-Йоркского «Эхо» — тот настаивал, чтобы Е.П.Б. написала передовицу для следующего номера, выходящего в среду. Вход и визиты запрещены. Е.П.Б. пишет своему российскому корреспонденту.

Получены письма: от Е.К. ³ — к Молонею ⁴ — посылается астральное письмо. Д-р Блод признает свою ошибку, касающуюся его нападок на Е.П.Б. при получении ею диплома, а Созеран пишет письмо в «Vannet».

7 февраля. Целый день Е.П.Б. пишет письма. В четыре часа приходит д-р Блод, — он собирается на обед с Парис, Уимбриджем ⁵ и Джоном Маршаллом, гравером. Письмо из Бостона от М.: Младш. ⁶ Извещает, что вернется домой рано

---

¹ Миссис Изабель Б. Митчелл (Изабелла Булоид, родилась 23 февраля 1835 г.; вышла замуж в мае 1860 г. за У.Х. Митчелла. Она была самой старшей сестрой полковника Олькотта, к которой он всю свою жизнь имел глубокую привязанность.

² Чарльз Созеран — один из первоначальных «основателей» Т.о. Под тем же именем он имел связь с лондонскими книгопродавцами, в том числе Sabin & Sons, книгопродавцами из Нью-Йорка и литературно был связан с их журналом «*The American Bibliopolist*». Созеран обладал весьма своеобразным нравом. Через три месяца после основания Общества начались неприятности, поскольку Созеран произносил очень вспыльчивые речи на уличных политических митингах и писал ожесточенные статьи, направленные против Е.П.Б. и Общества. Была принята его отставка, и для своей защиты Общество стало применять тайные знаки и пароли. Позднее Созеран извинился, и ему было возвращено членство. Он предоставлял полезную помощь Е.П.Б. во время написания «Разоблаченной Изиды» и выпускал маленький и недолго продержавшийся журнал «Эхо», в который Е.П.Б. написала пару статей. После отбытия Основателя в Индию его имя больше не упоминалось.

³ Эмили Кислинборо.

⁴ Прозвище, которое Е.П.Б. дала полковнику Олькотту.

⁵ Эдвард Уимбридж.

⁶ Частая привычка полковника Олькотта таким образом ссылаться на себя самого.

утром в пятницу. Уимбридж приносит «Лондонские иллюстрированные новости». — Среди портретов имеется портрет Холкара и несколько портретов, сделанных самим Уимбриджем.

2 письма от Н.А. Фадеевой¹ — Одесса. Е.П.Б. 4 фельетона безвозвратно исчезли. Просят написать другие. Письмо от Бонди. Примиренческое и глупое. Пакет от Сат В'хай² от Йаркера.

Скончался Поуп. — Паника в Англии. Русские в Константинополе. Горчаков втирает очки Дизраэли. — И .: !!!³

8 февраля. Мол. Дома, привез объѣтыя из Бостона. — Вечер. — Созеран. Мисс Коуле [Вступление Г.С.О. после вступления Е.П.Б.: Мисс С. Эмма Коуэлл, д. 227 по Восточной 20-й улице]. Письмо от Дэйви, — *Дух Времен*, приносит извинения из-за ревматизма. *Первый* визит Холкара. Негодование Мола из-за профанации пещер Элефанты.

9 февраля. Е.П.Б. добавляет постскрипtum к письму, отправляемому к Харричанду Чинтамону.⁴ Запрос насчет Холка-

---

¹ Мисс Надежда Андреевна Фадеева [де Фадеев] (1829-1919), любимая тетушка Е.П.Б., сестра ее матери, которая была старше ее всего на два года. Многие из ее писем находятся в архивах Адыяра. Некоторое время она находилась в Совете Т.о. Скончалась в Праге, Чехия, так и оставшись незамужней.

² «Семеро Братьев» — тайная организация, существовавшая в то время в Индии, имела ритуал, чем-то похожий на масонский. Джон Йаркер, который выписал Е.П.Б. сертификат на «Обряд Посвящения», очевидно имел копию ритуала Сат в'Хай и послал его Е.П.Б. В то время церемония принятия в Т.о. была в точности расписана, но в этом плане больше ничего не делалось.

³ Брат-адепт, известный как Хирарион, Иларион и Хилларион Смердис, который, помимо всего прочего, сотрудничал с Е.П.Б. при написании ею оккультных историй.

⁴ Харичандра Чинтамон был бомбейским представителем Свами Дайананда Сарасвати, главы Арья Самадж, основанного в 1875 году. Т.о. в Нью-Йорке объединилось с этой организацией и временно выпускало дипломы со словами: «Теософское общество Арья Самадж Арьяварта». Позднее произошли резкие изменения, которые кратко описаны в Добавлениях к «*Теософисту*» за этот период, и

ра и Бхурптура. Письмо из «Franklin Register». Сегодня St.¹ отправил 50 копий!! ответа Е.П.Б. масонам. Rel.Ph.² полон писем, в которых нападки на О.С.

11 февраля. Письма от Е. Кислингборо к Е.П.Б. Письмо к Молонею от М.А. Оксона³ — (ответ на его последнее). Стюарт (Франклин) из «Журнала Провиденса» прислал статью о масонстве. У. Митчеллу выслано 2 газеты, чтобы переслать в Бомбей Харричанде. 3 фельетона для «Pravda».⁴ Письмо и портрет Н.А. Фадеевой, — сохранившиеся полностью.

В 6 часов звонил Д. Кертис — он был в 4 часа на званом обеде. — Розетта работала целый день. Ответила Эмили — и Н.А. Фадеевой. Кертис и миссис Митчелл. — Харрис принес свой портрет.⁵ Ушел в десять — тут явился д-р Уайлдер.¹ —

ассоциация Арья Самадж полностью отделилась. Много по этому делу можно найти в примечаниях к «Старым страницам дневника» полковника Олькотта, том I. [В «Дневниках» он регулярно упоминается как Hurguchund и Харри (быстрый) Чанд. — *Прим. пер.*]

¹ Джеймс М. Стюарт, издатель «Franklin Register», Фраклин, Массачусетс.

² «Religio-Philosophical Journal», издаваемый в Чикаго, Иллинойс.

³ «М.А. (Оксон)» — псевдоним преподобного Уильяма Стэйтона Моисея (или Мосейна), в то время издателя спиритического журнала «Свет» («Light») и очень хорошего друга Основателей. Он консультировал полковника Олькотта при написании тем «Старых страниц дневника», том I, по разным вопросам.

⁴ «Pravda» («Правда») — ежедневная газета, издававшаяся в Одессе, Россия, в 1877-1880 гг. Ее издателями были Иосиф Доливо-Добровольский и К.Е. Розен. С самого начала 1878 года Е.П.Б. писала для этой газеты некоторое количество «Писем» под общим названием «Из-за моря, из-за Синего Океана».

⁵ Мсье Харрис, француз, жил в Нью-Йорке и дружил с Основателями. Он был художником-любителем. Как-то вечером Е.П.Б. попросила его нарисовать голову вождя индусов, и он нарисовал ее просто по памяти. Очевидно, с молчаливой помощью Е.П.Б., стоявшей рядом с ним, Харрис сделал рисунок в черно-белых тонах: это был первый портрет Мастера М., когда-либо написанный. После того как портрет был закончен, на нем вскоре была поставлена зашифрованная подпись Мастера. Для более подробного ознакомления с этим

Остался на всю ночь. Мистер Митчелл заболел. — 1-й день белошвейки (?).

12 февраля. Письма — из Франклина — присланы в виде вырезок из газет — и реклама сражения Е.П.Б. с масонами.

«Спиритуалист» от 1 февраля и номер «Спиритуалиста» от 25 января. 2-ой день белошвейки.

Вечерние визиты — Созеран, миссис Винчестер. — Миссис Амз, миссис Оливер. — Уимбридж и — мисс Бэйтс. Находились до 3 часов. — Прибыл Олькотт.

13 февраля. Олькотт прибыл в 8 часов утра. Разбудил Е.П.Б. дверными колокольчиками. Письмо от О'Донована, извещающее о его визитах. Письмо от Уимбриджа по поводу *l'Inde des Rajahs*.² Е.П.Б. ушла вместе с А.Б.М.

8 июля. В 10 часов пришла к мадам Маркетт,³ которая происходит из старинного рода Св. Ордена, чтобы она выступила для Е.П.Б. свидетельницей. Пошли оттуда в муниципалитет. Предъявили наши притязания на натурализацию и потребовали, чтобы нас немедленно объявили «гражданами». Е.П.Б. поклялась вечно любить, обожать и защищать Конституцию Соединенных Штатов, отречься даже от толики лояльности к Русскому Императору, и — стала «Гражданкой» Со-

---

событием см. «Старые страницы дневника» полковника Олькотта, том I, с. 370-372.

¹ Д-р Александр Уайлдер (1823-1908) — известный врач, человек с глубокими познаниями в области древних языков и философских наук. Оказывал помощь при подготовке «Разоблаченной Изиды».

² Вполне вероятно, что имеется в виду опубликованная незадолго до того работа Луи Росселе под названием «L'Inde des Rajahs. Voyage dans L'Indie Centrale». Париж, 1875.

³ Д-р Л.М. Маркетт, женщина-врач, которая познакомилась с Е.П.Б. в Париже в 1873 году, где она останавливалась вместе со своим кузеном Николасом фон Хан и его другом М. Лекесом, который очень близко ее знал. Чтобы узнать свидетельство д-р Маркетт касательно характера Е.П.Б., см. «Старые страницы дневника» полковника Олькотта, том I, с. 27-28.

единенных Штатов Америки. Получила документы о натурализации и счастливая ушла домой. Написала статью для «Vuestnik».¹ Г.С.О. пришел домой пообедать, а потом отправился по железной дороге в Олбани на беседу с Гартманном. Сказал, что возвратится он послезавтра. Сразу после его ухода явился генерал Даблдэй² и оставался до половины девятого. В 10 часов вернулись Дженни с сестрой, чтобы лечь спать.

9 июля. «Press», «World», «Times», etc. сообщают о гражданстве Е.П.Б. В 12 часов «Graphic» прислали репортера, чтобы он интервьюировал нашу компанию. Миссис и мистер Чевич³ явились отобедать, а с ними Марбл и Уимбридж. Ве-

---

¹ «*Russkiy Vestnik*» («Русский Вестник») — хорошо известный ежемесячный русский журнал, публиковавшийся в Москве. Он был основан выдающимся журналистом и политическим деятелем М.Н. Катковым в 1956 году. Именно в этом журнале были напечатаны «Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена, на Голубых горах Мадраса» и «Дурбар в Лахоре».

² Генерал Абнер Даблдэй (1819-93) — весьма значительная фигура в Гражданской войне, а также основатель баскетбола. Он был вице-президентом Т.о. и близким другом Е.П.Б., полковника Олькотта и У.К. Джаджа.

³ Миссис Хелен фон Шевич была старой подругой Е.П.Б. Она была писателем и вела светскую жизнь; родилась в Мюнхене 21 марта 1845 года и была дочерью барона фон Дённигса (его фамилия произносится также как «Тённингс»); ее мать была образованной еврейской дамой. Первый раз Хелен вышла замуж за румынского боярина Янко фон Раковича, который вскоре скончался; затем — за актера Сигварда Фридмана, с которым через некоторое время развелась; затем вышла замуж за Сержа фон Шевича, русского, это произошло около 1875 года. К несчастью, Хелен покончила с собой 3 октября 1911 года в Мюнхене. Похоже, причиной ее самоубийства стала дуэль и смерть Лассалья. Несмотря на сумасбродный характер и то, что Хелен была весьма темпераментной женщиной, она глубоко интересовалась теософией и писала Е.П.Б. о своих опытах в весьма дружеском и понимающем тоне. См. ее работу, озаглавленную «*Wie Ich Mein Selbst Fand*» (С.Н. Schwetschke und Sohn, Berlin: 2nd ed. M. Altmann. Leipzig, 1911), опубликованную под ее именем фон Чевич. Английский перевод ее работы, сделанный Сесилом Маром, опубликован изд-вом «Constable & Co.», London, 1910, под именем *Принцесса фон Ракович*. Автобиография. С. 349-355 и 391 касаются

чер — Кларк из Вашингтона и О'Салливан. Телеграмма от Г.С.О., извещающая о его возвращении из Олбани. Е.П.Б., уступая надоедливости О'Салливана, вырвала у него локон *черных волос и отдала его ему.*

10 июля. Г.С.О. прибыл в 9 часов. Паспорт, присланный из Вашингтона, содержал ошибку в написании его имени. Г.С.О. отнес его обратно в город. В 11 часов утра стоит тропическая жара, 89 град.

4 августа. Ходили купаться. Г.С.О., Э.У. Макграт и Е.П.Б. Последняя спровоцировала последнее прощальное восхищение у благочестивых хтианцев, потому что курила на пляже. Вечер провела с Дженнигс и миссис Кос... (?) в отеле «Гардинер». Е.П.Б. подарили портрет «Кокни». Легла спать в 1 час. Уимбридж писал письмо к Харричанде.

5 августа. Встала в 4 часа утра. Г.С.О. и Макграт сели на поезд до Нью-Йорка. Письмо от Е.К., в котором она выказывает претензии и обиду на то, что Олькотт написал ей по поводу С.К. Блейка.¹ Г.С.О. получил письмо от профессора Уилда.² Вечером ужин, У.К. Джадж согласно указаниям и Уимбридж. «Инду Пракаш», полученный из Индии, и памфлет «Ответ диа-Нанда с вами³ своим критикам». Итальянская газета от Отто Александера⁴ с Корфу со статьей о фестивале Мазини и пафосе «Фанфуллы», вызванным Менелао.⁵

Е.П.Б. Выдержки из немецкого оригинала ее работы опубликованы в переводе в «Теософском ревю». Том XXIX, январь 1902, с. 386-388, 470-471.

¹ Д-р К. Каптер Блейк, похоже, на некоторое время посвятил себя теософской работе, и был членом иезуитского ордена, когда отсоединился к Т.о. Позднее он был исключен из Общества. См. «Письма махатм» и т. д. Подробнее об этом — письмо № LIV.

² Д-р Джордж Уальд из Эдинбурга.

³ Свами Дайананда Сарасвати из Арья Самадж в Индии.

⁴ Отто Александер, один из первых членов Т.о., резидент Общества на Корфу, Греция.

⁵ Паскуале Менелао, Президент Ложи Т.о. в Корфу, основанной в 1877 году.

6 августа. Олькотт отбывает в Олбани. Из Одессы получен словарь. Е.П.Б. получила письма от Моолджи Такерси,¹ от Харричанды Чинтамона и Шаджи Кришнавармы.² Х.Ч. прислал целый сверток книг 6 философов. — Письмо от Г.С.О. к Х.Ч., внутри которого письмо Уимбриджа, присланное Свами и Арья Самадж. Уимбридж, потом Макграт и наконец Джадж отправились спать. Макграт довольно серьезно намекнул, что хочет присоединиться к нам и отправиться в Индию.

Г.С.О. получил от Г.С.С. памфлет о бхуте и письмо.

7 августа. На обеде был Уимбридж. Вечером Парис и мистер Тоуз.

11 сентября. Уимбридж готовил портрет Е.П.Б. для гравировки. — С нами обедала Марбл. После обеда — Маккарти, Сэмюэлс, который хочет присоединиться к нам, миссис Морелл и Стоун (каменный духовно). Получен памфлет от Харри Ч. посредством Южной леди — его «старой подруги». Она — христианка.

---

¹ Полковник Олькотт упоминает о знакомстве с ним во время одного из своих ранних путешествий, еще до того, как он познакомился с Е.П.Б. Основатели начали переписываться с ним в 1877 году.

² Пандит Шаджи Кришнаварма был человеком очень деятельным и неподкупным, искреннего характера. Он родился в 1857 году и одно время общался с Арьей Самадж. Именно он прислал Основателям в Нью-Йорк английский перевод «Правил» Самадж, именно он привел их к отмене Резолюций Совета относительно слияния Т.о. с обществом Свами Дайананды. Вскоре после того, как Основатели обосновались в Бомбее, Кришнаварма уехал из Индии в Оксфорд, Англия, где читал лекции о Востоке в колледже Баллиоли. После принятия этого решения он серьезно консультировался с Е.П.Б. и полковником Олькоттом. И за невероятно короткий срок он выучил латынь и греческий, а также сдал сложнейшие экзамены по юриспруденции и политической экономии. Его назначили лектором по санскриту, Маратхи, Гуджарат, и он стал ассистентом профессора сэра Монье Монье-Уильямса, который с самого начала спонсировал его прибытие. По возвращении в Индию его приписали к Деваншипу, штат Джунагад. (См. «Теософист», IV, ноябрь 1882, с. 27 и июньское Дополнение, 1883 года, с. 12; том V, октябрьское Дополнение, 1883, с. 14; и XVI, март 1895 г. с. 403-404).

9 октября. Весь день не смолкал дверной колокольчик. Приходила миссис С. Дэниэлс и оставила после своего двухчасового пребывания сплошное беспокойство. Зашел О'Донован со скульптурой. Миссис Д. Занималась любовью с О'Д., и последний возвратился к нам. Здесь, у нас, он и отобедал. Она приходила посмотреть, что ее муж не умер. Вечер. О'Д и У. с Е.П.Б. одни. Письма к Г.С.О. и Е.П.Б. с портретами и официальным письмом от Липпитта.¹ Согласен вступить в Братство. Пишу письмо преподобному Айтону, Оксфорд, Дом священника. — Письмо от Стейтона Моисея. Чепуха.

Невралгия!!!! Да не возбоямся ее этой ночью.

10 октября. Е.П.Б. написала статью для Петербурга. — О'Донован целый день. Миссис О'Грэди пришла на обед. — Письмо от Рошелль, от ван дер Линдена.² Они полны энтузиазма и уже готовят свою лепту в 1.25 доллара, которую ежемесячно отправляют Арья Самадж. Спрашивают, должны ли они учить санскрит или пали. Им известно, что преподобный Хойсингтон — слепой лектор. Согласны с ним, что надо проповедовать и распространять Брахму на Западе. Письмо от Эванса (Филадельфия). Ему хочется, чтобы Общество распорядилось насчет значка (эмблемы) для него, но это слишком скупое. Спрашивает, как раздобыть побольше. Отвечаем и отсылаем его к Г.К.О.

Вечер. О'Донован, О'Грэди, Уимбридж, миссис Дэниэлс и Айр. Все расположились в гостиной. Читали статью. Миссис Д. принесла свою картину. Послали Теос. циркуляр преподобному Скуддеру, Бруклин, и читали приветствие на тамильском языке, прибывшее в конверте.

11 октября. Статья. — О'Донован и штукатурка. Он приделал к носу Е.П.Б. шишку. Обедал у нас. После обеда явился

---

¹ Генерал Фрэнсис Липпитт (1812-1902) — выдающийся американский военный и преподаватель юриспруденции. Был другом Лафайета и де Токвилля, которому помогал в подготовке его работ. Был рьяным спиритистом и большим другом Основателей.

² Отец и сын С.Х. Ван дер Линден и Петер ван дер Линден, которые вместе оставались преданными членами Т.о. в Америке до своей смерти.

Кертис, чтобы закончить статью о нахождении пепла Палмы. Он писал ее в кабинете (чулане). Закончив, заснул. Потом приступил к следующей.

Для Уимбриджа отсутствие писем к нему от Г.С.О. вызывает великое изумление. Она сказала ему, что Е.П.Б. видела, как он идет, а вокруг него расплывается оранжево-золотая аура. О'Донован завершил свой *барельеф* и понес его домой.¹

Невралгия!! Черт возьми! А всё из-за преждевременного выноса и продажи ковра. Чертова Д.!

Е.П.Б. писала миссис Корсон.² Не стоит представлять ее мадам фон Вэй, поскольку бедный Витгенштейн³ скончался, а она его дальний родственник.

12 октября. Письмо от человека, достаточно наглого, чтобы подписываться М.: Младший!!!! Что дальше? Предсказание сбылось. Письмо от Е.К., письмо циркулярное, высланное из Константы в Смирне, и рекомендовано им для «Теософиста». Отлично! Капитан Бартон,⁴ избранный *брат* Т.о. в Великобритании. Внезапно появляется Джадж.

Вечер. Пришел Уайлдер и отобедал. Ушел в 9 часов. Е.П.Б. беседовала наедине с В. до 2-х часов ночи. Он признаётся, что разглядел в ней *три разных* личности. И он это *знает*. Не хотелось бы рассказывать это Олькотту из опасения, что Г.С.О. будет над ним подшучивать!!!!

---

¹ Его репродукция появилась в качестве фронтисписа «Старых страниц дневника» полковника Олькотта, том I, но его иллюстрация в бронзе находится в Адьяре, очевидно, скопированная с оригинала. Имя Е.П.Б. на тамильском, по-видимому, добавлено, когда делалась копия в Индии.

² Каролина Роллинз Корсон, жена профессора Хирама Корсона из Конуэлльского университета, Итака, Нью-Йорк. Оба были близкими друзьями Е.П.Б. еще много-много лет назад. Она родилась во Франции и получала образование как у себя на родине, так и в Германии. Не считая ее переводных работ, она также написала множество ценных статей о Фаусте, Макиавелли, Викторе Гюго и других.

³ Принц Эмиль-Карл-Людвиг фон Сэйн-Витгенштейн.

⁴ Капитан Ричард Фрэнсис Бартон (1821-1890), британский исследователь и востоковед, знаменитый переводчик арабских «Сказок 1001 ночи».

13 октября. Дженни уходит в 7 часов, оставив Уим. прощальную записку. «Призвана для важного дела. Вернусь завтра». Это не завтрак — Уим. варит два яйца и готовит кофе. В 10 пришла Том.¹ Ушла в 1 час вместе с Уим. — Уимб. возвратился в 3 часа. Марбл. Приготовлен холодный завтрак. В 8 часов Уим. ушел, чтобы встретиться с Том в театре и послушать Вильгельми, скрипача. Пришел Луи. Затем — мистер, миссис и мисс Лаи. Е.П.Б. писала ответ «Sun» в это пользующееся дурной славой издательство, которое могло нанести вред Г.С.О., вынудив Кали² придрататься к нему, а хтианцы отказали ему в деньгах.

Вечер. Бачелор, Майнард, Уинг, миссис Паркер³ принесли три скульптуры д-ра Пайка, — У.Х. Прюден и миссис Э. Халлет из Бостона. Пайк посмотрел на Е.П.Б. несколько раз и сказал, что во всем мире никто не производил на него такого впечатления. То он видел в Е.П.Б. 16-летнюю девочку, то столетнюю женщину, а потом — мужчину с бородой! Уим. и Том вернулись из театра в 11 часов. Том сразу принялась болтать с У. и О'Донованом в гостиной, и так они проболтали до пятнадцати минут четвертого ночи. О'Донован принес форму для отливки и портрет миссис Винчестер!!!! Завтра надо это исправить. Боюсь за Г.С.О. и его дело.

Лаки, очевидно, напился.

14 октября. Великолепные новости! Письмо от Массея⁴ и Биллинга.¹ К.К. Блейк на последней теософической встрече

---

¹ «Том» — мисс Сара Коуэлл из Нью-Йорка, актриса.

² Прозвище жены полковника Олькотта. Она — Мэри Эппле Морган, дочь преподобного Ричарда У. Моргана, доктора богословия, ректора приходской церкви Святой Троицы, Нью-Рошелль, Нью-Йорк. Полковник женился на ней 23 апреля 1860 года.

³ Полковник Олькотт описывает ее в своих Дневниках как «ирландскую леди, агитирующую за Права Женщин и т. п.».

⁴ Чарльз Карлтон Массей — английский барристер и литератор, остро интересовавшийся спиритизмом. Он был один из способнейших метафизиков Англии, яркий и усердный писатель о психических феноменах. В 1875 году он посещал США и ездил в Читтенден, Вермонт, чтобы лично засвидетельствовать правдивость отчетов полковника Олькотта касательно феномена Эдди. Массей стал одним из

обвинил нас в Нью-Йорке и Арья Самадж в том, что мы практикуем преклонение перед Шивой — исполняя Линга и Сакти пуджи!!!! Что же будет дальше? Написала С.С.М., а Уим. также написал письмо, в которых мы выразили свое недовольство. Написала Г.С.О., чтобы он приезжал домой. Е.П.Б. написала Е.К. — и это письмо будет последним.

Если Г.С.О. не готов, *МНЕ* придется ехать.

О'Донован обедал и *требовал* пива.

Вечер. Макграт и его проницательный Доктор — женщина весьма приятной внешности. Звонила мисс Лаки. Е.П.Б. написала Гарри С.С. и отослала копию письма от Массея. Пусть он ему ответит.

15 октября. Е.П.Б. написала Биллингу и Томасу — отвергая клевету, и назвала Картера Блейка «злым лжецом». Потом два часа Е.П.Б. гуляла по улицам, чтобы подышать свежим воздухом.

Г.С.О. удалось написать по-французски на почтовой открытке. Сначала написал *mille* (*тысяча*), очень правильно, потом перечеркнул и поставил *mil*, что неверно. Его начальное вдохновение всегда правильнее. Послала Г.С.О. письма Массея и Биллинга. РАСПОРЯЖЕНИЯ, полученные для него, чтобы организовать митинг протеста, реальность это или фантазия. От его подчинения зависит очень многое. Г.С.О. надеется получить 5000 долларов.

Вечер. Кертис и Вайсс. Выглядит нездоровым. Е.П.Б. опасается, что он не протянет долго. Закончил свою книгу и в ней три раза упоминает об «Изиде» Е.П.Б.; называет ее одним из величайших произведений 19-го столетия.

Е.П.Б. послала Массею, в Клуб «Атенеум» в Лондон, телеграмму: «Инфернальная ложь!!!!», и заплатила 5 долларов золотом. Деньги предоставил М.:

первоначальных «основателей» Т.о. Но спустя несколько лет дружбы между ним и Основателями возникли разногласия. Он сложил с себя обязанности, когда Общество психических исследований начало нападки на Е.П.Б. и якобы выставило против нее опасную улику. Скончался в 1905 году.

¹ Д-р Гарри Дж. Биллинг.

16 октября. Письмо от Г.С.О. Он еще не получил заказное письмо с письмами Массея и Биллинга. Распорядился написать им. Явился М.: и что-то бессвязно говорил. Что ж, меня это не удивляет.

Написала письмо Г.С.О. и Диттону.

Перед походом в театр заходила Том и обедала.

Вечер. Писала письмо Х.С.С. о вероисповедании. Миссис Эстер Халлет, д-р Пайк, У.Х. Прюден и мисс.....?, подруга мисс Моначези. Хочет вступить в Т.о.

После полудня передала в «Данлоп Экспресс Компани» «Изиду» с рекомендательным письмом от Кертиса к Данлопу. Заходил У.К. Джайдж. Ушла вместе с ним и не заметила, что Данлоп беспечно оставил «Изиду». Отправка срочной почтой до Парижа обходится всего в два доллара?? Совершила поездку с ветерком туда и обратно. Видела Таусенда.

17 октября. Письмо от Боутона, в котором он требует портрет. Все готово. Письмо от Хойсингтона и Харричанды к Олькотту. Марбл принесла свой портрет и отобедала. Прежде пришел Кертис и собрался остаться на всю ночь. Пишет статьи для «Star» о кремации. Писем от Г.С.О. *nem.* Обнаружена почтовая карточка на французском языке от... Г.С.О., по-видимому, полученная в понедельник, которую Дженни забыла мне передать. Уимб. нашел ее на кухне. О, Америка, о, эти американские слуги! Е.П.Б. получила газету из Австралии «Avoca Mail» с ее статьей — переводом из Аксакова о Цёльнере и Слейде.¹ Отослана Литонером или что-то в этом роде.

Если Г.С.О. не напишет, мы его убьем, бессердечный негодяй!

18 октября. В «Sun» появилась статья Е.П.Б. вместе с тупой редакционной статьей. Письма от Г.С.О. к Массею и К.К. Блейку. Он телеграфировал Джайджу, что прибудет через полчаса после получения телеграммы. — Пришла миссис Дэ-

---

¹ Эта статья А.Н. Аксакова называется «Научная гипотеза, касающаяся феномена медиумизма», переведена Е.П.Б. и опубликована в Австралии в «Avoca Mail and Pyrenees District Advertiser» 27 августа 1878 года.

ниэлс и пыталась выслать бланк заявки к Хайдену, издателю в Провиденсе. Я написала ему за 5 долларов. Главная возможность всегда первая. Пришла Том и нарушила мой отдых. Поужинала. Ушла. Уплатила доллары за инициацию.

Вечер прошел с Уимбриджем. Обсуждали путешествие в Индию. Письмо от Блодса с поздравлениями за статью в «*Sun*».

19 октября. Письмо от Е.К. и от Г.С.О. к Свами. Е.П.Б. написала свое объяснение Массею. Мисс Поттер, высокая, молодая, умная, дочь миллионера, явилась с пригласительной карточкой от Е.К., Лондон. Настойчиво добивалась встречи со мной. Полжизни прожила в семье Герберта Спенсера. Знакома с Гёксли и Тиндалем. Интересовалась теософией, к спиритизму относилась с сомнением. Она и ее ВОСЕМЬ сестер — все материалистки. Герберт Спенсер читает «*Изиду*» и находит некоторые страницы прекрасными, как и *новые оригинальные* мысли. Она собирается написать ему о Е.П.Б. Говорит, что Е.К. находится полностью под влиянием К.К.Б. Колби и какой-то спиритический *идиот* просидели три часа. Колби нежный и приятный, как сахар. Хочет, чтобы мы послали газету в Индию.

Обед. Том и О'Донован. Е.П.Б. в прескверном настроении. Таунсенд принес письма от Джаджа. Послали за Майнардом, после чего они сидели до 1 часа. *Саддаршана Шинтананика* проезжал через Бомбей и Гонконг!!!! к Г.С.О. и Е.П.Б. Я бы сказала, что нам следует послать им денежное пожертвование.

20 октября. Статья Кертиса в «*Sun*» о «Прахе барона». Отослана Харри С.С., преподобному Мохоттивати,¹ Отто Александеру, и т.д. Послали копии официальных писем к Харри С.С., а Массею — наши возражения. Отдали все Майнарду, чтобы он отправил это по почте. — Хороший Собрат. — До обеда — Марбл. После обеда мистер и миссис

---

¹ Преподобный Мохоттивати Гунананда, главный буддистский священник Дипадуттамы, Вихара, в Коломбо, Цейлон, и член Генерального Совета Т.о.

Эванс из Филадельфии, миссис Паркер, — Линда Диец, — Кертис, О'Донован, Майнард и Том. Том купила сову и заплатила за нее. Эванс сказал, что дело Г.С.О. продвигается очень хорошо. Он обедал у Метьюсов, и теперь у него есть перспектива работы за 200 долларов. Хорошая работа. Линда Диец хочет присоединиться к теософам. Отослали 5 долларов Тома Харри через Майнарда. Ничего не могу поделать, но я рассказала Уимб. о том, что чувствую, когда Г.С.О. приезжает домой: его аура очень близко. Он должен прибыть около 2 часов, поэтому мое предсказание не для субботы. Что ж, увидимся завтра. Уимб. считает, что нет.

21 октября. Писем от Олькотта нет. «Спиритуалист» объявил о смерти принца Э. Витгенштейна и полностью опубликовал наши *Правила* Арья Самадж без всяких комментариев.

«Sun» немного нападает на «Прах барона», но выражает это скорее в льстивых тонах, нежели в обратном смысле.

Телеграмма от Молоней. — Ночью он намерен уже спать дома. Значит, я была права, когда чувствовала старого приятеля рядом. Атмосфера со МНОЙ не согласна. В отношении Е.П.Б. то все великолепно.

Письма из Индии, от Х.С.С. к Е.П.Б., к Уимб. и Г.С.О. Письмо от Молджи к Е.П.Б. и газеты. Дорогой Х.С.С., это он никого не одурачивает. Книги в целостности и сохранности. Г.С.О. возвратился из Филадельфии. У него далеко идущие планы и надежды.

22 октября. Вместо того чтобы приступить к делам в 9 часов — Г.С.О. ушел в 12. Нанесли визиты — миссис Халлет и мистер Кто-то. — Никого не принимали. Сейчас нам не до них. Пришел О'Донован и вместе с нами пообедал. После обеда — Хариссе. — Е.П.Б. оставила всех в гостинной и удалилась с Г.С.О. в библиотеку, чтобы написать письма. Г.С.О. написал Харричанде и мисс Е. Кислингборо. *Нарайан*¹ ос-

---

¹ Адепт-Собратье, о котором Е.П.Б. рассказывала как о «пожилом джентльмене». Он внес огромный вклад в виде дополнительного материала во время написания «Разоблаченной Изиды». Лишь одно

тался наблюдать — и пришел *Сахиб*.¹ Последний имел с собой распоряжения от Сераписа² завершить все в первые дни декабря. Не изменять ничего в планах Блджета, и т. д. Что ж, — Г.С.О. всего лишь разыгрывает свою великую финальную ставку.

23 октября. И пока играет ее успешно. Нашлись 13 подходящих человек в Нью-Йорке, чтобы постепенно составлять документы, которые помогут сформировать Консорциум и установить должность так называемого «Президента». Послали документы Блджету для его одобрения.

Том Коуэлл обедала с нами, после чего ее видели в театре с Уимб., который пошел потом в «Tile Club».³

Вечер. Пришли мистер, миссис и мисс Лаки и лейтенант Харкинс, из 2-ой инфантерии США, который читал Изиду и, похоже, оказался приличным парнем.

24 октября. Ожидаем услышать решение Блджета касательно изменений в документах Консорциума.

письмо от него сохранилось в архивах Адьяра — оно написано красным карандашом, а его факсимиле можно найти в «Письмах махатм», серия вторая, № 24, и еще в буклете С. Джинарадхадасы под названием «Подделывала ли мадам Блаватская письма махатм». Адьяр, 1934. С. 43. Этот адепт жил близ Аркота, неподалеку от Мадраса, когда Е.П.Б. и полковник Олькотт познакомились с ним 30 апреля 1882 года. Письмо в «Теософист», написанное им и опровергающее обвинения Свами Дайананды Сарасвати против Основателей, появилось в июне 1882, Дополнения, с. 6-8. Оно помечено «Горы Тируваллам, 17 мая» и подписано «Один из индусских Основателей основного Теософского общества».

¹ Вполне вероятно, что это Мастер М. Он утверждал, что выступление Е.П.Б. весьма открыто намекало на очень слабое понимание факта воздействия на ее сознание более мощных сознаний других Посвященных.

² Адепт-Собратье, известный под именем «Серапис», принадлежал к Египетскому филиалу Братства и был весьма активен в начальной стадии теософского движения.

³ Членами «Tile Club» были художники, которые ежемесячно встречались друг с другом в студиях и рисовали на облицовочной плитке, поддерживая тем самым хозяина дома, поскольку эти картинки становились потом его собственностью.

Ушел повидаться с Белле и нашел ее нездоровой. Она едет в Оранж, чтобы прожить там до следующего четверга.

С нами обедал Кертис, после чего он работал над статьей о м-м Чевич.

Вечер. Получили «*Pall Mall Gazette*» от 9 и 11 октября с иезуитскими оскорблениями К.К. Кларка касательно защиты нашего Общества Арьей Самадж и С.С. Массеем.

Е.П.Б. написала Х.С.С. об этом, ограничившись цитатами двух абзацев, и о сегодняшнем письме от Блейка, получившего Диплом Т.о. от А.С.!!!!

Она также написала Блейку ядовитое письмо в ответ и отослала его копию Х.С.С.

Я написал Х.С.С., чтобы он послал Дональда Кеннеди от Сад-дарчана Шинтанника, чтобы присмотреть за «Братьями Баринг и Компани», Лондон, и почтовую карточку — Массею, чтобы тот прислал Х.С.С. скульптуру от 12 апреля (изображение факира).

Пятница, 25 октября. Консорциум медленно возвращается к жизни.

О'Донован, Уимб., Е.П.Б. и я обедали, когда Дженни принесла письмо от Массея, оставленное несколько ранее почтальоном. Перед тем как оно пришло, Е.П.Б. объявила о его прибытии и характере его содержания, и когда я получил его и прежде чем сорвал печать, сказала, что письмо содержит послание и от доктора Уилда, и это она сказала даже не глядя на него. На 1-ой странице Массей обращался ко мне с посланием от *Божественного Брата*,¹ поэтому я вернулся к той странице от Массея, что была с подробным рассказом. Также был добавлен сертификат Уимб.

Е.П.Б. писала письмо к Уальду и еще несколько Картеру Блейку и С.С.М.

Посетители. Миссис Барранко и мистер Томпсон; последний — крупный здоровенный силач и *медиум*.

26 октября. Возрождение Консорциума к жизни продолжается.

Получили два письма от С.С.М. о делах Блейка, одно содержало иезуитское письмо Блейка, а также второй абзац в «*P.M. Gazette*» от 13-го.

Вечер. Посетители. Дж. В. Майnard, Д.Л. Пайк (целитель), капитан Дэвид Дей, миссис Бэкон (из Бостона), миссис Гридли — бывший профессиональный медиум, миссис Халлет из Бостона и

---

¹ Эта фраза больше нигде не встречается, поэтому неизвестно, какой Адепт имелся в виду.

монсеньер Фрэнк Далт, личный секретарь Главного судьи Дэйли из Суда по гражданским делам. М-р Далт написал заявку и был инициирован в Т.о.

27 октября. День отдохновения! Божий день (а не лорда Бэкон-филда).

«Сей день сотворил Господь.
И он зовется в Его честь».

Работал целый день как дьявол: стряпня, угощения за столом, мытье тарелок и т. д.

Написал Х.С.С. еще побольше насчет де ла Блэйка, выслал ему выдержки из письма Массея и Блэйка и комментарии С.С.М. по поводу «маленького Коричневого Человека».

Е.П.Б. написала Массею и приложила номер «Sun» за прошлый день, содержащий мой ответ на статью в «*Pall Mall Gazette*» по поводу А.С., а также редакторскую статью издателя «*Sun*», затем — к Х.С.С. и другим.

Вечер. Миссис Дэниэлс, Марбл, О'Донован, Том, мистер Шинн. Миссис Дэниэлс доставлен ее Диплом, а также Диплом Д.Ф. Хайдену, издателю «Провиденс Пресс», Провиденс, Рой-Айленд. Передали ей документ, разрешающий ей инициировать мистера Хайдена.

Шинн и остальные просмотрели все фотографии и альбомы.

28 октября. Сбор голосов в пользу Консорциума продолжается. Перспективы отличные.

Вечер. О'Донован, Уимб., Рани и я ушли в бродвейский театр посмотреть игру мисс фон Штамниц в «Мессалине, Императрице Рима». Забавно.

Позднее. Писал письмо Изд. «*Pall Mall Gazette*», угрожая опубликовать историю маленького Коричневого Человека, если он не согласится на честную сделку. Также письмо к С.С.М., чтобы он посодействовал вышеупомянутому и просил передать это непосредственно Гринвуду.

29 октября. Сбор голосов продолжается. «Бревстер и Компани» вступают в Консорциум. Позвали Франка Далта.

Вечер. Пошел в Театр на Юнион Сквер, чтобы посмотреть «Мать и сын». В первый раз видел на сцене Том. Она выглядит в своей роли хорошо.

Послал групповое фото № 2 Мохоттиватте Джунананде и Отто Александру.

30 октября. Утром приходил Джадж. Целый день одна. Обед. Том и Линда Диетц, О'Донован.

Вечер. Г.С.О. уехал в Филадельфию. Е.П.Б. осталась наедине с Чарльзом,¹ который весь вечер мурлыкал около камина. Уимб. ушел в «Tile Club» и вернулся в час ночи.

31 октября. Дитсон — письмо и фото, присланные из Олбани. — Джадж пишет к Дорогой — хочет узнать, было ли видение, когда ему на званом вечере предлагали взятку, чтобы он предал Т.о., *реальностью*. И про колокольчик Пуди, который звонил на его верхней губе, был ли он послан кем-либо из нас. Ответили и на то и на другое. Ушла повидаться с Макгра-том и Уимб. Вернулась и обнаружила А. Уайлдера и профессора Вудварда из Медицинского колледжа. Последний очарован неподдельной любезностью Е.П.Б., и оба остались на обед. После обеда пришла Маркетт и забрала свой диплом. И удалилась. Уимб. захворал, почувствовал озноб. Явился Далт и провел вечер, затем — Бачелор и Томлисон. И ни одного письма.

1 ноября. Почтовая карточка от Г.С.О. — Когда я смогу заставить Кертиса написать о Сосиоше?² Целый день ни одной живой души. Уимб. заболел и находится дома. Слава Богу, обедала наедине с ним! Вечером раздалась пять двойных звонков *и никого*, — ошибка; не считая еще одной карточки от Г.С.О.: ему понадобился его черный кожаный портфолио с сертификатами. Отослала с Уимб. экспрессом. Е.П.Б. закончила свою статью для «Pravda».

2 ноября. Г.С.О. пишет, что возвращается. А значит, его черный портфолио не надо было отсылать в Филадельфию. Е.П.Б. пошла на 60-ю улицу, чтобы повидаться с миссис Рин, но ее не оказалось дома, поскольку она ушла попытаться забрать своего брата на 18-ю улицу к мистеру Поллоку, ее шу-

---

¹ Кот Е.П.Б. Позднее исчезновение Чарльза упоминается с беспокойством.

² Правильнее будет сказать *Саосхиант*, один из Спасителей, который явится, согласно религии зороастризма; другие два существа — Осхедар Вами и Осхедар Мах.

рину. Беседовала с миссис Барнетт примерно час и простудилась.

Вернулась домой в 3 часа и обнаружила там Белле Митчелл — бедняжка, добрая душа! Мисс Бэйтс вернулась домой. Письмо от Харричанды. Он считает, что мы действуем слишком прямолинейно, и пишет об этом, но лишь пару слов. Что ж... *Vediamo!* [Посмотрим!]

Г.С.О. вернулся в 7 часов с хорошими новостями. Прогресс! Пришел друг Уим., мистер Гус Петри. Он — добросердечный, душевный человек. Обладает даром пророчества и предвидения. Предсказал внезапную смерть Е.П.Б. на море. Сомневался, что она доберется до Бомбея. Намекал на то, что все мы попадем в кораблекрушение, в котором спасется Уим., а Е.П.Б. исчезнет навсегда. Вот тебе на!

3 ноября. Писал деловые письма о дальнейших делах Консорциума.

Вечер. Том, Бачелор, О'Донован, Марбл и четверо из Бомбея.

4 ноября. Добились пожертвований от «Бревстера и Компани» и «Валентайн и Компани». «Т.С. Хоуэлл и Компани, кожа» предложили мне груз кожи ценой в 500 долларов. Или это они жертвуют, если я устрою им заказ из Бомбея или Калькутты.

Вечер. Бачелор, Кертис и Бомбейская четверка.

Сегодня получили статью Кертиса о Дайананде Сарасвати в «Воскресном журнале» преподобного д-ра Димса.

5 ноября. Тишина. Письмо от Эванса. Хочет приехать в понедельник для инициации. Ответили на письмо.

Вечер. — Д-р Пайк.

6 ноября. Приходила миссис Томпсон. У нее насморк. Е.П.Б. «советовала» больше ничего не покупать.

Вечер. Уим. ушел в «Tile Club». Осталась наедине с мисс Бэйтс.

7 ноября. Работала весь день. Письмо от Отто Александера. Письма от Харри Ч. Отослали портреты различных принцев и «Собратьев». Также и Холкара. Говорит, что он с каждым днем все более влюбляется в Е.П.Б. Кертис ото-

бедал и сел писать статью для «Геральд» о *четырёх Спасителях*.

Вечер. Кертис. Хариссе-Далт принес портрет и самописку. — Джек Пассит, дали ему диплом и заставили заплатить 5 долларов. Обещал привести богатого человека, чтобы уплатить вперед деньги для фонда Арьи Самадж.

Ни одного письма от *Младшего*.

8 ноября. Письмо от Младшего — ни черта в нем нет. В 12 часов пришел Кертис и писал свою статью о 4 Спасителях для «Геральд». Ланч: Письма от Массея — Е.К. заявляет, что К.К.Б. ее бросит и просит его *простить!!!* Будь она проклята! Массей чувствует себя неудовлетворенным, потому что Биллинг, Уилд и Томас *не собираются* считать К.К.Б. Собратом. Письмо от Томаса, хорошее и честное. Оба письма отосланы Харричанде. Написала ему — ответ.

Вечер. Все время одна — только Майнард. Работала.

9 ноября. Болит тело и не помогает ни горячая вода, ни ванна. Приятно лишь на солнце. Работала целый день. Приходила Белле Митчелл и провела в нашей компании три часа — дорогая, добрая душа.

Письмо от Младшего. Стал лектором. Да-да! Возвращается в понедельник, если будет время; и оставляет в Бостоне наполовину не сделанные дела. Так утверждает *Старший*.¹

Вечер. Печальный Гайлорд из Бруклина. Женское собрание. Миссис Хаскелл с миссис Лонгстрит — литературной дамой, — д-р Пайк с миссис Мэри Дон и миссис Л.Л. Денни из Южной Джорджии. Потом миссис Халлет. Мисс Бэйтс спасла меня от того, чтобы я их развлекала.

10 ноября. Утро. — Позвонил Майнард и привел свою маленькую девочку. В 3 часа обед.

После обеда Марбл, — Кертис, — Пайк, — Блэкмор, миссис Халлет, — Том.

Вечером те же самые. Пайк был словно в транса и болтал чепуху. Кертис играл *Манфреда*. *Пэка* не было.

---

¹ Вполне вероятно, это Мастер М.

Беспокоил холод.

Пайк спросил миссис Б., есть ли у Е.П.Б. деньги; в таком случае Уим. мог бы дать ему немного взаймы. Получив отрицательный ответ на все свои вопросы, он удалился, надувшись.

11 ноября. Очень сильное похолодание. В 5 часов пополудни заходил мужчина; он не позволил Дженни объявить о его приходе и даже не назвал своего имени; попытался пройти за ней и представиться сам — весьма странно. Он — пожилой, респектабельный, седовласый. Как только сел, мягко объявил, что явился *вручить судебную повестку* Е.П.Б. по делу Вандербильта!!! Е.П.Б. сказала ему, что не знакома с Коммодором и *никогда* его не видела. И все же пожилой мужчина вручил ей бумагу, в которой «народ Штата Нью-Йорк» приказывает новой гражданке появиться в суде Сурроугейта и рассказать все, что ей известно; после чего он передал ей от имени «народа» серебряный доллар, послал к чертям Бичер и сказал, что старый коммодор не лучше, потом выразил свои комплименты, сказал, что мистер Лорд поручил ему передать Е.Б.П., что они дадут ей «кучу денег», если *она поможет им* выиграть это дело, и — удалился. Эванс из Вашингтона не пришла.

12 ноября. Ужасная бессонная ночь из-за холода и кашля. Встала в 8 часов, послала за экипажем и отправилась в офис Лорда на Бродвей, 258; была принята там очень любезно и *заключена в объятия*; заявила (Е.П.Б.), что она ничего не знала; но ее попросили *вспомнить и постараться подумать о чем-то!!* Ее попросили явиться в суд и снова *пообещали* деньги.

Е.П.Б. явилась в суд и произвела сенсацию, когда уселась в свидетельское кресло. Уильям Вандербильт и адвокаты всё время пристально смотрели на нее. Не стала клясться на Библии, объявив себя *язычницей*. Раздраженно ушла. Адвокат Вандербильта побежал за ней, пытался разжалобить, и был послан к черту. За ее экипажем проследовал *еще один экипаж*. Пусть подождут дальнейшего развития дела. Джадж на обеде.

Вечером мистер и миссис О'Салливан. Теологическая и анти-христианская беседа. Е.П.Б. сыграла с ними трюк, вне-

запно упав в обморок к огромному смятению Бэйтс и Уим., которым пришлось проявить величайшую силу воли, чтобы поднять на ноги бесчувственное тело.

Письмо от С. Дэниэлса. Нужна биография для серии Бостонского «*Index*» или еще каких-то статей о Е.П.Б.

13 ноября. Молоней вернулся.

Привез письма от Х.С.С. и Шиаджиджи. — Больна. Отвечала на письма. Мисс Бэйтс послала по почте письмо к Вере Желиховской¹ и Х.С. Чинтамону. Марбл растянула балдахин, выказав себя, как обычно, весьма полезной.

14 ноября. То же самое.

На обеде присутствовал Кертис.

Вечер. Д-р Пайк и миссис Халлет. На некоторое время заходил Гайлорд. Нарай куда-то удрал и пришел Мориа — со сломанным пальцем и все такое. Явился с определенными распоряжениями от Сераписа. *Ехать необходимо*; самый последний срок с 15 по 20 декабря. Уимб. обеспокоен судебным процессом и поэтому очень мрачный.

Выразила свои намерения Бэйтс и Уим. Тэффи — Бэйтс собирается ехать в Лондон раньше нас. Вероятно, 1-го.

О, Господи, о, Индра с золотым ликом! Ведь это действительно начало конца!

15 ноября. Кобб провел вечер со мной в гостиной, но не стал видаться с Е.П.Б.

16 ноября. Кертис отобедал, а заодно собирал при этом материал для статьи в «*Sun*» насчет аукционов.

Майнард и д-р Барух, загадочный еврейский врач. Станный, очень необычный человек. Обладает даром предвидеть, когда посетитель умрет, а также духовным внутренним взглядом определяет заболевание. Старый, худой, сутулый; его тонкие красивые волосы с проседью торчат во все стороны на голове благородной формы. Он румянит щеки, чтобы избавиться от натуральной бледности. Имеет

---

¹ Мадам Вера Петровна Желиховская, сестра Е.П.Б. Родилась в 1935 году и скончалась в 1896. В России была хорошо известна как автор множества историй для детей.

привычку откидывать голову назад и взирать вверх в пространство, когда слушает или разговаривает. У него восковой цвет лица, кожа прозрачная и тонкая, как бумажная салфетка. Даже в самый разгар зимы он носит тонкие летние одежды и имеет особую привычку говорить, когда отвечает на вопрос: «Што ж, ви-ижу, зде-есь, дрга-ая!»

17 ноября. Вечерние визитеры. Кертис, д-р Пайк, миссис Халлет, мисс Дай (Нибз — чудо-ребенок, вундеркинд), Том Коуэлл, Линда Диетц, О'Донован, М. Донован, М. читает счастье девушек по картам (?) к их величайшему изумлению.

18 ноября. Сегодня письма от С.С.М., Картер Блейк (2), Палмер Томас, д-р Уилд (со своим фото), О. Александер и другие.

19 ноября. Ужинали Парис (только что вернувшийся из Колорадо) и Марбл, не считая нашей четверки.

Вечер. Мистер и миссис Майнард, миссис д-р Эдвард Брэдли в сопровождении Бachelора, Кертис и Марбл.

У Тэффи ее отец вырвал и отдал ей локон волос — личность, которая похожа на миссионеров, как край грозовой тучи! Впервые за весь месяц в дверной колокольчик позвонил майор Поудхи.

20 ноября. Письмо от мистера Блоджета, вдохновляющего меня касательно Консорциума и обещающего, что документы появятся в Вашингтоне.

Е.П.Б. получила от преподобного У. Айтона, vicария Чакомбы, Англ., MSS, его перевод пророчеств Дж. Тритемия.

Вечер: Проводили ведическую церемонию бросания пепла барона Палма в море. Преинтереснейший эпизод. Наш загадочный индусский собрат ∴ присутствовал на ней со своим помощником [...].¹ Г.С.О. бросает прах в воды Нью-йоркского залива ровно в 7:45 вечера.

21 ноября. Уим. в беспокойстве из-за адвоката, шантажирующего его по делу «Photo Plate Co».

Кертис дал в «Sun» описание церемоний прошлого вечера. «Evening Telegram» скопировал ее и претендует на то, что это — его собственный материал, который они где-то раздобыли! Тэффи² вся в

---

¹ По-видимому, криптограф инициации; очень похож на человека, который появляется в письме Е.П.Б. к А.П. Синнетту, № XI, с. 20, из хорошо известного тома писем.

² Прозвище мисс Розы Бэйтс.

астральных слезах от страха, что Уим. арестован. Распоряжения из Штаб-квартиры выплыть 7 или 17 декабря, а потому надо немедленно упаковывать вещи.

Вечер. Далт и Бачелор. Первый передал в фонд Арья Самадж 3 доллара серебром.

22 ноября. Уим. прячется от предписания шерифа и сбивает с толку мерзавцев, которые намереваются упрятать его в тюрьму. Ужинал Кертис, после чего работал над статьей об аукционе в Ламасерии.

Заходили двое спиритуалистов, но их выгнали. Других визитеров не было.

В Висконсине Тэффи купила билет до Ливерпуля на следующий четверг. — Он стоил 30 долларов.

23 ноября. Послали третью и последнюю фотографию Мохоттиватте Джунананде и Отто Александеру. Вечером заходила миссис Фаулер-Уэллс и показала нам по секрету кое-какие изображения старого Джо Бучанана, от которых мне стало смешно. Его игра настолько прозрачна!

24 ноября. Все вместе упаковывали сундуки, готовясь к отъезду Тэффи следующим вечером.

Вечер. Мистер, миссис и мисс Лаки, Бачелор, миссис Халлет, мистер Шинн, Макграт, трое итальянцев (один из них — приятель Чайли Лонга).

25 ноября. Стрелки, стройся!!!! Вечером Тэффи садится на борт корабля, и мы с Уим. расстаемся с нею, оставляя ее обливаться слезами. Мистер А.Х. Андерхилл, бригадир по фрахту и перевозкам из Гийон Лайн, был на борту и любезно попросил судовых офицеров присмотреть за тем, чтобы Тэффи хорошо выглядела после перевозки. Два сундука Е.П.Б.¹ отправились на этом же судне в Ливерпуль, чтобы ожидать там нашего прибытия.

О'Донован и А. Густам обедали вместе с нами, а после обеда они, Уим. и я измеряли рост тела, сидящего на полу, прислонившись к стене. Прежде я никогда не видел этого любопытного эксперимента и был удивлен и обескуражен результатом. Ноги Уим. оказались на 5 или 6 дюймов длиннее, чем у Густама и меня, тогда как его тело было почти на полголовы ниже.

---

¹ Один из этих сундуков сейчас находится в Адьяре и по-прежнему сохраняется в отличном состоянии.

26 ноября. Имел прекрасное интервью с миссис Уиллкокс, которая чувствует то же самое, что и всегда, и будет очень полезной союзницей в определенной сфере.

Новости от Гартманна, что Уэстбук решил Олбанское дело в пользу Получателя. Тем самым два карточных пророчества, сделанных Тэффи прошлым вечером, уже сбылись.

Написал Молджи, чтобы тот прислал образцы товаров, вверенных его заботе, отправить их по морю Консорциуму.

27 ноября. У Консорциума яркие перспективы. Имел очень ценную беседу по поводу «Отчета о дорожных взносах», и по его просьбе написал письмо для отчетного собрания.

Вечер. Звонок от Джеймса Р. Хинана из Национальной Ассоциации Прессы, Бродвей, 145, от имени «Boston Globe», и передал ему некоторые моменты касательно медиумов Холмсов (?). Также звонил Бачелор. Уим. в «Tile Club».

28 ноября. День Благодарения — и моей выдержки в США.

Я обедал с Эммет Р. Олькоттом¹ в 2 часа, в 4:30 сел на пароход на Фалл Ривер.

Уим. привел на обед Пьетри и Макграта. Е.П.Б. обедала в 3 часа. Пришла Марбл и, как и Дженни,² ушла, выказав себя полезной исключительно в виде украшения.

Вечер. Пьетри разложил карты на Е.П.Б. Прогнозировал задержку отплытия, но прибытие в Бомбей должно пройти без всяких приключений. Также карты предсказали смерть Е.П.Б. от руки убийцы через 8 лет, то есть, когда ей стукнет 90 (!!). Ничего похожего на ясновидение.

Миссис Хаскелл с дочерью, миссис Парсонс и д-р Пайк. Беседовали с Е.П.Б. о смерти.

С половины одиннадцатого наедине с Уим. Потом отправилась прямо в постель.

Заплатила Дженни 5.

---

¹ Эммет Робинсон Олькотт, один из братьев полковника Олькотта, родившийся 12 октября 1846 года.

² Дженни — служанка.

29 ноября. Утро. — Письма от миссис Дэниэлс, мистера Дж.Д. Бака, Цинциннати, Rose St., 305, — хочет вступить в Общество (ответили и отправили циркулярным письмом) — и Уайлдера.

Нам надо написать семь писем, а у нас *нет* ни денег, ни марок. Придется звонить Сахибу. — Это довело его до страшного безумия. — Что ж, это не моя вина. Увы, бедный «Младший» — если он только бы понимал, чего не знает! Если он это прочитает, пусть вспомнит: *a bon entendeur salut* [имеющий уши да слышит (*фр.*)]. М.: передал 50 центов на марки.

Ответила русской тетушке в Баку, Уайлдеру, Дэниэлс; писала портреты Хайдена и Брауна. А также Джазы.

Обед. Была весьма оживлена телеграммой от Джаджа и Уим. Передает «подождать его до раннего утра. Важные новости»; по-видимому, арест! Если это так, то Уимб. придется выехать перед нами в Лондон. Пусть едет во Францию.

Вечер. Блюзы — ... и другие грязные ощущения.

Наш одинокий Кертис примерно в 11 часов звонил в звонок кухонного лифта. Сказал, что Дана была против получения статьи о «Мадам» — и тогда Кертис передал свою статью об аукционе в Ламасерии в «*World*».

30 ноября. Белле Митчелл пришла в 12 часов и увела Сахиба прогуляться и покататься. Пошла к Маси. Придется реализовать рупии. Е.П.Б. вернулась домой в 4 часа. На обеде не было никого, кроме Париса. Уим. также сбежал и вернулся в 2 часа.

Вечер. Майнард — помогал *сиротливо* коротать время, отчего стал особенно полезен. Пришла миссис Уэллс и принесла целую кипу журналов по френологии.

Пришло письмо от Джаджа из офиса Уимб. Х.Ч. Чинтамон пишет декларацию любви и отсылает официальное письмо в Совет через Е.П.Б. *Отнестись к ним пренебрежительно* — это еще слишком вежливо.

Письмо от Е. Кислингборо, а в нем *заявление об уходе*. Слишком она христианка! Я бы сказала, что она слишком подпала под влияние *Блэйка*. О, эта чернь! Когда же мы от них избавимся!

1 декабря. Итак, осталось примерно от 17 до 23 дней. Посмотрим, насколько будет готов *Младший!*

ОТ ЭТОГО ЗАВИСИТ ЕГО СУДЬБА ¹

Утром Е.П.Б. приняла ванну, послушала мелодичный голос Г.С.О. — Младший вернулся из Провиденса. Вынудил «Tool Company» выписать чек на 500 долларов. Встречался с Хайденом, последний приедет сюда в субботу.

Мебель и всё прочее необходимо продать не позднее 12-го. ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Обед. Пришла верная Марбл. А вот и О'Донован с Бачелором. Кто следующий? Е.П.Б. отправила ответ Х.С.С. в Бомбей. Он получит это письмо за две недели до ее прибытия. Отлично.

Вечер. Мистер и миссис Майнард, «Том», Марбл, Бачелор, О'Донован, Кертис, полковник Чайли Лонг.

2 декабря. Письма от Х.Дж. Биллинга, Палмера Томаса и одного дурака из Чикаго — Стэнли Секстон, Парк Роу. — Последний категорически требует вступить в Т.о. и с самого начала получить степень «*трижды три*». Осведомляется, видела ли или чувствовала Е.П.Б. пять месяцев назад этот магнетический эффект *двойника*. *Осёл!!!!* Отвечала на все письма.

Страшный ливень. Уимб. не отправился в офис, а бездельничал в кресле, стоящем рядом с Е.П.Б., а потом уснул, громко храпя. Г.С.О. прибывает этим утром в Филадельфию. Он говорит, что это — его последняя и решающая поездка. Что ж, возможно И. ² быстро отправится за ним. С нами отобедал Парис.

Вечер. Мистер Томпсон из Монреаля, бывший священник, чьи глаза оказались открыты на обман хтианцев; он читал «*Изиду*», «много узнал из нее» и просто был обязан увидеться

---

¹ Эти слова написаны красным карандашом, заглавными буквами и от руки, отчего С. Джинараджадаса подумал, что это написал Мастер Серапис. Рядом с ними написана короткая фраза (тоже красным карандашом) и подписана символами, которые Е.П.Б. описывает в письме «Пожилой джентльмен, искренне ваш Нарайан».

² И. — вполне вероятно, это — Мастер Илларион.

с ее автором. Пришла Хариссе, раздраженная серьезной беседой Томпсона, потом она удалилась в гостиную и довольно рано ушла. Нашлась драгоценность розенкрейцеров,¹ оставленная в ящике комода. *Кто взял ее, тот знает.* Скоро это откроется.² Позже пришел Далт и внес в фонд Арья Самадж 3 доллара. Благородный человек!

3 декабря. Письма от Эванса (Вашингтон), словесный поток чепухи, заканчивающейся словами, что это — его *кишмет* — судьба — поехать с нами в Индию.

Сегодня отправилась по поручению Сахиба.

Марбл принесла альбом и обозначила день аукционной продажи в следующий четверг декабря. На обед явился Джадж.

Вечер. Письмо на почтовой карточке от мисс Эллен Бэрт — она посылает десять экземпляров со статьей мисс Д. Открыто сожалеет об отъезде. Кертис, Джадж, Уимб. и Е.П.Б. выглядят очаровательно. — За своим талисманом пришла миссис Уэллс; получила его; подарила новую книгу с портретом Е.П.Б., где та напоминает ламу. Уимб. украсил его усами и бородой. Е.П.Б. подарила миссис Уэллс две амфоры.

4 декабря. У меня 10 экземпляров Хартфордской «Daily Times». Словесный поток и довольно лестная статья. Послала экземпляры в бомбейский «London» (Массею и Томасу), на Корфу и в Вашингтон безутешной Эванс. Снимок будет выслан — если он не готов — в Индию. — Почтовая карточка от Г.С.О., он пишет об огромном успехе — прибыл прошлой ночью в Вашингтон. *Vediamo.* Прошлой ночью у нас спал Джадж. Е.П.Б. ушла за почтовыми марками — еще один, третий нагоняй от Сахиба. Опять опухли щеки. Ссора с Дженни. Она утверждает, что Г.С.О. должен ей 9 долларов. Все ей не нравится! У. дал ей 2 доллара, а она клялась, что ее домовла-

---

¹ Имеются некоторые доказательства, что эта драгоценность первоначально принадлежала Калиостро.

² Имеется короткое письмо от Мастера Сераписа, в котором он утверждает, что «потерянная драгоценность» возвратится в должное место. Кошель сделал ее невидимой от зла. См. Письмо № 22 из «Писем махатм», серия вторая.

делец выкинет ее на улицу. Ничего не поделаешь. Как-то удалось раздобыть денег на самые необходимые нужды, но для Дженни — *ничего*.

Написала мисс Ф.Э. *Бэрт*, которая просила портрет и благодарила за документы.

Обед. Телеграмма от У.К. Джаджа к Уимб. «В передвижении отказано», и т. д. У. в отчаянии, снова всплывает тюрьма. Наступило время всё прояснить.

Вечер. Миссис Хаскелл, западная 29-ая улица, 116 с дочерью, молоденькой девушкой, изучающей медицину; привела миссис Элизабет К. Черчилль из Провиденса, которая пишет для издательства — она собирается *описать нас*, и мисс Алиса С. Флетчер с д-ром Беннеттом, доктором *психиатрии* (что бы это ни значило). Миссис Хаскелл приглашает Е.П.Б. для отдыха отправиться к ней домой, там заночевать и провести несколько дней с нею. — Письма от Харричанды.

5 декабря. Рано приехал Джадж. Единственное, о чем он просил Уимб. — это держаться спокойно до отъезда; однако наш Дон Кихот *не может* этого обещать. Что ж, если он попадет за решетку, то это будет его виной, а потом — до свидания. Никто его дожидаться не станет. Письмо от Младшего к М. У него приятные надежды насчет его *въезда* в Бомбей с правительственными полномочиями, с гербовой печатью на обратной стороне.¹ *Vediamo*. От М.: получены образцы руды — чем больше, тем меньше проблем из-за (...).²

Письмо от миссис Эймс. Умоляет приехать и повидаться с нею. Ответила, что *ее Нед* придет в восторг от этой мысли. Не могу сказать, что это мне нравится — совершенно не нравится!!!!

Тэффи, как мы полагаем, уже в Ливерпуле. — Еще 12 дней! Пришла Марбл. Починила сломанный стул, сделав его пригодным для аукционной продажи.

Продажа намечается на следующий вторник. Он проводит весь вечер за всеобщими приготовлениями, развешивая кар-

---

¹ Полковник Олькотт прибыл в Бомбей, имея с собою верительные грамоты от правительства США, и прибыл он туда в качестве коммерческого агента.

² Символ Мастера Нарайана.

тины и делая всевозможные замечания. Добрая и благородная душа. Уимб. ушел после обеда упаковывать вещи. Е.П.Б. находилась наедине с Марбл, потом явился Далт и оставался до 12 часов.

6 декабря. Письмо от Ричарда и Боага, оповещающее о прибытии из России бандероли. Уходила в город с Уимб.

Только что пришли книга и бумаги от Рич. и Боага, полученные от м-ль Желиховской; также письмо, полное отчаяния, поскольку еще *не* прибыла бандероль из Америки. И это пять месяцев спустя ее отправления — т. е. 29-го октября!!!! Олькотту придется сообщить об этом, или пусть он боится отпущенные деньги.

По-моему, *мы* снова подхватили простуду. О, несчастное, пустое, разбитое старое тело!

После обеда Уимб. был крайне удивлен приходом Синклера и Моисея. Подумал, что они собираются его арестовать. Они пошли на компромисс. Если он не будет вести как дурак, то завтра же освободится от всех неприятностей. — Он разыгрывает свою *последнюю* карту.

Вечер. Пайк и Халлет. Уимб. ушел к себе в офис. Когда в 12 часов они захотели отправиться домой, дверь внизу не могла открыться! Засов и шаровидная ручка оказались сломаны. Они вернулись и просидели до 12-ти. Наконец Е.П.Б. догадалась позвать полисмана, чтобы он проник в дом через кухонное окно и, сломав дверь, таким образом освободил их. Уимб. пришел домой в половине третьего.

7 декабря. Нет письма от Г.С.О. Письмо от мисс Эллиен Ф. Бэрр с вложенным в него долларом за мой портрет. Нельзя отдать ей ее портрет, поскольку на нем она всегда получается *как будто она пьяная*. Хочет, чтобы я написала насчет ее бумаг из Индии. Придется идти и что-то сделать — сегодня.

Письмо от Биллинга — он говорит, что слышал голос в их гостиной, который сказал ему, что в Лондоне есть еще четыре теософа, которых он должен обучить теософии, — а когда он спросил, кто он, то голос ответил: «Один из Собратьев из Индии». Томас при этом присутствовал.

Утром приходил Джайдж. Ночью пришло сообщение из Тифлиса: я узнала, что бандероль наконец *была* только что получена, и мадам Желиховская продала свою птичку за 30 рублей! Должно быть, она голодает.

Уимб. разобрался с делами — теперь он в полной безопасности. Продал обезьяну и принес деньги. Е.П.Б. и Марбл целый день готовились к аукциону. За 4 доллара купили отдельную залу с колонной. Сделали снимки по 3 доллара за дюжину.

Вечер. Письма от Отто Александера, Николаидеса и три письма от Олькотта. Из Монреаля прибыли Марбл, Бачелор и Томпсон.

8 декабря. Приходила мисс Поттер, и она, Е.П.Б. и Уимб. вместе отправились к фотографу. Е.П.Б. была снята с Уим. *в группе!!!* Мисс Поттер снова зайдет во вторник. Мы пишем в кабинете, который ранее занимал Г.С.О., куда перевела нас Марбл под предлогом аукциона. Послали статью Кертиса, напечатанную в «*Stars*», о лотерее Е.П.Б., Харричанде, Молди, Томасу и Отто Александеру, а также письмо Вере Желиховской.

Первым явился Пайк — и его приняли с радостью, ибо Дженни ушла в три, а Марбл едва не довела меня до нервного срыва.

Вечер. Посетители. Блэкмор и Клоуг — последнему нужен диплом. Потом Кертис, Майнард с капитаном Хоммонсом (мистиком, провидцем и розенкрейцером). Затем *Том* и Уимб. с О'Донованом, и наконец Парис — сломал газовую лампу и вымел много мусора — Марбл отправилась в гостиную спать на четырех стульях без матраса.

Завтра прощай всё. Но... будет ли готов Г.С.О. Одна, всего еще *одна* неделя! Да поможет ему Бог, если у него ничего не получится... (.....).¹

9 декабря. Отправилась в постель в четыре и была разбужена в 6 — из-за Марбл, которая заперла дверь, а Дженни не могла войти. Встала позавтракать и ушла на встречу

---

¹ Слова в скобках нельзя разобрать.

с (...) ¹ в «BATTERY». Домой вернулась в 2 часа. Ужасная ссора и крики на аукционе. Все присоединились к пению песен, как они говорят в Америке. Если бы Марбл не превзошла себя в любезности, то она совершила бы то же самое в рвении. Она продала на аукционе Levi's очертания трех окон землевладельца за 50 центов!!!!

Посмотреть на аукцион явился Кертис, чтобы потом написать статью о продажах. Пришел Леви, хозяин дома, и потребовал свои деньги, думая, что Е.П.Б. ушла с мебелью. Бакалейщик оскорбил Дженни и сказал, что она задолжала ему свыше 100 долларов, поэтому больше он не поверит ей ни на один пенни. Элегантно.

Аукционщик взял большие часы — обещал продать их за 60 долларов.

Пришел капитан Хоммонс с Майнардом, — отдал N: ² саквояж и пароль Мадагаскара (...) ³ и тем самым был принят, как собрат, подписался под обязательствами, уплатил Майнарду 5 долларов за посвящение, которые будут отправлены Харричанде, и ушел.

5 часов — *Все завершилось.* Барон де Палм — адью!

Вечер. Пришел Кертис писать статью. Марбл изнурена. Уимб. отправился в офис. — Появился Эванс из Филадельфии, чтобы очаровать *меня!* Это невозможно. Внезапно появляется Г.С.О. Ночью отдает распоряжения и свысока относится к Уимб. до тех пор, пока последний не приходит в ярость! Г.С.О. называет (...) ⁴ «старой лошадью».

10 декабря. Мы завтракаем на доске шириной в три дюйма. Письмо от Дэниэлса и Эванса. В «Herald» появляется статья «Мадам Блаватская». Приходил репортер из «Graphic», чтобы взять интервью у Е.П.Б. Его очень вежливо послали к дьяволу.

---

¹ Обозначение Адепта, с которым Е.П.Б. ушла на встречу в «BATTERY» — место в Нью-Йоркской гавани.

² Слово неразборчиво.

³ Символ какого-то адепта или филиала.

⁴ Символ Мастера Нарайана. Инцидент о том, как его назвали «старой лошадью», рассказан полковником Олькоттом в «Старых страницах дневника», том I, с. 247-248.

Е.П.Б. пишет в Баку, Цинциннати, — к Эллен Бэrr, Хатфорд, — и к Хайду и отсылает им обратно диплом. Две богатые еврейки, миссис и мисс Хоймен, внезапно осаждают нас и все же пробиваются. Они хотят вступить в Общество и подписывают заявку.

Вечер. Г.С.О. дает займы М.: 100 долларов.

11 декабря. Письма от мисс Бэrr. Марбл целый день несет чепуху.

Посетители, посетители, посетители.

Г.С.О. дал займы Мориа 100 долларов.

Ушла на гулянку с Джаджем.

12 декабря. Письма — отовсюду. Г.С.О. отправляется в Оранж к Белле, а Е.П.Б. вырвала зубы и не едет. Отправила ответы и покупала всякие вещи.

Вечер. Приходил Кертис и приглашал в театр Фултона. На обеде Том, приносила альбом. Марбл несла околесицу и суетилась — что приводит меня в бешенство. После обеда — Хариссе. Доктор Вайсс принес свою новую книгу о филологии, и мы остались дома. Доултон Фултон и сын Стивена Перла Энрюса!

Когда ложились спать, Г.С.О. так и не вернулся.

13 декабря. (Г.С.О.) отправляется в Менлоэ Парк к Эдисону¹ по поводу фотографии. Е.П.Б. больна; телеграфирует Белле Митчелл, которая прибывает из Оранжа, и проводит с ней день.

Посетители, посетители. Статьи во всех газетах. Миссис Уэллс инициирована. Миссис Аймс приходит с дочерью и тоже инициирована. Кертис. Наши фотографии принесены. Отослала их мисс Бэrr, Томасу и Уилду, Англия.

Распоряжение — приехать из Филадельфии. Кали подозревает отъезд и думает об аресте Г.С.О. Он получает регулярное назначение от Правит. и назначается комиссионером со специальным паспортом. Ему надо ехать в Филадельфию в понедельник или вторник.

---

¹ Томас Альва Эдисон (1847-1931) знаменитый изобретатель и ученый, тоже ставший членом Т.о.

И после этого уже не возвращаться в Нью-Йорк.

Джадж и Уим. с Г.С.О. и Мориа на консультации до 4-х часов.

14 декабря. Г.С.О. уезжает очень рано. Уимб. и Джадж стараются помочь Е.П.Б. Сегодня *должны прибыть* сундуки. — Они прибывают — об этом позаботился Хар. Чанд., Бомбей. Хоть этим меньше. Талс чувствует внезапную любовь к Е.П.Б. и посылает за ней экипаж и мальчика. Положительный отказ. — Приходит мисс Поттер и хочет присоединиться к теософам. Обещает прислать 5 долларов. *Vediamo*. Приходит Марбл, и Е.П.Б. — засыпает.

Г.С.О. возвращается с фонографом весом в сто фунтов. Пришел генерал Даблдэй. — Ушел, как и пришел. Уимб. снова на гулянке с людьми из «Tile Club». Он спокоен. У бедняги Г.С.О. едва есть время, чтобы проглотить три ложки супа и уйти. Е.П.Б. обедает наедине с Чарльзом, который мурлычет, а Марбл опять что-то тараторит. Г.С.О. придется отправляться в Филадельфию. Мы отсылаем сундуки поездом в понедельник вечером и уходим, тогда как Г.С.О. пишет, что готов. Мудрое решение «старой Лошади».

Марбл, суетясь, послала телеграмму А.С. Уайлдеру. «Tile Club» приглашает Уимб. на званый обед в отель «Монико». Уимб. *НАПИВАЕТСЯ*.

Олькотт вернулся в 10 часов — и провел вечер за писанием писем. Отослал снимок Эдисона в Констант[инополь], Корфу и Лондон. Фонограф свистит.¹

15 декабря. Целый день упаковываю вещи. Обед. Парис, Уимб., Том, Марбл и Густам.

Вечер. Двое Джаджей, Уим. и Джон. — Последний иницирован. Уайлдер, — д-р Вайсс, Шин и Феррис, два Собрата Хэнгхэм, Слоуг, — Кертис, Григгз, приехавшие из Калифорнии и из Коннект., чтобы иницироваться. О'Салливан и Джонстон ради фонографа. Все записали речи Собратьев в Индию. Миссис Уэллс, миссис Аймс с дочерью, Майнард,

---

¹ Насколько известно, этот фонограф должен был отправиться в Бомбей, когда Основатели отправлялись в Индию.

О'Донован и художник, которого привела с собой миссис Аймс.

Э.Х. Джонсоном был представлен Эдисон.

16 декабря. Упаковываем вещи. Е.П.Б. отправилась в офис к О., чтобы уничтожить бумаги. Обменяла деньги на английские банкноты. В офисе встретила с Майнардом, Марбл, Григгзом. После домой пришел Олькотт. Уимб. исчез до 2-х часов.

Вечер. Броснан, принес подарки Олькотту, Уайлдер, д-р Ганн и д-ру Кэмпбэлл, О'Салливан с женой, Томлинсон и Майнард с женой.

Письма от Массея, Тэффи и Биллинга.

17 декабря. Великий день! Олькотт наконец-то упаковал все вещи! В 10 часов он решил отправиться в Филадельфию. В 12 часов на минутку забежал (...) ¹ и — поскольку у него (Г.С.О.) больше не было денег, он уже получил последние 500 долларов от Reading Co. — он решил отправить его из Нью-Йорка завтра или через день. Пришел Боутон и передал три экземпляра. — Д-р Вайсс тоже принес два экземпляра газет для Бомбея и Калькутты.

Марбл тараторила и суежилась, но все же оказалась полезной. Целый день у нас пробыла Том.

Что же дальше? Все совершенно непонятно — но никакого беспокойства.

СВЕРШИЛОСЬ ²

Олькотт вернулся в 7 часов с тремя билетами на британский пароход «Канада». Писала письма до половины двенадцатого. Кертис и Джадж провели с нами весь вечер. Майнард

---

¹ Имя написано нечетко.

² На факсимиле эта вставка написана красным карандашом, а стрелка показывает вниз на круг, содержащий в себе крест и подпись Мастера Нарайана сбоку. «*Consummatum est*» (то есть, совершено или исполнено) — это написано заглавными буквами синим карандашом, подчеркнуто. Так и не удалось определить, кем написаны эти два слова — рукою Е.П.Б. или нет.

накормил Е.П.Б. обедом у себя дома. Она возвратилась домой в 9 часов вечера. Майнард подарил кисет для табака. Потерялся *Чарльз!!!!* ⁷¹ Примерно в 12 часов Г.С.О. с Е.П.Б. взяли подсвечник ⁷² и отправились в экипаже к пароходу, оставив Марбл спать и дожидаться Уимбриджа, который забрал Том очень поздним часом.

18 декабря. Ночь провели на «Канаде». Было очень холодно, пришлось спать под влажными простынями, и поэтому мы провели бессонную ночь, но S----- ⁷³ был лучше всех, и фактически мы покинули американскую землю 17-го. Е.П.Б. очень боялась за Г.С.О. (Кали) и Уимб. (Синклера), им обоим могли воспрепятствовать отъезду из Америки — до момента отплытия. Вместо отплытия в 11 пароход оставался у берега до половины третьего. Оба *Джаджа* взошли на борт парохода. Кертис, Парис, О'Донован, ..., Макграт, Том. Мэйнард принес Н.Р.В. серебряную пивную кружку с инициалами — *Добрый малый*. Том оставалась с О'Донованом до самого последнего момента. Трогательная сцена. Он на палубе, она ждущая на причале. Бедная девочка, она действительно искренне нас любит. Наконец мы отплыли в 3, — проплыли три или четыре мили и — бросили якорь от Кони-Айленда, ожидая прилива. Е.П.Б. снова крайне беспокоилась из-за Кали, опасаясь, что многие могли прослышать про отправление Г.С.О. 19-го и послать за ним, и т.д., и т.д. Никакой реальной опасности, но великие усилия по отвращению опасности от Г.С.О.

Вечер. Познакомилась с миссис Виз, капитаном и миссис Пэйтон, а также с преподобным и молодым мистером Уансборо. После чая возник теологический диспут с преподобным.

---

⁷¹ Репортер, писавший в «New York Sun», от 19 декабря 1878 г., заметил об этом: «Чарльза тем временем послали домой к одному теософу, но он по дороге куда-то пропал, и позже так и не объявился. “Я не знаю, куда он делся, — сказал Иерофант [Г.С. Олькотт], — но предполагаю, что мы встретимся с ним в Бомбее, когда прибудем туда”».

⁷² Слова «взяли подсвечник» подчеркнуты синим.

⁷³ Вероятно, Мастер Серапис.

19 декабря. Превосходный день. Небо чистое, без единого облачка, но — дьявольски холодно. Приступы страха длились до 11 часов (было трудно управлять телом — хоть дух и силен, а вот плоть очень слаба). Наконец в половине первого лоцман повел пароход через отмель Санди Хук. К счастью, мы не сели на мель в этом песке.

(Не ощущаю беспокойства за О.)

Целый день едим — в 8, 12, 4 вечера и 7 вечера. Е.П.Б. ест, как три свиньи. Писала письма Джаджу, Биллингу в Лондон и Броснану. Уимб. писал Тосму. Вчерашним утром Джадж принес мне на пароход письмо от Харричанды от 18 ноября, это последнее письмо, которое я получаю от него в Америке. (Как мудро!)

20 декабря. Пока великолепная погода, легкий бриз, а море очень спокойно. Легкая качка, о которой даже не стоит говорить. Пока за столом единственная женщина — это Е.П.Б.

Последний вечер после чая и мой первый жаркий спор с преподобным Стуржем (рот которого похож на рот осетра). Он красноречив, довольно лстивый парень, но, очевидно, спорить с ним легко. Спор начался из-за признания капитаном Пэйтоном, что миссионеры — прожженные нарушители общественного порядка. Он считает, что именно они стали причиной сепойского мятежа.

21 декабря. Отличная погода. Небольшая качка. Всё монотонно и тупо. Несколько словесных схваток с преподобным Стуржем. Весь день едим.

22 декабря. Погода переменилась. Ветер и шторм. Дождь и туман. В салон стала попадать вода через световой люк (окошко вверх). Все страдали от морской болезни, кроме госпожи Виз и Е.П.Б. Капитан Пэйтон и преподобный играли на фортепьяно, а Молоней пел песни.

23 декабря. То же самое. Только Молоней и Уимб. чувствуют себя неважно и проболтали весь день. Погода прояснилась.

Вечер. После прекрасного дня ужасный, сильный ветер. Целый день капитан рассказывает страшные истории о кораб-

лекрушениях и утонувших. Миссис Виз и миссис Пэйтон очень боялись этих шуток.

24 декабря. Ночью страшная бортовая качка. Г.С.О. в постели, страдает морской болезнью. — Монотонно, тупо, утомительно. О, земля... Скорее бы добраться до Индии и какого-нибудь дома!

МАДАМ БЛАВАТСКАЯ О ТЕОСОФСКОМ ОБЩЕСТВЕ В БОМБЕЕ

Издателю «*Indu-Prakash*».

Сэр! В вашей статье от 30 августа я обнаружила ваши комментарии о довольно «странном отчете» касательно Теософского общества, затрагивающие факты, которые привели к разладу и уходу мистера Уимбриджа и мисс Бэйтс, как «факты весьма важного характера».

Позвольте мне исправить это воззрение, которое для того, кто имеет правильное представление о нашем Обществе, действительно очень нелепо и ошибочно. Если «странные отчеты» дошли до слуха самих «региональных членов», и те сами вынудили вас следовать тому, что «выходит из самых доступных источников», то тем хуже для этих членов; поскольку при принятии в Общество они торжественно поклялись *своей честью* хранить священно и неприкосновенно в своей груди «частные дела Общества, будь они хорошие, плохие или не имеющие важного значения, если те не нарушают закон», то факт какого-либо разоблачения запятнал бы их как людей, лишенных чести. Таково мнение каждого английского или регионального члена Общества и каждого джентльмена, высоко оценивающего святость обещания *своей честью*. Но если эти региональные члены откроют хотя бы то, что им известно, то все же это окажет значительное влияние на Общество как организацию. «Филантропическая деятельность» нашего Общества останется такой же ревностной, как всегда; и, конечно, никогда не будет потревожена какой-либо ссорой между двумя женщинами, наподобие нынешней. Если вас и в самом деле

тревожит сущность этой истории, тогда приглашаем вас узнать это в общих чертах. Когда полковник Олькотт, мистер Уимбридж и я были на Цейлоне, мисс Бэйтс поссорилась с мадам Коуломб и ее мужем, членами нашего Общества, как и она сама. Кроме того, мадам Коуломб была моей старой подругой, с которой я познакомилась еще десять лет назад в Каире и которую пригласила жить в моем доме и присматривать за ним в мое отсутствие. Разлад — сперва это было трагикомедией — превратился в бурю; и когда мы возвратились в Бомбей, то обнаружили штаб-квартиру, как древнюю Троию, в самом разгаре войны. Мисс Бэйтс ухитрилась уговорить нескольких членов перейти на ее сторону, а у мадам Коуломб не было сторонников. Первой захотелось исключить мсье и мадам Коуломб из членства Бомбейского общества (которое не головное Теософское общество, а просто один из его филиалов), и чтобы полковник Олькотт вместе со мной выгнали их из дома, чему мы возражали. Наше скромное мнение заключалось в том, что если мадам Коуломб заслужила порицания, то и мисс Бэйтс не была невиновной. Мистер Уимбридж встал на сторону своего старого друга, мисс Бэйтс, я встала на сторону моей старой подруги, мадам Коуломб; вслед за этим начался раскол. Что имело место после, куда проще вообразить, чем описать — чисто личный и частный вариант, никоим образом не распространяющийся на вопросы теософии и не имеющий особой важности. Однако если кто-то продолжает сваливать вину на «Основателей» Общества, *я сделаю эти вопросы публичными с первой до последней подробности* — мы, по крайней мере, готовы всегда оправдаться при помощи доказательств. Наша единственная вина состояла в том, что, без намерения совершить это, правильно оно или нет, мы отнеслись ко всему, как к акту несправедливости. Пусть «региональные члены» вспомнят, если смогут, что Основателей Общества в Индии только двое — полковник Олькотт и я сама. Мистер Уимбридж сам вступил в Общество три года спустя после его основания, и мы вскоре выплыли в Бомбей, а он взял с собой мисс Бэйтс. Какое бы ни было мое персональное отношение к этому джентльмену, я все-таки должна сказать, что он никогда не занимался делами Общества, равно как и его развитием или управлением, если не считать, что он некоторое время состоял

в его совете. Что касается мисс Бэйтс, она с самого начала была просто «для украшения» и никогда не была активным его членом.¹

Вы утверждаете, что «слышали, что почти все региональные члены Общества отказались от какой-либо причастности к этим делам».

В таком случае, по моему мнению, наше Общество вполне заслуживает своего наименования, и до настоящего момента мне известны только *четверо*, кто оказался неподходящим — не считая двоих «английских членов». Но если в это дело вовлечено большее количество членов, кто осознаёт не больше этих «четверых», что в таком Обществе, как наше, личность — ничто, и что, вступая в него, они клянутся служить всеобщей и грандиозной идее братства и справедливости, а не просто следовать за своими английскими собратьями или даже Основателями, и таким образом, к несчастью, становиться слепо верящими приверженцами — тогда чем скорее они порвут свою связь с Обществом, тем лучше для него.

Мне остается добавить лишь немного. Распространять доклады для большей группы, основанные на свидетельствах, которые ничем не лучше сплетен служанок, и впутывать себя в кухонные дразги — эта роль недостойна человека чести или теософа. Однако человеческий характер повсюду одинаков, и вовсе не стоит ожидать, что все члены нашего великого Вселенского Братства больше ангелы, чем его основатели, которых следовало бы считать непогрешимыми. Однако если дело когда-либо касается нарушения слова чести и торжественного обета, внутри или за пределами Общества, это весьма позорно. Разумеется, из-за этой склоки Бомбейский *филиал* Теософского общества был в шоке, но это гораздо менее значительно, нежели то, о чем было написано, и даже то, что все это — лишь временные неурядицы. Что касается полезности нашего настоящего Общества или даже его скромных и преданных «Основателей», чести которых якобы был нанесен ущерб из-за опрометчивых действий горсточки недовольных этого горо-

---

¹ Более полный отчет об этом *недоразумении* можно обнаружить в «Старых страницах дневника» полковника Олькотта, в томе II, с. 206 и далее. — *Составитель*.

да — эта мысль слишком абсурдна! С таким же успехом можно предсказывать крушение христианства в результате какой-нибудь ссоры в методистской церкви. Великие доктрины, которые представляет Теософское общество — доктрины о человеческом братстве — и усилия воскресить давным-давно похороненную литературную славу Арьяварты коснулись сердца людей, и ответ придет со всех четырех сторон света. Полковник Олькотт и я дали торжественный обет добиваться этого, и мы лишь спрашиваем тех, кто с такой готовностью вменяет нам в вину злые мотивы и действия, готовы ли они дальше тратить силы на то, что мы преодолеваем без видимых усилий? Что касается нынешнего незначительного скандала, мы уже высказали все, что желали сообщить по этому вопросу.

Е.П. БЛАВАТСКАЯ

ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЮ «BOMBEY REVIEW»

К издателю.

Сэр!

Считаю своим долгом предать широкой гласности, что получила нижеприведенный ответ, адресованный мне одной из бомбейских газет, в отношении определенного непонимания того, что распространялось этой газетой касательно Теософского общества в местной прессе.

Е.П. БЛАВАТСКАЯ.

К издателю «*Bombey Review*».

Сэр!

По моем прибытия сюда к друзьям я получила выдержку из «*Bombey Review*» относительно Теософского общества в целом и меня в частности. Вы утверждаете, что очень много влиятельных членов в последнее время вышли из состава Общества. В действительности из его состава вышло только шесть членов — наименее влиятельных, причем из одного только из многих филиалов Общества, работа которого совершенно не зависит от наших усилий — в Бомбее. Уход этих членов не имеет ничего общего ни с задачами, ни с целями и вопросами Общества, а просто явился результатом личных разногласий, возникших во время нашего отсутствия на Цейлоне, между одной дамой, гостившей у меня, и другой леди, которая хотя и прибыла ранее вместе с полковником Олькоттом и мною из Америки, не играла какой бы то ни было роли, как обнаружилось, равно как не способствовала нашему предприятию или несла какие-либо из его расходов. Этот инцидент

сам по себе весьма незначителен, однако непонимание, нанесшее вред нашему Делу, внезапно преподнесенное прессой, может повлиять на наши текущие дела. «*Review*» утверждает, что наша ассоциация ощущает финансовый голод; что взносы за инициацию, полученные от наших членов, позволяют набрать необходимые суммы; и что «*Теософист*» несомненно «хорошо оплачиваемый филиал теософии». Позвольте мне объяснить, что взносы за инициацию новых членов в Индии выплатили только 50 членов — что составило примерно 500 рупий в течение последних 18-ти месяцев. Это дает, в соответствии с вашей гипотезой, которая беспочвенна сама по себе, как я могу добавить, для нас приход примерно 28 рупий в месяц, которые и поддерживали Общество, нас самих и покинувших нас друзей, мистера Уимбриджа и мисс Бэйтс. Что касается «*Теософиста*», то платили подписчики, заказавшие 900 экземпляров издания, и поскольку они платят всего лишь по 8 анн (одна шестнадцатая рупии) ежемесячно, то размер прибыли едва ли серьезно привлек бы распространителей прессы. Если бы «*Теософист*» процветал от такой оплаты, я была бы весьма удовлетворена. Могу добавить, что мы с полковником Олькоттом с тех пор, как выехали из Америки в Бомбей, потратили на поддержку Общества и его представителей из наших личных источников примерно 20 000 рупий, не считая значительных сумм, истраченных полковником Олькоттом во время трех лет, предшествующих нашему отъезду, и с тех пор, как было учреждено Общество.

Теперь еще один момент: мое внимание привлекает тот факт, что имя полковника Олькотта фигурирует в качестве части названия одной индусской фирмы, относящейся к торговым предприятиям. Ответ прост — полковник Олькотт никогда не извлекал ни одной рупии выгоды из этого дела. Как комиссионер американского Госдепартамента, которому поручено продвижение торговли между Индией и Соединенными Штатами, он просто надеялся на улучшение нашего предприятия посредством разрешения использования его имени, ради способствования успеху Америки, поскольку его имя могло послужить рекомендацией, делу международной торговли, имеющей место здесь при посредстве Теософского общества, в которой он был заинтересован. По-

скольку такое использование было понято неправильно, полковник Олькотт собирается по возвращении в Бомбей прояснить это дело.

Е.П. БЛАВАТСКАЯ.

[27 сентября 1880 г. в «*Indu-Prakash*» было опубликовано письмо к издателю, подписанное: «Региональный член». Оно имело отношение к торжественным обещаниям и секретности, требуемой от членов Теософского общества. В своем «Альбоме», том X, часть II, с. 481-482, Е.П.Б. написала сбоку от вырезки: «*Бесславная клевета, написанная миссис Бэйтс*».]

ИНДИЙСКАЯ «ПУБЛИКА» И ТЕОСОФИЯ

Издателю «*The Indian Spectator*».

Прежде чем подойти к главному вопросу, который вынуждает меня любезно просить предоставить мне место в вашей уважаемой газете, не проинформируете ли вы меня касательно природы новорожденного и очень одаренного ребенка, который называет себя «*The Bombay Review*»? Это фанатический, сектантский печатный орган христиан или беспристрастное издание, справедливое во всем и непредвзятое, как любая уважаемая газета, именующая себя «Обозрение», *обязанная* быть, особенно в таком месте, как Бомбей, где имеется такое разнообразие религиозных убеждений? Два абзаца в номере за 22-е февраля, посвященные Теософскому обществу, из-за сомнительного замечания его американских членов заставляют меня склониться к первому мнению. Нападки этого издания на моего уважаемого друга, мисс Бэйтс, и апокалиптическое видение современного Иезекииля, подписывающегося «Антропософ», который пускает свои довольно тупые стрелы в полковника Олькотта, требует ответа, чтобы убедить, что стрелы, направленные на теософов, должны быть острее. Оставив пророку его провидческие видения, я просто отрецензирую издание этого «*Review*», которое пытается быть одновременно и сатирическим и серьезным, а преуспевает только в бестолковости. Цитируя фразу, касающуюся мисс Бэйтс, из другой газеты, которая описывает ее как «не христианку», она с горьким и эгоистичным духом высокомерия и притворного превосходства, характерного для христианского сектантства, замечает: «Публика не

может позволить себе не принимать во внимание то, что выделено курсивом».

Позвольте мне задать вопрос — что это за «публика»? Большинство интеллигентных и читающих людей — особенно местных газет в Бомбее, как и во всей Индии, — насколько нам известно, состоит не из христиан, а из парсов, индусов и т. д. И эта публика, вместо того чтобы возмутиться на подобную «бессмысленную агрессивность», к которой ее призывает автор, радуется, что находит по крайней мере одну европейскую леди, которая в то же время *не* является христианкой, совершенно готова, как и теософ, позвать любого уважаемого «язычника», ее собрата, и относится к нему по меньшей мере с той же симпатией, как относилась бы к христианину. Но этот глупейший удар на теософию объясняется следующим:

«В *собственных же интересах* этой молодой леди, подобное оскорбление нельзя бросать в лицо христианской публики». Тут даже не стоит обсуждать старую древнюю аксиому, что честность — лучшая политика, и мы можем только пожалеть наших христианских оппонентов, что они вдруг так быстро «разоблачили» свою коварную политику. В то время как в глазах каждого честного язычника теософ может не обладать рекомендациями выше, чем его репутация как честного человека, наше христианское *обозрение* невольно выставляет напоказ скрытые пружины механизма миссионерства, принимающего за аксиому то, что «в *интересах*» каждого человека прежде всего — *быть христианином*. Мы действительно ощущаем огромную благодарность «*Обозрению*» за такое искреннее и благородное признание. Защита автором «публики», о которой он рассказывает, неавторитетна и очень слаба и неудовлетворительна, поскольку нам всем известно, что среди 240 000 000 человек местного населения Индии христиане составляют не более чем каплю в море. Или предполагается, что никакая другая публика, кроме христианской, не достойна носить такое наименование и вообще обсуждаться и рассматриваться? Если бы вместо теософов здесь оказались обращенные брахманы, кто-нибудь из них объявил о своем признании веры словами, выделенными курсивом: *не язычник*, то, интересно, не вызвало бы это беспокойства за причинение вреда

чувствам миллионов индусов, когда слова этого язвительного репортера дошли бы до их сознания?

Фразу «Индия многим обязана христианству» мы считаем не иначе как возмутительной и бесцеремонно-самоуверенной. Индия многим и всем обязана Британскому правительству, которое против того, чтобы здешние язычники стояли наравне с теми, кто рожден в Англии, и потому не допускает, чтобы один класс оскорблял другой больше, чем это было бы в случае возрождения инквизиции. Индия обязана Великобритании своей системой образования, своим медленным, но безусловным прогрессом и защитой от агрессии других народов; христианству же она не обязана ничем. Впрочем, по-видимому, я ошибаюсь и должна сделать одно исключение. Индия обязана христианству мятежом 1857 года, который отбросил ее назад на целое столетие. Это мы заявляем со всем авторитетом общего мнения и мнения сэра Джона Кайе, который говорит в своей «*History of the Sepoy War*»,¹ что мятеж стал результатом разжигания розни миссиями, занимающимися крещением, и глупых разглагольствований «Друзей Индии».

Итак, я закончила, но мне хотелось добавить еще одно слово напутствия к «*Review*». В последнюю четверть девятнадцатого века, во время самого последнего пересмотра *Библии* — этого непогрешимого и откровенного Слова Божьего! — обнаружилось 64 000 неверно переведенных мест и других ошибок, но не теософами — хотя огромное количество членов Т.о. являются английскими патриотами и учеными, — а скорее самими христианами, которые должны воздерживаться от «необоснованной агрессивности» против публики другой веры. Бумеранг может возвратиться обратно из самой неожиданной параболы и угодить в тех, кто его бросил.

Е.П. Блаватская
Бомбей, 25 февраля 1879 г.

---

¹ Том I, с. 248, 472-473.

ХАРИЧАНДРА ЧИНТАМОН

Сэр!

В соответствии с вашей просьбой, от 2-го апреля, проинформировать вас об итоговом количестве денег, посланных нашим Обществом из Нью-Йорка по распоряжению Совета к Арье Самадж, позволю себе сообщить вам следующее:

С августа 1878 года мистер Харичандра Чинтамон, тогдашний Президент Арья Самадж в Бомбее, подтвердил получение 609 3/4 рупий чеком, а его расписка находится теперь в вашем распоряжении.

Кроме того, когда вы обнаружите копии (приложенных к расписке) оригинальных счетов и моих требований отправить вышеуказанную сумму к Самадж или возвратить ее мне, как секретарю Теософского общества и его казначею со времени моего отбытия из Америки, из фондов Общества, то поймете, что это была значительная часть всех финансовых средств. Мистер Харичандра Чинтамон удержал из вышеуказанной суммы р-й 609 3/4 — 53 рупии и 12 анн для указанных ниже расходов Арья Самадж:

	Рупий	анн
Почтовые расходы на письма, написанные им в Америку	15	0
Телеграмма в Нью-Йорк, адресованная им мне	26	4
Наём стульев для собрания Самадж после нашего прибытия в Бомбей	12	8
Итого...	53	12

Что касается списка вещей, предоставленных нью-йоркскими теософами мистеру Харичандре Чинтамону, как Президенту Самадж, он тоже прилагается, а я могу порадовать вас только тем, что эти вещи я передала ему лично. Среди них были фотографические портреты братьев из Америки и Англии, посылаемые ими своим братьям из Арья Самадж, а на обратной стороне карточек было написано их вероисповедание и имена. Если не ошибаюсь, их было не менее шести, а именно: Д.Х.Дж. Биллинга, миссис Биллинг, С.С. Массея, президента Лондонского филиала, преподобного д-р Айтона, Палмера Томаса, У.Л. Хьюджа и еще нескольких других, присланных тоже из Америки. Также было прислано большое золотое и бирюзовое покрывало с пятью узорами, чтобы расположить на нем пять фотографий *братьев* Арья Самадж. Его доставил из Америки один человек и подарил мистеру Харичандре Чинтамону *для Самадж*. Но поскольку самоуверенность не следует поощрять, его титул президента, и даже члена Самадж были убраны — чтобы выгравировать на обложке альбома не название Арья Самадж, а только имя его президента, и получилось следующее:

«Харичандре Чинтамону
от
Е.П.Б.»

Формально он имел право получить его, несмотря на то, что когда присланный *Альбом* был ему вручен в первый день нашего прибытия, в присутствии полковника Олькотта и других, при этом мною было ясно заявлено, что *Альбом* предназначен для Самадж, чтобы поместить в нем фотографии его западных членов, некоторые из которых уже прислали со мной свои фотографии и приветствия их восточным братьям.

Я не сомневалась, что, после его исключения из Самадж, если вспомнить об отсылке *Альбома* тем, кому он предназначался в первую очередь, мистер Харичандра Чинтамон откажется от него, если только не пожелает представить дополнительные доказательства разумности исключения его из членов общества. И все же я не могу поверить, что ради завладения

предметом стоимостью от силы в 75 долларов кто-нибудь, называющий себя джентльменом, когда-либо унижится до подобного *публичного* поступка. Я повторяю еще раз — он имел право на это; но если он воспользовался этим правом, то *Альбом*, к большому сожалению, останется у наших американских теософов, и мы всегда будем открыты и по-братски привязаны к любому, кто хотя бы немного этого достоин.

А тем временем остается только верить.

С уважением к вам, Е.П. Блаватская.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «INDU PRAKASH»

МАДАМ Е.П. БЛАВАТСКАЯ пишет нижеследующее издателю «*Indu Prakash*»:

С тех пор как я приехала сюда в феврале, вместе с гостеприимством и настойчивостью, достойными лучшего применения, все классы общества приняли меня как тайного эмиссара русского правительства и — будем называть вещи своими именами — как «шпиона». И все же я была настолько плохо осведомлена о властных структурах моей родной страны, равно как о текущей русской политике, что, к моему превеликому любопытству, теперь я обращаюсь за помощью к вам. Не могли бы вы любезно обсудить со мной, кто может быть той таинственной личностью, что недавно появилась в России? Он называет себя «принцем Индии» и вызывает огромный интерес у обычной публики, и в то же самое время его приняли в качестве почетного гостя на Санкт-Петербургском императорском дворе — хотя, как говорят, *тайно*. Тогда почему одна из многочисленных получаемых мною газет, говоря о нем, упомянула о его прибытии? Перевожу *дословно*: «Несколько дней назад по пути из Петербурга в Самару в Москву прибыл индийский принц Рамчандер Баладжи Бхоттор. На полковника и адъютанта генерального штаба графа Н.И. Ростовцева возложили заботу о принце, и сейчас он занимается размещением его многочисленной свиты. Кто же этот принц? Очевидно, он имеет какое-то отношение к этой стране, если даже не является близким родственником знаменитого Нана Сахиба. Будучи новой для наших читателей, эта часть инфор-

мации утратит новизну для всеведущей индийской полиции, которая, например, случайно обнаружила, что я была опасной русской шпионкой. Безусловно, им все известно об этом таинственном принце. Тогда какая досада, что они ничего не расскажут!

МАДАМ БЛАВАТСКАЯ

Сэр! Не будете ли вы столь любезны отвести место в вашем следующем номере для моего возмущенного протеста? Рассказывая обо мне в вашей передовой статье от 23-го мая, озаглавленной «Теософское чудотворство», обо мне упоминают как о «графине» Блаватской. Позвольте мне раз и навсегда заявить, что такого титула я не ношу, равно как и не уступаю право приписывать мне длинный список пороков, которыми меня наделили, по-видимому, из-за тщеславия *парвеню*. Моя семья с обеих сторон древняя и благородная достаточно, чтобы переданная мне по наследству гордость оставляла место даже для ничтожного чувства тщеславия. Мне приходилось протестовать против этого титула, когда я находилась в Америке; я протестовала против него и в другое время в парижском «*La Revue Spirite*»; третий протест я опубликовала в «*Bombey Gazette*» от 13 мая, утверждая по достаточно важным причинам, что я вовсе не рассталась с американским гражданством, а мое имя — просто

Е.П. Блаватская.
Бомбей, 12 июня.

[Выражение «графиня Блаватская» было взято из индийских газет. — Изд.]».

МАДАМ БЛАВАТСКАЯ

[«Amrita Bazaar Patrika», 3 марта 1881 г. Переписано из Scrapbook Е.П.Б., том VI, стр. 24а, с любезного разрешения Теософического общества, Адьяр. — *Составитель.*]

Сэр. — Нам кажется, что редактор (или редактора ?) этой лживой английской газетенки в Лахоре, «(не) гражданской и (скорее трусливой, чем) военной газеты» («Civil and Military Gazette»), — ввиду того, что она всегда готова нападать на беззащитных женщин, — снова затеял свою низкую игру. Я не читаю ее, но друзья в Лахоре сообщили нам, что на основании одной статьи, опубликованной в «New York World» неким членом Теософического общества, который цитирует из частного шуточного письма полковника Олькотта своему очень близкому другу (секретарю Теософического общества Нью-Йорка) следующие слова: «У меня нет ни цента, как и у Блаватской», — эта хулиганствующая газетка, настаивая на буквальном понимании этой фразы, напечатала целую колонку клеветнических инсинуаций, чтобы предупредить местных жителей, что мы — не более, чем всего лишь нищие авантюристы. Эти друзья убеждали нас ответить на этот выпад в той же газете, которая опубликовала его. Мой ответ таков: «Gazette» по-видимому всегда готова, — неважно, исходят ли эти клеветнические и идиотские измышления, направленные против нас, от ее редактора (или редакторов), или же извне, — открыть грязным обвинениям свои страницы, как если бы они были столь многочисленными в Индии сточными канавами, для того чтобы выносить публичные литературные помои.

Такая цель вполне достойна этой газеты. Но я прошу любого *джентльмена* и честного человека в Индии, будь он местным жителем или британцем, решить, какое имя следует дать редакторам, которые будут нападать столь трусливым образом на женщину, которую они не знают, основываясь лишь на злобных слухах и сплетнях, распространяемых ее врагами? И не будет джентльменом тот, кто не скажет, что для меня было бы унижением просить их напечатать мой ответ. За прошедшие шесть месяцев мы в Теософическом обществе, и в особенности я лично, испытали многочисленные нападки без малейшего к тому повода со стороны десятков газет, хороших, дурных и неопределенного характера. Мелкие шавки тывкали на нас, подражая большим собакам. И все же ни полковник Олькотт, ни я не оглохли и не лишились дара речи от этой собачьей какофонии, и их злоба никогда не достигала уровня нашего презрения к ним, — и мы не мы ни разу не ответили ни единым словом на их поношение. Если бы полковник Олькотт и я были англичанином и англичанкой, никакой редактор в Индии не осмелился бы сказать и десятой части того, что было сказано о нас. Поскольку он американец, а я — русская, мы должны были понести наказание за то, что родились в наших странах. Если Теософическое общество в связи с исповедуемыми им воззрениями подвергается клевете и ненависти со стороны всех праведных христиан и особенно священников (поскольку они наиболее связаны с этой религией мнимого милосердия и благотворительности), то все же наши «языческие» взгляды не должны иметь никакого отношения к остальным людям. За исключением немногих изданий с большими тиражами, редактора которых, будучи джентльменами, никогда не оскорбляли нас, даже если и были противниками наших взглядов, — англо-индийские газеты ругали меня *потому, что я по рождению русская*, а полковника Олькотта потому, что в их глазах он виновен в двойном преступлении, — что он, будучи американцем, связал свою работу с дочерью моей, ненавистной им страны. Что же касается местных, туземных газет, — немногие из тех, которые имеют какой-либо вес, преступили когда-либо границы пристойности. Те же, что сделали это, показали тем самым, что их редакторы либо совершенно не понимают нас, либо лишь лъстиво под-

лаживаются к мнениям «сахибов». Я предоставляю полковнику Олькотту делать все, что будет ему угодно, в этом частном вопросе. Но должна ли я оказать честь одной из *таких* газет и унижить себя прямым ответом ей? Должна ли я обращать внимание на осипший голос каждого шотландского редактора, который захочет смешать меня с грязью, пользуясь слишком широкими рамками закона о клевете? Никогда. Другьям, которые слишком озабочены тем, чтобы я показала правду и доказала, кто я есть и насколько я бедна деньгами, я могу лишь предъявить мой американский паспорт и мои русские бумаги; отослать моих врагов за информацией к Санкт-Петербургской «Книге геральдики и дворянства»;¹ послать их к различным банкирам и другим уважаемым английским и местным джентльменам, которые могут доказать, что мои доходы, происходящие исключительно из законных и частных источников, были достаточно велики для того, чтобы покрыть все мои личные затраты и большую часть расходов Общества. Кроме того, здесь нет ни одной рупии, поступившей от какого-нибудь индуса или англо-индийца. Эти свидетельства, также как и книги Общества, докажут, что в то время как доход последнего от «вступительных взносов» и небольших пожертвований на библиотеку в течение целых двух лет в Индии составил всего лишь 1560 рупий (одна тысяча пятьсот шестьдесят), полковник Олькотт и я потратили на 31 декабря 1880 года сумму в 24 951 рупию (двадцать четыре тысячи девятьсот пятьдесят одну).

Никто не имеет права запускать свою руку в мой карман и считать мои деньги; и все же, чтобы дать моим друзьям прекрасную возможность для опровержения, надежное оружие против злобных инсинуаций «*S. and M. Gazette*», я советую им предложить ее редакторам пойти в «Союзный банк Симлы» и послать запрос в Аллахабад. Непосредственно перед тем, как полковник Олькотт написал ту шутку своему другу, в которой изображалась нищая Блаватская, — из 3200 рупий, которые я

---

¹ Судя по всему, это книга, известная в России как «Гербовник», содержащий дворянские гербы и их описание. Он был опубликован в 1789-1799 годах Министерством геральдики. — *Составитель.*

взяла с собой из Бомбея, я положила 2100 рупий в вышеупомянутый банк; а чек на полученные месяцем раньше из дома 2000 рупий был обменен для меня одним известным английским джентльменом из Аллахабада. Я не буду говорить о других полученных деньгах, — полученных, конечно, не от местных жителей, но о законных суммах, прошедших через английские руки, — ибо суммы в 5000 рупий достаточно для того, чтобы показать всю ложность *лживых* обвинений, выдвинутых против меня моими врагами.

В заключение я предлагаю редактору «С. М. Gazette» оставить свои трусливые, туманные намеки, и открыто выступить с позорным обвинением, которое попадает под закон о клевете, — *если только он осмелится сделать это*. Пока это не произойдет, я имею полное право воздерживаться от упоминания о нем, так как он не джентльмен. А если он заходит слишком далеко, то я все же достаточно доверяю беспристрастному принципу британской юстиции, чтобы поверить, что она будет защищать *даже русскую*, проживающую под тенью ее флага.

НАУКА МАГИИ

Во время пребывания в Итаке, где очень мало читают спиритические газеты вообще, и «The Banner of Light» в частности, но в нескольких домах гостеприимно относятся к выпускам «The Scientist», именно благодаря вашей газете я узнала о необыкновенно интересном и в высшей степени научном выступлении в редакторской статье, опубликованной в «Banner», против магии или, скорее, против тех, кто имеет глупость в магию верить. Так как намеки, касающиеся меня, благопристойно завуалированы (по крайней мере, в тех отрывках, которые я видела) и, похоже, в качестве жертвы на алтарь ангелам некоторые, на первый взгляд очень искренние, спиритуалисты избрали лишь полковника Олькотта, я оставляю этому джентльмену самому позаботиться о себе, если он сочтет это нужным, и скажу только несколько слов относительно якобы *несуществующей* магии.

Если бы я выступала только от своего имени и основывала защиту магии только на том, что видела сама и что достоверно знаю об этой науке в результате многих лет жизни в Индии и Африке, я, возможно, рисковала быть оказаться названной мистером Колби — с присущей почтенному издателю «The Banner of Light» непредубежденной утонченной вежливостью — «безответственной женщиной». Такое уже случилось. Поэтому в противовес поразительной уверенности этого господина в том, что никакой магии не существует и никогда в этом мире не существовало, я постараюсь найти авторитеты под стать ему, а может и выше, и тем самым опровергнуть ранее приведенное утверждение.

Неортодоксальным спиритуалистам, таким, как я, в наши дни следует быть осторожными и предусмотрительными, если они не хотят, чтобы их с неугасимой жадой возмездия преследовала могущественная армия последователей индийских учений и всевозможных «наставников» нашей светлой Страны Вечного Лета.

Автор редакторской заметки пишет, что он:

Не считает вовсе невозможным существование духов-шарлатанов, старающихся обмануть некоторых сторонников оккультных наук и убедить их в том, что магия существует.

Я не только считаю это возможным, но абсолютно уверена и могу присягнуть в этом, что не раз либо слишком элементарные, либо мало развитые духи, подписываясь именем Теодор Паркер, совершенно явно обманывали и водили за нос нашего уважаемого редактора газеты «The Banner of Light», заставляя его печатать, например, что Апеннины находятся в Испании.

Более того, опираясь на свидетельства многих образованных спиритуалистов, общеизвестных своей честностью, я могу привести бесконечное число доказательств и примеров, когда элементарные «диакка», *Esrito malins etfarfadeto* и другие подобные ненадежные и невежественные натурализовавшиеся обитатели мира духов под прикрытием помпезных хорошо всем известных имен внезапно выдавали недоумсвающим свидетелям такую жалкую, несусветную, явно выдуманную ерунду, а то и просто ересь, что многие, искренне верившие до того в спиритическую философию, либо молча отдалялись, либо, если изначально были приверженцами римской католической церкви, старались срочно припомнить, какой рукой делают крестное знамение, а, вспомнив, изрекали: «*Vade retro, Satanas!*» [Изыди, Сатана!] Таково мнение любого образованного спиритуалиста.

Если бы против магии так высказался неутомимый Аттила, преследователь и гонитель современного спиритуализма и медиумизма — доктор Дж. Бэрд, — я бы не удивилась, так как синие пилюли и черные настойки считаются лучшим средством против мистики и спиритуалистических домыслов; но для убежденного спиритуалиста, верящего в невидимые таинст-

венные миры, полные существ, истинная природа которых все еще представляет неразгаданную тайну, было бы слишком дерзко начать саркастически отрицать то, существование чего доказано и во что верили на протяжении веков люди, более мудрые, чем он сам! И вот таким скептиком оказывается издатель ведущей спиритуалистической газеты! — человек, первейшая обязанность которого помогать своим читателям неустанно и упорно искать истину, в какой бы форме она ни предстала. Но вместо этого он рискует запутать множество людей, которые доверяют его притворной лояльности и легковерию. Каждый серьезный искренний спиритуалист не может не согласиться со мной в том, что если современный спиритуализм в течение еще хотя бы нескольких лет будет оставаться в таком же состоянии хаотической анархии, как сейчас, если позволить ему развиваться нынешним безумным путем, разрастаясь во все стороны пустыми гипотезами, основанными на суеверных, беспочвенных идеях, тогда действительно восторжествуют доктора Бэрды, доктора Марвины и прочие ученые(?) скептики.

Действительно, отвечать на смехотворные невежественные утверждения, как то, что заставило меня взяться за перо, кажется пустой тратой времени. Любому хорошо начитанному спиритуалисту здесь не нужен ни мой, ни чей-либо другой совет; встретив утверждение: «Существование когда-либо такой науки, как магия, никогда не было и не будет доказано», он просто пожмет плечами и улыбнется, как, возможно, улыбнулся попытке духов мистера Колби реорганизовать географию, поместив Апеннины в Испанию.

Неужели, о живой человек, ты никогда не открывал ни одной книги, кроме твоих же описаний того, как Том, Дик и Хэрри спускались из высших сфер специально чтобы напомнить дядюшке Сэму, как тот порвал гетры или сломал трубку на Дальнем Западе?

Неужели ты думал, что магия — удел ведьм, разъезжающих на помеле и оборачивающихся в черных кошек? Но даже эта суеверная чушь, всегда называвшаяся не магией, но колдовством, не покажется такой уж глупостью тому, кто твердо верит в превращение миссис Комптон в Кэти Бринкс. Законы природы неизменны. Условия, при которых медиум может

под влиянием духа подвергнуться трансформации, стать похожим внешне на другого человека или животное, будут соблюдены всегда, когда этот дух, или, скорее, эта *сила* захочет принять форму кошки.

Проявление магических сил есть проявление сил природных, естественных, но высших по отношению к обычным процессам природы. Чудо — это не насилие над законами природы; разве только для невежд. Магия — это *наука*, глубокое знание оккультных сил природы и законов вселенной, управляющих видимым и невидимым миром. Спиритуализм в руках адепта превращается в магию, ибо он владеет искусством сочетания законов вселенной, не нарушая их и, следовательно, без насилия над природой. В руках опытного медиума спиритуализм становится невольным колдовством, так как, будучи беспомощным орудием в руках различных духов, о которых он сам ничего не знает кроме того, что сообщают ему сами духи, медиум открывает (того сам не сознавая) дверь между двумя мирами, через которую проникают слепые силы природы, скрывающиеся в астральном свете, а также хорошие и плохие духи.

Сильный месмеризатор, глубоко знающий это искусство, такой как барон Дюпоте и Регацони Пьетро д'Амичис из Болоньи — это маг, ибо стал адептом, посвященным в великую тайну Матери Природы. Такие люди — и подобные Месмеру и Калиостро — *управляют* духами, а не позволяют им управлять собой; в руках таких людей спиритуализм в безопасности. При отсутствии опытных адептов для одаренного ясновидением медиума лучше положиться на случай и удачу и пытаться судить о дереве по плодам. Нечистые духи редко выбирают проводником чистого, добродетельного человека; еще реже чистые духи выбирают нечистых проводников. Подобное притягивает подобное.

Но вернемся к магии. Таких людей, как Альберт Великий, Раймонд Луллий, Корнелий Агриппа, Парацельс, Роберт Фладд, Евгений Филалет, Кунрат, Роджер Бекон и других, подобных им, в наш скептический век обычно считают мистиками, фантазерами; но точно так же и современных спиритуалистов и медиумов, — последних особенно — считают шарлатанами и трюсами; однако никто и никогда не считал

философов-герметистов глупцами и идиотами, каковыми, в ущерб нам и нашему делу, каждый неверующий почитает верующих в спиритуализм. В наше время можно не верить и сомневаться в учении герметистов, как и во всем остальном, но не следует сомневаться в их знании и могуществе при жизни, поскольку они всегда могли представить нужные доказательства — ибо сами управляли теми силами, которые теперь управляют беспомощными медиумами. У них была своя наука, и философию они использовали, чтобы опровергать смехотворные отрицания, в то время как мы, сентиментальные спиритуалисты, убаюкивая себя сладкой колыбельной, не можем отличить ложные явления от истинных, и нас ежедневно обводят вокруг пальца коварные шарлатаны. Хотя в философах прошлого сомневались так же, как и в современных спиритуалистах, однако их почитали и уважали даже те, кто абсолютно не верил в их оккультные силы, потому что это были гиганты мысли. Глубокое знание, как и развитые силы интеллекта, всегда были и будут в почете; но над нашими медиумами и их приверженцами презрительно посмеиваются, и все мы обречены на страдания, так как эти феномены подчиняются капризам своевольных и недобрых духов, которыми мы совершенно не в состоянии управлять.

Сомневаться в магии — значит отрицать саму историю, а также свидетельства множества очевидцев за последние 4 000 лет. Начиная с Гомера, Моисея, Гермеса, Геродота, Цицерона, Плутарха, Пифагора, Апполония Тианского, Симона Мага, Платона, Павзания, Ямвлиха — через целую плеяду великих людей, историков и философов, веривших в магию или самих бывшими магами, — до таких современных авторов, как У. Ховитт, Эннемоузер, Г. де Мюссе, маркиз де Мирвиль и наконец Элифас Леви, сам бывший магом — среди всех этих великих имен только одинокий мистер Колби, издатель «The Banner of Light», не признает существования магии. Он простодушно верит, что вся священная армия библейских пророков, начиная с Авраама и кончая Христом, — всего лишь медиумы; по мнению мистера Колби, ими управляли! Представьте лишь, что Христом, Моисеем, Аполлоном Тианским управляет индийский наставник! Возможно, почтенный редактор игнорирует тот факт, что в те времена духовных ме-

диумов знали намного лучше, чем сейчас, а также и то, что сивиллами, пифиями и другими медиумами руководили и управляли высшие жрецы, посвященные в эзотерическую магию и мистерии храмов. Теургия была настоящей магией; как и в наше время, сивиллы и пифии были медиумами; но высшие священники храмов были магами. В их руках были все секреты теологии, включающие в себя и магию, как искусство призывать на службу духов-помощников. Они владели наукой различения духов, чем вовсе не может похвастаться мистер Колби. С помощью этого знания они подчиняли духи своей воле, допуская к своим медиумам лишь добрых духов. Такова была роль магии — реально существующей Белой, или Священной, магии, которая должна бы к настоящему времени стать наукой; оно так бы и было, если бы наука прислушивалась к тому, о чем настойчиво проповедуют спиритуалисты в течение последних 27 лет.

В былые времена неразвитые духи не допускались до провозглашения ересей. Оракулы сивилл или вдохновленные жрицы никогда не смогли бы утверждать в своих прорицаниях, что Афины — индийский город, или перенести гору Арапат в Египет.

Кроме того, если бы скептически настроенный автор издательской заметки меньше уделял времени болтовне индийских духов и больше — изучению серьезных предметов, он бы узнал, что у древних были и незаконные медиумы — я имею в виду тех, которые не принадлежали к храмам, — и духи, управлявшие этими медиумами, не контролируемые опытными магами, были предоставлены сами себе и обращались с медиумами как с беспомощными инструментами. Обычно считалось, что эти медиумы «одержимы» или их «обуяло», и это действительно было так: используя библейскую фразеологию, «в них вселялось семь бесов». Более того, было предписано убивать таких медиумов, так как нетерпимый маг Моисей, знавший мудрость Египта, сказал: «ворожеи не оставляй в живых». Сами египтяне и греки, даже более гуманные и справедливые, чем Моисей, брали таких медиумов в храмы и, если те оказывались неспособны к священным обязанностям прорицательства, лечили их, как Иисус Христос исцелил Марию Магдалину и многих других, «изгнав семь бесов». Мистеру

Колби и Ко. следует либо полностью отрицать чудеса, сотворенные Христом, апостолами, пророками, чудотворцами и магами, и следовательно — всю духовную и светскую историю, либо признать существование некоей силы в этом мире, способной управлять духами, хотя бы только злыми и неразвитыми элементарными сущностями. Чистые духи, развоплощенные, никогда не опустятся в нашу сферу, если их не привлекает поток сильной симпатии и любви, или для выполнения определенной миссии.

Я вовсе не имею цели осмеять или вызвать озлобление ко всем медиумам. Я сама принадлежу к числу спиритуалистов, если подразумевать под этим, по словам полковника Олькотта, твердую веру в бессмертие нашего духа и знание, что для нас всегда существует возможность общения с духами умерших и близких через честных, чистых медиумов или посредством Тайной Науки. Но я не из тех фанатичных спиритуалистов, коих много во всем мире, которые слепо принимают все, что сообщают любые «духи», ибо видела слишком много различных явлений, о которых в Америке никто даже не представляет. Я знаю, что магия существует, и 10 000 редакторов спиритуалистических газет не могут изменить моей веры в это знание. Белая и черная магия существуют, и ни один человек, когда-либо путешествовавший по Востоку и исследовавший данный вопрос, не может в этом усомниться. Моя вера тверда, и поэтому я готова поддержать и защитить любого честного медиума, и иногда даже такого, который кажется нечестным, ибо слишком хорошо знаю, какими беспомощными орудиями и жертвами эти медиумы становятся в руках неразвитых невидимых существ. Более того, я знаю, насколько порочны и злы элементарии и до какой степени они могут овладеть не только чувствительным медиумом, но и *любым другим человеком*. Хотя меня могут посчитать «безответственной» и несмотря на вред, который некоторые медиумы приносят искренним спиритуалистам несправедливостью, односторонностью и духовным сентиментализмом, я могу утверждать, что обычно быстро определяю, обманывает медиум сознательно или незнательно, будучи управляемым.

Итак, магия существует и всегда существовала, с доисторических времен. В известной истории она началась с самоф-

ракийских мистерий, затем непрерывно следовала своим курсом, приостановившись на время в связи с исчезновением теургических обрядов и церемоний в христианизированной Греции, но возобновилась в неоплатонической и александрийских школах, далее она продолжала существовать, передаваемая при посвящении немногочисленным избранным ученикам и философам, преодолела Средневековье и, несмотря на гневное преследование церкви, вновь обрела славу в руках таких адептов, как Парацельс и прочие, но исчезла в Европе с графом Сен-Жерменом и Калиостро, укрывшись от жестокосердного скептицизма на своем родном крае, на Востоке.

В Индии магия никогда не исчезала, она процветает там, как всегда. Ее практикуют, как и в Древнем Египте, только в храмах и называют «Священной Наукой». Ибо это наука, основанная на оккультных силах природы; но никак не слепая вера в глупую болтовню наловчившихся элементариев, готовых силой удерживать *настоящих развоплощенных* духов от общения с близкими им людьми.

Некоторое время назад некий мистер Менденхол посвятил несколько колонок в «*Religio-Philosophical Journal*» вопросам, перекрестным расспросам и критике таинственного Братства Луксора. Он предпринял безуспешную попытку получить ответ от этого Братства и таким образом разгадать загадку сфинкса.

Я могу удовлетворить любопытство м-ра Менденхола. Братство Луксора является одной из секций Великой Ложи, в которой я состою. Если этот господин питает сомнения по поводу моего утверждения — а я уверена, что дело обстоит именно так — то он может, ежели пожелает, обратиться в Лахор за дополнительными сведениями. Если же *комитет Семерых* грубо не ответит и не предоставит нужной информации, тогда я могла бы предложить ему небольшое деловое соглашение. У мистера Менденхола, насколько я помню, в мире духов есть две жены. Обе эти леди материализуются у М.Мотта и часто подолгу беседуют со своим супругом, о чем он не раз нас клятвенно заверял; более того, он утверждал, что не сомневается в подлинности этих духов. А если так, то пусть одна из этих усопших дам подскажет мистеру Менденхолу название секции Великой Ложи, к которой я принадлежу. Ибо

для истинных, подлинных развоплощенных духов — ежели обе являются тем, за кого себя выдают — это сущий пустяк: им нужно лишь спросить других духов, прочесть мои мысли и тому подобное; для развоплощенной сущности, бессмертного духа, это простейшая вещь в мире. Если джентльмен, которому я бросаю этот вызов, хотя и не имею чести быть с ним знакомой, скажет мне, как называется секция — это название знают еще три неопита в Нью-Йорке, — я обещаю предоставить мистеру Менденхолу факты, касающиеся этого Братства, состоящего не из духов, как он мог бы подумать, а из *живых* смертных, и, более того, если он возжелает, напрямую связать его с Ложей, как я делала это для других. Но сдастся мне, мистер Менденхол ответит, что духи не могут указать название, потому что ни Ложь, ни Секция не существует — и тем самым наша дискуссия будет закончена.

В ПОИСКАХ ОККУЛЬТИЗМА

Получая ежедневно многочисленные письма с просьбой посоветовать лучший метод изучения оккультизма и его связи с современным спиритуализмом, но не имея достаточно времени, чтобы ответить на все эти запросы, предлагаю читателям небольшой обзор, в которой назову несколько основных трудов по *магизму* и тайнам современных герметистов.

Здесь я считаю необходимым добавить, учитывая все сказанное ранее, что те, кто собирается изучать эти труды, не должны обольщаться мыслью о возможности стать оккультистами-практиками на основе лишь знаний, почерпнутых из книг. Труды философов-герметистов никогда не предназначались для широких масс, как замечает мистер Чарльз Сотеран, ученый член общества розенкрейцеров, в своей недавней статье:

«Габриэль Розетти в подобном трактате об анти-папском духе, приведшем к реформации, показывает, что искусство говорить и писать на языке, который можно интерпретировать двояко, — очень древнее искусство. Это искусство практиковали египетские жрецы, от них ему научились манихеи, далее — тамплиеры и альбигойцы распространили его по всей Европе, что и привело к Реформации».

Лучшей когда-либо написанной книгой о символах и мистических орденах бесспорно остается книга Харгрейва Дженнинга «Розенкрейцеры». Однако в моем присутствии ее не раз называли «невразумительной чепухой», причем это делали люди, прекрасно разбирающиеся в обрядах и мистериях современного франкмасонства. Менее же осведомленные, про-

что эту книгу, легко могут представить, сколько они усвоят из еще более неясных мистических трудов, ибо если сравнить книгу Харгрейва Дженнинга с некоторыми средневековыми трактатами или трудами алхимиков и магов, последние, с точки зрения языка, намного непонятнее — как непонятна была бы Книга Небес для изучающего небесную философию, если бы он взялся рассматривать далекие звезды не с помощью мощного телескопа, а невооруженным глазом.

Но я далека от мысли обесславить чей бы то ни было похвальный порыв к ревностным поискам Истины, каким бы бесплодным и неблагодарным это на первый взгляд ни выглядело; моим основным принципом было сделать Свет Истины маяком моей жизни. Слова, 18 столетий назад произнесенные Христом: «Веруйте и уразумеете», — можно применить и ныне, я лишь немного изменю их: «Учитесь, и вы уверуете».

Но я не готова принять на себя ответственность адресовать желающих начать изучение тайн природы к какой-либо определенной книге по оккультизму. Что будет ясно тому, кто обладает интуицией, для другого может оказаться бессмысленным. Пока человек не готов посвятить всю свою жизнь великому знанию оккультных наук, их изучение, вне всякого сомнения, сделает его мишенью насмешек и издевательств миллионов невежд. Поверхностное же изучение, в качестве простого развлечения, несет многие опасности. Следует помнить поучительную историю Эдипа, чтобы избежать подобных последствий. Эдип разгадал загадку Сфинкса лишь наполовину, чем умертвил его, но вторая половина загадки отомстила за смерть символического зверя и вынудила царя Фив предпочесть слепоту и ссылку тому, чтобы встретиться с тем, для чего он считал себя недостаточно чистым. Он разгадал тайну человека — форму, но забыл о Боге — идее.

Если человек собирается следовать стопам философов-герметистов, он должен быть заранее готов к мученичеству. Он должен оставить личную гордость и все эгоистичные порывы, быть готовым к постоянным столкновениям с друзьями и врагами. Он раз и навсегда должен проститься со всеми своими предшествовавшими воззрениями. Все религии, знания, науки должны снова стать для него незнакомой книгой,

как в дни младенчества, потому что если он хочет добиться чего-либо, ему необходимо заново изучать азбуку на коленях Матери-Природы, но каждая буква этой азбуки будет дарить ему прозрение, каждый слог и слово — неожиданное откровение. Против этого современного оккультизма поднимутся, став союзниками, два доселе непримиримых врага — наука и теология, эти Монтекки и Капулетти XIX века. Хотя и завершён век сжигания на кострах, но в полном расцвете век клеветы, ядовитой прессы и злословия, так живо выраженный бессмертным Доном Базилио. Долг каббалиста в отношении науки — доказать, что с самого начала существовала лишь одна позитивная наука — оккультизм, что он был таинственным рычагом всех сил разума, Древом познания добра и зла аллегорического рая, от гигантского ствола которого во всех направлениях расходились ответвления, ветви и веточки; первые сначала очень прямые, последние искривлены по всей длине, принимают самые фантастические формы, но в конце концов теряют жизненные соки, деформируются, усыхают, отваливаются от ветвей и покрывают землю вокруг дерева грудой мусора. Оккультисту будущего предстоит показать теологам, что боги их мифов, Элохимы Израиля, а также религиозные и философские тайны христианства, такие как Троица и другие, родились в Мемфисе и Фивах, что их пра-матерь Ева — одухотворенная Психея, причем обе они одинаково поплатились за свое любопытство тем, что одной пришлось спуститься в Аид, другой — в Ад. Психее — затем, чтобы принести на землю известный ящик Пандоры, Еве — чтобы найти и разможить голову Змию, символу времени и зла; преступление обеих было искуплено — языческим Прометеем через Геркулеса и победой Спасителя над христианским Люцифером.

Более того, оккультисту придется публично доказывать христианским теологам то, о чем священники-христиане в тайне знают, а именно: что их Бог на земле был каббалистом, скромным представителем могущественной Силы, которая при неправильном приложении может сотрясти мир до основания; и что все их евангельские символы происходят из одного источника. Например, их воплощенное Слово, или Логос, при рождении приветствовали три Волхва, пришедшие по

звезде, они одарили его золотом, благовониями и мирром — все это сделано в соответствии с рекомендациями каббалы, которую презирают наши современные теологи; здесь волхвы представляют еще одну, более таинственную «Триаду», заключающую высшие тайны каббалы.

Священнослужители, чьей основной целью всегда было сделать из *Божественного Креста* распятие для Истины и Свободы, не могут поступать иначе, как пытаться предать забвению происхождение этого креста, который даже в самых примитивных символах египетских магов представляет ключ к небесам. Но их анафемы не имеют силы в наши дни — люди в большинстве своем стали мудрее; однако, именно здесь и подстерегает самая большая опасность: если мы не преуспеем в том, чтобы заставить массы остаться хотя бы нейтральными — пока они не смогут понять лучше — в этом предстоящем конфликте между Правдой, Суеверием и Предполагаемым, или, выражаясь в других терминах, между оккультным спиритуализмом, теологией и наукой. Нам не следует бояться ни бессильных ударов молний со стороны духовенства, ни пренебрежительного отрицания наукой. Но «общественное мнение», этот невидимый, неосязаемый, вездесущий, деспотический тиран, эта тысячеголовая Гидра, более опасное из всего, что может создать толпа посредственностей — этот тот враг, которого любой потенциальный оккультист должен не презирать, а храбро выступить против него. Многие из значительно более невинных спиритуалистов покинули их овины в зубах этого вечно голодного ревущего льва, который является самым опасным из трех разновидностей наших врагов. Какова будет судьба в таком случае неудачливого оккультиста, если он однажды преуспеет в том, чтобы продемонстрировать близкие отношения между двумя другими его врагами? Массы людей, хотя они вообще не оценивают правдивость науки или не имеют реальное знание, все же безошибочно направляются примитивным инстинктом, и потому они имеют интуитивную — если можно так выразиться — идею в отношении того, что является наиболее значимым в подлинной силе. Люди сговариваться только против действительной Силы. В их слепом невежестве, Тайнственное и Неизвестное были, и всегда будут, источниками ужаса. Цивилизация может развиваться; че-

ловеческая природа всегда будет оставаться той же самой. Оккультисты, будьте осторожны!

Пусть будет ясно, что я обращаюсь лишь к истинно мужественным и упорным. Кроме отмеченной уже опасности человек, решивший стать оккультистом-практиком, столкнется в этой стране почти с бессчетным количеством трудностей. Перед ним предстанут барьер за барьером, всевозможные препятствия, ибо глубоко зарыты ключи от Золотых Врат, ведущих к Беспредельной Истине, а сами Врата окутаны туманом, рассеивающимся лишь под пылкими лучами беззаветной веры. Только вера, одна ее крупница с горчичное зерно, по словам Христа, может сдвинуть гору; вера покажет, сколь простой и ясной становится каббала для посвященного, как только он одолеет первые и самые глубокие трудности. Основные положения логичны, просты и абсолютны. Необходимый союз мыслей и обозначений; троичность слов, букв, чисел и теорем; ее религию можно выразить в нескольких словах. «Это Бесконечность, умещающаяся в руке ребенка», — сказал Элифас Леви. 10 арабских цифр, 22 буквы алфавита, один треугольник, квадрат и круг. Это элементы каббалы, на мистической груди которой были вскормлены все религии, древние и настоящие; которая снабдила символами и тайнами все франкмасонские общества, которая единственная может примирить рассудок человека с Богом и Верой, Силу со Свободой, Науку с Тайнами и которая единственная держит ключи прошлого, настоящего и будущего.

Первая трудность для вступающего на путь оккультизма заключается в его неспособности понять, как я уже отмечала, значение лучших книг философов-герметистов. Эти философы в основном жили в средние века и, руководствуясь, с одной стороны, долгом перед братьями и желанием только им и их последователям сообщить великие тайны, а с другой стороны, естественным желанием избежать кровавой христианской инквизиции, — окутывали себя тайной более, чем обычно. Они изобрели новые знаки и иероглифы, обновили символический язык верховных жрецов древности, которые также заложили в этот язык барьер между своими священными обрядами и невежеством толпы непосвященных; и создали настоящий каббалистический разговорный язык. Именно этот

язык ослеплял ложных неопитов, тянувшихся к этой науке из жадности, желания богатства и силы, которыми они бы, конечно, неверно воспользовались, если бы обрели их; но этот язык в то же время — живой, красноречивый, ясный — для истинного ученика и последователя Гермеса.

Но даже если бы это было не так, а для изучения каббалы достаточно было прочесть книги по оккультизму, написанные простым и точным языком, этого все равно было бы недостаточно для настоящего, глубокого и истинного понимания некоторых авторов. Галатинус и Пико делла Мирандола, Парацельс и Роберт де Флуктиб не дают ключа к практическим тайнам. Они просто рассказывают, что может быть сделано, но не говорят — *как*. Многие философы, знающие чуть ли не наизусть всю литературу герметистов и посвятившие ее изучению 30-40 лет жизни, терпят неудачу именно когда думают, что близки к достижению конечного результата. Необходимо знать сочинения древнееврейских авторов, как «Сефер Иецира», или, например, выучить наизусть великую книгу «Зогар» в оригинале, изучить «Kabalah Denudata» издания 1684 года (Париж), заняться каббалистической пневматикой, а затем броситься с головой в туманные воды этого таинственного <...>¹ ...никогда не пытались объяснить: Пророчество Иезекииля и Апокалипсис, эти 2 каббалистических трактата, прокомментировать которые могут лишь великие волхвы; книги за семью печатями для верующих христиан, но ясные для неверующих, но посвященных в оккультные науки.

Итак, повторяю, оккультная литература писалась не для масс, но для тех членов Братства, кто основной целью жизни избрал разрешение тайн каббалы и кто уже преодолел первые сложности азбуки философских герметистов.

Пылким и упорным в освоении описанной выше науки могу предложить один совет: «Дерзайте, и вам будет дано». Совершите хотя бы одно путешествие на Восток, и если вы пребудете в должном состоянии духа, то возможные «случайные» встречи, обычные при путешествиях, вполне могут помочь открыться настезь дотоле закрытым дверям, ведущим к

---

¹ Далее неясно, пропущено около параграфа. — *Прим. первого издателя.*

разгадкам тайн. Скажу больше: если вы отправитесь в такое путешествие с одной постоянно горящей в вас мыслью и с пылкой волей, результаты будут быстрее, лучше и реальнее, чем самое усердное изучение оккультизма по книгам, даже если посвятить этому десятки лет.

Во имя Правды, ваша,

Е.П. Блаватская.

ЧТО ТАКОЕ ИНДУССКИЙ СПИРИТУАЛИЗМ?

Оккультные феномены в Индии — помимо того, что вызывают несомненный интерес, сильно отличаются друг от друга, а во многих случаях и являются полной противоположностью тому, о чем мы привыкли слышать в Европе и Америке — обладают еще одним свойством, которое заслуживает серьезного внимания исследователя психологии.

Надо ли приписывать феномены непосредственному вмешательству и помощи духам умерших людей или же какой-то другой, и к тому же неизвестной, причине, — этот вопрос пока отложим в сторону. С некоторой степенью обоснованности его можно обсудить только после того, как большинство этих феноменов будет тщательно изучено и представлено на суд беспристрастной и непредубежденной публике, во всей правдивости и без преувеличений. Кое-что я все же хотела бы подчеркнуть: что вместо требований обычных «условий темноты» и кругов гармонии, которые, тем не менее, оставляют свидетелей не уверенными в достижении ожидаемых результатов, индийские феномены, за исключением самостоятельных проявлений бхутов (духов умерших), никогда не бывают случайными и спонтанными и выглядят целиком зависящими от воли оператора, будь он святой индуcский йог, мусульманский садху, факир или еще какой-нибудь хитроумный джаддугар (колдун).

В связи с этим я намерена предоставить многочисленные доказательства того, о чем здесь говорю; читаем ли мы о якобы сверхъестественных манифестациях риши, арийских патриархов античности, или ачарий (духовных учителей) века

Пуран, рассказывают ли нам о них народные предания или же мы сами наблюдаем за этими манифестациями в наши дни, эти феномены будут всегда существенно различаться друг от друга.

И в феноменах медиумизма, и в средневековых проделках лудонских монахинь и других исторических *possédées* [одержимых (*фр.*)] в момент одержания бхутами мы часто узнаем точные копии — как если бы они были когда-то оригиналами — библейских чудес. За двумя исключениями, из-за которых мир добродетели впадает в экстаз, славя Всевышнего, а мир скептицизма язвительно ухмыляется, а именно, антигелиоцентрического преступления, совершенного Иешуа, и неприятной экскурсии Ионы в чреве кита, в Индии можно встретить почти все феномены, которые, как говорят, так прославили Моисея и других служителей Господа.

Но пожалейте тех почтенных фокусников Иудеи! Пожалейте те благочестивые души, которые возвели на такую высоту этих якобы пророков будущего пришествия Христа. Сорок теологов англиканской церкви сейчас заняты исключительно тем, что порочат еврейскую Библию, сбрасывая идолов с их пьедесталов. Отчаянный крик, поднятый «Комментарием» к «Священному» Писанию, только что напечатанным в наиболее ортодоксальном органе (Лондонский «Quarterly Review», апрель 1879) подстать лишь кроткой покорности неизбежному. То, на что я намекаю, уже вам известно: я говорю о решении и окончательных выводах о достоинстве Библии, к которым пришли ученые епископы, занимающиеся в последние десять лет тщательной ревизией Ветхого Завета. Результаты этого труда любви можно подытожить следующим образом:

1. Низведение Моисеевых и других «чудес» до простых естественных феноменов (см. решения «Канона» Кука, королевского капеллана, и епископа Гарольда Брауна).

2. Отказ от многих пророчеств Христа как таковых; упомянутые пророчества, оказывается, имеют отношение лишь к событиям еврейской истории.

3. Решения не возводить на одинаковую высоту Ветхий Завет и Евангелия, так как это неизбежно приведет к осквернению Нового Завета.

4. Печальное признание, что книги Моисея не содержат ни слова о загробной жизни и справедливая жалоба что:

Моисей, находящийся под божественным водительством (?), должен был бы воздержаться от признания жизни после смерти, несмотря на то, что эта вера была широко распространена во всех религиях за пределами Израиля.

То есть:

Это признано одной из загадок, которые являются испытанием для нашей веры.

Это также и испытание для наших американских миссионеров. Образованные туземцы читают английские газеты и журналы, и сейчас становится все труднее убедить этих «просвещенных язычников» в «возвышенных» истинах христианства. Но это лишь в качестве прелюдии; я упоминаю об этих новых фактах лишь потому, что они имеют прямое отношение к спиритуализму вообще и его феноменам в частности. Спиритуалисты всегда пытались сопоставлять свои феномены с библейскими чудесами, и данное решение, принятое теми, кто больше расположен за, чем против «чудес» и божественных явлений, представляет неожиданную трудность на нашем пути. Будем надеяться, что ввиду этих новых течений в религиозной жизни наш уважаемый друг д-р Пиблз, прежде чем всецело посвятить себя созданию «независимых христианских церквей», подождет следующих церковных постановлений и увидит, как английские теологи-иконоборцы и их вердикты опрокинут феномены и Нового Завета тоже. Вполне возможно, если им хватит упорства, они все чудеса, совершенные Иисусом, тоже припишут «естественным феноменам».

К счастью для спиритуалистов, а также и для теософов, от феноменов девятнадцатого века нельзя столь же легко отмахнуться, как от чудес, описанных в Библии. Последним слепо верили почти две тысячи лет, хотя очень часто они переступали границы всех возможных законов природы; в нашем же случае все наоборот: мы можем предоставить именно *факты*.

Но вернемся назад. Если можно сказать, что феномены оккультной природы в изобилии встречаются в Индии, то час-

тые высказывания д-ра Пиблза о том, что в Индии полно прирожденных спиритуалистов, являются, как бы это выразиться, слишком поспешными и преувеличенными. Отстаивая свою точку зрения в лондонском «Спиритуалисте» от 18 января 1878 г. в споре с одним мадрасским джентльменом, проживающим сейчас в Нью-Йорке, он утверждал:

Я встречал не только сингальских и китайских спиритуалистов, но и сотни индусских спиритуалистов, одаренных способностью к сознательному медиумизму. Тем не менее, м-р О'Грэйди из Нью-Йорка сообщает читателям «Спиритуалиста» (см. номер от 23 ноября), что индусских спиритуалистов не существует. Вот его слова: «Ни один индус не является спиритуалистом».

В подтверждение своей точки зрения д-р Пиблз приводит цитату из письма одного уважаемого индусского джентльмена, м-ра Пири Чанд Митры из Калькутты, где говорится, что он благодарит Бога за то, что его «внутреннее зрение все более крепнет» и что он разговаривает «с духами». Все мы знаем, что м-р Митра — спиритуалист, но что это доказывает? Будут ли соответствовать действительности слова д-ра Пиблза что, поскольку Е. П. Блаватская и полдюжины других русских стали буддистами и ведантистами, в России полно буддистов и ведантистов? Возможно, что в Индии и найдется несколько спиритуалистов среди образованных классов, но я очень сомневаюсь, что наш уважаемый оппонент без затруднений сможет найти хоть дюжину спиритуалистов среди 240-миллионного населения этой страны. Есть, конечно, исключения, но они, как известно, только подтверждают правило.

За несколько лет до того, как доктрины спиритуализма стали широко распространяться в мире, я покинула Индию и жила в Америке. Я воздерживалась от полемики в печати со знаменитым спиритуалистом — «паломником» и философом, хотя его заявления и удивляли меня, прекрасно знающую, как мне казалось, Индию. Я подумала, что Индия, консервативная сама по себе, все же могла измениться, и не была уверена в своих доказательствах. Но сейчас, когда я возвратилась в эту страну в четвертый раз и вот уже 5 месяцев живу здесь, тщательно изучая эти феномены, и особенно мнение людей по

этому вопросу, проведя семь недель в путешествиях по стране, я знаю, о чем говорю. М-р О'Грэйди был прав. Ни один «индус» не является спиритуалистом, в том смысле, в котором мы понимаем это слово. И сейчас я готова доказать, если понадобится, на примере десятков писем от заслуживающих доверия индусов, которых воспитали брахманы и которые знакомы с религиозными взглядами и суевериями своих соотечественников лучше, чем кто-либо из нас, что индусов можно назвать кем угодно, но только не спиритуалистами. «Что входит в понятие «спиритуалист»?» — уместно вопрошает в лондонской спиритуалистической прессе один корреспондент, имеющий страсть к описаниям (см. «Спиритуалист», 13 июня 1879 г.). Он спрашивает:

Можно ли назвать м-ра Крукса спиритуалистом, если он, также как и ваш покорный слуга, не верит, что духи мертвых являются посредниками в феноменах?

Затем он приводит несколько определений —

От наиболее вольнодумных до самых консервативных.

Давайте посмотрим, к какому из этих определений «спиритуализм» индусов, я не говорю обо всех, подходит больше всего. Так как д-р Пиблз во время своих двух кратких пребываний в Индии, а также по дороге из Мадраса, когда он следовал от Калькутты до Бомбея, мог повстречать «сотни спиритуалистов», то это действительно могло бы составить, если не большинство, то, по крайней мере, значительную долю их из всего 240-миллионного населения Индии. Я сейчас процитирую определения из письма одного интересующегося, который подписывается «Спиритуалист» (?), и добавлю к ним свои собственные замечания:

А. — Каждый, кто верит в бессмертие души, является спиритуалистом.

Думаю, что нет, в противном случае всю христианскую Европу и Америку можно было бы занести в разряд спиритуалистов; также определение (А) не отвечает религиозным воззрением ни одной из индусских сект. В то время как невежественные массы верят и стремятся к *мокше*, т.е. к растворению

духа человека в Брахмане, или к утрате индивидуального бессмертия, как средству избежать наказания и ужасов посмертного перехода, философы, адепты и знатоки йоги, такие как наш досточтимый учитель Свами Даянанд Сарасвати, великий реформатор Индии, ученый-санскритолог и глава Ведической секции восточного отделения Теософического общества, объясняют будущее состояние духа, его прогресс и эволюцию в терминах, совершенно отличающихся от воззрений спиритуалистов. Об этих взглядах, если захотите, я могу написать в одной из следующих статей.

Б. — Любой, кто верит, что общение с духами умерших подтверждает продолжение существования сознания после смерти, является спиритуалистом.

Индус, будь он ученый муж, философ или невежественный идолопоклонник, не верит в «продолжение существования сознания», хотя верит в святую, безгрешную душу, которая достигает Сварги (неба), и *мокшу* в продолжение периода, длящегося много миллионов и квадрильонов лет, от одной Пралайи ¹ до другой. Индусы верят в циклическое переселение души, во время которого есть периоды, когда душа теряет свои воспоминания, а также и сознание своей индивидуальности; если бы это было не так, то каждый из нас отчетливо помнил бы все свои предыдущие воплощения, но мы их не помним. Логика индусских философов очень последовательна. По крайней мере, они не допускают вечно длящейся награды или наказания за какие-нибудь несколько десятков лет жизни на земле, будь эта жизнь святой или грешной.

---

¹ Что означает слово «Пралайа», см. «Разоблаченную Изиду», том II. Я счастлива отметить, что несмотря на язвительную критику, которую обрушили на ведический и буддийский разделы некоторые американские ориенталисты, Свами Даянанд и досточтимый Сумангала с Цейлона, представляющие ведическую и буддийскую школы в Индии — первый лучший санскритолог, а второй знаменитый исследователь языка пали — оба выразили свое удовлетворение моими эзотерическими объяснениями, касающимися их религий. «Разоблаченная Изиды» теперь переводится в Индии на маратский язык и хинди, а также на язык пали на Цейлоне.

В. — Спиритуалистом является тот, кто верит в любой из объективных спиритических феноменов, какой бы теории он ни придерживался или даже если он не придерживается никакой.

Таковыми являются «феноменалисты», а не спиритуалисты, и в этом случае описание соответствует индусским религиозным представлениям. Все они, даже те, кто придерживается современной школы атеизма, объявляют себя материалистами, хотя в душе они феноменалисты.

Г и Д. — Спиритуализм невозможен без духов, но духи не обязательно должны быть человеческими.

В этом случае теософы и оккультисты могут быть объединены под общим названием спиритуалисты, хотя последние относятся к спиритуалистам как к врагам; в этом смысле только индусы являются спиритуалистами, хотя их идеи о человеческих духах диаметрально противоположны идеям «спиритуалистов». Они воспринимают бхутов, т.е. духов, которые умерли с неудовлетворенными желаниями и которые, в силу своих грехов и земных привязанностей, притягиваются к земле и не допускаются в Сваргу («элементарии» теософов), как злых демонов, которые могут быть уничтожены в любой день всемогущими проклятиями медиумов.¹ Индус одержание и осажение бхутом рассматривает как величайшее проклятье, которое может обрушиться на человека, и даже любящие супруги часто разводятся, если жена одержима бхутом своего родственника; похоже, что бхуты осаждают исключительно женщин.

Е. — Не имеет права называть себя спиритуалистом тот, кто придерживается новомодных понятий об «элементариях», духе медиума и т.д.; или не верит, что духи умерших людей причастны ко всем сверхъестественными феноменам.

Это одно из самых правильных «определений» по сравнению со всеми, приведенными выше, с точки зрения ортодоксального спиритуализма, и кладет конец нашему спору с д-ром Пиблзом. Ни один индус, если бы даже его заставить рассматривать бхутов как безнравственных, страдающих духов на пути к совершенствованию и окончательному прощ-

---

¹ Видимо, нужно понимать: экзорцистов. — *Ред.*

нию, не смог бы, если бы даже и захотел, объяснить все сверхъестественные феномены этой спиритуалистической теорией. Традиции его религии и философии противятся такой ограниченной идее. Индус, прежде всего, есть прирожденный метафизик и логик. Если он и верит во что-то, то никогда не допустит, чтобы законы, существующие только для этой планеты; применялись для всей вселенной, т.к. он прежде всего пантеист, а потом уже все остальное, независимо от его принадлежности к какой-то конкретной секте.

Таким образом, м-р Пиблз, удачно использовав парадокс, сам прекрасно определил ситуацию в своем письме, опубликованном в «Спиритуалисте» и упомянутом выше, где он пишет:

Лучших из медиумов, с которыми мне посчастливилось познакомиться, я встретил на Цейлоне и в Индии. Но и они не были медиумами, поскольку на самом деле общались с *pays* и *pesatsays*, которые обитают в воздухе, воде, огне, в скалах и деревьях, в облаках, в дожде, росе, под землей и в пещерах!

Таким образом «медиумы», которые были не медиумы, были также не в большей степени спиритуалистами, чем были медиумами. Дом (д-ра Пиблза) разделился сам в себе и не может устоять. Со всем сказанным ранее мы полностью согласны, и я продолжаю свой рассказ.

Как уже упоминалось ранее, я и полковник Олькотт, в сопровождении индусского джентльмена, м-ра Мулджи Такер Синга, члена нашего Совета, отправились в семинедельное путешествие в начале апреля. Мы преследовали две цели: 1) нанести визит и провести некоторое время у нашего союзника и учителя Свами Даянанда, с которым мы долго переписывались из Америки, и тем самым укрепить союз нашего Общества с Арья Самадж (последнее сейчас насчитывает более 50 членов); и 2) увидеть как можно больше сверхъестественных феноменов и, с помощью нашего Свами, йога и посвященного в тайны Видьи (или Тайного Учения), выяснить из первых рук некоторые спорные вопросы об агентах и сверхъестественных способностях в действии.

Конечно, ни у кого не было лучшей возможности, чем у нас, выяснить это. Наши отношения с пандитом Даянандом

были дружескими отношениями между учеником и учителем. Он — самым образованный человек в Индии, брахман привилегированной касты, который в течение долгих семи лет подвергался обычным и страшным испытаниям йогизма в горной и дикой местности, в одиночестве, в наготе и в постоянной борьбе со стихиями и дикими животными — борьбе божественного Духа человека и его высшей воли со слепыми силами природы в виде тигров, леопардов, носорогов и медведей, в окружении ядовитых змей и скорпионов. Жители ближайшей к горе деревни могли бы подтвердить, что в течение нескольких недель редко кто отваживался отнести Свами хоть немного еды, хоть пригоршню риса; и когда они приходили, то неизменно заставляли его сидящим в одной и той же позе и на одном и том же месте — на открытом песчаном холме среди джунглей, кишаших хищными зверями — без всякой еды и воды в течение многих недель, как будто он был сделан из камня, вместо мяса и костей.¹ Он раскрыл нам эти загадочные секреты, которые дают человеку силы переносить страдания и жестокие лишения, позволяет ему обходиться без еды и питья в течение дней и недель, помогает ему стать абсолютно невосприимчивым к жаре и холоду, и, наконец, пребывать в течение ряда дней вне тела.

Во время этого путешествия мы посетили колыбель индийского мистицизма, средоточие аскетов, где память о чудесных феноменах риши так же жива, как и в дни, когда школа Патанджали, известного основателя йогизма, была только-только основана и где его йога — санкхья — все еще изучается с таким же рвением, хотя и с меньшим пониманием. Мы отправились дальше в Верхнюю Индию и северо-западные провинции; в Аллахабад и Канпур, где у берегов священного Ганга многочисленные толпы верующих, уже пресыщенных

---

¹ Йоги и аскеты являются не единственными примерами длительного соблюдения поста; этот факт подвергается сомнению или же полностью отменяется скептической наукой как лишенный убедительных доказательств, поскольку все эти феномены имеют место в отдаленных и недоступных местах, но мы можем привести в пример многих джайнов, живущих в городах. Многие из них постятся, воздерживаясь даже от глотка воды, в течение 40 дней подряд, и остаются при этом живы.

жизнью, проводят остаток своих дней в медитации и уединении, становясь саньяси, госсейнами, садху. Потом в Агру, с ее Тадж Махалом, этой поэмой в мраморе, по удачному выражению епископа Гебера, и дальше к могиле основателя Агры, великого Императора-Адепта, Акбара, в Секундре; в Агру, где храмы переполнены поклоняющимися шакти и к тому знаменитому месту в истории индийского оккультизма, где Джамна смешивает свои голубые воды с патриархальным Гангом, и которое было выбрано шактами (поклонниками женских сил) для совершения своих пудж, во время которых руками девственниц создаются знаменитые черные кристаллы или зеркала, упомянутые П. Б. Рандольфом. Оттуда снова в Сахарампур и Мират, место, где вспыхнуло сипайское восстание 1857 года. Во время нашего пребывания в Сахарампуре, где располагается узловая железнодорожная станция, собралось почти 25 тысяч саньяси и госсейнов после паломничества в Хардвар. Там полковник Олькотт учинил тщательный допрос паломникам, часами беседуя с ними. Затем мы отправились в Раджастхан, страну, где живет самая отважная и самая мистическая из всех рас Индии — «солнечная раса», чьи раджи ведут свое происхождение от самого Солнца. Мы дошли до самого Джейпура, этого индийского Парижа и одновременно Рима земли Раджастхан. Мы исходили многие долины, горы и священные рощи, в которых было много пагод и верующих, среди которых нам встретилось много святых, действительно обладающих чудесными свойствами. Однако большинство из них все же были отъявленными мошенниками. Нам удалось расположить к себе нескольких брахманов, стражей и хранителей тайн своих богов и своих храмов, но от этих «наследственных жуликов», как их метко окрестил полковник Олькотт, мы получили не больше свидетельств о схожести их взглядов со взглядами спиритуалистов, чем от саньяси и заклинателей злых духов. Также мы никогда не упускали возможности, встречаясь с образованными индусами, расспросить их о том, что думают их соотечественники о феноменах вообще и спиритуализме в частности. И на наши вопросы, кто именно святых йогов наделяет «чудодейственными силами», позволяющими им совершать феномены, неизменно получали один и тот же удивленный ответ: «Он (сам йог), сливаясь с Брахма-

ном, совершает их». Очень часто наши собеседники испытывали отвращение и даже обижались на непочтительные расспросы полковника Олькотта о том, не помогают ли бхуты творить магу чудеса? Почти два месяца в нашем жилище в Бомбее, в саду, на верандах и в залах, ежедневно толпились — до ста человек одновременно — с утра и до позднего вечера туземцы, принадлежавшие к различным кастам, расам и религиозным верованиям. Они приходили к нам обменяться мнениями по метафизическим вопросам и обсудить достоинства восточной и западной философии, в том числе оккультные науки и мистицизм. Во время нашего путешествия мы принимали наших братьев из Арья Самадж, которые отправляли свои делегации приветствовать нас везде, где бы мы ни находились, и где было отделение Самадж. Так мы познакомились ближе со взглядами сотен и тысяч последователей Свами Даянанда, которые они исповедовали прежде, чем он отвратил их от той или иной идолопоклоннической секты. Многие из них были образованными людьми и настолько же сведущими в ведической философии, насколько раньше в догматах секты, с которой расстались. Таким образом, у нас было намного больше возможностей познакомиться со взглядами индусов, их философиями и традициями, чем у других европейских путешественников и даже чиновников, живших в Индии многие годы; поскольку они не исповедовали индусскую веру и не были с индусами в приятельских отношениях, как мы, им не доверяли и не называли их, как нас, «братьями».

После всех этих непрерывных исследований и долгих бесед, которые вели в течение нескольких месяцев, мы пришли к тем же заключениям, как и м-р О'Грэйди: ни один индус не является спиритуалистом; и, за исключением очень редких случаев, никто из них никогда не слышал о спиритуализме и его распространении в Европе, и в особенности в Америке; многие из них знают об этой стране так же мало, как и о Северном полюсе. Лишь недавно Свами Даянанд обнаружил, что ранние арии должны были знать об Америке, поскольку Арджуна, один из пяти пандавов, друг и ученик Кришны, как повествуют Пураны, отправился в Паталу на поиски жены, женился в той стране на Улупи, дочери Нага, царя Паталы, страны-антипода Индии — описания которой в точности сов-

падают с Америкой и о которой в те далекие времена не знал никто, кроме ариев. Поэтому члены Самадж проявляют такой интерес к этой стране. Но когда мы объяснили происхождение, развитие и доктрины спиритуалистической философии нашим друзьям, и особенно *modus operandi* медиумов, т.е. общение духов умерших с живыми людьми, чьи организмы эти духи используют как средство общения, каждый раз ужас наших слушателей был явно неподдельным. «Общение с бхутами, — восклицали они, — это общение с духами, ставшими злыми демонами, которым мы готовы приносить жертвы в виде еды или питья, чтобы ублажить их, или чтобы заставить их мирно покинуть нас, но которые всегда возвращаются, чтобы нарушить наш покой. Их присутствие мы рассматриваем как осквернение! Какое удовольствие или комфорт *беллати* (белые иностранцы) могут испытывать от общения с ними?» Поэтому я повторяю, и очень настойчиво, что в Индии не только нет спиритуалистов, в том смысле, в каком мы понимаем этот термин, но даже сам намек на так называемое «общение с духами» вызывает отвращение у индусов, если можно так выразиться, у самой древней нации в мире, которая знала все о феноменах на протяжении многих тысяч лет. Разве это ни о чем не говорит нам, тем, кто совсем только недавно начал лицезреть чудеса медиумизма? Должны ли мы мнить себя такими умными, чтобы отказываться следовать указаниям Востока, видевшего своих святых — даже своих богов, демонов и духов стихий — совершающими чудеса в далекой древности? Разве мы настолько усовершенствовали нашу собственную философию, что можем сравнить ее с индийской философией, которая способна объяснить каждую тайну и убедительно продемонстрировать саму суть любого феномена? Поверьте мне, стоит попросить помощи у индусов, если потребуется доказать материалистам и скептикам от науки, и убедительнее, чем мы можем это сейчас сделать, что какой бы ни оказалась догадка о подлинной сущности агентов, все феномены, будь они библейские или ведические, христианские или языческие, полностью согласуются с законами этого мира и первые претендуют на научное исследование. Давайте сначала докажем существование сфинкса профанам, а уже потом попробуем разгадать его тайну. Спиритуалисты всегда найдут

способ опровергнуть «устаревшие доктрины» прошлого. Истина вечна, и как бы долго ее ни топтали, она все равно вновь поднимется и, обновленная, засветит еще ярче среди опадающих сумерек суеверия. Но в одном смысле применение нами термина «спиритуалисты» к индусам полностью оправдано. Как бы они ни выступали против физических феноменов, произведенных бхутами или неуспокоенными душами умерших, и одержания ими медиумов, все же они с радостью принимают утешительные свидетельства непрекращающегося к ним интереса со стороны их умершего отца или матери. В субъективном феномене снов, в картинах ясновидения или транса, вызванного чарами святых, они приветствуют духов любимых ими когда-то людей и часто получают от них важные напутствия и советы.

Если читателям вашего журнала это интересно, я могла бы посвятить серию статей индийским феноменам, объясняя их по мере описания. Я искренне надеюсь, что американские спиритуалисты более не будут относиться предвзято к теософам-иконоборцам и их «устаревшим» идеям. Я пишу это не ради того чтобы проповедовать новые доктрины или распространять индусскую пропаганду, а единственно из желания предоставить материал для сравнения и изучения тем спиритуалистам, которые еще не отучились думать.

Бомбей, июль 1879 г.

ЧТО КАСАЕТСЯ ФЕНОМЕНОВ

Издателям «ЛЮЦИФЕРА»:

Я пользуюсь вашим предложением вести переписку, чтобы задать вопрос:

«Почему теперь мы ничего не слышим о знамениях и чудесах, которые сопровождали нео-теософию? Неужели «век чудес» для Общества уже в прошлом?»

С уважением, О.

«Оккультные феномены» — вот на что явно ссылается наш корреспондент. Они выглядят весьма эффектно, но при этом не имеют никакого отношения к слову «чудеса». Предполагалось, что интеллигентные люди, особенно имеющие отношение к науке, по меньшей мере признают существование новой и весьма интересной области поиска и исследования, став свидетелями физических эффектов, производимых в любое время, которые никак нельзя объяснить. Предполагалось, что теологи охотно примут доказательства, в которых они так нуждаются в эти агностические дни, что душа и дух — не просто создания их воображения, следствия презрения к физическому строению человека, а сущности, совершенно такие же реальные, как и тело, и еще больше значительные. Эти ожидания не оправдались. Феномены были не поняты и представлены в ложном свете, в отношении как их природы, так и целей.

Теперь все материальные аспекты этих опытов объяснили несчастливym обстоятельством, за которым не надо далеко ходить. Ни наука, ни религия не признают существование ок-

культурного, поскольку этот термин понимался и употреблялся в теософии в том смысле, что говорилось о сверхматериальной, но не сверхъестественной области, управляемой законами; равно как не признали существование скрытых сил и возможностей в человеке. Любое вмешательство в эту ежедневную рутину материального мира религия объясняет произволом доброго или злого диктатора, обитающего в сверхъестественной области, недоступной человеку, и дело тут не в законах, в их действии или устройстве, а в знании, что идеи и желания смертных полностью зависят от тайно внушенных связей, посылаемых через специфический проводник этому посланнику. Сила воздействия так называемых чудес всегда считалась обязательными и весьма значительными верительными грамотами, приданными посланнику с небес, а поскольку ментальный характер, относящийся к любой оккультной силе в этом свете, очень силен, то любое проявление этой силы предполагает стать «волшебным» или претендует быть таковым. Нет никакой необходимости считать, что этот способ ссылаться на исключительные происшествия — находится в прямом противоречии с научным духом нашего века, как и верить, что в настоящее время наиболее образованная часть человечества заняла отнюдь не эту точку зрения. Когда люди в наши дни видят чудеса, ощущение, возбуждающее их разум — это больше не почитание и благоговение, а любопытство.

Была надежда поднять и использовать этот дух любопытства, который вызвал феномены оккультизма. Считалось, что эта манипуляция с силами природы, которые лежат ниже восприятия — той поверхности вещей, которую современные науки вскапывают и долбят с таким усердием и гордостью, — приведет к исследованию природы и законов этих сил, неизвестных науке, но совершенно известных оккультизму. То, что эти феномены вызывали любопытство в умах у тех, кто был им свидетелем, — это абсолютная правда, однако, к несчастью, это было большей частью необоснованной тратой времени. Величайшее число таких свидетелей выработали ненасытный аппетит использовать феномены для своего же блага, не думая при этом об изучении философии или наук, для которых истина и сила этого явления оказались просто-напросто тривиальными и, так сказать, случайными примерами.

Лишь в немногих случаях пробужденное любопытство породило серьезное желание изучать философию и науку самим и для себя.

Опыт научил лидеров движения, что подавляющее большинство признающих себя христианами абсолютно устарились посредством своего умственного состояния и положения — в результате вековых суеверных учений — от спокойного изучения этих феноменов с точки зрения природных явлений, управляемых законами. Римская католическая церковь, верная своим традициям, освободила себя от изучения любых оккультных явлений под предлогом, что это несомненная работа Дьявола, всякий раз, когда они случались за пределами их собственной территории, поскольку церковь имеет законную монополию на легитимное производство чудес. Протестантская церковь отрицает личное вмешательство Дьявола на материальном уровне; но никогда она не занималась «чудесным» бизнесом сама, очевидно немного сомневаясь, будет ли признано зрелище *добросовестным*, если его кто-нибудь увидит, но, будучи совершенно неспособной, как и ее старшая сестра, к постижению распространения царства законов за пределы границ материи и силы, как известно нам в нашем нынешнем состоянии сознания, она освободила себя от изучения оккультных явлений под предлогом, что они скорее находятся в пределах области науки, нежели религии.

И вот теперь наука обрела свои чудеса, как когда-то Римская церковь. Но поскольку все здесь зависит от «изготовителя инструментов» для производства этих чудес и поскольку явление претендует на владение последним словом, касающимся законов природы, едва ли можно надеяться на любезное отношение к «чудесам» тех, в чьем механизме производства не хватает нужной части, и тех, кто претендует на эталонное понимание действия сил и законов, о которых они не имеют представления. Кроме того, современная наука работает в условиях неспособности ко всему, что касается исследований оккультизма, и находится в полном замешательстве, как и священники, ибо в то время как религия не может постичь идею естественных законов, применяемых к сверхчувственной Вселенной, наука вовсе не допускает существования какой-либо сверхчувствительной вселенной, на которую могло бы

распространиться царство законов; равно как она не может постичь возможность какого-либо иного состояния сознания, чем наше нынешнее земное состояние. А потому трудно ожидать, что наука возьмет на себя эту задачу, для выполнения которой призвана, с огромным энтузиазмом и желанием; и действительно, похоже, уже чувствуется, что отношение к оккультизму ожидается не менее бесцеремонное, чем к божественным чудесам. Вот так сразу и молча пренебрегли этими феноменами; а когда обязательно надо выразить свое мнение, то оно выражается без колебания, без изучения и в исследованиях, основанных на слухах, чтобы использовать их для мошеннических уловок - проволочных силков, западней и так далее.

Этого оказалось достаточно для очернения лидеров движения, когда они стремились привлечь внимание мира к великой и неведомой области для научных и религиозных изысканий, лежащих на границе между материей и духом. Лидеров тотчас же объявили агентами Его Величества Сатаны или верховными адептами шарлатанства; и та злоба, отрезавшая их от всего, вероятно, пришла от класса людей, чье добросовестное изучение экспериментов, безусловно, должно было обучить их большему: ведь на феномены оккультизма претендовали спиритуалисты, как на работу их дорогих усопших, а лидеры теософии презрительно были объявлены чем-то гораздо менее заслуживающим доверия, чем даже медиумы.

Ни разу эти феномены не являлись в каком бы то ни было ином виде, чем в виде примеров власти *над совершенно естественными, хотя и не признанными силами*, и в связи с этим — над материей, которой обладают определенные личности, достигшие знания Вселенной намного больше и выше, нежели ученые и теологи, или даже вообще смогут достичь их путем, которым теперь следуют. И все-таки эта сила скрыта во всех людях, и могла бы со временем стать достоянием кого-нибудь, кто станет совершенствовать знание и приспособляться к условиям, необходимым для их развития. Тем не менее, за исключением нескольких малоизвестных и достойных примеров, это еще ни разу не было воспринято в каком-либо ином виде, чем в качестве допустимых чудес, либо как работа Дьявола, либо как вульгарные трюки, либо как удивительное

чудо, на которое стоит поглазеть, либо как представление опасных «привидений», за которые выдают себя некие личности в зале для сеансов, пожирающих жизненные силы медиумов и простофиль, так легко поддающихся обману. А теософов и теософию атакуют со всех сторон злобно и жестоко, и при этом как не принимают во внимание фактов и логики, так и, ввиду озлобления, ненависти и осуждения, совершенно не могут постичь того, что не история религии учит нас тому, что станется с неразумными животными, невежественными людьми, когда их касаются лелеемые ими предубеждения и суеверия; и, в свою очередь, не история научных исследований учит нас, почему образованный человек может вести себя, как невежда, когда истина его теорий ставится под вопрос. Оккультисты способны производить феномены, но при этом они не могут снабжать весь белый свет мозгами, равно как разумом и верою, необходимыми для того, чтобы понять и должным образом оценить их. А потому едва ли можно удивиться, что *слово* явилось теперь, чтобы оставить в покое феномены и позволить теософским идеям отстоять свои подлинные заслуги.

НАШИ ТРИ ЦЕЛИ

Все поступки человеческого сердца, на которые мы взираем с похвалой или изумлением, суть примеры непреодолимой силы УПОРСТВА. Благодаря этому карьер становится пирамидой и отдаленные друг от друга местности соединяются каналами... Работы продолжались непрерывно, случались времена, когда преодолевались величайшие трудности, горы выравнивались, а океаны сдерживались слабыми силами человеческих существ.

Джонсон

Так и есть, и должно быть всегда, мои дорогие мальчики. Если бы Ангел Гавриил спустился с небес и повел успешное восстание против самой отвратительной и несправедливой монополии, под тяжестью которой страдает бедный старый мир, то вполне вероятно, что он лишился бы своего благодушия за многие годы, возможно — за века, и не только из-за владельцев вышеупомянутой монополии, но и благодаря значительной массе тех людей, которых он освободил.

Хьюгз

*Post nubila Phoebus.*¹ После ненастья — солнце. Этими словами начинаем пятый год издания «ЛЮЦИФЕРА»; и, имея целью прервать межличностные баталии, разразившиеся на протяжении предыдущего года, издатель чувствует себя так,

---

¹ «После туч — Феб», т. е. после ненастья — солнце. Алан Лилльский (*лат.*).

словно она заработала право на перемирие. Решив любой ценой насладиться им в будущем, она движима как сильным чувством презрения со стороны тупоголовости, невежества и фанатизма своих соперников, так и чувством усталости от подобных утомительных глупых пререканий. До сих пор ей удалось справляться со своим негодованием и не слишком спокойным характером, и впредь она будет относиться свысока к клеветническим заявлениям, постоянной жертвою которых, похоже, становится.

Начало года — самое подходящее время для обращения к прошлому; и теперь мы приглашаем читателя обратить на это внимание.

Если посторонняя публика видит теософию через дым сражения лишь как смутно проступающие тусклые очертания, то по крайней мере члены нашего Общества должны помнить о задаче продвижения к нашей цели. Было бы страшно, если бы они не придали этому значения, посреди грохота этой сенсационной дискуссии о принципах Общества и клеветнических измышлениях, направленных на его участников. В то время как узколобые атеисты, христиане и спиритуалисты состязаются друг с другом в попытках покрыть бесчестьем одного из лидеров теософии и умалить его притязания на внимание публики, Теософическое общество с достоинством движется к своей цели, поставленной им с самого начала.

Бесшумно, но непреодолимо расширяется его круг полезных деяний, распространяется любовь к ним у разных народов. Пока клеветники заняты своею недостойной работой, Общество творит факты для его будущих историографов. Это не полемические памфлеты или сенсационные газетные статьи, регулярно появляющиеся в печати, а очевидная реализация его первоначального плана по созданию ядра вселенского братства, возрождению восточной литературы, философских систем и психологических наук. Обществу исполнилось почти четырнадцать лет, и все-таки как много оно еще не осуществило! Но как много работы уже совершено, причем работы самого высочайшего сорта! Наши противники, возможно, и не склонны оценивать нас по достоинству, однако наши доказательства (и оправдания) обязательно появятся позднее. Между

тем, давайте проясним факты, чтобы зафиксировать их без преувеличения и приукрас. Итак, обозначенные соответствующими заголовками, они будут выглядеть следующим образом:

I. БРАТСТВО

Когда в феврале 1879 года мы прибыли в Индию, на полуострове не было никакого единения между расами и сектами, ни ощущения обычных общих для всех интересов, ни расположения к поискам взаимных связей между несколькими ветвями древнего индуизма, равно и связей между верами в ислам, джайнизм, буддизм и зороастризм. Между индийскими индусами-брахманами и их родственниками, современными сингальскими буддистами, не имелось религиозных сношений с довольно отдаленной эпохи. И опять же, даже между несколькими сингальскими кастами — ибо, своим древним происхождением родственные по крови индусам, сингальцы все еще оставались верными касте, несмотря на букву и дух их буддистской религии — имела место полнейшая разобщенность, не говоря уже о браках между родственниками и духе патриотической однородности. Зато были мстительные и злобные сектанты и враждующие касты. Что касается международных взаимосвязей в общественных или религиозных делах между сингальцами и северными буддистскими народами, то таких не существовало вовсе. Каждый относился к точке зрения, желаниям и стремлением другого с совершенным пренебрежением и равнодушием. Наконец, между народами Азии, Европы и Америки царило абсолютное отсутствие взаимного понимания во всех религиозных и философских вопросах. Работы востоковедов, от сэра Уильяма Джона и Бюрнуфа до профессора Макса Мюллера, были созданы с научными и философскими целями, но отнюдь не для широких масс. Если к вышесказанному добавить, что все восточные религии без исключения были смертельно отравлены ядовитыми миазмами западной официальной науки, вопреки посредничеству образовательных агентств европейской администрации и пропаганде миссионеров, и еще

что местные выпускники учебных заведений и студенты последних курсов учебных заведений Индии, Цейлона и Японии в большинстве становились агностиками и хулиателями древних религий, можно понять, какую трудную задачу предстояло решить для того, чтобы вынести из всего этого хаоса хотя бы некоторое подобие гармонии и привнести туда терпимость, если не дружелюбные чувства, чтобы избавиться от ненависти, злобных подозрений и взаимного равнодушия.

Минуло десять лет, и что мы видим? Рассматривая все эти вопросы *по порядку*, мы находим — что по всей Индии прежнее разъединение сменилось единством и братством, что в одной только Индии находятся сто двадцать пять филиалов нашего Общества, и каждое являет собою ядро нашей идеи братства и центр религиозного и общественного единения. Среди их членов — представители всех лучших каст и всех индуистских сект, и большинство представляет собой класс наследственных видных ученых и философов, брахманов. Чтобы обратить их в христианство, миссионеры вели тщетную войну, и при этом у них были собственные задачи и хлипкая надежда на высший класс и на Миссии Оксфорда и Кембриджа. Президент нашего Общества, полковник Олькотт, несколько раз пересекал Индию по приглашениям и выступал перед огромными толпами на теософские темы — и посеял зерно, из которого в свое время будет собран большой урожай нашего евангелия от братства и взаимного доверия. Чувство дружелюбности растет, что можно доказать самыми разными способами: во-первых, беспрецедентным собранием рас, каст и сект на ежегодных Съездах Теософического общества; во-вторых, очень быстрым ростом популярности теософской литературы, пропагандирующей наши альтруистические взгляды; в создании разнообразных журналов на нескольких языках и быстром прекращении сектантских споров; в-третьих, во внезапном рождении и феноменально быстром развитии патриотического движения, которое сосредоточилось в организации под названием Индийский Национальный Конгресс. Эта влиятельная политическая организация была задумана и организована некоторыми из наших англо-индийских и индуистских членов

по образцу и с особенностями Теософического общества и с самого начала руководилась нашими же коллегами, людьми, среди которых были самые влиятельные личности Индийской империи. Но при этом нет никакой связи, за исключением связи через отдельные личности, между Конгрессом и его материнской организацией — нашим Обществом. Но эта организация не могла возникнуть, если бы полковник Олькотт лично не приложил огромных усилий, чтобы пробиваться окольными путями человеческого братства, через политиков, социальные преобразования, и т. д. и т. д. Он сделал так много, сколько от него потребовалось. Мы пробудили спящий дух и подогрели арийскую кровь индусов, и она дала всход новой жизни, создав для себя этот Конгресс. Все это — уже в истории и изменению не подлежит.

Перебравшись на Цейлон, закрепляя чудесные преобразования, наше Общество работало над текстами многих речей и обращений, докладами и другими официальными документами, при этом принимая во внимание замечания наших читателей и обычной публики. Люди разных каст объединялись; сектанты, настроенные враждебно, оказались почти изгнаны; шестнадцать отделений Общества были созданы на Острове, и вся сингалезская община, как заметил кто-то, ожидала от нас совета, примера и руководства; делегация буддистов отправилась в Индию вместе с полковником Олькоттом, чтобы посадить кокосовую пальму — древний символ любви и доброжелательности — на территории индуистского храма Тинневелли, а благородные кандiane, прежде державшиеся в стороне от презренного низкого народа, в соответствии со своими феодальными традициями, теперь стали Президентами наших отделений и даже совершают поездки по стране в качестве буддистских лекторов.

Цейлон был *foyer* [вестибюлем], из которого религия Гаутамы заструилась потоком в Камбоджу, Сиам и Бирму; что же еще могло бы больше подходить, чем эта Священная Земля, для отправки братской миссии в Японию! Как эта миссия была воспринята, как осуществлена нашим Президентом и с какими восхитительными результатами — очень хорошо известно всему западному миру, так что нет никакой надобности очередной раз пересказывать эту историю в связи с настоя-

щими событиями. Достаточно сказать, что она относится к важнейшим событиям в истории и представляет собой одно из серьезнейших, неопровержимых доказательств жизненной реальности нашего плана, нацеленного на то, чтобы породить чувство Вселенского Братства среди всех народов, рас, кланов, каст и цветов кожи.

Одно из доказательств практического здравого смысла, продемонстрированного нашей администрацией — это создание «Буддистского Флага», в качестве общепринятого символа религии, для отличия от всяческих сектантов. До сих пор буддисты не имели подобного символа, поскольку крест присвоили себе христиане, и в результате буддисты лишились этого весьма важного знака их связи друг с другом, — что, так сказать, подтвердило востребованность объединяющей братской силы нашего Общества. Буддистский флаг весьма действительно поддержал эти тенденции. По размерам флаг выдержан в обычных пропорциях национального флага и составлен из шести вертикальных цветных полос, расположенных в следующем порядке: сапфирно-голубая, золотисто-желтая, темно-красная, белая, алая и полоска, составленная из всех остальных цветов. Выбор оттенков не был произвольным, но для данной цели были нанесены краски, описанные в трудах на древнем пали и санскрите, которые отчетливо окаймляли *психосферу*, или ауру, личности Будды и весьма заметно отображали вибрацию цветов вокруг его образов на Цейлоне и в других странах. *Эзотерически* эта комбинация весьма многозначительна. Впервые новый флаг был поднят над нашей штаб-квартирой в Коломбо, затем с шумными приветствиями он пространствовал по всему Цейлону; и, будучи представленным полковником Олькоттом в Японии, был пронесен через всю Империю даже за очень короткий период недавнего визита нашего Президента в эту страну.

Никакие клеветнические высказывания не способны даже ни на йоту преуменьшить эти факты. Они прошли сквозь туман и мрак сегодняшней ненависти и, наконец, выбрались на солнечный свет, освещающий все события для зоркого глаза историка.

II. ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЛИТЕРАТУРА И Т. П.

Не будучи знаком с Индией и индусами, никто не сумеет сформировать концепцию о состоянии чувств среди самого молодого поколения — студентов колледжей и индусов, воспитывающихся в школе, где их обучают религии их предков, — которое преобладало в момент нашего прибытия туда десять лет назад. Материалистическая и агностическая направленность ума к абстрактной форме религии, что преобладает в западных университетах, передалась индийским колледжам и школам выпускниками этих университетов, европейскими профессорами, занявшими несколько кресел в местных храмах науки. Учебники подпитывали этот дух, и образованный индус, как класс, весь проникся скепсисом к религиозным вопросам и лишь следовал ритуалам и обычаям национального культа из соображений общественной необходимости. Что касается миссионерских колледжей и школ, они создавали только эффект сомнения и предубеждения против индуизма и всех религий, хотя по крайней мере не пытались навязывать христианство или обращать в свою веру. Чтобы вылечить это своеобразное «заболевание», необходимо было штурмовать цитадель скептицизма, научного дилетантизма и обосновывать основы религии вообще, а индуизма — в частности. Попытка справиться с этой задачей была предпринята нами с самого начала и продолжалась до победного конца; а результат очевиден для каждого путешественника, который интересуется нынешним состоянием индийских убеждений. Это изменение было отмечено сэром Ричардом Темплом, сэром Эдвином Арнольдом, мистером Кейном, членом Парламента, леди Джерси, сэром Монье Уильямсом, примасом Индии, епископами и архидиаконами всех округов колоний, учреждениями нескольких миссионерских обществ, директорами и профессорами колледжей страны, корреспондентами европейских журналов, целой уймой индийских авторов и издателей, конгрессами санскритских ученых мужей, и было воспринято с великой благодарностью в огромном количестве посланий и обращений к полковнику Олькотту во время его длительных поездок. Без преувеличения или опасности чрезмерно приукрасить можно заявить, что труды Теософического

общества в Индии вдохнули новую и энергичную жизнь в индусскую философию; возродили индусскую религию; вернули людям, окончившим университеты, привязанность к древним убеждениям; породили увлеченность санскритской литературой, что демонстрируется переизданиями старых энциклопедий, древних писаний и комментариев, учреждением множества санскритских школ, покровительством местных принцев санскриту и различными иными способами. Кроме того, при помощи разнообразной литературы и всемирных агентств Общество рассеяло по всему миру знания и возродило вкус к арийской философии.

Результаты этой работы видны в повсеместном спросе на теософскую литературу и том, что в романах и журнальных историях отчетливо проглядываются восточные идеи. Еще один не менее важный эффект — изменение посредством восточной философии взглядов спиритуалистов, которые отчасти начали относиться к источнику любого разума без оглядки на феномен медиумизма. Еще от группы атеистов к нам примкнула миссис Анни Безант — по причине изучения Эзотерической доктрины; событие, чреватое очень важными последствиями, как для нашего Общества, так и для атеизма и обычной публики. Санскритские слова, прежде никогда не слышанные на Западе, стали знакомыми читающей публике, а такой труд, как «*Бхагавадгита*», теперь можно обнаружить в книжных магазинах Европы, Америки и Австралии.

Цейлон видится местом возрождением буддизма, местом изучения десятков тысяч книг, перевода *Буддистского Наставления (Катехизиса)* на множество языков Востока, Запада и Севера, местом основания Высших Школ в Коломбо, Кэнди и Ратнапуре, открытия почти пятидесяти школ для буддистских детей под патронажем нашего Общества, разрешения правительством проведения национального буддистского праздника, а также других важных церемоний; учреждения в Коломбо на местном языке буддистского журнала, издаваемого два раза в неделю, и журнала на английском языке, причем оба составляются, печатаются и издаются в издательстве и собственной типографии Общества. Также отметим, что из Японии прибыли семь умных молодых буддистских священников от имени всеми почитаемого Высшего Священника Су-

мангалы для изучения пали, чтобы суметь подробно разъяснить своему населению каноны буддизма, как это происходит в Южной Церкви уже двадцать пять веков с тех пор, как Будда впал в нирвану.

Таким образом, нельзя ни подвергать сомнению, ни отрицать, что за первые четырнадцать лет своего существования Теософическое общество успешно распространилось за пределы всех ожиданий в реализации первых двух из своих трех объявленных целей. Тем самым доказано, что ни раса, ни убеждение, ни цвет кожи, ни сложившаяся неприязнь не являются непреодолимыми препятствиями для распространения идеи альтруизма и человеческого братства — утопических видений, как полагают теоретики, видящие в человеке только физическую сторону, пренебрегая его внутренним, величайшим и самым высшим эго.

III. ОККУЛЬТИЗМ

Хотя очень мало наших членов настроены все-таки мистически, фактически ключ ко всем нашим успехам, перечисленным выше, — есть признание факта высшего эго — безрасового, космополитичного, не относящегося ни к какой секте, бесполого, неземного, альтруистичного — и выполнение нашей работы на этой основе. Для атеиста, агностика, дилетанта в науке такие результаты недостижимы, мало того, они к тому же и непостижимы. Мирное общественное устройство — это утопия, поскольку никакое количество аргументов, основанных на экзотерических соображениях общественной морали или целесообразности, не способно отвратить сердца предводителей народов от корыстной войны или завоевательских намерений.

Социальные различия, результат физической эволюции и материального обеспечения, создают расу ненавистников, сектантов и неодолимые социальные противоречия. Но поскольку человеческая природа всегда идентична, все люди одинаково открыты влияниям, которые концентрируются в человеческом «сердце» и взывают к человеческой интуиции; а там-то как раз и находится Абсолютная Истина, и это — душа и жизнь всех

людских убеждений; и это, возможно и осуществит взаимный альянс для исследований и распространения этой основной Истины. Нам известно, что общепонятный термин для этой Вселенской Истины есть «Тайная Доктрина»; мы ее проповедовали, добились того, чтобы ее выслушали, пусть хотя бы в некотором объеме, сметали старые препятствия, сформировали наше братское ядро и, оживив арийскую литературу, докопались до ее совершенной религии, философских и научных доктрин, и всё для того, чтобы донести их до самых отдаленных народов.

Если мы не открыли школы, где обучали бы адептов Общества, то по крайней мере выдвинули определенные доказательства, что адепты существуют и что это приверженство нашему учению логически необходимо в естественном порядке человеческого развития. Таким образом, мы помогли Западу обрести более ценный идеал человеческих возможностей, чем он имел прежде. Изучение восточной психологии предоставило Западу ключ к определенным мистериям, до этого им не понимаемых, например, в отношении месмеризма и гипнотизма, и еще мы пролили свет на предполагаемые послесмертные связи реинкарнированного существа с живым. Это дополнительно обосновывает естественную теорию связи Силы и Материи, которую способен проверить на практике любой человек, обученный и приверженный экспериментальным методам восточных школ оккультных наук. Наш собственный опыт приводит нас к утверждению, что эта наука и дополняющая ее философия бросает свет на некоторые глубочайшие проблемы человека и природы: в науке она перебрасывает мост через «Непреодолимую Пропась», в философии делает возможным сформулировать непрерывную теорию происхождения и участи небесных сфер, происхождения их «царств» и множества иных уровней. Когда мистер Крукс прекратил свои поиски мета-частиц и вдруг обнаружил, что нашел след утерянных атомов в их гипотетических сериях по семь элементов, философия адвайты усовершенствовала эту теорию развитием дифференцированной матери из недифференцированной, Пракрити из Мулапракрити — «бескорнего корня».

Вместе с недавней публикацией «Ключа к теософии», новой работы, которая ясным и доступным языком объясняет,

что наша эзотерическая теософия верит в то, во что не верится и что *положительно отвергается*, у нас не осталось больше поводов, чтобы забивать себе головы фантастическими обвинениями. Теперь «корреспондентам» спиритуалического и других «Еженедельников», как и тем, кто беспокоит солидные ежедневные газеты разоблачениями *сомнительных* «теософских учений», не существовавших никогда за пределами голов этих хулителей, придется доказать, что эти учения имеют к нам какое-то отношение, продемонстрировав, что глава или абзац действительно имеет место в наших теософских публикациях, и особенно — в «Ключе к теософии». Они больше не смогут ссылаться на незнание, и если по-прежнему будут поносить нас, им придется это делать с учетом заявленных там оснований, поскольку теперь каждый сможет без труда предложить ему изучать нашу философию.

Чтобы покончить со всем этим, следует отметить, что наше Общество за четырнадцать лет своего существования ознакомило западных мыслителей с великим арийским учением и открытиями гораздо больше, чем какая-либо другая организация за прошедшие девятнадцать веков. Нельзя предсказать, что мы, возможно, предпримем в будущем; однако опыт сулит надежду, что сделано будет очень много, и что проделанная работа еще больше увеличит и без того широкое поле труда на пользу человечества.

ФИЛОСОФЫ И ФИЛОСОФЧИКИ

Тщетно нам истолковывать их слова при помощи наших философских понятий и учений наших школ.

Локк

Знание самого низшего порядка есть *разъединенное* знание; наука — есть *частично объединенное* знание; философия — *полностью объединенное* знание.

Герберт Спенсер. Основные начала.

Наши придирчивые критиканы выдвинули несколько обвинений против нашего Общества, и в основном — против теософии. По ходу нашей работы мы вкратце подведем им итог и отметим «самые свежие» обвинения.

Нас обвиняют, что в «Конституции и Правилах» Теософического общества мы нелогичны; а вследствие этого в применении их на деле возникают противоречия. Обвинение выстроено таким образом:

В опубликованных «Конституции и Правилах» очень сильно акцентируется полностью несектантский характер Общества. Постоянно и настойчиво утверждается, что это ни кредо, ни философия, ни религия, ни догмы и даже не особенные точки зрения о перечисленном, чтобы их отстаивать, чтобы они хоть в какой-то мере воздействовали на членов Общества. И все же...

«О, благослови нас Господь! Неужели настолько неоспорим тот факт, что некоторые вполне определенные философские воззрения и, более того, их религиозный характер поддерживаются Основателями и самими выдающимися членами Общества?»

«Воистину это так, — отвечаем мы. — Но где же в этом таится сомнительное *противоречие*? И Основатели, и «самые выдающиеся члены», и даже, вследствие этого, большинство его членов составляют это *общество*, а не только некоторую его часть, которая, помимо всего прочего, не имеет кредо как организация, но все-таки позволяет его членам верить в него, что доставляет им удовольствие». Отвечая на это, нам говорят:

«Совершенно верно; и все-таки эти доктрины всеми назывались «теософией». Каково же объяснение всему этому?»

Мы отвечаем: «Называть их таким образом — есть «всеобщее» заблуждение, одно из тех свободных применений термина к вещам, которым должно давать определение с великой осторожностью; и когда члены Общества пренебрегают этим, тогда и пожинаются плоды этого пренебрежения. Фактически это оплошность настолько же вредная, как и то, что следует из-за смешения двух понятий «буддизм» и «бодхизм», что приводит к ошибочному пониманию философии Мудрости как религии Будды».

Однако нетрудно убедиться, что при изучении этих доктрин становится очевидным, что вся работа, проделанная Обществом, как организацией, на Востоке и Западе, зависит от них. Это — совершенная правда в случае учения, лежащего в основе объединения всех религий и бытия, о чем утверждают и зывают теософы, а также общего источника, называемого религией Мудрости тайного учения, по отношению к которому, согласно тем же утверждениям, все существующие виды религии прямо или косвенно вторичны. Допуская это утверждение, от нас требуют объяснить, почему Теософическое общество, несмотря на это, не имеет специальной точки зрения или доктрины, ни убеждений, ни догм, чтобы внушать их, когда они-то и есть основа Общества, самое его сердце и душа?»

На это мы можем ответить, что это опять же еще одно заблуждение: эти учения — самая безупречная «основа Теософических обществ» *на Западе*, но не на Востоке, где таких отделений Общества в пять раз больше, чем на Западе. Будь эти специальные доктрины «сердцем и душой» всей организации, то теософия и ее Теософическое общество исчезли бы

после 1885 года — хотя это, конечно, не довод. Ибо с того года они не только фактически покинули Адьяр, поскольку не оказалось никого, кто бы смог обучать их, поскольку в то время некоторые брахманские теософы очень сильно возражали, чтобы это учение стало публичным, другие же, самые ортодоксальные — недвусмысленно боролись с ними, как с учениями, вредными для их экзотерических систем.

Это — самоочевидные факты. А все же, отвечая на это, мы скажем, что все было не так; что Т. о., как организация, обучает не какой-то специальной религии, а тому, чтобы терпимо и на деле принимать все религии, никоим образом не вмешиваясь в них, или даже не выспрашивая своих членов об их религиозных убеждениях, равно как наших крючкотворов и даже дружественно настроенных противников, чтобы они не чувствовали себя обиженными. Напротив, десять к одному, что они не приведут вас в замешательство следующим безапелляционным возражением:

«Как такое может быть, тогда как вера в «эзотерический буддизм» — это *sine qua non*¹ для принятия собрата вашего Общества?

Дальше напрасно возражать; равно как и убеждать наших противников, что вера нашего Общества в буддизм, эзотерический либо экзотерический, не более ожидаема и необходима, чем почитание обезьяньего бога Ханумана и его единственного хвоста или вера в Магомета и его обожествленную кобылу. Бесполезно стараться объяснять, несмотря на то, что в Т. о. так же много браминов, мусульман, парсов, иудеев и христиан, как и буддистов, и прочих подобных им, кто вряд ли станет последователем Будды и даже буддизма, каким бы тот ни был эзотерическим. Их невозможно заставить постичь оккультные доктрины — небольшое количество фундаментальных учений, о которых поверхностно изложено в «Эзотерическом буддизме» мистера Синнетта — хотя там рассказано не обо *всей* теософии, и даже не обо всех тайных доктринах Востока, а описана лишь малая их часть: оккультизм как таковой в качестве одной из теософских наук или религия-Мудрость, но никоим образом не теософия в целом.

---

¹ Непременное условие (*лат.*).

Эти понятия настолько прочно укоренились в сознании среднестатистического британца, что все это выглядит как если подойти к нему и сказать, что русские — не нигилисты и панслависты и что не все французы ежедневно едят лягушек: любой британец откажется вам верить. Похоже, предубеждение против теософии становится частью национального сознания. Ибо почти три года автор настоящей статьи — которому помогали в ее написании уйма теософов — тщетно пыталась выместить из мозгов публики кое-что из этой фантастической неразберихи и чуши, которыми приправлены все эти воззрения; и вот теперь она на грани того, чтобы в полном отчаянии отказаться от этой попытки! В то время как половина англичан будет продолжать путать теософию с «эзотерическим будд-измом», остальные будут продолжать произносить благородное на весь мир название Будды так, как привыкли его произносить — *масло*.¹

Именно подобные люди породили утверждение, которое ныне принято легкомысленной прессой за достоверное, что «Теософия — это не философия, а религия» и «новая секта».

Бесспорно, теософия это не философия, просто потому, что она включает в себя все философии, равно как и каждую науку и религию. Но прежде чем еще раз доказать это, было бы уместно спросить, какое же количество наших критиков сообщало о таком хотя бы отчасти верном определении этого слова, впервые введенного Пифагором, что им пришлось так легкомысленно отрицать систему, о которой, похоже, им известно намного меньше, чем о философии? Неужели они ознакомились с лучшими и самыми последними определениями, или даже с точкой зрения насчет нее сэра У. Гамильтона, которая уже считается весьма старомодной? Похоже, что ответ будет отрицательным, иначе бы они поняли, что каждое такое определение доказывает, что теософия — есть мощный синтез философии в ее самом широком абстрактном смысле, как и в ее особых условиях. Давайте попытаемся еще раз прояснить и кратко выразить определение теософии и показать, что она является прочнейшим корнем и сущностью всех наук и систем.

---

¹ Игра слов: Buddha — Будда, butter — масло.

Теософия — «божественная мудрость» или «мудрость бога». Следовательно, она должна быть источником жизненной силы этой системы (философии), которая определяется как «наука о божественных и человеческих вещах и причинах, по которым они происходят» (*сэр У. Гамильтон*), теософия одна владеет ключами к этим «причинам». Взяв же ее самую элементарную классификацию, мы обнаруживаем, что философия — это любовь к мудрости и ее поиски, а также «знание феноменов, объясняемых с ее помощью, и их разрешение, как объяснение причин и смысла, сил и законов» (*Энциклопедия*). Когда подразумевались Бог или боги, в любой стране это становилось *теологией*; когда подразумевалась материальная природа, это называлось *физикой* и *естественной историей*; то, что относилось к человеку, называлось *антропологией* и *психологией*; и когда это поднималось до более высоких областей, то становилось известным под названием *метафизики*. Такова философия — «наука о действиях и последствиях, которые они вызывают» — это очень высокая духовная доктрина *кармы*, самое важное учение, имеющее в каждой религиозной философии свое особое наименование, и теософский принцип, который не принадлежит ни одной религии, но объясняет их все до единой. Философию также называли «наукой о вероятных вещах, о том, насколько они вероятны». Это непосредственно применяется к теософским доктринам, а также к тому, что они отвергают *чудо*; но едва ли это можно применить к теологии или какой-либо другой догматической религии, каждая из которых *принудительно навязывает веру в невозможные вещи*; ни к современным философским системам материалистов, которые отвергают даже «вероятное», всякий раз, когда последнее противоречит их суждениям.

Теософия претендует объяснить и примирить религию с наукой. Мы нашли у Дж. Х. Льюиса («История философии», том 1. Прологомены, с. xviii) утверждение, что «философия, отделив свои самые широкие концепции от обеих (теологии и науки), представляет доктрину, которая содержит *объяснения участи мира и человека*». «Здание философии — есть систематизация концепций, выработанных наукой... Наука создает знание, а философия — доктрину...» (цит. соч.) Последняя может стать полной только при условии обладания этим «зна-

нием», и эта «доктрина» пропустила через решето Божественную Мудрость, или теософию.

Юбервег («История философии») определяет философию как «Науку основ», что, как известно всем членам Общества, и утверждает теософия в своих дочерних науках, таких как алхимия, астрология и главным образом — в оккультных науках.

Гегель относится к теософии как «созерцанию саморазвития Абсолюта» или, иными словами, как «представлению Идеи» («Darstellung der Idee»).

Вся тайная доктрина опирается на то, что название — это атом — и есть подобное созерцание и запись этих наблюдений, насколько хватает языка и насколько ограничена мысль, при помощи которой можно запечатлеть бесконечно сложные процессы.

Таким образом, становится очевидным, что теософия не может быть «религией» и менее всего является «сектой», но это истинная квинтэссенция самой высшей философии во всех ее аспектах. Показав, что лежит под нею и полностью отвечает на все описания философии, мы можем добавить к вышесказанному еще несколько определений сэра У. Гамильтона и доказать наше утверждение, продемонстрировав те же самые стремления в теософской литературе. Действительно, это довольно простая задача. Ибо разве «теософия» не включает «науку о вещах, явно происшедших из основных начал», равно как «науку об истинах, воспринимаемых и абстрактных»? Разве наука не проповедует «применение разума в своей законной области» и не создает какую-нибудь из своих «законных областей» — чтобы выяснять «науку первоначальной формы эго или ментального себя», также как и обучить секрету «абсолютного различия идеального и реального»? Из всего этого несомненно, что согласно каждому определению философии — старому или новому — тот, кто изучает теософию, изучает *самую высшую трансцендентальную философию*.

Нам не надо далеко удаляться от этого рассуждения, чтобы детально отметить глупость подобных утверждений касательно теософии и теософов, которые мы обнаруживаем чуть ли не ежедневно в общественной прессе. Такие определения и эпитеты, как «новая модная религия» и «изм», «система, изо-

бретенная высшей жрицей теософии» и другие неразумные замечания, возможно обретут свою собственную участь. Они встречались и в других ситуациях, оставленных нами без внимания.

Наш век считается исключительно критическим: век, который подробно все анализирует, и публика отказывается допускать что-либо, предложенное на рассмотрение, прежде чем эта тема не будет изучена самым тщательным образом. Это — предмет гордости нашего столетия; но это отнюдь не мнение беспристрастного наблюдателя. Во всяком случае, это мнение чрезвычайно преувеличено с тех пор, как подобная хвастливая дотошность в анализе применяется к тому, что никоим образом не затрагивает национальные, общественные или личные предрассудки. С другой стороны, все это зловредное и разрушительное для репутации, порочно и оскорбительно-клеветническое, но принимается с открытыми объятьями и весельем, и тем самым превращается в постоянные публичные сплетни, без всякой проверки или хотя бы малейшего колебания, и с поистине слепой верой самого гиблого сорта. И мы бросаем вызов противоречию такого рода. Ни сами популярные личности, ни их работа не рассматривается в наши дни по их действительной ценности, а просто по личности автора и предубежденному мнению масс. Теософы даже не смеют надеяться, что их работы будут заново перепечатаны во многих нелитературных журналах благодаря их заслугам, а не исключительно из-за сплетен об их авторах. Такие издания, пренебрегающие правилами, сначала припасают для читателя Аристотеля, который сказал, что критика — это «вполне обычное суждение», и при этом решительно отказываются принять любую теософскую книгу, не говоря уже об ее авторе. И в результате первая судится по разрозненным мыслям последнего, клевета на которого непрерывно печатается в ежедневных газетах. Личность автора висит подобно темной тени между мнением современного журналиста и неприкрашенной истиной; и в конечном счете на его труд обращают внимание ничтожное количество людей во всей Европе и Америке, которые хоть как-то разбираются в учениях нашего Общества.

Как же правильно относиться к теософии или даже к Т. о.? Я не скажу ничего нового, утверждая, что настоящий

критик по крайней мере обязан разбираться в вопросе, который он принялся анализировать. И не будет слишком рискованным добавить, что ни один из Терситов нашей прессы не знает даже самым отдаленным образом, о чем он говорит — и таким образом из большой рыбы получается крошечное жаркое; ¹ всякий раз, когда слово «теософия» напечатано и ухвачено читательским оком, за ним обычно следуют оскорбительные эпитеты и инвективы, направленные против некоторых теософов. Современный издатель, угождающий вкусу миссис Гранди,² напоминает героя Байрона: «Он не знал, что сказать, и поэтому стал клясть». Примерно так он всякий раз ведет себя, когда встречается с чем-либо, недоступным его пониманию. Все подобные проклятия неизменно основаны на старых сплетнях и банальном объявлении «помешанными» тех, кто «придумал» теософию. Имей островитяне Южного моря свою ежедневную прессу, они бы, бесспорно, обвинили миссионеров в изобретении христианства для того, чтобы накликать беду на их местный фетишизм.

Доколе, о, ослепительные боги истины, доколе будет продолжаться эта ужасающая умственная слепота «философов» девятнадцатого столетия? Сколько же еще они будут утверждать, что теософия — не национальная принадлежность, не религия, а только лишь универсальный научный кодекс и самая трансцендентальная этика, которая была известна всегда; она лежит в основе каждой нравственной философии и религии; и ни теософия *per se* и даже ни ее скромный недостойный движитель, Теософическое общество, не имеет никакого отношения к какой-либо личности или личностям! отождествить ее с ними — это показать себя печально отстающим в логике и даже здравом смысле. Чтобы отвергать это учение и

---

¹ От Юпитера Тонанса из «*Saturday Review*» до лживого издателя «*Mirror*». Первого можно назвать одним из величайших авторитетов, зарабатывающих себе на жизнь *укрывательством краденого*, второго же — столь же видным и «развивающим мускулатуру» при помощи прочитанных мыслей, и все-таки оба одинаково невежественны в теософии и так же слепы к ее настоящим намерениям и целям, как две совы, случайно оказавшиеся на дневном свете.

² Соответствует русскому выражению: «что будет говорить княгиня Марья Алексеевна».

его философию под предлогом, что его лидеры или, точнее, один из его Основателей, подвергнуты различным обвинениям (так и не доказанным) — это глупо, нелогично и абсурдно. По правде говоря, это настолько же нелепо, как во времена александрийской школы неоплатоников, которая была в своей сущности *теософией*, отрицать ее учение, потому что оно пришло к Платону от Сократа и потому что афинские мудрецы, кроме того что имели приплюснутые толстые носы и лысые головы, обвинялись в «богохульстве и развращении молодежи».

Мало того, любезные и великодушные критики, называющие себя христианами и похваляющиеся цивилизацией и прогрессом нашего века, стоит только вас как следует поскрести, и глубоко под кожей обнаружится то же самое жестокое и суеверное «варварство», как и в древности. Если бы вам предложили возможность публично и законно высказать свое суждение о теософе, то кто из вас, живущих в девятнадцатом веке, поднялся бы выше, чем какой-нибудь афинский *δικαστήριον* со своими пятьюстами присяжными, который приговорил Сократа к смерти? Которого из вас должно презирать, чтобы стать Мелетом или Анитом и приговорить к такой позорной смерти теософию и ее приверженцев, основываясь на словах лжесвидетелей? Ненависть, явно обнаруживающаяся в ваших ежедневных нападках на теософов, — это ваша основа основ. Не вас ли имел в виду Хэйвуд, когда писал о критике Общества:

О! Этот слишком критический мир научился бы
Полезному правилу, и вместе со всеми другими терпел бы его;
Но человек, словно враг себе же подобным,
Получает удовольствие, рассказывая об ошибках соседа,
И судит неумолимо все малые обиды,
И гордится собою, когда участвует в скандале...

Многие оптимистично настроенные авторы могли бы признать наш меркантильный век веком философии и назвали бы его ее *возрождением*. Нам не удалось обнаружить за пределами нашего Общества ни одной попытки философского возрождения, пока слово «философия» насильно лишено своего первоначального значения. Ибо, куда бы ни обращались,

мы натыкались лишь на презрительно-холодную насмешку, когда речь заходила об истинной философии. Скептик никогда не стремится к этому названию. Тот, кто способен вообразить Вселенную вместе с ее служанкой Природой счастливой и сумеет высидеть, подобно черной курице из сказки, самосотворяемое яйцо, подвешенное в пространстве, не обладает ни силою мысли, ни духовной способностью постижения абстрактных истин; ибо эти сила и способность — суть первичные необходимые условия философского ума. Мы видим целое королевство современной науки, подточенной такими материалистами, которые все еще претендуют на звание философов. Либо они вообще ни во что не верят, как это делают миряне, либо испытывают сомнения на манер агностиков. Помяная два мудрых афоризма Бэкона, современный материалист тем самым осуждает индуктивный метод Основателя его же собственными словами, как контрастирующий с дедуктивной философией Платона, принятой теософией. Ибо разве не Бэкон сказал нам, что «философия, изучаемая поверхностно, вызывает сомнение; когда же она изучается тщательно, то рассеивается», и еще, «немного философии склоняет человеческий разум к атеизму; однако глубокая философия приводит человека к религии»?

Вышеуказанное логическое заключение неоспоримо, а значит, никто из наших нынешних дарвинистов, материалистов и их поклонников, наших критиков, не изучал философию иначе, как весьма «поверхностно». Отсюда, теософы имеют законное право называться *философами* — истинными «любителями мудрости» — а их критики и клеветники в лучшем случае могут называться **ФИЛОСОФЧИКАМИ** — последователями современного **ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ**.

«ПУСТЬ КАЖДЫЙ ТЩАТЕЛЬНО ДЕЛАЕТ СВОЮ РАБОТУ»

Письмо с таким названием получено издателями «Люцифера». Оно серьезно по характеру, и, похоже, его решили сделать темой этого месяца. Рассматривая факты, изложенные в его немногих строках, их важность и аспекты, имеющие отношение к весьма смутному теософскому вопросу, равно как к его видимой действующей силе или движителю — Обществу, носящему это название, — это письмо безусловно достойно очень внимательного и тактичного ответа.

*Fiat justitia, ruat caelum!*¹

Правосудие должно свершиться в отношении обеих сторон диспута; а именно, для теософов и членов Теософического общества² с одной стороны и приверженцев *Божественного Слова* (или Христа) и так называемых христиан — с другой.

Мы воспроизводим это письмо:

---

¹ Да свершится правосудие, рождаемое на небесах (лат.).

² Не все члены Теософического общества — теософы; как necessarily, что члены так называемых христианских церквей — все христиане. Истинных теософов, как и истинных христиан, очень, очень мало; и есть практические теософы в рядах христианства, как есть практические христиане в Теософическом обществе, стоящие в стороне от всего ритуального христианства. «Не всякий, говорящий Мне «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф 7:21).

Издателям «Люцифера»

Какая великая возможность теперь открылась в стране толкователям благородной и передовой религии (если таковая — есть теософия¹) для доказательства западному миру их силы, справедливости и правдивости при помощи резкого проникновения ослепительного луча объявленного ими света в чудовищно мучительные и запутанные проблемы нашего века!

Бесспорно, что одна из чистейших и наименее samozапечатающихся обязанностей человека — это облегчение страданий его собратьев.

Из того, что мне довелось прочитать, и из того, с чем я ежедневно вхожу в непосредственный контакт, мне не кажется, что это было бы возможно оценить в раздумьях и созерцании, это огромная нужда и мучительное страдание... и, мало того, я могу сказать — *на данный момент* я допускаю огромную важность наших братьев и сестер, поднявшихся на куда более высокий уровень от того, где они совершенно не имеют способов удовлетворить *скудные нужды существования*.

Конечно, высокая и рожденная Небесами религия — религия, претендующая на достижение ее передовых знаний и Света лишь «теми, кто больше всех познал Науку Жизни», — должна суметь рассказать нам кое-что о том, как иметь дело с подобной жизнью, в ее примитивных условиях беспомощного подчинения окружающим ее обстоятельствам — цивилизации!

Если одна из наших главных обязанностей заключается в применении бескорыстной любви к Братству, то, бесспорно, «те, кто больше всех познал», во плоти они или нет, могут и будут, если к ним воззовут приверженцы, помогать им в нахождении путей и средств для такого завершения и в организации некоего великого братского плана для *правильного* решения вопросов, которые приводят в полный ужас своею сложностью и которые следует выставить с непреодолимой силой перед теми, кто искренне последователен в своих энергичных попытках выполнить до конца волю Христа на христианской земле?

Л. Ф. Фф.

25 октября 1887 года.

---

¹ «Такая» теософия — не религия, а скорее РЕЛИГИЯ — если вообще это так. Пока мы предпочитаем называть ее философией; теософия же, кроме того, содержит все религии, поскольку это сущность и основание всего. Правило III Теософического общества гласит: «Общество представляет собой не какое-то особенное религиозное убеждение, оно совершенно *несектантское* и включает в себя профессоров всех убеждений».

Это достойно высказанное и искреннее письмо содержит два утверждения; не высказанное прямо обвинение против «теософии» (т. е. Общества с таким названием) и фактическое признание, что христианство (или, точнее, его ритуальные и догматические религии) — заслуживает такого же и даже более строгого упрека. Ибо если «теософия», представляемая своими профессорами, заслуживает внешнего упрека в том, что пока не сумела перенести божественную мудрость из области метафизики в практическую работу, то «христианство», представляемое обычными христианами, священниками и мрянами, явно следует винить в нечто похожем. «Теософия», несомненно, не смогла обнаружить надежные пути и способы привести всех своих приверженцев к применению «бескорыстной любви» в их Братстве и пока еще не смогла заметно уменьшить страдания Человечества; но этого не сумело сделать и христианство. И ни автор вышеупомянутого письма, ни кто-либо еще не смогли предъявить достаточные оправдания для христианства в этом отношении. Тем самым, допущение, что «те, кто искренне продолжают свои энергичные попытки выполнить до конца волю Христа на христианской земле», *нуждаются в помощи* «тех, кто больше познал», будь они (приверженцы язычества) «во плоти или (духи) нет», и это прямо наводит на размышления, ибо на этом основаны защита и *raison d'être* [разумное основание, смысл (*фр.*)] Теософического общества. Это подразумевалось молчаливо, но коли это вышло из-под пера искреннего христианина, того, кто стремится изучить некоторые практические способы облегчить страдания миллионов обездоленных — то это признание становится самым величайшим и наиболее полным оправданием существования Теософического Братства; полное признание абсолютной необходимости подобной организации, независимой и свободной от каких бы то ни было сковывающих его догм, и в то же время это указывает на полнейший провал христианства в осуществлении желаемых результатов.

Верно сказал Кольридж, что «доброе дело возможно *без* основных предпосылок спасения, следовательно, необходимо содержит в себе основы спасения; однако основные предпосылки спасения никогда не могли существовать без добрых дел». Теософы принимают это определение и расходятся с

христианами только в том, что касается характера этих «основных предпосылок спасения». Церковь (или церкви) настаивает, что единственное основное правило спасения — есть вера в Иисуса, или, согласно учению о гибели души, лишеного одухотворенности Христа; теософия же, недогматическая и несектантская, отвечает, что это не так. Единственный основной принцип *спасения* живет в самом человеке, т. е. это и есть истинный Христос, равно как и истинный Будда, и божественный внутренний свет, который происходит из вечного, неявного, неведомого ВСЕГО. И этот свет — *только он способен быть познанным благодаря своей работе* — вере в то, что всегда должно оставаться совершенно невидимым, кроме той веры, которая пребывает в самом человеке, который чувствует свет внутри своей души.

Тем самым, безмолвное признание автора вышеуказанного письма укрывает еще один вопрос величайшей важности. Писатель, похоже, прочувствовал то, чего очень много среди тех, кто стремится помочь страждущим; он это прочувствовал и выразил в своем письме. Убеждения церковей не смогли поддержать *свет разума* и истинную мудрость, необходимую для того, чтобы довести до конца практическую филантропию, при помощи истины и рьяных последователей Христа, *реальности*. «Практичный» народ либо продолжает «делать добро» необдуманно, и потому вместо добра часто наносит вред; либо, испугавшись ужасной проблемы, вставшей перед ним, и не сумев найти в своих «церквях» никакого ключа или надежды на разрешение вопроса, отступает с поля боя и слепо пускает себя плыть по течению, которое, бывает, он сам и же порождает.

Недавно стало модным, как для друзей, так и для врагов, упрекать Теософическое общество в том, что оно не занимается практической работой, а блуждает в сумрачных облаках метафизики. Те, кому нравится повторять избитые аргументы, объясняют нам, что метафизики усвоили опыт последних нескольких тысяч лет, и теперь настало самое время, когда им следовало бы приступить к определенной практической работе. Согласны: однако, учитывая, что христианские церкви существуют почти девятнадцать веков и что Теософическое общество и Братство — организация, возникшая около двена-

дцати лет назад; и снова, учитывая, что христианские церкви возвращаются в сказочном богатстве, и число их приверженцев достигает сотен миллионов людей, в то время как в Братстве состоят всего несколько тысяч, и оно не имеет в своем распоряжении ни фонда, ни денежных средств, а 98 процентов его членов — бедные и не имеющие никакого влияния люди, тогда как церковная аристократия состоит из богатых и могущественных; итак, приняв все это в расчет, можно не сомневаться, что теософы предпочтут навязывать этот вопрос, стараясь привлечь общественное внимание. Между тем, самые жестокие критики «лидеров» Теософического общества, причем никоим образом не посторонние, а сами же члены этого общества, всегда находят предлог для своего недовольства; мы спрашиваем: «Можно ли совершать акты милосердия, и, как будет известно людям, осуществлять их до конца, не имея при этом денег?» Разумеется, нельзя. И все-таки, вопреки всему, никто из наших (европейских) членов, за исключением нескольких преданных обществу участников, заведующих филиалами, не отказывается выполнять *практическую* работу; однако есть и такие, особенно те, кто даже пальцем не пошевелил, чтобы облегчить страдания и оказать помощь на стороне своим самым бедным братьям, те, кто громче всех говорит и произносит самые жестокие обвинения в *недуховности* и непригодности «лидеров теософий». Благодаря этому они сами удаляются во внешний круг критиков, подобно тем зрителям пьесы, которые смеются над приезжим актером, играющим Гамлета, когда сами они неспособны выйти на сцену с подносом для писем. Когда в Индии относительно бедные теософы открыли бесплатные амбулатории для больных, госпитали, школы и при этом они меньше всего думали о каком-либо возмещении средств от бедняков, как это делают миссионеры, вынуждая их отказываться от единственной религии их предков в качестве оплаты за оказанные блага, то неужели английские теософы — единственные, кто делают что-то для множества страдающих, чьи горестные крики раздаются во всех Небесах, как протест против действительного положения дел в христианском мире?

Воспользуемся возможностью сказать в ответ множеству наших корреспондентов, что до настоящего времени все силы

Общества были направлены главным образом на организацию, расширение и укрепление самого Общества, что потребовало от него времени, энергии и ресурсов до такой степени, что у него осталось гораздо меньше сил для оказания милосердия, нежели мы ожидали. Но, даже если это и так, по сравнению с влиянием и денежными средствами, находящимися в распоряжении Общества, его работа в практическом милосердии если и обрела менее широкую известность, то безусловно принесла намного больше пользы по сравнению с милосердием, проявленным христианами, несмотря на их огромные денежные ресурсы, работников и возможности любого сорта. Нельзя забывать, что практическое милосердие — это не единственная из *заявленных* Обществом целей. Это происходит молча и не нуждается в «заявлении», что каждый член Общества должен быть практическим филантропом, если он целиком и полностью теософ; и наша декларированная работа на самом деле намного важнее и действеннее, нежели обыденная работа, которая приносит более явные и немедленные плоды, ибо непосредственный эффект по достоинству оцененной теософии — это занятия той благотворительностью, которой мы не занимались прежде. Теософия творит милосердие, которое впоследствии и по собственной воле делает себя очевидным в своих трудах.

Теософию правильно окрестили — хотя, в этом частном случае, скорее иронически — «высшей религией, рожденной Небесами». Это оспаривалось, поскольку это в явном виде признавало необходимость принять ее передовое знание и свет от «тех, кто наиболее обучен Наукой о Жизни» — последнее обязано и *должно*, если это применялось ее приверженцами (теософами), оказывать им помощь в поисках путей и способов в организации некоего великого братского плана, и т. д.

Этот план был разработан, как и правила и законы, чтобы руководить таким практическим братством, созданным теми, «кто наиболее обучен Науке (практической ежедневной и *альтруистической*) Жизни», мало того, воистину, «наиболее обученными», чем все другие люди со времен Будды Гаутамы и гностических ессеев. Этот «план» был начат годом раньше образования Теософического общества. Пусть все прочитают

его мудрые и достойные правила, воплощаемые в жизнь и по сей день в Уставах Братства, и сам вынесет суждение, стоит ли строго следовать им и применять к практической жизни этот «план», не самый милосердный для человечества в целом, и особенно для наших беднейших братьев из «голодающего большинства». Теософия учит духу «неразъединения», недолговечности и развенчиванию заблуждению человеческих верований и догм, таким образом, она насаждает *«вселенскую любовь и милосердие для всего человечества без различия расы, цвета кожи, касты или убеждений»*; следовательно, разве она не больше всего подходит для уменьшения страданий человечества? Тот, кто не истинный теософ, откажется внести свою лепту в открытие госпиталя или другого благотворительного учреждения, откажется дать немного денег любому мужчине, женщине или ребенку под предлогом, что он — не теософ, как римский католик, когда будет иметь дело с протестантом, и наоборот. Неистинный теософ, уважающий первоначальные правила, не сумеет воплотить в жизнь притчу о «Добром Самаритянине» или предложит помощь только ради того, чтобы увлечь за собой слишком доверчивого человека, который, как он надеется, отвратит его от его Бога и богов его предков. Никто не станет клеветать на своего брата, никто не позволит оставить без помощи нуждающегося, никто не начнет пустую болтовню вместо практической любви и милосердия.

В таком случае вина теософии несколько больше, чем вина христианских учений, раз большинство членов Теософического общества часто меняют свои философские и религиозные взгляды, вступая в нашу Организацию, и все же имеет ли это значение, если они *произносят неискренние уверения* в почтительности к христианству? Наши законы и цели точно такие же, какие были установлены нами с самого начала; и именно сами рядовые члены Общества допустили, чтобы они оказались очевидно *устарелыми*. Немного есть людей, всегда готовых пожертвовать своим временем и работой ради труда на благо бедных, и которые трудятся для них, непризнанные и не ждущие благодарности; они выполняют эту работу всякий раз, когда могут, и часто бывают сами слишком бедны для того, чтобы претворить в жизнь свои обшир-

ные планы благотворительности, и тем не менее, они охотно занимаются этим.

«Вина Теософического общества заключается в том, — совсем недавно сказал одному из наших издателей весьма знаменитый лондонский хирург, — что я никак не могу обнаружить, чтобы хотя бы один из его членов действительно вел жизнь такую же, как Христос». Похоже, это серьезное обвинение от человека, который не только находится на переднем крае своей профессии и ценится всеми своими пациентами и обществом за свой приятный нрав, а также хорошо известен, как человек, совершивший множество добрых деяний. На это можно дать единственный ответ: жизнь, подобная жизни Христа — есть безупречный идеал для каждого человека, во всех смыслах достойного называться теософом, и если жизнь прожита не так, то только потому, что еще не было ни одного человека достаточно сильного, чтобы ее так прожить. Всего через несколько дней тот же самый упрек был облечен в образную форму некоей прославленной леди-художницей.

«Вы, теософы, недостаточно хорошо для меня», — изрекла она, преисполненная печали. И в ее случае также будет правильно сказать, отдавая должное факту, что она ведет две жизни — одну, являющую собою жизнь бабочки, порхающей в обществе, и вторую — серьезную, которая создает вокруг себя очень мало шума, но преследует значительные цели. Те, кто относится к жизни как к великому призванию, подобно этим двум критикам теософского движения, которых мы только что процитировали, имеют право требовать от такого движения больше, чем просто слов. Они сами спокойно стремятся к жизни, подобной «жизни Христа», и не могут понять большое количество людей, объединяющих свои усилия, чтобы идти к этой жизни, без видимых практических результатов. Еще один критик такого же характера, который имеет все права для критики, будучи прилежным практическим филантропом и милосердным до крайности, сказал о теософах, что их многочисленные разговоры и писания похожи скорее на обращение к простой интеллектуальной роскоши, а не делание непосредственного добра для всего мира.

Вот суть различия между теософами (когда мы пользуемся этим словом в его прямом значении, а не имея в виду чле-

нов Общества, которые на самом деле используют организацию как средство узнать больше об истинной религиозной мудрости, существующей как нечто жизненно важное и вечное за пределами наших возможностей) и практическими филантропами, религиозными или светскими, и эта разница весьма значительна. И ответ, что, вероятно, ни один из них пока недостаточно аскетичен, чтобы вести жизнь, подобную «жизни Христа», — всего лишь частица правды. Ситуация будет более ясна, если объяснять ее более многословно. Религиозные филантропы имеют свою собственную позицию, которая никоим образом не беспокоит теософа и не вредит ему. Он не совершает добро просто ради добра, а также как способ к своему спасению. Подобное — результат эгоизма и личных особенностей человеческой природы, которая настолько разукрашена, приняв вид величественной религии, что ее ревностные приверженцы немногим лучше идолопоклонников, просящих своих глиняных божков принести им удачу в делах и оплатить долги. Религиозный филантроп, надеющийся обрести спасение посредством хорошей работы, должен всего лишь вспомнить слова избитого, но все же всегда свежего едкого замечания о смене поглощенности земными заботами на другие заботы.

Светский филантроп в действительности в своем сердце — социалист, и не более: он надеется сделать людей счастливыми и хорошими путем улучшения их физического состояния. Тот, кто плохо изучил человеческую природу, способен поверить в эту теорию сразу же. Несомненно, она весьма удобна, поскольку если принята как руководство, то сразу и непосредственно можно браться за работу. «Бедные всегда с вами». Эта причинная обусловленность, которая производит из самой человеческой природы бедность, нищету, боль, деградацию, в то же время производит богатство, удобства, радость, веселье и славу. Пожизненные филантропы, которые приступали к своей работе с веселым юношеским убеждением, что это — возможность «делать добро», хотя по сути просто имели привычку к благотворительности, признавались автору этих строк, что фактически нищету искоренить нельзя. Это жизненно важная часть человеческой природы, и она нужна для некоторых индивидумов, так же как удовольствие для других.

Весьма необычно наблюдать, как практические филантропы в конечном счете, после долгого и горького опыта, приходят к заключению, которое для оккультиста является из основной рабочей гипотезы. Оно заключается в том, что нищета не только терпима, но и удобна для многих, кто ее переносит. Одна благородная женщина, чья жизнь была посвящена спасению испорченных девушек из низших классов, тех, которые, похоже, охотно тянутся к пороку, рассказала, что большинство из этих отверженных невозможно было поднять для обретения явно лучшей участи. И она заявила вполне определенно (и кто-кто, а она могла говорить со всею ответственностью, проведя свою жизнь буквально среди этих девиц и тщательно их изучив), что это происходит не от большой любви к пороку, а от любви к тому состоянию, которое богатые классы называют нищетой. Они предпочитают дикую жизнь босоногого, полуодетого существа, без крыши над головою по ночам и без ежедневной пищи, любым удобствам, которые могли бы быть им предложены. Под словом «удобства» мы не подразумеваем работный дом или исправительное заведение, а удобства тихого, мирного домашнего очага; и мы могли бы привести множество примеров, чтобы показать, что это применимо не только к детям бездомных, которым эта дикость, вероятно, передалась по наследству, но и к детям благородных, образованных и христианских родителей.

Наши огромные города таят в своих трущобах тысячи человеческих существ, история которых представляет собою необъяснимую загадку, совершенно запутанную нравственную картину. Их можно было бы описать более ясно, чтобы эти истории стали понятны многим. Но они известны лишь самым преданным работникам, трудящимся среди бездомных, являющих для них печальную и ужасающую неразрешимую головоломку, и поэтому лучше будет, если мы не станем это обсуждать. Те, у кого нет ключа к науке жизни, вынуждены одолевая эти трудности на свой манер, в противном же случае они погибнут, сокрушенные одною мыслью о них. И эта так называемая социальная проблема, глубокие воды нищеты, смертельное равнодушие облеченных властью и состоянием — вряд ли с подобными вещами встретится какая-нибудь благородная душа, которая не достигла великой идеи эволюции и

которая не помышляла о величественной загадке человеческого развития.

Теософ стоит на другой позиции, отличающейся от положения любого из этих людей, поскольку знает о грандиозных масштабах жизни, с которой имеют дело все мистики и писатели-окультисты, и подобрался слишком близко к великой тайне. Действительно, никто, хотя бы он и мог причислить себя к Братьям Общества, ни за что не смог бы обратиться ни к одному из теософов, пока сам сознательно не начал испытывать в своей же личности эту самую тайну, которая есть непреломный закон, благодаря чему человек поднимается на несколько уровней от состояния животного к вещи славе Божьей. Быстрота, с которой он это делает — разная для каждой живой души; и несчастные, крепко обнимающие своего первого надсмотрщика, *нищету*, избраны продвигаться медленно путем монотонного изнуряющего труда, который, может быть, даст им несчетное количество чувственных физических жизней — приятных или болезненных, но всегда любимых, потому что они ощущаемы самыми низшими чувствами. Теософ, стремящийся заняться оккультизмом, собственными руками принимает от Природы некоторые привилегии, поскольку очень хочет этого, и вскоре обнаруживает, что впечатления и опыт осваиваются им с удвоенной скоростью. Тогда он осознаёт, что находится под новым для него и более быстрым законом развития, и он усваивает полученные им уроки.

Однако, осознав это, он делает еще одно открытие. Он понимает, что становится достаточно мудрым человеком, чтобы творить добро, при этом не опасаясь нанести неизмеримый вред. Очень высоко развитый адепт в жизни может решительно браться за трудное дело и благодаря великим силам интуиции узнавать, кого он может освободить от боли, а кого следует оставить в грязи, которая есть для них лучший учитель. Сами же бедные и несчастные скажут любому, кто способен добиться их доверия, какие катастрофические ошибки совершены теми, кто происходит из другого класса и стараются помочь им. Доброта и мягкое обхождение порой пробуждает самые худшие качества в мужчине или женщине, которые вели в известной степени приличную жизнь, когда на них обрушивались горе и отчаяние. Пусть же Милосердный Христос простит нас за такое

мнение о человеческих существах, обо всех, кто есть часть нас же самих, согласно закону человеческого братства, которое невозможно разрушить. Но эти слова — правда. Никто из нас не знает той тьмы, что таится в глубинах наших натур, пока какое-нибудь необычное и незнакомое впечатление не поднимет эту сущность к действию. Так происходит и с остальными, кто кажется более несчастным, чем мы сами.

Как только он начинает понимать, что другом и учителем может быть боль, теософ в ужасе останавливается перед загадочной проблемой человеческой жизни, и несмотря на то, что он долго совершал добрые поступки, беды могут сделать их неправильными, пока он сам не достигнет величайшей силы и знания. Невежда, совершающий хорошие поступки, может стать жизнегубителем, как и все те, кто слеп в своей любви к благодеянию, и это нельзя не признать. В этом смысле ответ на вопрос относительно отсутствия у теософов жизни, подобной жизни Христа, заключается в том, что, вероятно, еще никто не был достаточно крепок, чтобы вести подобную жизнь, и такой совершенно верный ответ закрывает весь этот вопрос. Ибо это не отсутствие духа самопожертвования или преданности и желания помочь, а дело тут в силе к обретению знания, мощи и интуиции, подобных достойным деяниям духа «Будды-Христа». Следовательно, теософам нельзя становиться в позу филантропов, хотя негласно они могут пуститься по пути добрых деяний. Они просто представляют собой группу ученых мужей, оказывающих помощь друг другу и всему остальному человечеству, поскольку имеют такую потребность, и, делая это, они лучше поймут загадку жизни и обретут более сильные знания мира, лежащего за пределами их понимания.

Но поскольку существует неумолимый закон, что, если хочешь собрать урожай, сперва надо засеять, то и теософы обязаны постоянно работать по всему миру, и вынуждены очень часто во время этой работы совершать серьезные ошибки, как и делают все труженики, которые не воплощают собою Спасителей. Возможно, их усилия нельзя будет назвать хорошей работой, и их могут окрестить школой неприятных болтунов, и все же имеются результаты в достижении намеченных целей этого особенного периода времени, когда любые идеи приветствовались толпою с энтузиазмом; а следователь-

но, их работа — хороша, как великолепен цветок лотоса, когда он распускается в лучах полуденного солнца.

Никто лучше и определеннее их не знает, что хорошая работа необходима; и только они сделают ее, а не те, кто не способен правильно ее выполнить, не обладая знаниями. Планы создания Вселенского Братства и искупления человечества полностью могут быть дарованы великими адептами жизни, а простые произнесения мертвой буквы происходят тогда, когда некоторые отдельные личности остаются невеждами, неспособными постичь великое знание их учителей. Теософам же мы скажем: дайте же нам воплотить уже установленные нашим обществом правила, перед тем как требовать дальнейшие планы и законы. Публике и нашим критикам мы скажем: постарайтесь осознать ценность хорошей работы, перед тем как вы потребуете ее от других или грубо займетесь ею сами. И все-таки существует абсолютный факт, что без хорошей работы дух братства умер бы во всем мире; а подобного никогда не происходило. А значит, сомнительная деятельность по обучению и делам весьма необходима; нам придется делать добро, и придется делать его *правильно*, то есть обладая знанием.

Хорошо известно, что первая цель общества — это завершение формирования ядра вселенского братства. Практическая реализация этой цели была объяснена тем, кто его ввел, и истолкована следующим образом:

ТОТ, КТО НЕ АЛЬТРУИСТ; ТОТ, КТО НЕ ГОТОВ РАЗДЕЛИТЬ ПОСЛЕДНЮЮ КРАЮХУ ХЛЕБА СО СЛАБЫМ ИЛИ ТЕМ, КТО БЕДНЕЕ ЕГО САМОГО; ТОТ, КТО НЕ ОКАЗЫВАЕТ ПОМОЩЬ СВОЕМУ СОБРАТУ ЛЮБОЙ РАСЫ, НАЦИОНАЛЬНОСТИ ИЛИ УБЕЖДЕНИЙ, ВЕЗДЕ И ВСЕГДА, ГДЕ ОН ВСТРЕТИТ СТРАЖДУЩЕГО, И КТО ПРОПУСТИТ МИМО УШЕЙ КРИК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОРЯ; ТОТ, КТО УСЛЫШИТ, КАК КЛЕВЕЩУТ НА НЕВИННОГО, БУДЬ ЭТО ЕГО СОБРАТ ТЕОСОФ ИЛИ НЕТ, И НЕ ЗАЩИТИТ ЕГО ТАК, КАК БЫ СТАЛ ЗАЩИЩАТЬСЯ САМ, — ТОТ НЕ ТЕОСОФ.

**НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ К «ХИРАФУ»,
автору статьи «РОЗЕНКРЕЙЦЕРСТВО»,
заданные мадам Е.П. БЛАВАТСКОЙ¹**

Среди многочисленных наук, которыми занималась отлично дисциплинированная армия жаждающих знаний исследователей нынешнего века, ни одна не удостоивалась меньшей чести или большего презрения, чем самая древняя из них — наука наук, достойная прародительница всех наших современных пигмеев. Обеспокоенные, в своем мелком тщеславии, снятием завесы забвения с их сомнительного происхождения, величающие себя великими и уверенные в своей правоте ученые, всегда находящиеся настороже, предоставляют отважному школяру, который пытается отклониться от проторенной дороги, проложенной для него его догматическими предшественниками, ужасающий ряд очень серьезных препятствий.

Как правило, оккультизм — это опасное, обоюдоострое оружие для любого, кто хочет обладать им, но не готов посвятить ему всю свою жизнь. Его теория без серьезной практической поддержки всегда будет оставаться в глазах людей, имеющих предубеждение против подобного непопулярного занятия, тщетной, безумной спекуляцией, подходящей лишь

---

¹ Сбоку названия, в «Альбоме для наклеивания вырезок» Е.П.Б., Том I, там, где наклеивались фотографии, можно найти замечание Е.П.Б., сделанное карандашом и чернилами:

«Мое первое *оккультное* фото.

Е.П.Б.»
(Составитель.)

для того, чтобы очаровывать слух невежественных старых дам. Если мы оглянемся назад и посмотрим, какой путь прошел современный спиритизм за последние тридцать лет, несмотря на все более широкое распространение с каждым днем, на ежечасные доказательства, обращающиеся ко всем нашим чувствам, пристально смотрящие нам в глаза и поднимающие свой голос из «бездонной пропасти» — как же мы можем надеяться, что оккультизм или магия, находящиеся в отношениях со спиритизмом, как Бесконечное с Конечным, как причина со следствием или как единство к разнообразию, как мы можем надеяться, что просто добиться твердой основы там, где глумятся над спиритизмом? Тот, кто отвергает *a priori* или даже сомневается в бессмертии человеческой души, никогда не поверит в своего Создателя и слеп к тому, что в его глазах лишено многообразия, останется еще больше слеп к творениям последнего, происходящим из общего источника. Что касается каббалы, или мистического собрания руководства всех великих тайн Природы, мы не знаем никого в этом столетии, кто располагал бы достаточным количеством того нравственного мужества, которое зажигает сердце истинного адепта священным пламенем просветительства, чтобы сразиться с отрицающим всё общественным мнением, демонстрируя свое хорошее знакомство с этой высшей работой. Смешно то, что это — самое смертельное оружие века, и хотя мы читаем исторические записи о тысячах мучеников, которые в прошлые века храбро вступали на костры из горячих вязанок хвороста ради своих мистических учений, мы едва ли отыщем подобную личность в наше время, которая оказалась бы достаточно мужественной, чтобы бросить вызов насмешкам ради серьезного доказательства великих истин, заключенных в традициях Прошлого.

Как пример вышеуказанного, я упомяну статью о розенкрейцерах, подписанную «Хираф». Эта талантливо написанная статья, несмотря на некоторые серьезные ошибки, которые, хотя и заметны лишь тем, кто посвятил свои жизни изучению оккультизма в его различных ответвлениях практического учения, с уверенностью демонстрирует такому читателю, что по теоретическим знаниям автору мало равных. Его скромность, которую в данном случае я ценю не очень высо-

ко — но при этом он находится в достаточной безопасности за маской своего сказочного псевдонима, — не порождает у него никаких опасений. В этой стране позитивизма мало критиков, которые рискнули бы встретившись с таким мощным оппонентом на его территории. Похоже, где-то в резерве он хранит оружие, имеющееся в арсенале его великолепной памяти: знания и готовность дать еще больше сведений, которые могут захотеть услышать его «дознаватели», и это несомненно отпугнет почти любого теоретика, за исключением тех, кто абсолютно уверен в себе, а таких людей очень мало. Однако книжное знание — а здесь я касаюсь только темы оккультизма — может быть сколь угодно обширным, но всегда выходит так, что для аналитического ума доказательств недостаточно, хотя аналитический ум привык выжимать из истины ее квинт-эссенцию, разбросанную среди тысяч противоречивых утверждений, — пока это не будет подтверждено личным опытом и практикой. Таким образом, Хираф может иметь дело лишь с теми, кто может надеяться изыскать возможность опровергнуть некоторые из его храбрых суждений под предлогом обладания точно таким же *практическим* опытом. Разумеется, не следует понимать это так, будто мы имеем намерение критиковать сего весьма скромного эссеиста. Так что, далекий от несостоятельности, пусть он не обращает внимания на эти дерзкие рассуждения. Мое желание — просто помочь ему в его научной работе, как я уже говорила прежде, даже в гипотетических исследованиях, рассказав самую малость о том, чему мне удалось научиться в моих долгих путешествиях через весь Восток — эту колыбель оккультизма — в надежде хоть в чем-то поправить явно ошибочные замечания, в чем он, похоже, недостаточно разобрался и что может привести к путанице, вздумай искренние любопытствующие испить из его источника знания.

Во-первых, Хираф сомневается, существует ли в Англии или еще где-то то, что мы называем имеющими преемственность школами для неофитов этой Тайной Науки. Из личного опыта я отвечаю, что такие места есть на Востоке — в Индии, Малой Азии и других странах. Как в далекие дни Сократа и других античных мудрецов, так и сейчас есть люди, жаждущие узнать Великую Истину, и такая *возможность* у них бу-

дет, как только они «попытаются» найти кого-нибудь, кто приведет их к дверям того, «кому известно, *когда и как*». Если Хираф прав касательно седьмого правила братства розенкрейцеров, гласящего, что «розенкрейцером *становятся*, а не делаются», то он ошибается по поводу исключений, которые всегда существовали в других братствах, посвящавших себя поискам тех же тайных знаний. И снова, когда он заявляет, что розенкрейцерство — почти забыто, мы можем ответить ему, что нас вовсе это не удивляет, и добавим в качестве дополнительного замечания, что, строго говоря, розенкрейцеров теперь вовсе не существует, ибо последний член этого братства исчез в лице Калиостро.²

По крайней мере, Хирафу следовало добавить к слову розенкрейцерство «эта специфическая секта». Поскольку это все же была секта, одна из многочисленных ветвей одного и того же дерева.

Забыв точное употребление этого обозначения, включив в понятие «розенкрейцеры» всех, кто посвящает свои жизни оккультизму, и соединив их всех вместе в братство, Хираф совершает ошибку, которой он может невольно привести людей к вере, что если розенкрейцеры исчезли, то больше на Земле не существует каббалистической деятельности. Он также повинен в анахронизме,³ приписывая розенкрейцерам строительство пирамид и других царственных монументов, которые неизгладимо выставляют в своей архитектуре символы великих религий Прошлого. Но это не так. Если главный видимый объект по-прежнему похож на то, что рассматривала великая семья древних и современных каббалистов, то догмы и формулы определенных сект весьма отличаются. Возвышающиеся одна за другой из великих восточных материнских корней, они рассеяны вразброс по всему миру, и каждая из них, желая превзойти другую, погружается все глубже и глубже в тайны, ревниво охраняемые Природой, а некоторые

---

² Я могу и ошибаться, утверждая, что в Европе мало известно об оккультизме, поэтому, если у кого-то есть другие сведения, пусть он исправит мою ошибку.

³ Подобными же ошибками пронизана вся талантливая книга «Розенкрейцеры», написанная Харгрэйвом Дженнингсом.

из них становятся величайшими ересями против изначальной восточной каббалы.

Когда халдеев обучали первые последователи тайных наук, выходцы из народов, чьи названия никогда даже не произносились в истории, они оставались неподвижны в своих учениях, доходя до максимума, омеги знаний, дозволенных знать человеку, многие из более поздних сект отделялись от них, и, в своей никем не контролируемой жажде больших знаний, переступали границы истины и тем самым впадали в заблуждения. Как утверждает Ямвлих, следуя за Пифагором, они обладали абсолютной силой энергии и осмелились проникнуть в мистерии храма Феба и там добились посвящения, а впоследствии изучали священные науки в Египте в течение двадцати двух лет, а многие иностранцы были затем допущены разделить знания мудрецов Востока, и эти «заморские гости» потом разгласили многие из их тайн. Позже, неспособные сохранить их в их первоначальной чистоте, они смешали эти тайны с вымыслом и баснями греческой мифологии, и таким образом истина была полностью искажена.

Когда с течением времени христианская религия разделилась на многочисленные секты, оккультная наука дала рождение множеству доктрин и не меньшему множеству братств. Таким образом, египетские орфики стали христианскими гностиками, потом, во втором веке, сделали последователями Василида, а первые розенкрейцеры породили последователей Парацельса, или философов огня, европейские алхимики и другие физические ответвления их секты (см. Харгрэив Дженнингс. Розенкрейцеры.) А неосмотрительно называть каждого каббалиста розенкрейцером — это совершать такую же ошибку, как называть каждого христианина баптистом на том основании, что последний — тоже христианин.

Братство Розы и Креста не существовало до середины тринадцатого века, и, несмотря на утверждения ученого Мошейма, получило свое название не от латинского слова *Ros* (роза) и не от латинского креста, символа Света. В истоках его стоял некий рьяный, *истинный* последователь оккультизма, которому случилось путешествовать по Малой Азии, и он случайно встретился с неким братством и с энтузиазмом посвятил себя неутомимой работе по расшифровке «розенкрей-

церской» рукописи — сложнейшей в мире работе, — которая теперь тщательно хранится в архивах одной Ложи, основанной первым каббалистом, носившим то же имя, но теперь называющейся иначе. Основатель розенкрейцерства, немецкий рейтер (рыцарь) по имени Розенкранц, человек, который, добившись в своей стране весьма подозрительной репутации из-за занятий черной магией, затем изменил представление о себе. Отказавшись от своих дьявольских занятий, он дал торжественную клятву и пешком отправился в Палестину, чтобы совершить *amende honorable* [публичное покаяние] у Гроба Господня. Именно там христианский Бог — смиренный, но хорошо осведомленный назорей, ученый высшей школы есеев, потомков халдейских ботаников, астрологов и магов — явился к Розенкранцу в видении, как говорят христиане, но я бы выразилась: в облике материализовавшегося духа. Суть этого появления, как и тема их разговора, навсегда оставалась тайной для братьев; но сразу же после этого бывший колдун и рыцарь исчез, и о нем больше не слышали, пока таинственная секта розенкрейцеров не прибавилась к семье каббалистов, а их сила не стала все более привлекать всеобщее внимание даже среди восточных народов, довольно нечувствительных ко всему и привыкших жить среди чудес. Розенкрейцеры попытались объединить многие различные ответвления оккультизма, и вскоре стали известны из-за высочайшей чистоты в жизни и своей исключительной силы, как и знания тайны тайн.

Как алхимики и маги они вошли в пословицы. Позже (мне совершенно не нужно сообщать подробности Хирафу, ибо мы пили из двух разных источников знаний) они дали рождение более современным теософам, главой которых был Парацельс, и алхимиками, из которых одним из самых знаменитых стал Томас Воган (XVII в.), написавший весьма практические труды об оккультизме под именем Евгений Филалет. Мне известно и я могу доказать более определенно, что Воган существовал и что он «сделался прежде, чем стал».

Каббала розенкрейцеров — лишь воплощение объединения учения еврейских и восточных братств, а последние — самые тайные из всех. Восточная каббала, практическая, полная и лишь единственная существующая копия — тщательно

хранится в штаб-квартире братства на Востоке, и я могу надежно поручиться, что она никогда не покинет этих пределов. Ее существование подвергалось сомнению многими европейскими розенкрейцерами. Тот, кто желает «стать», должен охотиться за своим знанием, прочтя тысячи разбросанных по свету томов, и частица за частицей постигать факты и уроки. Даже если он окажется на ближайшем пути и согласится, «что это сделано», он никогда не станет практическим каббалистом и со всеми своими знаниями останется на пороге этих «мистических врат». Сейчас каббала может быть использована, а ее истины продемонстрированы в гораздо меньшем масштабе, чем то было в античности, а существование мистической Ложы вследствие ее секретности подвергается сомнению; но она все же существует и не потеряла ни одной из первоначальных тайных сил древних халдеев.⁴ Ложы, и без того малые числом,

---

⁴ Ибо способным постигать интуитивно то, о чем я рассказываю, мои слова будут лишь отголоском их собственных мыслей. Я привлекаю подобное внимание лишь к длинной серии необъяснимых событий, имевших место в настоящем веке; к загадочному влиянию, управляющему политическими катаклизмами; к поступкам и проблемам коронованных особ; к свержению с тронов; к метаморфозам почти всей карты Европы, начиная с Французской Революции 1793 года, предсказанной во всей подробностях графом де Сен-Жерменом в оригинале рукописи MS., находящейся ныне во владении потомков русского аристократа, получившего ее, и поражению во Франко-Прусской войне в недавнее время. Это загадочное влияние скептики и многочисленные группы франкмасонов окрестили «вариацией», возможно, скрывая тем самым другое название. Из всех этих деградированных детей халдейского оккультизма лишь одних в нынешнем веке заслуженно упоминали в связи с оккультизмом, а именно, «карбонариев». Изучите все, что можете, относительно этого секретного общества, поразмыслите, прикиньте, сделайте выводы. Если Раймонд Луллий, розенкрейцер и каббалист, смог так запросто поддержать английского короля Эдуарда I шестью миллионами стерлингов, чтобы вести войну с турками в ту отдаленную эпоху, то почему же ни одна из тайных Лож наших дней, обладающая почти такими же средствами, как национальный долг Франции, не заплатит его — той самой Франции, которая была так великолепно и быстро побеждена и так великолепно встала на ноги снова. Пустые разговоры! — сказали бы лю-

разделились на секции и известны лишь адептам; и невероятно, чтобы кто-то отыскал их, пока сами мудрецы не сочтут, что неофит достоин посвящения. Совсем не так у европейских розенкрейцеров, которые, чтобы «стать, а не сделаться», постоянно напоминают слова Св. Иоанна, гласящие: «Царство Небесное силою берется, и бесстрашные покоряют его», и которые борются в одиночку, жестоко разграбляя Природу и ее тайны; восточные розенкрейцеры (так мы их называем, хотя они отвергли право произносить это истинное имя), в безмятежной красоте их божественного знания — всегда готовы помочь рьяному ученику, борющемуся за то, чтобы «стать» и обладать практическим знанием, которое, подобно небесному бризу, рассеивает самые темные облака скептических сомнений.

Хираф снова прав, утверждая, что «знание этих тайн, если их разгласить», в нынешнем хаотическом обществе «посеет лишь смятение и смерть», поэтому их не следует выпускать. Наследники ранней небесной мудрости их первых прародителей, они хранят ключи, которые открывают самые охраняемые тайны Природы, и делиться ими надо лишь постепенно и с огромнейшей осторожностью. Но все же иногда ими *делятся!* Оказавшись с таким в таком *cercle vicieux* [порочном круге], Хираф совершил нечто подобное, когда провел сравнение между Христом, Буддой и Хонг-фу-тсы, или Конфуцием. Едва ли можно сравнивать мудрость и духовность двух первых с китайским философом. Наивысшее вдохновение и видение двух Христов не имеет ничего общего с хладнокровной, практической философией последнего; блестящая аномалия среди бездеятельного от природы и материалистического склада народа, людей мирных и посвящающих себя земледелию с самых ранних дней истории. Конфуция нельзя даже в малейшей мере сравнивать с этими двумя великими реформаторами. Если считалось, что принципы и доктрины Христа и Будды охватили все человечество, то Конфуций приковывал собой внимание единственно к собственной стране, пытаясь привить свою глубочайшую мудрость и философию к нуждам своих

ди. Что ж, отлично, но даже гипотеза иногда может представлять ценность, как возможность призадуматься над проблемами.

крестьян, и очень мало беспокоился об остальном человечестве. Отсюда и начался усиленный китайский патриотизм и мировоззрение, его философские доктрины считались наиболее свободными от чистоты поэтического элемента, которые характеризуют учения Христа и Будды, этих двух божественных типов, тогда как в религиозных воззрениях его народа отсутствовала духовная экзальтация, которую мы обнаруживаем, например, в Индии. У Конфуция не было никакой глубины чувств, и очень слабы духовные попытки его современника Лао-цзы. Ученый Эннемозер говорит: «Дух Христа и Будды оставил неизгладимые, вечные следы по всему миру. Доктрины Конфуция можно упоминать лишь в качестве блестящих достижений холодного человеческого разума». С.Ф. Хауг в своем «Allgemeine Geschichte»⁵ прекрасно изобразил китайскую нацию всего несколькими словами: «тяжелая, детская, холодная, чувствительная натура объясняет особенности их истории». И потому сравнение между первыми двумя реформаторами и Конфуцием в эссе о розенкрейцерах, в котором Хираф трактует Науку Наук и приглашает утолить жажду знаний из ее неистощимого источника, представляется неприемлемым.

Далее, когда наш ученый автор так догматически утверждает, что знает розенкрейцерство, хотя *никогда* не пользуется этими знаниями, секрет бессмертия земной жизни, он пишет о том, что сам в своей практической неопытности считает невозможным. Слова «никогда» и «невозможно» должны быть изъяты из словаря человечества, пока, по меньшей мере, великая каббала не будет раскрыта совершенно, и тогда от этих слов можно будет отказаться или принять их. Граф де Сен-Жермен — до сих пор является живой загадкой, и розенкрейцер Томас Воган — еще одна. Мы имеем в литературе бесчисленное количество авторитетных личностей, как и историй, передающихся изустно (которые порой более заслуживают доверия), рассказывающих о встречах с Сен-Жерменом и опознанием его в совершенно разные века, и это не миф. Любой, кто принял практическую истину оккультных наук и обучен каббале, спокойно принимает это все. Здесь действует Гамле-

---

⁵ Штутгарт, 1841. С. 127.

товское «быть или не быть», и если каббала — правда, тогда и Сен-Жермен не нуждается в том, чтобы быть мифом.

Однако я отвлекусь от своей задачи, во-первых, продемонстрировать слабые различия между двумя каббалами — каббалой розенкрейцеров и восточной каббалой; и, во-вторых, чтобы сказать, что надежда, выражаемая Хирафом видеть этот предмет лучше оцененным в некотором будущем, чем он оценен до сих пор, вероятно, может стать больше чем надеждой. Время покажет много вещей; а пока давайте сердечно поблагодарим Хирафа за его первый точный выстрел в сторону упрямых ученых, которые бегут от истины, избегая смотреть ей в лицо, и не осмеливаются даже оглянуться на нее, чтобы не увидеть случайно то, что могло бы заставить их намного умерить самодовольство. Как практический последователь восточного спиритизма, я могу уверенно дожидаться того времени, когда, со своевременной помощью тех, «кто знает», «американский спиритизм», который даже в своей нынешней форме оказался таким больным местом для материалистов, станет наукой и предметом математически точным, вместо того чтобы рассматриваться как безумное развлечение эпиплетических мономаньяков.

Первая каббала, в которой смертный человек осмеливался объяснять величайшие загадки вселенной и найти ключи к «тем замаскированным вратам оплота Природы, через которые бессмертный никогда не сумеет миновать стоящих опасных часовых и никогда не увидит обратную сторону ее стены», была составлена Симеоном бен Йошуа, который жил во времена второго разрушения Храма. Лишь примерно тридцать лет спустя после смерти этого прославленного каббалиста принадлежавшие ему манускрипты и написанные им истолкования, которые до той поры остались в его владении как самая ценная тайна, были использованы его сыном раввином Елиезаром и другими учеными людьми. Сделав компиляцию целого, они создали знаменитый труд под названием «Зогар» («Книга сияния»). Эта книга стала неистощимой сокровищницей для всех последующих каббалистов, их источником информации и знаний, а также показывает, что все более поздние версии каббалы были более или менее тщательно скопированы с прежних. До того все мистические доктрины являли

собой непрерывную линию просто устных традиций, с тех пор как человек оставил свой первый след на Земле. Они скрупулезно и ревниво охранялись мудрецами Халдеи, Индии, Персии и Египта и передавались от одного посвященного к другому в той же самой чистоте формы, как было тогда, когда их передали первому человеку ангелы, ученики теософской семинарии великого Господа. В первые времена сотворения мира тайные доктрины, переданные Моисеем, который был посвящен в Египте, подвергались некоторым небольшим изменениям. Вследствие персонального тщеславия этого великого пророка-медиума он стал выдать их за свой знакомый дух, гневного «Иегову», дух самого Бога, и таким образом добился лавров и почестей. То же самое влияние подвинуло его изменить некоторые принципы великой устной каббалы, чтобы сделать их более тайными. Эти принципы он положил в основу символики в первых четырех книг *Пятикнижия*, но по каким-то таинственным причинам изъял их из *Второзакония*. Посвятив своих семьдесят Старейшин по собственному методу, в результате он смог дать только то, что они приняли сами, и таким образом была подготовлена первая возможность для ереси и ошибочных толкований этих символов. В то время как сама каббала оставалась в своем первоизданном чистом виде, Моисеева или еврейская была полна изъянов, и ключи ко многим тайнам — забытые из-за Моисеевых законов — преднамеренно истолковывались неправильно. Силы, дарованные ими посвященным, были огромны, и самый прославленный каббалист, царь Соломон, и его фанатический родитель Давид, несмотря на его покаянные псалмы, были самыми могущественными. Но все же доктрина оставалась в секрете и была чисто устной, пока, как я уже говорила прежде, не наступили дни второго разрушения Храма. Говоря с точки зрения филологии, само слово *каббала* сложилось из двух еврейских слов, означающих *принимать*, поскольку в прежние времена посвященный принимал ее устно и непосредственно от Учителя, а книга «Зогар» была написана о полученной информации, которую передавали как неизменную стереотипную традицию Востока, которую евреи изменили только из-за амбиций Моисея.

Если бы первые розенкрейцеры брали первые уроки мудрости у восточных учителей, а не у их прямых потомков, фи-

лософов огня или приверженцев Парацельса... ибо во многом каббала последних *иллюминатов* демонстрирует, что претерпела упадок от еврейских сестер-двойняшек. Давайте сравним. Помимо признания *шедим*, или духов-посредников, которые у евреев разделялись на четыре класса: воздуха, воды, огня и минералов — христианский каббалист, подобно евреям, верил в Асмодея, *Вечно-проклятого Асмодея* или нашего доброго приятеля ортодоксального Сатану. Асмодеус или Асмоди — это глава элементариев-гоблинов. Сама эта доктрина значительно отличается от восточной философии, отрицающей, что Великий Эн-Соф (Бесконечный или Безграничный), сотворивший всё сущее посредством духовной субстанции, исходящей из его Бесконечного Света, самый старший из десяти Разумов или Эманаций — первая сефирота — смог бы всегда творить бесконечное, макрокосмическое зло. Она (восточная философия) учит нас, что хотя первые три сферы из семи — принимая во внимание, что наша планета — четвертая — заселена первыми или будущими *людьми* (наверное, это можно считать современной доктриной реинкарнации) и, хотя до того как стать такими людьми, они суть существа, не имеющие бессмертных душ, а находящиеся в «грубых очищениях небесного пламени», все они пока не принадлежат Вечному Злу. Каждый из них имеет в запасе шанс получить свою материю *второго рождения* в этой четвертой сфере, которая и есть наша планета, и таким образом получить «великое очищение» Бессмертным Дыханием Ветхого Денми, который предоставляет каждому человеческому существу часть своего безграничного Я. Здесь же, на нашей планете, начинается первая смена от Бесконечного к Конечному элементарной материи, которая первая произошла от чистого Разума или Бога, и также воздействие первого чистого Принципа на это материальное очищение. Таким образом бессмертный человек начинает готовиться к Вечности.

В своей первоначальной форме элементарные духи, которых современный спиритизм так часто путает с недоразвитыми или непрогрессивными духами нашей смерти, находятся в связи с нашей планетой так же, как мы находимся в связи с Летней Страной. Употребляя термин «развоплощенный дух», мы всего лишь повторяем, что элементарные духи,

весьма вероятно, думают или говорят о нас, человеческих существах, и если они еще лишены бессмертных душ, то, тем не менее, одарены инстинктом и лукавством, а мы являемся для них малозначащим материалом, как духи пятой сферы для нас. Вместе с нашим проходом в каждую последующую сферу мы отбрасываем что-то из нашей примитивной грубости — физической и духовной — ради всех живущих существ. Трансцендентальное знание и философия величайших каббалистов Востока никогда не проникали за пределы определенной отметки, и герметист, а точнее — розенкрейцер, давайте уж *мы* будем аккуратны и точны, никогда не заходили дальше, чем разрешение величественных, но более ограниченных проблем еврейской каббалы, которые мы можем разделить таким образом:

1. Природа Высшего Существа;
2. Происхождение, творение и развитие Вселенной, *Макрокосма*;
3. Творение, развитие и *эманация* ангелов и человека;
4. Окончательная судьба ангелов, человека и Вселенной; или *втекание*;
5. Объяснение человечеству истинного значения всех еврейских писем.

Вот это и есть истинная, законченная каббала первых веков человечества, как я уже говорила прежде, которой владело очень мало восточных философов; а где они находились и кем являлись — это больше, нежели мне дано открыть. Возможно, я и сама этого не знаю, а мне это лишь грезится. Тысячи людей скажут, что это игра воображения; пусть будет так. Время покажет. Единственное, что я могу сказать — то, что такая группа людей существует и местонахождение братства никогда не будет открыто другим странам, пока не наступит день, когда все Человечество не выйдет из духовной летаргии и откроет слепые глаза ослепительно яркому свету Истины. Слишком преждевременное открытие может ослепить их, и, возможно, навсегда. А до тех пор спекулятивная теория их существования будет поддерживаться тем, что люди ошибочно считают *божественными* явлениями. Несмотря на эгои-

стическое, греховное противостояние науки спиритизма в общем, и несмотря на ученых в частности, которые, забывая, что их первейший долг — просвещать Человечество, вместо этого допускают, чтобы миллионы людей теряли себя и дрейфовали подобно кораблям, потерпевшим кораблекрушение без лотмана и компаса среди песчаных отмелей суеверий и предрассудков, несмотря на игрушечные грозы и безвредные анафемы, нависающие вокруг из-за амбиций коварного духовенства, которое прежде всех должно верить в духовные истины, несмотря на апатическое равнодушие людей того класса, которые избраны в соответствии с их лучшими качествами в респектабельности и поведении; несмотря на все эти вещи, спиритизм восстанет над ними, и его расцвет, возможно, немного поможет, как утренний рассвет или появление из-за тучи солнца. Подобно первому, величественная Истина восстанет над всеми этими тучами, собравшимися на Востоке, воссияет своим сверкающим светом, который прольет на пробудившееся Человечество. Эти лучи рассеют тучи и вредоносный туман тысячи религиозных сект, наводнивших нынешний век. Они подготовят и призовут к новой жизни миллионы искалеченных, несчастных душ, которые содрогаются и уже полузамерзли под ледяной рукою убийственного скептицизма. Истина, наконец, возьмет верх, и спиритизм, этот новый мировой завоеватель, возродится снова, как сказочная птица Феникс, из пепла его первых прародителей: оккультизм навсегда объединит в Бессмертное Братство все противодействующие друг другу народы; ибо этот новый Св. Георгий навеки отрубит голову дракона — Смерти!

Перед тем как закончить, мне бы хотелось сказать еще несколько слов. Допустить возможность любому человеку стать практическим каббалистом (или назовем его розенкрейцером, поскольку эти названия, похоже, становятся синонимами), который всего-навсего обладает твердым решением «стать» им и надеется достигнуть тайного знания посредством изучения еврейской каббалы или любым другим, который может возникнуть без чьего-либо посвящения и таким образом «сделаться» подобным тому, кто «стал» — это так же глупо, как надежда преодолеть без путеводной нити знаменитый лабиринт или открыть тайну засовов гениальных средневековых

изобретателей, не имея ключей. Если христианский Новый Завет, самый легкий и молодой из всей каббалы, нам известен, то существуют огромные трудности для того, кто собирается истолковать загадки и тайные значения (которые, если их изучать только при помощи ключа современного спиритизма, откроются так же легко, как шкатулка из басни Эзопа), то какая же надежда есть у современного спиритизма, изучаемого лишь посредством теоретических знаний, когда-либо достигнуть своей цели? Оккультизм без практики будет походить на статую Пигмалиона, и никто не сможет ее оживить без того, чтобы высечь искру священного Божественного Огня. Еврейская каббала, эта единственная верховная власть европейского оккультизма, вся основывалась на тайных значениях еврейских письмен, которые в свою очередь указывали ключи посредством знаков, *скрытых* и непостижимых для непосвященного. Они не позволяли адептам применять их практически. Седьмое правило розенкрейцеров — «сделаться прежде, чем стать» — имеет свое тайное значение, как и всякая фраза, оставленная каббалистами потомству в письменном виде. Слова «мертвая буква убивает», которые цитирует Хираф, могут быть применены к этому случаю с большей справедливостью, чем христианские учения первых апостолов. Розенкрейцеру придется сражаться В ОДИНОЧКУ и трудиться долгие годы, чтобы отыскать какие-то предварительные секреты — начальные азы великой каббалы — лишь вследствие тяжелого испытания, во время которого будут испытываться все его умственные и физические силы. Если он достойно справится с этим, слово «дерзай» будет повторено ему в последний момент перед финальной церемонией этого тяжелейшего испытания. Когда Высший Жрец Храма Озириса, Сераписа и других приведет неопфита прямо к ужасной богине Изиде, слово «дерзай» будет произнесено в последний раз; и тогда, если неопфит сумеет выдержать эту последнюю мистерию, самую страшную, увидит все ужасы мира, поняв, что у него нет ничего в запасе, если он храбро «поднимет завесу, скрывающую лицо Изиды», он станет посвященным и больше ничего не будет бояться. Он прошел последнее испытание, и больше ему не надо бояться встречи лицом к лицу с обитателями «черной реки».

Единственную причину ужаса и страха мы ощущаем перед смертью, и состоит она в ее нераскрытой тайне. Христиане всегда будут бояться смерти (более или менее); посвященный в тайную науку или *истинный* спиритист — никогда: ибо он поднял завесу с лица Изиды и разрешил великую проблему в теории и на практике.

Многие тысячелетия назад мудрый царь Соломон произнес, что «нет ничего нового под солнцем», и слова этого мудрейшего человека должны повторяться до самого последнего времени. Это не наука и не современное открытие какой-то секции, а было известно каббалистам тысячи лет назад. Я знаю, что это покажется дерзким и смешным утверждением, и с ним, очевидно, не согласится любой авторитет. Но я отвечаю, что там, где истина пристально смотрит человеку в лицо, не может быть другого авторитета, кроме власти его чувств. Единственный известный мне авторитет рассредоточен по всему Востоку. Кроме того, кто когда-нибудь осмелится в нашей вечно меняющейся и вечно ищущей Европе или ребяческой Америке рискнуть объявить себя авторитетом? Ученый, который еще вчера стал бы авторитетом, теперь лишь при удаче сможет стать современным исследователем с шаблонными гипотезами. Как легко сегодняшний астроном забывает, что вся наука — просто-напросто схватывание крупниц знаний, оставленных халдейскими астрологами! Что не современным врачам, практикующим свою слепую и слабую медицинскую науку, отдана часть знаний о ботанике и растениях — я не скажу халдеям, — а даже более современным есеям. Простая история народов Востока, их обычаев и привычек должны быть четкой гарантией того, что они некогда узнали, они не могут быть совершенно забыты. Когда Европа поменяла свой облик двадцать раз и свернула на путь религиозных и политических революций и социальных катаклизмов, Азия осталась в первоизданном виде. То, что было два тысячелетия назад, существует и поныне с очень небольшими видоизменениями. Подобное практическое знание, раз оно принадлежало древним, не сможет умереть так скоро, когда живут подобные люди. Надежда обнаружить остатки такой мудрости, какой владела древняя Азия, должна склонить нашу высокомерную науку к исследованию своей территории.

И таким образом все, что нам известно о том, чем мы занимаемся и живем, выходит из презираемого Восточного Оккультизма. Религия и науки, законы и обычаи — все это очень близко связано с оккультизмом и является только его результатом, его непосредственным продуктом, замаскированным дланью времени и спрятанным нами под ладонью под новым псевдонимом. Если люди попросят у меня доказательств, я отвечу, что в мою компетенцию не входит учить о том, чему они смогут выучиться сами, причем почти без труда. Им всего лишь следует побеспокоиться о том, чтобы прочитать и обдумать прочитанное. Кроме того, близится время, когда все древние предрассудки и ошибки веков должны будут быть сметены ураганом Истины. Как пророк Мухаммед, когда он заявил, что если гора не идет к нему, то он сам пойдет к горе, современный спиритизм неожиданно появился с Востока перед скептически настроенным миром, чтобы в ближайшем будущем завершиться и впасть в забвение, в котором и исчезнет тайная мудрость.

Спиритизм — теперь это просто дитя, незванный чужеземец, к которому публика относится как к матери, воспитывающей чужого ребенка, и пытается выбросить из существования. Но он все больше растет: тот же самый Восток однажды может послать к нам опытных, умных нянек, чтобы они позаботились о нем. Давняя опасность Салемских трагедий прошла. Рочестерские стуки, слабые и тихие, пробудили некоторых бдительных друзей, которые в свою очередь пробудили тысячи и миллионы ревностных защитников истинной Причины. Самая сложная часть завершена; дверь приоткрылась и приглашает такие умы, как Хираф, помочь рьяным искателям истины найти ключ, который отворил бы для них ворота, и помочь им переступить порог, разделяющий этот мир от следующего, «не потревожив ужасных часовых, никогда не заглядывающих по эту сторону стены». Истина требует точного знания оккультиста, чтобы объяснить и изменить многое из того, что некоторым слишком деликатным и ортодоксальным душам в спиритизме может показаться «отталкивающим». Последний может возразить очень многому в феномене спиритизма на основании того, что с ним смешался каббализм. Они начнут доказывать, что оккультизм, *если он существу-*

ет, — это запрещенная «черная магия», волшебство, из-за которого сжигали людей, причем не так давно. В таком случае я скромно отвечаю, что в природе нет ничего, что не имеет две стороны. Оккультизм, конечно, не исключение из правила, и состоит из *черной и белой* магии. Но то же самое происходит и с ортодоксальной религией. Когда оккультист является истинным розенкрейцером, он в тысячу раз чище, благороднее и божественнее, чем любой из самых святых ортодоксальных священников; но когда один из последних вверяет себя беспокойному демону своих же порочных страстей и побуждает к этому всех друзей, они шумно веселятся при виде подобно-го извращения. И почему же ортодоксальный священник, помолвившись, становится лучше, чем самый черный колдун, имеющий дела с «обитателем»-элементарием или «диажкой» Э.Дж. Дэвиса? Воистину, у нас есть *черное и белое* христианство, как и черная и белая магия.

О, вы, слишком ортодоксальные священники и служители клира различных вер и названий, вы, которые так нетерпимы к спиритизму, этому самому чистому Дитяти Древней Магии, можете ли вы сказать мне, почему в таком случае вы ежедневно сами практикуете все самые известные магические обряды в ваших церквах и следуете прототипу самой церемонии оккультизма? Можете ли вы зажечь фитиль или осветить ваши алтари, например, кольцами из свечей, не повторяя при этом магических обрядов? Почему ваш алтарь с вертикально горящими свечами — всего лишь современная мимикрия первобытного магического монолита с огнем Ваала на нем? Разве вы не понимаете, что, делая это, следуете прямо по пути древних огнепоклонников, персидских Небесных Геберов? И сверкающая митра вашего Папы, почему она — прямой потомок митраического Пожертвования, символически покрывающего головы высших жрецов халдейского оккультизма? Пройдя через множество трансформаций, теперь она покоится в своей последней (?) ортодоксальной форме на надменной голове вашего преемника Святого Петра: Подозреваю, что об этом мало подозревают поклонники Ватикана, когда поднимают глаза в безмолвном обожании на голову их земного Бога, Папы, а то, чем они восхищаются — всего-то карикатурный головной убор, похожий на шлем амазонки Афины Паллады,

небесной богини Минервы! Фактически, вряд ли в христианской церкви существует хоть один обряд или церемония, которые не были заимствованы у оккультизма.

Но что бы вы ни говорили или ни думали, вы не сможете этим изменить того, что было и будет, а именно, прямого сообщения между двумя мирами. Мы называем это взаимодействие «современным спиритизмом» в соответствии с той же логикой, как, упоминая об Америке, говорим «Новый Свет».

Вероятно, я приведу в замешательство даже ортодоксального спиритиста, вновь заверяя, что все, кто когда-либо был свидетелем современного спиритизма в его истинном, духовном виде, непреднамеренно стали посвященными неопитами древних мистерий; ибо каждый из них объяснил проблему Смерти, «подняв покров Изиды».

[В конце этой статьи, в ее «Альбоме для наклеивания вырезок», том I, с. 45, была вклеена врезка, где Е.П.Б. написала карандашом и чернилами следующее:]

Выстрел № 1. — Написано Е.П.Б. по особой просьбе S**** (См. первый результат на запрос от *знающего!!* Масон — искусство: «Розенкрейцерство», на обратной стороне страницы.

[В оригинале скобки не закрыты.]

[В своем «Альбоме», том III, Е.П.Б. еще раз вклеила вырезки своей длинной статьи. Там она занимает страницы 241-245. Она подписала статью карандашом и чернилами: Е.П. Блаватская, июнь 1875 г.]

ПИСЬМО ОТ МАДАМ БЛАВАТСКОЙ

Главному редактору «*Spiritual Scientist*»:

Сэр! В моей стране, и в любой другой, признанной цивилизованной, кроме Америки, человек, который бесчестит и клеветает на женщину, не виновную в преступлении, какой бы невозмутимой она ни была, называется трусом. Что подумает европейский джентльмен о мужском населении Америки, когда прочтет в спиритических журналах Соединенных Штатов такую ложь, трусливые заявления и отвратительные нападки на леди, рожденную за границей, о женщине, очень долго занимающейся спиритизмом, **НО НЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ МЕДИУМЕ**, как утверждают те, кто выступают против меня? Эти нападки появились совсем недавно. Меня винят в том, что я поведала правду, а не ложь о некоторых лицах, лишенных чести и достоинства, которые позорят само название американского спиритизма путем своей ассоциации с ним и создают весьма несовершенные, поверхностные представления о чудесах Магии, о которых, заодно с сотнями других путешественников, я узнала при странствиях, объездив практически весь Восток. Эти зловердные нападки на мою репутацию вредят только самим тем, кто нападает на меня; ибо мои предшественники не нуждаются в моей защите. Но как спиритист я краснею от этого впечатления, которое они неизбежно производят, ввиду права на грубость в отношении женщины в американской журналистике. Если это не прямое оскорбление, то мне нечего сказать.

Но пока что я просто отвечу на многочисленные вопросы и критику. Я отправила вам перевод еще одной главы из одной из книг Леви.

Е.П. БЛАВАТСКАЯ

МАГИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ АПОЛЛОНИЯ ТИАНСКОГО

Глава из книги Элифаса Леви ¹
Перевод Е.П. Блаватской.

Мы уже рассказывали, что в Астральном Свете образы людей и вещей сохраняются. Это также происходит в том свете, в котором можно вызвать формы тех, кого больше нет в нашем мире, и это происходит посредством воздействия мистерий некромантии, которые так же существуют *в реальности*, как и отвергаются.

Каббалисты, которые говорили о духовном мире, просто рассказывали о том, что они видели в своих воплощениях.

Элифас Леви Захед [это еврейское имя переводится как Альфонс Луи Констант], написавший эту книгу, был вызывал и видел все.

Давайте сначала расскажем, как учителя описывают свои видения или интуиции, в которых они вызывают *Свет славы*.

Мы читали в еврейской книге «*О круговороте души*»² о том, что есть души трех видов: дочери Адама, дочери ангелов и дочери греха. Также, согласно этой же книге, есть три вида духов: пойманные духи, блуждающие духи и свободные духи. Души посылались парами. Тем не менее, есть души мужчин, которые родились безбрачными, а их пара удерживается Лилит и Нагемой, королевами

---

¹ Глава XIII из его «Догмы и ритуала высшей магии», с. 276-292, издание шестое. Париж, 1920. — *Составитель*.

² Здесь ссылка на «Комментарии к книге Зенизы. Трактат о круговороте жизни Исаака бен Соломана Лории», которые можно найти во втором томе «*Kabbala Denudata*» Кнорра Розенрота. Первый том этой работы появился в 1677-78 гг. в Сулсбахе, а второй — в 1684 г. во Франкфурте-на-Майне. — *Составитель*.

*стриг.*³ Есть души, которые должны в будущем нести наказания за свою опрометчивость, принимая обет целибата. Например, когда человек отрекается от чистой любви женщины, он сочетается браком, который обрекает его стать рабом демонов похоти. Души растут и размножаются на небесах, как и тела на земле. Чистые души являются плодами ангельского союза.

Ничто не может попасть на Небеса, кроме того, что относится к Небесам. После смерти только сам божественный дух, который оживлял человека, возвращается на Небеса, оставляя на земле и в атмосфере два трупа. Один земной и элементарный; другой воздушный и сидерический (звездный); первый безжизненный, другой все еще оживленный вселенским движением мировой души (Астральный свет), однако обреченный на постепенную смерть, растворенный астральными силами, которые его произвели. Земной труп виден: другой — невидимый для глаза живого земного человека и не может быть постигнут ничем, кроме воздействия астрального или *ослепительно яркого* света на «прозрачное», которое связывает впечатления с нервной системой и тем самым воздействует на органы зрения, позволяя делаться видимыми формам, которые сохранены, и словам, которые написаны в Книге жизни.

Если человек прожил жизнь хорошо, астральное тело или дух испаряются подобно чистому фимиаму, потому что он поднимается навстречу самой высшей религии; но если человек жил в преступлении, его астральное тело, удерживая его, как заключенного, снова выискивает объекты страсти и желает вернуться к его жизненному пути. Он беспокоит сны молодых девушек, купается в парах пролитой крови и нависает над местами, где протекали удовольствия его жизни; стережет зарытые им сокровища, изнуряет себя бесплодными усилиями раскрыть тайну телесного бессмертия. Но звезды притягивают и растворяют его; он чувствует, что его разум слабеет, он постепенно теряет память, и все его существо разжижается... Его старые пороки являются ему в качестве инкарнаций и насылают на него чудовищные формы; они нападают и терзают... Этот несчастный таким образом теряет все свои члены, которые служили его греховным аппетитам; потом он умирает во второй раз и уже навсегда, потому что теперь лишается своей личности и памяти. Души, которым еще предстоит жить, но которые еще не полностью очистились, остаются на более долгое или на короткое время пленниками астрального тела, но очищаются посредством одического света, который

---

³ Слово, употребляемое валагинианами и востоковедами по отношению к определенному рода непрогрессивным элементарным духам. — Изд. (Е.П.Б.)

проливается на них, чтобы ассимилировать и растворить. Чтобы избавиться от такого своего тела, некоторые страдающие души иногда входят в тела живых людей и остаются там на некоторое время в состоянии, которое каббалисты называют *эмбриональным*.

Именно эти астральные трупы вызываются посредством некромантии. При вызывании вы вступаете *в связь* с лярвами, субстанциями мертвыми или умирающими; обычно они могут говорить только посредством звон в наших ушах, производимого нервной дрожью, о которой я уже сказал, и когда изъясняются, то обыкновенно лишь отражают наши мысли или мечты.

Но чтобы увидеть эти странные формы, человеку надо привести себя в особое состояние, граничащее со сном или смертью; так сказать, нужно магнетизировать себя и добиться своего рода яркого и сомнамбулизма в бодрствующем состоянии. Некромантия добивается реальных результатов, и магическое воплощение способно произвести настоящих призраков. Мы уже говорили, что в этом великом мертвом агенте — астральном свете, — сохраняются все образы вещей, все сформировавшиеся образы, образованные лучами или их отражениями; и этот свет, в котором нам являются наши мечты, одурманивает безумца и стирает напрочь его ослабевший разум, преследуя его самыми фантастическими химерами. Чтобы видеть в этом свете без всяких иллюзий, необходимо при помощи мощного усилия воли избавиться от отражений и навести на себя только лучи. Грезить наяву — значит увидеть в астральном свете; и оргии, происходящие на шабашах ведьм, описанные множеством колдунов при допросах на судах над ними, не представлялись им ни в каком ином виде. Часто подготовка и вещества, употребляемые при этом, приводили к ужасному результату, как мы можем узнать из глав, посвященных этому ритуалу; однако эти результаты никогда не подвергались сомнению. Случались вещи более ужасные, фантастические, которые нельзя ни описать, ни увидеть, услышать или к ним прикоснуться...

Весной 1854 году я отправился в Лондон, чтобы избежать некоторых семейных неприятностей и полностью, всецело посвятить себя науке. У меня имелись рекомендательные письма к разным выдающимся персонам, интересующимся проявлениями сверхъестественного. Я увиделся с несколькими из них и обнаружил в них смесь любви, полного равнодушия и легкомысленности. Они немедленно требовали от меня чудес, поскольку сами были шарлатанами. Я был несколько обескуражен, хотя, по-правде, не имел ничего против посвящения этих людей в мистерии магических церемоний; сам я всегда страшился и боялся, что впаду в иллюзии и умственное утомление; кроме того, эти церемонии сразу требуют материалов, причем

дорогих и которые очень трудно собрать. Потому я занялся глубоким изучением высшей каббалы и больше не думал об английских адептах, пока не настал день, когда я вошел в свое жилище и обнаружил конверт на мое имя. В конверте была половинка карточки, разорванной надвое, на которой я сразу же углядел характерную печать Соломона, и маленький клочок бумаги, на котором карандашом было написано: «Завтра в три часа дня перед Вестминстерским аббатством. Я представлю вам вторую половину карты». И я отправился на это странное свидание. В условленном месте стояла карета. С напускным равнодушием я держал в руке половинку карты; тут ко мне подошел слуга и, отворив дверь кареты, сделал мне знак. В карете сидела леди, одетая во все черное, со шляпки спускалась очень плотная вуаль; она поманила меня, сделав знак, чтобы я сел рядом с нею, и одновременно с этим показала мне вторую половинку карты. Слуга затворил дверь, и карета покатила; а леди подняла вуаль, и тут я увидел пожилую леди с искрящимися глазами, которая тотчас же обратилась ко мне. «Сэр, — промолвила она с ясно выраженным английским акцентом. — Мне известно, что среди адептов очень строго соблюдается закон секретности; но друг Бульвера Литтона, который с вами знаком, знает, каких демонстраций требовали от вас, и что вы отказались удовлетворить его любопытство. Вероятно, у вас не имелось необходимых предметов; я же желаю показать вам полный кабинет для занятий магией; но требую от вас заранее самую ненарушимую секретность. Если вы не поклянетесь честью, я прикажу извозчику отвезти вас обратно к вам домой». Я обещал ей то, чего она потребовала, и доказываю верность своего слова, не упоминая теперь ни имени, ни чего-либо еще, имеющего отношение к личности этой леди, ни дома, где она проживает. Я сразу же распознал в этой леди посвященную, определенно не первого уровня, а какого-то очень высокого. По пути мы вели беседу, и она настаивала на необходимости практических экспериментов, чтобы завершить свое посвящение. Она показала мне коллекцию магических одеяний и инструментов, даже одолжила мне почитать одну весьма интересующую меня книгу; короче говоря, она решила *попробовать* у себя дома совершить опыт полного воплощения, для которого я готовился в течение двадцать одного дня, скрупулезно соблюдая действия, указанные в 13-й главе «Ритуала».

Все было готово к 24 июля; мы намеревались вызвать призрак божественного Аполлония и испросить у него две тайны, одна из которых весьма беспокоила меня, вторая же интересовала эту леди. Сперва она имела намерение, чтобы ей ассистировал при воплощении ее очень близкий друг; но в самый последний момент храбрость той особы пропала и, поскольку для проведения магических ритуа-

лов строго требуется три человека или один, я остался в совершенном одиночестве. Кабинет, приготовленный для воплощения, находился в невысокой башне, четыре вогнутых зеркала были расположены должным образом, и еще там стояло нечто вроде алтаря, с верхней частью из белого мрамора, и алтарь был окружен цепью из намагниченного железа. На белом мраморе был выгравирован и вызолочен знак пентаграммы; и такой же знак был нанесен разноцветными красками на белой новой коже ягненка, которого подняли на алтарь. В центре мраморной плиты стояла небольшая медная жаровня, наполненная древесным углем из вяза и лаврового дерева; вторая жаровня стояла передо мной на треноге. На мне было белое одеяние, чем-то похожее на одежду католических священников, но длиннее и намного просторнее, и я надел на голову корону из листьев вербены, вплетенных в золотую цепочку. В одной руке я держал обнаженный меч, в другой — «Ритуал». Я возжег оба огня при помощи требуемой и уже подготовленной субстанции и начал сперва тихим голосом, а потом погромче, произносить ритуальные обращения. Дым заволок всё вокруг, огонь мерцал и заставлял танцевать все освещенные им предметы, затем погас. С мраморного алтаря медленно поднимался белый дым. Мне показалось, что я заметил слабую дрожку от землетрясения, в ушах моих зазвенело, а сердце забилося быстрее. Я добавил в жаровню несколько веточек и благовоний и, когда поднялось пламя, отчетливо увидел перед алтарем человеческую фигуру, которая была больше человеческих размеров. Она распадалась и рассывалась. Я возобновил ритуальные обращения и расположился в круге, который начертил еще до церемонии между алтарем и треногой; и тогда я увидел зеркальный диск, смотрящий прямо на меня, который находился позади алтаря. Диск начал постепенно освещаться, и вдруг там сама возникла белоснежная форма; она увеличивалась и, казалось, мало-помалу приближалась.

Я трижды призвал Аполлония и тут же закрыл глаза; когда я снова их открыл, передо мною оказался человек, завернутый полностью в саван, показавшийся мне скорее серым, нежели белым; его лицо было худое, печальное и безбородое, и это совершенно не соответствовало моему представлению об Аполлонии. Я испытывал ощущение ужасного холода и, когда открыл рот, чтобы задать призраку вопрос, не сумел издать даже звука. Тогда я возложил руку на пентаграмму и указал на него кончиком меча, мысленно приказав ему посредством этого знака не бояться меня, а повиноваться. И тут форма стала расплываться и внезапно исчезла. Я приказал ей появиться снова, и ощутил, как она прошла рядом со мною, подобно дуновению, и что-то коснулось руки, в которой я держал меч. Я ощутил, что моя рука тотчас же онемела, как и плечо. Я осознал, что меч

в моей руке оскорбляет духа, и воткнул его острие в круг близ меня. Тогда человеческая фигура появилась снова, но я чувствовал такую слабость во всех органах и меня охватило такое изнеможение, что я сделал два шага, чтобы усесться. Оказавшись на своем стуле, я погрузился в глубокую дрему, сопровождаемую снами, о которых, возвратившись домой, почти ничего не помнил. Несколько дней моя рука оставалась онемевшей и при этом болела. Призрак не разговаривал со мной, но мне казалось, что где-то в закоулках моего разума находятся ответы на вопросы, которые я хотел ему задать. На вопрос леди внутренний голос ответил мне: «Умер!» (это касалось человека, о котором ей хотелось получить известие). Что касается того, что хотелось узнать мне, возможно ли примирение и прощение между двумя людьми, о которых я думал, тот же внутренний голос печально вторил: «Умерли!»

Я рассказываю об этих событиях именно так, как они происходили, и нисколько не принуждаю кого-либо в это поверить. Эффект от первого опыта, произведенного мною, был необъясним. И я больше не был тем же человеком...

За короткий промежуток я дважды повторял этот же самый опыт. Результаты этих двух других воплощений открыли мне две каббалистические тайны, которые могли, если бы о них кто-нибудь узнал, изменить за короткий срок основы и законы всего общества...

Я не буду объяснять терминами физиологии, что я видел и чего касался; я просто принимаю всё то, что видел и чего касался, видел отчетливо и ясно, причем не во сне, и что этого вполне достаточно, чтобы доказать действенность магических церемоний...

Прежде чем завершить эту главу, укажу на любопытную веру определенных каббалистов, которые отличают призрака от реального усопшего и считают, что они редко появляются одновременно. Согласно этой теории, большая часть похороненных людей живы, а многие другие, о которых мы думаем, что они живы, на самом деле мертвы. Например, неизлечимое безумие может оказаться, по их мнению, неполной, но *реальной* смертью, которая оставляет земное тело под исключительным контролем астрального или звездного тела. Когда человеческая душа испытывает потрясение слишком сильное, чтобы его выдержать, она сама отделяется от тела и оставляет на своем месте душу животного, или, иными словами, астральное тело, которое делает человеческие останки чем-то в некотором смысле менее живым, чем даже животное. Усопшие люди такого рода очень просто распознаются благодаря полному прекращению нежных и нравственных чувств; они не плохие и не хорошие; они — мертвые. Эти существа — ядовитые грибы среди человеческих особей, они растворяют как только могут жизненную силу живущих;

вот почему их приближение парализует душу и от их вида леденеет сердце. Эти похожие на трупы существа подтверждают то, что всегда рассказывали о вампирах, этих ужасных созданиях, которые встают по ночам и сосут кровь из здоровых тел спящих людей. Разве вам не встречались люди, в присутствии которых вы ощущали себя менее разумными, менее добрыми, а зачастую — даже менее благородными и честными? Разве не подавляют они полностью веру и энтузиазм, разве не насылают на вас слабость и поработают вас посредством ваших же злых намерений, заставляя вас постепенно терять нравственное чувство в постоянных муках?

Существуют мертвые, которых мы принимаем за живых людей; это и есть вампиры, которых мы ошибочно принимаем за друзей!

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В нынешнее время так мало известно о магии древности, ее значении, истории, возможностях, литературе, адептах и достижениях, что я не могу оставить предшествующий текст без нескольких пояснений. Считалось, что описания церемоний и их многих атрибутов, так подробно сделанные Леви, имели предназначение ввести в заблуждение поверхностного читателя. Движимый непреодолимым желанием написать то, что узнал, но опасаясь стать опасно откровенным при этом, в данном случае, как и во всех его трудах, он преувеличенно подробно описывает незначительные детали и обходит молчанием некоторые важные моменты этой великой церемонии. И вправду, восточные каббалисты не нуждаются в приготовлениях, костюмах, механизмах, коронах или каком бы то ни было военном оружии: все подобные атрибуты относятся к еврейской каббале, которая имеет такое же отношение к своему халдейскому прототипу, как соблюдение церемоний римской церкви к скромным обрядам Христа и его апостолов. В руках истинного адепта Востока обычная бамбуковая палочка с семью узлами, подкрепленная его невыразимой мудростью и неукротимой силой воли, делается достаточно могущественной чтобы вызывать духов и производить чудеса, подлинность которых подтверждена многими непредвзятыми свидетелями. На этом *сеансе* Леви, когда призрак появился еще раз, бесстрашный исследователь видел и слышал вещи, о

которых в своем отчете о подобном испытании полностью скрывал, и есть то, о чем он просто намекает. Мне это известно от авторитетных людей, в правдивости которых нельзя усомниться.

Лучше бы критиканы из «*Banner*» и «*ir-Religio*», которые каждую неделю занимаются обстрелом из своих крошечных пугачей духов-элементалов, воплощением которых для них являются полковник Олькотт и я, попытались бы собственными руками совершить какую-нибудь простейшую церемонию, демонстрируемую неофитам, чтобы отточить свои зубы мудрости, прежде чем высмеивать и учить мир своими остротами и умными словечками. Ну что ж, стреляйте, мои добрые друзья — ведь вы всего лишь позабавитесь сами, не причинив никому вреда.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ НЕСКОЛЬКИХ МУДРЫХ СЛОВ, ВЫСКАЗАННЫХ ОДНИМ МУДРЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Статья, опубликованная в «Tatwa Bodhini Patrika», «Совершенная религия бабу Раджнарайна Бозе», хорошо известного члена Брахмо, предваряется предисловием с цитатой из написанного Рамохуном Роем «Доверительного акта» Ади Брахмо Самадж, который «находится под запретом во имя укрепления связей между людьми всех религиозных убеждений и верований», и там имеются нижеследующие замечания.

Нам следовало бы контролировать свои поступки, постоянно имея в виду суть религий. Ведь мы можем потерять ее из поля зрения в тумане сектантского предубеждения, пристрастия и страсти. Мы склонны забывать ее в пылу религиозных дискуссий, в суматохе философских спекуляций, в волнении религиозного восторга и в процессе соблюдения церемоний... Мы настолько склонны навязывать нашу частную точку зрения на несущественные религиозные убеждения остальных, что считаем, будто им чрезвычайно необходима наша помощь. Мы склонны забывать, что сами не безгрешны, а наши собственные мнения касательно всех вопросов человеческих стремлений уже не точно такие же, какими были двадцать лет назад, и уже не будут такими же, как в то время. Мы склонны забывать, что все члены нашей собственной секты или партии, если они честно откроют все свои помышления, не придерживаются точно такого же мнения по всем вопросам, касающимся религии. Мы склонны забывать, что религиозные воззрения человека — это вопрос текущего состояния прогресса, и они не будут такими же через век. Мы, теисты, имеем точно такое же право заявить, что люди других религий, менее передовые в религиозном знании, нежели мы, не будут спасены, —

как теисты, которые будут жить через век, будут говорить, что мы, нынешние теисты, не будем спасены из-за наших ошибок и заблуждений. Грешный человек не сможет добровольно стать догматиком. Нам больше следует уделять внимания к исполнению наших религиозных и нравственных обязанностей и привлекать внимание людей к этим обязанностям, нежели догматически навязывать нашу частную точку зрения на частное мнение других относительно религиозного учения.

Ученые диссертации о теологии и полемика на религиозные темы по-своему полезны, но в них нет ни капли истинной веры в Бога. Они заключаются в человеческом «посещении оставшихся без отца и обездоленные в их несчастье и старании остаться незапачканными миром», то есть пороке... Некоторые люди считают процессии, празднества и церковную музыку важнейшей сущностью и содержанием религии. Они без сомнения полезны сами по себе, однако это отнюдь не сущность и содержание. Сущность и содержание религии — это жизнь...

Нам следует не только контролировать наши поступки под несусыпным оком религиозной сущности, но, пропагандируя отправляемую нами религию, нам следует больше привлекать внимание людей к любви к Богу и к человеку, чем мнению доктрины. Мы нравственно виновны перед Богом, если возложим большие надежды на шелуху, а не зерно религии.

Совершенная религия не допускает наличия религиозной организации. Не может существовать такой секты, как приверженцы совершенной религии. Совершенная религия — это не исключительное достояние какой-либо секты или церкви. Это общее достояние всех сект и церквей. Члены всех сект и церквей должны контролировать свои поступки согласно своим убеждениям... Кроме того, некоторое количество людей, объединенных вместе и называющих себя приверженцами совершенной религии, должны обладать особенной концепцией Божества и будущей структуры и следовать особенной форме поклонения. Такая особенная концепция и особая форма поклонения тотчас же охарактеризуют их как секту. Эти особенные концепции Бога и будущей структуры и формы поклонения дали начало появлению среди человечества религиозных сект. Ни один отдельный человек не может уклониться от присоединения к секте, соответствующей его частным убеждениям.

Должно быть, религиозные различия существовали в мире всегда.¹ По словам Паркера, «сколько людей, столько и теологий». Как

---

¹ Мы убедительно просим не считать нас сторонниками этого мнения нашего любезного друга. — *Издатель.*

невозможно стереть различия в лицах и сделать все лица одинаковыми, точно так же трудно стереть религиозные различия: они существовали в мире всегда и будут существовать до тех пор, пока существует мир. Невозможно привести всех людей к одной и той же религии. Один король как-то заметил: «Невозможно сделать так, чтобы все часы показывали одинаковое время. Как же тогда можно убедить всех людей в моей точке зрения?» В религиозном саду всегда будут произрастать разнообразные цветы, и каждый будет иметь свой, особенный аромат. Теизм сильнее всех благоухает среди них. Имея это в виду, нам следует терпимо относиться ко всем религиям, хотя в то же самое время проповедовать, посредством аргументов и мягкого убеждения, ту религию, которую считаем истинной. Нам придется терпимо относиться даже к таким агностическим религиям, как ведантизм и буддизм, поскольку они прививают учение о существовании Бога, хотя приверженцы этих религий считают Его безликим Богом; доктрина *йоги* или общение с Ним для этих людей должны быть вызваны любовью Бога и доктриной любви к человеку и нравственности. Некоторые люди говорят о буддизме как об атеистической религии. Даже если бы было правдой, что буддизм является системой чистого атеизма, что на самом деле не так, то слова «атеистическая религия» — это несовместимые понятия. Не может существовать религии, отделенной от Бога. Недавние исследования доказали, что буддизм не существует вне идеи Бога, как это предполагалось раньше.¹ Нам следует терпимо относиться ко всем религиям. Мы должны наблюдать за всеми религиями, ведь каждая из них содержит большую или меньшую истину, словно сам Бог наблюдает за ними, радуясь истине, которая содержится в каждой религии, и относя их ошибки к человеческому несовершенству...

Это благородные и умиротворяющие слова, как будто произнесенные среди индийских брахманов. Они предполагали бы создание мира добра, но обычная участь мудрых слов — стать «гласом вопиющего в пустыне». Все же, даже за этими доброжелательно высказанными фразами, настолько полными добросердечия и добра и устремленными ко всем людям на свете, мы можем помочь разглядеть (мы горячо надеемся, что бабу Раджарайн Бозе простит нам нашу искренность) узкий

---

¹ Мы считаем, что эта огромная ошибка произошла из-за односторонних умозаключений и скоропалительных выводов некоторых востоковедов, наподобие мистера Лиллье, автора «Будды и раннего буддизма». Вечная, распространяющаяся повсюду основа — это *не* то, что вульгарно называлось Богом. — Издатель «*Теософиста*».

кружок некоторых сектантов, затем чувство эгоизма, и то, против чего с таким отчаянием вынуждено бороться наше Общество.

«Нам следует терпимо относиться ко всем религиям, хотя в то же самое время *проповедовать... религию, которую считаем истинной*», — говорят нам. Наш печальный долг — проанализировать эти слова, и мы начинаем с вопроса, *почему мы это должны?* Где необходимость в навязывании нашей *персональной* точки зрения, наших убеждений *pro tem* [сиюминутных (*лат.*)], если можно использовать здесь это выражение, другим людям, которым всем без исключения дозволено владеть — до тех пор, пока не будет доказано обратное — по сути, даром распознавания и суждения, которыми, как мы считаем, наделены сами? Мы говорим: убеждения *pro tem*, основываясь на выражении собственного признания автора. «Мы склонны забыть, — говорит он своим читателям, — что *сами мы безгрешны, а наши собственные убеждения... не такие же, какими были двадцать лет назад, и уже не будут такими же, как в то время*», и «*члены нашей собственной секты или партии... не придерживаются точно такого же мнения по всем вопросам, касающимся религии*». Превосходно. Так почему бы не оставить в покое мнение наших собратьев относительно других религий и убеждений и не идти своим собственным естественным путем, вместо того чтобы насильно уклоняться от него — однако, мягким убеждением — к колее, которую мы сами же покинули двадцать лет назад? Наверное, мы можем напомнить уважаемому автору, что, сочиняя эти сентенции, которые мы отметили, он ссылаясь на «несущественные убеждения» — или сектантские догмы, а не на то, что он восторженно называет существенными религиозными убеждениями, т. е. веру в Бога, или теизм. Мы снова отвечаем на вопрос, был ли последний тезис — тезис, обозначающий нечто, что основано на своей подлинной ценности и неопровержимом доказательстве — был ли он, несмотря на свое до последнего времени *квази-универсальное* обычное принятие этого слова, хоть чуть-чуть получше доказан, или основан на еще более прочном фундаменте, чем любая из существующих догм, не признанных никем, кроме тех, кто признаёт те авторитеты, от которых эти догмы и произошли? Не в

этом ли случае и тезис и догмы, «существенные», как и «несущественные» — просто соответственные умозаключения и выводы «грешных умов»? И можно ли утверждать, что сам теизм с его нынешними сырыми идеями насчет постигаемого персонального божества немногим лучше, чем сверхчеловеческое сознание великого человека, что через 20 лет он достигнет не только более возвышенной и благородной точки зрения, а даже определенного поворотного пункта, который поведет человечество к гораздо более высоким идеалам в соответствии с научными истинами, добиваться которых он будет ежедневно, а то и почти ежечасно? То, о чем мы сейчас спорим, исходит из твердой агностической платформы, и наши слова всего лишь базируются на собственных словах автора. И мы утверждаем, что главный посыл его основного суждения можно сформулировать так: «персональный Бог — это когда догмы могут быть и могут не быть правдой» — и если он просто принят без *доказательства*, так как существование Бога вообще было и всегда останется *недоказуемым* суждением, то дальнейшие выводы автора, сделанные на основе малой или второй посылки, не перекрывают брешь в рассуждениях. Этот силлогизм имеет разумные основания только *по мнению теистов*. Атеист и агностик, имея на своей стороне логику и здравый смысл, будут возражать. Они обязательно скажут: почему не согласовать с другими то, на что вы сами претендуете? Тем не менее наши аргументы — веские, а убеждение — *мягкое*, и теист не почувствует вреда, если мы, убеждая его, собственной рукой вышвырнем теизм и примем религию или философию, «которую *мы* считаем истинной», а именно — «*буддизм как атеистическая религия*» или высоко философичный и логический агностицизм. Как говорит наш уважаемый современник — «невозможно стереть различия с лиц и сделать все лица одинаковыми». А приходила ли ему в голову мысль, насколько сложно полностью стереть врожденные различия ментальных восприятий и способностей, прекратить их согласовывать, сведя к одному стандарту бесконечное разнообразие человеческой природы и мысли? Последнее можно было бы отделить от их природы в нечто искусственное. Но, подобно маске, надежно прикрепленной на чье-нибудь лицо, которая в один прекрасный день будет со-

рвана первым же сильным порывом ветра, эти привитые искусственно убеждения однажды должны будут снова пойти своим естественным путем — новая одежда, надетая на разорванное платье, и «дыры в нем станут больше». Мы с теми, кто считает, что поскольку природе никогда не сделаться процессом, известным в садоводчестве как прививка, поскольку она не подразумевала, что идеи *одного* человека следует прививать ко всем людям, как получалось бы само собой, если бы она действительно этого хотела — если природа действительно управляема разумом, — и создала все способности человеческого ума, и хотя все растения гомогенны, это не тот же самый случай. Дело в том, что нет такого вида растения, которое можно было бы заставить расти и цвести искусственно на другом растении, не принадлежащем к той же природной разновидности, и нельзя пытаться привить наши убеждения личностям, чьи ментальные и интеллектуальные способности отличаются от наших, как одна разновидность растений отличается от другой. В этом мы никогда не добьемся успеха. Уже несколько сотен лет усилия миссионеров направлены на христианизацию местного населения Индии. Это хороший пример, который иллюстрирует неизбежный крах каждой такой ошибочной попытки. Среди аборигенов очень мало таких, на которых процесс прививки прошел успешно, тогда как тенденция великого множества людей — это возвращаться к своему первоначальному специфическому типу, рожденному истинным пантеизмом индуизма, и придерживаться веры своих предков, подобно тому как растение придерживается своего первоначального вида. «Любовь к Богу и к человеку — это сущность религии», — говорит бабу Раджанарайн Бозе, когда предлагает людям отвлечь свое внимание от религиозной «несущественной» шелухи и сосредоточиться на зерне — ее сущности. Сомневаемся, сможем ли мы когда-либо доказать нашу любовь к человеку, лишая его фундаментальной и главной прерогативы, которая есть беспрепятственная и полная свобода его мыслей и сознания. Кроме того, автор далее говорит:

Ничто не вводит мир в большее заблуждение, чем религиозный фанатизм и догматизм, касающийся несущественных религиозных вопросов; ничто сильнее не приводит к кровавым войнам и жестоким преследованиям, как это...

Этим утверждением он обращает оружие логики и фактов против своего же собственного аргумента. К примеру, какая религия всегда больше, чем христианство, претендовала на «любовь к Богу и к человеку»... мало того, на «любовь ко всем людям, как нашим братьям»; и все-таки, именно это верование всегда превосходило любовь в жажде крови и жестокости, в нетерпимости, доходящей до проклятия всех остальных религий! «Какие преступления [религия в общем] не совершала? — восклицает профессор Гёкси, цитируя Лукреция, — и какие жестокости, — добавляет он, ссылаясь на христианство, — не совершались во имя Его, который призывал любить своих врагов; благословлял миротворцев», и множество других благородных вещей? Действительно, религия Любви и Милосердия ныне строится на самом масштабном уничтожении жертв, этих плодов незаконного, грешного желания привести все человечество к единому способу мышления, во всяком случае к единственной «основной» точке зрения на их религию — вере в Христа. Мы всецело допускаем и признаём, что долг каждого честного человека — попытаться убедить посредством «аргументов и мягкого убеждения» каждого человека, кто заблуждается в отношении «сушности» Вселенской нравственности и признанного стандарта морали. Но последнее — есть общее достояние *всех* религий, равно как и *всех* честных людей, не зависящих от их веры. Эти основы истинного морального кодекса, связанные стандартом права и справедливости, признаны полностью, и им следуют как атеист, так и искренний теист, обладающие религиозными воззрениями и благочестием (как доказано статистическими данными), имеющие очень мало общего с порочными репрессиями и преступлениями. Между внешним исполнением кем-то морали и общественных обязанностей и тем, кто совершает воистину благочестивые поступки ради себя, должна быть проведена широкая граница. Подлинная нравственность не возлагается на людей какой-либо особенной веры или убеждений, и меньше всего веры в богов или Бога; а скорее зависит от уровня нашего индивидуального восприятия своего непосредственного отношения к человеческому счастью вообще, и следовательно — к нашему личному благоденствию. Но даже это не совсем точно. «До тех пор пока человек учится и позволяет себе верить, что он,

по-видимому, прав, то, может быть, суровая рука закона не накажет его или его ближнего, решившегося на месть»; но он должен быть стойким, ибо жаловаться бесполезно, а слабость вызывает лишь презрение; он должен быть воздержанным, его здоровье надо содержать в порядке, и следует умерять неумеренность всех его appetitов; и, как он говорит, если он послужит *своим* друзьям, то его друзья наверняка послужат ему; если он защищает свою страну, он защищает себя, и только посредством служения Богу он готовится к вечной счастливой жизни, которая наступит после, — однако же, говорим мы, когда он действует по этим принципам, добродетель — *не добродетель*, а воистину — верх ЭГОИЗМА. Тем не менее искренняя и ревностная вера теиста притупляется, когда он подчиняет свою жизнь тому, что ему нравится, а именно, *божественным* законам, тогда он мысленно отдает предпочтение первым делом благу, которое происходит из подобного нравственного образа действий *его собрата*, и только потом думает о себе... и он останется в лучшем случае — благочестивым эгоистом; и мы утверждаем, что эта вера в основном основана на страхе человека перед Богом, и она растет и развивается точно пропорционально его эгоизму, страху наказания и скверных последствий только для себя, и при этом его меньше всего волнует его брат. Ежедневно мы видим, что теист действует вопреки определению нравственности как подчинения человеческих поступков *божественным* законам, и тут морали ни чуточки больше, чем у среднего атеиста или неверующего, который считает нравственную жизнь просто-напросто долгом каждого порядочного и благоразумного человека, даже в мыслях не ожидающего за это награды в загробной жизни. Несуразным выглядит тот факт, что тому, кто не верит в свое воскресение после смерти, тем не менее, следовало бы в большинстве случаев поступать согласно высочайшим нравственным нормам, и этот факт не такой уж нелепый, как это кажется. Атеиста, знающего только о единственном существовании, беспокоит, какую память о своей жизни он оставит, а стремится он оставить ее по возможности незапятнанной в последующих воспоминаниях его семьи и потомства, и *это он считает своим моральным долгом даже по отношению к тем, кто еще не появился на свет*. Как изрек один

греческий стоик — «несмотря на то, что все наши ближние были сметены с лица земли, все же осталось бессмертное или *небессмертное* око, чтобы одобрять или осуждать, и должны ли мы находиться здесь, есть ли внутри нашей груди судья, наводящий благоговейный страх, или друг для нашего умиротворения?» Атеизм более присущ человеку, нежели теизм. И тот и другой растут и развиваются в нем вместе с его силой разума, и либо укрепляются, либо ослабляются, из размышлений и выводов очевидного из фактов. Короче говоря, и то и другое имеет причиной уровень природы его эмоций, и человек ответствен за то, что он атеист, не больше, чем за то, что он — теист. Оба понятия совершенно неправильно поняты. Многих называют нечестивыми не потому, что они становятся хуже, исповедуя не такую же религию, как их ближние, говорит Эпикур. Магометане более строгие теисты, нежели христиане, и все-таки первые называют последних «неверными», а большинство теософов считаются атеистами не из-за отрицания Божества, а из-за убеждения, что нечто имеет отношение к этой Основе, всегда неведомой. Как живое противоречие атеисту, есть теист, верующий в другие жизни или в жизнь грядущую. Неукоснительное выполнение его кредо, молитва, раскаяние и жертвоприношение — способны уничтожить грех в глазах «всепрощающего, любящего и милосердного Небесного Отца», ибо он — дающий силу всякой надежде, которая растет пропорционально искренности веры — что эти грехи будут ему отпущены. Таким образом, эта нравственная преграда между верующим и грехом — очень слаба, если мы рассмотрим ее с точки зрения человеческой природы. Чем больше дитя верит в любовь родителей, тем легче ему нарушить приказы своего отца. Кто отважится отрицать, что основная, если не единственная причина большинства страданий, которым подвержен христианский мир — особенно в Европе, — не огромная безнравственность и порочность человека, а его вера в божественное и бесконечное прощение «нашего Небесного Отца», и особенно — расплата за искушение? Почему людям не следует вообразить, что они могут испить чашу порока безнаказанно — во всяком случае, можно не задумываться о том, что станет с ними в будущем, — при условии, что в то время как одной половине населения земного

шара предложено приобретение отпущения всех грехов за некоторую ничтожную сумму денег, от второй требуется только вера и надежда, что Христос сохранит им место в раю, будь этот человек хоть убийцей, заявляющим о своих правах с виселицы! Публичную продажу индульгенций для совершения преступления, с одной стороны, и гарантии, данные уполномоченными Бога, что последствия самых тяжких грехов могут быть уничтожены Богом по его воле и благорасположению, с другой, мы считаем достаточными, чтобы поддерживать преступления и грехи в самом большом количестве. Тот, кто не любит добродетель и делает добро только ради себя и считает порок не пороком, безусловно, получает последний как непосредственный результат своей пагубной веры. Он должен ни во что не ставить добродетель и благоразумие и опасаться лишь единственного направления.

Мы твердо уверены в актуальности и философской необходимости «кармы», т. е. закона неизбежного воздаяния, что невозможно уклониться от всех вызванных нами причин, от воздаяния, как наказания в строгом соответствии с нашими поступками; и мы утверждаем, что с тех пор как каждый перестал отвечать за религиозные воззрения другого человека, который и которые нисколько его не заботили — это бесконечное стремление к перемене взглядов всего человечества мы находим в нашем собственном образе мышления, и соответствующие убеждения становятся весьма порицаемыми действиями. За исключением тех, кто непосредственно переживает все человеческие радости и беды, мы не имеем права влиять на взгляды наших ближних чисто трансцендентальными и недоказуемыми требованиями, равно как домыслами эмоционального характера. И не потому, что любое из соответствующих верований губительно или скверно *per se* [само по себе (*лат.*)], напротив, все они — идеал, служащий нам отправной точкой и путеводной звездой на пути к божественности и чистоте, к которому страстно стремятся и, вступив на него, не сворачивают с этого пути; но именно за счет этих различий и бесчисленного многообразия человеческих характеров, как компетентно указывает нам уважаемый джентльмен Брахмо в вышеуказанных строках, которые мы уже процитировали. Ибо, если все так, как он утверждает, то никто из нас не

безгрешен и «религиозные воззрения людей — это вопрос текущего состояния прогресса» (и его изменения, как он добавляет), прогресс этот бесконечен, и вполне вероятно, в один прекрасный день он может вступить в противоречие с нашими самыми глубокими убеждениями предыдущего дня; и, как доказано исторически и ежедневной практикой, «ничто не вводит мир в большее заблуждение», как огромное разнообразие борющихся друг с другом убеждений и сект, что в большинстве случаев приводило только к кровавым войнам и геноциду, и в буквальном смысле этого слова к уничтожению одной части человечества другою его частью; и становится очевидным и неоспоримым фактом, что посредством прибавления к этим сектам новосозданных мы добавляем еще большее количество противников для борьбы и разрывания друг друга на кусочки, если не сейчас, то в не очень отдаленном будущем. И в этом случае мы становимся ответственными за их действия. Пропаганда и обращение (в другую веру) — это плодоносные семена, посеянные для совершения будущих преступлений, это *odium theologicum*, возбуждающий религиозную ненависть, что связано как с «совершенством», так и с «не-совершенством» любой религии — и это самое плодотворное, равно и как самое опасное для мира во всем человечестве. В христианском мире, где голод взывает о помощи на каждом перекрестке, где его непосредственные результаты — пауперизм, порок и преступление — наполняют землю безысходным отчаянием, — огромные денежные средства ежегодно расходуются на совершенно неприбыльное и грешное занятие прозелитизмом. И с этой очаровательной несовместимостью, которая всегда была характерна для христианских церквей, те же самые епископы, несколько десятков лет назад возражавшие против постройки железных дорог по причине того, что это — мятеж против Бога, которому совершенно не хотелось, чтобы человек передвигался так же быстро, как ветер; и они же самые возражали против такого нововведения, как телеграф, утверждая, что это есть искушение Промысла Божиего; и даже применение анестезии в акушерстве, «под той отговоркой, — как сообщил нам профессор Дрейпер, — что это была нечестивая попытка избежать проклятия, объявленного против всех женщин в Бытие 3:16», — те же самые епископы не колеба-

лись вмешиваться в работу Промысла Божьего, когда это касалось «язычников». Разумеется, если Промысел Божий решил так, что женщинам следует претерпевать страдания из-за греха Евы, то, наверное, также ему хотелось бы, чтобы мужчина, рожденный язычником, оставался им, как это было предопределено. Неужели они считают, что миссионеры мудрее Бога и что они способны исправить свои ошибки; и при этом не восстают против Промысла Божьего и его неисповедимых путей? Однако оставим в стороне эти вопросы, такие же тайные для них, как и для нас: рассматривая так называемое «обращение», но с его практической точки зрения, мы утверждаем, что тот, кто, имея сомнительные основания, что поскольку *для него это истина*, то это должно быть истиной и для всех остальных, трудится над обращением в другую веру своих ближних, — то он просто занимается нечестивой работой, выращая и воспитывая будущих Каинов.

Действительно, наша «любовь к человеку» должна быть довольно сильной и достаточно интуитивной, чтобы потушить в нас ту искру эгоизма, которая — главный движитель нашего желания навязывать своему собрату и ближнему наши религиозные убеждения и точки зрения, которые *мы* «считаем (до поры до времени) истинными». Это очень важно — иметь достойный Идеал, но все-таки намного величественнее — быть достойным его; и где же тот мудрый и безгрешный человек, который может показать другому человеку, причем без страха ошибиться, что или кто должен стать его идеалом? Если, как утверждает нам теист, «Бог — все во всем», — тогда он должен находиться в каждом идеале — какая бы ни была его природа, если это не расходится с признанной моралью и не производит плохие результаты. Таким образом, станет ли этот Идеал Богом, поиском Истины всем человечеством, или, как это красноречиво показал Джон Стюарт Милль, просто нашей собственной страной, во имя этого идеала человек не только работает, но и сам становится лучше, создавая таким образом образец нравственности и набожности для остальных, чтобы они следовали его примеру; какое дело до него его ближним, если этот идеал будет химерической утопией, абстракцией или даже неодушевленным предметом в виде идола или куска глины?

Давайте не будем вмешиваться в естественное влечение человека к религиозному или нерелигиозному убеждению больше, чем нам следовало бы вмешиваться в его частные мысли, чтобы, поступив так, мы не создали больше заблуждения, чем блага, и тем самым заслужили бы проклятия. Если бы религии были настолько же безвредны и невинны, как цветы, с которыми сравнивает их автор, то нам не пришлось бы высказывать ни одного слова против них. Пусть же каждый «садовник», заботящийся о своих собственных растениях, не будет вынужден нехотя отвечать на вопросы незваных гостей о достоинствах своего цветника, и тогда все останутся довольны. Поскольку теизм в популярном понимании, несомненно, обладает своею особенной красотой, то ревностному теисту он может показаться «самым благоуханным цветком в религиозном саду». Тем не менее атеисту он может показаться не красивее колючего чертополоха; и у теиста права брать на себя оценивать его мнение не больше, чем у атеиста винить его в ужасных воззрениях. Несмотря на красоту, неблагодарная задача прививать розу на чертополох, поскольку в девяти случаях из десяти роза потеряет свой аромат, и оба растения примут форму чудовищного гибрида. Природа экономна, и поэтому все в ней находится на нужном месте. У нее своя особая цель и одинаковые возможности для как Бога, так и для дьявола, только на разных уровнях — если мы позволим всему этому двигаться своим естественным путем. Самая благоуханная роза часто имеет самые острые колючки; а цветы чертополоха, если их как следует выжать, дают мазь, при помощи которой можно исцелить раны, нанесенные жестокими шипами этой самой красивой розы.

По моему скромному разумению, единственная «Совершенная» религии Человечества — это добродетель, нравственность, братская любовь и нежное сострадание к каждому живому существу, будь то человек или животное. Это — общая платформа, предлагаемая нашим Обществом во всем; и самые фундаментальные различия между религиями и сектами тонут вреди мелких деталей проблемы примирения человечества, собирания всех совершенно разных рас и народов в единую семью и приведения их к убеждению, что самая важная необходимость этом мире скорби — воспитание и усиле-

ние чувства братского сострадания и терпимости, если не настоящей любви. Для этого воспользуемся нашим девизом: «Основной принцип здесь — единство; в отсутствии совершенства — полная свобода; во всех делах — милосердие», и мы говорим эти слова всем и каждому в отдельности: «Придерживайся религии своих праотцов, какая бы она ни была... если ты чувствуешь, что привязался к ней, Брат; думай же своими мозгами, если таковые у тебя имеются; будь всегда *самим собой* — кем бы ты ни был, если только ты действительно не плохой человек. И всегда помни, что волк в собственной шкуре — неизмеримо честнее, чем то же самое животное, но в шкуре овцы».

НЕКОТОРЫЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ КАЖДОДНЕВНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Выдержки, из которых составлен этот раздел, могут показаться несколько разрозненными, поскольку первоначально не предназначались для публикации. Впервые они были опубликованы под заголовком «Изучение теософии» в надежде, что читатель усмотрит намек и сам начнет делать ежедневные выписки, создавая, таким образом, конспекты прочитанных книг и извлекая из их чтения практическую пользу. Следуя этой практике, читатель будет в сжатой форме сохранять то, что на его взгляд выражает суть книги.

Чтение нескольких цитат каждое утро, старания приложить их затем к жизни в течение дня и медитации на них в свободное время, — также полезно для начинающих.

I

Вставайте сразу, как только проснетесь, не лежите празднично полусонные-полупроснувшиеся в постели. Первым делом горячо помолитесь о духовном возрождении всего человечества и о тех, кто борется, идя по пути истины, — чтобы ваши молитвы поддержали их и помогли им трудиться более ревностно и успешно, и чтобы укрепить в вас самих противостояние соблазнам чувств. Мысленно представьте образ своего Учителя, погруженного в самадхи. Добейтесь четкого видения с полнотою всех деталей, думайте о Нем с благоговением, и молитесь, чтобы все ваши ошибки упущений и прегрешений

могли быть прощены. Это заметно укрепит вашу силу сосредоточения, очистит сердце, пойдет на пользу во многих других отношениях. Или постарайтесь разобраться в собственных недостатках: *детально разберите их пагубное воздействие и минутность наслаждений, доставляемых ими*, и твердо *желайте* приложить все ваши силы, чтобы не поддаться им в следующий раз. Подобный самоанализ и рассмотрение самого себя на суде собственной совести помогут вашему духовному росту в такой степени, о какой вы прежде и не мечтали. Во время умывания тренируйте вашу волю, чтобы заодно с физической грязью тела смыть также и нравственные нечистоты.

В отношениях с другими соблюдайте следующие правила.

1. Не делайте того, что не является вашим долгом, то есть не делайте ненужные дела. Прежде чем что-либо делать, подумайте, является ли это вашим долгом.

2. Не говорите ненужных слов. Прежде чем произнести их, подумайте о возможных последствиях. Никогда не позволяйте себе нарушать свои принципы, уступая давлению окружающих.

3. Не позволяйте ненужным или пустым мыслям занимать ваш ум. Это легче сказать, чем сделать. Вы не можете вдруг сразу сделать ваш ум чистым. Потому поначалу старайтесь пресечь дурные или праздные мысли, направляя ум на разбор своих ошибок или на созерцанию Совершенных.

4. Во время еды упражняйте волю, чтобы пища хорошо переваривалась и строила ваше тело в гармонии с духовными устремлениями, и не рождались дурные страсти и грешные мысли.

Ешьте только когда испытываете голод, пейте только когда испытываете жажду, *не иначе*. Если какое-либо особое блюдо начинает прельщать вас, не уступите соблазну отведать его только ради удовлетворения своего желания. Вспомните, что удовольствие, получаемое при этом, не существовало всего лишь несколькими секундами раньше и что оно исчезнет несколько секунд спустя; что это — преходящее удовольствие, а то, что сейчас воспринимается как удовольствием, при больших дозах превратится в боль; что это доставляет удовольствие лишь языку; что если приобретение желанной вещи требует больших усилий, и вы поддаетесь страсти заполучить

ее, то вы не остановитесь ни перед чем, чтобы достичь цели, но поскольку имеется нечто другое, способное наградить вас вечным блаженством, подобная привязанность к преходящим вещам есть в лучшем случае просто глупость; что *вы* не являетесь ни телом, ни чувствами, потому удовольствие или боль, переживаемые телом и чувствами, в сущности не имеют власти над вами; и тому подобное. Придерживайтесь этой же линии рассуждения при всех других случаях искушения, и хотя иногда вы будете терпеть неудачу, все же со временем научитесь добиваться успеха.

Не читайте много. Если вы читали десять минут, то поразмышляйте несколько часов. Привыкайте к одиночеству, привыкайте быть наедине со своими мыслями.

Утвердитесь в мысли, что *никто кроме вас самих не в состоянии помочь вам*, и постепенно избавьтесь от всякой привязанности ко всему. Прежде чем заснуть, молитесь, как вы молились утром. *Пересмотрите свои поступки за день*, отметьте допущенные ошибки, примите решение не повторять их завтра.¹

II

Правильное побуждение к само-познанию — побуждение, связанное с *познанием*, а не с *самостью*. Самопознание — достойная вещь в силу присутствия в нем поиска знания, а не в силу связи его с личностью. Главное условие достижения самопознания — чистая любовь. Стремись к знанию из чистой любви, и твои усилия в конце концов увенчаются самопознанием. Возрастающее нетерпение ученика — верный показатель, что ученик трудится ради награды, а не ради любви, а это в свою очередь показывает, что он не достоин величайшей победы, оставляемой для тех, кто трудится действительно из чистой любви.²

«Бог» в нас — то есть Дух Любви и Истины, Справедливости и Мудрости, Добра и Могущества — должен стать на-

---

¹ «Теософист», август 1889 г.

² Там же.

шей единой истинной и постоянной *Любовью*, нашим единым оплотом во всем, нашей единой *Верой*, которой мы всегда можем довериться, как крепкой скале; нашей единой *Надеждой*, которая никогда нам не изменит, даже если все остальное погибнет; и единой целью, к которой мы должны стремиться с помощью Терпения, смиренно ожидая, пока наша дурная карма не будет исчерпана и божественный Искупитель не откроет нам Свое присутствие в нашей душе. Двери, через которые Он приходит, зовут Довольство: ибо недовольный своим положением недоволен законом, который его таким сделал, и поскольку законом является *Сам Бог*, он не придет к тому, кто недоволен Им.¹

Если мы признаем, что движемся в потоке эволюции, то *каждое* обстоятельство *должны* принимать именно как должное. И в неудачах при совершении намеченных действий должны видеть величайшую помощь, ибо нет другого пути научиться спокойствию, требуемому от нас Кришной. Если бы все наши планы успешно выполнялись, мы не испытали бы альтернатив. Кроме того, наши планы могут быть невежественно составленными и потому неправильными, и благорасположенная Природа не позволит их осуществить. Мы не виноваты за плохой план, но мы можем навлечь на себя плохую карму нежеланием смириться с невозможностью его выполнения. Вообще, если вы в подавленном настроении, то в той же самой мере ваши мысли теряют в силе. *Можно быть узником в тюрьме и все же оставаться работником общего дела*. Поэтому, прошу вас, очистите ваши мысли от малейшего недовольства внешними обстоятельствами. Если вам удастся воспринимать все события как происходящие в точности так, как вы этого желали, то это не только послужит укреплению ваших мыслей, но и укрепляюще скажется на вашем теле.²

Действовать, и действовать мудро, когда наступает время действия, ожидать, и ожидать терпеливо, пока длится время покоя — это приводит человека к гармонии с приливами и отливами (в делах), так что опираясь на природу и закон и имея путеводной звездой истину и добро, он может творить

---

¹ «Изучение теософии», N 8, т. 11

² «Путь», август 1889 г.

чудеса. Незнание этого закона приводит к безрассудному энтузиазму с одной стороны или депрессии и даже отчаянию с другой. В таких случаях человек становится жертвой приливов и отливов, тогда как ему следовало бы быть их Повелителем.¹

Наберись терпения, Путник, будь тем, кто не боится неудачи и не ищет успеха.²

*Накопленная энергия — не может быть уничтожена, она должна быть переведена в другие формы или преобразована в другие виды; она не может остаться все время бездействующей и при этом продолжать существовать. Бесполезно пытаться заглушить страсть, которой мы не в силах управлять. Если ее накапливающаяся энергия не отводится в другие каналы, она будет расти, пока не станет сильнее чем воля, сильнее чем рассудок. Чтобы контролировать ее, необходимо отвести ее в другой, высший канал. Так, любовь к чему-то пошлomu может быть преобразована в любовь к чему-то возвышенному, и порок может быть превращен в добродетель путем изменением его цели. Страсть слепа, она идет куда ее тянет, но рассудок для нее будет более надежным руководителем, чем инстинкт. Накопившийся гнев (или любовь) непременно найдет какой-нибудь объект, чтобы яростно излиться на него, иначе может случиться взрыв страсти, разрушительный для своего хозяина; спокойствие следует за бурей. Древние говорили, что природа не терпит пустоты. Мы не можем уничтожить или упразднить страсть. Если ее просто отогнать, другое стихийное воздействие займет ее место. Потому не следует пытаться уничтожить низкое, не поставив ничего вместо него, но следует заменять низкое высоким, порок добродетелью, суеверие знанием.*³

III

Знай, что нет исцеления от желания, нет исцеления от жажды признания, нет исцеления от пытки неудовлетворен-

---

¹ Там же, июль 1889 г.

² Голос Безмолвия.

³ Ф. Гартман. Магия.

ной тяги к иному, кроме как устремления взора и слуха на то, что незримо и безмолвно.¹

Человек должен верить в свою врожденную способность к развитию. Человек должен отклонить страх пред собственной высшей природой и не должен отступать под напором своего меньшего, материального я.²

Все прошлое показывает, что трудность не может служить оправданием для уныния, а тем более для отчаяния, в противном случае мир не имел бы многих чудес цивилизации.³

Решимость вести наступление есть первейшая необходимость для избравшего свой путь. Где же найти ее? Присмотревшись, нетрудно увидеть, откуда другие черпают эту решимость. Ее источник — непоколебимая убежденность.⁴

Воздержись потому, что воздержаться правильно, а не чтобы очистить себя.⁵

Человек, ведущий войну с самим собой и побеждающий, способен на это лишь когда ясно сознает, что эта война — единственное дело на свете, достойное выполнения.⁶

«Не отвечай на зло», то есть не жалуйся и не раздражайся при неизбежных неприятностях жизни. *Забудь о себе* (работая для других). Если люди оскорбляют, преследуют тебя, причиняют тебе зло, следует ли отвечать на это? Противодействие создаст еще большее зло.⁷

Исполняемая работа, какова бы она ни была, обладает абстрактным статусом долга, и ее относительная важность или незначительность не должна быть принимаема во внимание.⁸

Лучшим лекарством от зла будет не подавление, а устранение желаний, и этого лучше всего достичь постоянным погружением ума в мир Божественного. Знание Высшего Я теря-

---

¹ Свет на пути.

² Там же.

³ Through the Gate of Gold.

⁴ Там же.

⁵ Свет на пути.

⁶ Through the Gate of Gold.

⁷ «Путь», август 1887 г.

⁸ «Люцифер», февраль 1888 г.

ется, когда ум устремляется на беспечное созерцание вещей, соответствующих стихийному рассудку.¹

Наша натура настолько низка, горда, тщеславна, настолько полна собственными прихотями, суждениями и воззрениями, что если бы она не сдерживалась искушением, то погибла бы безнадежно; потому мы бываем искушаемы беспрестанно с той целью, чтобы познать себя и обрести смирение. Знай, что наибольшее искушение — это пребывать без искушений, и потому радуйся, когда они преследуют тебя, и со смирением, спокойствием и постоянством веди противостояние им.²

Прочувствуй, что нет такого действия, которое следовало бы совершить *ради себя*, но что Божественным на тебя наложены определенные обязательства, которые должны быть исполнены. Желайте Самого Бога и *ничего из того, что Он мог бы дать вам*.³

Все необходимое должно быть совершено, но не ради плодов совершаемого действия.⁴

Если все действия станут совершаться с полной уверенностью, что результат не имеет никакого значения для их исполнителя, но совершаются потому просто, что *должны* быть совершены — другими словами, потому что природе человека свойственно совершать действия — тогда самовлюбленная личность в нас будет становиться слабее и слабее, пока не обретет вечный покой, позволив сознанию, раскрывшему Истинное Я, воссиять во всей его славе.

Не следует допускать, чтобы радость или боль отклоняли тебя от намеченной цели.⁵

До тех пор пока Учитель не сочтет нужным, чтобы ты пришел к Нему, будь с человечеством и бескорыстно трудись ради его развития и прогресса. Только это может принести подлинное удовлетворение.⁶

Знание растёт пропорционально его применению — то есть, чем больше мы учим других, тем больше учимся. Пото-

---

¹ Бхагавадгита.

² Molinos. Spiritual Guide.

³ Бхагавадгита.

⁴ Там же.

⁵ Свет на пути, примечание.

⁶ «Путь», декабрь 1886 г.

му, Искатель Истины, с *верой* ребенка и *волей* Посвященного, раздели накопленное тобой с тем, кому нечем утешить себя на своем пути.¹

Ученик должен полностью осознать, что сама мысль о личных правах произрастает непосредственно из ядовитых качеств змеи Самости. Не следует взирать на другого человека как на личность, которую можно осуждать или порицать, и также не следует возвышать голос в свою защиту или оправдание.²

Среди людей у тебя нет врагов и нет друзей. *Все в равной степени являются твоими учителями.*³

Отныне ты должен трудиться, не чтобы извлечь какую-либо выгоду, мирскую или духовную, но чтобы исполнить закон бытия, который является благой волей Господа.⁴

IV

Живи не в настоящем и не в будущем, живи только в *вечном*. Гигантский сорняк (зло) не может произрастать там; позор его существования разлагается в атмосфере вечной мысли.⁵

Чистота сердца — необходимое условие для достижения «духовного знания». Этого очищения можно достичь двумя основными способами. Во-первых, настойчиво гони от себя всякую дурную мысль; во-вторых, сохраняя спокойствие разума при любых условиях, *никогда не допускай гнева или раздражения*. Ты убедишься, что этим двум способам очищения более всего способствует *преданность* и *сострадание*. Нам не следует сидеть без дела и не прилагать усилий к дальнейшему продвижению потому только, что не чувствуем себя чистыми. Пусть каждый явит *устремленность* и будет трудиться по настоящему, но трудиться он должен в правильном направлении, и первым шагом к этому будет очищение сердца.⁶

---

¹ Там же.

² «Люцифер», январь 1883 г.

³ Свет на пути.

⁴ Бхагавадгита.

⁵ Свет на пути, 4-е правило.

⁶ «Теософист», октябрь 1888 г.

Ум требует очищения, как только ты испытал гнев или произнес ложь, или *без необходимости обсуждал недостатки других*, или сказал (сделал) что-нибудь из лести, или ввел кого-либо в заблуждение неискренними словами или поступком.¹

Стремящиеся к освобождению должны избегать страстей, гнева, алчности и развивать в себе мужественное подчинение Священным Писанием, изучать духовную философию и быть *неуклонными* в ее практическом осуществлении.²

Имеющий эгоистические побуждения не может взойти на небеса, где личных соображений не существует. *Не заботящийся о том, чтобы попасть на Небеса, но довольный своим положением — уже на Небесах*, тогда как недовольный тщетно будет стремиться туда. Не иметь личных желаний значит быть свободным и счастливым, — «Небеса» именно и служат обозначением состояния, которому присущи свобода и счастье. Человек, творящий благотворительность в надежде на вознаграждение, не будет счастлив, пока не получит его, но как только награда получена, его счастье закончится. Не может быть вечного покоя и счастья, пока что-либо остается недоделанным, и исполнение долга приносит свое собственное вознаграждение.³

Считающий себя более святым, чем кто-либо другой, таящий в себе гордость за свою непричастность к пороку и глупости, считающий себя мудрым или каким-то иным образом возносящий себя над своими товарищами — не годен для ученичества. Человек должен стать как дитя, прежде чем сможет вступить в Царствие Небесное. Добродетель и мудрость — явления возвышенные, но если они порождают гордыню и чувство отделенности от остального человечества, они лишь змеи твоего «я», принявшие более приглядный вид. Первое из правил — это отдача и пожертвование *сердцем человека и его эмоциями*; это подразумевает *достижение равновесия, непоколебимого личными эмоциями*. Без промедления претворяй свои добрые намерения в дела, не оставляй ни единого из них только лишь намерением. Единственно верный образ действия — претворять побуждения в дела ради них самих, никогда

---

¹ Бхагавадгита.

² Там же.

³ Ф. Гартман. Магия.

ради вознаграждения; не предпринимать что бы то ни было лишь из надежды на результат, а также не потворствовать склонности к пассивности.

Через *веру* * очищается *сердце* от страстей и глупости; от этого происходит овладение *телом* и, *после всего этого*, подчинение чувств.¹

Признаки озаренного мудреца: 1) он свободен от всех желаний ** и знает, что лишь истинное Эго, или Всевышний Дух, есть блаженство, все остальное — страдание; 2) он свободен от пристрастного отношения или неприязни ко всему, что может выпасть на его долю, и действует без предвзятости. Лишь *затем* наступает подчинение чувств, которое бессмысленно и зачастую губительно, вследствие неудержного роста лицемерия и духовной гордыни, без второго условия, а оно, в свою очередь, не имеет большой пользы без первого.²

Кто не воплощает в жизни альтруизм, кто не готов разделить последнюю крошку *** со слабым или бедным, кто не считает нужным помочь своему брату-человеку (любой расы, национальности ли вероисповедания), *где бы* и *когда бы* он ни встретил страдание, кто отвращает ухо от горестного плача человеческого несчастья, кто присутствует при поношении невинного человека и не защищает его как самого себя, — *тот не теософ*.

Не поступает правильно тот, кто не исполняет свои явные жизненные обязанности, уповая на Божью волю. Исполняющий свои обязанности с мыслью, что их неисполнение навлечет на него нечто недоброе или что их исполнение устранил трудности с его пути, — трудится лишь ради результата. Обязанности должны быть исполняемы просто как воля Бога, который в любой момент может распорядиться об их отмене. До тех пор пока беспокойность нашей природы не уступила место

---

* То есть знание, которое приходит путем приложения в жизни бескорыстия и милосердия.

¹ Бхагавадгита.

** Лучше всего это достигается путем постоянного погружения ума в явления божественные.

² Бхагавадгита.

*** Это нужно понимать в самом широком смысле, то есть в смысле духовного знания и т.п.

спокойствию, нам следует действовать, посвящая Господу все плоды наших трудов и признавая лишь за Ним способность правильного свершения дел. *Истинная жизнь человека* — это покой в самоотжествлении с *Высшим Духом*.

Жизнь, которую мы ведем, не порождается какими-либо нашими действиями, она реальность, «истинна» и *совершенно независима* от нас. Осознание несуществования всего, что представляется противоречащим этой истине, является *новым сознанием*, а не действием. Освобождение человека никак не связано с его действиями. Пока деяния способствуют осознанию нашей полной неспособности освободиться от оков обусловленного существования, они — наши помощники; после прохождения этой стадии деяния становятся скорее препятствием, нежели помощью. Тот, кто трудится в соответствии с Божественными велениями, зная, что способность трудиться так есть дар Божий, а не свойство самосознающей природы человека, достигает освобождения от необходимости действия. Тогда чистое сердце наполняется истиной и воспринимает тождество с Божеством. Человек должен сперва освободиться от мысли, что он *сам* что-то в действительности делает, зная, что все действия возвращаются в «трех качествах природы», * и *ни в малейшей степени* в его душе. Следует основывать все свои действия на преданности; это означает посвящать все свои действия Всевышнему, а не себе. Следует принять в качестве Бога, которому совершается жертва, либо *себя*, либо *другого* реального бога — Ишвару, и все дела и стремления свершать либо во имя себя, либо во имя Всего. Здесь становится значимым *побуждение*. Ибо если человек совершает великие подвиги на благо людей или приобретает знания, чтобы помочь людям, исходя из побуждения, что таким образом *он сам* достигает спасения, — он действует только ради своего собственного блага, и, следовательно, жертвует *самому себе*. Поэтому он должен быть внутренне предан Всему, помня, что *он* является *не* исполнителем действий, но лишь *проводником* их. Поскольку он находится в смертном теле, то подвержен сомнениям, которые *непременно* возникнут — вследствие его незнания чего-либо. Потому надлежит рассеять сомнения

---

* То есть, в трех гунах.

«мечом знания». Ибо как только появляется готовый ответ на какое-либо сомнение, оно рассеивается. Все сомнения исходят из *низшей природы* и *никогда* ни в коем случае не из высшей природы. По мере того как человек становится все более и более *преданным*, он все более способен воспринимать знание, заключенное в его саттве (благой природе). Ибо говорится: «Человек, совершенный в преданности (или настойчиво возвращающий ее), со временем случайно обнаруживает духовное знание внутри себя». И также: «Человек, склонный к сомнениям, не наслаждается ни этим миром, ни другим (миром дэва), ни конечным блаженством». Последняя фраза должна развеять представление, что если Высшее Я имеется в нас, то оно восторжествует над необходимостью знания (даже если мы погрязли в праздности и сомнениях) и приведет нас к конечному блаженству вместе с основной частью человечества.¹

Истинная молитва есть созерцание всего священного, его приложения к себе, к собственной каждодневной жизни и делам, сопровождаемое сильнейшим, прочувствованным сердцем желанием усилить это влияние и сделать нашу жизнь лучше и возвышеннее, чтобы хоть какое-то знание Божественного могло быть доверено нам. Все подобные мысли должны быть напитаны осознанием Высшей и Божественной Сущности, от которой все берет свое начало.²

Духовная культура достигается через *сосредоточение*. Оно должно практиковаться ежедневно и *применяться каждый момент*. *Медитация*, по определению, есть «прекращение активной внешней мысли». Сосредоточение есть посвящение всего себя определенной цели. Например, любящей матерью будет та, которая всегда и прежде всего учитывает интересы своих детей и все аспекты этих интересов, а вовсе не та, которая весь день размышляет только об одном аспекте их интересов. Мысль обладает самопроизводящей силой, и когда ум твердо придерживается одной мысли, он пропитывается ею, и, можно сказать, всё, что связано с этой мыслью, всплывает в уме. В результате мистик обретает полное знание о любом явлении, о котором он непрерывно размышляет в глубоком

---

¹ «Путь», июль 1889 г.

² «Путь», август 1889 г.

созерцании. На этом основаны слова Кришны: «Устреми свою мысль ко Мне, положишься только на Меня, и ты непременно придешь ко Мне». Жизнь — великий учитель: она есть великое проявление души, а душа проявление Всевышнего. Потому все пути хороши, все они лишь части великой цели, имя которой — Преданность. «Преданность есть успех в действии», говорит «Бхагавадгита». Психические силы, по мере их появления, также должны быть применяемы в деле, ибо они раскрывают законы. Но не следует преувеличивать их значение, а также не следует недооценивать их опасность. Полагающийся на них подобен человеку, возгордившемуся и ликующему от того, что достиг первой промежуточной базы на пути к вершинам, которые намерен покорить.¹

V

Человек не может быть спасен *никакой* внешней силой — это вечный закон. Будь такое возможно, какой-нибудь ангел уже давно посетил бы землю, изрек небесные истины и, продемонстрировав возможности духовной природы, доказал сознанию человека сотни фактов, о которых тот и не ведал.²

Духовные преступления столь же явны, как и телесные. Тот, кто по *какому-либо* поводу ненавидит другого, кто наслаждается мстостью, кто не прощает обиды, — полон духа убийства, хотя некоторые могут и не знать этого. Принимающий лживые убеждения и преступающий свою совесть по приказу какой бы то ни было организации — грязнит свою собственную божественную душу и «употребляет имя Бога всуе», даже если и не произносит никаких богохульств. Тот, кто руководствуется страстями и потворствует пустому удовлетворению чувственной природы, в рамках или же вне брачных уз, тот есть истинный прелюбодей. Тот, кто лишает кого-либо из своих братьев света, блага, помощи, содействия, которые мог бы запросто оказать ему, и живет ради накопления материальных благ, для своего личного самоуслаждения, тот есть истинный грабитель;

---

¹ «Путь», июль 1889 г.

² Spirits of Testaments.

и тот, кто клеветой или каким-либо другим обманным путем крадет у окружающих их драгоценное достояние — доброе имя, — тот есть настоящий вор, и притом из самых преступных.¹

Если бы люди были всего лишь честны перед самими собою и *добросердечно расположены к другим*, то в их оценке и смысла жизни, и ценностей этой жизни произошли бы огромные изменения.²

Развивай мысль. Сосредоточив всю силу своей души, стремись закрыть двери своего ума всем случайным мыслям, допуская только те, которые призваны раскрыть тебе нереальность чувственной жизни и Покой Внутреннего Мира. Денно и ночью размышляй о нереальности самого себя и окружающего мира. Появление *порочных* мыслей менее вредно, чем праздных и безразличных — ибо против порочных мыслей ты всегда начеку в решимости обуздать их, и эта решимость помогает развивать силу воли, а безразличные мысли способствуют лишь отвлечению внимания и пустой трате сил. Первое наиболее существенное заблуждение, которое предстоит преодолеть, — это отождествление себя со своим физическим телом. Начни смотреть на свое тело лишь как на обитель, в которой ты временно поселился, и тогда ты никогда не уступишь его соблазнам. Последовательными усилиями старайся побороть наиболее явные слабости своей природы путем развития мысли в направлении, которое убьет в тебе каждую отдельную страсть. После первых достижений ты почувствуешь невыразимую пустоту в сердце; не бойся, но прими это как нежные сумерки, предвещающие восход солнца духовного блаженства. Печаль не есть зло. Не жалуйся: то, что кажется тебе страданием и лишениями, на самом деле часто представляет собой таинственные усилия природы помочь тебе в твоём труде, если ты сумеешь правильно их использовать. Взирай на *все* обстоятельства с благодарностью ученика.³

Любое недовольство есть роптание на закон развития. Остерегаться следует лишь *страдания, которое предстоит*. Прошлое не может быть изменено или исправлено; того, что

---

¹ Там же.

² «Теософист», июль 1889 г.

³ «Изучение теософии», № 3, 1889 г.

уже относится к опыту настоящего, невозможно и ненужно остерегаться; но при этом следует остерегаться *тревожного ожидания* или *страха перед будущим* и любого действия или побуждения, которые могут стать причиной страдания в настоящем или будущем для нас самих или для других.¹

У человека нет более ценной собственности, чем возвышенный идеал, к которому он неустанно устремляется, в соответствии с которым он формирует свои мысли и чувства и выстраивает — а это лучшее, что он может сделать, — свою жизнь. И если он будет стараться не столько *выглядеть*, сколько *стать*, то непременно будет мало-помалу приближаться к своей цели. Однако цели этой не достичь без борьбы; лишь тогда реальный прогресс, осознаваемый им, не породит в нем сомнений или самодовольства; ибо если его идеал высок и если он действительно приближается к нему, то он скорее будет чувствовать незначительность своего «я», нежели его разрастание. Открывшиеся возможности дальнейшего развития и осознание все более высоких планов бытия, раскрывающихся перед ним, не ослабят рвения, хотя неизбежно уничтожат сомнение. Именно это осознание безграничных возможностей человеческого существа необходимо, чтобы полностью уничтожить *скуку* и обратить безразличие в устремленность. Жизнь приобретает свой истинный смысл только когда становится ясным ее назначение и когда ее блестящие возможности оценены по достоинству. Самый прямой и верный путь к достижению этих более высоких планов — воспитание и развитие *альтруизма*, как в мыслях, так и в действиях. Воистину узким будет кругозор, ограниченный лишь собственным «я», оценка всего через призму своих личных интересов, ибо такая самоограниченная душа не в состоянии представить себе сколь-нибудь высокий идеал или приблизиться к более высокому плану существования. Условия для такого развития заключены внутри человека, а не вне его и, по счастью, не зависят от обстоятельств и условий жизни. Так что *каждому* предоставлена возможность восходить к новым высотам бытия, и тем самым сотрудничать с природой в исполнении явленного назначения жизни.²

---

¹ Пангаджали. Афоризмы йоги.

² J. Buck. Man.

Если целью жизни мы считаем лишь удовлетворение нашего материального «я», обеспечение его всевозможным комфортом, и верим, что этот материальный комфорт дарует высшее возможное состояние счастья, то принимаем низкое за высокое, иллюзию за истину. Наш материальный образ жизни есть лишь следствие материального строения наших тел. Мы — «черви земли», ибо всеми своими устремлениями липнем к земле. Вступи мы на путь эволюции, следуя по которому становимся менее материальными и более эфирными, — и установилась бы совсем иная форма цивилизации. Вещи, представляющиеся в данный момент незаменимыми и необходимыми, потеряли бы всякую ценность; если бы мы были способны переносить свое сознание из одной части земного шара в другую с быстротой мысли, нынешние средства сообщения стали бы попросту излишними. Чем глубже мы погружаемся в материю, тем больше требуется материальных средств для комфорта, но *неотъемлемый* и могущественный Бог в человеке *не материален* и не подлежит ограничениям, которым подчиняется материя. Что *действительно* необходимо в жизни? Ответ на этот вопрос полностью зависит от того, что мы считаем важным. Железные дороги, пароходы и т.п. сейчас являются необходимостью для нас, и однако же миллионы людей жили долго и счастливо, даже не ведая о них. Один не представляет себе жизнь без дюжины дворцов, другой — без кареты, третий — без трубки табака, и так далее. Но *все эти вещи необходимы лишь постольку, поскольку сам человек их таковыми сделал*. Они создают такие условия, в которых человек доволен сам собой, и *искушают его* оставаться в этом состоянии, не желая ничего более высокого. Они могут даже мешать развитию человека, вместо того чтобы подвигать его вперед. Если мы действительно стремимся к духовному росту, все материальное должно перестать быть необходимым для нас. Именно *страстное желание* все новых и новых удовольствий низшей жизни и *расточение мысли* ради этого препятствует вступлению людей в высшую жизнь.¹

---

¹ Ф. Хартман. Магия.

ВЕЛИКОЕ СОКРЫТИЕ СВЕТА ПОД СПУДОМ

Если, согласно ироническому определению одного французского писателя, язык дан человеку, «чтобы он мог лучше скрывать свои мысли», то в один прекрасный день в изложении научных основ мы надеемся увидеть в разделе «Физиология» следующее разъяснение.

Вопрос: Что такое физиология?

Ответ: Искусство отвергать все, что эти специалисты пока еще не знают, и бессознательно исказить то, что им известно.

Пусть потомки оценивают уместность этого вопроса; особенно когда месмеризм или животный магнетизм станут признанными науками, и поколение упрямых врачей будет публично обвинено историей за то, что заставили миллионы своих современников страдать из-за своего непомерного тщеславия и упорства.

Для тех из наших читателей, кто, вероятно, немного разбирается в древней науке, практиковавшейся в доисторические времена в Индии, Египте и Халдее, и кто никогда не слышал о том, что именно было основой прекрасного «магического искусства» фригийских дактилей и посвященных жрецов Мемфиса, мы вкратце расскажем их историю и покажем — как ныне стараются делать великие мужи современной истории, — как это можно исполнять.

«ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМ, также называемый месмеризмом, [есть] сила или флюид, посредством которого на животную систему может быть оказано специфическое влияние», — написано в «*Новой Американской Энциклопедии*». С тех пор, как были разрушены языческие храмы, и еще спус-

тя несколько веков это практиковалось и преподавалось Парацельсом, величайшим мистиком и одним из членов секты «философов огня». Среди них эта сила была известна под разными названиями: «живой огонь», «Дух огня» и т.д.; пифагорейцы называли это «Душой мира» (*Anima Mundi*), а алхимики «*magnes*» и «Небесной Девой». Примерно в середине 18-го столетия Макс Хелл, профессор астрономии из Вены и друг д-ра Ф. Энтони Месмера, посоветовал тому попробовать, как Парацельс и Кирхер, не сможет ли он лечить болезни при помощи магнита. Месмер воспользовался этой идеей и довел ее до практического применения, в результате чего выполнил самые чудодейственные исцеления — больше не пользуясь минеральными препаратами, а, как он сам заявил — при помощи *животного* магнетизма. В 1778 году Месмер приехал в Париж, вызвал в этом городе величайший фурор и сразу же крепко привязал к себе внимание общества. Тем не менее он не открыл свой секрет правительству, а вместо этого набрал учеников, и в разные времена у него выучилось примерно 4000 человек; его учениками были Лафайет, маркиз де Пюисегюр и знаменитый доктор Шарль д'Эслон. Его методы были не такими, как сейчас, однако он лечил своих пациентов, накладывая магнит на различные части их тел или заставляя их сидеть вокруг закрытого металлического цилиндра, из крышки которого к каждому пациенту выходил металлический прут, а все присутствующие были связаны прикосновением рук; он же делал пассы руками над их телами. При этом Месмер вызывал в теле и членах больных холодное колющее ощущение, нервные подергивания, сонливость, сон и таким образом вызывал у них облегчение, а часто — и полное исцеление, но он не заходил дальше лечения нервных заболеваний; а его ученик маркиз де Пюисегюр открыл сомнамбулизм — самый важный результат животного магнетизма. Знаменитый натуралист Ботанического сада Делез — человек, высоко уважаемый за свою честность и неподкупность, а также за публикацию в 1813 году «Критической истории животного магнетизма».¹ В то время,

---

¹ Упомянутая здесь работа — это «*Histoire critique du magnétisme animal*», написанная Jean Philippe François Deleuze (Paris: Mame, 1813. 2 Vols. 8vo.). — *Составитель*.

несмотря на очевидный успех и пользу, месмеризм почти сдал свои позиции. В 1784 году французское правительство приказало Медицинскому факультету Парижа расследовать деятельность Месмера и составить рапорт. Комиссия состояла из таких лиц, как американский философ Франклин, Лавуазье, Байли и других. Но когда Месмер отказался передать свой секрет и сделать его доступным публике, результатом стало тщательное расследование методов исследования, а рапорт признал, что на людей оказывается сильное влияние, но это влияние было отнесено комиссией на счет *главным образом воображения!* А потому у публики осталось впечатление, что Месмер был шарлатаном, а его ученики — жертвы обмана.

Несмотря на сложившееся предубеждение, магнетизм преуспевал и стал известен на весь мир. Он буквально вторгся в основы медицинской практики и шел вперед шаг за шагом. Но из упорной враждебности Академии и старых традиций ее членов, очень многие давали оценку исходя из верности суждения большинства. «Напрасно к их друзьям относятся как к шарлатанам медицинские власти и большинство ученых, — пишет Делез, — человек, который был свидетелем месмерических экспериментов среди своих друзей, поверил бы, несмотря на весь авторитет противников». Наконец, в 1825 году, благодаря усилиям д-ра П.Ф. Фойссе из Королевской медицинской академии Парижа, молодого врача с громким именем, полного энтузиазма в своем восхищении Месмером, назначили еще одну ученую комиссию, и тем самым было произведено серьезное расследование. Мог ли кто-нибудь поверить его результатам? Благодаря многочисленным интригам, мнение ученых исследователей скрывалось свыше пяти лет; и только в 1831 году рапорт был представлен, и тогда в старых академических заплесневелых мозгах обнаружилось полное замешательство, чтобы вынести *единодушное* решение:

Рапорт гласил:

(1) *Месмеризм* — это сила, способная осуществлять мощное влияние на человеческий организм; (2) это влияние не зависит от *воображения*; (3) он не воздействует с одинаковой силой на всех людей, а на некоторых вообще не действует; (4) месмеризм вызывает сомнамбулический сон; (5) в этом сне становятся бездействующими нервные окончания, и пропада-

ет даже малейшее чувство боли; (6) спящий не способен слышать звук, кроме голоса магнетизера; (7) во время сна нервы человека не доводят до мозга ни прикосновения, ни запахи, если только его не потревожит магнетизер; (8) некоторые спящие могут видеть с закрытыми глазами, могут *с точностью предсказывать*, даже за месяц вперед (как это уже было широко доказано) различные события, и особенно в момент возвращения из эпилептического припадка, открывать недуги и исцелять людей, с которыми они состоят в магнетической связи; и люди, страдающие общей слабостью, болями, эпилепсией и параличом, частично или полностью исцелялись благодаря месмеризму.

Этот доклад вызвал бурную сенсацию. Месмеризм распространился по всему миру. Стало как никогда много изучающих эту новую науку, самые способные писатели постоянно следили за ее прогрессом, и выше всех остальных как магнетизер и писатель стал барон Дж. Д. Дюпоте.¹ Приблизительно в 1840 году барон Карл фон Рейшенбах, выдающийся немецкий химик, открывший креозот, обнаружил новую силу, флюид или элемент — который мы отнесем скорее к одной из взаимосвязей *Anima Mundi* — что он назвал *од* или *одической* силой. Согласно его теории, этот агент «не заключен в животном царстве, а пропитывает Вселенную, сверхчувствительными людьми он ощущается различными способами, обладает огромнейшим влиянием на жизнь и здоровье и, подобно электричеству и гальванизму, имеет два противоположных полюса, а также может быть аккумулирован или выведен из тел животных.² Затем последовало открытие доктора Брайда из Манчестера, который обнаружил, что может вызывать у пациентов сон, приказав им пристально смотреть на какой-нибудь

---

¹ Помимо всего прочего, появились различные современные и весьма авторитетные периодические издания, например «*Chaîne Magnétique*», издаваемое под патронажем знаменитого барона Дюпоте, почетного члена нашего Общества, и «*Revue Magnétique*» Донато, где среди лучших трудов о магнетизме были опубликованы работы Х.Дж. Аткинсона, д-ра Эллиотсона и профессора Уильяма Грегори из Эдинбурга.

² Рейшенбах. *Researches on Magnetism*. См. гл. обр. «Заключения» в конце Седьмого Трактата.

маленький и блестящий объект, находящийся примерно в футе на уровне глаз и чуть выше. Он назвал этот процесс *гипнозом* и дал своей теории элегантное название *неврология*, рассматривая ее как противоядие от месмеризма.

Такова короткая история этого удивительного природного элемента, так же мало понимаемого в дни старины, как электричество и гальванизм. И тогда как последнее было продемонстрировано и единодушно принято и даже одобрено, первое, тем не менее, тоже имеет право продемонстрировать облегчение болей страждущего человечества, но ныне оно жестоко отвергнуто и открыто порицаемо, как это было во времена Месмера. Должны ли мы сказать — почему? А потому, что когда электричество и гальванизм в своем практическом применении под знаменем науки прошли по Земле гигантской демонстрацией вселенского Протея, великая *Anima Mundi* — магнетизм в своем самом широком и самом загадочном смысле — открыл за пределами просто физических результатов горизонты настолько загадочные и широкие, что реальная действительность затронула скептическую нерешительность и антипатию ученых по поводу его духовных возможностей и вызвала их отрицание со всей мощью их узколобого материализма. Однажды они примут его существование и дадут ему право гражданства, и целые их школы будут перестроены. С другой стороны, духовенство, опять же, жестоко противодействует ему, ибо его результаты с их благотворными эффектами расшатывают всякую необходимость для веры в божественные «чудеса» и боязни дьявольских, и дают волю своему прежнему злословию.

Теперь пронаблюдаем за прогрессом магнетизма в научной среде под его разнообразными названиями: месмеризма, магнетизма, гипноза и других *измов*, а месмеристами, которые объясняют это, каждый на свой манер.

МЕСМЕРИЗМ И ГИНОТИЗМ ВО ФРАНЦИИ

Поскольку уж приходится иметь дело с таким опасным источником страхов физической науки — месмеризмом, — то нам придется изучить эти яблоки раздора, что, как только со-

зрели, падают на нас в саду ученых мужей, причем изучить с должной осторожностью и уважением. Мы намереваемся отрезать врагам все возможные пути отступления, и потому будем строго придерживаться только личных экспериментов и объяснений некоторых признанных медицинских лидеров.

Один из таких — мсье Накэ, помощник Ваклуза, профессор медицинского факультета в Париже и автор «*Древних и современных откровений*».¹ Сей джентльмен, являющийся непоколебимым материалистом, для которого даже сама идея человеческой души так же неприятна, как традиционно используемый запах фимиама для дьявола, только что дал в Париже несколько циклов лекций, главная тема которых, похоже, признание феноменов месмеризма (наконец-то!) и — борьба против теории человеческой души, имеющей к ним некоторое отношение. Успешно оттолкнув предположения из древних откровений, т. е. Библии — и продемонстрировав абсурдность веры в современные католические «чудеса» Лурда и Салетта — против этой позиции мы не станем возражать, — он старается попытаться счастья в разоблачениях спиритизма и месмеризма. К несчастью для ученого лектора, он, похоже, действует под впечатлением, что приверженцы как *духовной* связи, так и Месмера обязательно должны верить в сверхъестественное — то есть в *чудеса*. Конечно, он все перепутал. Мы цитируем переведенные части его лекций *verbatim* [в точной передаче]:

Помимо этих людей [спиритистов], которые выдвигают столь слабые аргументы, тем не менее, встречается и немного других [месмеристов], чьи идеи заслуживают тщательного рассмотрения и обсуждения. Они претендуют вызывать, когда им угодно, у человеческих существ особый вид сна, называемый магнетическим. Они утверждают о своей способности передавать определенным субъектам способность видеть сквозь непроницаемые тела и уверяют, что подобные факты будут оставаться необъяснимыми до тех пор, пока мы не признаем существование в человеке души.

Для начала: существуют ли факты, из которых эти люди со всей уверенностью делают подобные выводы?² И если существуют, то

---

¹ «*Révélation Antique et Révélation Moderne*».

² Во время такой лекции один выдающийся врач отчасти поверил в феномен месмеризма. С тех пор как стали постоянно появлять-

могут ли истолкованными какой-либо другой гипотезой, кроме гипотезы о существовании этой души?

Эти факты обсуждались и подтверждены просвещенными и уважаемыми людьми; то есть, в этом отношении они не утверждают, что *фундаментальные черты спиритизма носят характер исключительно слабоумия и мошенничества*.¹ А потому я не буду сразу говорить о нереальности всего того, что нам рассказывают о магнетизме; но в то же самое время я полагаю, что эти факты, какими бы они ни были реальными, нисколько не доказывают необходимости наличия души, чтобы та несла за них ответственность.

Магнетически сон можно объяснить совершенно естественным образом. Феномен электрического притяжения ежедневно происходит перед самыми нашими глазами, и никто никогда не пытался приписать его сверхъестественной причине, по крайней мере настолько исключительной, как месмерическое воздействие одного человека на другого. За последние несколько лет сон, следующий за полной потерей чувствительности и во всем идентичный с магнетическим, уже вызывался посредством чисто механических способов. Чтобы этого добиться, достаточно кому-то приблизить свет к носу пациента. Сосредоточение его взгляда на сверкающей точке вызывает церебральную усталость, результатом которой и является сон. В настоящее время больше нет сомнений в том, что магнетизм относится к феноменам того же рода; свет, действуя при помощи других агентов и средств, приводит к такой же церебральной усталости и, наконец, ко сну.

Ясновидение кажется более сомнительным, чем простой магнетический сон, и объяснить его гораздо сложнее. Допустив то, что было продемонстрировано, как бы то ни было, мы могли бы снова объяснить это, не призывая в помощь *Дух*.

Мы узнаем, что свет и жара являются всего лишь вибрирующими движениями и разнятся только размахом волнообразных движений (ундуляциями); что те из этих ундуляций, которые воспринимаются нашим зрением, — разной длины, и производят у нас ощущение разных цветов, что кроме того бывают волнообразные движения, которые мы распознаем как жару; всё это — волны разной длины;

ся свидетельства экспериментов с животным магнетизмом, проведенных профессором Шарко, он больше не сомневался; более того, он поверил, и все же, когда нашел, что сомневаться в этом невозможно, попытался объяснить все это при помощи своей собственной материалистической гипотезы. — *Изд. «Теософиста»* [Е.П.Б.].

¹ Не один спиритист может возратить этот комплимент материализму, причем с лихвой. — *Изд. «Теософиста»* [Е.П.Б.].

иными словами, существует такая вещь, как реальный тепловой спектр. С другой стороны, тогда как за пределами красного луча света существуют волны, остающиеся невоспринимаемыми нашим зрением, но которые становятся ощутимыми при прикосновении, как жара, то же происходит и с другими, фиолетовыми лучами, находящимися за пределом фиолетовых, которые вызывают у нас не впечатление жары или яркости, но которые мы способны проявить посредством химического воздействия, которое они оказывают на определенные субстанции. И, наконец, опыт показывает нам, что существуют тела, пропускающие жару и совершенно не пропускающие свет, и наоборот.

Тем самым, мы можем признать производство волновых вибраций различной длины и бесконечных вариаций. Однако из всех подобных движений существует определенное количество только таких, которые выходят за определенные границы и постигаются нами как свет, жара или химические лучи. Все более крупные и малые движения убегают от наших чувств, как было бы и со световыми движениями, не имея мы органов зрения. Они убегают от нас потому, что у нас нет соответствующих органов, которые смогли бы их распознать.

Теперь давайте предположим, что благодаря гипотетическому нервному возбуждению наши органы стали восприимчивы к экстра-тепловым или экстра-светящимся лучам. **ФАКТЫ МАГНЕТИЧЕСКОГО ЯСНОВИДЕНИЯ БЫЛИ БЫ ОБЪЯСНЕНЫ СОВЕРШЕННО.**

Мы благодарим современную науку за то, что она научила нас таким истинам и объяснила такую глубоко запутанную проблему. Однако едва ли мы сумеем воздержаться от того, чтобы напомнить лектору-эрудиту, что он всего лишь повторяет то, что было истолковано почти каждым древним философом и повторено многими современными авторами, которые считались ясновидцами.

Неоплатоники объясняли ясновидение точно такими же принципами; баптист ван Гельмонт в своем «*Opera Omnia*», 1652 г. от Р. Х. (с. 720), рассматривает ясновидение в царстве оккультной вселенной более подробно. Индийский йог достигает ясновидения посредством чисто физиологических процессов, которые, все же, зачастую не защищают его от восприятия не только вещей *реальных*, но и *воображаемых*.

Свет, жара и химические лучи, — продолжает наш мудрый лектор, — распространяются посредством вибраций согласно тому же

самому закону; следовательно, может случиться, что есть лучи, не воспринимаемые нашими органами чувств. Только сделайте наши глазам способными воспринимать их, и в «ясновидении» не останется ничего для нас удивительного... *Тогда, когда эти факты* (касающиеся месмеризма) *станут основательно проверены и доказаны, наши гипотезы станут более приемлемы, чем гипотезы о существовании души. Можно будет допустить любое объяснение, не выходящее за пределы законов, что управляют Вселенной.*

Мы поступим опрометчиво, если будем отрицать и категорически возражать против упрека, что верим в сверхъестественное. Гипотеза физиолога мсье Накэ, если и будет когда-либо принята всеми, кроме небольшого количества его коллег, никогда не будет признана «приемлемой». Что касается обвинений, какие он делает, что большая часть спиритуалистов, спиритистов и месмеристов в своих объяснениях переступают *пределы законов, управляющих Вселенной*, они так же фальшивы, как и смешны. Это еще раз доказывает, насколько наши оппоненты склонны (и особенно физиологи) исказить факты всякий раз, когда те противоречат их идеям. Их аргументы удивительны. Если, утверждают они, искусственный сон может быть вызван чисто *механическими* методами (гипноз), то что же они подразумевают, призывая *дух и душу*, чтобы помочь нам объяснить этот феномен? Действительно, никакого смысла. Но мы никогда не претендовали объяснить предварительную стадию ясновидящего сна ни естественной, ни гипнотической или месмерической причиной посредством теории души или духа. Эта обвинение звучит лишь со стороны необразованных спиритуалистов, которые приписывают все эти феномены «развоплощенным духам». Однако они сами могут — эти высшие жрецы интеллекта и посредники духовного эго — отбросить его в сторону и более разумно объяснить феномены сомнамбулизма, ясновидения (которые, насколько нам известно, сами вынуждены допускать) или даже снов и просто мечтаний, объяснить это более рационально, нежели мы, а не «научно тренированные» простые смертные! Даже обычный сон с его бесконечными вариациями фактически непонятен физиологии. Допустим даже, что *человеческая воля* — не непосредственная причина магнетических эффектов, и все-таки, как замечает мсье Донато, прославленный па-

рижский магнетизер, — «играет и управляет многими загадочными силами в природе простое существование того, что совершенно неизвестно науке».

ДОКТОР ШАРКО ИЗ ПАРИЖА

(Прославленный исследователь «Истеричного петуха».)

Рыбачить в одних и тех же водах с месмеристами и выуживать одну и ту же рыбу — придуманную только для этого; когда им видится нечто новое, они придумывают этому как можно более научное название. Вышеуказанное обвинение легко подтвердить. В качестве доказательства мы можем сослаться на случай доктора Шарко. Это тоже великий парижский профессор, который, не сказать чтоб к своему удовольствию, доказал, что месмерических эффектов нельзя достичь с субъектом, если этот субъект не является по своей природе истерическим, загипнотизированным петухом, а следовательно, профессор стал первым открывателем «Истеричного петуха».¹ Профессор Шарко — крупный специалист по всем видам нервных заболеваний, очень серьезный оппонент Поля Брока, Эдмонда-Феликса-Альфреда Вульпиана, Льюиса и т. п., и кроме того знаменитый врач, ведущий практику в госпиталях Парижа, член Медицинской Академии. Скорее менее маститый ученый, но такой же знаменитый д-р У.А. Хаммонд из Нью-Йорка верит в действенность металлических дисков д-ра Берка для лечения целого ряда неизлечимых недугов, но, в отличие от этого невропатолога, не приписывает ни одно из исцелений или иных феноменов воображению; ибо каталепсия может изучаться на животных, согласно проведенным им опытам. Также он по-своему верит в подлинность сомнамбулизма и причуды каталепсии, полностью приписывая последнюю медиумистическому феномену. Со слов корреспондента мистера Рагаччи, издателя женеваского «*Journal du Magnetisme*», он проводит демонстрации следующим образом:

---

¹ См. «*Revue Magnétique*» за февраль 1879 г., издаваемое в Париже Донато.

Доктор Шарко впервые представил своей аудитории в госпитале Сальпетриер (Париж) больную девушку, находившуюся в полностью бессознательном состоянии. Когда он втыкал ей в тело и голову булавки и иголки, это не приводило ни к какому эффекту. Когда же он на пять минут приложил к ее воротнику цинковые диски, жизнь вернулась к ней, но только в области горла. Затем к ее левой руке был приложен двухполюсный магнит в виде подковы, и это место выказало чувствительность, тогда как остальное тело оставалось в прежнем состоянии. Тот же самый магнит, приложенный к ноге, вместо того чтобы возвратить этот орган к жизни, вызвал жестокие сокращения мышц, так, что кончики пальцев выгнулись чуть ли не до пятки; и это прекратилось только когда применили электричество.

«Эти эксперименты *металлотерапии* и минерального магнетизма напоминают один из опытов Месмера, произведенный им в 1774 году, и прикладывание намагниченных предметов в случае нервных болезней», — пишет в своем письме в «*Journal du Magnetisme*» мистер Пони, студент-медик и свидетель происходящего. Привели еще одну больную. Она была истерична, как и первая девушка, и, казалось, пребывала в состоянии полной анестезии. Сильный луч электрического света, направленный на нее, вызвал у пациентки немедленную каталепсию. Она принимала самые неестественные позы; и в соответствии с позой, которую ей *приказывали* принять, она имела и выражение лица, «соответствующее внушению», утверждает доктор Шарко. «Оно выражало то, что подразумевали ее жесты, — продолжает он. — Таким образом, ее руки, сложенные на груди, вызывали выражение экстаза у нее на лице; а руки, вытянутые вперед, вызывали в чертах ее лица выражение мольбы...»

Когда *субъект* пребывает в этом состоянии, чем резче отступает яркий луч, тем пациент больше впадает в коллапс и далее в *сомнамбулизм* — слово, которое само по себе шокирует профессора Шарко. По команде врача, когда он показывал ее полную бесчувственность посредством булавочных уколов в различные части ее тела, пациентка повиновалась доктору, исполняя каждое слово его приказа. Он заставлял ее вставать, ходить, писать и т. д.

Из письма мистера Аксакова, которое мы публикуем далее; видно, что Донато, профессиональный гипнотизер, *силой воли* производил все, что вызывало скепсис у *видного ученого*, без посредства электричества и *механических* методов. Был ли последний эксперимент доказательством того, что месмеризм — всего лишь еще одно название уже известного? Не можем ли мы увидеть в том и другом взаимное подтверждение одного другим, а кроме того, доказательство присутствия в человеческом организме всех тех еле заметных природных сил, величайшая демонстрация которых известна нам только как электричество и магнетизм, и не приятнее ли полностью избежать тщательного изучения физической науки?

Но одна из самых любопытных отличительных черт феномена, представленного на экспериментах д-ра Шарко — это обнаруженный эффект, производимый им на пациента посредством вибраций, похожих на те, что мы ощущаем в движущемся поезде. Для их создания прославленный профессор имел огромный камертон, 40 сантиметров высоты, размещенный в большом ящике. Как только этот инструмент начинал вибрировать, пациент сразу же впадал в каталепсию; и как только вибрация прекращалась, пациент впадал в полнейший сомнамбулизм.

Это выглядит так, что доктор Шарко, чтобы произвести вышеописанный эффект, пользуется только двумя агентами — *звуком* и *светом*. Уверенность, что это именно так, может иметь огромную важность для всех арийских учеников, изучающих теософию, особенно тех, кто изучает санскрит, и тех, кто, благодаря Свами Дайананде, теперь способен узнать настоящее и духовное значение некоторых спорных слов. Те из наших Собратьев, которые овладели оккультным значением слов *вач*¹ и *Хираньягарбха*² в их применении к «звуку» и

---

¹ Мистическое олицетворение речи и женский логос, некогда бывший единым с Брахмой, создавшим ее из половины своего тела, которое он разделил на две части.

² Переведенное профессором Максом Мюллером как «золото», в действительности это слово означает «божественный свет», и именно так его понимали средневековые алхимики. В своей работе о санскрите «Сахитья Грантха» многоученый филолог на основании этого выводит слово «золото», *хиранья*, имеющееся в мантре *Агнихи*

«свету», получают в вышенаписанном дополнительное доказательство великой мудрости их предков и глубокое духовное знание, содержащееся в *Ведах* и даже в других священных брахманских книгах, если их интерпретировать должным образом.

При рассмотрении феномена, производимого доктором Шарко, холодному материалисту и человеку науки наверняка будет интересно письмо о своих собственных магнетических опытах, производимых совместно со знаменитым гипнотизером мистером Донато из Парижа, Александра Аксакова, члена Королевского научного общества, российского императорского советника, которое он недавно адресовал одному французскому журналу. Достигнутые результаты весьма достойны упоминания из-за того факта, что мистер Донато продемонстрировал предварительно опробованную так называемую «передачу мысли» от одного лица к другому при помощи обычной воли магнетизера и выразил надежду на дальнейшие успехи в этом направлении.

Две французские газеты, «*Rappel*» и «*Voltaire*», выразили весьма лестные заявления о характере и достижениях мистера Донато, и он, известный как человек, осмеливающийся идти по непроторенной дороге, не придерживаясь в исследованиях привычек и традиций, цитирует свои же собственные слова:

Поорвебхихи; это дает возможность выстроить возражение против значительной древности Вед и показать, что они не настолько стары, как это принято считать, то есть с тех пор как открыли золотые рудники, а значит, они относятся к сравнительно современному периоду. В свою очередь Свами Дайананда Сарасвати показывает в своем труде «*Rig-vedâdi Bhâshya Bhûmika*», книга IV, с. 76, что профессор совершенно неправ. Слово *Хиранья* означает не «золото», а золотой свет божественного знания, первопринцип, в котором Мать содержит свет вечной истины, озаряющий освобожденную душу, когда она приблизилась к своей наивысшей обители. Короче говоря, это «Философский камень» алхимиков и Вечный Свет философов Огня. — Изд. «*Теософиста*» [Е.П.Б.].

[*Агних пурвебхих* — это два первых слова второго стиха Гимна Агни, Ригведа, I, 1. В произношении *h* несет гласный звук, предшествующий этой букве. Вышеупомянутая работа на санскрите — вступления на хинди к работе Свами Дайананды «*Rigveda Bhâshya*». — Составитель.]

«Оккультный движитель, который оживляет нас, эти таинственные силы, которые творят жизнь, узы, связывающие нас с другим, наши взаимные склонности и наши связи с высшей силой — это извечный рычаг, управляющий миром».

Вот каков мистер Донато. Что касается Аксакова, то он весьма интеллигентный и порядочный джентльмен и пользуется репутацией человека, ревностно занимающегося исследованиями в царстве магнетизма и психологии, причем он — не столько внимательный исследователь, а скорее слишком недоверчивая натура. Здесь мы даем дословный перевод его статьи, опубликованной в «*La Revue Magnetique*» за февраль 1879 года.

МСЬЕ ДОНАТО И МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЮСИЛЬ: ОПЫТЫ ПО «ПЕРЕДАЧЕ МЫСЛИ»

В Париже, имея удовольствие познакомиться с мистером Донато и его любимым и самым лучшим учеником, мне не хотелось упустить возможность попытаться произвести эксперимент под своим управлением, чтобы удостовериться в возможности передачи мысли от одного человека к другому посредством одной только воли. Как известно, один из основных афоризмов современной психологии гласит: «Психологическая активность не может выйти за пределы периферии нервов». Если таким образом удастся доказать, что человеческая мысль не ограничена телесной оболочкой, а может действовать с расстояния на другое человеческое тело, передаваясь к другому мозгу без видимой или ощущаемой связи, и быть воспроизведенной посредством слова, движения или каких-либо иных способов, мы добьемся замечательного факта, перед которым материальная психология признает свое поражение и который должен будет быть объяснен психологией и философией, чтобы предоставить новые основания и новое направление их метафизическим спекуляциям. Этот факт наблюдаем многими методами и появляется в разных формах, доказанными путем животного магнетизма; но в планируемом мною эксперименте я хотел увидеть это представленным в форме зримо убедительной и легко воспроизводимой любым человеком, знакомым с магнетизмом.

Когда я просил мистера Донато, не сможет ли он дать мне частное интервью о некоторых виденных мною экспериментах, он любезно согласился и обещал лично поддержать меня в моем эксперименте в тот день и час, который я ему сообщу. И вот, объявив

о своем прибытии телеграммой, я приехал к нему домой 17-го ноября в 2 часа дня, и после непродолжительной беседы мы приступили к работе.

Первый эксперимент. Я попросил мистера Донато начать погружать в сон своего субъекта, м-ль Люсиль, и он поставил кресло между двумя окнами в нескольких шагах от стены; в него м-ль Люсиль уселась сама и уснула (магнетически) спустя несколько мгновений. Мы заняли наши места в другом конце комнаты напротив спящей, и я вытащил из кармана визитницу, из которой достал карточку и передал ее мистру Донато, при этом попросив его, просто глядя на м-ль Люсиль, призвать ее совершить движение, указанное на карточке. На ней было написано: «Вытяните левую руку». Мистер Донато встал возле меня неподвижно и посмотрел на м-ль Люсиль; через мгновение ее левая рука начала двигаться, потом медленно вытянулась и оставалась в этом положении до тех пор, пока мистер Донато не позволил ей опуститься на место.

Второй эксперимент. Я передал мистру Донато белый носовой платок, который носил с собой, и попросил его закрыть им голову и лицо м-ль Люсиль. Когда это было сделано и концы платка упали на ее плечи, мы снова заняли свои места, и в тишине я передал мистру Донато вторую карточку с надписью: «Поднимите вертикально правую руку». Мистер Донато сосредоточил взгляд на сидящей неподвижно м-ль Люсиль, и вскоре ее правая рука, повинувшись указанной ей мысли, выполнила нужное движение — медленно, грациозно — и остановилась, когда мистер Донато, повернув голову, посмотрел на меня. Я поздравил его с успехом и попросил из-за опасности переутомления снять платок и разбудить м-ль Люсиль.

Третий эксперимент. После десятиминутного разговора м-ль Люсиль снова уснула, и ее голову накрыли платком; мы снова отправились на свои места, и я передал мистру Донато карточку со словами: «положите обе руки себе на голову». Я попросил мистера Донато в это время встать позади м-ль Люсиль. Он выразил некоторые сомнения касательно достижения успеха в этом положении, но все же попытался и потерпел крах; этот факт вовсе не удивил меня, поскольку полярная связь между управляющим и его субъектом была изменена. В этот момент я подошел к мистру Донато, и тут произошел выдающийся феномен. Когда мне захотелось попросить магнетизера сконцентрировать волю на затылке спящей, моя рука непроизвольно потянулась к ее спине, чтобы показать нужное место, и когда рука уже находилась в нескольких дюймах от м-ль Люсиль, та внезапно подалась вперед. Таким образом, я добился неожиданным и убедительным манером подтверждения феномена полярности, или притяжения и отталкивания, которые всегда наблюдал на публичных

показах, и которые весьма ясно доказывают, что сон м-ль Люсиль был ни естественным, ни притворным. «Если бы мне позволили воспользоваться руками, — произнес мистер Донато, — то я уверен в успехе». «Прошу вас», — ответил я, и, по-прежнему стоя за спиной у м-ль Люсиль, он совершил несколько пассивных движений от плеч до локтей, и тогда ее руки, медленно поднявшись, оказались на ее голове.

Четвертый эксперимент. М-ль Люсиль все еще продолжала спать, держа руки под платком, а я передал мистеру Донато карточку со словами: «Соедините руки так, словно вы молитесь», и расположился на софе, стоящей слева от м-ль Люсиль, ибо оттуда было лучше наблюдать за движениями мистера Донато. Он оставался неподвижным, стоя в пяти или шести шагах от девушки, затем сосредоточенно посмотрел на нее; ее руки заняли желаемую позицию и оставались в таком положении, пока мистер Донато не снял с ее головы платок и не разбудил ее.

Пятый эксперимент. После десятиминутного отдыха м-ль Люсиль вернулась в кресло и снова погрузилась в сон. Пятая карточка приказывала ей завязать узелок на платке, и мистер Донато, расположившись за ее спиной, вытянул руку к ее голове, при этом не касаясь ее. М-ль Люсиль встала, и он мысленно направил ее к столу, на котором лежал платок, что было ей неизвестно. Повинуясь притяжению руки, она дошла до стола, а мистер Донато продолжал находиться в том же самом положении за ее спиной, а я стоял возле него. С возрастающим интересом мы наблюдали за ее движениями и увидели ее руку, взявшую платок, вытянувшую один из его уголков и завязавшую его в узел. Сам мистер Донато был поражен, ибо на сей раз это не было простое лишь упражнение воли, но была исполнена передача мысли!

Шестой и последний эксперимент. Уже можно было не продолжать экспериментировать, но поскольку мистер Донато настаивал, я протянул ему еще одну карточку со следующей надписью: «Дотроньтесь до левого уха правой рукой». М-ль Люсиль все еще спала, откинувшись в кресле. Мистер Донато остановился напротив нее, а я занял свое прежнее место на софе. Неподвижно и безмолвно магнетизер смотрел на свой субъект, чья правая рука вскоре выполнила данное приказание посредством трех четких движений; рука приблизилась к груди, а после к уху, которого она наконец коснулась.

Эти эксперименты были для меня совершенно убедительны: м-ль Люсиль исполняла желаемое без малейшего колебания. Указания, какие пожелания следует исполнить, мистер Донато получал от меня при помощи карточек, приготовленных мною загодя, и в большинстве случаев он воздействовал на девушку на расстоянии, откуда

не имел возможности передать какой-либо различимые знак или сложный сигнал, особенно если ее лицо закрывал платок, который, как я убедился, был достаточно плотным, чтобы она не смогла увидеть знаки, передаваемые руками или мимикой лица мистера Донато, даже если существовала сложная система жестов, разработанная чтобы указать ей требуемые движения.

Я спросил мистера Донато, пробовал ли он когда-нибудь произвести нечто подобное на публике, и он ответил, что эти эксперименты, требующие сложного гармонического настроя, трудно исполнить при большом скоплении народа, и он не хотел бы рисковать провалиться. Я полагаю, что если мистер Донато поупражняется в этом направлении на своем ученике, то сумеет произвести серию феноменов такого рода на публике с той же легкостью, с какой выполнял все прочие. Ему вполне стоит побеспокоиться насчет этого, ибо тогда никто не сможет отрицать, что эти эксперименты отлично иллюстрируют феномен ясновидения и представляют всё в самом простом и ясном виде.

Когда я покидал Париж, через день после нашего интервью, я сумел выразить свое удовлетворение мистериу Донато лишь маленькой заметкой, напечатанной в № 16 «*La Revue*». Теперь же я с огромной радостью выполняю мое обещание опубликовать все подробности наших экспериментов и пользуюсь возможностью публично выразить мистериу Донато мою высочайшую оценку его энтузиазма, знания и преданности, с которой он посвятил себя тому, чтобы развивать и распространять очень интересную науку о человеческом магнетизме.

15-е января 1879 г.

Санкт-Петербург, Невский проспект, № 6.
АЛЕКСАНДР АКСАКОВ

ПСИХОЛОГИЯ — НАУКА О ДУШЕ

Этика и закон существуют пока лишь на этапе, где пока нет теорий, а есть только системы, и даже они основаны *a priori* на идеях вместо наблюдений, совершенно противоречивых одно другому. Что же в таком случае остается за пределами физической науки? Мы скажем: «Психология — наука о душе, о сознании собственного эго».

Увы, и трижды увы! Душа, самость или эго изучались современной психологией, как индуктивно, так и как часть раздробленной физикой материи. Психология и ее материнский побег — метафизика — поживают куда хуже прочих остальных наук. Эти науки-близнецы долго были настолько отлучены друг от друга в Европе, что даже стали в своем невежестве смертельными врагами. После довольно скудного пребывания в объятиях средневековой схоластики им удалось освободиться из них, только впад в современную софистику. Психология в своем нынешнем обличье — это просто маска, скрывающая страшный, гримасничающий череп, ядовитый цветок анчара в душе самого беспомощного материализма. «Мысль — это психолог, перевоплощенный ощущением, а человек — бесполезный автомат, пользующийся связями при посредстве наследственности и среды», — пишет с полуотвращением гилодеалист, ныне, к счастью, теософ. — И все-таки человек, подобный Гёксли, проповедует, что этот человек механических действий и нравственности одновременно... Монисты¹

---

¹ Монизм — слово, допускающее больше одного истолкования. «Монизм» Льюиса, Бэйна и других, которые так тщетно стре-

для человека — это уничтожители, истребившие интуицию железною пятой, если бы смогли... И это наши современные западные психологи!

Каждому понятно, что метафизика, вместо науки о первоосновах, теперь разбита на некое количество более или менее материалистических школ всех цветов и форм, от пессимизма Шопенгауэра до агностицизма, монизма, идеализма, гилоидеализма¹ и всяких прочих «измов», исключая анимизм — не говоря уже об истинной психологии. Мистер Гёкси сказал о позитивизме, что это — римский католицизм *минус* душа; душа, упрощенная до примитивного ощущения; Солнечная система *минус* Солнце; *Гамлет*, принц датский, не совсем изгнанный из пьесы, но каким-то смутным путем подозреваемый в том, что находится где-то за сценой.

Когда бедный Давид стремился победить врага — то он сражался не с мелкой рыбешкой армии противника, а с Голиафом — могущественным ее предводителем. А потому надо проанализировать одно изречение мистера Герберта Спенсера, которое, кажется, уже упоминалось. Это необходимо для того, чтобы обосновать обвинение, на которое здесь ссылаются. Вот что говорит «величайший философ девятнадцатого столетия»:

мятся сжать все ментальные и материальные феномены в единство Одной Субстанции — отнюдь не трансцендентальный монизм эзотерической философии. Современная «Теория единой субстанции» разума и материи обязательно подразумевает доктрину полного уничтожения, и потому ложна. С другой стороны, оккультизм признаёт, что в окончательном анализе даже Логос и Мулапракрити (Парабрахмическая основа, абстрактный божественный женский принцип — недифференцированная субстанция; акаша; буквально — «корень природы» (пракрити) или Материи) — едины; и что это Одна Реальность после Майи Вселенной. Однако в манвантарическом цикле, в царстве *очевидного* бытия, Логос (дух) и Мулапракрити (материя или ее ноумен) суть два противоположных полюса или основы всех индивидуальных феноменов и объективного. Дуализм духа и материи — это факт, пока длится Великая Манвантара. За ее пределами маячит тьма «Великого Неизвестного», единого Парабрахмана.

¹ Материалистический идеализм.

«Ментальное состояние, в котором известное подразумевается как само собой разумеющееся, как и другое ментальное действие, постигает субъект и постигло объект. Если тогда постигнутый объект — это, то зачем тогда постигается субъект, или если существует истинное это, которое думает, зачем другому это думать об этом?»¹ Понятно, истинная познавательная способность это подразумевает это, в котором есть знание, к тому же известно, в каких субъектах и объектах оно существует; а вот мистер Мансел *справедливо настаивает на полном уничтожении обоих!* Поэтому индивидуальность, из которой любая сознательная, которая существует, — есть некий факт за пределами всех остальных, и весьма определенный, и все-таки эта вещь не воистину может быть известна вся; *знание о ней — это забытая самую природой мысль.*²

Наш курсив показывает, что этот вопрос не решен однозначно. В пользу волновой теории не остается ни одного аргумента, кроме разве что «при встрече двух лучей их смыкающиеся волны производят темноту». Ибо утверждение мистера Мансела, что когда это думает о себе и одновременно является субъектом и объектом, это и есть «уничтожение и того и другого» — и означает как раз именно это, а психологический аргумент впоследствии базировался на той же самой основе, что и физический феномен световых волн. Кроме того, мистер Герберт Спенсер признаёт, что мистер Мансел прав, и вследствие этого основывает свой вывод, что знание себя или души это и есть «забытая самую природой мысль», и это доказательство, что «отец современной психологии» (в Англии) следует психологическим принципам ничуть не лучше господ Гёкси и Тиндаля.³

---

¹ Высшее Эго, или Буддхи-Манас, которое в действии самоанализа или в высшей абстрактной мысли частично обнаруживает свое присутствие и постоянно рассматривает подчиненное сознание мозга.

² Основные начала, с. 65, 66.

³ Мы даже не отмечаем некоторые весьма очевидные анализы, в которых показывается, что постулат мистера Спенсера о том, что «сознание нельзя одновременно разделить на два различных состояния», категорически противоречит ему же самому, когда он утверждает, что для нас возможно пребывать в большем, чем одно, состоянии сознания. «Быть известным, как и непохожим, — говорит он. — Состояния сознания должны следовать одно за другим». (См. *Исследованная философия мистера Г. Спенсера*, написанная Джеймсом Айверашем, магистром гуманитарных наук.)

Мы нисколько не предполагаем неуместность критики такого гиганта мысли, как мистер Г. Спенсер, как справедливо отмечают его друзья и последователи. Мы упомянули об этом просто для того, чтобы продемонстрировать нашу точку зрения и показать, что современная психология — ложный термин, хотя и утверждалось, что мистер Спенсер «добился в высшей степени универсального вывода и истины относительно всего, что могло быть известно о человеке». У нас есть точка зрения на один определенный аспект, и мы не будем уходить с прямой линии, и при этом видим, что оккультизм и его философия имеют не меньшую возможность быть понятыми, хотя они и меньше принимаются в этом веке нынешним поколением людей науки. Мы внедрим в сознание наших теософов и мистиков, что искать сочувствия и признание в области «науки» — это значит навлечь на себя неприятности и потерпеть поражение. Сперва психология казалась естественной союзницей, но теперь, когда ее изучили, мы приходим к выводу, что психология — внушенный обман, и не более того. Это такое же обманчивое слово, в том смысле, как его используют в настоящее время, как «Южный полюс» с его вечной мерзлотой и голыми пустынными районами называют южным просто из-за соображений географии. Ибо современный психолог, имея дело только с поверхностным сознанием мозга, в действительности более беспомощен материалистически, чем сам отрицающий всё материализм; последний, во всяком случае, более честный и искренний. Материализм не претендует постичь человеческую мысль, и менее всего человеческую душу, который он намеренно и хладнокровно, но искренне отрицает и полностью выбрасывает из своего мироздания. А психолог посвящает душе все свое время и досуг. Он всегда сверлит артезианские колодцы в самые глубины человеческого сознания. Материалист и честный атеист довольствуются тем, что делают из себя, и как отметил Джереми Коллие, «самого жалкого из смертных... не лучше груды сложенной пыли, говорящей машины, говорящей головы, не имеющей души... Чьи мысли определяются законами механики».¹

---

¹ Согласно Джону Стюарту Миллю, ни так называемая Вселенная, ни область объекта-субъекта разума не связаны ни с какой абсо-

Вселенная и все находящееся в ней — всего лишь агрегат соединенных в совокупность ощущений, или «интеграция ощущений». Все это связывает субъект и объект, Вселенную и личность, и эта связь абсолютна и конечна. Но когда приходится иметь дело с проблемами происхождения пространства и времени и подведением итогов всех тех взаимных связей идей и материи, эго и не-эго, тогда всех этих доказательств достаивался оппонент, получивший презрительный эпитет «онтологист». После чего современная психология, уничтожив объект ощущения в личности оппонента, совершает хакири путем демонстрации того, что само ощущение ничуть не лучше галлюцинации.

Это еще безнадежнее для истины, чем безвредные парадоксы материалистических механистов. Утверждение, что «физические процессы мозга завершаются в нем же самом», касается, в конце концов, только регистративной функции мозгового вещества; но и в связи с этим нельзя удовлетворительно объяснить физические процессы; механисты поэтому и безвредны, хотя и постоянно вводят всех в заблуждение. Но психологи, чьими руками, к несчастью, была полностью разрушена наука о душе, могут причинить огромный вред, поскольку претендуют быть ревностными искателями истины, и остается с горя лишь процитировать несколько строк из «Совенка» Кольриджа:

Скользя на слабых крылышках через полудень,
Он опустил свои аквамариновые веки и закрыл их,
И громко ухая на величественное солнце в небесах,
Кричал он: «Где я?»...
...а кто слепей его? Тот, кто не желает видеть...

Мы попытались отыскать побольше подтверждений, касающихся вопроса о духе, и только дух (в его семеричном понятии) есть причина сознания и мышления, как учили эзоте-

---

лютной реальностью вне «ощущения». Объекты, эти творения разума, суть «чувства, видимые объективно» и ментальные состояния «чувств, видимых субъективно». «Эго — это исключительно иллюзия материи; Единая Реальность, группы ощущений, связанных вместе посредством строгих законов соединения».

рические философы. Мы обнаружили, что и физическая и психическая науки категорически отрицают этот факт, стоя на позициях двух противоречивых и полностью расходящихся теорий. Первая, помимо всего прочего, в своем самом последнем усовершенствовании наполовину склонилась к тому, что считает себя совершенно трансцендентальной, благодаря своему недавнему отходу от слишком извращенных учений Бюхнеров и Молешоттов. Но, как только она стала анализировать разницу между этими двумя, та показалось настолько заметной, что они чуть не слились воедино.

Действительно, эти поборники науки теперь утверждают, что убеждение, что ощущение и мысль — суть движения материи — кстати, то же утверждает теория Бюхнера и Молешотта, — как отмечает один известный английский «уничтожитель», «недостойно называться философией». Ни один человек науки из всех тех выдающихся имен, о которых мы уже возмущенно упоминали, ни Тиндаль, Гёкси, Моудсли, Бэйн, Клиффорд, Спенсер, Льюис, Вирхов, Геккель, ни Дюбуа Раймонд никогда не заходили настолько далеко, чтобы заявить, что «мысль — это молекулярное движение, оно *сопутствует* (оно не *причина*, как утверждают верящие в душу) определенным физическим процессам мозга»... Никогда они — как истинные научные деятели противостояли обману и лжеученым, как мониеты противостояли материалистам — не утверждали, что мысль и нервная деятельность — *то же самое*, что они — суть «субъективные и объективные выражения одного и того же предмета».

Это может быть результатом несовершенства обучения, которое не дало нам возможности выражать мысли о субъекте иные, чем те, которые отвечают словам, в которых эта мысль выражается, однако мы признали себя виновными в том, что не заметили такой значительной разницы между теорией Бюхнера и новыми монистическими теориями. «Мысль — это не движение молекул, а нечто сопутствующее определенным физическим процессам мозга». Итак, что сопутствует, а что есть процесс? Сопутствующее обстоятельство, согласно самым лучшим определениям, — это вещь, которая сопровождает или побочно связана с остальным — конкурент и одновременно компаньон. Процесс — это поведенческий акт про-

движения или движения, временного или постоянного, или серии движений. Следовательно, то, что сопутствует физическим процессам, это птица с одним крылом, субъективным или объективным, перемещающаяся благодаря движению, которое мони́сты и материалисты называют физическим... Какая разница между их определением и определением Бюхнера, если не считать, что эти слова выражены немного больше по-научному?

Три научных мнения лежат перед нами относительно перемены в мышлении нынешних философов:

Постулат: «Каждое ментальное изменение отображается путем молекулярного изменения в субстанции мозга». То есть:

1. Материалисты утверждают: ментальные изменения вызваны молекулярными изменениями.
2. Спиритуалисты (те, кто верит в душу): молекулярные изменения вызваны ментальными изменениями (несмотря на то, что они действуют на материю мозга через фохат,¹ сфокусированный через один из принципов).
3. Монизм: здесь нет причинной связи между двумя рядами явлений; ментальное и физическое бытие — две стороны одной и той же вещи (словесная увертка).

На это оккультизм отвечает, что первая точка зрения — вовсе не подлежит рассмотрению. Она породила бы Вопрос № 2: а что осуществляет «в судебном порядке» контроль над ментальными изменениями? Что такое *ноумен* этого ментального феномена, который составляет внешний облик сознания физического человека? Что такое то, что мы признаем как земное «эго» и что — вопреки монистам и материалистам — осуществляет контроль и регулирует поток своих собственных ментальных состояний. Неоккультист в этот момент стал бы отрицать, что материалистическая теория, касающаяся связи разума и мозга — есть своего рода образность высказываний, что *поверхностное* сознание мозга, или «феноменальное эго», связано для всех практических целей со структурой церебральной материи.

---

¹ Термин, который употребляется для противопоставления активной (мужской) силы шакти (женской производящей силе) в природе. Сущность космического электричества. Оккультный тибетский термин для обозначения предвечного света.

Это сознание мозга или личности смертно, но является искаженным отражением ментального эго через физическую основу. Это инструмент сбора урожая опыта для Буддхи-Манаса или монады и насыщения ароматом сознательно-достигнутого опыта. И если бы не все это, «эго-мозга» не было реальным, пока оно длится и привносит свою порцию кармы в качестве соответствующей сущности. Если объяснить это эзотерически, то сознание обитает в той самой нижней области Манаса, которая находится в связи с физическим мозгом.

СПОСОБЕН ЛИ ЧЕЛОВЕК ТВОРИТЬ?

Редактору «Теософиста».

Мадам! Беседуя как-то однажды с другом, который, как и я, будучи не теософом, выказывает очень большой интерес к развитию вашего Общества, я, кстати, совершенно случайно заметил, что «Братьям первой секции» приписываются такие огромные возможности, что даже порою кажется, что даже *творение* им под силу. В поддержку моего утверждения я в качестве примера привел феномен чашки и блюда, о чем рассказано мистером Синнеттом в его «Оккультном мире»: этот феномен показался мне чем-то бóльшим, нежели просто *воспроизведение, перенесение* или *извлечение из земли* из тайного места предмета *потерянного или украденного*, вроде броши. Тем не менее мой друг горячо возразил на мое утверждение — заметив, что творение невозможно для человека, какими бы другими возможностями он ни обладал.

Когда-то я верил в христианство как в самый совершенный, спустившийся с небес на землю нравственный кодекс, и в истории моей переменчивой жизни (я подразумеваю под словом «переменчивой» свое отношение к обширному морю сомнений и неверия в то, что я отбросил больше двадцати лет назад) было время, когда я сам так же горячо и даже с негодованием отвергнул бы мысль о творении, как способности человека; однако регулярное чтение вашего журнала и внимательное изучение книги мистера Синнетта и этого чуда знания, вашей книги «Разоблаченная Изида», совершило революцию (хорошо ли это или плохо, еще посмотрим) в моем мышлении, и вот уже некоторое время я верю в возможность феноменов, находящихся за пределами моего узкого кругозора.

Не будете ли вы столь любезны объяснить, кто из нас прав, мой друг или я? И, не имея чести быть лично с Вами знакомым, я подписываю это письмо только моим инициалом.

X.

НАШ ОТВЕТ

В рассматриваемом вопросе сложно ответить, кто прав, наш корреспондент или его друг, ибо мы воспринимаем это как осторожную позицию искателя истины, который уклоняется от того, чтобы подтвердить догматически, что творение *возможно* для человека, даже когда не склонен согласиться с догматическим отрицательным утверждением его друга, что «это невозможно». Прежде чем перейти к сути поднятого вопроса, нам необходимо упомянуть о примерах, приведенных в этом письме, которые возможно позволят рассмотреть подобный вопрос.

Когда друг нашего корреспондента отрицает, что творение возможно для человека, вряд ли можно допустить, что он делает это из убеждения, что он исследовал все таинства Природы и знает все о Вселенной, и поэтому способен давать толкования всем ее явлениям — установив, что этот процесс, каким бы он ни был, и который он постигает как творение, не происходит где угодно, повинувшись воле или влиянию человека, а потому он установил, что все-таки есть в человеке нечто, что делает его неспособным к совершению подобного процесса. И все-таки, ничего подобного не сделав, он смело заявляет, что творение — невозможно. Допустим, что он не из тех, кто изучает оккультную науку — а интонации письма, лежащего перед нами, создает впечатление, что он ее не изучает, — а друг нашего друга, высказывая свое догматическое утверждение, похоже собирается воспользоваться методом, слишком часто перенимаемым людьми обыденной культуры и даже некоторыми научными работниками, — это метод принятия за основу огромной группы ранее созданных понятий, когда должна быть оценена новая идея. Если эта новая идея соответствует ранее сложившимся понятиям и, как кажется, поддерживает их — то прекрасно; и ею довольны. Если она разрушает хотя бы некоторую их часть, то надо нахмурить брови и избавиться от нее без дальнейших церемоний.

Сейчас склад ума, представленный нашим корреспондентом, обнаруживающим множество старых убеждений, разбился вдребезги новыми идеями, силу которых он вынужден признать благодаря нравственной честности, и который, тем са-

мым, чувствует, что в присутствии обширных возможностей Природы он должен продвигаться с огромной осторожностью и быть всегда начеку против обманчивых лучей, тянущихся к нему при помощи освященных веками предубеждений и опрометчивых выводов, — нам кажется, что к этому складу ума следует относиться намного лучше, чем к складу ума его самоуверенного друга. И мы стремимся признать его превосходство самыми выразительными словами, поскольку, когда мы подходим к актуальному вопросу, чтобы обсудить аспект того, о чем нам придется говорить, то будем скорее на стороне этой точки зрения, как этот «друг» понимает «творения», если мы все и в самом деле приписываем такое же значение этому ставшему избитым слову.

После вышесказанного нет необходимости объяснять, что если теперь мы сделаем несколько заявлений относительного того, что это значит, и что это — не факт, относящийся к некоторым состояниям Вселенной, то ведь не мы нарушали правила логики на этот счет, относительно мысли, только что высказанной. Мы просто даем объяснение на основе некоторой части философии оккультизма, как учили нас мастера, которые находятся в правильном положении, чтобы делать положительные утверждения о предметах и правдоподобии того, что никогда не будет в опасности от всех этих явно необъяснимых явлений, о которых рассказано в книгах, упомянутых нашим корреспондентом, и вполне вероятно, как он справедливо полагает, чтобы беспокоиться о многих ортодоксальных верованиях, которые, как он отметил, разваливаются вокруг него на куски.

Нам бы пришлось написать целый том, а не короткую объяснительную статью, если бы мы попытались как следует разъяснить наше категорическое убеждение, что Мастера оккультной философии выше того, чтобы указывать, что нам можно говорить, а что нельзя. Для настоящего ответа вполне достаточно сказать, что мы *верим* в наш ответ на поставленный вопрос, и верим *благодаря тем, кто знает*.

Однако нам следует внятно объяснить то, что подразумевается под творением. Видимо, основная мысль на эту тему — что когда был «сотворен» мир, Творец как-то смог соблюсти условия или почему-то согласился на отступление от правила

*ex nihilo nihil fit*¹ и в самом деле сотворил мир из ничего, — если это есть идея творения, с которой мы сейчас имеем дело, ответ философов был бы не просто таким, что подобное творение невозможно для человека, а что оно невозможно для богов или Бога; короче говоря: абсолютно невозможно. Однако когда люди говорят, что мир был «сотворен» (мы говорим — смоделирован) из Хаоса, делается шаг в направлении философской концепции. Вероятно, они не имели совсем четкой идеи о том, что значит Хаос, но в данном случае это слово более уместно, чем «ничего». Ибо предположим, что мы стремимся постичь хаос как некую материю Вселенной в неявном состоянии, и тогда будет понятно, что хотя такая материя совершенно неосязаема для обычных человеческих ощущений и в такой мере она эквивалентна «ничто», творение из подобных материалов не произведет ничего из того, чего прежде не существовало, однако изменение состояния преобразовало часть вселенской материи, которая в своем предыдущем состоянии была невидима, неосязаема и невесома, но никоим образом не считалась не-существующей.² Теософы-окультисты, однако, совсем не используют слова «творение», а заменяют его на слово ЭВОЛЮЦИЯ.

---

¹ Из ничего ничто не происходит (*лат.*).

² Это — одна из многих причин, почему буддистская философия отказывается допустить существование и вмешательство в образование Вселенной неким непосредственным творцом или Богом. Ибо, стоит принять, даже ради аргумента, что мир *был сотворен* подобным существом, которое, чтобы это сделать, должно было быть всемогущим, то, когда об этом заходит речь, остаются старые проблемы — кто же тогда создал эту существовавшую до чего-либо материю, это вечное, невидимое, неосязаемое и невесомое нечто или хаос? Если нам говорят, что бытие «вечное» и неисчезающее, тогда и не было нужды его «сотворять», и тогда наш ответ будет таким, что в этом случае существуют ДВА «Вечных» и два «Всесильных»; или если наши оппоненты возражают, что это всемогущее № 1 или Бог, который сотворил его, тогда мы возвратимся к той точке, откуда начали — к творению *чего-либо* из *ничего*, что есть совершенный абсурд для науки и логики, и что это даже не требует окончательного и безрезультатного исследования, на всякий случай оставленного кое-каким не по годам развившимся детям: «А кто сотворил Бога?» — *Издатель.*

Здесь мы приблизились к осознанию того, что могло бы-
ло быть источником событий, к которым относятся изготов-
ление таинственной чашки и блюда, упомянутых в книге
мистера Синнетта. И никоим образом не постижимо, что ес-
ли технология создания материи есть действие, совершенное
тем, что обычно называют творением, что если сила челове-
ческой воли в некотором своем трансцендентном развитии
способна преобразовать неявную материю или хаос, то это
вызовет перемену, которая затрагивает пределы обычных
человеческих ощущений.

МОЖЕТ ЛИ ВАКЦИНАЦИЯ ПРЕДОТВРАТИТЬ ОСПУ?

Ноябрьский номер «Journal of Science» («Научный журнал») (Лондон) содержит новую интересную работу д-ра Паркина под названием «Эпидемиология, или косвенные причины болезней животного и растительного происхождения», с которой весьма небесполезно ознакомиться читателю. Теория д-ра Паркина заключается в том, что «случаются определенные тлетворные периоды», во время которых мир регулярно опустошается эпидемиями, перемещающимися в определенном направлении из Центральной или Восточной Азии на запад Европы и даже в Америку; что во время этих периодов все заболевания, даже те, что не рассматриваются как передаваемые от одного человека к другому, усиливаются в своих проявлениях и жестокости; что эти периоды, кроме того, были отмечены эпизоотиями и «падажами» и широко распространявшимися заболеваниями растительного мира и сопровождалась повсеместным усилением землетрясений, штормов, наводнений, засух, туманов, сезонов необычайной жары или холода и иными потрясениями неорганической природы. Подобные периоды, главным образом, сопровождалась появлением новых болезней или повторением заболеваний, считавшихся исчезнувшими. Доктор Паркин считает, что последний пагубный период начался примерно в семнадцатом веке, и волна фатальностей или их течение безостановочно двигались на запад до начала восемнадцатого века. В этот временной период свирепствовал ряд эпидемий, и среди них — ужасающая моровая язва, или «черная смерть». В 1803 году эпидемия желтой лихорадки в Малаге унесла

36 000 жизней. Чума, обрушившаяся на Лондон в 1665 году, унесла с июня по декабрь 20 000 человек, или треть всего населения. Согласно утверждению Сиденхейма,¹ эта болезнь поражала Англию каждые тридцать или сорок лет. В 1770 году она обрушилась на Марсель, в 1771 и 1772 — на Москву, в 1815-16 — в Неаполитанские доминионы. Однако, несмотря на ее частые вызовы медицинской науке, самые авторитетные специалисты признались, что ее лечение почти неизвестно (см. Амер. энцикл. XIII, 369). И действительно, в целом не известно фактически ничего определенного относительно вспышек эпидемий. Автор медицинских статей только что упомянутой Энциклопедии пророчески утверждает (1859 г.): «Прогрессивные науки, такие как метеорология и физическая география, по-видимому, скоро прольют дополнительный свет на эти сложные вопросы». Новая работа доктора Паркина стала в некотором роде исполнением этого пророчества. Похоже, он решительно избавился от двух любимых популярных теорий сторонников гигиены, что главная причина эпидемий — это грязь, и мнения, что эти болезни заразны. Таково и мнение обозревателя «Научного журнала», который допускает, что исторические факты, упоминаемые доктором Паркином, «решительно противоречат обеим теориям». В качестве примеров он приводит факты, что, «как известно, холера уверенно переносится на сотни миль во время сильных муссонов. Часто она переносится по реке вверх по течению, доказывая тем самым, что она не вызвана инфекциями, попадающими в течение». И он многозначительно добавляет: «Эпидемиям чумы, холеры и желтой лихорадки точно так же подвергаются люди, работающие или живущие на открытом воздухе, как и те, кто постоянно находится взаперти. Как скверно это отвечает учениям реформаторов от гигиены!»

Однако мы обратились к этой теме не только для того, чтобы показать беспомощность западных ученых перед одной из этих загадочных волн смерти, которые время от времени охватывали земной шар. Непосредственная причина

---

¹ Томас Сиденхейм (1624-1689) — английский врач, один из основоположников клинической медицины. — *Прим. перев.*

того, что мы обратились к этой теме, заключается в обязательной вакцинации в Индии. Перед нами находится весьма интересный общественный документ,¹ любезно переданный нам обладающим глубокими познаниями доктором Лейтнером, президентом Государственного университетского колледжа Лахора. Правительство Пенджаба запросило мнение андаманцев по поводу законопроекта о необходимости обязательной вакцинации. После продолжительных и пылких дебатов большая группа высказалась против пункта об обязательной вакцинации, особенно граждане, говорящие на хинди, и сам доктор Лейтнер подчеркнул, что если невежественные индусы когда-нибудь узнают, что вакцинальные лимфы добываются из язв на сосках коровы, то возможен более серьезный протест, а может быть, и активное сопротивление этому принудительному закону. Поскольку, тогда как все произведенное коровами, по законам шастр, считается священным, все прочее, включая кровь и ее примеси, считается самым грязным и нечестивым. И любой, кто сознательно позволит ввести что-либо из этого в свое тело, лишится кастовой принадлежности. Нам неизвестно, какие действия предприняли власти касательно вышеупомянутых пунктов, но если еще не слишком поздно, то, вероятно, лиц, занимающихся этим предметом, заинтересует следующая выдержка из статьи «Тысячелетие гигиены», напечатанной в том же «Научном журнале»:

Среди заболеваний, ставших более редкими и менее серьезными, но по-прежнему носящими эпидемический и весьма опасный характер, заметное место занимает оспа, особенно когда среди политических вопросов наших дней встает вопрос об ее не внушающей доверия превентивной вакцинации. Нас уверяют, что, если это заболевание больше не уносит десятки тысяч жизней, как в средние века, то такая перемена к лучшему возникла благодаря вакцинации. Однако не может быть и тени сомнения, что оспа сделалась менее опасной еще задолго до того, как стало применяться на практике открытие Дженнера.²

---

¹ Протоколы Анджамана-и-Панджаба в связи с предложенным законопроектом о вакцинации и т. д.

² Дженнер Эдуард (1749-1823) — знаменитый врач, открывший предохранительную силу коровьей оспы. — *Прим. перев.*

В 1722 году доктор Вагштафф писал, что детская смертность не превышала 1% из всех случаев. С 1796 по 1825 гг. В Англии не случилось ни одной эпидемии оспы. И все-таки, согласно докладу, опубликованному Коллегией врачей в 1807 году, всего лишь около полутора процентов населения было вакцинировано. Теперь же, если мы признаем, что заработанный благодаря вакцинации иммунитет — абсолютный и постоянный, то как стало возможным, что трое вакцинированных из каждых двухсот защитили оставшихся 197 человек? Предполагается, что в настоящее время вакцинировано 97% населения. И все же этого отнюдь не достаточно, чтобы защитить оставшиеся 3%, ибо считается, что невакцинированные лица подвергаются опасности заражения из-за упрямства или невежества этого очень небольшого меньшинства. Перед нами прискорбная опасность того, что пока вакцинация не станет всеобщей, оспа может вновь появиться среди нас, и не в отдельных случаях, а в виде эпидемий, следующих друг за другом в очень короткие интервалы времени, причем каждая будет намного смертоноснее предыдущей. Так, во время эпидемии 1857-59 болезнь унесла 14 244 жизни; во время эпидемии 1863-65 — 20 059 человек, а в 1870-72 — 44 840. При этом за первый период количество смертей, вызванных оспой, выросло на 50%, в то время как население увеличилось всего лишь на 7%. Во второй период количество людей, умерших от оспы, увеличилось на 120%, а население выросло только на 10%. Другой неприятный факт заключается в том, что малое прежде количество вакцинированных, но впоследствии пораженных оспой людей неизменно увеличивается. В Хайтгейтской больнице, где лечили оспу с 1835 по 1851 годы, предварительно вакцинированные составляли 53% от общего количества поступивших больных оспой. В 1851-52 гг. их количество возросло до 66,7%; в 1854-5-6 — до 71,2%; в 1859-60 — до 72%; в 1866 — до 81,1% и в 1868 — до 84%. Как же подобные факты могут отвечать ортодоксальной теории, что вакцинация — это гарантия против оспы? Каким же будет вывод беспристрастного статистика, если представить ему эти цифры? Если a возрастает больше обычного, когда b увеличивается в количестве и повсеместном распространении, ни один человек, если он в здравом уме, не будет спорить, что b есть препятствие a . Выглядит более оправданным совершенно противоположный вывод, что b причинно связано с a . Неясно, как сохранить доверие к вакцинации. Мы не можем разрубить этот Гордиев узел, предположив, что современные практикующие врачи менее осторожны и опытны в исполнении операций или менее скрупулезны в отборе вакцинной лимфы. Выходит, остается простое заключение, что у оспы наступал период приостановки в течение последней четверти прошлого века и первой четверти настоящего; что явный успех вакцинации главным образом обязан ее совпадению с

этим временным затишьем и что сейчас заболевание снова быстро достигает своей прежней вирулентности и принимает наиболее пагубные формы, которые оно имело во времена наших предков.

Но все же справедливо будет отметить, что наш уважаемый коллега, доктор Д.Э. Дадли, президент Бомбейского теософского общества, не соглашается с точностью вышеуказанной статистики смертности, и кроме слов о потребностях его быстро растущей практики, он добавил бы кое-какое замечание. Вероятно, он найдет для этого время в следующем месяце. Тем временем давайте же послушаем местных практикующих врачей, астрологов и пандитов, что вещают шастры касательно эпидемий и других неестественных явлений.

Здесь мы встретим совершенно иной взгляд по поводу всего этого, о котором хотелось бы сообщить Европе. Ниже следующее взято из «Spiritual Notes» («Спиритические заметки») (Лондон).

Согласно утверждению доктора Винсенто Песеты и Серверы, кристаллы гемоглобина, добытые из крови различных животных, имели настолько разнообразные формы и отличительные черты, что при помощи них можно было определить образец крови! Все, что для этого требовалось — это перемешивать кровь с небольшим количеством желчи, пока не образуется масса кристаллов размером не более 3 мм. Формы кристаллов получаются следующее: человек — правильные прямоугольные призмы; лошади — кубы; бык — ромбоэдры; овца — ромбоэдровидные пластины; собака — прямоугольные призмы; кролик — тетраэдры; белка — шестиугольные пластинки; мышь — октаэдры, и т. д.

Комментируя эти утверждения, «Научный журнал» весьма проницательно внушает читателю, что «если это подтвердится, то они могут послужить разрешением самого важного вопроса, поднятого доктором Лионелем Билем». Если теория Эволюции истинна, эти кристаллы, добытые из животных, находящихся в близком родстве, были бы идентичными или похожими по форме, их было бы очень просто получать один из другого. Но поскольку кристаллы гемоглобина — например, лошади и осла, собаки и лисицы, кролика и зайца или крысы и мыши — принадлежат соответственно к совершенно различным системам, это серьезный аргумент в пользу происхождения от еще какого-то существа.

ВЕЖЛИВЫЙ ОТВЕТ

История, имеющая хождение среди янки (американцев), повествует о маленьком школьнике, который, побитый парнем намного сильнее его и не способный дать сдачи, утешался тем, что строил рожи сестре своего врага. Примерно так же ведет себя мой оппонент из известной на весь мир «*Bombay Review*». Осознав невозможность нанести вред Теософическому обществу, он «строит рожи» его секретарше по приему почты, обрушивая на нее личные оскорбления.

К несчастью для моих замаскированных врагов и к счастью для меня, несмотря на высокопарный стиль «антропософов» «*V.'s*» и «*Onesimuses*», рано или поздно наступает день, вовсе не подходящий для юмора и особенно острословия таких псевдонимных пчелок, работающих в «*Review*». Если бы я в последнее время тратила внимание на весь их соус из слабых аргументов и наглых выпадов, то мне стало бы снова совершенно ясно, что ко всему этому надо относиться строже, чем к острословию, а скорее — как к их попыткам заставить меня замолчать. Оскорбление — не аргумент; кроме того, если оно употребляется огульно, то порою может стать опасным.

Потому я намереваюсь отметить только один особенный пункт. Что касается их самомнения, то как приятно наблюдать за ним! Наблюдать, как их доброжелательно-покровительственный тон смешивается со скромностью! Их слова действуют на любого как освежающий напиток в жаркую погоду:

«Мы более милосердны к ней, чем она заслуживает!!»

Могло бы такое безапелляционное великодушие зайти дальше? И этот дифирамб, который вынуждает признать ценность могущественных «широких и католических мнений» тех, кто управляет участью «*Bombay Review*» и различными способами делает так много «для индийских народов»! Чего стоит одна только выдумка, что он слышал «духов» самих лорда Майо и сэра Уильяма Джонса, гулкие трубы этого вызывающего землетрясение органа!

Неужели обнаружен этот диапазон звучания, покровительствуемый всеми местными принцами, чьей благосклонности с таким рвением искали еще недавно?

У меня не было ни свободного времени, ни желания вместе с этими замечательными экспертами добродушно подтрунивать над низкопробными остротами, особенно когда я честно ставлю свою подпись под написанным, а они скрываются под надежными псевдонимами. А потому я оставляю без внимания их трескотню, рассчитанную на дешевый эффект, по поводу «сорной травы и мадам Софи», так хорошо разрекламированных ими же самими, а отмечу инсинуации касательно «русских шпионов». Я согласна с издателем «*Review*», когда он утверждает, что сэру Ричарду Темплу и сэру Франку Соутеру надо *остерегаться* таких «шпионов». Я еще добавлю, что *только* эти два джентльмена имеют право или власть *разоблачать* подобных людей.

Никто, пусть он даже благороднейший из лордов, не считая *анонимного* писателя, не может или не *позволит* себе швыряться такие злобными и гадкими намеками о женщине и о любом гражданине Соединенных Штатов. Тот, кто так поступает, рискует оказаться на скамье подсудимых самого справедливого из всех судов — Британского Верховного суда. А если кто-нибудь их тех, кто устроил мне западню, пожелает проверить этот вопрос, прошу подтверждать свою клевету определенными вещественными доказательствами. Подобный подлый выпад — даже когда он облачен в форму показного опровержения базарной сплетни — выглядит намного серьезнее, чем целые фолианты «болтовни» (по выражению моряков, обманом, который скармливают дуракам), который христианские «обвинители» собирают против теософии и теософов. В интересах самой же этой молодой и

хвастливой газетенки, мы надеется, что впредь она будет добывать информацию из более надежного источника, нежели рынки Бомбея.

Бомбей, 14-го марта 1879 г.

Е.П. Блаватская

ОТСУТСТВИЕ ЕДИНСТВА СРЕДИ СПИРИТУАЛИСТОВ

[Эта заметка состоит из выдержек из письма мадам Блаватской, полученного нашим журналом на прошлой неделе. Ограничение в размере публикации не позволяет нам опубликовать его полностью. Оно написано в ею, как обычно, живо и занимательно, с позиции знающего человека, хорошо разбирающегося в данном вопросе и желающего осветить истинное положение дел. — *Редактор «The Spiritual Scientist»*, 3 дек. 1874.]

Таким образом, я лишь исполнила свой долг; во-первых, по отношению к спиритуализму, который защищала как могла от обвинений в мошенничестве из-за его слишком откровенной маски научности; затем — по отношению к двум беспомощным, оклеветанным «медиумам» — это слово ныне очень быстро становится синонимом слова «мученик»; во-вторых, я внесла свою лепту в то, чтобы раскрыть глаза равнодушной публики на реальное и вполне особенное значение таких людей, как доктор Бэрд. Но вынуждена признать, что не верю, что совершила нечто действительно полезное для спиритуализма или, по крайней мере, что-либо практически полезное; и я не питаю надежды когда-либо совершить такое, даже если целую вечность буду забрасывать все американские газеты опровержениями той лжи, что распространяется так называемыми «разоблачителями от науки».

С глубокой печалью в сердце я признаю этот факт, ибо начинаю думать, что исправить это невозможно. Более пятнадцати лет я сражалась за благословенную истину; я путешествовала и проповедовала ее — хотя не создана для того, чтобы

читать лекции — от покрытых снегом вершин кавказских гор до песчаных берегов Нила. Я доказывала истинность моих слов на практике и силой убеждения. Ради спиритуализма я покинула родной дом, легкую жизнь среди цивилизованного общества и превратилась в странницу. Я уже видела осуществление своих надежд, превосходящее все самые оптимистические ожидания, когда, в безудержном стремлении к знаниям, моя несчастливая звезда привела меня в Америку.

Зная, что эта страна — колыбель современного спиритуализма, я прибыла сюда из Франции с чувством, похожим на то, которое испытывает мусульманин, приближаясь к месту рождения Пророка. Но забыла, что «пророку нет чести в своем отечестве». Я здесь чуть менее четырнадцати месяцев, но мой печальный опыт лишь подтвердил эту вечную истину.

То, что сделано мною в защиту феноменов, я всегда готова делать снова и снова, пока во мне останется хотя бы капля жизни. Но что пользы от этого? В России существует мудрая пословица: «Один в поле не воин». Подобным же образом обстоит дело со мной и с другими несчастными борцами, которые, подобно разведчикам, посланы далеко вперед армии и вынуждены сражаться и защищать доверенное им в одиночку. Среди спиритуалистов нет единства, нет сердечного понимания. Судья Эдмонс сказал несколько лет тому назад, что спиритуалистов только в этой стране насчитывается свыше 11 миллионов человек, и я верю этому, но в таком случае ситуация становится еще более печальной. Когда один человек осмеливается бросить вызов такой значительной организации, как это делал и будет делать доктор Бэрд, для этого должны быть веские причины. Его оскорбления грубы и вульгарны, однако он бросает их столь безбоязненно, что не остается и тени сомнения — он прекрасно знает, что может свободно и безнаказанно поступать так. Год за годом американские спиритуалисты позволяли насмехаться и издеваться над собой всем, кому бы это ни пришло в голову, а протесты их были настолько слабы, что еще более убеждали противников в их слабости. И разве я не права, утверждая, что во всей этой смехотворной полемике повинны более сами спиритуалисты, чем доктор Бэрд? Нравственная трусость вызывает презрение. Разве можно ожидать, что такой жонглер от науки, как доктор

Бэрд, будет уважать некую организацию более, чем она сама уважает себя?..

Мое скромное мнение таково: большинство наших спиритуалистов слишком обеспокоены своей «респектабельностью», когда дело доходит до признания и доказательства их «веры». Согласитесь ли вы со мной, если я скажу, что боязнь общественного ареопага имеет настолько глубокие корни в сердцах американцев, что попытка вырвать эту боязнь подобна расшатыванию всей системы общества сверху донизу? «Респектабельность» и «мода» вынудили уже не одного истинного материалиста выбрать ради внешней видимости англиканскую или другие могущественные церкви. Но спиритуализм пока не «моден», и беда именно в этом. Несмотря на огромное, постоянно растущее число спиритуалистов, он все еще не завоевал права на гражданство. Основные лидеры его не облеклись в золотые и пурпурные одеяния; в рядах спиритуалистов, как и в христианстве в начале его истории, больше простых, бедных и несчастных людей, чем могущественных и богатых. Спиритуалисты же из среды последних редко дерзнут публично и смело заявить о своей вере перед лицом всего мира — совокупный монстр общественного мнения слишком много для них значит; а разве мнение бедных и простых людей волнует подобных доктору Бэрду? Такие люди, как Бэрд, прекрасно знают, что ни одна гордая каста современных фарисеев не назовет их оскорбительным словом «дурак» и «слабоумный идиот» и не обвинит в легковерии; пусть те считают себя спиритуалистами, и, возможно, уже давно, но если и осмелятся заметить оскорбление, то лишь ответят наподобие трусливого апостола: «Говорю, я не знаю его!»

Святой Петр — единственный из одиннадцати оставшихся учеников, кто трижды отрекся от Христа перед фарисеями; но все же в католической церкви он наиболее почитаемый из всех апостолов; он избран главенствующим апостолом самой богатой, самой гордой, жадной и лицемерной церкви христианства. И так же вот полухристиане и полуверующие нового обета, большинство из одиннадцати миллионов спиритуалистов лишь одной ногой вступили на порог спиритуализма, тогда как другой твердо стоят на ступенях, ведущих к алтарям «модных» вер, всегда готовые в случае опасности перемер-

нуться под защиту последних. Они знают, что под прикрытием такой «респектабельности» они в полной безопасности. Кто осмелится обвинить в «легкомысленной глупости» члена какого-либо «модного прихода»? Под могущественной и священной сенью подобного «столпа истины» любое отвратительное преступление моментально превращается в незначительное, мелкое отступление от христианской добродетели. Юпитера, за все его многочисленные похождения в стиле Дон Жуана, почитали как «Отца Богов»!

СПОР ВОКРУГ ДЕЛА ХОЛМСОВ

Несколько недель назад в письме, отрывки которого были опубликованы в «The Spiritual Scientist» от третьего декабря, я упомянула о прискорбном отсутствии единства среди американских спиритуалистов и вытекающих из этого последствий. Целью той публикации было разобраться с одним из противников, который не заслуживал моего пристального внимания, но все же оскорбил всех спиритуалистов этой страны своей статьей, карикатурным подобием научного *exposé* [разоблачения]. Выступив против него, на самом деле я боролась против многочисленных «бандитов» из армии противников веры, и моя задача была сравнительно легкой, особенно принимая во внимание, что ложь не выдерживает конкуренции с правдой, поскольку последней всегда удаётся постоять за себя. С того дня положение изменилось, но и сейчас, как и тогда, мною движет любовь к справедливости и честной игре, и я снова выступаю в нашу защиту, потому что так мало тех, кто отваживается отстаивать наше дело, и так многочисленны малодушные.

Я отметила в своем письме, что такое положение, такое полное отсутствие единства и такая, надо добавить, трусость в их рядах послужили причиной постоянных атак агрессивно настроенной общественности, мысли которой питают невежество и злые предрассудки, общественности такой безжалостной, нетерпимой и совершенно бесчестной в своих действиях. Как большую, хорошо вооруженную армию можно легко уничтожить хорошо организованными малыми силами, так и спиритуализм, в рядах которого миллионы, способные разбить

в пух и прах любую реакционную теологическую догму, если ими правильно руководить, постоянно теряет свою силу, встречает препятствия и подвергается объединенным нападкам и атакам прессы и церкви из-за предательства и трусости своих лидеров, которым спиритуалисты так верят. Потому я хотела бы задать кое-какие вопросы одному из этих признанных лидеров, пользуясь всеми правами, которые мне предоставляет не только моя репутация известного каббалиста, но и мое американское гражданство. Когда я вижу сколько в этой стране верующих, крепость их веры, их неуязвимость и их великие способности, мне противно наблюдать подобный спектакль, разыгранный после случая с Кэти Кинг — или, может, вернее будет сказать, после мошенничества Кэти Кинг? Но, в любом случае, последнее слово в этой сенсационной комедии еще не было сказано.

Нет такой страны на этой планете, чей суд не допускал бы возможности усомниться в виновности преступника и не давал бы ему возможность высказаться и предложить свою версию.

Таков ли случай, сводящий лицом к лицу «притворного актера», исполняющего роль духа поддельной Кэти Кинг, и медиумов Холмса? Я решительно говорю нет и приведу доказательство, если никто другой этого сделать не может.

Я против всех тех, кто старается вырвать из рук любые возможные средства для поиска истины. Я оспариваю право любого редактора ежедневной газеты публиковать обвинения против кого-либо и в то же время отказывать лицам, подвергшимся несправедливой критике, высказаться в свое оправдание, из-за чего общественность, не получая разъяснений, должна сама докапываться до истины в темноте.

Наконец-то появилась биография Кэти Кинг, абсолютно достоверный отчет, заверенный (под присягой?) доктором Чайлдом, который на протяжении всего этого «шутовского» эпилога все время там присутствует, как какой-то *deus ex machina* [бог из машины]. Вся эта сострепанная элегия (кем? — явно не миссис Уайт) благоухает ароматом заблудшей невинности, похожим на рассказы Магдалины о горе и несчастье, запоздалым раскаянием и тому подобным, создавая в нашем воображении нелепую картину: представьте вора,

сверхъестественным образом крадущего у нашей души самые дорогие, волнующие чувства. Хорошо выстроенные объяснения по некоторым пунктам, появляющиеся время от времени, дабы устранить камни преткновения этому якобы честному разоблачению, не могут, тем не менее, окончательно развеять все сомнения; ведь много неуклюжих подобий на правду, частью заимствованных из исповеди миссис Уайт, этого падшего ангела и частью, и, надо сказать, большинство, из ее личного дневника, написанного под диктовку ее «секретарями», дают нам довольно ясное представление о подлинности этого свидетельства, данного под присягой. Например, в соответствии со своим собственным утверждением и свидетельством *habitués* [завсегдатаев] Холмсов, миссис Уайт никогда не стояла в темном круге (а значит, не могла выдавать себя за Кэти Кинг и показывать себя во плоти присутствующим), но, в таком случае, откуда она знает, до мельчайших деталей, о всех трюках медиумов, порядке их действий и т.д.? Опять же, миссис Уайт, так хорошо помнящая — мы можем добавить, механически помнящая — все, что говорили между собой Кэти Кинг и мистер Оуэн, дух и мистер Чайлд, явно забыла *все сказанное* ей самой д-ру Фельгеру в этой фальшивой персонификации; *она даже не помнит очень важный секрет*, который поведала последнему! Какое странное сочетание: то она помнит, то не помнит... Может быть, неких дневник с аккуратно помеченным содержанием объяснит этот факт? Подлинность этого документа клятвенно засвидетельствована именем несуществующего духа, Кэти Кинг... Очень умно!

Пресса категорически отказывается публиковать все протесты и заявления о невиновности или же доказательства, переданные мистером или миссис Холмс на словах или в письменной форме. Ни одна уважающая себя газета не отваживается взять на себя ответственность за такие антиобщественные действия.

Публика торжествует, духовенство, забыв про свою победу в Бруклинском скандале, посмеивается, потирая руки; некий разоблачитель материализованных духов и телепатов выпускает, как чудовищная, ненавидящая духов *mitrailleuse* [пулемет] потоки снарядов и посылает утешительное письмо мистеру Оуэну; спиритуалисты пали духом, из них делают

посмешище, они думают, что разбиты *навсегда* этим так называемом разоблачением и неопровержимым свидетельством под псевдонимом... Для нас этот день как день битвы при Ватерлоо для Наполеона и, отмечая остатки разбитой армии, нам только остается звонить в свой собственный похоронный колокол... Духи, берегитесь! с этого дня, если вы будете неосмотрительны, ваши материализованные формы обязаны будут останавливаться у дверей кабинетов, чтобы, содрогнувшись, сгинуть с глаз, напевая хором «Больше никогда» Эдгара По. Прямо можно подумать, что вся вера спиритуалистов зависит от Холмсов, и что если их разоблачат как фокусников, то нам придется признать, что все наши феномены не что иное, как бабушкины сказки.

Если очищать дно корабля от ракушек, будет ли это во вред кораблю? Но, сверх того, у нас совсем мало разумных доказательств.

Но тут в дело вступил полковник Олькотт и начал вести расследование. По его словам, первые тесты с миссис Холмс (ее супруг болен и находится в Вайнленде) были достаточно удовлетворительны, чтобы убедить мистера Оуэна провести эксперименты в своем излюбленном месте — комнате Холмсов. Олькотт сначала связал миссис Холмс, посадил ее в мешок, крепко затянул веревку вокруг шеи и завязал узел в присутствии мистера Оуэна и еще одного джентльмена. Затем медиума посадили в пустой кабинет в середине комнаты, причем она *совершенно не могла воспользоваться руками*. Дверь закрыли, и тогда в проеме появились руки а затем очертания лица, которое постепенно приняло форму лица Джона Кинга вплоть до тюрбана, бороды и т.д. Он благодушно позволил исследователям гладить его бороду, дотрагиваться до его *теплого* лица и сам похлопал их по рукам. Когда *сеанс* был окончен, миссис Холмс, со слезами благодарности, в присутствии этих трех господ *торжественно* заявила мистера Оуэна, что она много раз рассказывала д-ру Чайлду, как «Кэти» приносила ей подарки, оставляя их по всему дому, и что она, миссис Холмс, хотела, чтобы мистер Оуэн это знал; но доктор приказал ей делать нечто совершенно противоположное, запретив говорить что-либо Оуэну; он так сказал: «Не делайте этого, это бесполезно, *он не должен*

знать об этом». Правда это или нет, решать д-ру Чайлду вместе с миссис Холмс.

С другой стороны, Элиза Уайт, которая разоблачает и обвиняет Холмсов, является и по сей день загадкой, таким египетским сфинксом, для любого в этом городе, за исключением одного умного и почти незаметного всем лица — что-то наподобие ангела-хранителя, — повела за собой всю команду и развеяла миф о «материализации» духа Кэти с помощью такого, как она считает, первоклассного метода. Ведь с ней никому нельзя встретиться, ее нельзя увидеть и задать ей вопросы, а для бывших поклонников Кэти это было наиболее важным, им так хотелось взглянуть хоть краем глаза на скромную красавицу, считающуюся достойной воплощать прекрасную душу. Может быть, опасно позволить сравнить черты лиц обеих? Самое непонятное в этой запутанной истории то, что мистер Р.Д.Оуэн сам признался мне, что *никогда, даже в день разоблачения, не видел миссис Уайт и не разговаривал с ней и не имел малейшей возможности взглянуть на ее лицо, чтобы опознать*. Ему удалось всего лишь раз увидеть ее расплывчатые очертания на ложном «сеансе» пятого декабря, о котором она упоминает в своей биографии, когда она появилась перед полудюжиной свидетелей (приглашенных убедиться в этой фальсификации) *de novo* [снова] из кабинета, лицо ее было *закррито двойной вуалью(!)*, после чего это прекрасное видение исчезло и больше не появлялось. Мистер Оуэн к этому добавляет, что он не может поклясться в том, что миссис Уайт и Кэти Кинг одно и то же лицо.

К чему такая таинственность? Ведь нам пообещали публичное разоблачение обмана? Мне кажется, это разоблачение было бы более научным, будь оно сделано по-другому. Почему бы не дать Р.Д.Оуэну шанс — он пострадал больше всех в этом омерзительном мошенничестве — сравнить миссис Уайт с *его* Кэти? Позвольте мне опять высказать предположение, что этот бедный, благородный, доверчивый джентльмен очень хорошо помнит, как внешне выглядит дух. Прозрачные одеяния, лунный свет, диадемы и звезды, вероятно, можно сфальсифицировать в полутемном помещении, а вот создать черты лица, которые бы в точности бы совпали с чертами лица Кэти, является более трудной задачей, к этому надо очень хорошо

подготовиться. Для хорошо подвешенного языка наболтать лжи не представляет проблем, но курносый нос никогда не будет выглядеть классическим.

Один достойный человек, которого я знаю, страстный поклонник красоты «духа Кэти», видевший ее и говоривший с ней раз пятьдесят с расстояния в два фута, сообщил мне, что однажды вечером д-р Чайлд спрашивал духа показать ему язык (может быть почтенный доктор хотел сравнить язык Кэти с языком миссис Уайт — что если последняя была его пациентом?), и Кэти сделала это; этот господин уверял меня, что когда она открыла рот, он ясно видел «великолепные зубы — два ряда жемчужин», выражаясь словами этого восхищенного поклонника. Он сказал, что ее зубы произвели на него особенное впечатление. Но есть злые клеветники, которые были *близко* знакомы с миссис Уайт, когда она была еще невинной девушкой, до ее падения и *разоблачения*, и они без обвиняков заявляют (мы просим прощения у кающегося ангела, но мы только повторяем сказанное), что эта дама едва ли может похвастаться, среди прочих своих прелестей, редкой красотой *жемчужных зубов и совершенной формой рук*. Почему бы «Кэти» было не улыбнуться во весь рот своему поклоннику и посрамить клеветников? Если бы мы так же стремились доказать, кто есть кто, — а она похоже, стремится к этому больше нас, — мы бы с удовольствием показали наши зубы даже самым присяжным. К вышеописанному факту, каким бы незначительным он ни казался с первого взгляда, любой судья, занимающийся опознанием личности, отнесся бы очень серьезно.

Вот что заявил нам мистер Оуэн, а «Кэти Кинг» клятвенно подтвердила в своей биографии: «Она согласилась на разговор с господином, который видел ее персонифицированный дух, *при условии, что она на протяжении всего разговора не будет поднимать вуали*» («Philadelphia Inquirer» от 11 января, 4 колонка, «Биография К. К.»).

Но, боже мой, к чему подвергать веру этих «чрезмерно доверчивых и недалеких джентльменов», выражаясь языком бессмертного д-ра Бэрда, еще одному испытанию? Нам видится, что это был самый подходящий момент показать природу того умственного помрачения, длившегося у них несколько

месяцев. Что ж, если они проглотили это новое завуалированное доказательство, то это их дело.

Vulgus vult decipi decipiantur! Vulgus vult decipi, ergo decipiantur [толпа хочет быть обманутой, так пусть же обманывается]. Но я ожидаю более веских доводов прежде чем пристыженно замолчу и позволю смеяться над собой. Вот как обстоит дело:

В соответствии с той же самой биографией (та же колонка), этот фальшивый сеанс с духами был подготовлен и проведен так, что все остались довольны, благодаря стараниям детектива-любителя, живущего в этом городе — некоего В.О. Лесли, если вас интересует его имя, подрядчика или агента железной дороги Балтимор—Филадельфия—Нью-Йорк. Если пресса и некоторые наиболее известные жертвы этого обмана договорились с ним не разглашать тайну, то я *такого обязательства на себя не брала* и скажу то, о чем мне известно. Итак, этот спиритический сеанс состоялся пятого декабря, это было клятвенно засвидетельствовано и должно означать, что мистер Лесли заставил миссис Уайт признаться в своей вине по крайней мере за несколько дней до сеанса, хотя точная дата триумфа этого «любителя» не сообщается в этом клятвенно заверенном свидетельстве. А теперь новая загадка.

Вечером второго и третьего декабря на спиритических сеансах у Холмсов я сама, в присутствии Роберта Дэйла Оуэна и д-ра Чайлда (последний был менеджером этих представлений и передал мне входной билет этим же утром) и двадцати других свидетелей, видела, как дух Кэти дважды выходил из кабинета, я видела ее во всей ее красоте и могу присягнуть перед любым судом, что она внешне вовсе не была похожа на миссис Уайт.

Поскольку я не хочу опираться на свидетельства других лиц, предпочитая свои, то не буду останавливаться на якобы имевшем место появлении духа Кэти Кинг в доме Холмсов пятого декабря перед мистером Робертсом и еще пятнадцатью гостями, среди которых был В. Х. Кларк, корреспондент «The Daily Graphic», так как меня в это время не было в городе, но даже если и принять во внимание этот факт, он будет совсем не против миссис Уайт, ведь в тот же самый вечер и в тот же

самый час она играла роль ложной Кэти на фальсифицированном спиритическом сеансе. Еще есть смысл принять во внимание утверждение некоего мистера Вескотта, который, возвращаясь домой пятого декабря с настоящего сеанса, встретил машину с мистером Оуэном, д-ром Чайлдом и его женой, возвращавшихся с ложного сеанса. Так получилось, что этот джентльмен упоминает, что видел, как дух Кэти выходил из комнаты, добавив, что «она никогда не выглядела так прекрасно»; при этих словах мистер Роберт Дэйл Оуэн посмотрел на него с изумлением, и все трое очень смутились.

Итак, я настаиваю на том факте, что действительно видела дух Кэти в доме медиумов второго и третьего декабря — этот феномен я наблюдала с Робертом Дэйлом Оуэном и другими лицами.

Бесполезно предлагать или принимать в качестве жалкого оправдания, что признание женщины по имени Уайт, ее разоблачение обмана, доставка мистеру Лесли всех ее нарядов и подарков, которые она получила как Кэти Кинг, раскрытие этой печальной новости этим добропорядочным джентльменом мистеру Оуэну, подготовка комнаты к фальсификации и другие важные вещи имели место четвертого декабря; потому что по крайней мере д-р Чайлд, а может и мистер Оуэн, знали об успехе мистера Лесли с миссис Уайт за несколько дней до этого сеанса. Если об обмане знали, как мог мистер Лесли позволить подобному обману произойти, ведь факт появления духа Кэти у Холмса второго и третьего декабря действительно имел место? Любой джентльмен, даже с самыми скромными понятиями о чести, никогда бы не позволил больше дурачить общественность, разве что у него было твердое намерение поймать и изобличить духа-обманщика на месте. Но этого не произошло. Напротив: д-р Чайлд, который с самого начала утвердил себя не только директором всех сеансов, следя за помещением и материализацией, но также был кассиром и билетером (сначала он платил медиумам 10 долларов за сеанс, затем 15; остальное клал в карман). В тот самый вечер третьего декабря он, как всегда, собрал с каждого деньги за вход. Далее, добавлю, что я, *in propria persona* [собственной персоной, самолично], подала ему пятидолларовую купюру, и что он, д-р Чайлд, принял ее без сдачи,

заметив, что баланс нашей кассы станет лучше с *будущими сеансами*.

Будет ли д-р Чайлд отрицать, что, готовясь вместе с мистером Лесли к раскрытию обмана пятого декабря, он ничего не знал о фальсификации третьего декабря?

Далее, в той же биографии (глава VIII, 1 колонка) говорится, что сразу после возвращения г-жи Уайт в Блиссфилд, штат Мичиган, она пришла к д-р Чайлду и предложила разоблачить обман, участницей которого была, но что не хотел об этом слышать. Во время того визита она *не носила вуаль*, в этом не было необходимости, поскольку д-р Чайлд сам признался, что он ее лечил. В письме д-ру Чайлду от 28 августа 1874 года Холмс пишет: «Миссис Уайт говорит, что вы с друзьями вели себя очень грубо, вы хотели заглянуть во все коробки, сундуки и взломать замки. Что вы искали или хотели найти?»

Все эти обстоятельства яснее ясного свидетельствуют о том, что д-р Чайлд и миссис Уайт знали друг друга гораздо лучше, чем простые знакомые, и вершиной нелепости здесь является утверждение, что если миссис Уайт и Кэти Кинг одно и то же лицо, то об обмане не был осведомлен «Отец Исповедник» (смотри рассказ Джона и Кэти Кинг, стр. 45). Но на эту комедия проливает свет еще так называемая биография Джона Кинга и его дочери Кэти, написанная д-ром Чайлдом *под их диктовку в своем офисе*. Эта книга вышла в свет как подлинная исповедь этих двух духов. В повествовании описано, как день за днем они приходили и выходили из его офиса, как и любой смертный, и, после непродолжительных бесед с ним, долго говорили о себе, а затем доказывали в комнате Холмсов, что они настоящие духи. Более того, те духи, которые появлялись на многолюдных сеансах, подтвердили сказанное ими в его офисе; и то и другое увязывается друг с другом, образуя связное повествование. Так вот, если Кинги Холмса были миссис Уайт, кого тогда посещали духи в офисе доктора? и если те духи, что посещали *его*, были действительно духами, кто тогда были те, на спиритических сеансах, открытых для общественности? В чем «Отец Исповедник» обманул свидетелей? В продаже книги с вымышленными биографиями или разоблачении ложных духов у Холмсов? Пусть доктор ответит на это.

Если он такой совестливый, что дал торжественные письменные свидетельства, то почему бы ему не вернуть деньги, которые он брал у нас под ложными предложениями? Он сам признался, что Холмсы получили от него около 1 200 долларов за четыре месяца ежедневных сеансов, после чего они уехали из города. Он также признался, что у него каждый вечер были проблемы с помещением — он не мог разместить всех желающих, т.к. иногда приходили до 35 человек — и это подтвердит каждый, кто присутствовал там не один раз. Далее, шесть или семь надежных свидетелей сообщили нам, что скромный взнос в один доллар платили только завсегда, а слишком любопытные или очень стремившиеся побывать на сеансах платили по 5 долларов, один раз кто-то даже раскошелся на 10 долларов. Но я не буду настаивать на факте оплаты в 10 долларов, поскольку сама никогда так много не платила.

А теперь позвольте непредвзятому следователю этой запутанной истории в Филадельфии взять карандаш и подсчитать, сколько осталось денег после уплаты всем медиумам в этом бизнесе на духах, длившемся много месяцев. В результате оказывается, что дух «Отец Исповедник» заработал весьма неплохо.

Дамы и господа, верящие в спиритуализм, мне кажется, что все мы стоим перед чудесной дилеммой. И если вам это не кажется неудобным, *мне* так кажется, и я постараюсь выпутаться.

Прежде всего, знайте, что я вовсе не собираюсь защищать Холмсов. Они могут оказаться самыми злостными обманщиками, с которыми мне приходилось встречаться, но меня это не волнует. Моя единственная цель — узнать наверняка, кому я обязана за насмешки в свой адрес, пусть даже это и маленькие колкости, к моему счастью. Если над нами, спиритуалистами, смеются, глумятся и издеваются, то мы должны по крайней мере знать, почему. Либо обман был, либо его не было. Если фальсификация есть печальный факт, и д-р Чайлд из-за таинственных обстоятельств его несчастной судьбы стал первой ее жертвой, после того как, волнуясь за свою честь и репутацию, поспешил прекратить дальнейший обман обществу, доселе считавшей его человеком, благодаря которо-

му феномен оказался преподнесен во всей его полноте и подлинности — он сам одобрил его вплоть до мельчайших деталей, — так почему бы ему первому не взять слово и не рассказать нам об этой тайне? Он же знает, что лица, ставшие жертвой мошенничества и обмана, могут в любой день потребовать возмещения убытков, которые они понесли, полностью доверяя ему. Почему бы д-ру Чайлду не подать в суд на Холмсов, дабы доказать свою непричастность? Он не может не признать, что в глазах посвященных содеянное им выглядит гораздо более омерзительным, чем то обвинение, против которого Холмсы сейчас тщетно ведут борьбу. Или же, в случае если никакого обмана не было либо доказательства обмана не совсем убедительны, поскольку аргументы против не могут основываться на шатком свидетельстве женщины, подписывающейся псевдонимами, то зачем тогда главному участнику ломать комедию про «материализацию Кэти»? Разве д-р Чайлд не был основателем, глашатаем и даже, можно сказать, создателем этого, как оказалось, фальсифицированного феномена? Не он ли рекламировал это воплощение лжи — главного клоуна сего спиритического представления? Теперь же, когда с его помощью были одурачены не только спиритуалисты, но и весь мир, и не важно при этом, был ли он обманщиком или слабохарактерным глупцом — ведь из-за него мы оказались замешаны в этой истории историю, — он думает, что его содействие в обвинениях против медиумов, в изобличении обмана, в подтверждении им всяческих состряпанных письменных свидетельств и документов вымышленных лиц теперь помогут ему выйти сухим из грязного болота, куда он затащил так много людей!

Мы должны добиваться официального расследования. Мы имеем право настаивать на нем, так как нам, спиритуалистам, это право дорого досталось: мистера Оуэна всю жизнь считали способным и правдивым писателем и надежным свидетелем этих феноменов, а сейчас он может превратиться в фантазера — предмет насмешек и сомнений скептически настроенных умников. Мы добились этого права потому, что все, кого одурачил д-р Чайлд своей Кэти Кинг (время покажет, умышленно или неумышленно), станут мишенью бесконечных насмешек, сатиры и шуток прессы и невежественной тол-

пы. Жаль, но нам приходится противоречить в этом вопросе такому авторитетному изданию как «The Daily Graphic», но если непрофессионалы не хотят чтобы эта фальсификация разбиралась в суде, боясь, что на Холмсов возложат венок великомучеников, то мы не испытываем подобных опасений и вместе с мистером Хадсоном Таттлом вновь говорим: «Пусть лучше сгинут самозванцы и то, во что они заставили поверить, чем быть навсегда подвергнутым остракизму без надежды на справедливость или компенсацию».

Почему, во имя всего чудесного, д-р Чайлд должен сохранить все регалии этого несостоявшегося сражения, в котором атакуемая армия спиритуалистов обречена на вечное поражение без борьбы? Почему он должен получать материальную выгоду из этой материализованной лжи, тогда как Р. Д. Оуэна, честного спиритуалиста, чье имя везде произносят с уважением, скептически настроенная пресса награждает пинками и тычками? Разве это справедливо? И до каких пор лживые медиумы и сомнительные оракулы будут пользоваться спиритуалистами как козлами отпущения? Как пастух Парис наших дней, мистер Оуэн попался в сети этой пагубной материализованной Елены, он сейчас в центре бури, которая может превратиться в новую Троянскую войну. Но Гомер этой Илиады, разыгравшейся в Филадельфии — тот, кто в прошлом писал элегическим дистихом, автор биографии прекрасной Елены, тот, кто стал заметен в разгорающихся сомнениях по поводу Холмсов; если им не положить конец, вспыхнет гигантский пожар; тот, кто в данный момент играет беспрецедентную роль главного судьи *в своем собственном процессе* и выносящим решение *по своему собственному делу* — д-р Чайлд отворачивается от созданного им самим духа дочери, чтобы защитить смертного, незаконнорожденного отпрыска, неизвестно откуда взявшегося — он вне бури. Подумать только, Р. Д. Оуэн почти уничтожен насмешками над разоблачением, а д-р Чайлд, бывший менеджер ложных духов, теперь изобличает своих сообщников и с тем же рвением подписывается под свидетельствами против духов, делая клятвенные заверения в суде!

Если я могу надеяться на то, что желающие найти концы в этой грязной истории когда-либо воспользуются моим сове-

том, то настаиваю на передачи дела в настоящий суд, чтобы оно было рассмотрено присяжными. Если д-р Чайлд честный человек и кто-то воспользовался его доверчивостью, он должен первый приложить все усилия и помочь нам добраться до сути. Если он этого не сделает, то мы сами попытаемся найти ключ к следующим тайнам:

Во-первых, судья Аллен из Вайнленда (сейчас он в Филадельфии) свидетельствует, что когда кабинет, собранный под руководством и в присутствии д-ра Чайлда, принесли в дом Холмсов, доктор один, со своими инструментами, еще целый день что-то с ним делал, а судья Аллен находился в это время в гостях у медиумов. Если в кабинете была потайная дверь или «две расходящиеся доски», то кто это сделал? Надо ли говорить, что такое хитроумное устройство, о котором не могут догадаться даже самые недоверчивые, требует мастера с необыкновенными способностями? И мастер после того не будет об этом умалчивать, разве что ему хорошо заплатили. Кто ему платил? Может, Холмс делился с ним из своей платы в 10 долларов за вечер? Это следует установить.

Во-вторых, если правда то, в чем двое готовы поклясться, что лицо, называющее себя Элизой Уайт, она же «Фрэнк», она же «Кэти Кинг» и т.д., вовсе не вдова и у нее хорошо материализованный муж, владелец бара, проживающий в штате Коннектикут, то тогда прекрасная вдова лгала, но все же д-р Чайлд сказал, что это правда. Жаль, что он подтвердил ее слова с такой же поспешностью, как и факт ее материализации.

В-третьих, письменные показания и свидетели (всего пять) готовы подтвердить, что однажды вечером миссис Уайт видели в ее смертном теле в пивном баре, где она, видимо раскаиваясь, освежалась в компании своих друзей, у которых таких чувств не было, и похоже, сама она не испытывала потребность в более благородном эскорте, а дух Кэти Кинг в то же самое время был четко виден у двери кабинета.

В-четвертых, однажды, когда д-р Чайлд (может, он всё предвидел) пригласил миссис Уайт к себе, где предоставил ее гостям, которые развлекали ее целый вечер, и с целью убедить (похоже, доктор постоянно стремится убедить кого-либо)

скептиков в реальности духа-формы, этот дух появился в комнате во время сеанса и разговаривал с Р. Д. Оуэном при всех. Спиритуалисты торжествовали в ту ночь, и доктор радовался больше прочих. Многие свидетели готовы это подтвердить, но похоже, что д-р Чайлд, когда его спрашивают, совсем забыл об этом факте.

В-пятых, кто то лицо, которое, по ее словам, она использовала для персонификации генерала Ролингса? Пусть он заявит о себе и поклянется в этом, дабы мы все увидели его сходство с покойным воином.

В-шестых, пусть она назовет друзей, у которых брала одежду, чтобы играть роли «Сантис» и «Ричарда». Они должны подтвердить это под присягой и показать эту одежду. Может ли она сказать, где достала блистающие одеяния второй и третьей сфер?

В-седьмых, в биографии Кэти Кинг есть только отрывки писем Холмса к «Фрэнку», опубликованные с целью уличить их в содействии фальсификации в Блиссфилде. Может ли она дать адрес дома и тех лиц, у которых останавливалась в Блиссфилде, штат Мичиган?

Лишь когда у нас будут удовлетворительные ответы, мы поверим, что только Холмсы виновны в этом обмане — спиритуализм еще не видел такого бесстыдства и наглости.

Я прочитала некоторые письма мистера Холмса, неважно, настоящие они или подделаны; бог наградил меня хорошей памятью и я помню несколько предложений, которые, к счастью для этой поэтической натуры, были изъяты пуритански настроенным редактором. Вот самое скромное из них:

Мой тебе совет, Фрэнк, *не надо стискивать локти*; что толку сгибаться от боли и затем снова сжимать кулаки.

О, Кэти Кинг!

Помните, все вышеизложенное относится к женщине, которая якобы была духом, описанным Р. Д. Оуэном такими словами:

В тот вечер я обратил внимание на особенную легкость и гармонию ее движений. В Неаполе я часто бывал в кругу людей с манерами придворных; но никогда я не видел, чтобы какая-либо женщина из высшего света превзошла Кэти.

И далее:

Известный художник из Филадельфии, после того как увидел Кэти, сказал мне, что он не часто встречал черты лица, которые были бы более классически правильными. «Ее движения и манера держаться, — добавил он, — настоящий идеал грации».

Сравните это описание восхищенного человека с прозаической цитатой из письма Холмса. Представьте, как идеал классической красоты и изящества *стискивает свои локти в пивном баре*», и судите сами!

В последнем номере «Религиозно-философского журнала» (от 27 февраля) была опубликована статья под редакцией д-ра Чайлда с очень поэтическим заголовком: «После бури выглянуло солнце». В ней мы читаем:

Я терпеливо ждал, когда утихнет ажиотаж вокруг дела Холмсов. Теперь я хочу сделать некоторые заявления и ответить на некоторые вопросы.

Чуть далее:

Все рассказы о моем знакомстве с миссис Уайт являются вымыслом.

И ниже:

Я не буду обращать внимание на разные сообщения о моих финансовых делах; хочу только отметить, что так и не смог вернуть себе деньги, данные займы Холмсам.

Я требую права ответить на вышеприведенные цитаты, особенно на вторую, где меня называют *лгуньей*. По моему скромному суждению, если и есть что-либо, заслуживающее большего презрения, чем ложь, то это сам *лжец*.

На все остальное в этом письме, или редакционной статье, называйте как угодно, ответа нет по причинам, хорошо известным читателям. Когда сердитый мистер Пэнкс (в «Крошке Дорит») отшлепал доброго Кристофера Кэсби, этот уважаемый патриарх поднял свои голубые глаза к небу и улыбнулся еще более доброй улыбкой. Пресса также изрядно потрясла и

отшлепала д-ра Чайлда, но он мило улыбается, как и мистер Кэсби, говорит о «солнце» и успокаивает своих обвинителей, уверяя, что «это все это вымысел».

Не знаю, откуда появилось «солнце» — наверное, оно светит из глубины невинного сердца доктора.

Что касается меня, то с тех пор как приехала в Филадельфию, я не видела ничего кроме уличной слякоти и грязи в этой изрядно надоевшей всем загадке Кэти Кинг.

Я бы советовала д-ру Чайлду не обвинять меня «в фальсификации» и не награждать меня какими-либо другими эпитетами. То, что я говорю, я могу *доказать*, и всегда готова это сделать. Если он не был участником этого преступного обмана, пусть прямо об этом заявит.

Если ему удастся оправдаться, то я первая порадуюсь за него и обещаю публично извиниться перед ним за «ошибочные подозрения» относительно его участия в этом деле, но сначала он должен доказать, что он совершенно невиновен. Резкими словами ничего не докажешь, и доктор не сможет выиграть, обвиняя других в «фальсификации». Если он не откажется от употребления эпитетов, подкрепленных вескими доказательствами, он рискует, как и в игре в бадминтон, получить назад посланный им волан и с гораздо большей силой, чем думает.

В своей статье д-р Чайлд пишет:

Все рассказы о моем знакомстве с миссис Уайт являются вымыслом. Она приходила ко мне два или три раза, но в прихожей было так темно, что узнать ее или кого-нибудь другого было невозможно. Я видел ее несколько раз и знаю, что она больше походила на Кэти Кинг, чем мистер(?) или миссис Холмс.

Mirabile dictu [странно сказать]! Это даже похлеще того, что говорил наш ученый друг доктор Бэрд. Тот полностью отрицает не только «материализацию», еще не доказанную наукой, но и любой феномен спиритуалистов. А д-р Чайлд отрицает свое знакомство с женщиной, которую, по его собственному признанию, «видел несколько раз», принимал в своем офисе, где ее не раз видели и другие, и в то же время признает, что «знал, что она выглядела как Кэти Кинг» и т.д. Кстати, у нас всех сложилось впечатление, что д-р Чайлд признался в

«The Inquirer», что он увидел миссис Уайт в первый раз и узнал в ней Кэти Кинг только в то утро, когда она давала письменное показание под присягой в офисе мирового судьи. Наверняка это была «фальсификация». В «Р.-ф. журнале» за 27 октября 1874 д-р Чайлд пишет:

Ваше сообщение не может и на минуту заставить меня усомниться в нашей Кэти Кинг, потому что она приходит и разговаривает со мной каждый день. Несколько раз Кэти приходила ко мне и просила меня и мистера Оуэна пойти туда [то есть к Холмсам]; чтобы повторить сказанное мне ранее.

Выяснил ли д-р Чайлд, где была миссис Уайт в то время, когда к нему приходил дух?

Что касается миссис Уайт, то я хорошо ее знаю. Она была у меня дома много раз. Я видела ее во время сеансов в Блиссфилде, после чего она уехала в штат Массачусетс.

Но доктор по-прежнему уверяет нас, что не был знаком с миссис Уайт. Как же в этом случае он понимает слово «знакомство»? Разве он не был в доме Холмсов, когда те отсутствовали, не разговаривал и не *ссорился* с ней? Наверно это еще одна вымышленная история. Пусть д-р Чайлд только попробует еще раз употребить слово «фальсификация» по отношению ко мне, прочитав то, что я оставила напоследок.

Во всем этом жалком лживом романсе «разоблачения» со слишком материальным духом-женщиной для нас не нашлось ни одного разумного объяснения хотя бы одного факта. Все началось с выдуманной биографии и сулит закончиться фальшивой дуэлью, ведь в каждой дуэли участвуют двое, но д-р Чайлд предпочитает получать экстракт солнечного света из огуречных плодов своей души и ждать пока шторм утихнет, а не бороться как настоящий мужчина за свое доброе имя. Он пишет, что «не будет обращать внимание на разговоры о его спекулятивных сделках с Холмсами». Он уверяет нас, что *они* ему должны. Очень может быть, только это не отменяет тот факт, что он платил им 10 долларов за каждый сеанс, а остальное клал себе в карман. Осмелится ли он это отрицать? Холмсы говорят нечто совсем иное, и их слова подтверждаются письменными показаниями разных свидетелей.

Некоторым Холмсы могут показаться негодяями, а для более предвзятых их поведение будет еще более предосудительным; но до тех пор пока их свидетельство не будет опровергнуто, их словам должны верить, как и словам д-ра Чайлда; да, даже перед присяжными «медиумы Холмсы» будут на одной скамье с любым пророком или ясновидцем, если бы к последним, как и к Холмсам, тоже пришли бы два *одинаковых* духа. До тех пор пока д-р Чайлд, действуя законными методами, не докажет, что Холмсы обманщики, а он невиновен, почему им нельзя доверять, как и ему?

Холмсов обвиняли с самого начала загадки Кэти Кинг, но ни один человек, насколько я знаю — даже сам д-р Чайлд — не доказал или хотя бы попытался доказать невиновность их бывшего кассира и регистратора. Тот факт, что каждое слово бывшего лидера и президента общества спиритуалистов Филадельфии будет подхвачено всеми изданиями спиритуалистов (здесь мы должны выразить удивление: доктор не спешит воспользоваться этой возможностью), а любое заявление Холмсов будет скорее всего отвергнуто, вовсе не значит, что виновны одни лишь они; это только покажет, что, несмотря на божественную правоту нашей веры и учений наших невидимых хранителей, некоторые спиритуалисты не научились от них справедливости и непредвзятости.

Этих «медиумов» подвергают гонениям; и в некоторой степени справедливо, ведь они сами признались в подделке фотографий, и тем не менее всё еще надлежит *доказать*, что сами духи лгали и к тому же управлялись Холмсами, то есть те обвинения, что выдвинуты против них; но что не менее справедливо — помимо клеветы и оскорблений в их адрес, они должны *одни* терпеть и нести всю тяжесть преступления, которое *невозможно* было совершить без *сообщников*. Похоже, никто не желает отнестись дружелюбно к этим двум беспомощным существам, которые если и согрешили, то по слабости и невежеству, и никто не желает сказать слово в их оправдание и поступить с ними по справедливости, добравшись до сути. Если их вина ясна как день, то не покажется ли нелепым тот факт, что их партнер, д-р Чайлд, крайне удивлен подозрениями по поводу его причастности! В истории известна только одна личность — законная супруга великого Цезаря —

чье имя, в соответствии с законом, оставалось вне подозрений. Мне кажется, если у д-р Чайлда и есть естественные претензии называть себя «Отцом Исповедником» Кэти Кинг, то прав быть таким же неуязвимым, как мадам Цезарь, у него нет. Я сама в этом уверена, и, более того, стремясь увеличить список исповедальных вопросов, которые наш не очень-то избретательный друг называет «фальсификациями», сообщу читателям еще один факт:

Фотография «Кэти» оказалась подделкой и доверчивая публика оказалась обманута — на фотографии была миссис Уайт. Об этом говорит красавица, «стиснувшая локти» в своей выдуманной автобиографии (гранки которой тщательно правил д-р Чайлд), письменное признание Холмсов, и, наконец, сам д-р Чайлд.

Из нескольких фальшивых фотографий этого так называемого духа самой фальшивой объявили — в основном основываясь на показаниях, подтвержденных д-ром Чайлдом и за его подписью — той, где самозванка Кэти Кинг стоит за медиумом.

Такой фотомонтаж было сделать очень трудно, и Холмсам, несомненно, пришлось посвятить фотографа в тайну.

Теперь д-р Чайлд отрицает, что сам фотографировался. И очень энергично — он даже говорит (этому есть свидетели и доказательства), что его не было в городе, он находился от него за 400 миль, когда делались эти фотографии. И это действительно так, да благословит Господь его ясновидящую душу. Он предавался медитации и болтал с нимфами и гоблинами у Ниагарского водопада, так что, если он заявит о своем алиби, то на сей раз это будет не «фальсификация», а правда.

К несчастью для правдивого д-ра Чайлда, «в чем добром имени, репутации честного человека и высоких моральных принципах никто не сомневается» — здесь мы цитируем слова автора, подписывающегося «Честность» и «Правда», прозрачные псевдонимы «любителя» обнаруживать, разоблачать и писать тайком, который пытался дать дружеский шлепок доктору в обеих статьях, но потерпел неудачу, — к несчастью для Х. Т. Чайлда, его посетило в недобрый час вдохновение написать одну статью, и, забыв важный девиз *verba volant, scripta manent* [слова улетают, написанное остается], опубликовать ее

в «The Daily Graphic» 16 ноября вместе с фотографиями Джона и Кэти Кинг.

Вот этот букет доказательств человека, «в чьих высоких моральных принципах никто не сомневается»:

Редактору «The Daily Graphic»:

Вечером 20 июля после успешного проведенного сеанса, в котором Кэти вошла в комнату, где было 30 человек и в которой ее фигура *полностью исчезла и вновь появилась*, она обратилась к мистеру Лесли и ко мне, что если мы, с четырьмя другими лицами, которых она назвала, останемся после сеанса, она попробует сфотографироваться. Мы так и сделали; присутствовало шесть человек, не считая фотографа. Я раздобыл пару дюжин магнелиевых спиралей и, когда все было готово, она открыла дверь кабинета и встала на проходе; в это время мистер Холмс по одну сторону, а я по другую жгли магний, освещая комнату ярчайшим светом. Мы использовали две пластины, но ничего не получилось.

Мы предприняли еще одну попытку 23 июля и имели успех. *Мы* спросили ее, не попробует ли она сфотографироваться при дневном свете. Она согласилась. *В 4 часа пополудни ставни открыли*. Вскоре появилась Кэти и сказала, что готова. Она попросила закрыть одно окно и держать шаль как защитный экран от света. Когда фотокамера была заряжена, она вышла и встала за шалью в середине комнаты, от камеры она находилась в шести-восьми футах. После первого снимка она вернулась в кабинет.

Мистер Холмс попросил разрешения сесть напротив камеры и предложил ей положить руку на его плечо. Она согласилась, но пожелала, чтобы все присутствующие *не смотрели ей в глаза*, так как это ей очень мешало...

На второй фотографии она стоит за мистером Холмсом. После того как объектив закрыли, было видно, что Кэти очень ослабла, ее необходимо было довести до кабинета, а *когда она подошла к двери, то казалось, что она готова провалиться сквозь пол, и тут же исчезла(?)*. Кабинет открыли, но ее там не было. Через несколько минут она вновь появилась, сказав, что не достигла нужной степени материализации, и выразила желание попробовать еще раз, если *мы* согласны подождать. *Мы* ждали около четверти часа, затем услышали стук в кабинете; это означало, что она готова выйти. Она вышла, и *мы* получили *третий* негатив.

(подписано) Д-р Х. Т. Чайлд

Вот, значит, как обстоят дела, д-р Чайлд: *мы* получили это, *мы* сделали то и се и много других вещей. Так ли это?

Кроме правдивых заверений д-ра Чайлда о том, что его не было в городе, особенно когда делали *третий снимок*, у нас имеется свидетельство фотографа, д-ра Сельгера, и других. Надеюсь, д-р Чайлд не будет отрекаться от своей собственной статьи.

Эта статья у меня, я храню ее вместе с другими такими же странными материалами, где все написано черным по белому. Так кто же занимается фальсификацией? Может ли доктор дать на это ответ?

Как он выкарабкается из этой дилеммы? Смогут ли лучи его спиритического «солнца» растворить этот противоречивый факт? Вот статья, занимающая две большие колонки в «The Daily Graphic», в которой он утверждает, что *сам присутствовал*, когда Кэти Кинг фотографировалась, что дух появлялся при *дневном свете*, что Кэти *исчезла* и что он, д-р Чайлд, помогая обессиленной Кэти, видел, что в кабинете никого не было, так как *дверь была открыта*. Кому он помогал? Чье трепетное сердце было так близко к его руке и жилету? Была ли это симпатичная Элиза? Конечно, фотографии раскупили мгновенно: такие надежные показания такого доверительного свидетеля. А кто получил вырученные деньги? У кого они остались? Если д-ра Чайлда не было, когда делали снимки, тогда статья про них «явный вымысел». С другой стороны, если он говорит правду и действительно присутствовал при попытке подделки фотографий, тогда он знал, «кто был кто в 1874 году», как знал это фотограф, и не нужно иметь острое зрение Аргуса, чтобы отличить при дневном свете материализованный, эфирный дух от обыкновенной «машущей руками» смертной женщины, которую доктор «хорошо знал», хотя и *не был с ней знаком*.

Если наши самозванные лидеры, наши выдающиеся рекордисты феноменов будут жульничать и обманывать публику такими надежными сообщениями, как это, то что же тогда спиритуалисты удивляются огромному количеству насмешников, которые если и не называют нас в лицо «лгунами и шарлатанами», то вежливо принимают за лгунов. Не «медиумы», иногда пускающиеся на обман, мешают нашему прогрессу: иногда это экзальтированные преувеличения фанатиков, а иногда намеренные, бесстыдные утверждения тех, кто насла-

ждаются «фальсификациями оптом» и «ложью во спасение» — именно это помешало быстрому распространению спиритуализма в 1874 году и полностью остановило его в 1875. Кто знает, как долго это продлится.

В своей статье «После бури выглянуло солнце» доктор меланхолично заметил:

Есть мнение, что я оказался подвержен обману в большей степени, чем другие, так как был сенситивом [О, бедный Йорик] и находился в самой атмосфере лжи, окутывающей этих медиумов [Холмсов].

Мы трепещем при мысли, что такая чувственная натура подверглась воздействию такой грязной среды. Увы! Наш голубок испачкался! Каким же надо быть чувствительным к пагубным воздействиям, чтобы пуститься на столь грандиозную фальсификацию, изобретать небылицы и подтверждать то, чего не было и не могло быть. Если д-р Чайлд, жертва своей слишком чувственной природы, так легко поддается контролю злой «Диакка», то наш ему дружеский совет бросить спиритуализм и как можно быстрее вступить в Христианский молодежный союз; тогда, под крылом истинной Правовой Церкви, он может начать борьбу с Дьяволом, как второй св. Антоний. Диакка, перед которой он не устоял у Холмсов, не чета христианскому дьяволу, и если он не мог противостоять только силой своей чистой души, то он, может быть, одолеет Сатану «колоколом, библией, свечой» и святой водой, восклицая, как это делали до него другие «Отцы Исповедники», «Exorciso vos in nomine Lucis!» и празднуя победу бодрым *Laus Deo* [хвала Господу].

Филадельфия, март 1875 г.

ГЕКСЛИ И СЛЕЙД

Спор, разгоревшийся между мистером Халлоком и мистером Гёксли, напоминают мне двух ученых, смотрящих в телескоп на удаленное тело. Доктор правильно настроил телескоп и может неторопливо изучать объект, а естествоиспытатель, забыв снять крышку с объектива, не видит ничего, кроме своего собственного отображения.

Хотя материалистам будет трудно ответить даже на слабую критику доктора, лекции мистера Гёксли в Нью-Йорке, как мне кажется, наводят на одну важную мысль, о которой д-р Халлок не говорил. Должна прежде всего отметить для тех, кто читает отчеты об этих якобы иконоборческих лекциях, что мы имеем дело с одним из «ложных заявлений» современной науки. После его блестящего появления перед публикой и всех ожиданий, скрытого опасения церкви и предвкусшаемого триумфа материалистов, чему новому он научил нас или хотя бы намекнул? Ничему, абсолютно *ничему*. Если на мгновение забыть что он личность, перестать слышать его хорошо поставленный голос и не обращать внимания на его славу, то можно написать: «Заслуги Томаса Х. Гёксли, 1 000 фунтов стерлингов».

О нем можно сказать, как и о других учителях до него: неправда, он не сказал ничего нового, а оглашенные им истины были уже известны до него.

Не вдаваясь в подробности, достаточно сказать, что материалистическая теория эволюции далеко не полностью доказана, а то, что мистер Гёксли *не* понимает — то есть *двойственную эволюцию*, духа и материи, — мы находим в виде раз-

ных легенд в самых древних частях Ригведы («Айтарей брахмана»). Только эти темные индусы, кажется, несколько пре-
взошли современную науку, связав Первопричину с дальним
звеном цепи эволюции.

В «Чатурхотри мантра» (Пятая книга «Айтарейи брахманы») богиня *Eath (Iyam)*, которую называют Королевой Змей (*Sapra*), ибо она мать всего движущегося (*Sarpas*), с момента начала времени не имела ни единого волоска на голове. Она представляла из себя *голову*, мягкую на ощупь, т.е. «желатиновую массу». Отсутствие волос было ей очень неприятно, и она позвала на помощь великого *Вайю*, властелина *воздушных* просторов; она просила его научить ее мантрам (заклинания или священные молитвы, являющиеся частью Вед), которые наделили бы ее волшебной силой создавать вещи. Он согласился, и как только она произнесла мантры «в правильном ритме», у нее вдруг выросли волосы (растительность). Теперь она стала твердой, ибо *дыхание властелина воздуха коснулось ее* — шар остыл. Она стала разноцветной и разнородной и неожиданно обрела способность создавать из себя любые живые или неживые формы и *превращать эти формы друг в друга*.

Следовательно, точно так же [говорит священная книга] человек, обладающий этим знанием [мантр] получает способность обрести любую форму.

Едва ли следует говорить, что эту аллегория можно понимать по-разному, как например, что древние индийцы, за много веков до Христианской эры, учили доктрине эволюции. Мартин Хауг, специалист по санскриту, утверждает, что Веды уже существовали в период с 2000 по 2200 гг. до Р.Х.

Таким образом, теория эволюции не является чем-то новым, ее можно считать давно известным фактом, а вот новые идеи, навязываемые общественности мистером Гёксли, есть всего лишь непроверенные гипотезы, которые могут в любой момент рухнуть, если появится какой-либо противоречащий им факт. Но мистер Гёксли, обращаясь к общественности, не признается в этом и говорит о своих теориях так же смело, как и о доказанных научных фактах, подтвержденными неопровержимыми законами природы. Несмотря на это, мир, похоже, должен окружить почетом великого эволюциониста

уже только из-за того, что имя его стоит рядом с именем великого ученого.

Что же это, как не одно из «ложных заявлений» лжеученых? Но Гёксли и его поклонники обвиняют верящих в эволюцию духа в ложности их заявлений, потому что, воистину, наши теории еще не нашли неопровержимого подтверждения. Те, кто верят в духов Слейда — «помешанные», а те, кто видит эмбрион человека в «желатиновой массе» Гёксли, считаются прогрессивными умами своей эпохи. Слейда ведут в суд за то, что он взял пять долларов в Ланкастере, в то время как Гёксли победно удаляется с пятью тысячами американских долларов в кармане, которые он получил, сообщив нам чудесную весть о том, что человек произошел от четырехпалой лошади!

Но, строго говоря, чем отличается теоретик-материалист от теоретика-спиритуалиста? И в какой степени эволюция человека — независимая от вмешательства божественного и духовного — лучше доказуема костью пальца ноги вымершей лошади, чем эволюция и выживание человеческого духа, утверждаемая по записям какой-либо невидимой силы или сил на почти разрушенной временем табличке? И вот опять, бездушного Гёксли, усыпанного цветами, уносят, как мертвеца на похоронах — но он победитель и будет побеждать опять, стяжая новую славу, а бедного медиума ведут к полицейскому судье как «бродягу и мошенника», хотя доказательства его вины были бы совсем неубедительны для непредвзятых присяжных.

Сложно опровергнуть, что психология весьма спорная наука и современный физиолог едва ли осмелится ступить на эту зыбкую почву. Я очень сочувствую сбитым с толку изучающим физические аспекты природы. Мы все хорошо понимаем, как неприятно должно быть ученому теоретику, стремящемуся сделать из хобби общеизвестную истину, постоянно сталкиваться со лживыми утверждениями своего беспощадного и неутомимого антагониста — психологии. Действительно грустно видеть, как взлелеянные материалистические теории становятся все более несостоятельными, пока не начинают напоминать мумий, обмотанных в покрывала, сотканые им самим и расписанные фразами из его любимого набора софис-

тики. В своей логике, которая убедительна только для них, эти сыны материи отвергают все свидетельства кроме собственных: божественную сущность *daimonion* Сократа, духа Цезаря и *Divinum Quidam* Цицерона они приписывают эпилепсии, а также утверждают, что оракулы иудейского *Батх-Кола* страдали врожденной истерией!

А теперь великий специалист по протоплазме доказал, что лошадь произошла от *Orohippus*, четырехпалой лошади эоцена, которая, пройдя через миоцен и плиоцен, стала современной честной *Equus*, но доказывает ли этим Гёксли, что человек тоже произошел от существа, у которого тоже был один палец на ноге? Отсутствие нужных конечностей еще не аргумент. Чтобы быть последовательным, он должен доказать, что в то время как его лошадь теряла с каждой геологической эпохой по пальцу, у человека появлялся дополнительный палец на ноге, и какой толк в теории Гёксли, пока нам не покажут ископаемые останки одно-, двух-, трех- и четырехпалого антропоида, предшественника современному *Homo*. Никто не сомневается, что всё развивается из предшествующих видов. Но дело обстоит так: Гёксли заставляет нас гадать, эволюционировал ли человек от лошади или же сама *Equus* в древности произошла от примитивного вида человека!

Таким образом, используя этот аргумент в ситуации со Слейдом, мы можем сказать, что независимо от того, являются ли духи древних обезьян авторами записей на его табличке или же это бандиты и потомки Ланкастера, Слейд не более виновен в *ложных заявлениях*, чем эволюционист стоимостью в пять тысяч долларов. Гипотеза ученого или медиума не является ложным заявлением, в отличие от необоснованной теории, особенно когда за последнюю платят деньги.

Если же нам предъявят окостенелые останки эллинской или римской эпох, мы согласимся, что такая эволюция действительно имела место, но разве при этом можно отрицать возможность эволюции духа? Есть две стороны вопроса, и это никто не будет оспаривать, кроме закоренелых ненавистников психологии. Можно утверждать, что даже если спиритуалисты и продемонстрировали бы голые факты, их концепция изложена не полностью, ибо там есть недостающие звенья. Но и у эволюционистов не все гладко. У них есть окаменелые остан-

ки, доказывающие, что предкам современной лошади Господь дал три и даже четыре пальца, «четвертый соответствовал мизинцу на нашей руке», и что *Protohippus* возликовал, когда у него начала развиваться рука; спиритуалисты же, в свою очередь, показывают нам полностью руки и даже тела в подтверждение своей теории о том, что мертвые живут и вновь приходят к нам. Я считаю, остеологи ничем не лучше спиритуалистов. И те и другие следуют индуктивному и чисто научному методу, от частного к общему; таким образом богатое воображение Кювье, наткнувшегося на маленькую кость, делает из нее мамонта. Факты ученых не более убедительны, чем спиритуалистов, но первые строят теории на недавних фактах, тогда как у спиритуалистов есть свидетельства многих поколений, появившихся задолго до прихода современной науки.

Нам говорят, что индуктивная гипотеза верна в том случае, если факты полностью ее подтверждают. Следовательно, если Гёксли полагает, что обладает окончательным доказательством эволюции человека генеалогически от лошади, спиритуалисты также могут утверждать, что существует доказательство эволюции духа из тела — в более или менее материализованных частях тела, — которые можно видеть в темных углах кабинета или даже при ярком свете, и этот феномен признавали и подтверждают бесчисленные поколения мудрецов любой страны. Что же касается мнимого превосходства современной науки над наукой древней, то об этом превосходстве утверждает первая. Это тоже гипотеза, и ее еще надо доказать убедительными фактами. Достаточно вспомнить лекцию Уэнделя Филиппа «О забытых искусствах», и сразу появится недоверие к заявлениям современной науки.

Говоря о свидетельствах, странно видеть, что разным людям, одинаково достойным доверия, верят по-разному. Вот что говорит отец протоплазмы:

Невозможно, чтобы на чью-либо жизнь не оказывали влияние, в большей или меньшей степени, взгляды этого человека на историю событий. В первую очередь непосредственные свидетельства, затем свидетельства, записанные очевидцами.

Вот именно на таких свидетельствах, очень полно изложенных в Библии (мистер Гёксли его отвергает) и у многих

других менее проблематичных авторов, чем Моисей, среди которых есть великие философы, маги и непрофессионалы, спиритуалисты имеют право основывать свои фундаментальные доктрины. Далее, рассуждая о разнице между доказательствами, некоторые из которых представляют меньшую ценность, поскольку они не вполне достоверны или же причины их возникновения не вписываются в логику и становятся несостоятельными при тщательном изучении, этот специалист по желатину замечает:

Например, если я читаю в вашей истории Теннесси [Рамзи], что сотню лет назад эту страну населяли бродячие дикари, моя вера в это утверждение основана на убеждении, что мистер Рамзи руководствовался такими же мотивами, что и современные люди... что он сам, как и мы, не хотел делать ложных заявлений... Если вы читаете «Комментарии» Цезаря, где он описывает битвы с галлами, вы доверяете ему в какой-то степени. Вы принимаете его свидетельство, думая, что Цезарь не стал бы делать ложные заявления, разве что он сам в них верил.

Глубокая философия! Бесценные мысли! Жемчужины концентрированной желатиновой истины! Да прилепятся они надолго к американскому уму! Мистеру Гёксли следует посвятить остаток дней составлению букварей для слабоумных в Соединенных Штатах. Но зачем выбирать Цезаря в качестве примера тех античных авторов, кому можно верить? И если мы должны безоговорочно верить его сообщениям о сражениях, то зачем же сомневаться в его вере в авгуров, предсказателей и призраков? — ибо вместе со своей женой Кальпурнией он верил в них так же твердо, как современный спиритуалист верит в медиумов и феномены. Нам также кажется, что кроме Цезаря ни Цицерон, ни Геродот, ни Ливий, ни многие другие на «стали бы делать ложные заявления» — «разве что они сами в них верили».

Доктрина эволюции, как уже было показано, излагалась уже в Ригведе, и я могу добавить, что эту же доктрину можно найти в наиболее древних книгах Гермеса. Это бросает большую тень сомнения на претензию на оригинальность, выдвинутую современными учеными, но что же нам думать, если мы вспомним, что о той самой лошади с пальцами, чьи следы так обрадовали мистера Гёксли, упоминали древние писатели

(Геродот и Плиний, если не ошибаюсь), и она также была предметом оскорбительного смеха французских академиков? Пусть желающие проверить этот факт ознакомятся с «Философией оккультной науки», написанной Салверти и переведенной Тоддом Томпсоном.

Когда-нибудь будут найдены окончательные доказательства надежности свидетельств древних писателей о психических феноменах. То, что сделал Нибур, немецкий материаллист, с «Историей» Ливия, из которой он изъял все до одного факты о сверхъестественных феноменах, единодушно решили делать все ученые с древними, средневековыми и современными источниками. Все, что касается физической стороны вещей, они принимают, а иногда и присваивают, но все, что поддерживает спиритуалистическую философию, они отвергают как мистическое и противоречащее природе. В таких случаях доказательства и показания свидетелей в счет не принимаются. Они принимают тактику, противоположную стратегии лорда Верулама, который, рассуждая о чарах и свойствах амулетов, замечает:

Их нельзя отвергать, ибо мы не знаем, насколько то, что считается предрассудком, зависит от естественных причин.

Мысль не может стать по-настоящему свободной, а наука не сделает новых больших открытий, пока не будет признано существование духа и двойственной эволюции. До той поры к лживым теориям всегда будут благосклонны те, кто, забыв о «Боге своих отцов», тщетно пытаются найти замену в атомной структуре материи. И из всех достойных сожаления вещей в эту эпоху «подделок» больше всего презрения заслуживает (до смехотворности тщетный) заговор некоторых ученых в попытке своей однобокой теорией эволюции уничтожить дух, а заодно и спиритуализм, приводя медиумов в суд по обвинению в «ложных заявлениях».

ФАКИРЫ И ЛЕТАЮЩИЕ СТОЛЫ

Может быть я и профан в законах, управляющих солнечной системой, но в любом случае твердо верю в гелиоцентрическую журналистику и сделаю несколько замечаний «The Sun» по поводу своего «иконоборства».

Бесспорно, для скромной иностранки большая честь оказаться под огнем полемических выступлений двух выдающихся личностей вашей великодушной страны — воистину добрым дьяконом Ричардом Смитом и сладостно поющим соловьем Дж. Вашингтоном Чайлдсом, мастером искусств. Я не индусский факир и мне не нравится оказываться в огне, особенно когда я этого не заслуживаю. И мне также не нравится, выражаясь образно, быть привязанной к столбу и пронзенной стрелами вашей сатиры. Я не приглашала журналистов на подобное представление. Не искала дурной славы. Я всего лишь поселилась в тихом уголке вашей страны, и, как женщина, которая много путешествовала, пытаюсь рассказать обществу Запада необычные вещи, которые наблюдала на Востоке. Меня не было бы здесь, будь у меня возможность сделать это в России. Но поскольку я здесь, то «скажу всю правду», как гласит старая английская поговорка.

Посетивший меня репортер «The World» написал статью, в которой перепутал свои воспоминания о чучелах моих обезьян, канареек, тигровых голов и пальм с эфирной музыкой и похожими на тени двойниками адептов. Эта была очень интересная статья, и конечно, автор не хотел показаться предвзятым. Если читатели усмотрят в ней отрицание мною законов природы или косвенное утверждение о возможности чудес, то

виноват либо мой плохой английский, либо невнимательность самих читателей.

Нет более бескомпромиссных верующих в непреложность и универсальность законов природы, чем оккультисты. Оставим в покое, с вашего разрешения, великого Ньютона. Я не отрицаю закон гравитации или притяжения Солнца, но я против утверждения, что кроме закона, утверждающего, что центр Земли притягивает к себе тела — это самый наглядный для нас пример гравитации — нет другого, такого же справедливого, закона, способного при определенных обстоятельствах нейтрализовать первый.

Если мы хотя бы раз в сто лет наблюдаем, как факир или стол висит над землей без видимых механических причин, то можно говорить, что явление это есть результат закона природы, о котором ученые еще ничего не знают. Христиане верят в чудеса; оккультисты верят в них даже меньше, чем набожные ученые, как например, сэр Дэвид Брустер. Попробуйте показать оккультисту неизвестный ему феномен, и он никогда не будет утверждать *a priori*, что это фокус или чудо. Он будет искать причину в условиях возникновения феномена.

В 1854 году, когда шла настоящая война между Академией и «танцующими столами», по Парижу ходил анекдот про астронома Бабине. Этот ученый-скептик заявил в «*Revue des Deux Mondes*» (январь 1854 г., стр. 414), что левитация мебели без физического контакта «так же невозможна, как и вечный двигатель». Спустя несколько дней во время сеанса в его присутствии стол поднялся в воздух без физического воздействия. В результате Бабине сразу же отправился к зубному врачу и тот удалил ему коренной зуб, потому что иконоборческий стол во время левитации двинул в челюсть астроному-скептику. Однако статья уже пошла в печать, и вернуть ее было невозможно.

Думаю, девять из десяти человек, включая редакторов, верят в то, что волновая теория света одна из самых убедительных. Однако если открыть страницу 22 в «*The New Chemistry*», написанной проф. Иосией П. Куком-младшим из Гарвардского университета (Нью-Йорк, 1876), мы прочтем:

Я не могу согласиться с теми, кто считает волновую теорию света окончательно установленным принципом науки... Следует учитывать комбинации свойств эфира пространства, и я с большим трудом могу поверить, что сейчас кто-то в этом действительно разбирается.

Что же это, как не иконоборство?

Надо помнить и то, что сам Ньютон соглашался с корпускулярной теорией Пифагора и его предшественников, и только *en désespoir de cause* [по причине отчаяния (*фр.*)] ученые приняли волновую теорию Декарта и Гюйгенса. Кеплер полагал, что Солнце имеет магнитную природу. Лейбниц считал, что планеты двигаются благодаря возмущениям эфира. Борелли предвосхитил открытие Ньютона, но ему не удалось преподнести его так же эффективно, как это сделал последний. Гюйгенс и Бойль, Хоррокс и Хук, Халли и Рен — все они думали о центральной силе, действующей по направлению к Солнцу, и об истинном принципе уменьшения действия этой силы пропорционально обратному квадрату расстояния. О гравитации еще не сказано последнее слово, но из-за того лишь, что природа Солнца пока что мало изучена.

Ученые только сейчас начинают осознавать (смотри лекцию «Солнце и Земля» проф. Бальфура Стюарта, прочитанную в Манчестере, а также лекцию проф. А.М. Майера «Земля как огромный магнит») тонкую связь между пятнами на Солнце и положением небесных тел. Только сейчас начинают говорить о межпланетных магнитных притяжениях. До тех пор, пока полагают, что гравитация есть лишь магнитное притяжение или отталкивание, и покуда не будет лучше понята роль магнетизма в бесконечных взаимодействиях сил в эфире пространства — этой «гипотетической среде», как называет её словарь Вебстера — я смело говорю, что неумно и несправедливо отрицать факты левитации факиров или столов. Тела с противоположными электрическими зарядами притягивают друг друга; если же заряды одинаковы, то они отталкиваются. Представьте, например, что любому телу, имеющему вес, будь то человек или предмет, может, по внешней или внутренней причине, быть сообщена полярность, идентичная полярности опоры, на которой он находится — что же помешает подняться этому телу в воздух?

Прежде, чем уличать меня во лжи, когда я утверждаю, что наблюдала левитацию как людей, так и предметов, вы прежде всего должны опровергнуть свидетельства более известных лиц, чем я. Мистер Крукс, проф. Тьюри из Женевы, Луи Жаколио, ваши д-р Грей и д-р Вагнер и сотни других могут подтвердить, от первого слова до последнего, феномен левитации.

Я удивлена, что редакторы даже такого солидного издания, как «The World», мало знакомы с восточной метафизикой вообще и не имеют представления о штанах факиров-индусов в частности. Глупо писать, что святые эти нищие, исповедующие религию Брахмы, все вышли из буддийских монастырей Тибета, и уже совсем не годится одевать их в широкие шаровары при выполнении религиозных функций.

Это примерно как если бы журналист-индус, желая показать скромность его преподобия мистера Бичера, описывал бы его выходящим на кафедру в скудном облачении факира — только в *dhoti*, набедренной повязке, и больше ничего. А потому объяснение часто наблюдаемых левитаций, демонстрируемых браминами и гуру, наличием спрятанного под одеждой куска железа — настолько же логично, как и объяснение монсеньера Бабине, утверждавшего, что произвольные движения стола и непонятно откуда взявшееся постукивание происходит благодаря бессознательному чревовещанию.

Вы можете не верить, что у человека могут удалить кишечник, но могу заявить, что сама видела, как это делают. Вы правильно говорите, что это «удивительно», но все же чуда здесь нет. Ваше предложение, что д-ру Хаммонду следует самому пронаблюдать это, заслуживает внимания. Наука от этого только выиграет, а ваш скромный корреспондент получит свидетельство в ее поддержку. Однако можете ли вы дать гарантию, что он представит миру скептиков пример «правдивого изложения», если результаты его наблюдений будут противоречить теориям того, что мы условно называем наукой?

С уважением,

Е.П. Блаватская.

Нью-Йорк, 28 марта 1877 г.

ИНДИЙСКИЕ МЕТАФИЗИКИ

«Как две горошины из одного стручке» — традиционный символ общего сходства. Такое сравнение напрашивалось само, когда я читала пару писем наших замаскировавшихся противников, опубликованные в «The New York Sun» от 22 февраля [1887 г.]. По своей сути они столь идентичны, что можно предположить, что их писал кто-то одновременно двумя руками, как Поль Морфи способен играть две партии в шахматы или Коссус — диктовать два письма одновременно. Единственное различие между этими двумя письмами, похожими, если их положить рядом, на двух младенцев в одной кроватке — это то, что послание «М. А. Контаба» написано учтиво и лаконично, в то время как творение «Скрутатора» неучтиво и нудно.

По странному совпадению, оба этих метких стрелка ведут свой огонь надежно укрывшись за спиной некоего «ученого оккультиста», мнение которого процитировал м-р К. К. Массей в письме, опубликованном 10 мая 1876 года. То ли по иронии судьбы, то ли еще по каким причинам, точку зрения этого «ученого оккультиста» они используют как оружие против полковника Олькотта и меня, будто бы эти их снаряды могут хоть как-то нас задеть. По одной простой причине «ученый оккультист» ничуть не более и не менее учен, чем ваша покорная слуга — ибо это одно и то же лицо. Выдержки, опубликованные м-ром Массеем, были взяты им с разрешения из моего письма к нему. Более того, оно сейчас передо мной; и я не нахожу ни одного слова, кроме одной незначительной описки, которое я хотела бы изменить. Я повторяю то, что го-

ворила и раньше; теории 1876 года ни в одном аспекте не противоречат теориям 1878. И я попытаюсь это доказать, но прежде покажу читателям, на какой шаткой почве стоят наши критики. Их аргументы против теософии (особенно «Скрутатора») похожи на зеленый мох, образующий бархатистый, без корней и кочек, зеленый ковер, под которым скрывается глубокое болото.

Если кто-то участвует в полемике под псевдонимом, ему следует быть осторожным вдвойне, дабы избежать обвинения в преднамеренном пользовании маской для безнаказанного оскорбления своих оппонентов. Кто же или что есть «Скрутатор»? Священник, медиум, юрист, философ, физик (определенно не метафизик) или еще кто? *Quien sabe?* Хотя его аргументы переплетаются с высказываниями, цитируемыми из наших писем, все же критика его ни разу не коснулась того, что действительно написано нами. Он бичует то, что, как он думает, мы могли подразумевать или что наши предложения могли бы значить. Строя свои умозаключения на том, что существует единственно лишь в глубинах его воображения, он сам изобретает смыслы, конструирует и с упоением изливает на это свой праведный гнев. Пусть он не принимает это слишком всерьез, ибо, с «крайним бесстыдством» размножая «глупости», я все же буду чувствовать себя неловко, если обойдусь со «Скрутатором» так же грубо, как и он с нами — но когда я увижу собаку, гонящуюся за тенью своего хвоста, я вспомню о его письме.

Гадая, что же значит «Скрутатор», я обратилась за помощью к Вебстеру,¹ может он даст мне ключ к разгадке псевдонима. «Скрутатор, — пишет знаменитый лексикограф, — это дотошно ищущий, копающийся в чем-либо человек». Он производит это слово от латинского *scrutari* — «искать в тряпье». Происхождение же латинского *scrutari* он прослеживает от греческого корня, означающего «мусор, мишура». Что ж, результат этого непредубежденного анализа довольно точно согласуется с действительностью: мы можем рассматривать это *nom de plume*, как вполне подходящее к его письму от 22-го февраля, но неудачное для него самого, ибо в лучшем случае

---

¹ Имеется в виду популярный Вебстерский словарь. — *Прим. пер.*

делает из него нечто вроде литературного *chiffonnier*, роющегося в куче словесного мусора в поисках оскорбительных прилагательных для резких выпадов в наш адрес. Я хочу еще раз повторить, что когда анонимный критик обвиняет двух людей в клеветнических нападках (на самом деле являющихся лишь плодом его воображения) и «непостижимых абсурдностях», он должен, по крайней мере, быть уверен, во-первых, что до конца понимает, что подразумевает под «доктринами» своих противников, и во-вторых, что его собственная философия непогрешима. Более того, я хочу добавить, что когда такой критик позволяет себе именовать понятия других людей (даже и наполовину не поняв их смысла) «непостижимым абсурдом», он должен быть очень осторожен, внося в дискуссию в качестве аргументов сектантские домыслы куда более «непостижимые» и не имеющие ничего общего ни с наукой, ни с философией.

Я думаю, — блистательно аргументирует «Скрутатор», — мозг младенца — слабое и совершенно непригодноеместилище для интеллекта; то есть я хочу сказать, что Иисус мог утратить свой интеллект, когда Он вошел в тело и мозг ребенка. (!?)

Этот Иисус-ребенок «Скрутатора» — явная противоположность Оливеру Джонсону.

Такой аргумент вполне может применяться в дискуссиях между двумя догматическими сектами, но если уж копаться «даже в тряпье», то выглядит «крайней наглостью», выражаясь языком самого «Скрутатора», использовать его в философских спорах, будто это научно и исторически доказанный факт! Если я с самого начала отказалась от спора с нашим другом «М. А. Оксоном», которого я ценю и уважаю как лишь очень немногих в этом мире, только лишь потому, что он основывается на «кардинальных догмах», то я не намерена терять ни минуты на теософские дебаты с представителем затасканного христианства, чьи изыскательские способности не помогли ему пойти дальше принятия слов последнего из Аватаров в их нефилософском, мертвом, чисто буквенном значении, не помогли заподозрить существование некоего скрытого, символического смысла. Выставление в претендующем на философскую глубину споре потерявших свой авторитет цер-

ковных догм совершенно неэффективно и прекрасно показывает невероятную скудость источников. Почему бы «Скрутатору» не обратить свои изошренные, *ex cathedra* [«с кафедры», непрерываемо (*лат.*)] ругательства на Королевское общество, которое обрекает на полное уничтожение всех смертных: и теософов, и спиритуалистов, и чистых, и нечистых?

С сокрушающей иронией он именуется нас «нашими учителями». Что ж, я еще раз повторю то, что подробно объясняла в предыдущем своем письме. Мы не предлагали себя в учителя, но, наоборот, всегда отклоняли подобные предложения. Просто наш уважаемый друг м-р О. Сулливан, который не только видит во мне «буддистскую жрицу» (!), но и, безо всяких на то оснований, приписывает мне организацию Теософического общества и его отделений, считает это высшей похвалой. Если бы полковник Олькотт был бы «психологически подчинен» мною хотя бы наполовину в той мере, как говорят газеты, он последовал бы моему совету и не стал опубликовывать наши «мнения» даже по вопросам, столь часто задаваемым нам. Но с характерным упрямством он решил идти своим собственным путем и теперь пожинает следствия взрыва этой бомбы в осинном гнезде. Вместо того чтобы воспользоваться удобным случаем для спокойного обсуждения, нам шлют примитивные оскорбления. Хорошо, позвольте тогда и нам, возможно, в более лицеприятной форме, ответить тем же и отправить наших оппонентов раскапывать ответы на их вопросы «в тряпье». И пусть им поможет м-р К. К. Массей, провозглашенный «Скрутатором» вождем!

Еще никто из наших критиков не понимал нашей точки зрения так плохо, как «Скрутатор». Он настойчиво извращает понятие «элементарии» и устраивает жуткую путаницу между духом и материей. Об элементариях он говорит следующее:

Этот модный, неясного значения термин... появился около двух лет назад.

Одно это высказывание доказывает, что он вступает в дискуссию без малейшего понятия о предмете спора. Очевидно, он не читал ни средневековых, ни современных каббалистов. Генри Кунрат неизвестен ему, также как и аббат Констант. Пусть он сходит в Британский Музей и попросит там

«Amphitheatrum Sapientae Eternae» Кунрата. Он может найти там гравюры, иллюстрирующие четыре основных класса элементарных духов, как их видели маги, снявшие Покров Изиды, во время вызываний на магических церемониях. Автор объясняет, что это развоплощенные, порочные личности, разделенные со своим божественным Духом и, вследствие этого, ставшие подобными зверям. После того как он прочтет этот фолиант, он может с большой пользой для себя проконсультироваться у Элифаса Леви, который постоянно использует в «Догмах и ритуалах высшей магии» слова «элементарные духи», в обоих смыслах, в каких их употребляем мы. Особенно это касается момента, когда он рассказывает о вызывании им Аполлония Тианского (т. I, с. 262). Цитируя великий авторитет каббалистики, он говорит:

Если человек прожил жизнь хорошо, астральное тело или дух испаряются подобно чистому фимиаму, потому что он поднимается навстречу самой высшей религии; но если человек жил в преступлении, его астральное тело, удерживая его, как заключенного, снова выискивает объекты страсти и желает вернуться к его жизненному пути. Он беспокоит сны молодых девушек, купается в парах пролитой крови и нависает над местами, где протекали удовольствия его жизни; стережет зарытые им сокровища, изнуряет себя бесплодными усилиями раскрыть тайну телесного бессмертия. Но звезды притягивают и растворяют его; он чувствует, что его разум слабеет, он постепенно теряет память, и все его существо разжижается... Его старые пороки являются ему в качестве инкарнаций и насылают на него чудовищные формы; они нападают и терзают... Этот несчастный таким образом теряет все свои члены, которые служили его греховным аппетитам; потом он умирает во второй раз и уже навсегда, потому что теперь лишается своей личности и памяти. Души, которым еще предстоит жить, но которые еще не полностью очистились, остаются на более долгое или на короткое время пленниками астрального тела, но очищаются посредством одического света, который проливается на них, чтобы ассимилировать и растворить. Чтобы избавиться от такого своего тела, некоторые страдающие души иногда входят в тела живых людей и остаются там на некоторое время в состоянии, которое каббалисты называют *эмбриональным*.

Именно эти астральные трупы вызываются посредством некромантии (и я могу добавить — «материализованные духи», вызываемые несознательной некромантией неосторожных медиумов, в тех случаях, когда эти формы не преобразуются от их собственных

двойников). При вызывании вы вступаете *en rapport*¹ с лярвами, субстанциями мертвыми или умирающими.

Далее Леви пишет:

Астральный свет насыщен элементарными душами... Да, да, эти духи элементов существуют. Некоторые из них блуждают в своих сферах, другие пытаются воплотить себя, третьи уже достигли этой цели и живут на земле — это все порочные, несовершенные люди.

И перед лицом этих показаний, которые можно найти в Британском музее, всего в двух шагах от офиса «*The Spiritualist*» (!), которые давались каббалистами о элементариях и их потенциальном разложении еще со средних веков, «Скрутатор» позволяет себе упрекать теософов в «наглом» навязывании спиритуалистам «нововведенного и неясного по значению термина», которому «не более двух лет»!

Истинно, мы можем сказать, что эта мысль древнее христианства, так как она встречается в древних каббалистических книгах евреев. В прошлые времена различали три вида «душ»: дочери Адама, дочери ангелов и дочери греха. В книге «О круговороте душ» указаны три вида «духов» (отличающихся от материальных тел): плененные, блуждающие и свободные духи. Если бы «Скрутатор» ознакомился с литературой каббализма, он бы знал, что термин «элементарий» употребляется не только применительно к элементарной, первоосновной субстанции, но также воплощает идею, которую мы выражаем термином «элементал» — то, что относится к четырем элементам материального мира, главным принципам или первоначальным ингредиентам. Слово «элементал», как оно определяется Вебстером, не применялось во времена Кунрата, но идея его уже была. Разграничение было установлено, и термин был принят теософами во избежание возможных ошибок. И вот теперь нас обвинили в том, что теория элементариев, выдвинутая нами в 1878 году, отличается от теории 1876 года!

Противоречит ли что-либо сказанное здесь нами, Кунратом или Леви утверждению «ученого оккультиста», что «каж-

---

¹ В контакт (*фр.*).

дый атом материи наделен этой жизненной основой, называемой духом... В каждой песчинке, также как и в малейшем атоме человеческого тела, в латентном состоянии сокрыта искра божественного света»?

Выделяя курсивом некоторые из вышеприведенных слов, но обделяя ударением одно важное слово, а именно «латентном», которое содержит ключ к разгадке тайны, наш критик портит все впечатление. В песчинке и каждом атоме человеческого физического тела дух не активен, но латентен; следовательно, так как атом является лишь корреляцией высшего света, уже чем-то конкретным по сравнению с чистой абстракцией, он наделяется жизненными силами и энергией от духа, но остается лишенным явного сознания. Крупица песка, как и малейший атом, определенно «наделены этим жизненным началом, называемым духом». Так, каждый атом, подчиняющихся законам эволюции, объективной и полуощутимой астральной материи, остается вечным на протяжении всех бесконечных кругов развития, неразрушимым в своем начальном элементарном строении.

После всего здесь сказанного, назовет ли «М.А. Кембр.» песчинку или обрезок человеческого ногтя сознательно бессмертными? Станет ли он утверждать, что крошечный кусочек части имеет те же присущие особенности, те же возможности и те же ограничения, что и целое? Скажет ли он, что так как атом в обрезке ногтя неразрушим как атом, то и само тело, частью которого является этот ноготь, как сознательное целое, неразруσιμο и бессмертно?

Наши оппоненты повторяют слова троица, тело, душа, дух — так же, как могли бы сказать: кошка, дом и ирландец, в нем живущий — это три совершенно разные вещи. Они не видят, что кажущиеся различными части человеческой троицы на самом деле являются корреляциями одной вечной Сущности, которая, в принципе, не есть сущность, но, к сожалению, в английском языке нет эквивалентного выражения. И хотя они этого и не видят, но дом, ирландец и кошка являются, в конечном счете, одним. Я начинаю подозревать, что они представляют себе дух и материю как нечто разное, а не единое. Верно сказал Вишну Бава Брахмачарья в одном из своих эссе на марати (1869):

Представления европейцев, что материя есть *надарта* (эквивалент слова *пада*, или Абхава, т.е. Ахей, состоящий из двух букв: *ахе*, означающей «есть», и *нахин* — «нет»), тогда как Абхава это не Падарта) наивны до смешного.

Написанное Кантом, Шопенгауэром и Гартманом имело малый эффект; и Капилу вскорости, возможно, назовут старым невеждой. Я вовсе не намерена встать под знамя Шопенгауэра, утверждавшего, что в действительности нет ни материи, ни духа, но все же я должна сказать, что он хотя бы был ученым, и те, кто его изучил, лучше понимают теософию.

Но возможно ли вообще обсуждать метафизические идеи на европейских языках? Я сомневаюсь. Европейцы называют словом *spirit* нечто отдельное от физического мира, независимое от земного, объективного существования и, в то же время, этим же словом они обозначают спирт, алкоголь. Нью-йоркские репортеры, определяющие материализованный дух как «замороженное виски», по-своему правы. Один термин для Бога и для алкоголя — не правда ли, богатый лексикон! При наличии целых библиотек по метафизике, европейские народы даже не составили себе труда придумать подходящие слова для освещения метафизических идей. Достаточно хотя бы одну книгу из тысячи адаптировать для публики. Если же они и делают попытку ввести новые слова, то получается это довольно затрунительное положение востоковедов, пытающихся изложить свою философию на английском. В этом языке есть слова, обозначающие одновременно до двенадцати различных идей, в восточных же языках, особенно в санскрите, встречается до двенадцати слов, обозначающих одну идею в различных ее значениях и оттенках.

Нас обвиняют в пропаганде идей, которые могут удивить «среднестатистического» буддиста. Мы вполне это допускаем; я даже могу добавить, что рядовые брамины могут быть столь же обескуражены. Мы никогда не говорили, что мы буддисты или брахманисты в смысле их популярной экзотерической теологии. Будда, восседающий на лотосе, или Брахма, с любым количеством тератологических рук, волнуют нас столь же мало, как и католическая Мадонна или христианский личностный Бог, уставившиеся со стен и потолков церквей. Но ни

Будда, ни Брахма не внушают своим верующим идей, подобных преподносимым католическими иконами, которые, как нам кажется, просто богохульны. И после этого еще смеют говорить, что христианство со своей цивилизацией превзошло фетишизм фиджийцев! Когда мы видим христиан и спиритуалистов, столь легкомысленно и самодовольно рассуждающих о Боге и «материализации Духа», нам хочется, чтобы они хоть немного вникли в благословенные идеи древних ариев.

Мы пишем не для «среднестатистических» буддистов и не для средних людей какой бы то ни было веры. Но было бы крайне интересно сопоставить понятия о Боге и человеческом бессмертии лучших метафизиков Европы и произвольного достаточно образованного буддиста или брахманиста.

Крайнее абстрактное определение этого (называйте как хотите: Бог, Сила, Принцип) всегда будет оставаться тайной для человечества, хотя оно и достигло высочайшего уровня интеллектуального развития. Антропоморфические идеи спиритуалистов относительно Духа являются следствием христианской антропоморфической концепции Божества. Довлеющее значение последней столь велико, что «Скрутатор», как аргумент против двойственности детей и потенциального бессмертия, приводит в пример Иисуса, «мудрость которого росла по мере роста его мозга».

Христиане называют Бога Беспредельным, а потом наделяют его такими ограниченными атрибутами, как любовь, гнев, щедрость, милость! Они называют Его всемилостивым, и от Его имени проклинают три четверти человечества; называют всепрощающим и утверждают, что грехи одного краткого мига жизни не могут быть искуплены даже вечной агонией. Сейчас, среди тысяч неверно переведенных в «Священном» Писании терминов, каким-то чудом, в версии короля Джеймса, точно передано значение словом «destruction», означающего именно уничтожение, и ни один словарь уже не истолкует его как проклятие или вечные муки. Хотя Церковь постоянно подавляет «деструкционистов», все же, беспристрастные мыслители вряд ли станут отрицать, что в верованиях о том, чему учил Иисус и что более соответствует справедливости в учении о конечном уничтожении зла, они идут дальше своих преследователей.

Мы верим, что во всей вселенной существует лишь один неопределяемый Принцип, который совершенно непостижим нашим ограниченным сознанием. Мы предпочитаем оставить всяческие обсуждения, чем унизить Его нашими антропоморфическими спекуляциями. Мы верим, что все существующее, материальное ли или духовное, и все, что может актуально или потенциально существовать в нашем идеализме — все это изошло от этого Принципа. Потому, рассуждая о невидимом на основе видимого, мы опираемся в своих размышлениях на учения мудрецов, предшествовавших христианству, подкрепленные нашим собственным рассудком.

На примере песчинки и обрезка ногтя я уже показала безрезультатность попыток некоторых из наших критиков отделить абстрактные идеи от сложных объектов. Они не хотят понять, что философская доктрина учит, что атом, наделенный божественным светом, или элементом великого Духа, в его латентном состоянии, тем не менее, несмотря на свое соответствие и принадлежность к одному неделимому целому, может быть почти абсолютно лишен самосознания. И только когда этот атом, магнетически привлеченный к подходящему соседнему атому, образует вместе с ним наипростейший комплексный объект, который, после бесчисленных кругов развития, трансформируется в конечном счете в человека — вершину физического и интеллектуального совершенства на нашей планете, только тогда, в единстве с ним, он становится, как целое, живущей душой и достигает состояния интеллектуального самосознания.

«Камень становится растением; растение — животным; животное — человеком и человек — духом», — говорят каббалисты. И здесь опять приходится употреблять при переводе никуда не годное слово *spirit*, понимаемое как небесный, реже как эфирный, человек. Но если человек — венец эволюции на земле, что же он такое в начальной стадии своего следующего существования? Этот человек даже в высшем своем состоянии, когда он готов стать вместилищем для христианского Бога — Иисуса, все же, как говорит Павел, «ниже ангелов». Но сегодня каждое астральное привидение преобразовалось в «ангела»! Я не верю, что ученые, пишущие для вашей газеты, — а среди них есть наиболее интеллигентные и эрудиро-

ванные люди науки, которых точная наука научила, что *ex nihilo nihil fit* [из ничего ничего не получается (*лат.*)], которые знают, что каждый атом человеческого тела развивался от низших к высшим формам невыразимо медленно, через круги эволюции, — принимают ненаучную и нелогичную доктрину о том, что простая скорлупа астрального человека преобразует его в божественный дух и «ангела»-водителя.

По представлениям теософов, Дух это Луч, это часть Всего; а так как это Все Всезнающее и Беспредельное, то и его часть, до некоторой степени, должна обладать этими свойствами. Человеческий «дух» должен стать каплей Океана, называемого «Ишвара-Бхава» — «у Меня одно тело с самой вселенной» (я в моем Отце, и мой Отец во мне), он не должен оставаться только «Джива-Бхава», только телом. Он должен чувствовать себя не только частью Творца, Хранителя и Разрушителя, но Душой этой троицы, Парабрахманом, Который объединяет это все и является жизнедающим, всевозглавляющим Духом. Он должен достичь ощущения, обозначаемого словом «*сахаджанунд*» — полного блаженства в нирване, в котором можно существовать только для Него, в котором происходит объединение с «бесформенным и бездействующим временем». Это состояние называется «*вартамана*», или «всегда лишь настоящее», в нем нет ни прошлого, ни будущего, но одна безграничная вечность настоящего. Кто из контролирующих «духов», материализованных или невидимых, может представить какое-нибудь доказательство, что он принадлежит к действительным духам, известным как «Сыновья Вечности»? Способен ли даже самый высший из них сообщить нам столько, сколько наш Божественный Разум может открыть нам в минуты озарения? Вступающие в контакт честные «разумы» на многие вопросы отвечают: «Мы не знаем; это нам не известно». Это прекрасно доказывает, что хотя они и больше знают и более совершенны, но, все же, они лишь эмбрионы, неразвитые «духи»; они даже ниже некоторых живущих йогов, которые с помощью абстрактной медитации соединили себя со своим личным, индивидуальным Брахманом, своим Атманом и тем самым постигли *аджняну*, то есть знание истинной ценности своего «я», или эго, самости, что так рекомендовали в своих заповедях Сократ и Дельфийский оракул.

Лондон часто посещают высокоинтеллектуальные, образованные индусы. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из них верил в «материализованных духов» как в духов. Как могут они, не испорченные материализмом, не развращенные в атмосфере Запада, свободные от суеверий сектантов, знающие Веды, уважительно относиться к этим призракам? Побывав у нескольких медиумов, они могут сказать: «Некоторые из них могут быть пережитками сознания развоплощенного человека. Им не хватает знания *дрьянанты* и, очевидно, они находятся в хроническом состоянии *майи*, т.е. одержания идеей, что “они являются тем, чем они на самом деле не являются”. *Вартаманна* не имеет для них значения, если они посвящены лишь в *вишаму* [подобно целым числам в математике, которые могут быть применимы лишь к счисляемому]. Как и простые невежественные смертные, они принимают тени вещей за реальность, и *vice versa* [наоборот (*лат.*)]; смешивают истинный свет *вьятирека* с ложным светом, обманчивой внешностью — *анвайя*... В каком же отношении они выше среднего смертного? Нет, они не духи и не *дэвы*... они астральные *дасьюосы*».

Конечно, все это может показаться «Скрутатору» непостижимым абсурдом, так как, к сожалению, звезды немногих метафизиков не видны на западном небосклоне, находясь ниже линии горизонта. Потому, до тех пор пока наши английские оппоненты будут оставаться на своих полухристианских позициях и не только игнорировать древнюю философию, но и все ее термины, используемые для передачи абстрактных идей, до тех пор пока мы будем переводить эти великие идеи по-старому, без введения новых терминов — до тех пор не будет никакого смысла продолжать дискуссии. Мы лишь станем маловразумительными для читателей и получим от еще нескольких анонимных писателей такие же незаслуженные «комплименты», как те, которыми одарил нас «Скрутатор».

Е.П. Блаватская
Нью-Йорк, 7 марта 1877 г.

ТОДДЫ

Эти строки — ответ «Х. М.», корреспонденту вашей газеты, высмеявшему мои взгляды о тоддах. Я хочу сказать, что все, о чем я рассказала в «Разоблаченной Изиде», было написано после прочтения книги полковника Маршалла «Френолог среди тоддов», в которой, на мой взгляд, автор приходит к ошибочным выводам. Мне можно было бы отказать в здравом уме, если бы я, описывая восточную психологию, ее феномены и тех, кто их производит, не предвидела все те отрицания и указания на «противоречия», с которыми выступил «Х. М.». Какое удовлетворение может получить искатель оккультных знаний, если, пренебрегая опасностями, лишениями и разного рода препятствиями, чтобы овладеть ими, он так и не получит никаких фактов, неведомых профану? Большинство моих критиков — простые путешественники или обычные наблюдатели, коих д-р Карпентер ласково называет «представители науки», или просто «известный гражданин», хотя общеизвестно, что европейцам, не обладающим неким мистическим паспортом, запрещают входить в дом ортодоксального брахмана и во внутренние помещения пагоды. И все же мы, несчастные теософы, должны трепетать пред презрительным взором этих современных Даниилов, хотя даже умнейший из них не может объяснить простейшие «трюки» индусских фокусников, не говоря уже о феноменах факиров! Эти «ученые мужи» на все свидетельства спиритуалистов отвечают высокомерным презрением и отвергают, как личное оскорбление, приглашение присутствовать на спиритическом сеансе.

Я не стала бы заострять внимания на тоддах, если бы не письмо «Бывшего начальника штаба в Мадрасе», напечатанное в вашей газете от 15 числа. Я чувствую себя обязанной ответить на него, так как его автор изображает меня лгуньей. Более того, он грозит мне язвительными уликами, которые некий другой офицер прячет в шкафах своей библиотеки.

Примечательно, что часто человек, прибегая к использованию псевдонима, забывает, что он джентльмен. Возможно, так принято в вашей цивилизованной Англии, где, как говорят, манеры и образование достигли утонченной изысканности, однако же в несчастной варварской России, которую как раз сейчас добрая половина ваших соотечественников старается (по-возможности) подмять под себя, все обстоит совсем не так. В моей стране храбрых казаков и калмыков оскорбляющий обычно не прячется за спинами других. Мне не хотелось бы столь долго распространяться об этом, но это вы позволили своим корреспондентам, без всякого на то повода с моей стороны, всячески оскорблять меня, и я уверена, что, как человек чести, вы не откажете мне в привилегии ответить на эти оскорбления. «Бывший начальник штаба в Мадрасе», также как и миссис Шоуэрз, утверждает, что я никогда не была в Индии. Это напомнило мне о клеветнических слухах, распространявшихся в прошлом году по поводу «духов», говоривших через знаменитого бостонского медиума; тогда в эту клевету поверили многие.

Когда я там находилась, то была не *русской*, и даже не говорила на этом языке, а считалась всего лишь французской путешественницей. Но довольно о непогрешимости добрых «ангелов». Конечно, я не намерена предъявлять никому из моих замаскированных клеветников, как в этом мире, так и в ином, те мои паспорта, которые русское посольство выдавало мне несколько раз во время моего путешествия в Индию и обратно. Я также считаю выше своего достоинства показывать конверты с марками, полученными мною в различных частях Индии.

Подобные обвинения вызывают у меня просто смех, поскольку без сомнения, моим словам можно доверять в той же мере, как и словам всех других. Я лишь скажу, что весьма со-

жалею, что английский офицер, который провел «пятнадцать лет в этой части Индии», знает о тоддах меньше, чем я, которая, как он утверждает, никогда в Индии не была.

Он называет «башню» пагоды *гопурам*. А почему не крышу или что-нибудь еще? *Гопурам* — это священный пилон, ворота пирамидальной формы, через которые входят в пагоду; и все же я неоднократно слышала как население Южной Индии саму пагоду называет *гопурам*. Возможно, это просто неточное выражение, употребляемое простонародьем, но когда мы обращаемся к авторитету лучших индийских лексикографов, то убеждаемся, что такое значение действительно существует. В «*Hindustani — English Dictionary*» Джона Шекспира (издание 1849 г., стр. 1727), слово *гопурам* означает «храм идолопоклонников-индусов». Был ли «Бывший начальник штаба в Мадрасе» или кто-либо из его друзей внутри этого храма, чтобы выяснить, кто или что скрывается там? Если нет, тогда его выпад против меня является явно преждевременным. Жаль, что я задела чувства такого филологического пуриста, но я действительно не понимаю, почему, говоря о храмах тоддов — существуют они или нет, — даже гуру брахманов не может сказать, что у них есть свои *гопурамы*?

Может быть он или кто-то из других блестящих знатоков санскрита и других индийских языков объяснит нам этимологию этого слова? Означает ли первый слог, *го* или *гу*, округлость этих «куполов», как называет их мой критик (ибо слово *го* действительно означает что-то круглое), или этот слог относится к слову *гон*, пастух, которое дало наименование индусской касте и одному из имен Кришны, *Го-пал*, что означает пастух? Пусть эти критики внимательно прочтут работу полковника Маршалла и убедятся сами, можно ли сказать, что это племя пастухов (он так много раз его видел и так мало о нем узнал), которое поклоняется (экзотерически, конечно) священным коровам и буйволам, проводя свои дни в заботах о распределении «священной жидкости» — молока, и чье восхищение, как нам говорят миссионеры, своими буйволами настолько велико, что они называют их «Даром Божьим» — не имеет своих *гопурамов*, хотя последние представляют собой лишь огороженную площадку для скота, *тириери*, в короткой форме — *маунд*, куда наш френологический исследо-

ватель прополз в одиночку в потемках, испытывая бесчисленные затруднения, но так ничего и не увидел, так ничего и не нашел. И только потому, что он ничего не нашел, он делает вывод, что у них нет ни религии, ни представления о боге, ни предмета поклонения. Приблизительно к такому же умственному заключению может прийти и д-р Карпендер, если однажды вечером, пробравшись в комнату спиритических сеансов миссис Шоуэрз, обнаружит, что в комнате уже нет ни «ангелов», ни их гостей; он тут же поспешит оповестить весь мир, что на самом деле у спиритуалистов нет ни медиумов, ни феноменов.

Полковника Маршалла я нахожу гораздо менее догматичным, чем его поклонников. Такие осторожные фразы, как «я полагаю», «я не мог выяснить», «я думаю, что это правда» и тому подобное доказывают его желание докопаться до истины, хотя едва ли свидетельствуют о том, что он ее нашел. В лучшем случае, все сводится к тому, что полковник Маршалл считает достоверным то, к чему я отношусь совсем по-иному. Он доверяет своему другу миссионеру, я же верю своему другу брахману, который и рассказал мне то, о чем я написала. К тому же, я очень ясно выразилась в своей книге (см. «Изиду», том II, с. 614-615):

Как только их (тоддов) уединенность была осквернена лавиной цивилизации... тодды начали перебираться в другие места, такие же неизвестные и еще более недоступные, чем до этого Нильгирийские холмы.

Следовательно, тодды, о которых мне говорил мой друг брахман и которых видел капитан В. Л. Д. О'Грэйди, в прошлом менеджер «Madras Branch Bank» в Утакаманде, не были вырождающимися остатками племени, чьи френологические шишки измерял полковник Маршалл. И все же, несмотря на все то, что он о них написал, я должна признать, что сама допустила много неточностей. Мои критики могут считать меня слишком легковверной, но это не дает повода обвинять меня во лжи ни прежним, ни нынешним должностным лицам Мадраса. Ни капитан О'Грэйди, который родился в Мадрасе и какое-то время был расквартирован вместе со своей частью на Нильгирийских холмах, ни я сама не признали в существах, описан-

ных в книге полковника Маршалла, тоддов. У тех, кого мы видели, длинные темно-коричневые волосы и сами они намного светлее, чем бадаги или другие индусские племена; и ничем не напоминают тип, описанный полковником Маршаллом. «Х. М.» пишет:

У тоддов коричневая, цвета кофе, кожа, такая же, как и у многих других туземцев.

Но в «Cyclopaedia» Эпплтона (том XII, стр. 173) мы читаем:

У этого народа светлый цвет лица, с ярко выраженными еврейскими чертами; многие считают, что они — одно из затерянных племен.

«Х. М.» уверяет нас, что места, где живут тодды, не кишат ядовитыми змеями и тиграми, но та же «Cyclopaedia» замечает, что:

Горы кишат дикими животными, среди которых много слонов и тигров.

Но «Бывший начальник штаба в Мадрасе» («бывший» — в смысле «ныне усопший»? Ваш корреспондент бесплотный ангел?), достигает верха абсурдности, когда под конец с язвительной иронией говорит:

Все хорошие духи, независимо от их степени, астральные или элементарные... стараются не допустить встречи (капитана Р. Ф. Бартона) с Изидой — тяжким может оказаться разоблачение!

Конечно, пока эта военная Немезида будет испытывать гостеприимство какой-либо американской газеты, где всем заправляют политики, он никогда не будет казаться грубее, чем этот мадрасский Грэндисон. Даже сама идея, что после того, как в двух томах своего труда я вступила в полемику с величайшими авторитетами Европы и Америки, начиная с Макса Мюллера и кончая позитивистами, и высмеяла их, я должна прийти в ужас от капитана Бартона или целой гвардии прочих капитанов на службе у ее величества, поскольку у каждого из них на плече ружье Армстронга, а в кармане митральеза — просто великолепно! Пусть они приберегут свои угрозы для моих соотечественников христиан.

Любой средний лжеученый (а чем меньше у него мозгов, тем проще), встав на позиции простолюдина, может растерзать «Изиду» на кусочки софистикой и якобы авторитетным анализом; но докажет ли это то, что он прав, а я нет? Пусть за меня ответят все записи вполне заурядных феноменов, отвергнутых, сфальсифицированных, оклеветанных и высмеянных, а также записи медиумов, не признаваемых вот уже 30 лет. Я не из тех, кого можно легко заставить замолчать такими методами, в чем «Бывший начальник штаба в Мадрасе» со временем убедится; и никогда он не увидит меня прячущейся за псевдонимом, если я захочу кого-то оскорбить. У меня всегда было, есть и, я уверена, будет достаточно мужества высказывать свои убеждения, какими бы непопулярными и ошибочными они ни считались; и в Великобритании не хватит дождей, чтобы потушить тот жар, с каким я буду отстаивать свои убеждения.

Есть лишь единственное объяснение той бури, которая в течение четырех месяцев свирепствовала в «Спиритуалисте» над Олькоттом и мною, и оно прекрасно выражается французской пословицей: «Quand on veut tuer son chien, on dit qu'il est enragé» [Когда хотите убить собаку, говорите всем, что она — бешеная (*фр.*)].

Нью-Йорк, 24 марта 1878 г.

ОБЩЕСТВО БЕЗ ДОГМ

Времена сегодня сильно изменились по сравнению с зимой 1875/1876 года, когда создание Теософического общества привело к тому, что большая армия американских спиритуалистов начала размахивать знаменами, бряцать оружием и громко кричать. Как хорошо мы помним все эти «сигналы опасности», предостережения оракулов, угрозы многочисленных медиумов! Как свежи в памяти угрозы «друзей-ангелов» д-ру Гардинеру из Бостона о том, что они готовы убить полковника Олькотта за то, что он в своих лекциях назвал их «элементариями»! Самое неприятное из этой бури уже позади. Град проклятий уже не бьет вокруг наших просвещенных голов; и мы начинаем видеть, как на небе появляется радуга обещанного мира.

Без сомнения, умиротворение этого волнения в большой степени обусловлено нашим «вооруженным» нейтралитетом. Однако я думаю, что следует также учитывать постепенное укрепление желания больше узнать о причинах явлений. И все же еще не совсем наступило то время, когда лев (спиритуализм) и ягненок (теософия) будут готовы лечь рядом друг с другом, если ягненок не хочет оказаться внутри льва. Пока мы держим язык за зубами, нас просят говорить, но как только мы (или скорее наш Президент) начинаем говорить, — вновь поднимаются громкие крики. Хотя огонь из допотопных ружей и стрельба из мушкетов большей частью прекратилась, укрытия ваших духовных Балкан обороняются современными ружьями Круппа. Если бы огонь был направлен только против полковника Олькотта, то у меня не возникло бы необходимости при-

влекать резервы. Но осколки обеих бомб, которые взорвал в своих письмах от 4-го и 11-го января «М. А. Оксон», — ваш весьма меткий стрелок и наш общий друг, — задели и меня. Под бархатным прикосновением его риторики я ощутила беспокоящие меня коготки.

В самом начале того, что может стать долгой борьбой, действительно требуется, чтобы теософская позиция была недвусмысленно определена. В последнем из двух вышеупомянутых писем заявляется, что полковник Олькотт называет «учение автора «Разоблаченной Изи́ды» — универсальным ключом ко всем тайнам».

Кто когда-либо утверждал, что эта книга претендует на что-либо подобное? Только не автор. Название? Наверное, название, в котором неумышленно виноват издатель, и, если я не ошибаюсь, «М. А. Оксон» об этом знает. Мое название было «Покров Изи́ды», и это проходит красной нитью через весь первый том. Но пока не дошло дело до издания, никто не вспомнил, что книга с точно таким названием уже была напечатана ранее. И тогда, как *a dernière ressource* [крайний способ], издатель выбрал то название, которое есть сейчас.

«Если он [Олькотт] и не является розой, то во всяком случае он жил возле нее», — говорит ваш ученый корреспондент. Если бы это предложение было встречено мной вне данного контекста, я ни за что не смогла бы вообразить, что такая непривлекательная старая особа, известная с внешней стороны как Е. П. Блаватская, могла быть обозначена этим образом из персидской поэзии. Если бы он сравнил меня с кустом ежевики, я бы выразила ему комплимент за художественный реализм. Он говорит:

Полковник Олькотт заслуживал бы внимания сам по себе; он заслуживает его еще более, если учесть тот запас знания, к которому он имел доступ.

Поистине, он имел такой доступ к знанию, но никоим образом не ограниченный моей скромной особой. Хотя я действительно донесла до него кое-что из того, что изучила в других странах (и в каждом случае могла подтвердить теорию на практике), однако и куда более способный учитель, чем я, не мог бы за три коротких года дать ему более, чем самые азы

того, что необходимо знать, прежде чем человек сможет постичь духовные и психо-физиологические категории. Сама ограниченность современных языков предотвращает любое быстрое толкование идей, связанных с восточной философией. Я отказываюсь признать, что великий Макс Мюллер перевел сутры Капилы в соответствии с их истинным смыслом. Мы видели, что могут сделать с индуистской метафизикой лучшие европейские авторитеты, и что за мешанину они, разумеется, сделали из нее! Полковник непосредственно общается со знаатоками индуизма и получает от них гораздо больше, чем от такого неумелого наставника, как я.

Наш друг «М. А. Оксон» говорит, что полковник Олькотт «выступил вперед, чтобы просветить нас»; вряд ли он мог бы выразиться менее точно. Он никогда не выступает вперед и не претендует на то, чтобы кого-либо просвещать. Публика хотела бы знать о взглядах теософов, и наш Президент попытался вкратце, сколь это возможно в рамках одной статьи, дать беглый взгляд на ту истину, которую он изучил. То, что результат не мог быть полностью удовлетворительным, было совершенно неизбежно. Не хватило бы и многих томов для того, чтобы ответить на все вопросы, естественно возникающие в пытлимом уме; лишь библиотека из большого количества толстых книг могла бы уничтожить предубеждения тех, кто давно стоит на якоре вековых метафизических и теологических заблуждений, а возможно — и ошибок. Но хотя наш Президент не виноват в приписываемой ему «претензии на просвещение» спиритуалистов, я думаю, что он безусловно высказал несколько намеков, заслуживающих внимательного рассмотрения непредубежденными людьми.

Я сожалею, что «М. А. Оксон» не удовлетворен одними лишь предположениями. Ничто, кроме полной и неприкрытой истины, не удовлетворит его. Мы должны «сопоставлять» наши теории с его фактами; мы должны, опять же, низвести нашу теорию до возможности «точной демонстрации». Нас спрашивают:

Где находятся провидцы? Что представляют их записи? И, самое главное, что свидетельствует об их подлинности?

Я отвечаю: провидцы там, где еще существуют «Школы Пророков», и там же находятся их записи. Хотя спиритуали-

сты не способны отправиться на их поиски, но философия, которой они учат, привлекает своей логикой, и ее принципы математически доказуемы. Если это не так, пусть это будет показано.

Но, в свою очередь, теософы могут спросить и спрашивают: где доказательства того, что медиумические явления связаны исключительно с деятельностью бестелесных «духов»? Кто является «провидцами» среди медиумов, одаренными безошибочной ясностью видения? Какие существуют «тесты», не оставляющие возможности для альтернативного объяснения? Хотя Сведенборг был одним из величайших провидцев, и в его честь создаются церкви, но все же, за исключением того, что у него имеются приверженцы, как можно доказать то, что «духи», которых он видел, — в том числе дух Павла, — прогуливавшиеся в шляпах, были чем-либо иным, кроме плодов его воображения? Являются ли духовные возможности живого человека столь хорошо изученными, что медиумы могут точно сказать, когда прекращается их собственная деятельность и они начинают быть проводниками потустороннего влияния? Нет; но, вместо того, чтобы ответить на наше предположение, что этот вопрос открыт для дискуссии, «М. А. Оксон» обвиняет нас в попытках опровергнуть то, что он обозначает как «кардинальная догма нашей веры», то есть веры спиритуалистов.

Догма? Вера? Это правая и левая опора любой подавляющей душу теологии. Теософы не имеют догм и слепой веры. Теософы всегда готовы оставить любую идею, если ее ошибочность доказана строгим логическим путем; пусть спиритуалисты сделают то же самое. Догмы — это игрушки, которые восхищают и удовлетворяют лишь неразумных детей. Они являются производным человеческих спекуляций и предубежденной выдумки. В глазах истинной философии кажется оскорблением общепринятых представлений то, что мы хотим оторваться от идолов и догм христианской или языческой экзотерической истины, чтобы взять их же из церкви спиритуализма. Спиритуализм должен быть либо истинной философией, доступной для проверки общепринятыми критериями логики, либо же он должен найти свою собственную

нишу позади разрушенных идолов множества предшествовавших ему христианских сект.

Осознавая бесконечность абсолютной истины, теософы отказываются от всяких претензий на непогрешимость. Они сметают, как пыль со своего пути, самые любимые предубеждения, самые «благодатные надежды», самые сильные «основные желания», если их ошибочность установлена. Их высочайшая надежда состоит в том, чтобы приблизиться к истине. То, что им удалось обогнать на несколько шагов спиритуалистов, доказывается их уверенностью в том, что они не знают ничего в сравнении с тем, что нужно знать; в их готовности пожертвовать всякой любимой теорией и эмоциональными побуждениями перед лицом факта; в их абсолютном и безоговорочном отрицании всего, что имеет запах «догмы».

С большим риторическим мастерством «М. А. Оксон» рисует результат вытеснения спиритуалистических идей теософскими. Вкратце, он показывает спиритуализм как безжизненный труп:

Тело, из которого вырвана душа, и о котором большинство людей не будет заботиться.

Мы отмечаем, что на самом деле справедливо обратное. Спиритуалисты вырывают душу из истинного спиритуализма тем, что они принижают Дух. Из бесконечного они делают конечное; из божественного субъективного они делают человеческое и ограниченное объективное. Являются ли теософы материалистами? Не согриваются ли их сердца той же «чистой и святой любовью» к «своим возлюбленным», что и у спиритуалистов? Не пытались ли многие из них долгие годы «найти доступ в царство духа через ворота медиумизма», — и пытались понапрасну? Но утешение и уверенность, которых не мог дать нам современный спиритуализм, мы нашли в теософии. В результате этого мы верим гораздо более твердо, чем многие спиритуалисты — поскольку наша уверенность основана на знании, — в общность тех, кого мы любим, с нами самими, но не в виде материализованных духов с бьющимися сердцами и потными лбами.

Придерживаясь таких взглядов в отношении логики и факта, мы чувствуем, что когда спиритуалист произносит пе-

ред нами слова «догма» и «факт», дискуссия невозможна, поскольку нет общей платформы, на которой мы могли бы встретиться. Мы отказываемся ломать головы, борясь с призраками. Если бы факту и логике придавалось то значение, которого они заслуживают, то в этом мире не было бы больше храмов для экзотерического поклонения, христианского или языческого, и *метод*, предлагаемый теософами, приветствовался бы как единственный, обеспечивающий действие и прогресс — прогресс, который нельзя остановить, поскольку каждый шаг дает возможность увидеть гораздо бóльшие шаги, которые должны быть сделаны.

Коротко о том, как создаются у нас «провидцы» и «их записи». В «Спиритуалисте» за 11 января я нахожу высказывание д-ра Пибла о том, что в соответствующее время он:

Опубликует факты о дравидийских брахманах, которые дозволено. Я говорю «дозволено», потому что некоторые факты были узнаны при клятвенном обещании хранить их в секрете.

Если даже от случайного путника требуется сохранение тайны, прежде чем ему будет показано кое-что из не очень важных психо-физиологических феноменов, не может ли быть так, что Братство, к которому принадлежат некоторые теософы, также имеет доктрины, записи и феномены, которые не могут быть открыты непосвященному и незаинтересованному, без обвинений, направленных против их реальности и авторитетности? Уж это-то, по крайней мере, «М. А. Оксон» знает, как я полагаю. Поскольку мы не навязываем себя нежелающей публике, а лишь отвечаем в условиях принуждения, нас вряд ли можно обвинить в упрямстве, если мы не предлагаем разношерстной публике ни «провидцев», ни «их записи». Когда Магомет готов идти к горе, гора должна стоять на своем месте.

Поскольку из тех, кто производит такой поиск, никто не может полагать, что мы, теософы, посылаем его в такое место, где не было бы опасностей для опрометчивого человека, я приведу цитату из знаменитого комментария к Бхагавадгите, написанного нашим братом Харричандом Чинтамоном, в которой содержится безусловное допущение того, что:

В Индии, как и в Англии, доктрины существуют для образованных, а догмы — для необразованных людей; грубое мясо — для мужчин, а молоко — для детей; факты — для немногих, а фикции — для многих; реальность — для мудрого, выдумки — для простака; эзотерическая истина — для философа, а экзотерический миф — для дурака.

Подобно философии, которой учит этот автор в цитируемой работе, задачей Теософического общества является «очищение духовной Истины».

Нью-Йорк, 20 января 1877 года.

ВСПЫШКА ОБЩИХ ЧУВСТВ

Волна увлечения глубочайших душ
Вскружила наши сердца
И неожиданно унесла нас
От всех наших самых мелочных забот.

Лонгфелло

Сейчас в царстве человеческой Души имеет место великое психическое и духовное изменение, что весьма заметно. Оно начиналось в самом начале ныне медленно завершающейся последней четверти нашего столетия и закончится, как утверждает мистическое пророчество, либо благоденствием, либо бедою цивилизованного человечества вместе с настоящим циклом, который завершится в 1897 году. Однако эта великая перемена не оказала влияния на торжественное безмолвие, да и восприняли ее лишь немногие. Напротив, она самоутверждается среди делового шума, хвастливых языков, расхождения в публичных взглядах, по сравнению с чем непрерывный, постоянно усиливающийся грохот самых шумных политических агитаций кажется тихим шелестом молодой листвы теплым весенним днем.

Воистину, осторожно спрятавшийся в человеке Дух долго скрывался от постороннего взгляда и был временно изгнан с арены современных знаний, но наконец и он пробудился. И сейчас он самоутверждается и снова громко требует своих пока еще не признанных, но всегда законных прав. Он отказывается долее быть попраным жестокой ногой материализма, выставляться на благо церквей и становиться бездон-

ным источником доходов для тех, кто самоучредил себя его хранителями. Первый не признаёт, что Божественное Присутствие имеет право на существование; последние подчеркивают и доказывают его существование через своих помощников — церковных старост и хранителей, вооруженных мешками с деньгами и ящичками для сбора подати. Но дух в человеке — этот прямой, хотя теперь и сломленный луч и эманация Вселенского Духа — наконец пробудился. До сего времени, когда его так часто оскорбляли, преследовали и унижали из-за невежества, тщеславия и алчности, когда его так часто называли безумной *гордостью*, «живущей в слепом скитальце, подобно шуту, над которым смеется целая толпа шутов» в царстве Обмана, он оставался неуслышанным и незамеченным. Сегодня же дух в человеке возвратился, как король Лир, из кажущегося умопомешательства к своему разуму; и, повысив голос, теперь он обращается в повелительных тонах к тем людям, кто раньше почтительно вслушивался в тишину несчетного количества веков, пока не оглох от шума и грохота цивилизации и культуры и больше не смог ничего услышать...

Оглянитесь вокруг и осмотритесь! Подумайте о том, что вы видите и слышите, и сделайте из этого ваши выводы! Век грубого материализма, духовного безумия и слепоты, это все быстро уходит. Смертельная борьба между мистицизмом и материализмом теперь не за горами, но уже начинает разыгрываться. И та сторона, что победит в тот день, в свой самый высший час станет хозяином положения и будущего, т. е. станет диктатором и единственным правителем *миллионов* людей, уже родившихся и которым предстоит родиться до самого конца XX столетия. Если можно доверять признакам времени, то победителями в этой схватке выйдут не *анималисты*. Это гарантировало нам множество смелых и плодовитых авторов и писателей, которые появились за последнее время, чтобы защитить права духа царствовать над материей. Многие достойные, возвышенные души теперь восстают сами, выступая барьером, глухой стеной против течения мутных вод материализма. И встретив этот до сих пор преобладающий поток, который все еще упорно несет в неведомые бездны фрагменты обломков низвергнутого трона сброшенного вниз челове-

ского духа, они сопротивляются: «Пока враги наступают, но они не пройдут дальше!»

Среди всего этого внешнего разногласия, разлада социальной гармонии, среди неразберихи, слабости и трусливых колебаний масс, связанных с тесными и рутинными системами, особенностей и лицемерия; среди запоздалой из-за мертвого спокойствия общественной мысли, которая была изгнана из всей литературы, касающейся души и духа и их божественной работы, на протяжении всей середины нашего века — мы слышим все усиливающийся звук. Похожий на ясную, отчетливую, становящуюся все более близкой ноту обещания, этот голос великой человеческой Души провозглашает, и уже больше не робким тоном, о подъеме и почти о воскрешении человеческого духа в массах. Теперь он пробудился в передовых представителях мысли и знаний; он говорит как о низшем, так и о самом высшем и побуждает всех к действию. Заново обновленная, обретшая жизнь Душа в человеке смело освобождается от темных оков, которые до сих пор сковывали их животную жизнь и материю. Полюбуйтесь, изрекает поэт, как поднимаются во всю ширь белые флаги, взмывающие над целыми областями истинной жизни и света; откуда, молчаливые и богоподобные, с неподдельной жалостью созерцаются те золотые идола современного культа материи на их глиняных ногах, которые до сих пор скрывали от бестолковых масс своих истинных и живых богов...

Литература — как то пишет некий критик — это отражение общественной жизни, отображающее как все ее грехи и все ее низкие поступки, так и героизм. В этом смысле книга имеет гораздо большее значение, чем любой человек. Книги не представляют одного человека, а являются образом большого количества людей. Потому великий английский поэт-философ говорил о книгах, что знает, что их очень трудно уничтожить, и что у них зубов не меньше, чем у сказочного дракона; что их надо посеять, и тогда из них получатся хорошо вооруженные воины. Убить хорошую книгу — все равно что убить человека.

Этот поэт-философ прав.

Безусловно, в литературе началась новая эра. Новые мысли и новые интересы сотворили новые интеллектуальные ну-

жды; отсюда и появилось новое поколение авторов. И эти новые люди постепенно и незаметно сменяют старых, этих древних консерваторов, которые, хотя еще номинально царствуют, но им позволено это скорее благодаря силе привычки, нежели пророчеству. Ибо даже тот, кто упрямо и как попугай повторяет стереотипы старой литературы и отчаянно придерживается издательских традиций, вдруг сам обнаружит, что отвечает новым требованиям; человек же, предпочитающий свою узкую партийную дисциплину поискам надолго изгнанного духа, и теперь лишается ИСТИН; но воистину этот человек — тот, кто, разделяя компанию со своей любимой «властью», храбро поднимается и решительно несет вперед знамя «*Человека Будущего*». И наконец, эти люди — те, кто среди нынешнего полного господства поклонения материи, материальным интересам и ЭГОИЗМУ будут храбро бороться за человеческие права и *божественную природу человека*, который, если только одержит победу, станет благодетелем и наставником масс в грядущем столетии.

Однако горе XX-му веку, если теперь одержат победу ныне царствующие школы мысли, ибо дух опять может оказаться скованным и замолчит до конца грядущего века. И дело тут в основном не в фанатиках мертвой буквы, не в иконоборцах и вандалах, которые борются с новым духом мышления, и даже не в современных высоколобых, поддерживающих древних пуритан в их религиозных и общественных традициях, которые всегда становятся защитниками и спасителями ныне возрожденной человеческой мысли и духа. И не в тех, кто слишком охотно поддерживают древний культ и средневековые ереси охраняющих, как реликт, все заблуждения своей секты или партии, кто ревниво наблюдает за своей же собственной мыслью, чтобы она не выросла из подросткового периода и не слилась с какой-нибудь более свежей и благотворной идеей — не они станут мудрецами будущего. Не для них пробьет час новой исторической эпохи, а для тех, кто будет учиться выражать и претворять в жизнь свои стремления, как и физические нужды подрастающих поколений и ныне попираемых масс.

Для того чтобы кто-то полностью постиг *индивидуальную* жизнь с ее психологическими, физическими и духовными

тайнами, ему придется посвятить себя со всем энтузиазмом бескорыстной филантропии и любви к своим собратьям, чтобы изучить и понять *коллективную* жизнь, или Человечество. Без предвзятого мнения и предубеждений, а также без малейшей боязни возможных результатов того или другого направления ему придется разгадать, осознать и *запомнить* глубокие и самые сокровенные чувства и стремления бедного люда и страдающего сердца. Чтобы это сделать, он должен сначала «настроить свою душу на душу человечества», как учит философия древности; он должен до конца овладеть правильным значением каждой строки и каждого слова в быстро листаемых страницах Книги Жизни ЧЕЛОВЕЧЕСТВА и полностью проникнуться трюизмом, что последняя — есть нечто целое и неотделимое от его собственного ЭГО.

Сколько же таких проникновенных читателей жизни можно обнаружить в нашем хвастливом веке наук и культуры? Разумеется, мы не подразумеваем только авторов, а скорее действующих и все еще непризнанных, хотя и хорошо известных, филантропов и альтруистов нашего века; друзей народа, бескорыстных любителей человека и защитников человеческих прав свободы духа. Действительно, подобных людей немного; ибо они редкие цветы этого века, и в основном мученики предубежденных толп и приспособленцев. Подобно великолепным «Снежным цветам» Северной Сибири, которым, чтобы вырваться из холодной замороженной почвы, приходится пробиваться сквозь толстый слой тяжелого ледяного снега, так и этим личностям приходится всю свою жизнь сражаться с холодным равнодушием и человеческой грубостью и с вечно тщеславным и насмешливым миром богатства. И все же только они могут до конца выполнить эту тяжелую задачу. Только им одним предоставлена миссия повернуть «Высшую Десятку» социальных интересов с широкой и легкой дороги богатства, тщеславия и пустых удовольствий на трудный и тернистый путь высших нравственных проблем и к восприятию самых высших обязанностей, чем они занимаются в настоящее время. Но уже есть те, кто сам пробудился к высшей деятельности Души, и в то же время им дарован литературный талант, и теперь их долг заключается в том, чтобы взять на себя пробуждение Красавицы и Чудовища, спящих в своем

заколдованном Замке Легкомыслия, и пробудить их к реальной жизни и свету. Пусть все, кто может, бесстрашно последуют идее, самой возвышенной для их ума, и они достигнут цели. И богатому дано переродиться заново, если сделать добро для бедного; ибо в первом и таится корень зла для «лишенных наследства» классов, и этот корень слишком буйно разрастается. На первый взгляд это может показаться парадоксальным, и все же это правда, поскольку может быть доказано.

Перед лицом нынешней деградации всех идеалов и самых благородных стремлений человеческого сердца, для высших классов каждый день становится более выдающимся, так что можно ожидать от «голытьбы»? Это голова, которой придется управлять ногами, и последние едва ли постоянно смогут отвечать за свои действия. Следовательно, работа станет причиной нравственного перерождения культурных, но в гораздо большей степени аморальных классов перед вашей попыткой совершить то же самое для нашего невежественного самого молодого собрата. За последнего взяли несколько лет назад, и это продолжалось и по сей день, но все-таки не привело к ощутимо хорошим результатам. Неясно, какая причина заключается в этом факте, что есть лишь немного страстных, искренних и жертвующих собою работников в этой области, в то время как большинство добровольцев состоит из тех же самых *ультра*-эгоистичных и легкомысленных классов, которые «играли в милосердие» и чьи идеи окультуривания физического и нравственного состояния бедноты ограничиваются лишь примитивным воззрением, что это могут делать только деньги и Библия. Мы утверждаем, что никто из этих людей не совершил ничего хорошего; ибо пророчество мертвой буквы и вынужденное чтение Библии только усиливает раздражение и самый крайний атеизм, а деньги, как временная помощь, скорее проторили себе дорожку в пивные, чем послужили на закупку хлеба. Следовательно, корень зла лежит в нравственной, а не физической области.

Если нас спрашивают, что это тогда будет за помощь, мы смело отвечаем: «Теософская литература»; и спешим прибавить, что под этим термином подразумевается не книги, касающиеся адептов и самих феноменов, и не про Теософическое общество.

Надо воспользоваться преимуществом и пользой от «вспышки общих чувств», которое сейчас, к счастью, овладела половиной Человечества. Говорить о пробуждении Духа Человечества, человеческого духа и Духа в человеке, это — три в Одним и Одно во Всем. Диккенс и Теккерей родились слишком поздно для этого века — или век начался слишком рано для них — и это привело к тому, что хотя оба испытывали восторг от духовной жизни человека, и они лично проделали весьма добросовестную работу и даже вызвали определенные частичные преобразования, все-таки им не удалось совершенно связать Общество с массами. Европейский мир сейчас нуждается в дюжине таких писателей, как Достоевский, русский автор, чьи произведения, хотя и *terra incognita*¹ для большинства, но все-таки хорошо известны на Континенте, среди образованных людей как Англии, так и Америки. Что же совершил русский писатель? Он смело рассказывал самые неприглядные истины высшим и *даже правящим классам*, причем поведение последних было гораздо более опасным, чем первых. И все же, смотрите, большинство административных реформ, осуществленных в течение последних двадцати лет, обязаны спокойному и *неприятному* влиянию его пера. Как отмечает один критик, великие истины, высказанные им, прочувствовались всеми классами настолько ярко и живо, что люди с совершенно противоположными взглядами не могли не ощутить самую теплую симпатию к этому храброму автору и даже выражали ему ее.

По всеобщему мнению, как друзей, так и врагов, он стал глашатаям общественных нужд, которых нельзя было более откладывать. С совершенной искренностью он всматривался в самые сокровенные глубины своей собственной души, чтобы стать беспристрастным судьей своих же поступков и стремлений.

Каждое новое течение мысли, каждая новая тенденция века имела и всегда будет иметь своих конкурентов, как и своих врагов, определенных людей, с великим умением препятствующих другим храбро, но безуспешно. Однако такие люди всегда слеплены из одного и того же теста, так сказать, общего для всех. Они подстрекают к сопротивлению и возражениям против внешних, корыстных и мирских объектов, к тому же самому концу матери-

---

¹ Неизведанная земля (*лат.*).

ального, и выступают против расчетливости, которая движет их противниками. Когда они указывают на другие проблемы и отстаивают иные методы, действительно, они не сразу прекращают уживаться со своими врагами в мире тех же общих интересов, а продолжают жить с теми же принципиально одинаковыми точками зрения на жизнь.

Тогда зачем стал необходим человек, который, оставаясь в стороне от любой партизанщины или борьбы за превосходство, внес всю свою жизнь как гарантию искренности и честности своих взглядов и намерений; один, чье личное страдание стало бы «*дозволено цензурой*» твердости его убеждений, писатель, в конце концов, несомненный литературный гений? Только такой человек смог произнести слова, способные пробудить истинный дух Общества, которое медленно двигалось в неправильном направлении.

Именно таким человеком был Достоевский — патриот, осужденный на каторжные работы, бывший заключенный, возвратившийся из Сибири; этот писатель, прославленный в Европе и России, бедняк, похороненный на добровольные пожертвования, трогательно-волнующий бард для всякого нищего, униженного, оскорбленного и увечного; снимавший покровы с безжалостной жестокости проклятия и бедствий своего века...

Писатели такого рода необходимы в наши дни нового пробуждения; не авторы, повествующие о богатстве и славе, а бесстрашные апостолы живого Слова Истины; нравственные целители гнойников нашего века. Во Франции есть свой Золя, который указывает, порой слишком жестоко, на правду жизни — на падение и нравственную проказу своего народа. Но Золя, бичуя пороки низших классов, никогда не осмеливался высмеивать своим пером высшие классы, разве что *petite bourgeoisie*,¹ а вот безнравственность высших слоев общества он оставляет без внимания. Вот и результат: крестьяне, которые не читают его романы, не могут растрогаться его писаниями, а *bourgeoisie* мало волнует чернь, а больше беспокоит *Pot bouille*,² а что касается французского реалиста, то он потерял желание еще раз обжечь себе пальцы в их семейных котелках. С самого начала Золя следовал по пути, приведшему его к славе и богатству, и больше никуда, хотя его интересовали и благотворные эффекты.

---

¹ Маленьких буржуа (*фр.*).

² Домашний стол, стряпня (*фр.*).

Что теософы, сейчас или в будущем, всегда будут разрабатывать практическое применение внушения — это сомнительно. Чтобы писать романы с нравственным смыслом, достаточно глубоким, чтобы взволновать общество, надо иметь великий литературный талант и *родиться* теософом, каким был Достоевский. Золя по сравнению с ним остается далеко в стороне. Но подобные таланты чрезвычайно редки во всех странах. И все-таки даже при отсутствии такого величайшего дара кто-нибудь может делать добро намного более скромным способом, обращая внимание и открывая в беспристрастных повествованиях кричащие пороки и злобу дня. Можно совершать добро и словом и делом, при помощи публикаций и практических примеров. И пусть сила такого примера производит впечатление и вдохновляет других на то, чтобы им следовать; и тогда вместо издевательства и осмеяния наших доктрин и стремлений людей XX-го, если и не XIX-го, столетия, все будет видно намного отчетливее, а суждения будут выноситься со знанием дела и в соответствии с фактами вместо предубеждений, очень удобных для того, чтобы укоренить непонимание. Тогда и только тогда мир будет вынужден признать, что нечто было неправильно, и что одна только теософия способна постепенно творить человечество гармоничное и простодушное, как сам Космос; но чтобы осуществить это, теософам придется действовать так, как уже было сказано. Помогая пробуждать дух во многих людях — мы утверждаем это смело, бросая вызов противоречиям, — следует ли нам теперь остановиться, вместо того чтобы плыть дальше вместе со **ВПЫШКОЙ ОБЩИХ ЧУВСТВ?**

ЕЩЕ ОДИН ЗНАМЕНИТЫЙ ЧЛЕН

Недавно мы имели удовольствие объявить, что находящийся в преклонном возрасте барон Дюпоте де Сеннево получил диплом почетного члена нашего Общества, и мы опубликовали его благодарственное и весьма лестное письмо. Есть и еще одно имя, принадлежащее к замечательному ряду исследователей магнетической науки во Франции в течение последней половины века, которое никогда не может быть забыто историком современной психологии. Это *Alphonse Cahagnet*, который очаровал публику в 1848 году «Небесным телеграфом», записками о своих опытах с некоторыми исключительной силы ясновидящими, и который дожил до наших дней, — семидесятилетний философ, почитаемый и любимый всеми, кто его знает, особенно изучающими магнетизм. Он также дает нам сегодня право включить его в список наших членов. В целом он опубликовал одиннадцать работ в двадцати одном томе; его последняя книга, «Космогония и антропология», сопровождалась письмом о том, что он принимает диплом почетного члена нашего Общества; перевод этого письма содержится ниже. Нашим горячим желанием является установить тесную и постоянную связь между Теософическим обществом и французской школой магнетистов, ибо наша работа протекает по параллельным руслам. Если западные психологи могут пролить свет на нашу азиатскую йога-видью, так же и последняя может послать свой драгоценный луч в каждый из уголков современного поля исследований, заставить тени исчезнуть и осветить путь к сокрытой истине. Некоторые из наших новых знаменитых *confreres* [товарищей] обещали однажды приехать

в Индию, и в этом случае они сделают доброе дело и получат добро взамен. С установлением близкого единства между всеми группами изучающих оккультные науки, — спиритистами, спиритуалистами, магнетистами, индийскими мистиками и теософами, — неизбежным результатом этого будет огромная польза для дела истины, и неопровержимые факты станут ответом на издевательский смех скептиков, невежд и глупцов.

С самого начала своего появления в истории наше Общество предлагает широкий и надежный мост, по которому можно преодолеть эту пропасть.

ПИСЬМО М. САНАГНЕТ

Argenteuil, 25 октября 1880 г.

В Секретариат Теософического общества.

Уважаемая госпожа и коллеги,

Я осмеливаюсь просить вас поблагодарить от моего имени Генеральный Совет Теософического общества за ту честь, которая была мне оказана принятием в почетные члены по представлению месье Леймари из Психологического общества Парижа.

Соблаговолите, дорогая госпожа, сказать Совету, — в котором вы являетесь далеко не последним из деятельных членов, — что основание такого общества было мечтой всей моей жизни. Соединить вместе всех людей, не обременяя их ничем, кроме того, что они собрались бы, чтобы выразить свое почтение, при полной личной свободе совести, к Всеобщему Предку; чтобы лишь создать единую семью, скрепленную вместе братской любовью; чтобы испытывать лишь преданность и, особенно, справедливое отношение к каждому и ко всем — вот поистине та цель, стремление к которой достойно каждого сердца, свободного от эгоизма и гордыни! Увы, не находится ли эта цель на самом удаленном конце нашего индивидуалистического образования, на последнем этаже нашего тяжелого путешествия, и, быть может, даже в конце наших последующих существований? Неважно, всегда хорошо возвысить наши мысли к ней и никогда между тем не терять ее из виду. Римский католицизм пытается сделать нечто в этом роде, но, по-видимому, он не хочет предоставить каждому чело-

веку выбрать себе путь по своему выбору. Он предлагает лишь один-единственный вход в святилище, которое скрывает тайну жизни, и претендует на то, что именно он хранит единственных ключ к нему. Тот, кто хочет войти, должен исповедовать лишь одну веру и слепо принимать ее учение, — учение, которое оставляет желать много лучшего, чтобы счесть его уникальным.

Кокерель Младший, протестантский священник, лучше понял суть этого религиозного вопроса, когда счел ненужным для кандидата в братский совет их церковью обязательно верить в большей степени в божественность Христа, чем в божественную сущность кого-либо другого. Он считал храм святым местом, в которое любой человек приходит молиться боже-ству, согласно тому, что он ведает и какой выбор он сделал. Священнослужители, собравшись для вынесения решения по поводу таких изменений в проповедуемом ими догматическом вероучении, остались пасторами, не идущими ни на какие компромиссы, и бедный Кокерель был вынужден сегодня представить свои предложения на рассмотрение кругам мыслителей, свободных от печальной необходимости всегда сохранять свои точки зрения. Будут ли теософы в наше время мудрее и счастливее? Несомненно, да, если их учения, религиозные и социальные, будут в рамках следующих ограничений. Да возлюбим мы друг друга, будем помогать друг другу и наставлять один другого, примером или словом. Не будем же требовать от религии только того, во что верим сами. Пусть то же самое правило применяется и в вопросах политики и социальных устремлений. И да не будем играть роль тирана. Не будем спорить, ссориться и, главное, спекулировать в отношении друг друга. Любовь, больше любви; и СПРАВЕДЛИВОСТЬ, которой будут подчиняться все и каждый, без какого-либо исключения. Помощь, поддержка, причем особенно важно не подсчитывать, кто ее дает или кто ее получает, ибо тот, кто дает одной рукой, получает другой. Кто тогда может обладать чем-либо, что не было бы дано ему? Да пожелаем мы, чтобы готтентот и парижанин могли бы быть теми людьми, которые возьмут друг друга за руку, не замечая, имеет ли один из них или нет общепринятое образование или одет ли он в модное платье.

В этом состоит закон жизни, ее управления, ее сохранения и, добавим, ее бессмертия.

Примите, дорогая госпожа и сестра в теософии, мои братские пожелания.

Alp. Cahagnet.

Постскрипtum — Будьте добры, передайте привет от меня нашим братьям по Обществу, особенно полковнику Олькотту. Это письмо сопровождается экземпляром моей последней недавно опубликованной работы под названием «Космогония и антропология, или Бог, Земля и Человек, изученные посредством аналогии». Я осмелюсь преподнести ее вам в знак моего глубокого личного уважения.

Мы приносим извинение м-ру Cahagnet за то, что это благожелательное сообщение не появилось в более раннем выпуске нашего журнала. На самом деле оно было переведено и послано по почте в Бенарес вовремя для декабрьского номера, но, к сожалению, часть рукописи была утеряна почтой прежде, чем она достигла Бомбея.

И сегодня, когда мы внимательно прочитали его последнюю работу, которую он столь любезно нам послал, мы должны добавить несколько слов как об этом авторе, так и о его исключительно интересной небольшой книге. «Космогония и антропология, или Бог, Земля и Человек, изученные посредством аналогии» — это, как уже было сказано выше, последняя из длинной серии трудов о наиболее трансцендентных вопросах. Нашему уважаемому брату, м-ру Alphonse Cahagnet, сейчас 73 года, и он один из первых спиритистов Франции, как это хорошо известно ныне всем. Со времен своей юности он был известен как провидец и философ. По существу, он является Якобом Бёме Франции, скромным и неизвестным в начале своего пути. Подобно этому теософу из Силезии, его раннее образование было весьма недостаточным, насколько мы можем судить об этом по его собственному признанию. И поскольку он выступал, вероятно, несколько раз со своими сочинениями, выучившись самостоятельно и по собственному вдохновению, его друзья-реинкарнационалисты имели все основания заподозрить, что душа немецкого мистика еще раз спустилась на землю и приняла на себя новые испытания в тех

же самых обстоятельствах, что и раньше. Как в Бёме, так и в нем есть в высшей степени созерцательный ум, те же самые редкие силы интуиции и такое же исключительное богатство воображения, тогда как глубокая, врожденная любовь к таинственным деяниям природы тождественна любви бедного сапожника из Герлитца. Единственная существенная разница между ними, — хотя это и несомненное усовершенствование современной мистики, — полное отсутствие в м-ре Cathagnet чего-либо подобного претензии на божественное вдохновение свыше. Если Бёме завершил свой слишком короткий путь (он умер, едва ли достигнув сорока лет) в полной уверенности, что находится в прямой связи и непосредственном общении с божественной силой, французский провидец утверждает лишь то, что он способен воспринимать вещи духовно. Вместо того чтобы ползти по формалистическому пути современной науки, которая не оставляет никакого места для интуитивного восприятия и все же навязывает миру гипотезы, которые едва ли могут претендовать на более прочное основание, чем гипотетические спекуляции, основанные на чистой интуиции, — он предпочел получить столько истинного знания, сколько он смог отыскать, обо всех вещах в области метафизической философии. И все же и Бёме, и Cathagnet пытались «зажечь факел для всех, кто стремиться к истине». Но в то время как труды первого, такие как «Аврора, или Утренняя Заря в восхождении», наполнены идеями, по большей части обдуман-ными такими мыслителями, как Гегель, чьи фундаментальные доктрины умозрительной философии обнаруживают печать удивительного сходства с учениями Бёме, — труды м-за Cathagnet, от «Небесного телеграфа» до рассматриваемой работы, являются абсолютно оригинальными. В нем нет ничего от грубого, эмоционального и образного языка немецкого теософа, но, поразительный и смелый, — какими являются и полеты его воображения в туманные регионы умозрительной науки, — его язык всегда спокоен, точен и понятен. Короче говоря, наш почтенный брат в той же мере дитя и продукт своего века, каким был и Бёме в средние века. Оба они восставали против буквализма схоластики и догматики и оба они рассматривали божественное не как некое личностное существо, но как вечное единство, Универсальную Субстанцию,

независимую от любого человеческого определения, — *непостижимое*, столь же недоступное человеческому пониманию, как «абсолютное ничто».

Последняя работа м-ра Cathagnet, как полное и совершенное отклонение от главных гипотез современной науки, является столь оригинальной и содержит столько новых идей, — автор которых весьма далек от того, чтобы считать себя непогрешимым, — что дать лишь ее краткий обзор было бы несправедливо по отношению к читателям, в особенности теософам. Поэтому мы решили предоставить достаточное место для точного изложения взглядов этого одного из самых знаменитых французских теософов в этом «журнале теософов». Кроме того, некоторые из его идей столь удивительным образом совпадают с теми представлениями, которым учат в оккультных или эзотерических школах Востока, что мы попытаемся показать в дальнейшем все такие совпадения мысли, также как и те, которые не согласуются с вышеназванной философией. Так же, как мистические умозрения Бёме, — «непонятные и хаотические писания», какими они могут показаться многим, — были серьезно изучены и проанализированы величайшими мыслителями каждого века, начиная с его дней, так и глубоко оригинальные учения м-ра Cathagnet уже привлекли внимание и нашли многих поклонников и учеников среди наиболее мудрых философов и мистиков Франции. Избегая догматизма, правдивый и искренний, как сама истина, вместо того, чтобы навязывать свои собственные мнения читателю, он всегда скромно признает свое невежество и подверженность своих «аналитических впечатлений» ошибкам. Он просит, чтобы читатель не позволил себе заразиться его предположениями. «Изучайте, и либо принимайте, либо отвергайте их», — таковы его первые слова; ибо «эти предположения исходят не от Гермеса Трисмегиста, не от Зороастра, не с горы Синай, не от Конфуция, Сократа, Иисуса, и, в конце концов, не от Игнатия Лойолы... Они не в большей степени являются результатом сознательных откровений, чем следствием глубоких медитаций, хотя они и снизошли на меня из Неизведанного. Принимайте их так, как они есть, и думайте о них, что хотите, но я бы предложил вам прежде чем отвергать их, испробовать и понять их при помощи аналогии, посредст-

вом более тщательного изучения химии и физики... Я не осмеливаюсь просить вас углубиться внутрь вашей собственной личности, чтобы, лучше узнав свое эго, вы могли, быть может, отыскать в себе самих такие высшие способности, что позволило бы вам стать наиболее умелым и искусным из философских слесарей и снабдило бы вас ключами, которые могут быть даны вам лишь этими способностями». Чувствуется, что благодаря столь честному руководству можно безопасно проследовать через все те извилистые пути, которые ведут через страну мистических умозрений к свету истины. Мы продолжим наше рассмотрение этой работы в следующем месяце.

ФОКУС ИЛИ МАГИЯ?

Мудрое высказывание гласит, что стремящийся доказать слишком много в итоге не докажет ничего. Проф. В. Б. Карпентер, член Королевского научного общества (и имеющий всяческие прочие титулы на все буквы алфавита) являет именно такой пример в борьбе с лучшими, чем он, людьми. Его атаки становятся все более эмоциональными и, пропорционально усилению оскорблений, доводы его теряют силу и становятся менее убедительными. Но, поистине, несмотря на это, он укоряет своих противников в отсутствии «спокойствия в полемике», хотя сам взрывается как нитроглицерин! Налетая на неприятеля со своими доказательствами, которые «неопровержимы» только для него, он допускает множество ошибок. Именно одну из его ошибок я и хотела бы использовать как повод рассказать о некоторых случаях из моей жизни.

Я не преследую цель сокрушить чью-либо репутацию. Господа Уоллас и Крукс вполне могут позаботиться о себе сами. Каждый в своей области способствовал прогрессу полезного знания и в большей степени, чем это сделал д-р Карпентер. Оба они были удостоены почестей за ценные и оригинальные исследования и открытия, в то время как их обвинителя часто упрекали за то, что он не лучше других, умеющих умело обобщить чужие идеи. Прочитав толковые ответы «обвиняемых» и разгромный обзор проф. Бьюкенана все, за исключением его друзей, ненавидящих психические феномены, увидели, что д-р Карпентер повержен и не подает признаков жизни.

В декабрьском приложении к «The Popular Science Monthly» я нашла на стр. 116 интересное признание, что бедный фо-

кусник-индус может показать такое, от чего у именитого профессора захватит дух! А вот спиритические феномены мисс Николь (миссис Гуппи) во внимание не принимаются. Вот что говорит доктор Карпендер:

Знаменитый «фокус с деревом», знакомый многим, кто жил в Индии продолжительное время, и описанный несколькими нашими известными гражданами и представителями науки, является самым большим чудом, о котором я когда-либо слышал. То, что дерево манго сначала почти мгновенно вырастает на шесть дюймов из клочка земли, к которому фокусник ни имел доступа, выходит из опрокинутой вверх дном корзины и за полчаса вырастает до шести футов из все более высоких корзин, оставляет гораздо большее впечатление, чем феномены мисс Николь.

Может быть и так. Во всяком случае ничего подобного ни один член Королевского научного общества не может продемонстрировать ни днем, ни в сумерках, будь он в королевском институте или еще где-либо. Разве подобное явление, засвидетельствованное должным образом и происходящее при обстоятельствах, исключающих обман, не будет изучаться учеными? Если нет, что же тогда достойно исследования? Однако посмотрите на лазейку, которую оставил для себя член Королевского научного общества. Профессор иронически замечает:

Приписывает ли это мистер Уоллас какой-либо невидимой силе? Или, как весь мир [конечно, имеется в виду мир, который создала наука и который Карпендер приводит в движение] или фокусники, показывающие трюк с деревом, он считает это частью ловкого фокуса?

Оставим отвечать на эти вопросы мистеру Уолласу, если он только переживет эту молнию Юпитера, но замечу, что индусы-«фокусники» ответят категоричным «нет» на оба пункта. Фокусники-индусы никогда не утверждают, что действуют посредством какой-либо «невидимой силы», а также не признают этот феномен «фокусом или ловким трюком». Они исходят из убеждения, что подобные «фокусы» возможны благодаря неким силам, подчиняющимся любому человеку, и силы эти могут быть одинаково использованы как для хороших, так и для плохих целей. Сама же я, скромно следуя за теми, чье мнение основано на точных психологических опытах и

знании, считаю, что ни д-р Карпентер, ни ученые, защищающие его, пусть даже их титулы не вмещаются на одной странице, не имеют ни малейшего представления об этих силах. Для того чтобы хотя бы поверхностно ознакомиться с ними, необходимо изменить научные и философские концепции. Вслед за Уолласом и Круксом, они должны начать с азов спиритуализма, который д-р Карпентер презрительно называет «сосредоточием просвещения и прогресса». Они должны извлекать уроки не только из истинных, но и ложных феноменов, тех, которые главный авторитет (Карпентер), «верховный жрец новой религии», называет «Иллюзиями, Бессмыслицей и Фокусами». Пройдя через все это, как надлежит сделать каждому разумному исследователю, они могут увидеть фрагменты истины. Для начала полезно знать, что *не представляют* из себя данные феномены, чтобы понять их суть.

У д-ра Карпентера есть два ключа, которыми он якобы может открыть любую потайную дверь медиумов. Имя им «ожидаемый результат» и «предвзятость». Таковы отмычки большинства ученых. Но едва ли они помогут раскрыть тайну «фокуса с деревом», ибо ни его «известные граждане», ни «представители науки» не ожидали, что голый индус на странном клочке земли вырастит за какие-то полчаса из зерна дерево манго высотой в шесть футов, и потому не могли отнестись к этому предвзято. Это не может происходить благодаря «невидимой силе», это наверняка «трюк». И вот сейчас Маскелайн и Кук, два ловких английских фокусника, находятся в центре внимания общественности благодаря своим разоблачениям спиритуализма. Ими восхищаются все ученые, а на процессе по делу Слейда они выступили как свидетели-эксперты со стороны прокурора. Они заодно с д-ром Карпентером. Что же он ни попросит их объяснить этот ловкий трюк, чтобы господи Уоллас и Крукс покраснели от своей собственной тупости? Им известны все фокусы ученых; где еще наука может найти лучших союзников? Но мы должны настаивать на равных условиях. «Фокус с деревом» не должен демонстрироваться в помещении при искусственном свете, а исполнителю не нужен строгий вечерний костюм. Все должно происходить днем на клочке земли, к которой фокусники не имели доступа. Никакой техники, соучастников, белые галстуки и фраки не-

обходимо будет снять, и англичанам придется предстать в незатейливых костюмах времен Адамы и Евы — это плотно облегающее тело пальто из собственной кожи, а единственным посторонним украшением будет *dhoti*, набедренная повязка шириной в семь дюймов. Так поступают индусы, и мы просим вас играть честно, поступая так же. Если им при этих условиях удастся превратить росток манго в дерево, пусть д-р Карпентер использует его в качестве дубинки и вышибет мозги первому попавшемуся «сумасшедшему спиритуалисту». Но до тех пор, пока они этого не сделают, Карпентеру лучше как можно меньше говорить о трюках индусов ради своей репутации ученого.

Нельзя отрицать тот факт, что в Индии, Китае и вообще на Востоке есть настоящие фокусники, показывающие трюки. Также верно и то, что некоторые из этих фокусов выглядят чудесами для западноевропейцев. Но фокусники эти — не факиры, не те, кто демонстрирует чудо с деревом манго, как об этом пишет д-р Карпентер. Адепты из индусов и европейцев тоже могут вырастить дерево, произведя манипуляции руками, но при совершенно других условиях. Скромно замыкая процессию «известных граждан» и «представителей науки», я расскажу о том, что видела собственными глазами.

Когда мы находились возле Канпура по пути в священный город Бенарес, у одной леди, моей попутчицы, украли все содержимое из небольшого сундучка. Драгоценности, платья и даже записная книжка, в которой она вела дневник в течение трех месяцев — все исчезло при таинственных обстоятельствах, причем замок остался цел. После пропажи прошло несколько часов, может быть сутки, когда мы начали искать вещи на рассвете в расположенных неподалеку от города руинах, усеянных свидетельствами вездесущего Нана Сахиба англичанам. Моя спутница хотела обратиться к местной полиции, я же стремилась найти местного госсейна (так индусы называют святых, знающих обо всем происходящем) или хотя бы *jadugar*, т.е. волшебника. Но западный образ мышления победил, и мы потратили целую неделю на бесполезные визиты в *chabutara* (полицейский участок) и интервью с *kotwal* (начальником). В отчаянье, моя спутница решила прибегнуть к последнему шансу, и мы отыскивали госсейна. Жили мы в ма-

леньком одноэтажном доме на окраине города, на правом берегу Ганга, и с веранды было видно через реку, поскольку в той местности она еще очень узкая.

Эксперимент проводился на веранде в присутствии семьи хозяина — португальца с юга, — моей подруги и двух недавно приехавших французов, которые открыто смеялись над нашими предрассудками. Жара была невыносима, тем не менее этот святой цвета кофе, настоящий ходячий скелет, потребовал, чтобы мы прекратили пользоваться *pankah* (веер, приводимый в движение шнуром). Он не объяснил, почему так надо, но причина в том, что движение воздуха создает помехи точным экспериментам с магнитным полем. Все мы слышали о «катающихся горшках», используемых в Индии для обнаружении кражи — обычный железный горшок, который волей мага-индуса катится к месту, где находятся украденные вещи. Госсейн поступил иначе. Прежде всего он попросил какой-либо предмет, который был в сундучке дольше всех из неукраденных вещей — ему подали пару перчаток. Он сжал их своими тонкими ладонями, перевернул несколько раз, затем бросил на пол и начал медленно поворачиваться, стоя на месте. Руки и пальцы его были вытянуты, как будто он искал направление, где лежали вещи. Внезапно он резко остановился, медленно опустился на пол и замер, сидя «по-турецки». Руки его были по-прежнему вытянуты в одном направлении, и все это напоминало состояние каталепсии. Это продолжалось больше часа — для нас долгое ожидание в такую жару было настоящей пыткой. Вдруг хозяин дома вскочил и подбежал к перилам, внимательно всматриваясь в сторону реки. Мы последовали его примеру. Откуда или как это появилось, мы не могли сказать, но там, над водой близко от поверхности появился темный предмет,двигающийся в нашем направлении. Мы не могли его рассмотреть, но, казалось, предмет вращался какой-то внутренней силой, вначале медленно, затем, по мере приближения, все быстрее и быстрее. Создавалось впечатление, что он находился на невидимой платформе и двигался строго по прямой. Предмет достиг берега и пропал из поля зрения, закрытый высокой растительностью. Вскоре он с какой-то пружинящей силой перелетел через низкую ограду сада и скорее влетел, чем вкатился на веранду, упав с тяжелым сту-

ком под протянутые руки госсейна. Сильная судорога пробежала по телу старика, когда он глубоко вздохнул и широко открыл до того полуприкрытые глаза. Все были поражены, а французы уставились на сверток с выражением замешательства и ужаса. Поднявшись, святой открыл просмоленный парусиновый мешок, в котором и нашли пропажу, все до последней вещи. Ни сказав ни слова, и не ожидая благодарности, он низко нам поклонился по восточному обычаю и вышел прежде, чем мы оправились от изумления. Нам пришлось догонять его бегом и заставить взять дюжину рупий, которые он положил в деревянную чашу.

Эта история может показаться удивительной и невероятной европейцам и американцам, никогда не бывавшим в Индии. Но ведь д-р Карпентер говорит, что его «известные граждане» и «представители науки» (которые едва ли учуют своими аристократическими носами что-либо мистическое в Индии, равно как и он сам, находясь в Англии, не может увидеть ничего необычного, несмотря на их телескопы, микроскопы и увеличивающее стекло) наблюдали «фокус с деревом», который еще более чудесен. Если фокус с деревом — ловкий трюк, то рассказанное мной, должно быть, тоже. Может быть, джентльмен во фраке и с белым галстуком потрудится объяснить Королевскому обществу, как проделать такие фокусы?

МАГИЯ

В «The Indian Tribune» от 15 марта появилось письмо о взаимоотношениях между Теософическим обществом и «Арья Самадж». Его автор не питает враждебных чувств ни ко мне, ни к Обществу, и потому я всего лишь постараюсь деликатно исправить некоторые допущенные им ошибки.

Поскольку он подписался — «член» Самадж, значит, он должен быть почитаем нами как Брат, пусть даже и был движим вовсе ненужным опасением компрометации своего Самадж некоторыми нашими странными высказываниями, и для того так поспешно отрекся от взаимосвязи этой организации с нашим Обществом. Он пишет:

Я был удивлен, услышав, что в Обществе состоят люди, верящие в магию. Что ж, пусть это будет верой Теософического общества, я могу лишь заверить наших читателей, что в этом плане Арья Самадж не имеет с ним ничего общего... Наши воззрения можно назвать общими лишь там, где они касаются ведического учения и ведической философии.

Вот именно на это я и хотела бы ответить.

Вопрос здесь заключается в конкретном определении слова «магия» и что понимать под «ведическим учением и философией». Если словом магия обозначать популярные суеверия, веру в колдовство и привидения, если это допущение существования сверхъестественных сил, если это вера в чудеса и во все, что противоречит естественным законам — тогда, от имени всех теософов, будь то необращенный скептик, верящий и изучающий лишь простые явления, или же современ-

ный спиритуалист, считающий, что медиумические феномены могут производиться посредством призвания человеческих духов, мы категорически отвергаем обвинение.

Мы еще не видели выпуск «The Civil and Military Gazette», в котором так замечательно познакомили публику с нашими доктринами; но если она намеревалась обвинить теософов в подобной вере, то, следовательно, как и многие газеты, она пишет о том, о чем не имеет ни малейшего понятия.

Наше Общество не верит ни в чудеса, дьявольские или человеческие, ни во что иное, избегающее суда философской и логической индукции или силлогистического метода дедукции. Но если искаженный и относительно новый термин «магия» понимать как высшее знание и изучение природы и глубокое проникновение в ее скрытые силы — в те таинственные, оккультные законы, которые составляют основу каждого элемента — неважно, будем ли мы, как древние, считать, что их четыре или пять, или же поверим современным подсчетам, доведшим их число до шестидесяти, — если под магией понимать древнее знание, недоступное вне святилищ, известное как «поклонение Свету», или божественная духовная мудрость — как противопоставление поклонению тьме и невежеству; если вспомнить, что слово это произошло от именованя высших жрецов античности, которых арии, халдеи, мидийцы и египтяне называли: маха, маги или магинси, а последователи зороастризма магами (от корня *Meh'ah* — великий, знающий, мудрый) — тогда теософы «полностью признают свою вину».

Мы изучаем эту «науку наук», прославленную эклектиками и платониками александрийских школ и практиковавшуюся теургами и мистиками всех веков. Если магия постепенно утратила свою репутацию, то произошло это вовсе не из-за ее собственной никчемности, но вследствие недопонимания и пренебрежения даже основными идеями; особенно же благодаря хитрой политике христианской теологии, которая боялась, как бы «божественные библейские чудеса» не были опровергнуты и принижены многими феноменами, получаемыми посредством естественных (хотя и оккультных) законов, и потому навязывала людям мысль, что все проявления, которые она не способна понять и объяснить, происходили при

содействии личного дьявола. Точно так же и знаменитых магов древности обвиняли в том, что они вовсе не обладали великим знанием божественных истин, внутренних сил и возможностей физических законов, чем их последователи — необразованные персидские мобеда и индусские магараджи из тех циничных сект, что известны нам под названием валлабхачарьи. Названия и тех и других происходит от персидского слова *мог* или *маг* и, соответственно, санскритского *маха*. Не одна великая истина была унижена человеческим невежеством путем ее осмеяния.

И Платон, и даже скептик Лукиан, оба признавали великую мудрость и глубочайшие знания магов; и Цицерон, говоря о тех, кто жил в его время в Персии, называл их *sapientium et doctorum genus majorum*. И если это так, то мы, очевидно, должны признать, что эти маги или «магики» были далеко не такими, как видится в лондонском кресле, вовсе не подобными некоторым мошенникам-медиумам. Наука таких ученых теургов и философов как Пифагор, Плотин, Порфирий, Прокл, Бруно, Парацельс, и многих других великих людей, попала ныне в опалу. Но если бы нашему Брату теософу Томасу Алва Эдисону, изобретателю телефона и фонографа, выпало бы жить во времена Галилея, я уверена, ему пришлось бы искупать грех своего изобретения — метода фиксирования на поверхности металла и сохранения на долгие годы звука человеческого голоса — в ужасных пытках или на костре, ибо его талант был бы объявлен даром дьявола. И все же, даже такое грубое надругательство и замалчивание истины не смогло бы обратить научные открытия в глупое и низкое суеверие.

Но наш друг, «член» Самадж, все же спустился до нашего уровня, по крайней мере в одном: он сам согласился, что в «ведическом учении и философии» Арья Самадж и Теософическое общество находят общую почву. Так что я обращаюсь за помощью к авторитету, который сохранился лучше, чем столь осмеянные магия, теургия и алхимия. Я имею в виду сами Веды, так как «магия» *содержится в каждой строчке священных книг ариев*. Без магии нельзя понять ни одну из шести школ арийской философии. И мы претендуем на точное понимание их, так как изучали и сами Веды и более позднюю

брахманскую литературу, а потому имеем полное право осветить внутренний *sumtum bonum* этой материи всех восточных философий. Если бы мы пренебрегли этим изучением, то, как и вся Европа, поставили бы интерпретацию Вед Макса Мюллера значительно выше «Веда Бхашья» Свами Даянанда Сарасвати. И мы оставили бы непровергнутым утверждение этого англо-немецкого санскритолога, что, за исключением Ригведы, ни одна из четырех священных книг не достойна именоваться «Веда», особенно же Атхарваведа, представляющая собой абсурд, магический нонсенс, составленный из жертвенных формул и заклинаний (см. его «Lecture on the Vedas»). Вот почему мы просим позволить нам, отринув все эти превратные толкования, следовать аналитическому методу таких ученых и практиков «магии», как Капила, упоминаемый в «Шветашватара упанишаде» в качестве «Риши, получившего знание от самого Бога»; Патанджали — великий авторитет йоги; Шанкарачарья — знаменитый теург; и даже Зороастр, получивший свою мудрость от брахманов Арьяварты. И мы не понимаем, почему это должно оказаться причиной насмешек, будто мы суеверные глупцы или фанатичные энтузиасты, всего мира и со стороны нашего брата из Арья Самадж. Я даже скажу больше. В то время как наш дорогой брат вместе со всеми остальными «членами» Самадж не способны и совершенно бессильны защитить Свами Даянанда от софистики насмешников, подобных пандиту Махеза Чандра Ньяратна из Калькутты, уверявшего нас, что «Веда Бхашья» это жалкая и неудачная попытка интерпретации, мы, теософы, не уклоняемся от принятия этого труда. Когда Свами говорит, что Агни и Ишвара это одно и то же, пандит из Калькутты называет это «чепухой». Ему Агни представляется простым видимым огнем, на котором он может приготовить свой рисовый пирог. Очевидно, он не знает — хотя и должен был бы знать, если он называет себя «магом», то есть ознакомившимся с понятиями о божественном Огне и Свете, «чье наружное тело — Пламя», которых придерживались средневековые розенкрейцеры («философы огня») и все их именитые предшественники, — что ведический Агни действительно Ишвара и не что иное. Свами не делает никакой ошибки, когда говорит:

Поскольку и Агни — божество, и Вишну — божество. Поскольку эти два [божественных] тела, Агни и Вишну, — две стороны жертвы.

На одном конце лестницы, спускающейся с небес на землю, находится Ишвара — Дух, Высшее Существо, субъективное, невидимое и неопознаваемое; на другом — его видимое проявление, «жертвенный огонь».

Все это было прекрасно понято всеми древними религиозными философами, и посвященные персы поклонялись вовсе не чадающему пламени, а божественному Духу внутри, лишь проявлением которого является огонь; и даже в Библии есть недостижимый Иегова и его огонь, пожирающий дрова на алтаре и спускающийся ко рву с водой и поглощающий ее (1 Царств, 18:38). Горящий куст Моисея и Святой Дух в христианских Евангелиях, спускающийся подобно языкам пламени на головы избранных учеников — это тоже видимое проявление Бога. Нет ни одной эзотерической философии и, тем более, теософии, которая бы не воспринимала этой глубокой духовной идеи; и все они, так или иначе, происходят к ведическим священным книгам. Вот что говорит автор «Розенкрейцеров», цитируя Р. Фладда, теософа и алхимика средневековья, в главе «Природа Огня»:

В этом нет ничего удивительного, ведь в религиях ариев, мидян, зороастрийцев, оставим пока идолопоклонство, древние персы и их учителя, маги, полагая, что они видят «Все» в этом сверхъестественном, величественном Элементе (огне), падали ниц и молились ему; делая видимое изображение истинного Бога, все же, в своих размышлениях, философиях, в своем здравом рассудке люди понимали, что это не может быть Богом; божественная сущность всюду вокруг нас, и даже *в самих нас*, и невозможно рассмотреть или изучить *снаружи* то, что является *Всем*.

Это учение средневековых «философов огня», известных как Братство Розы и Креста, таких как Парацельс, Кунрат, Ван Гельмонт, а также всех иллюминатов и алхимиков, следовавший этой вере, всех, кто открывал для себя вечный Огонь или «узнавал Бога в Бессмертном Свете», в сиянии, которое исходило от йогов. Тот же автор пишет о них:

«Уже эти титаны мысли, поднимаясь к вершинам сознания, миновали туманные границы Реального и Нереального и достигли магии. Может ли магия быть полностью фальшивкой?» —

спрашивает он. Нет, конечно же нет, если под магией понимать высшее изучение божественных, а вовсе не сверхъестественных, законов, хотя те пока и не демонстрируются точными материалистическими проявлениями, как те, в которые верит почти двадцать миллионов хорошо образованных, часто даже высоко просвещенных и ученых людей Европы и Америки. Все они реальны, все удостоверены показаниями сотен безупречнейших свидетельств, все имеют научные, математические доказательства, такие же, как, например, последние открытия нашего Брата Т. А. Эдисона. Если эпитет «глупец» применим к таким людям науки и гигантам интеллекта обоих полушарий, как У. Крукс; Альфред Рассел Уоллас, величайший натуралист Европы, успешно соперничающий с Дарвином; Фламарион, французский астроном, член академии наук Франции; профессор Цёльнер, прославленный астроном и физик из Лейпцига; профессор Хэйр, великий американский химик, и множество других не менее знаменитых ученых, несомненным авторитетам во всех областях за исключением спиритуалистических феноменов, а также и к самим убежденным спиритам, зачастую обратившимся в спиритов лишь после многолетних замечательных исследований — тогда, конечно, теософы вовсе не сочтут себя попавшими в плохую компанию, и даже почтут за честь, но все же отделяя себя от ортодоксальных спиритуалистов, то есть, верят в блуждающих духов и материализацию *бхутов*. Но хотя мы и подвергаем сомнению их «духов», однако верим в спиритические феномены, ибо мы знаем, что это реальные факты. Одно дело отвергать недоказанные теории, и совершенно другое — бороться против точно установленных фактов. Каждый имеет право сомневаться, пока не будет неоспоримых доказательств. Можно не признавать, что эти современные феномены, в изобилии встречающиеся в странах Запада, проявляются лишь при посредничестве развоплощенных «духов», ибо до сих пор это была чисто надуманная доктрина, поддерживаемая лишь энтузиастами; но никто не имеет оснований отвергать само существование подобных явлений, пока он не приведет более веские аргументы, чем просто скептическое отрицание. Если мы, теософы (хотя и довольно малая часть нас), отрицаем посредство «духов» в подобных проявлениях, то это потому, что мо-

жем доказать спиритуалистам свою точку зрения на множестве примеров. Большинство из этих феноменов, психических или психологических, могут быть проделаны нашими адептами без всяких «духов» и божественных или дьявольских чудес с помощью одной только своей воли и благодаря развитию оккультных сил человеческого внутреннего Я. Но европейские и американские скептики, отрицая такие вмешательства духов, отрицают и сами явления. Лишь недавно вырвавшись из члустей Церкви, всего лишь столетие назад пытавший и казнивший всякого, осмелившегося усомниться в библейских «божественных» чудесах или признавать те, которые теология объявила дьявольскими, они упиваются новообретенной свободой мысли и действия, и это вполне естественная реакция. Тот, кто отрицает Высшее и существование своей собственной души, тот точно так же не поверит, без неопровержимых доказательств, ни в духов, ни в эти феномены — то есть в то, во что восточные люди различных сект, особенно же индусы, могут не верить — и вот это действительно аномалия, ведь все они знают о перевоплощении душ, о духовной, как и физической, эволюции. Семнадцатая глава Махабхараты, «Хариваншапарва», полна спиритических феноменов и проявлений духов. И если, устыдившись называемой ныне «суевериями» веры своих предков, молодая Индия, словно подсолнух, повернулась к великим светилам Запада, то вот слова, защищающие эти феномены и веру древней Индии, сказанные одним из известнейших ученых Англии А. Р. Уолласом, другом королевской семьи и членом Теософического общества: ¹

Когда я впервые столкнулся с фактами спиритуализма, я был твердым философическим скептиком. Я был настолько убежденным материалистом, что в то время я просто не мог найти места в своем сознании для концепции духовного существования или любого иного генезиса во вселенной, кроме как от материи и силы. Факты, однако, «вещь упрямая».

Рассказав как он пришел к спиритуализму, он рассматривает спиритическую теорию и показывает ее взаимодействие с естественным отбором. Он говорит:

---

¹ Цитаты из «Добавления к теории естественного отбора» и «О чудесах и современном спиритуализме». — *Прим. пер.*

Следуя фактам, посредством точной индукции я пришел к вере, что, во-первых, существует множество сверхъестественных разумов различного типа, и, во-вторых, некоторые из них, хотя и остаются невидимыми и неосязаемыми для нас, способны оказывать влияние на материю и на наши мысли, и делают это. Пытаясь объяснить те оставшиеся явления, которые не поддаются объяснению в рамках теории естественного отбора, я твердо следовал точному научному и логическому методу. В десятой главе «Добавлений к теории естественного отбора» я объяснил, что именно отношу к таким явлениям; и я предполагаю, что они происходят благодаря воздействию *некоторых типов разумов, упомянутых выше*. Я утверждал, и по-прежнему утверждаю, что этот подход — единственный логически обоснованный, и, к тому же, он не противоречит ни в коей мере великой доктрине эволюции посредством естественного отбора.

Разве не следует понимать это так, что ему слышатся голоса Ману, Капилы и многих других философов древней Индии, говорящих о создании, эволюции, росте нашей планеты и населяющем ее мире животных и людей? Разве меньше говорит великий современный ученый о «духах» и о духовных сущностях, чем Ману, ученый и законодатель времен доисторических? Пусть молодая, скептически настроенная Индия сравнит идеи древних ариев и идеи современных мистиков, теософов, спиритуалистов и немногих великих ученых, а потом уже смеется над *суеверными* теориями обоих.

Вот уже на протяжении четырех лет мы боремся, пытаемся примирить разногласия. Нас бранили и называли предателями спиритуалисты, за то что мы верим в существование в невидимом мире иных существ помимо их духов умерших; христиане и их духовенство проклинали на вечные времена и выдали пропуск на свободный вход в ад; нас осмеивали скептики, общество взирало на нас как на наглых безумцев, а консервативная пресса вообще наложила на нас табу. Мы уж думали, что испили чашу горечи до дна. Мы надеялись, что хоть в Индии, стране, знаменитой своими учеными психологами и метафизиками, сможем найти твердую почву, чтобы встать на ноги. Но нет! и сюда приходит наш «брат», который, не дав себе труда проверить сплетни, ходящие о нашей вере в магию или спиритуализм... Ладно! Мы ни в ком не нуждаемся. Более четырех лет мы напрасно искали возможность обрести силу,

если не мудрость, и вот, наша скромная депутация теософов прибыла сюда, чтобы открыть «ведическое учение и философию» миллионам изголодавшихся душ на Западе, которые ознакомились с феноменами, но идут по неверному пути из-за ошибочных представлений о духах и бхутах. Но если нас сразу же отталкивают, если мнение этого «члена» разделяет значительная часть Арья Самадж, тогда Теософическое общество, вместе с 45 000 или около того западных спиритуалистов, опять станет отдельной независимой совокупностью, вместо того чтобы оказаться просвещенными относительно абсурдных нелепостей спиритизма и магии.

Бомбей, март 1879

АХКУНД ИЗ СВАТА

Основатель многих мистических обществ

Этот век произвел много замечательных людей, но Гафур — один из самых выдающихся.

Если Восточная доктрина права, утверждая, что души, хорошие или плохие, которым не хватило времени, чтобы реализовать свои планы на земле, воплощаются вновь, причем жажда утолить свои страсти вовлекает их все больше и больше в поток своих привязанностей, то несомненно, что Гафур был реинкарнацией того Феличе Перетти, который известен в истории как папа Сикст V. В памяти потомков он остался коварной и одиозной фигурой. Оба они родились в семье бедняков, были невежественными крестьянскими мальчиками и начинали свою жизненную деятельность пастухами. Оба достигли вершины славы хитростью и стяжательством, насаждая вокруг суеверия. Сикст V, автор мистических книг, практиковавший запрещенные науки, — стал главным инквизитором, чтобы утолить жажду к власти и остаться безнаказанным. Когда его выбрали папой, он предал анафеме и королеву Англии Елизавету, и короля Наваррского, и других великих людей. Абдул Гафур, обладавший железной волей, был самоучкой и постиг многие науки благодаря общению с «мудрецами» из Кхуттука. Он был таким же сведущим в арабской и персидской литературе по алхимии и астрономии, как Сикст V в трудах Аристотеля, и также, как и он, умел изготавливать месмеризованные талисманы и амулеты, несущие либо жизнь, либо смерть, в зависимости от того, кому они предназначались. Психологическое влияние обоих распространя-

лось на миллионы приверженцев, которые их скорее боялись, чем любили.

Гафур был воином и честолюбивым предводителем фанатиков; он стал дервишем, а затем, с позволения сказать, «папой»; его благословения и проклятия сделали его таким же господином эмиров и других мусульман, каким Сикст V был для католических монархов Европы.

Только основные этапы его карьеры известны христианскому миру. Как бы пристально за ним ни наблюдали, все же его личная жизнь, честолюбивые стремления к светской и религиозной власти остались книгой за семью печатями. Лишь одно нам ясно — он был основателем и главой почти всех мусульманских тайных обществ, достойных упоминания, и духовным вождем всех прочих. Его явный антагонизм к ваххабитам был только маской; и нет сомнения, что рука убийцы, казнившая лорда Майо, умело направлялась стариком Абдулом. Дервиши, члены ордена Бикташи,¹ все завывающие и пляшущие нищие и другие мусульманские нищенствующие монахи признавали его власть над правоверными превыше власти Шейк-уль-Ислама. Вряд ли Константинополь или Тегеран — какими бы еретиками эти персы не были — осмелился бы издать хоть один указ без вехома Абдула. Такой же фанатичный, как и Сикст, но еще более хитрый, он вместо того чтобы давать прямые приказы уничтожить ваххабитов, гугенотов ислама, посылал свои проклятья и указывал пальцем только на тех из них, кто стоял у него на пути, а с остальными поддерживал, хотя и втайне, дружеские отношения.

Титулом Наср-эд-Дина (защитник веры) он равно наградил и султана и шаха, хотя один был суннитом, другой шиитом. Он подсластил жгучую религиозную нетерпимость Османской династии, добавив к прежнему титулу «Наср-эд-Дин» титулы «Сайф-эд-Дин» (ятаган веры) и «Эмир эль-Мумминья» (правитель правоверных). Каждый эмир эль-Сурей, или глава каравана паломников в Мекку, приносил сообщения Абдулу

---

¹ По сей день никто не признает дервиша членом ордена Бикташи, пока он не предъявит некий медальон с печатью этого «высшего понтифика» всех дервишей, независимо от того, принадлежат ли они к одной секте или к разным.

или доставлял сообщения от него, а также получал советы и инструкции; Абдул выступал в роли таинственного оракула, для которого оставлялись деньги, подарки и другие подношения, подобные тем, которые католические паломники подносили в Риме.

В 1847-48 гг. принц Мирза, дядя молодого шаха и экс-губернатор огромной провинции в Персии, появился в Тифлисе, надеясь найти защиту у князя Воронцова, наместника на Кавказе. Принц Мирза бежал от суда своего любящего племянника, который горел нетерпением выколоть ему глаза, стащив драгоценности и деньги из королевской казны. Ходили слухи, что ему во сне три раза являлся великий дервиш Ахкунд, подстрекавший его взять все, что принадлежало молодому шаху, и поделиться добычей с покровителями веры его главной жены (их он привез с собой в Тифлис двенадцать), уроженками Кабула. Эта тайна, хотя возможно, это было косвенное воздействие, которому он подвергся от бегумы из Бхопала, во время восстания сипаев в 1857 г. была неизвестна только англичанам, которых старый интриган Абдул мог легко обвести вокруг пальца. Всю свою жизнь следуя заветам Макиавелли, внешне поддерживая дружеские отношения с англичанами, а втайне их проклиная, Абдул, почитаемый как новый пророк миллионами правоверных и как великий мусульманский еретик, стремился сохранить свое влияние над друзьями и врагами. Но все же старый «Учитель» имел одного врага, которого очень боялся, потому что знал, что никакая хитрость никогда не поможет ему переманить его на свою сторону. Этим врагом были когда-то могущественные сикхи, бывшие полновластные правители Пенджаба и хозяева долины Пешавар. Низведенный со своего высокого положения, этот воинственный народ находился в подчинении у одного магараджи, Путтиалы, который сам является лишь бессильным вассалом англичан. С самого начала на пути Ахкунда встали сикхи. Не успевал он почувствовать себя победителем, как между ним и воплощением его надежд неизменно возникал его заклятый враг. И сикхи оставались верными англичанам в 1857 г. скорее не из-за сердечной благодарности или политических убеждений, а из открытой оппозиции к магометанам, которым, они знали, тайно помогал Ахкунд.

Со времен великого Нанака, предводителя касты кшатриев, основателя Сикхского Братства во второй половине пятнадцатого века, эти отважные и воинственные племена всегда были источником постоянного беспокойства династии моголов, наводя ужас на индийских мусульман. Зародившись, если можно так выразиться, в религиозном братстве, целью которого было покончить с исламом, брахманизмом и другими измами, включая и позднейшее христианство, эта секта превратила чистый монотеизм в абстрактную идею вечно непознаваемого принципа и создала из нее доктрину «Всечеловеческого Братства». Согласно их взглядам, мы все дети одного Отцовского-Материнского Принципа, у которого «нет ни формы, ни образа, ни цвета», и, следовательно, все мы должны быть братьями, независимо от расы или цвета кожи. Жрец брахман, фанатично следующий мертвой букве писаний, стал в глазах сикхов таким же врагом Истины, как и мусульманин, предающийся чувственным наслаждениям со своими гуриями на небесах, как идолопоклонник-буддист, монотонно читающий молитвы у своего колеса, или же как римский католик, умиляющийся изображению своей драгоценной Мадонны, чей цвет лица священники меняют по своему желанию с белого на коричневый и даже черный, подгоняя его под климатические условия и предрассудки. Позднее Арджуна, сын Рамдаса, четвертый в роду Нанаков, объединив доктрины основателя братства и его сына, составил священное писание, назвав его «Ади-гарунт», и снабдил его многочисленными вставками из сорока пяти сутр джайнов. Хотя «Ади-гарунт» и заимствовала религиозные персонажи из Вед и Корана, предварительно тщательно их просеяв и объяснив их символизм, все же ее идеи относительно сложных метафизических концепций имеют больше сходства скорее с идеями школы Гуру джайнов. Понятия астрологии, или влияние звездных сфер на людей, были очевидно заимствованы от этой наиболее выдающейся школы древности. В этом можно легко убедиться, сравнив Ади-гарунт с комментариями Абхаядева Сури к оригинальным текстам сорока пяти сутр на языке магадхи или балабаша.¹ Ста-

---

¹ Эта ценная работа была недавно переиздана в «Ookerdhabhoj Shewgee» и прислана в Теософическое общество редактором этого

рый гуру джайнов, который, как говорят, составил гороскоп Рунджит Сингха в период расцвета его власти, предсказал падение королевства Лахор. Именно ученый Арджуна, возвратившийся в Амритсар, превратил секту сикхов в политикорелигиозную общину и учредил в ней другую, и более эзотерическую, школу Гуру, школу ученых и метафизиков, и стал ее единственным главой. Он умер в тюрьме в начале семнадцатого века, где его, по приказу Аурангзеба, подвергали пыткам. Его сын Говинда, знаменитый гуру (религиозный учитель), поклялся отомстить убийцам своего отца, и после различных перипетий афганцы в 1764 г. были окончательно изгнаны сикхами из Пенджаба. Этот триумф еще больше возбудил в них ненависть, и с этого момента вплоть до смерти Рунджит Сингха в 1839 г. мы видим их постоянно нападающими на мусульман. Маха Сингх, отец Рунджита, разделил всех сикхов на двенадцать мизалов, или округов, каждый из которых имел своего собственного главу (сирдар), тайный Государственный совет которого состоял из гуру. Среди них были знатоки духовной науки, и они могли бы, если бы захотели, показать такие же поразительные «чудеса» и божественные фокусы, как и старик-мусульманин Ахкунд. Он это прекрасно знал и по этой причине испытывал по отношению к ним скорее страх, чем ненависть, помня свое поражение и поражение своего эмира от Рунджита Сингха.

Одним из наиболее драматичных моментов в жизни «Папы из Сиду» является следующий достоверный случай, который лет двадцать тому назад широко обсуждался в той части Индии, где он жил. Однажды, в 1858 году, когда Ахкунд, сидя на корточках на ковре, раздавал амулеты, благословения и пророчества своей благочестивой конгрегации паломников, к нему незаметно, смешавшись с толпой, подошел высокий индус и неожиданно обратился со следующими словами: «Скажи мне, пророк, который так хорошо предсказывает другим, знаешь ли ты, какой будет твоя собственная судьба и судьба «Защитника Веры», твоего султана из Стамбула, через 20 лет?»

издания через президента Бомбейского отделения. В итоге планируется довести работу до полноценного первого издания «Библии» джайнов, включая «Сутра Санграха», или «Вихива паннутти сутра», реально существующую, но прежде сохранявшуюся джайнами в тайне.

Старый Гафур, остолбеневший от удивления, устался на задавшего ему вопрос, не издавая ни звука. Узнав в нем сикха, он похоже, потерял дар речи, и вся толпа оцепенела.

«Если нет, — продолжал непрошенный гость, — то я тебе скажу: пройдет двадцать лет, и твой «Правитель Правосверных» падет от руки убийцы из его собственного рода. Два старика, один далай-лама христиан, другой — великий пророк мусульман ты сам, будут раздавлены колесом смерти в одно и то же время. Затем пробьет час падения двух врагов истины — христианства и ислама. Первый, как более могущественный, переживет второй, но оба вскоре распадутся на отдельные секты и будут истреблять друг друга. Видишь, твои последователи бессильны, и я мог бы убить тебя сейчас, но ты в руках Судьбы, а она знает свой час».

И сказавший это исчез прежде, чем можно было поднять руку. Этот случай достаточно убедительно доказывает, что сикхи могли бы убить Абдула Гафура в любой момент, если бы этого пожелали. И возможно, что «*Mayfair Gazette*», которая в июне 1877 года пророчески заметила, что враждующие понтифы Рима и Свата могут умереть одновременно, узнала про это от одного «старого индуса», а пишущая эти строки услышала этот рассказ в Лахоре от своего знакомого.

ПЕРСИДСКИЙ ЗОРОАСТРИЗМ И РУССКИЙ ВАНДАЛИЗМ

Немногие способны оценить истинную красоту и эстетику, еще меньше тех, кто может по достоинству оценить монументальные реликвии прошлого — живых свидетелей того, что даже в древнейшие эпохи человечество поклонялось Высшей Силе и человек стремился запечатлеть абстрактные идеи в творениях, которым суждено было пережить века. Вандалы — будь то славянские венды или какое-то германское племя — всегда приходили с Севера. Недавний случай заставляет нас пожалеть о том, что Юстианин не разрушил все реликвии прошлого, так как выясняется, что и поныне живут на Севере потомки этих страшных вандалов, разрушающих памятники старины — русские купцы, которые только что совершили акт непростительного вандализма. Русские газеты пишут, что московский миллионер Кокорев и его тифлисский напарник, армянский крез Мирзоев, оскверняют и разрушают старейшую святыню зороастризма — «Аттеш-Гаг», что в Баку.¹

Очень мало кто из иностранцев и возможно столь же мало среди русских знают что-либо об этой святыне огнепоклонников возле Каспийского моря. В 20 верстах от небольшого городка Баку, в долине Апшерона, в Русской Грузии, среди выжженной и бесплодной Каспийской степи стоит — Господи! стояло всего четыре месяца назад — странное сооружение, нечто среднее между средневековым храмом и укрепленным

---

¹ Также называемый «Аттеш-Кудда».

замком. Когда и кто его построил, никому не известно. На участке площадью в одну квадратную милю, известном как «Огненное поле», где стоит это сооружение, если копнуть песчаную землю на 2-3 дюйма и поднести к тому месту зажженную спичку, то из него как из фонтана брызнет вверх струя огня.¹ «Храм гебров», как это сооружение иногда называют, был вырезан из цельного куска скалы. Он представлял собой огромный квадрат, обнесенный зубчатыми стенами. Посередине, опираясь на массивные колонны, стояла высокая башня. Эти колонны своим основанием уходили в скальные породы, а наверху на них были вырезаны зубчатые амбразуры. Это были своего рода трубы, по которым горючий газ, скопившийся в центре материнской породы, постоянно поднимался наверх. На протяжении веков башня была святыней огнепоклонников, ее символическое изображение — трезубец, называвшийся *тирсут*. С лицевой стороны ее внешней стены были высечены кельи, числом около двадцати, в которых многие поколения жили зороастрийские отшельники. Под руководством высшего мобеда здесь, в тиши, под сводами уединенных келий, они изучали Авесту, Вендидад и Яшну, особенно, кажется, последнюю, поскольку скалистые стены их келий испещрены многочисленными цитатами из священных гимнов. Под башней-алтарем висели три огромных колокола. Легенда рассказывает, что их создал чудесным образом один святой скиталец в 10 веке, во время мусульманского преследования, чтобы своевременно оповещать верующих о приближающемся враге. Всего несколько недель назад на высокой башне-алтаре все еще горел огонь, который, как гласит предание, зажгли 30 веков назад. У горизонтальных отверстий четырех полых колонн неугасимо горели четыре огня, бесперебойно обеспечиваемые из неисчерпаемого подземного резервуара. От каждого зубца и амбразуры струился лучезарный свет, переливаясь многочисленными язычками пламени, и даже большой балкон над главным входом был освещен гирляндой огненных звезд; светящиеся огоньки вспыхивали и в

---

¹ Это выглядит как голубоватое пламя, поднимающееся из земли, но этот огонь не обжигает, «и если кто-то очутится среди него, он не ощутит даже и тепла» (см. «Персия» Киннейра, с. 35).

меньших и более узких отверстиях стен храма. Вот в таком удивительном окружении гебры-отшельники ежедневно отправляли свои молитвы, собираясь перед открытым алтарем; каждое лицо было благоговейно устремлено к заходящему солнцу, голоса молящихся сливались в вечернем гимне прощания. И по мере того как светило — «Глаз Ахуры-Мазды» — уходило все дальше и дальше за горизонт, их голоса становились все тише и тише, пока, наконец, пение не напоминало уже печальный и приглушенный шепот... Блеснул последний луч — и солнце скрылось; и поскольку ночь в этих местах наступает мгновенно, то уход этого божественного символа служил сигналом к общей иллюминации, с которой не сравнятся даже величайшие фейерверки королевских торжеств. Каждую ночь это огненное поле казалось похожим на горящую прерию...

До приблизительно 1840 г. Аттеш-Гаг был главным местом паломничества огнепоклонников Персии. Тысячи паломников посещали эту святыню; и ни один истинный гебр не мог умереть счастливым, пока он не совершит, хоть раз в жизни, паломничество к этому святому месту. Один путешественник, некий Кох, который приблизительно в то время посетил этот храм, нашел в нем всего пять зороастрийцев со своими учениками. В 1878 г., почти 14 месяцев назад, одна дама из Тифлиса, побывавшая в Аттеш-Гаг, сообщила мне в письме, что она обнаружила там только одного отшельника, который покидал свою келью исключительно лишь для того, чтобы приветствовать восход и заход солнца. И сейчас, по прошествии почти года, мы читаем в газетах, что г-н Кокорев и Ко строят на Огненном поле огромные сооружения по переработке нефти! Во всех кельях, наполовину разрушенных и невыразимо грязных, расположились рабочие фирмы, исключение составляет только одна, где живет бедный старый отшельник; алтарь, над которым горел священный огонь, сейчас завален строительным хламом и известковым раствором, а сам огонь уже горит совершенно для других целей. Благодаря заботам русского священника, периодически посещавшего этот храм, колокола тоже сняли и повесили на веранде дома суперинтенданта; как обычно, языческие реликвии используются — и даже оскверняются — религией, ко-

торая вытесняет прежние верования. И все выглядит как мерзость запустения... «С лучившемся меня удивляет, — пишет в Санкт-Петербургских ведомостях бакинский корреспондент, который первый прислал печальную новость, «что трезубцу, священному *тирсуту*, все еще не нашли какого-либо достойного применения даже в столовой этой компании!.. Так ли уж нужно было миллионеру Кокореву осквернять зороастрийскую святыню, занимающую такой малый участок по сравнению с тем, какое пространство выделили этому господину под его мануфактуры и лавки? И стоит ли такую великолепную реликвию античности приносить в жертву коммерциализации, в результате которой, в конечном счете, не будет получено ни рубля от ее разрушения?»».

По-видимому, стоит, поскольку г-н Кокорев и К^о взяли этот участок земли в аренду у правительства, которому, похоже, абсолютно безразличен этот идиотский и никчемный акт вандализма. Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как я в последний раз посетила Аттеш-Гаг. В те дни, кроме проживания небольшой группы отшельников, его посещало много паломников. И поскольку весьма вероятно, что спустя 10 лет о нем никто уже ничего не услышит, я хочу более подробно осветить его историю. Наши персидские друзья, я уверена, заинтересуются несколькими легендами, которые я услышала в этом храме.

Завеса тайны скрывает происхождение Аттеш-Гаг. Исторических данных очень мало, к тому же все они противоречивы. За исключением некоторых армянских летописей, которые повествуют о том, что Аттеш-Гаг существовал еще до того, как Грузия от святой Нины в 3 веке¹ узнала о христианстве, больше упоминаний о нем не содержится нигде, насколько мне известно.

---

¹ Хотя святая Нина появилась в Грузии в третьем веке, *грузины* оставались идолопоклонниками вплоть до 5 века, когда тринадцать сирийских св. отцов обратили их в христианство. Они пришли в Грузию под предводительством святого Антония и святого Иоанна Зедазнийского, получившего это имя якобы потому, что он отправился на Кавказ с единственной целью: сразиться и покорить главного идола — Зеду! И в то время как неопровержимое доказательство существования обоих, густые локоны черных волос святой Нины, хранились (и до сих пор хранятся) как реликвия в христиан-

Предание гласит, насколько точно — не мне судить, что задолго до Заратуштры народ, которого мусульмане и хри-

---

ском соборе Тифлиса — чудотворец Иоанн успел прославить свое имя еще больше. Легенда рассказывает, что Зеду, Ваалу Закавказья, приносили в жертву детей на вершине горы Зедазени, в 18 верстах от Тифлиса. Именно здесь святой вызвал на бой идола или, скорее Сатану в образе каменной статуи, и чудесным образом победил его, т.е. сбросил наземь и растоптал его ногами. Но на этом не закончилась демонстрация его чудодейственных сил. Этот горный пик был большой высоты, и верхняя его часть была бесплодным утесом, и на нём не было никакого источника воды. Но в ознаменование своей победы, святой вызвал к жизни родник на самом дне глубокого, и как уверяют, бездонного колодца, прорубленного в недрах горы, зияющая пасть которого находилась совсем рядом с алтарем божества Зеды, как раз посередине его храма. Именно в нее бросали тела детей, принесенных в жертву этому идолу. Нерукотворный источник, впрочем, очень скоро высох, и много столетий после этого воды не было. Но когда христианство твердо установилось в Грузии, вода снова стала появляться на седьмой день каждого мая, и так продолжается до настоящего времени. Как ни странно, но этот факт имеет отношение уже не только к легенде, он возбудил огромное любопытство даже среди ученых мужей, таких как знаменитый геолог д-р Абих, который много лет прожил в Тифлисе. Тысячи паломников каждый год 7 мая устремляются к Зедазени, чтобы лицезреть «чудо». С раннего утра слышно журчание воды на дне скалистого колодца и к полудню его пересушенные стены становятся влажными: кажется, что прозрачная, холодная и искристая вода выходит из всех пор скалы, она поднимается все выше и выше, и достигнув края колодца, внезапно прекращает свой подъем под радостные крики фанатичной толпы. Эти крики, как внезапный залп артиллерии, словно бы сотрясают глубины горы и разносятся эхом на мили вокруг. Каждый спешит наполнить свой сосуд святой водой. В этот день у Зедазени многие себе ломают шею и голову, но тот, кто остается живым и невредимым, уносит с собой прозрачно-кристальную жидкость. К вечеру вода начинает исчезать так же таинственно, как и появилась, и к полуночи колодец опять становится совершенно сухим. Ни капли воды, ни следа родника не смогли отыскать геологи и инженеры, пытавшиеся, склонившись над колодцем, разгадать этот «трюк». Целый год после празднества никто не посещает эту святыню, и нет даже сторожа, чтобы приглядывать за ней. Геологи объявили, что в этой горной породе родников нет и быть не может. Кто же сможет объяснить эту загадку?

стиане презрительно окрестили «гебрами» и который сам себя называет «бехедины», т. е. последователи истинной веры, поклонялся Митре, Посреднику, как своему единственному и Высшему Божеству, который воплощал в себе всех хороших и плохих богов. К Митре, олицетворявшему в себе две сущности — Ормазда и Ахримана — этот народ испытывал страх, хотя он мог бы и не бояться его, а только любить и почитать как Ахура-Мазду, если бы Митра не обладал чертами Ахримана.

Однажды, когда бог, переодетый пастухом, бродил по Земле, он пришел в Баку, тогда еще на мрачный, пустынный морской берег, и обнаружил там своего старого и ревностного поклонника, ссорящегося с женой. В этой бесплодной местности дрова были редкостью, и жена, обладая небольшим запасом угля для приготовления пищи, отказывалась дать хоть немного этого угля мужу, чтобы разжечь огонь над алтарем.

То, что было в боге от Ахримана, поднялось в нем и, ударив жадную старуху, он превратил ее в огромную скалу. Затем в нем проснулся Ахура-Мазда, и он, чтобы утешить овдовевшего старика, пообещал ему, что больше никогда ни он, ни его потомки, не будут испытывать недостаток в топливе, потому что он снабдит его таким запасом угля, который будет неисчерпаем. Он снова ударил о скалу, затем о землю, и известковые почвы Каспийского берега наполнились лигроином. В ознаменование счастливого события этот старый ревностный слуга своего бога собрал всех юношей округи и начал долбить скалу — то, что осталось от его бывшей жены. Он выдолбил амбразуры в стенах, и алтарь, и четыре колонны, вырезав в них полости, чтобы газ мог свободно подниматься и выходить наружу. Бог Митра, увидев, что работа закончена, метнул молнию, которая зажгла огонь над алтарем, а также все огни на зубцах на стенах. Затем, чтобы огонь горел ярче, он призвал к себе четыре ветра и приказал им разнести огонь во все стороны. Баку и по сей день известен под своим первоначальным именем «Baadéy-ku-bá», что дословно означает место встречи ветров.

Другая легенда, отчасти продолжение предыдущей, гласит: веками верующие в бога Митру молились в его храмах, пока Заратуштра, спустившись с небес в виде «Золотой Звез-

ды», не принял человеческий облик и не начал проповедовать новую доктрину. Он славил Единого, но Тройственного Бога — Высшую Вечную, непостижимую сущность «Зервана-Акарна», который эманурует из себя «Первозданный Свет», а последний, в свою очередь, создает Ахура-Мазду. Однако, этот процесс требует, чтобы «Первозданный Единый» сначала поглотил весь свет, который исходит из огненного Митры и лишил бедного бога его сияния. Утерев свое право на безраздельное господство, Митра в отчаянии, подстрекаемый сущностью Ахримана, который в нем, уничтожает себя до поры до времени, предоставляя Ахриману одному бороться с Ормаздом. Отсюда преобладание двойственности в природе, но только до той поры, пока не возвратится Митра, который обещал своим преданным поклонникам в один прекрасный день вернуться. Однако с тех пор на огнепоклонников стали сваливаться многочисленные беды. Последней из этих бед стал приход в 7-м веке в их страну мусульман, когда эти фанатики начали жесточайшие преследования бехеидинов. Вытесняемые отовсюду, гебры нашли приют только в провинции Керман и в городе Йезд. Затем наступило время ересей. Многие из зороастрийцев отказывались от веры своих предков и становились мусульманами, другие, в своей неугасимой ненависти к новым правителям, присоединялись к жестоким и свирепым курдам, поклоняясь дьяволу, как когда-то огню. Затем здесь были езиды. Вся религия этих странных сект, за исключением некоторых, которые совершают значительно больше таинственных ритуалов, никому не раскрывая их секрет, состоит в следующем: как только встает солнце, они складывают крест-накрест большие пальцы и целуют этот символ, поднося его в благоговейном молчании к бровям. После этого они приветствуют солнце и возвращаются в свои жилища. Они верят во власть дьявола, боятся его и стараются всячески умиловать «падшего ангела»; они очень сердятся, когда слышат, что мусульманин или христианин непочтительно о нем отзывается, и даже идут на убийства, когда слышат подобные непочтительные речи, но в последнее время народ стал более осторожным в своих высказываниях.

Кроме общины парсов в Бомбее, огнепоклонников можно встретить лишь еще в двух упомянутых выше местах и непо-

далеку от Баку. Статистика говорит, что несколько лет назад в Персии их насчитывалось 100 000 человек,¹ хотя сомневаюсь, что их религия сохранила такую же чистоту, как и религия гуджератских парсов, претерпев изменения, так же, как, впрочем, и последняя, в результате ошибок и небрежности целых поколений необразованных мобедов. И все же, как и их бомбейские собратья, которых все путешественники, а также англо-индийцы считают наиболее умными, трудолюбивыми и благонаправленными из туземных племен, огнепоклонники из Кермана и Йезда пользуются большим уважением среди персов и русских, живущих в Баку. Долгие века преследований и грабежей сделали их грубыми и хитрыми, но всеобщая молва на их стороне и о них говорят как о добродетельных, высоко нравственных и трудолюбивых людях. Курды говорят: «Верно, как слово гебра», даже не сознавая, какое самоосуждение заключает в себе эта пословица.

Я не могу завершить, не выразив своего удивления по поводу крайнего невежества, которое, похоже, преобладает в России даже среди журналистов относительно религии гебров. Один из них в статье, напечатанной в «Санкт-Петербургских Ведомостях», упомянутых мною выше, пишет о гебрах как о секте индусских идолопоклонников, которые в своих молитвах постоянно обращаются к Брахме. Чтобы придать вес своей статье, он цитирует Александра Дюма (старшего), который в своей книге «Путешествия по Кавказу» говорит, что во время своего посещения Аттеш-Гаг, он обнаружил в одной из келий зороастрийского храма «двух индусских идолов»! Помня милосердное изречение *De mortuis nil nisi bonum* [о мертвых только хорошее (лат.)], мы не можем удержаться от того, чтобы не напомнить нашему уважаемому корреспонденту, что ни один читатель романов блестящего французского писателя не

---

¹ М-р Граттан Гери в его недавней очень ценной и интересной работе «Через азиатскую Турцию» (Лондон, Sampson Law and Co.) заметил о гебрах Йезда: «говорят, что всех их осталось только 5 000». Но поскольку он собирал информацию при спешном пересечении страны, то, очевидно, был в этом случае дезинформирован. Возможно, имелось в виду, что 5 000 их присутствовало в Йезде во время его визита. В соответствии с обычаями, они рассеяны по все стране в начале летнего сезона в поисках работы.

должен забывать, что все разнообразие и неисчерпаемый запас исторических фактов он брал из глубин своего собственного сознания, значительно превосходя в этом бессмертного барона Мюнхгаузена. Сенсационный рассказ о его охоте на тигров в Мингрелии, где со времен Ноя не бывало ни одного тигра, до сих пор в памяти его читателей.

ДРЕВНОСТЬ ВЕД

Журнал, интересующийся, подобно «Теософисту», археологическими исследованиями и религиями древности, а также изучением оккультных сил в природе, должен быть вдвойне осторожным и предусмотрительным. Сближение двух таких взаимоисключающих дисциплин, как точная наука и метафизика, может вызвать такое же возмущение в обществе, как и брошенный в воду калий. Уже само наше стремление доказать, что некоторые из мудрейших мужей Запада были сбиты с толку мертвой буквой священных писаний и что они не в состоянии обнаружить скрытый дух в реликвиях прошлого, ставит нас под удар критики. С теми лжеучеными, которые не обладают достаточной терпимостью и сдержанностью, чтобы позволить другим пересмотреть их заключения, мы неизбежно будем входить в антагонизм. Поэтому очень важно с самого начала четко определить нашу позицию к некоторым научным гипотезам, временным и признанным лишь в силу того, что лучшего пока не найдено.

Многие исследования археологов и ориенталистов посвящены хронологии, особенно в тех вопросах, что касаются сравнительной теологии. Пока же их утверждения о давности возникновения величайших религий до-христианской эпохи есть не более, чем правдоподобные гипотезы. Как далеко в прошлое уходит так называемый Ведический период, «невозможно сказать», признается проф. Макс Мюллер; тем не менее, он прослеживает его до «периода, предшествовавшего 1000 г. до Р. Х.» и приводит нас к «1100 г. или 1200 г. до Р. Х. как самой поздней датировке того времени, когда составление

сборника ведических гимнов уже было завершено». И ни один из наших ведущих ученых не может похвастаться тем, что разрешил этот спорный вопрос, особенно деликатный, когда речь идет о хронологии книги Бытия. К несчастью, на пути этих ученых здесь стоит христианство, прямая ветвь иудаизма и государственная религия многих стран. Поэтому, едва ли найдется два ученых, согласных друг с другом; каждый устанавливает различные даты появления Вед и книг Моисея, не забывая при этом, при каждом удобном случае, высказаться о безусловной правоте последних. Даже проф. Мюллер, этот светила из светил в филологических и хронологических вопросах, лет 20 тому назад осторожно заметил, что будет трудно установить, «являются ли Веды самыми древними из книг и нельзя ли некоторые части Ветхого Завета отнести ко времени появления старейших ведических гимнов или даже к еще более раннему периоду». «Теософист», таким образом, может или принять, или отвергнуть так называемую авторитетную хронологию, принятую наукой. Заблуждаемся ли мы, признавая, что охотнее примем хронологию известного знатока Вед Свами Даянанда Сарасвати, который лучше разбирается в том, что говорит, знает четыре Веды наизусть, прекрасно знаком со всей санскритской литературой, не оглядывается, как западные ориенталисты, на общественное мнение, не потакает суевериям большинства и не ищет выгоды в сокрытии фактов. Мы вполне сознаем, на какой риск идем, отказывая в лестии нашим ученым мужам. Однако, с присущей еретикам безрассудностью, мы должны следовать своей дорогой, даже если, как Гарпея, окажемся погребены под грудой щитов и ученых цитат из этих «авторитетов».

Мы далеки от того, чтобы принять абсурдную хронологию Бероза или даже Синцеллия, хотя, по правде говоря, абсурдными они кажутся лишь в свете наших собственных предрассудков. И все-таки должна существовать некая золотая середина между чрезвычайной давностью, по утверждениям брахманов, и смехотворно коротким периодом развития и расцвета всей гигантской литературы до-Махабхаратского периода, выделяемым нашими ориенталистами. Свами Даянанд Сарасвати утверждает: «Вот уже почти 5 000 лет как Веды перестали быть объектом изучения» и относит появление

первых четырех Вед к далекой древности; проф. Мюллер, приписывая составлению даже самых ранних из Брахман период от 1000 до 800 гг. до н.э., осмеливается, как мы уже видели, отнести составление Санхиты, собрания гимнов Ригведы, не позднее чем к 1200-1500 гг. до нашей эры! Кому же верить, кто из этих двоих лучше информирован? Нельзя ли как-то избавиться от этой разницы в несколько тысячелетий, и неужели так трудно каждому из этих двух авторитетов предоставить науке доказательства, которые можно было бы считать достаточно убедительными?

Современным методом индукции очень легко можно прийти к ложным заключениям, и так же легко можно прийти и к ложным посылкам, из которых потом делаются ложные выводы. Несомненно, проф. Макс Мюллер имел достаточные причины, чтобы прийти к своим хронологическим заключениям. Как и пандит Даянанд Сарасвати. Постепенное изменение, развитие и становление санскритского языка позволяют опытному филологу узнать очень многое. То, что проф. Макс Мюллер мог впасть в заблуждение, можно понять, рассмотрев довод Свами Даянанда. Наш уважаемый друг и учитель утверждает, что и г-н Мюллер, и д-р Уилсон в своих исследованиях и выводах руководствовались неточными и недостоверными комментариями Саяна, Махидара и Увата, которые весьма значительно отличаются от комментариев более раннего периода, которыми пользовался Свами Даянанд во время работы над своим великим трудом «Веда Бхашья». Сразу после публикации этого труда поднялся крик из-за того, что комментарий Свами якобы имеет целью доказать несостоятельность Саяны и английских интерпретаторов. Пандит Даянанд справедливо замечает: «Нельзя упрекать меня в том, что Саяна ошибся и английские интерпретаторы выбрали его своим гидом; это заблуждение не могло долго длиться. Лишь Истина способна выстоять, ложь же будет уничтожена».¹ И поскольку, как он утверждает, «Веда Бхашья» целиком основана на старых комментариях до-Махабхаратского периода, к которым западные ученые не имеют никакого доступа, то, имея такие убедительные основания, мы без колебания должны по-

---

¹ Ответ на возражения против «Веды Бхашья».

следовать за ним, а вовсе не за нашими лучшими европейскими ориенталистами.

Но, отложив в сторону такое *prima facie* [на первый взгляд] доказательство, мы попросим проф. Макса Мюллера разгадать нам загадку. Предложенная самим проф. Мюллером, она не давала нам покоя в течение двадцати лет, и имеет такое же отношение к элементарной логике, как и к рассматриваемой нами хронологии. Эта идея, ясная и прямая как течение Роны, впадающей в Женевское озеро, проходит красной нитью через все его лекции, от первого тома «Фрагментов...» и до последней его беседы. Мы постараемся объяснить.

Все, кто так же как и мы пристально следил за его лекциями, припомнят, что проф. Макс Мюллер приписывает все богатство мифов, символов и религиозных аллегорий в ведических гимнах, также как и в греческой мифологии, поклонению древнего человека природе. Цитируем его слова: «В гимнах Вед человек предоставлен самому себе в разгадывании тайн этого мира. От темноты и сна его пробуждает луч солнца», и он называет его «своей жизнью, своим дыханием, своим всеильным Господином и Защитником». Он дает имена всем стихиям природы, и после того, как он назвал огонь «Агни», солнечный свет «Индра», бурю, гром и молнию «Маруты», а зарю «Ушас» — «все они, естественно, приняли человеческий облик и стали такими же, как и он, и даже более величественными». Это описание психического состояния *примитивного* человека, во времена, когда человечество находилось в младенческом состоянии и едва вышло из своей колыбели, очень точно. Период, к которому он относит эти инфантильные размышления, это Ведический период, и время, которое нас от него отделяет, как утверждает выше, имеет длительность в 3000 лет. Великий филолог, кажется, так впечатлен идеей умственной слабости человечества во времена, когда наиболее почтенные Риши уже составляли гимны, что во Введении к его «Science of Religion» (стр. 278) мы находим следующие слова профессора:

Вы все еще удивляетесь политеизму и мифологии? Зря, ведь они неизбежны. Они, если хотите, *parler enfantin* [детский лепет (*фр.*)] религии. У мира есть свой период детства, и когда он был ребенком, он и говорил, как ребенок (*nota bene*, 3000 лет назад), все восприни-

мал как ребенок и думал как ребенок... Это наша вина, если мы принимает язык детей за язык взрослых людей... Язык древности — это язык детства... *Parler enfantin* в религии еще не умер... как например, в религии Индии.

Прочитав эти слова, остановимся и задумаемся. В самом конце этого замечательного объяснения мы сталкиваемся с огромной трудностью, о которой талантливый поборник древней веры, похоже, не догадывался. Каждому, кто знаком с работами и идеями этого исследователя Востока, может показаться верхом абсурдности подозревать его в том, что за основу своих расчетов он может принять библейскую хронологию, согласно которой человек на земле появился 6000 лет назад. И тем не менее, признание этой хронологии неизбежно, если мы вообще намерены признавать доводы проф. Мюллера, ибо наталкиваемся здесь на чисто арифметические и математические трудности в составлении пропорции.

Нельзя отрицать, что у всего человечества процесс роста и развития — ментального и физического — должен быть аналогичен процессу роста и развития самого человека. Антрополог, если хочет подняться выше простого изучения отношения человека к другим представителям животного царства, должен хотя бы отчасти быть физиологом и анатомистом, поскольку его наука, также как и этнология, наука прогрессивная, для нее требуется проследивать в ретроспективе процессы постоянного раскрытия в человеке способностей и сил, отводя каждому из этих процессов определенный период времени. Только в этом случае череп, в котором сохранился зуб мудрости, не сочтут черепом ребенка. Так вот, основываясь на данных геологии и недавних исследованиях, проф. Дрейпер говорит:

Есть основания полагать, что под более глубокими пластами земли существование человека можно проследить вплоть до третичного периода. В ледниковом наносе в Шотландии, наряду с останками человека, можно встретить и останки ископаемого слона.

Нынешние наиболее точные расчеты показывают, что с начала последнего ледникового периода прошло 240 000 лет. Составив пропорцию между 240 000 годами (минимальный возраст, который мы можем приписать человеческой расе) и

24 годами жизни одного человека, мы обнаружим, что 3000 лет назад, во времена составления ведических гимнов, человечеству был 21 год, вполне совершеннолетний возраст, когда давно уже не используют *parler enfantin*, детский лепет. Однако, согласно взглядам лектора, человек 3000 лет назад, когда ему исполнился 21 год, был глупым и недоразвитым, хотя и многообещающим ребенком, а в 24 года уже стал умным, проницательным и образованным, с аналитическим и философским складом ума, характерного для человека девятнадцатого века. Или, иначе, не упуская из виду нашу пропорцию, профессор мог бы с таким же успехом сказать, что человек, который в 12 часов дня был еще младенцем, в полночь стал уже взрослым, произнося мудрые речи вместо *parler enfantin!*

Знаменитый санскритолог и лектор по сравнительной теологии обязан разрешить это противоречие. Или же Ригведы были составлены 3000 лет назад, а значит, не могут быть «детским лепетом» человечества, пережившего ледниковый период — поколение, составлявшее их, должно было состоять из взрослых, вероятно, столь же сведущих в философии и науке своего времени, как мы в философии и науке нашего времени; или же нам придется отнести их к временам глубокой древности, когда ум человека был еще в младенческом состоянии. Но в этом последнем случае проф. Макс Мюллеру придется взять назад предыдущую ремарку, выражающую сомнение:

Возможно ли некоторые части Ветхого Завета отнести к тем же временам, когда написаны и древнейшие Веды, или даже к более раннему периоду?

БУДДИЗМ В АМЕРИКЕ

В связи с передовой статьей в «The New York Sun», в номере от 6 мая [1887 г.], у меня появился долг разъяснить кое-что о религии браминов и буддистов, и так как я считаю себя последователем Жаколио и даже плагиатором по отношению к нему, вы уж не удивляйтесь тому, что я опять стучусь в эту дверь за гостеприимством. На сей раз я пишу под собственным именем и возлагаю на себя ответственность, какую при других обстоятельствах не беру.

Неудивительно, что «ученому другу» некоторые фразы напомнили «о высказываниях некоего Луи Жаколио». Те места в замечательном интервью представителя газеты, которые относятся к «Адхима и Хева» и «Джезеус Кристна», полностью переведены из французского издания «Библия в Индии». Более того, они взяты из главы, названной «Багаведа» — вместо «Бхагават», как «The Sun» печатала ранее, согласившись с моими поправками. Поступая так, мне кажется, он совершенно прав. Те же, кто основывается на том, что именно так произносят индусы, или по крайней мере те из них, кто живет на юге Индии и разговаривает на тамильском языке и других диалектах, очень ошибаются. Нам не удалось найти хотя бы двух санскритских филологов, которые одинаково произносили и толковали важнейшие индусские слова или поясняли орфографию этого значительнейшего заглавия. Потому ни «французского обманщика», ни меня нельзя обвинить в преступных искажениях.

Вот например проф. Витней, величайший ваш американский востоковед, произносит «Багават», в то время как его не

менее заслуженный оппонент, Макс Мюллер, предпочитает сказать «Багавагита», и существует еще полдюжины других произношений. Действительно, каждый ученый, адаптируя индийские слова для своего языка, пользуется своими родными правилами произношения. Потому, вы можете видеть, что проф. Мюллер пишет слог *ad* через «а», а Жаколио тот же самый слог пишет *ed*: перед согласными французское «е» имеет такое же звучание, как и английское «а». То же самое и с именем индийского Спасителя, которое разные авторитеты пишут *Krishna*, *Crisna*, *Khristhna* и *Krisna*, в общем, по разному, но правильнее будет *Christna*. Возможно, вы скажете, что тоже лишь одна из гипотез. Но если каждый индолог следует лишь своей фантазии в фонетической транскрипции, то почему я не могу представить свое мнение, особенно если имею основания считать его более верным?

Вы утверждаете, что «индийского реформатора с именем Джезеус Кристина никогда не было». Хотя раньше я и ограничивалась в свои утверждениях по этому вопросу ссылками на авторитетного Жаколио, но теперь беру ответственность на себя и буду отстаивать, что он был, и что имя его признано в Индии, и что имени этому поклоняются, и что это вовсе не Иисус Христос (*Jesus Christ*). Кришна — это божество браминов и, кроме того, он признан в некоторых сектах джайнистов. Когда Жаколио говорит «Джезеус Кристина», он лишь проявляет некоторую неуклюжесть в фонетическом преобразовании, но все же он гораздо ближе к истине, нежели его критики. Я была на фестивалях Джанмотсар, празднованиях в честь рождения Кристины (индусское Рождество), и слышала тысячи выкриков: «Джас-и-Кристина! Джазас-ви-Кристина!» В переводе это значит: джас-и — прославленный, знаменитый; джазас-ви — славный, божественный, могущественный, и Кристина — священный. Дабы избежать новых нападок опровергателей, я советую сомневающимся читателям обратиться к индийским словарям. Все брамины, с которыми мне доводилось разговаривать о Кришне, говорили и Джас-и-Кристина, и Джадар Кристина, и даже Йадур-Пати, бог ядавов, потомков Яду, — и это только некоторые из множества титулов Кристины в Индии. Поэтому, сами видите, это вопрос только написания и произношения.

То, что *Christna* более предпочтительно, чем *Krishna*, может быть ясно показано на основе правил, изложенных Бюрнуфом и авторитетными пандитами. Первая буква имени на санскрите пишется «k», но санскритское «k» произносится более придыхательно — это гортанный звук на выдохе. Наиболее близкий к нему звук — это греческое *chi*. Но в английском языке нет звука, похожего на «k» и который был бы более придыхательным, чем «h» в слове *heaven*. Так как греческое слово пишется на английском *Christos*, а вовсе не *H'ristos*, что было бы ближе, то и имя индусского божества нужно писать так же, невзирая на возможно неприятную кое-кому схожесть.

Мосье Таксо де Рависи, французский католический востоковед, в последние десять лет правитель Карикала (Индия), наиболее резкий оппонент Жаколио в религиозных суждениях, оценил ситуацию совсем иначе. Он рассудил, что нужно писать *Krishna*, потому что: 1) большинство статуй бога черные, и *Krishna* тоже значит «черный»; 2) настоящее имя Кристны было «Канея» (Kaneya или Caneya). Что ж, замечательно, если Кришна это «черный». Однако если сами брамины не дадут себе труда разобраться в этом вопросе так, как их европейские критики, придется нам обратиться за помощью к Волнею и другим востоковедам, которые показывают, что имя индусского божества произошло от корня «крис» — священный, на что и обращал внимание Жаколио. Более того, как-то странно и абсурдно браминам называть своего бога «черным богом», когда, казалось бы, куда естественнее величать его священной, чистой сущностью. Что же касается до имени Канея, то, предлагая эту версию, мосье Таксо де Рависи тем самым завершил свое собственное поражение. Избежав Сциллы, он попал к Харибде. Я думаю, вряд ли кто станет отрицать, что санскритское Канья значит Дева, и даже знак Девы в индийском зодиаке называется Канийя. Кришну же звали Канея в связи с тем, что он был рожден Девой. Премного извинений пред вашим «ученым другом», но если даже «индусского реформатора с именем Джезеус Кристна никогда не было», то был Индусский Спаситель, которому поклоняются и до наших дней, Джаси Кристна, или, если это ближе его почитателям, Джас-и-Кристна.

Когда 84 000 томов Дхарма Кханда, священных книг буддистов, и тысячи свитков ведической литературы, известных ныне только ученым и то лишь по названиям, или хотя бы десятая часть этого будет переведены и осознаны, тогда только я вновь с охотою скрещу шпаги с тем *солнечным* пандитом, который подсказал вам так сурово критиковать вашего преданного подписчика.

Следуя мнениям различных авторитетов, вы клеймите Жаколио «французским обманщиком». Но я должна отдать должное справедливости и заметить, что даже его оппонент, де Рависи, в ответ на запрос Общественной Академии Сент-Квентин по поводу его книги «Библия в Индии» написал следующее:

Книга написана добросовестно, интересна, научно аргументирована и содержит известные проверенные факты.

Десять лет, прожитых в Индии для ее изучения, делают такое мнение вполне заслуженным. Однако, к несчастью, в Америке очень легко в короткий срок приобрести незаслуженную репутацию «мошенника».

*С почтением,
Е. П. Блаватская.*

ВЗГЛЯДЫ КАББАЛИСТОВ НА «ДУХОВ»

Прошу выделить мне место на страницах вашего журнала для разъяснения очень важного вопроса — о духах стихий (элементалах) и развоплощенных духах (элементариях). К сожалению, в наших европейских языках нет специальных терминов для выражения различных градаций и состояний духовных существ. Но не моя вина, что язык так устроен и что люди не хотят или не могут понять смысл, который я вкладываю в эти слова! Я уже устала напоминать, что в этом вопросе не открываю ничего нового. Мое учение отражает суть того, что многие каббалисты говорили до меня и что я хотела бы, с вашего любезного позволения, сейчас показать.

Меня обвиняют, что (1) я «выделываю сальто» и мысли мои скачут. Обвиняемая заявляет — я не виновна. Что (2) изобретаю не только слова, но и философские учения, доставая их из глубины сознания. Обвиняемая и здесь не признает своей вины. Что (3) неоднократно утверждала, что «разумные духи — вовсе не те, кто жил на Земле в физическом теле, — бывают причиной явлений, известных как феномены спиритуализма». Верно, и обвиняемая готова это повторить. Что (4) в своих смелых и необоснованных утверждениях зашла дальше чем сам Элифас Леви. Неужели? Если бы я зашла так же далеко, как он (смотри «Science des Esprits»), я бы отрицала единственно, что так называемые спиритические явления есть всего лишь галлюцинация, вызванная элементалами, не имеющими души, которых он называет «элементариями» (смотри «Rituel de la Haute Magie»).

Меня спрашивают: «Где доказательство существования элементаров?» Я, в свою очередь, задам встречный вопрос: «Где доказательство существования *диакка*, «руководителей» «связующих нитей» и «управляемые?»» А ведь эти термины в широком обиходе у спиритуалистов. Лишь свидетельства бесчисленных наблюдателей и компетентных экспериментаторов представляют нам такое доказательство. Если спиритуалисты не могут или не хотят ехать в страны, где живут эти свидетели и где доказательства эти можно найти, то они, по крайней мере, не имеют права лгать в лицо тем, кто видел адептов и сталкивался с фактами в лицо. Мои свидетели — живые люди, учащие на примерах философии седых веков; а их свидетели — эти самые «руководители» и «управляемые», которые и поныне существуют лишь гипотетически, утверждения, которых сами спиритуалисты неоднократно находили противоречивыми и ложными.

Раз уж мои критики настаивают, с тех пор как мы начали обсуждать этот вопрос, что развоплощенную душу никогда не называли элементарием, то я сошлюсь на лондонский «The Spiritual Scientist» от 18 февраля 1878, в котором автор, несомненно изучавший оккультные науки, говорит:

Разве не возможно, что некоторые злые элементарные духи являются духами, недавно сбросившими физическую оболочку и находящимися на пороге окончательного уничтожения? Разве не могут они продлевать свое временное существование как вампиры, питаясь людьми во плоти? Они существовали, но так и не достигли бытия.

Обратите внимание на две особенности: первое, что человеческие элементарии признаются как существующие, помимо гномов, сильфов, ундин и саламандр, т.е. существ-элементаров, и второе: уничтожение души считается возможным.

Вот что пишет Парацельс в «Philosophia Sagax»:

Поток астрального света с его обитателями — гномами, сильфами и т.д. — преобразуется в человеческий свет в момент зачатия и становится первой оболочкой души — ее большей частью; соединяясь с тончайшими флюидами, он образует сидеральный [астральный или эфирный] фантом — внутреннего человека.

Элифас Леви добавляет:

Астральный свет насыщен элементарными душами, которые постоянно сбрасываются в физический мир... При рождении ребенка они влияют как четыре основных темперамента: элемент гномов мы находим в меланхоликах, элемент саламандр у сангвиников, ундин у флегматиков и сильфов у холериков... Это духи, которых мы называем оккультными элементами («Rituel de la Haute Magie», том II, глава «Закливание четырех классов элементариев»).

И там же говорит он (там же, том I, стр. 164):

Да, да, эти духи элементов действительно существуют. Некоторые обитают в своих сферах, другие пытаются воплотиться, третьи уже воплотились и живут на земле. Это злые и несовершенные люди.

Обратите внимание: перед нами описание более или менее «разумных духов, отличных от тех, которые уже приходили на Землю и были в физическом теле». Если бы они не были разумными, они бы не могли пытаться воплотиться. Злые элементалы или элементарии притягиваются к злым родителям, они купаются в их ауре зла, и, таким образом, пользуясь пороками родителей, закрепляют их в ребенке. Неразумные «элементалы» бессознательно притягиваются друг к другу и, в порядке, определенным природой, как составные части большего астрального тела или души, определяют темперамент. Их сопротивление так же мало, как и тех живых организмов, которые могут попасть в нас с глотком воды. О третьем классе — из многих сотен, известных восточным философам и каббалистам, — Элифас Леви говорит:

Это не души виновных или проклятых; элементарные духи как дети, любопытные и безобидные, и досаждают людям в зависимости от уделяемого им внимания.

Этот третий класс Леви рассматривает как причину всех бессмысленных и ненужных физических явлений на спиритических сеансах. Подобные феномены имеют место за исключением тех случаев, когда «эти сущности контролирует более сильная воля». Такой сильной волей обладают адепты, но поскольку последние не посещают *спиритические сеансы*, то третьим классом управляет любой достаточно сильный и злой развоплощенный человеческий дух, притянутый Землей и медиумом. Развоплощенные духи используют третий класс вме-

сте с астральными эманациями медиума и людей, образующих круг, соединяя излучения в субстанцию для образования материализованных духов.

Леви считает возможность возвращения духа в объективной форме настолько малой, что заявляет:

Умерших праведников мы видим во сне, медиумы же вводят себя в состояние похожее на сон — сомнамбулизм во всех его формах и экзальтациях. Постигните, что есть сон, и вы поймете феномен духов.

И еще:

В соответствии с одной из важнейших догм каббалы, душа сбрасывает с себя оболочку, чтобы подняться вверх, но чтобы спуститься она должна вновь обрести материальную форму. Для уже воплощенного духа есть только один путь снова объективно проявиться на земле — он должен вновь войти в свое тело и воскреснуть. Эта задача потруднее, чем прятаться под столом или в шляпе. Некромантия, или вызывание материализованных духов, ужасна. Это преступление против природы. В предыдущих работах мы признали возможность существования вампиров и даже попытались объяснить этот феномен. То, что сейчас происходит в Америке и Европе, несомненно относится к этой страшной чуме. Хотя медиумы и не едят трупы (как сержант Бертран), их нервная система впитывает фосфорические выделения разлагающейся плоти или, иными словами, спектральный свет. Они не вампиры, но они их вызывают, и поэтому почти все они больные и ослабленные люди. («Science des Esprits», стр. 268).

Генрих Кунрат был очень знающим каббалистом, самым большим авторитетом среди оккультистов средневековья. В одной из ключевых глав своего «Amphitheatrum Sapientiae Aeternae» он приводит иллюстрации четырех больших классов элементарных духов, представшие перед магом, который преградил порог и приподнял «покрывала Изиды». Описание Кунрата соответствует описанию этих духов Элифаса Леви. Он говорит, что духи эти бестелесные злые люди, которые потеряли свои божественные души и стали элементариями. Их так называют, потому что они притягиваются земной атмосферой и существуют среди земных элементов. Здесь Кунрат употребляет термин «элементарии» по отношению к обреченным человеческим душам, в то время как Леви использует его

для обозначения другого класса этой же большой семьи — гномов, сильфов, ундин и т.д. — сущности, стоящие ступенью ниже людей.

Передо мной манускрипт, который по разным причинам не был опубликован. «Зевс» — так подписался автор — каббалист с более чем двадцатипятилетним стажем. Этот опытный оккультист, ревностный последователь Кунрата, комментируя доктрину последнего, также утверждает, что каббалисты делят духов на четыре класса, в соответствии с четырьмя темпераментами человека.

Против меня выдвигается гнусное обвинение, что я утверждаю, будто люди теряют свои души и те уничтожаются. Но тогда Зевс тоже виновен, ибо он пишет:

Они [каббалисты] учили, что человеческий дух спустился из великого океана духа, и, следовательно, он дух *per se* [сам по себе], чистый и божественный, но его душа, или капсула, из-за [аллегорического] падения Адама потеряла чистоту в мире тьмы или Сатаны [зла] и должна вновь ее обрести, чтобы опять подняться к небесному счастью. Представьте каплю воды в капсуле, которая изолирована от внешнего мира, но стоит эту капсулу разбить, и капля станет частью океана — индивидуальность растворяется. То же происходит и с духом. До тех пор пока его луч защищен своим пластическим посредником, или душой, он имеет индивидуальность. Но уничтожьте эту пластическую капсулу, и астральный человек станет элементарием; такое может произойти вследствие несправедливых дел с наиболее злобными и растленными душами; их дух возвращается к изначальному источнику, и индивидуальность прекращается... Это противоречит идее постоянного развития, весьма популярной среди спиритуалистов. Если бы они понимали Закон Гармонии, то увидели бы свою ошибку. Только этот закон поддерживает индивидуальность, и чем сильнее отклонения от него, тем труднее ее вновь обрести.

Вернемся к Леви. Он замечает («La Haute Magie», том I, стр. 319):

Когда мы умираем, наш внутренний свет [душа] стремится подняться к своей звезде, влекущей ее [духу], но прежде она должна освободиться от змеиных колец, опутывающих ее [земное зло — грех], то есть, от загрязненного астрального света, окружающего и держащего ее в плену, и лишь силой Воли душа сама может освободиться и подняться к духу. Погружение живой души в мертвый свет [эманации зла, отравляющие магнитную оболочку Земли, как зло-

вонные испарения болота отравляют воздух] — ужасная пытка: в мертвом свете душа одновременно и горит и замерзает.

Каббалисты представляют Адама как Древо Жизни, человечество — ствол; различные расы — ветви, а отдельные люди это листья. Каждый лист живет своей жизнью и питается единым соком; но жизнь его зависит от его ветви, а жизнь последней от ствола. Каббала учит:

Злые — это мертвые листья и гнилая кора дерева. Они падают, умирают, гниют, превращаются в удобрение, которое возвращается в дерево через корни.

Моя подруга мисс Эмили Кислингбэри из Лондона, секретарь Британского национальной ассоциации спиритуалистов, которую уважают, доверяют ей и любят все ее знакомые, прислала мне сообщение духов в апреле 1877 через молодую женщину, одну из самых чистых и правдивых на земле. Следующая выдержка как нельзя лучше подходит к обсуждаемой нами теме:

Мой друг, вы правы. Держите знамя нашего спиритуализма высоко и не дайте осквернить его, ибо есть такие кто использует спиритуализм для низменных целей. Но они не знают его истинной силы. То, что дух может победить плоть, верно до определенной степени, но есть такие, кому плотская жизнь дороже духовной, и они ходят по лезвию бритвы. Ибо плоть может затмить дух и отнять у человека все духовное, и тогда он становится зверем без какой-либо силы, способной спасти его. Это те, кого Церковь называет отверженными, пропащими во веки веков, но они не мучаются, как это неправильно утверждает Церковь, в аду, сохраняя сознание, они просто умирают, и их больше нет; светильник их гаснет, и осознанное существование прекращается. [Вопрос]: Разве это не уничтожение? [Ответ]: Это все равно что уничтожение; они теряют субстанцию индивидуальности и возвращаются обратно в огромный резервуар духа — к бессознательному духу.

Наконец, меня спрашивают: «Кто такие тренированные Провидцы?». Это те, отвечаю я, кого с детства обучали в пагодах использовать духовное зрение; чьи основы фундаментальных фактов Восточной философии оставались неизменными на протяжении тысячелетий, и каждое поколение подтверждало знания предыдущего. Можно ли верить им больше

или меньше информации «связующих нитей», каждая из которых противоречит другой, или как разным религиозным сектам, готовым перерезать глотку друг другу, или информации медиумов — даже самые лучшие из них не знают природы своих способностей и нечувствительны к мудрому руководству и сдерживанию адептами психологической науки?

Невозможно получить ясное представление о природе, не применяя Закон Гармонии и аналогию в духовном и физическом мире. «Как внизу, так и наверху» — гласит древняя герметическая аксиома. Если бы спиритуалисты применяли эту аналогию в своих исследованиях, они бы увидели философскую необходимость закона выживания сильнейшего как в мире духа, так и в мире материи.

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ДОГМАТОВ АРИЙСКИХ АРХАТОВ ¹

По тибетской эзотерической буддистской доктрине, пракрити — это космическая материя (вещество), из которой создаются все видимые формы; акаша — тоже космическая материя, но еще более неосязаемая, скорее, дух этой материи; пракрити — основа тел или вещества, а акаша-шакти — души или энергии.

По учениям тибетцев, Космос это пракрити, свабхават или акаша; Космос, заполненный любым веществом, или вообще без вещества, т.е. веществом, настолько легким (тонким), что его можно ощущать только метафизически. Брахман — семя, брошенное в землю этого поля, а шакти — это таинственная энергия, или сила, которая способствует развитию семени и которую буддистские архаты Тибета называют фохат.

То, что мы называем Формой (Рупа), не отличается от того, что мы называем Космосом (Пространством, Шуньятой) ... Пространство не отличается от Формы. Форма — это то же, что и Пространство; Пространство — это то же, что и Форма. Точно так же с другими скандхами (противоположностями, разделениями), будь то боль (страдание, ведана) или сознание (санджня), впечатления, оставленные прошлым в уме (санскара), или знание (мудрость, виджняна), — они все то же самое, что и их противоположности («Книга Ши-кинг», или Сутра сердца. Кит. перевод Маха-праджна-парамиты-хридайи сутры; глава, посвященная Авалокитешваре, или Проявленному Будде).

---

¹ Данная работа представляет собой набор замечаний и дополнений к статье Т. Субба Роу «Эзотерические учения арийских архатов по поводу семеричного принципа в человеке».

Так что доктрины ариев и тибетцев, или архатов, полностью согласуются в основном, отличаясь лишь названиями и способами изложения вследствие того, что брамины веданты верят в существование Парабрахмана, божественной силы, хотя, возможно, и безличной, а буддисты полностью ее отрицают.

I

Страна, которую китайцы называют Си-дзанг, а географы Запада Тибетом, упоминается в старейших книгах, сохранившихся в провинции Фо-кьен (области проживания исконного населения Китая) как бывшая в древнейшие времена родиной оккультных учений. По этим записям, в той стране жили «Учителя Света», «Сыновья Мудрости» и «Братья Солнца». Считается, что император Юй, именуемый также Великий (2207 г. до н. э.), религиозный мистик, получил оккультную мудрость и основал созданную им систему теократии — он первым в Китае объединил духовную власть с властью мирской — был родом из Си-дзанга. Его система была такой же, как древнеегипетская и халдейская; насколько нам известно, подобная система существовала в брахманистской Индии и сейчас существует в Тибете — а именно: все знание (учение), власть, мирская и тайная мудрость сконцентрированы в иерархии священников и ограничены их кастой. Каково было коренное население Тибета — на этот вопрос не сможет сейчас дать ответ ни один этнограф. Их религия — религия Бон, до-буддистские и анти-буддистские секты; большинство живут в провинции Кам — вот все, что о них известно. Но даже этого достаточно для оправдания предположение, что они — выродившиеся потомки могущественных и мудрых предков. По этническим признакам их нельзя считать чистыми представителями туранских народностей, а их обряды — в наше время это в основном колдовство, вызывание духов и поклонение природе — больше всего напоминают традиционные обряды вавилонян (в соответствии с записями, сохранившимися на найденных при раскопках цилиндрах), а не религиозные церемонии китайских даосов, религия которых основана

на чистом разуме и духовности. Вообще говоря, даже миссионеры Кейланга, действующие среди этого народа на границе Британского Лахула, не находят больших различий между последователями Бона и двумя соперничающими буддистскими сектами — желтошапочников и красношапочников. Секта последних с самого начала препятствовала реформе Дзон-ка-пы и всегда придерживалась «старого» буддизма, который в наше время часто путают с религией Бон. Если бы наши востоковеды знали побольше об этом народе и сравнили бы обряд поклонения Белу, или Беалу, у древних вавилонян с обрядами Бон, то обнаружили бы неопровержимую связь. В данной работе мы не будем начинать дискуссии, чтобы доказать происхождение коренного населения Тибета от одной из трех великих рас, сменявших друг друга в Вавилонии, независимо от того, как мы их называем — аккадийцами (по Ф. Ленорману) или первобытными туранцами, халдеями и ассирийцами. Но, как бы то ни было, есть основания называть трансгималайскую эзотерическую доктрину халдейско-тибетской. А если вспомнить, что Веды, по традиционным представлениям, появились в Индии возле озера Мансаровар, расположенного в Тибете, а брамины — с «далекого севера», то наше предположение о происхождении всех эзотерических доктрин, когда-либо существовавших или еще существующих, из одного источника имеет основания. Таким образом, эту доктрину можно назвать арийско-халдейско-тибетской, или Религией Всемирной Мудрости. «Ищите Потерянное Слово у иерофантов Татари, Китая и Тибета», — советовал провидец Сведенборг.

II

Веды, брахманизм, а заодно и санскрит в страну, которую сейчас называют Индией, были привнесены извне. Они появились не в самой Индии.

Были времена, когда древнее население Запада нынешней Индии населяло многие страны Азии, имеющие теперь другими названиями. Даже в сравнительно позднюю эпоху Александра Македонского различали Верхнюю, Нижнюю и Западную Индии; а древние классики именовали Индией Персию и

Иран, и страны, которые теперь называют Тибет, Монголия и Великая Татария, тоже считались частью Индии. Таким образом, когда мы говорим, что цивилизация пришла в мир из Индии, что Индия — это Альма Матер всех цивилизаций, культур и наук всех остальных наций (включая Вавилонию и, может быть, даже Египет), мы имеем в виду древнюю, доисторическую Индию, Индию времен, когда великая Гоби была морем, а исчезнувшая Атлантида — частью неразделившегося еще континента, начинавшегося у Гималаев и спускавшегося к Южной Индии, Цейлону, Яве и далекой Тасмании.

III

Для подтверждения этих спорных мнений (о том, были ли адепты Тибета знакомы с «эзотерической доктриной населения священного Острова») нужно внимательно изучить священные и исторические записи китайцев — народа, история которого начинается почти 4600 лет назад (2697 г. до н. э.). Народ, отличающийся такой тщательностью, создавший, знавший и использовавший некоторые из величайших «изобретений» современной Европы (компас, порох, фарфор, бумага, книгопечатание и т.д.) за тысячи лет до их нового «открытия» европейцами — такой народ должен был оставить летописи, достойные доверия.

От Лао-цзы до Хиуен-Тсанга китайская литература полна упоминаний и ссылок на этот Остров и на мудрость гималайских адептов. В книге преподобного Самуэля Била «Ряд буддистских рукописей, в переводе с китайского» есть глава «О Тянь-Тайской школе буддизма», которую следует внимательно прочитать нашим оппонентам. При переводе правил этой самой известной и священной школы и секты в Китае, основанной Чин-че-чаем, прозванным Мудрым, в 575 г. н. э., европейский переводчик ставит знак вопроса у предложения: «То, что касается единого одеяния (бесшовного), носимого Великими Учителями Снежных Гор, школы Химавата» — и ничего другого ему не оставалось делать. В записях «Всеобщего описания Индии» нет данных о школе Химавата, или нашего Гималайского братства. Далее мистер Бил переводит правила

относительно «великих профессоров высшего ордена, живущих в горах, вдали от человека», араньяков — отшельников.

Так, если отдать должное традициям и безотносительно исторических записей, сохранившихся в Китае, и тибетских Священных Книг, легенда об этом Острове жива до наших дней среди народностей Тибета. Светлого Острова больше нет, но страна, на месте которой он когда-то процветал, осталась, и его расположение хорошо известно некоторым «великим учителям снежных гор», несмотря на возможные изменения топографии вследствие ужасного катаклизма. Есть поверье, что через каждые семь лет эти учителя собираются в Шам-ба-ле, «счастливой стране». По общему верованию, она находится на северо-западе Тибета. Некоторые полагают, что она расположена в неисследованных центральных областях, недоступных даже для бесстрашных кочевников; другие считают, что она лежит между грядой гор Гандишри и северной частью пустыни Гоби (с юга и севера) и наиболее населенными районами Хундуза и Кашмира, областью Гья-Фелинг (Британская Индия) и Китаем (с запада и востока) — достаточно большое пространство для поисков любопытствующих. Другие же считают, что страна эта находится между горами Намур Нур и Куень-Лунь. Но все твердо верят в Шамбалу и говорят о ней как о плодородной волшебной стране, бывшей когда-то островом, а теперь представляющей собой оазис несравненной красоты, место встреч наследовавших эзотерическую мудрость богоподобных обитателей легендарного Острова.

В связи с древней легендой об Азиатском море и континенте Атлантида имеет смысл вспомнить о том, что известно всем современным геологам, — что на склонах Гималаев можно найти геологические доказательства того, что породы этих громадных пиков были когда-то частью океанского дна.

IV

Мы уже отмечали, что, по нашему мнению, вся разница между буддистской и ведантистской философией заключается в том, что первая представляет своего рода *рационалистический* ведантизм, а последнюю можно рассматривать как

трансцендентный буддизм. Если в эзотеризме ариев термин «дживатма» применяется в отношении седьмого принципа, чистого бессознательного духа, духа *per se*, — это потому, что в веданте постулируются три типа существования: 1) *парамартхика* — истинное, единственно реальное; 2) *вьявахарика* — практическое; и 3) *пратибхашика* — кажущееся, или иллюзорное — и первый тип Жизни, или Джива, представляется как единственный истинно существующий. Брахма, Единое Эго — единственный представитель этой Жизни во вселенной, так как это мировая жизнь, в то время как две другие — лишь ее «объективные проявления», порожденные и созданные невежеством, чистые иллюзии, предложенные нам нашими слепыми чувствами. Буддисты, наоборот, отрицают как субъективную, так и объективную реальность, даже относительно существования Одного «Я». Будда заявляет, что нет ни Создателя, ни Абсолютного Существа. Буддистский рационализм всегда был начеку относительно непреодолимой трудности допущения одного абсолютного сознания; по словам Флинта, «где только есть сознание, есть зависимость, а где только есть зависимость, есть двойственность». Единая Жизнь либо абсолютна и необусловлена (*мукта*) и не может зависеть ни от чего и ни от кого; либо она связана и обусловлена (*баддха*), и тогда ее нельзя назвать Абсолютной. Более того, ограничения такого рода обуславливают существование другого божества, столь же могущественного, для объяснения зла в этом мире. Следовательно, тайная космогоническая доктрина архатов признает одно-единственное абсолютное, неразрешимое, вечное и несозданное Бессознательное (это перевод названия) — стихию (используем это слово за отсутствием другого, более подходящего), абсолютно независимую от чего бы то ни было во Вселенной; всегда присутствующее и вездесущее; Присутствие, которое всегда было, есть и будет независимо от того, есть или нет Бог или боги, существует или нет Вселенная; существующее в течение бесконечных циклов махаюг, во время пралай и в периоды манвантар; и это есть Космос, поле действия Вечных Сил и Законов природы, основа (как правильно называет ее наш корреспондент), на которой происходят бесконечные (постоянные) взаимоотношения акаши и пракрити, направляемые бессознательными регуляр-

ными пульсациями шакти — дыхания или силы сознательного божества, как сказали бы теисты, или вечной энергии вечного бессознательного Закона, как сказали бы буддисты. Таким образом, Космос, или Фан Бар-нанг (Маха Шуньята), или, по Лао-цзы, «Пустота» есть природа буддистского Абсолюта (см. «Хвалу Бездне» Конфуция). Так, архаты никогда не смогут употребить слово «джива» в отношении седьмого принципа, так как только через его взаимодействие или контакт с материей (веществом) *фохата* (активной энергии буддистов) может развиться активная сознательная жизнь; и на вопрос: «Как может из *бессознательного* появиться *сознательное*?» — ответим: «Обладало ли самостоятельным сознанием семя, зачавшее Бэкона или Ньютона?»

ЯРКОЕ СВЕТОВОЕ ПЯТНО

Мадам, в последнем номере вашего ценного журнала члены Нью-Йоркского Теософического общества ищут объяснения причинам появления ярких световых пятен, которые они часто видят. У меня уже есть довольно любопытное объяснение. Я считаю, что это явление сопровождается высшую концентрацию души. Как только я достигаю этого предписанного состояния, то тут же передо мной появляется яркое световое пятно, наполняющая мое сердце восхищением, которое индийцы почитают знаком того, что находятся на верном пути, ведущем к высшему достижению в практической йоге, как знак благословения милостью Всевышнего.

Однажды вечером, сидя на земле со скрещенными ногами, будучи в том состоянии концентрации, когда душа поднимается в высшие сферы, я был поражен видением цветов непередаваемой красоты, — самым ярким зрелищем из всех, что я когда-либо видел, и потому я мечтаю увидеть это снова, — и попытался поймать их руками, но они ускользали от меня и внезапно растворялись, оставляя меня в огорчении. В конце концов появились два цветка; один касался моей головы, а другой — моего правого плеча, но и в этот раз попытка взяться за них окончилась неудачей. Что это, как не ответ, что Бог доволен своим поклонником, пребывающим в медитации — единственном способе духовного поклонения.

П.

Это можно толковать по-разному. Те из наших ортодоксальных сотрудников, кто почитает какого-то отдельного бога, или, если они предпочитают такое определение, одного Ишвару под разными именами — все они крайне склонны относить каждый психологический эффект, полученный ментальной концентрацией в течение многочасовых религиозных медита-

ций, к их особому божеству, тогда как на самом деле, в девятиста девяти случаях из ста, подобные эффекты происходят благодаря чисто психо-физическим проявлениям. Мы знаем множество склонных к мистике людей, которые видят «свет», подобный описанному выше, как только они сконцентрируют свои мысли. Спиритуалисты относят это к воздействиям их развоплощенных друзей; буддисты (у которых нет личных богов) — к преднирваническому состоянию; пантеисты и ведантисты — к майе, или иллюзии чувств; христиане — к предвидению сияния Рая. Современные оккультисты утверждают, что, когда это не вызвано мозговой деятельностью, нормальное протекание которой определено нарушается таким неестественным приемом, как глубокая концентрация, — тогда это свет является проявлением астрального света, или, используя более «научное» выражение, «мирового эфира», в который, как доказано в «Невидимой Вселенной» Стюарта и Тэйта, верят немало людей науки. Подобно тому, как чистое голубое небо скрыто от нас в туманный день, так и астральный свет невидим нашим психическим чувствам в часы нормальной повседневной жизни. Но когда, концентрируя все наши духовные способности, мы достигаем парализации их противника (физические чувства), и внутренний человек становится, так сказать, свободным от человека материального — тогда вечный дух, как ветерок, разгоняющий тучи, снимает завесу, лежащую между нашим нормальным зрением и астральным светом, и мы видим проблески Света.

Дни «курящихся кадил» и «горящих лампад», неизменных атрибутов библейских видений, уже давно минули и не вернутся вновь. Но всякий, предпочитающий естественному объяснению сверхъестественное, конечно, волен представлять, что это «Всемогущий Бог» развлекает нас видениями цветов и посылает нам светящиеся огоньки перед тем, как заключить «завет» со своими поклонниками.

1888

Люди обычно хотят, чтобы у их друзей был счастливый Новый год, и иногда к пожеланию «счастья» добавляется еще и пожелание «благополучия». Мало вероятно, чтобы такие пожелания сбылись в отношении людей, посвятивших себя поискам истины, при таком наборе цифр, как 1888; и все же об этом годе возвещает прославленная планета Венера-Люцифер, сверкающая столь ярко, что ее путали с еще более редким гостем — звездой Вифлеема. Да, они действительно близки; и конечно что-то от духа Христова должно родиться на земле в этих условиях. Даже если нет ни счастья, ни благополучия, вместо этого можно найти что-то большее в наступающем году. Венера-Люцифер — это покровитель нашего журнала, и мы выбираем движение к свету под ее эгидой и хотим прикоснуться к ее величию. Каждый из нас может сделать это, и вместо того, чтобы желать нашим читателям счастливого и благополучного Нового года, мы хотели бы молить их о том, чтобы они сделали этот год достойным его блестящего вестника. Это может быть сделано теми, кто мужественен и непоколебим. Торо указывал, что в жизни бывают художники, люди, которые могут изменить цвет любого дня и сделать его прекрасным для тех, с кем они общаются. Мы утверждаем, что есть такие мастера в жизни, которые делают ее божественной, как и во всех других видах искусства. И не является ли это искусство величайшим из искусств, влияющим на ту атмосферу, в которой мы живем? Это наиболее важно видеть тогда, когда мы вспоминаем, что каждый, кто живет и дышит, тем самым воздействует на

ментальную и моральную атмосферу мира и помогает так или иначе окрасить день для тех, кто находится около него. Те, кто не способствует возвышению мыслей других людей и улучшению их жизни, неизбежно должны или парализовать их своей пассивностью, или активно тащить их вниз. Когда этот момент достигнут, искусство жизни превращается в науку смерти; мы видим черного мага за работой. И никто не может быть полностью бездеятельным. Хотя создается много плохих книг и картин, все же не каждый, кто не способен писать или рисовать хорошо, настаивает на том, чтобы делать это так плохо. Вообразите себе результат, если бы они на этом настаивали! Но именно так обстоит дело в жизни. Всякий человек живет, думает и говорит. Если бы наши читатели, симпатизирующие «Люциферу», в попытке научиться искусству делать жизнь не только прекрасной, но и божественной, пообещали, что для них не будет больше препятствием неверие в возможность такого чуда, и взялись бы однажды за эту геркулесову задачу, тогда 1888 год, каким бы несчастливым он ни выдался, действительно был бы отмечен мерцающей звездой. Для большинства несовершенных смертных, ни счастье, ни благополучие не предпочтительно; они редко приносят с собой умиротворение, которое является единственной постоянной положительной эмоцией. Идея мира обычно увязывается с концом жизни и религиозным состоянием ума. Этот вид мира, однако, содержит в себе элемент ожидания. Радости этого мира сошли на нет, и душа пребывает в ожидании радостей иного бытия. Не так обстоит дело с философским мировоззрением, и его можно достичь на более раннем жизненном этапе, когда удовольствие ощущается слабо, и тогда, когда оно переполняет человека. Американские трансценденталисты обнаружили, что жизнь можно сделать возвышенной, невзирая на обстоятельства или внешние источники удовольствия и благополучия. Конечно, это многократно открывалось и до этого, и Эмерсон лишь в который раз подхватил лозунг, выраженный Эпиктетом. Но каждый человек должен заново открыть это для себя самого, и как только он поймет это, ему станет ясно, что он не обретет счастье, если он не попытается реализовать эту возможность в собственной жизни. Стоик становился великим,

осознавая свою собственную абсолютную ответственность и не пытаясь избегнуть ее; еще более великим был трансценденталист, поскольку он имел веру в существование неизвестных и неиспытанных возможностей, заложенных внутри него. Оккультист полностью осознает свою ответственность и подтверждает свое имя, признавая опытное и приобретенное знание своих собственных возможностей.

Серьезный теософ, сознавая свою ответственность и в поисках знания, живет, тем временем, устремляясь к наивысшему идеалу, ему известному. Всем им — низкий поклон от «Люцифера»! Жизнь человека находится в его собственных руках, его судьба определяется им самим. Почему же тогда 1888 год не может быть годом великого духовного развития так же, как и другие прожитые нами годы? От нас самих зависит, чтобы это было так. Это действительный факт, а не религиозное убеждение. На подсолнечном поле каждый подсолнух поворачивается к свету. Почему то же самое не происходит с нами?

И пусть привлечение внимания к рождению года никому не покажется просто капризом. Земля проходит через определенные фазы, и человек вместе с ней; и как каждый день может иметь определенную окраску, так и каждый год. Астральная жизнь земли между Рождеством и Пасхой молода и сильна. Те, кто загадают свои желания сегодня, будут иметь дополнительные силы для их осуществления.

«МЫ ХОТИМ НЕ РУГАТЬСЯ, А ПРОСТО СПОРИТЬ»

Многоуважаемый нами журнал «*Light*», выходящий одновременно с нашим изданием, совершенно неожиданно озадачил нас. Взяв на вооружение принадлежащую нам сентенцию — ту, которая вынесена в заголовок настоящего протеста, — он наносит нам с ее помощью превентивный дружеский удар по голове, наставляя нас в следующей премудрости:

«МЫ ХОТИМ НЕ РУГАТЬСЯ, А ПРОСТО СПОРИТЬ», — заявляет мадам Блаватская в сентябрьском номере «*Теософиста*». И все же на другой странице того же номера мы обнаруживаем следующее странное сообщение: «Владельцы «*Теософиста*» готовят к печати большую работу, уникальную в своем роде, если не считать, пожалуй, Вагнеровского «Словаря ложных аргументов и нападок», сделанных его музыкальными критиками. В течение почти шести лет мы собирали материал для публикации «*Синопсиса*», сгруппированного в алфавитном порядке, который будет содержать все грубые и оскорбительные выпады, все порочащие и даже клеветнические фразы, площадную фразеологию, благочестивое вранье, злобные инсинуации и явную ложь, связанные с термином *теософия*, в целом, и направленные против двух основателей Общества, в частности, в том виде, как все это печаталось в миссионерских и других христианских органах начиная с 1 января 1876 года. Для каждого такого выражения будет скрупулезно и точно проставлено название издания и время его опубликования». При всем нашем уважении к владельцам «*Теософиста*», мы рискуем предположить, что они совершают серьезную ошибку — тот путь, которым они угрожают следовать, это

главным образом путь «ругани», а не «простого спора». Кроме того, это гигантская затрата энергии, которая могла бы быть направлена на более достойные цели. И это вульгарно! В стремлении к истине именно сознательная прямота и честность, самообладание и чувство собственного достоинства заслуживают внимания и внушают уважение.

В свою очередь, «со всем нашим искренним уважением» к мнениям достойных руководителей «*Light*», признавая справедливость некоторых из приведенных выше замечаний, мы самым решительным образом протестуем против остальных. Возможно, это и было бы «серьезной ошибкой», довести, как предполагалось, до конца публикацию «*Синописиса*», также и в отношении затраченного времени и энергии, которые можно было бы употребить для лучших целей, *le jeu ne vaut pas la chandelle* [игра не стоит свеч (*фр.*)]. Но мы совершенно не согласны с тем, что путь, предложенный нами, назван «вульгарным», или, если мы доведем дело до конца, то это будет «главным образом путь ругани», очень мало похожий на «простой спор». Когда двое ругаются, все происходит по-другому. Публикация «*Синописиса*», содержащего в себе оскорбительные термины и клеветнические утверждения, которые применялись по отношению к теософам без каких-либо комментариев, не в большей степени была бы «похожа на ругань», чем составление словаря или глоссария. И простой акт опубликования исторической записи неких мнений, направленных против нас, не может быть ни в коем случае сочтен «вульгарным», каким бы «вульгарным» ни было содержание самих этих записей — «грубых и оскорбительных выпадов», «порочащих и клеветнических фраз», «благочестивого вранья и злобных инсинуаций», и т. д., и т. д. Это можно было бы охарактеризовать как «безнравственность», «жестокость», «мстительность» — и мы не протестуя согласились бы со всеми этими определениями, — но точно так же можно было бы назвать «вульгарными» и публикацию книг пророков (особенно Осии), или преподобных отцов, пересматривающих текст Священного Писания, за издание в полном объеме всего Пятикнижия, как оно есть, включая фразы, высказанные самым непристойным и неприличным языком. Удивительно, что такое

достойное и тактичное издание, как «*Light*», сделало неверный шаг и споткнулось в своей логике, пусть даже и по причине своих преувеличенных представлений о милосердии и прощении.

ТЕОСОФИЯ И СПИРИТУАЛИЗМ

Корреспондент из Калькутты спрашивает:

(а) Является ли оккультизм наукой, *родственной* спиритуализму?

(б) Каковы главные вопросы, по которым расходятся теософы и спиритуалисты?

(в) Может ли спиритуалист называть себя теософом, не меняя своей веры, и *vice versa* [наоборот]?

(г) Я понимаю, что Вы не верите в спиритуализм, — как же могло получиться, что президентом Бенгальского отделения Теософического общества был выбран спиритуалист?

Вот наш ответ:

(а) Теософия — это очень древняя наука, тогда как спиритуализм — весьма современное проявление психических феноменов. Он не прошел еще этап экспериментального исследования.

(б) Разница в наших теориях, объясняющих эти феномены. Мы говорим, что в большинстве случаев, хотя и не всегда, они вызваны иными влияниями, нежели влияния, исходящие от бестелесных сознательных духов умершего человека. Спиритуалисты утверждают обратное.

(в) Да, многие превосходные люди являются и теми, и другими; и никому не нужно менять свою веру.

(г) Мы верим в феномены, но не в их причину, как это объяснено выше. Поскольку не существует каких-либо религиозных или иных критериев, кроме оценки нравственных

качеств человека и его симпатий к целям нашего Общества, которые мы применяем к тем, кто добивается получения какого-либо поста, то выборы преподобного Бабу Пери Чанд Митры президентом нашего Бенгальского отделения были не только наиболее разумны, но и весьма желательны. Он, конечно, наиболее спиритуалистический философ и наиболее теософски мыслящий спиритуалист, какого мы когда-либо встречали.

ВОЙНА НА ОЛИМПЕ

Над холодным и ясным горизонтом точной науки собираются черные тучи, предвещаая грозу. Среди жрецов науки уже формируются два лагеря. Они враждуют между собой, временами осыпая друг друга бранью. Яблоко раздора в данном случае — спиритуализм. Каждый год он соблазняет все больше и больше прославленных жертв, которые отходят от непогрешимых столпов материалистического отрицания и попадают в ловушку исследований так называемых спиритуалистических явлений. А мы все знаем, что когда истинный ученый исследует их без предрассудков, он обычно заканчивает как профессор Хэйр, м-р Уильям Крукс, член Королевского общества, великий Альфред Россель Уоллас, еще один член Королевского общества, и многие другие известные ученые — т.е. он переходит на сторону врага.

Нам действительно любопытно узнать, какую теорию выдвинут скептики в условиях современного кризиса науки и как они смогут объяснить недавнее отступничество нескольких знаменитых ученых. Избитые обвинения в *non compos mentis* и в «старческом слабоумии» уже больше не пройдут: число выдающихся ренегатов растет так быстро, что если обвинять в слабоумии всех, кто экспериментальным путем убеждается, что стол может разумно говорить, а медиумы плыть по воздуху, то это станет плохим предзнаменованием для науки, так как вскоре в научных обществах не останется никого, кроме слабоумных. Скептики, пытаясь объяснить, каким образом столь странное заблуждение так прочно засело в умах знаменитых ученых, могут найти некоторое утешение в теории атавиз-

ма — мистическом законе скрытой наследственности, который так яростно защищают современные школы дарвинского эволюционизма, особенно в Германии, что видно на примере бескомпромиссного апостола современной «борьбы за культуру» Эрнста Гаккеля, йенского профессора. Они могут отнести веру своих коллег в необычайные феномены на счет некоторого движения молекул клеток в нервных узлах их когда-то мощного мозга, полученного в наследство от своих невежественных средневековых предков. Или же они могут расколоть свои ряды, действуя в соответствии с принципом *imperium in imperio*, «разделяй и властвуй». Все это возможно, но только время покажет, какая из двух сторон останется победительницей.

К этим размышлениям нас подтолкнул спор, разгоревшийся сейчас между немецкими и русскими профессорами — выдающимися и прославленными *светилами науки*. Тевтонцы и славяне, в рассматриваемом нами случае, враждуют не на почве национальной розни, а из-за веры и неверия. Заключив временный наступательный и оборонительный союзы, ученые, независимо от расовой принадлежности, разбились на два лагеря: один представляет спиритуалистов, другой — скептиков. И сейчас война не на жизнь, а на смерть уже провозглашена. Одну из сторон возглавляют профессор Цёльнер, Ульризи, Фихте, Бутлеров и Вагнер из Лейпцигского, Галльского и Санкт-Петербургского университетов, другую — профессора Вундт, Менделеев и ряд других немецких и русских знаменитостей. Как только профессор Цёльнер, знаменитый астроном и физик, признал в печати медиумические способности д-ра Слейда, чем поверг в ужас своих ученых коллег, — профессор Ульризи, из Галльского университета, навлекая на себя гнев научного Олимпа, публикует брошюру «Научный подход к так называемому спиритуализму», где опровергает доводы проф. Вундта из Лейпцигского университета, которые тот обосновывает против спиритуализма в своей брошюре «Спиритуализм: научный подход». А сейчас на арену борьбы выдвинулся другой ее активный участник — г-н Бутлеров, профессор химии и естественных наук из Санкт-Петербурга, чьи рассказы о *его собственных* экспериментах в Лондоне с медиумом Вильям-

сом вызвали острейшую полемику. Юмористическая газета «Kladderadatsch» исполняет на своих страницах танец войны и всячески потешается по этому поводу, тогда как более серьезные консервативные газеты выражают негодование. Оттесненные к траншеям последней линии обороны холодными и неопровержимыми доводами знаменитого натуралиста, критики, возглавляемые Санкт-Петербургским светилом г-ном Бурениным, похоже, впали в отчаяние и испытывают недостаток в боеприпасах, поскольку для разгрома врага стали использовать весьма примечательные парадоксы. Доводы *за* и *против* в этом споре вызывают слишком большой интерес; наши потомки могли бы даже обидеться, если бы этот спор остался только на страницах русских и немецких газет и не стал бы достоянием гласности английских и американских читателей, проявляющих интерес к спиритуализму. Итак, мы, уподобляясь Гомеру, последуем за спорщиками, давая краткое изложение, из заботы о наших друзьях, этой современной Илиады.

Потратив несколько лет на неустанные исследования, г-да Вагнер и Бутлеров, выдающиеся *светила науки* и профессора Санкт-Петербургского университета, пришли к выводу, что сверхъестественные феномены не вымысел, а реальность. И как следствие этого, оба ученых опубликовали в ведущих периодических изданиях многочисленные и убедительные статьи в защиту «вредной эпидемии», как д-р Карпентер обзывает спиритуализм в изложении «бессознательной работы своего мозга» и результате «предрасположения» к своему хобби. Оба вышеупомянутых джентльмена обладают очень ценными качествами, которые вызывают тем больше уважения, чем реже их можно встретить среди мужей науки. Эти качества, по признанию их критика, самого г-на Буренина, таковы: (1) серьезное и глубокое убеждение в том, что то, что они защищают, является правдой; (2) непоколебимое мужество доказывать при каждом удобном случае предубежденной и враждебно настроенной публике, что есть их твердое убеждение; (3) ясность и логичность высказываний; (4) полное спокойствие и беспристрастность к мнению их оппонентов; (5) полное и глубокое знание предмета дискуссии. Перечислив эти качества, их критик добавляет:

Все это позволяет нам рассматривать недавнюю статью профессора Бутлерова «Эмпиризм и догматизм в области медиумства» как одну из самых значительных работ, которая, несомненно, окажет сильное воздействие на читателя. Такие статьи — большая редкость в нашей печати; редко сейчас встречается оригинальность выводов автора при ясном, четком и серьезном изложении фактов...

Статью, о которой этот хвалебный отзыв, мы изложим вкратце. Не будем останавливаться на перечислении всех удивительных спиритуалистических феноменов, которые наблюдал профессор Цельнер в опытах с д-ром Слейдом и которые так защищает профессор Бутлеров, поскольку они не более удивительны, чем личный опыт самого г-на Бутлерова и м-ра Вильямса, медиума из Лондона, в 1876 г. в этой же области. Сеансы проходили в одном из отелей в Лондоне в комнате, занимаемой достопочтенным Александром Аксаковым, русским действительным статским советником, в которой, кроме него, присутствовали еще двое — профессор Бутлеров и медиум. Таким образом, сговор полностью исключен. Итак, что же произошло в этой комнате, что так сильно взволновало одного из первых ученых России? А вот что: м-р Вильямс, медиум, сидел, привязанный ногами, руками и всем телом к стулу, стоявшему в углу глухой стены, и был отгорожен от присутствующих пледом г-на Бутлерова, который образовывал своего рода экран. Вскоре Вильямс впал в некое летаргическое состояние, известное спиритуалистам как транс; перед глазами исследователей начали появляться «духи»; со всех сторон стали доноситься голоса и громкие обращения «невидимок»; вещи — туалетные принадлежности и тому подобное — в разные места комнаты летали по воздуху и, наконец, «Джон Кинг», настолько известный, что его можно считать «королем» призраков, предстал перед ними лично. Но предоставим профессору Бутлерову самому рассказать об этой феноменальной истории:

Сначала мы увидели несколько ярких огней, плывущих в воздухе, а затем появился и сам «Джон Кинг», представший пред нами в полный рост. Его появлению, как обычно, предшествовал зеленоватый фосфорический свет, который разрастался все больше и больше, пока, наконец, контуры «Джона Кинга» не осветились целиком. Всем находившимся в комнате казалось, что свет исходит

из какого-то светящегося предмета в руке «духа». Было отчетливо различимо лицо человека с густой черной бородой и белым тюрбаном на голове. Его фигура появилась как бы из кабинета (т.е. из-за отгороженного пледом угла комнаты, где сидел медиум) и затем приблизилась к нам. Каждый раз видение это длилось всего несколько секунд, потом его фигура внезапно исчезала, свет угасал и фигура становилась полностью невидимой, но через несколько секунд появлялась вновь; затем из окружающей темноты доносился голос «Джона», с того самого места, где он появлялся чаще всего, после того как исчезал, хотя и не всегда. «Джон» спросил нас: «Что я могу сделать для вас?», и г-н Аксаков попросил его подняться до потолка и побеседовать с нами оттуда. В соответствии с выраженным желанием, фигура «Джона» внезапно появилась над нашим столом и стала величественно подниматься к потолку, который сразу же озарился светом от блестящего предмета в его руке, и когда «Джон» почти достиг потолка, он крикнул нам сверху: «Вы этого хотели?»

Во время другого сеанса г-н Бутлеров попросил «Джона» приблизиться к нему, что «дух» и исполнил; это позволило г-ну Бутлерову отчетливо разглядеть «сверкающие, ясные глаза «Джона». Другой дух, «Питер», хотя он никогда и не принимал на сеансах видимую форму, все же беседовал с господами Бутлеровым и Аксаковым, писал для них на бумаге, заблаговременно приготовленной ими, и т.п.

Хотя ученый профессор и перечисляет подробно все меры предосторожности, которые принял против возможного обмана, его критик все же чувствует себя неудовлетворенным и уместно вопрошает:

Почему же уважаемое *светило науки* не поймало «Джона» за руку, когда тот был на расстоянии всего одного фута от него? Опять же, почему господа Аксаков и Бутлеров не схватили «Джона» за ноги, когда тот поднимался к потолку? Конечно, они все это должны были бы сделать, в интересах науки и своих собственных, если бы действительно стремились проникнуть в область «потустороннего мира». И справься они с таким простым и в то же время таким незначительным научным экспериментом, им бы не пришлось, возможно... придумывать объяснения научного значения спиритуалистических феноменов.

О том, что это значение не преувеличено и крайне важно как для мира науки, так и для религиозной мысли, свидетель-

ствуют многочисленные философские размышления о современном «жюльничестве». Вот что об этом говорит известный немецкий мыслитель Фихте:

Современный спиритуализм доказывает главным образом существование того, что в простонародье очень туманно и неумело называют «привидениями». Если мы допустим реальное существование этих привидений, то они станут неопровержимым и практическим доказательством продолжения нашего собственного сознательного существования (за воротами смерти). И такой осязаемый, наглядный факт не может не оказать благотворного влияния на нашу эпоху, которая, скатившись до мрачного отрицания бессмертия, гордится своим могучим интеллектом и думает, что давно оставила позади все предрассудки подобного рода.

Если такое весомое доказательство будет действительно найдено и продемонстрировано нам, честно и непредубежденно, то, рассуждает Фихте далее:

Если реальность продолжения жизни после смерти будет убедительно доказана, в строгом соответствии с логикой экспериментальной естественной науки, то с этим фактом, вследствие его особой природы и значения для человечества, не сможет сравниться ни один другой факт во всей истории цивилизации. Извечный вопрос о предназначении человека на Земле окажется, таким образом, решен, и сознание человечества поднимется на одну ступеньку выше. То, что до сих пор открывалось человеку лишь в рамках слепой веры, предчувствия и страстной надежды, стало бы для него реальным знанием; он бы обрел уверенность, что является частичкой вечного, духовного мира, в котором продолжит свое существование, и что его временное пребывание на этой Земле лишь прелюдия к будущей вечной жизни, и что только здесь он сможет почувствовать и полностью осознать свое предназначение. А убедившись в этом, человечество переоткрыло бы воодушевляющее значение жизни, и его интеллектуальное восприятие впитало бы в себя идеализм, подкрепленный неоспоримыми фактами. Это привело бы к полному переосмыслению жизни человека и его миссии на Земле, оказалось бы, если можно так выразиться, «новым рождением». Утративший веру в вечное предназначение и вечную жизнь, будь то отдельный человек, целая нация или все представители определенной эпохи, может нами рассматриваться как вырвавший с корнем чувство той жизненной силы, которая единственная вызывает в нас стремление к самопожертвованию и ведет к совершенствованию. Такой человек неизбежно становится эгоистичным, себялю-

бивым и чувственным созданием, которого волнует лишь его собственная особа. Культура, просвещенность и цивилизованность становятся для него лишь украшением на пути к чувственной жизни, или, в лучшем случае, защитой от возможного вреда.

Вот такое огромное значение немецкий ученый Фихте и русский профессор Бутлеров придают спиритуалистическим феноменам, и мы можем добавить, что их взгляды находят искренних сторонников в Англии в лице м-ра А. Р. Уоллеса (см. его работу «Чудеса и современный спиритуализм»).

Один влиятельный американский научный журнал использует точно такой же высокий стиль, когда говорит о том большом значении, какое будет иметь для всего мира научное доказательство посмертного существования души. Если будет доказана правда спиритуализма, утверждает журнал, то:

Это станет самым значительным событием для всего человечества; покроет неувядаемой славой весь девятнадцатый век; тот, кто докажет реальность духовного мира, прославится в веках, и имя его будут чтить превыше всех других. Если утверждения спиритуализма имеют разумные основания, то перед учеными стоит важнейшая задача — доказать состоятельность этих утверждений. («Scientific America», 1874, цитируется по работе Олькотта «Люди из другого мира», Предисловие.)

А теперь посмотрим, что же упрямый русский критик (который, похоже, является рупором европейской материалистической науки) может предложить в ответ на неопровержимые доводы и логику г-д Фихте и Бутлерова. Если скептицизм не найдет более веских доводов противостоять спиритуализму, кроме как нижеизложенный оригинальный парадокс, то нам придется объявить, что в этом споре он потерпел поражение.

Вместо положительных результатов, в случае окончательной победы спиритуализма, о которых нам поведал Фихте, критик предсказывает совсем противоположное:

Как только наука предоставит убедительные и обоснованные доказательства того, что наш мир переполнен душами живших до нас людей, к которым мы со временем и сами присоединимся, как только будет доказано, что эти «души покойных» могут общаться с

нами, простыми смертными, вся земная естественная наука лопнет как мыльный пузырь и потеряет для нас, живущих, весь интерес. Зачем людям заботиться о своей быстротечной жизни на земле, если смерть совсем не препятствует сознательному общению с миром живых, или даже *post mortem* участию в их делах? Как только, с помощью науки, опирающейся на данные экспериментов с участием медиумов и на открытия спиритуализма, такие отношения будут установлены, с каждым днем они будут становиться все более и более тесными; удивительная дружба вспыхнет между этим и «другим» миром; тот, другой, станет раскрывать этому миру наиболее оккультные тайны жизни и смерти, а также ранее недоступные законы вселенной, те, над которыми сейчас бьются лучшие умы человечества. В итоге, нам вскоре будет нечего делать в этом временном пристанище, у нас не останется ни одного желания, кроме желания побыстрее перейти в мир вечности. *Не нужны будут больше ни изобретения, ни наблюдения, ни наука!* Зачем напрягать свои мозги над усовершенствованием, например, телеграфа, если единственное, что нужно — это установить хорошие отношения с духами, чтобы пользоваться их услугами для мгновенной передачи мыслей или предметов, и не только из Европы в Америку, но, если и захотите, даже на Луну? Установление сообщения *de facto* между двумя мирами, к которому так стремятся некоторые ученые, неизбежно приведет нас к следующему результату: полному уничтожению всей науки и даже человеческой расы, потому что все люди будут мечтать только о том, как бы скорее попасть в иной, лучший мир. Ученые *фантазеры*, которым так не терпится продвинуть вперед спиритуализм и установить тесный контакт между двумя мирами, всегда должны помнить об этом.

На это ученые *фантазеры* могут вполне обоснованно ответить, что требуется обладать умом лишь в микроскопической дозе, чтобы всерьез выдвигать такие возражения. Способно ли вышеупомянутое высказывание быть использовано в качестве серьезного аргумента в рассматриваемом вопросе? Странная логика! Нас пытаются уверить, что если эти ученые мужи, которые не верят ни во что, кроме материи, и пытаются каждый феномен — даже ментального и духовного свойства — вогнуть в прокрустово ложе своих собственных предвзятых идей и представлений, в силу обстоятельств будут вынуждены приспособливать эти представления к истине, хотя и не желанной, и к фактам, откуда

бы их ни извлекали, то из-за этого наука потеряет все свое очарование для человечества. Более того, сама жизнь станет тяжким грузом! На свете миллионы людей, которые, вовсе не веря в спиритуализм, тем не менее верят в другой, лучший мир. И если бы эта слепая вера стала реальным знанием, она сделала бы человека только лучше.

В конце этой уничтожающей критики «легковерных мужей науки» наш сокрушитель бросает еще одну бомбу, которая, к несчастью, подобно другим его снарядам, пролетает мимо главных виновников и ранит их ученых коллег. Мы даем дословный перевод этого выстрела, из уважения ко всем европейским и американским академикам. Говоря о Бутлере и его статье, он добавляет:

Выдающийся профессор, среди прочего, приводит удивительный факт, что каждый день у спиритуализма становится все больше и больше сторонников из новообращенных великих ученых. Он приводит длинный список из имен знаменитых ученых Англии и Германии, которые в той ли иной степени признали спиритуалистические доктрины. Среди этих имен мы находим вполне авторитетные имена величайших светил науки. Такой факт, говоря без преувеличений, поражает и придает спиритуализму огромный вес. Но стоит нам только спокойно поразмышлять над ним, как мы легко приходим к пониманию, почему *именно среди таких величайших мужей науки спиритуализм быстрее всего распространяется и находит сторонников*. Несмотря на весь их могучий интеллект и огромные знания, наши великие ученые, во-первых, домоседы, а во-вторых, за небольшим исключением, *люди с больной и расшатанной нервной системой, чей утомленный мозг все время работает с перегрузкой. Таких домоседов легче всего одурачить; умный шарлатан с большей легкостью надует и поймает в свои сети ученого, чем необразованного, но практичного человека*. Галлюцинации скорее овладевают людьми с тонкой психикой, особенно если их внимание сосредоточено на определенной идее или любимом занятии. Это, думаю, вполне объясняет, почему так много мужей науки вступают в армию спиритуалистов.

Мы не станем спрашивать у г-д Тиндаля, Гёксли, Дарвина, Герберта Спенсера, Луэса и других скептиков от науки и философии, согласны ли они с теорией всеобщей расшатанности нервной системы, коллективного размягчения мозгов

и, как следствие, галлюцинаций. Этот довод представляет собой не только глупую *naïveté*, но и словесное уродство.

Мы далеко не во всем согласны со взглядами проф. Бул-лорова или даже м-ра Уолласа относительно сил, вызывающих эти феномены; тем не менее, между крайностями духовного отрицания и утверждения должна быть некая середина; только чистая философия, опираясь на твердые основы, способна установить истину, и никакая философия не может считаться полной, если не включает в себя физику и метафизику. М-р Тиндаль, который утверждает (см. «Наука и человек»), что «метафизику можно будет допускать только тогда, когда она отбросит всякие претензии на научные открытия и согласится, чтобы на нее смотрели как на вид поэзии», подставляет себя под град критики потомков. Тем не менее, не следует считать грубым ответ спиритуалистов, что «физику можно будет допускать, когда она отбросит свои претензии на исследования в области психологии». В недалеком будущем, физикам придется согласиться на роль простых наблюдателей и аналитиков физических результатов, предоставляя рассматривать духовные причины тем, кто верит в них. Каким бы ни был предмет настоящего спора, мы полагаем, однако, что со своим появлением спиритуализм запоздал на целых сто лет. Наш век — век крайностей. Честных философов-скептиков немного, а тем, кто бросается к другой крайности, имя — легион. Мы — дети нашего века. В соответствии все с той же теорией атавизма, он похоже, унаследовал от своего родителя — восемнадцатого века, века Вольтера и Джонатана Эдвардса — свой чрезмерный скептицизм и, одновременно, религиозное легкоеверие и фанатичную нетерпимость.

Спиритуализм — аномальный и преждевременный отпрыск, стоящий между этими двумя веками, и хотя он расположен на пути к истине, расплывчатость убеждений заставляет его блуждать уединенными тропами, которые ведут к чему угодно, но только, не к философии. Его будущее целиком зависит от своевременной помощи, которую он может получить от честной науки, той науки, которая не отменяет с презрением истину. Возможно, именно об оппонентах этой истины Альфред Мюссе написал следующие замечательные строки:

Покоен ли твой сон, Вольтер?
Смеешься ль страшным смехом,
Взирая на свои останки?..
Тебя не поняли — ведь ты родился слишком рано
Тебе ведь наше время подошло бы лучше —
Рождаются такие же, как ты!
И жизни монолит, что мощными руками
Без усталы расшатывал —
Обрушился на нас.

РУССКИЕ СУЕВЕРИЯ

В статье, озаглавленной «Война на Олимпе» («*Теософист*», ноябрь 1879 г.), имеется ссылка на крупный скандал, разразившийся в России между защитниками и противниками современных феноменов медиумизма. Одним из наиболее отъявленных противников спиритистов долго был господин Евгений Марков,¹ известный современный русский критик. Никто еще никогда не был более саркастичен и агрессивен по отношению к тому, что он называл «современными суевериями». Русская пресса теперь смеется на его счет. Он пострадал от того, что как-то в момент неосторожности выдал себя признанием о некоем удивительном феномене, который выпал на его личный опыт несколько лет назад. В опубликованной в «*Голосе*» статье о различных суевериях русского

---

¹ Евгений Львович Марков (1835-1903 или 1904) был хорошо известным в России писателем. Он принадлежал к старинной фамилии землевладельцев Шигровского уезда Курской губернии. Его мать, Елизавета Алексеевна, урожденная фон Хан, весьма талантливая женщина, приходилась дочерью генерал-лейтенанту армии Суворова Алексею Густавовичу фон Хану — деду Е.П.Б. со стороны отца. Е.Л. Марков с сестрами и братьями — один из которых, Владислав, был романистом — были, тем самым, троюродными кузенами и кузинами Е.П.Б.

Написанное Е.Л. Марковым включает: Барчуки: картины прошлого. Санкт-Петербург, 1875, содержащие автобиографические воспоминания детства, и «Учебные годы барчука», напечатанные в журнале «*Новь*», том II, 1885, с. 228-239. Его «Собрание сочинений» в двух томах опубликовано в Санкт-Петербурге в 1877 году. — *Составитель*.

крестьянства он говорит, что для них «домовой» или «хозяин» — так тоже назывался этот семейный дух — «считается совершенно объективной реальностью, как и живые люди, проживающие по соседству. В него крестьянин верит и принимает его во внимание во всех домашних делах». Затем следует его признание:

Я хорошо помню, что во время моего раннего отрочества был ученый старик, Степан Андреевич, прославившийся по всей нашей округе и даже далеко за ее пределами. Перед магическими достижениями и оккультными силами этого сына сельского дьякона, перед его сверхъестественным знанием и пророчествами наш народ буквально падал ниц. Он не считался человеком, практикующим черную магию, а был благожелательным волшебником; ему просто приписывалось исполнение самых удивительных чудес. Он мог увидеть и описать другим события, происходящие за многие версты отсюда; он предсказывал день кончины различных известных землевладельцев нашего уезда; от одного произнесенного им слова свора диких псов, помчавшихся за повозкой, тотчас же падала замертво на месте; в Орле он «вызвал» по просьбе одной вдовы ее усопшего мужа и благодаря этому обнаружил, где скрыты некоторые важные семейные документы. Что же касается разнообразного зла, он словно отводил его мановением руки. Достоверно известно, что некая дама заплатила ему 17 000 рублей за излечение от помешательства; а также все точно знали, что его неоднократно отвозили в Москву и другие города, чтобы исцелять богатых больных. Истерические недуги проходили от единственного его прикосновения или даже взгляда. У нас дома он вылечил одну одержимую женщину, просто заставив ее выпить двенадцать бутылок какой-то травяной настойки. И эта одержимая заранее чувствовала приближение Степана Андреевича; и тогда ею овладевали страшные конвульсии, и при этом она громко кричала на весь поселок: «он идет, он идет!..»

Как будто вышенаписанного вовсе недостаточно, господин Марков цитирует пример, который совсем недавно наблюдал сам и в который он верит настолько, что готов описать его, не идя на компромисс с противниками всего, отдающего «суеверием». Вот что он нам рассказывает:

В моем скотном дворе есть великолепный бык, приобретенный мною у одного очень богатого скотовода. Странно сказать, но у этого быка не имелось потомства, и я, считая, что это происходит по вине смотрителя, очень громко выбранил его за это. Этот умный

мужик только лишь сбросил шапку и, не ответив, покачал головой с видом полнейшего несогласия со мною.

«Э-эх, хозяин, хозяин! — воскликнул он с выражением глубокого осуждения. — Разве вы не приобрели эту тварь у *богатого крестьянина*? Почему же тогда вы ожидаете, что она станет размножаться?»

Факт заключается в том, что, в соответствии с народным суеверием в России, богатый скотовод никогда не продаст прекрасный скот, если предварительно не произнесет магическое «слово» (заклинание или мантру). И господин Марков, непримиримый противник спиритуализма, очевидно, поддался суеверию, раз добавляет следующее глубокомысленное рассуждение:

Итого, существуют веские причины верить, что подобные экзорцизмы и заклинания не являются всего лишь слухами, но совершенно явно часто бывают действительными деяниями.

РЕИНКАРНАЦИЯ В ТИБЕТЕ

Европейцам так мало известно о том, что происходит в Тибете и даже в более доступном Бутане, что англо-индийская газета — из тех, что делают вид, будто сведущи во всем и с уверенностью обсуждают любой предмет независимо от того, знают ли о нем в действительности или нет, — опубликовала недавно следующую «ценную» информацию:

«Может быть мало кому известно, что деб-раджа Бутана, умерший в июне прошлого года (это событие сохранялось в тайне — возможно, с целью предотвращения беспорядков), — был нашим удачливым оппонентом в 1864-1865 годах... Правительство Бутана состоит из духовного лидера, называемого дхарма-раджа и считающегося инкарнацией Будды (?!), который никогда не умирает, а также гражданского правителя — деб-раджи, в руках которого предположительно сосредоточена вся власти».

Трудно было бы сделать более нелепое утверждение. Нам могут ответить, что христианские авторы верят в реинкарнацию Будды еще меньше, чем буддисты Цейлона, и, следовательно, мало заботятся о точности своих высказываний. Но в таком случае зачем вообще затрагивать этот вопрос? Ежегодно различные правительства выделяют большие суммы на поиски старинных азиатских рукописей и изучение истины о древних религиях и народах; запутывание же интересующихся людей легкомысленным и презрительным отношением к фактам далеко от уважительного отношения как к науке, так и истине.

На основе информации, полученной в нашей штаб-квартире, мы попытаемся дать более точное разъяснение дан-

ного вопроса, чем то, которое до сих пор имелось в различных книгах. Информацию нам предоставили, во-первых, несколько высокоученых лам, во-вторых, европейский дворянин и путешественник, предпочитающий не указывать своего имени, и, в третьих, высокообразованный молодой китаец, выросший в Америке, но в затем покинувший роскошь светской жизни и удовольствия западной цивилизации ради относительно тяжелой и полной лишений религиозной, созерцательной жизни в Тибете. Эти два джентльмена — члены Теософического общества, последний — наш «небесный» собрат, никогда не упускающий случай связаться с нами, и совсем недавно мы получили сообщение от него *через* дарджилинг.

В настоящей статье, помимо опровержения странного представления о том, что бутанский дхарма-раджа является «инкарнацией Будды», мы укажем на ряд нелепостей, допускаемых некоторыми предубежденными авторами.

В Тибете никогда не считали, по крайней мере определенно, что духовный лидер Бутана является «инкарнацией Будды, который никогда не умирает». Дугпа,¹ красные шапки, принадлежат к старой секте Ньянг-на-па, не принявшей религиозную реформу Цзон-ка-пы во второй половине XIV — начале XV веков. Только после того как тибетский лама, пришедший в Бутан в X веке и обративший бутанцев из старой буддийской веры (с примесью религии Бон исконного населения) в веру шаммарской секты, бутанцы, в противовес принявшим реформу гелукпа, установили стройную систему реинкарнаций. Однако дхарма-раджа является воплощением не Будды, или по-тибетски Санг-гья, а совсем другого персонажа, о котором речь пойдет далее.

Что же знают ориенталисты о Тибете, его гражданском управлении, а особенно о религии и обрядах? Только то, что им удалось узнать из противоречивых и неполных описаний и

---

¹ Название *дугпа* унижительно в Тибете. Сами члены этой секты произносят его дёг-па — от корня «связывать» (обетом, заветом, договором; имеется в виду религиозная связь со старой верой); в то время как преобладающая, наиболее массовая секта *гелугпа*, «желтые шапки», и простые люди пользуются названием дугпа в значении «причиняющие вред», колдуны. В Тибете и в некоторых районах Северной Индии бутанцев часто называют *дугпа*.

изложений нескольких католических монахов и двух-трех отважных путешественников без духовного сана, которые, не зная языка, вряд ли могли дать хотя бы сколько-нибудь исчерпывающее описание страны. Миссионеры, тайно проникнувшие в Лхасу¹ в 1719 году, пробыли там совсем недолго и в конце концов были выдворены из Тибета. Письма иезуитов Дезидери и Иоанна Грюбера, а особенно Фра делла Пенна, полны величайших нелепостей.² Достаточно прочесть эти письма, чтобы увидеть, что все христиане и особенно католические миссионеры (очевидно, суеверные столь же, если не более, чем невежественные тибетцы, которым они приписывают всяческие беззакония) испытывают к «язычникам» и их вере дух *odium teologicum* [теологическая ненависть], полностью лишаящий их чувства справедливости. И где еще могли они найти лучшую возможность проявить свою монашескую сварливость и мстительность, как не в Тибете, стране тайн, мистики и уединения? Кроме этих нескольких предубежденных «историков», лишь пятеро других европейцев побывали в Тибете. Из них трое — Богль, Гамильтон и Тёрнер — дошли лишь до границ Тибета; Маннинг, единственный европеец, побывавший в Лхасе,³ умер не раскрыв тайн этой страны по причинам, о которых его единственный племянник, священник, хотя и подозревал, но никогда не узнал. Ксома де Кёрёш дошел только до Занскара и ламаистского монастыря Фэг-дал.⁴

---

¹ Из 12 монахов-капуцинов, основавших под руководством преподобного отца делла Пенна миссию в Лхасе, 9 вскоре умерло, и лишь трое вернулись на родину и смогли рассказать свою историю. См. Clements R. Markham. Tibet.

² См. приложения в книге: Clements R. Markham, C. B., F. R. S. Narratives of the mission of George Bogle to Tibet. Triibner & Co. London.

³ Здесь речь идет о текущем столетии. Крайне сомнительно, что миссионеры Хук и Габе когда-либо были в Лхасе. Ламы отрицают это.

⁴ Нам известно, что это название обычно пишется Пугдал, но такое написание ошибочно. Слово *пугдал* ничего не значит, а тибетцы не дают своим священным местам незначащих названий. Не знаем, как передает это название Ксома де Кёрёш, но как и в случае

Общепринятая сейчас система инкарнаций «Санг-гьи», или Будды, была начата Цзон-ка-пой. Этот реформатор не был, как принято считать, воплощением одного из пяти небесных дхиан, или божественных будд, созданных, как утверждают, Шакья Муни после его вознесения в нирвану, но был воплощением Амиты (одно из китайских имен Будды). Согласно записям, сохранившимся в ламасерии Гон-па, Тда-ши Хлум-по (англичане его произносят как «Тешу Лумбо»), Санг-гья переродился в образе Цзон-ка-пы во время упадка, который переживало его учение. До этого не было иных перерождений, кроме пяти небесных Будд и их бодхисаттв — каждый будда создал (одарил своей небесной мудростью) пять бодхисаттв; таким образом было и есть теперь 30 инкарнаций (Санг-гьи) — 5 дхианов и 25 бодхисаттв. Красные шапки не признали Цзон-ка-пу из-за того, что, наряду с другими реформами, он запретил колдовство (черную магию), практикуемую до сих пор с ужасающими обрядами бонцев, исконным населением Тибета, которые всегда были близки с красношапочниками или шаммарами. За этим последовало разделение на две секты. Полностью отделившись от гелукпа, дугпа («красные шапки»), бывшие изначально в заметном меньшинстве, обосновались в различных областях Тибета, в основном в пограничных районах (особенно на границе с Непалом и Бутаном). Бутанцы, однако, всегда были поданными и вассалами далай-лам, сохраняя некоторую независимость лишь в монастыре Сакья-джонг, тибетской резиденции их духовного (?) лидера Гонг-ссо Римбо-чей. В своем письме к Уоррену Хастингсу от 1774 года таши-лама называет бутанцев «грубой и невежественной расой», а также пишет, что «деб-раджи подчиняются далай-ламе», забывая сказать при этом, что они — поданные

дворца По-та-ла в Лхасе, неточно называемом Потала, название монастыря Пхэг-дал происходит от слова Пхэг-па (*пхэг* означает величественный в целостности, подобный Будде, духовный; *пха* — человек, отец), титула Авалокитешвары, бодхисаттвы, инкарнацией которого и являются далай-ламы Лхассы. Долина Ганга, где проповедовал и жил Будда, называется также Фэг-юл — священная, духовная земля. Слово пхэг происходит от того же корня, что *пха* или *пхо*, — искаженное *Фо* (или Будда), так как в тибетском алфавите нет буквы «ф».

его государства и были таковыми уже более трех с половиной веков. Таши-ламы всегда были более могущественны и почитаемы, чем далай-ламы. Титул далай-ламы был учрежден таши-ламой Набанг-Лоб-Сангом, являвшимся шестым воплощением Цзон-ка-пы, который в свою очередь был инкарнацией Амидабы, или Будды. Такая иерархия была установлена в Лхассе, но утвердилась она только во второй половине XVII века.¹

В вышеупомянутом и очень интересном труде К. Р. Маркхема автор собрал всю информацию об этой *terra incognita*, которая когда-либо достигала Европы. В его работе есть один абзац, который, по нашему мнению, в нескольких словах подытоживает ошибочные взгляды востоковедов на ламаизм и особенно на систему непрерывных реинкарнаций. Вот он:

Действительно, приблизительно в то же время, когда было путешествие Хуен Цанга, в Тибете начал распространяться буддизм, как со стороны Китая, так и со стороны Индии, но появился он в Тибете совсем не в том виде, как за несколько веков до того на Цейлоне. Традиции, метафизические размышления и новые догмы привнесли в изначальные тексты великое множество более поздних откровений. Тибет таким образом получил больше истинных знаний, но из-за крепости народных верований мог принять лишь часть их. С тех пор как оригинальные тексты были привезены на Цейлон сыном Ашоки, истинным буддистам Индии было открыто, что их бог создал пять дхиан, или небесных будд, а каждый из последних — по пять бодхисаттв, или существ, находящихся на пути достижения состояния Будды, на пути полного освобождения. Тибетцы твердо приняли эту сторону буддийского учения; при этом по их вере бодхисаттвы продолжают свое существование, проходя цепь рождений и смертей в различных воплощениях во имя блага человечества. Ха-

---

¹ К. Р. Маркхем в книге «Тибет» пишет (предисловие, с. XVII): «Современником Цзон-ка-пы был другой великий реформатор, Гедун-тубпа, родившийся в 1339 г. и умерший в 1474 г. (проживший, таким образом, 135 лет). Он построил монастырь Теши Лумбо (Тдаши Хлум-по) в 1445 г., и именно с этого, как его называли безупречного, ламы началась цепь нескончаемых перерождений. Сам он был воплощением бодхисаттвы Падма Пани и отказался от достижения состояния Будды после смерти для того, чтобы родиться вновь и вновь на благо человечества... Когда он умер, по определенным божественным знакам нашли младенца — его приемника».

ракторные черты тибетской веры выработались постепенно, причем задолго до того, как она приняла современный вид,¹ но к идее воплощений бодхисаттв тибетцы склонялись с самого начала.

В то же время, как пишет Макс Мюллер:

Самым важным элементом буддийской реформы всегда был ее социальный и моральный кодекс, а не метафизические теории. Этот моральный кодекс представляет собой один из наиболее совершенных кодексов, когда-либо существовавших в мире; именно буддизм принес в Тибет это благо.²

Это «благо» осталось и распространилось по всей стране, ибо не было еще более благодушной, чистосердечной, более простой и непорочной нации, чем тибетцы — несмотря на злословие и клевету миссионеров.³ И все же, тем не менее,

---

¹ «Современная» — это самая ранняя вера, как мы и попробуем показать ниже. Невозможен правильный анализ любой религии на основании «народных» форм — и менее всего ламаизма, или эзотерического буддизма, искаженного домыслами невежественных людей. Между ламаизмом ученого духовенства и ламаизмом их паствы существует большая разница, чем между христианством епископа Беркли и христианством современного ирландского крестьянина. До сих пор востоковеды поверхностно изучали лишь верования и обряды «народного» буддизма в Тибете, причем в основном через искажающие очки миссионеров, ненавидящих все, кроме своей религии. То же самое можно сказать о сингалезском буддизме: по словам полковника Олькотта в кратком предисловии к «Буддийскому Катехизису», миссионеры в течение многих лет упрекали сингалезцев в «ребячестве и абсурдности их религии», в то время как на самом деле то, о чем они говорили при этом, очень далеко от ортодоксального буддизма. Буддийский фольклор и сказания представляю собой накопления двадцати шести веков.

² См. Введение в «Науку о религии», с. XIV.

³ Чтобы читатель мог составить свое мнение, достаточно сравнить приведенную в книге К. Р. Маркхема «Тибет» теплую, беспристрастную и искреннюю хвалу характера тибетцев и их моральных представлений, высказанную Боглем и Тёрнером, а также полные энтузиазма похвалы Томаса Маннига в адрес далай-ламы и его окружения — с письмами трех иезуитов, приведенных в «Приложении». В то время как трое первых джентльменов — беспристрастные рассказчики и, не имея никаких оснований исказить истину, едва находят достаточно слов для выражения радушия тибетцев, трое

«народный» ламаизм отличается от истинного эзотерического буддизма, или буддизма архатов Тибета, как снег, вытоптаный вдоль дороги в долине, отличается от чистого, неоскверненного снега, сияющего на горных вершинах.¹ А теперь попробуем исправить, насколько это окажется возможным, некоторые искаженные представления об эзотерическом буддизме.

Прежде чем объяснить, как бутанцы были насильственно подчинены и дхарма-раджа стал вынужден принимать «инкарнации» только после его признания в Лхасе, посмотрим на состояние религии в Тибете в течение семи веков, предшествовавших реформе. Как было сказано ранее, в IX-X веке некий лама пришел в Бутан из провинции Кам, всегда бывшей опорой и рассадником традиций бонцев и шаммаров,² и обратил бутанцев в веру, которую назвал буддизмом. Но в те дни истинная, чистая религия Шакья Муни уже начала вырождаться в ту форму ламаизма, или, скорее, фетишизма, против которой четыре столетия спустя со всей своей мощью восстал Цзон-капа. Хотя после обращения Тибета (за исключением горстки шаммаров и бонцев) прошло только три века, эзотерический буддизм проник в страну намного раньше. Он начал заменять древние народные обряды уже с того самого времени, когда брамины Индии, вновь побежденные буддизмом Ашоки, мол-

---

«посланцев Бога», описывая далай-лам и жителей Тибета, выбирают лишь такие выражения, как «их сатанинский Бог и Отец», «мстительные дьяволы», «демоны, умеющие претворяться и лицемерить», «трусливы, невежественны и полны гордыни», «грязны и аморальны» и т.д. — все в том же духе, во имя истины и христианского милосердия!

¹ Как пишет отец Дизедери в одном из немногих правильных описаний тибетских лам — «хотя многие могут прочесть их таинственные книги, никто не может объяснить их». Это замечание, впрочем, применимо и к христианскому духовенству. (См. «Тибет», с. 306.)

² Вера шаммарской секты вовсе не является, как иногда полагают, извращенным буддизмом; это разновидность религии Бон, которая, в свою очередь, есть выродившийся наследник мистерий древних халдеев и в настоящее время основана исключительно на заклинаниях, колдовстве и предсказаниях. Введение в эту религию имени Будды не имело особого значения.

ча готовились дать отпор, что закончилось полным выдворением новой веры из страны. До прихода буддизма в Тибете существовало братство, или община аскетов, известных под названием *Бьянцзуб* — «Достигшие» и «Совершенные»; в добуддийских китайских книгах о них упоминается как о «великих учителях снежных гор».

Буддизм был введен в Бод-юле в начале VII века набожной китайской принцессой, вышедшей замуж за тибетского короля,¹ обращенного ею из религии Бон в буддизм и ставшего после того опорой веры в Тибете, как Ашока в Индии за девять веков до этого. Именно он послал своего брата, министра (по мнению европейских востоковедов) и первого ламы в стране (по тибетским историческим хроникам), в Индию. Этот брат-министр вернулся «с великой истиной, содержащейся в буддийских канонических текстах; основал тибетский алфавит по образцу деванагари и начал перевод канонов с санскрита (а санскритский вариант был ранее переведен с пали, древнего языка Магадхи) на тибетский» (см. «Тибет» Маркхема).²

По старым законам, до реформации, высшим ламам был разрешен брак, чтобы осуществлялась возможность перерождения в прямых потомках; эту традицию упразднил Цзон-капа, строго предписывавший ламам безбрачие. Лама-просветитель Бутана привел с собой в страну сына. Лама обещал людям переродиться в первом ребенке мужского пола, который родится у его сына. Примерно через год — как рассказывает легенда — жена-бутанка родила сыну ламы тройню, трех мальчиков! В этом затруднительном положении, сму-

---

¹ Как говорят, после десяти лет супружеской жизни она с согласия мужа прервала узы брака и в одеянии монашенки (*гелунг-ма* или *ани*) проповедовала буддизм по всей стране, как за несколько веков до того принцесса Сангхамитта, дочь Ашоки, проповедовала его в Индии и Цейлоне.

² Но автор не говорит (поскольку получил информацию из источников, которым это также не было известно), о том, что, по преданию, эта принцесса перерождается в образе женщин-лам, которых называют Рим-ани — драгоценные монахини. Дурджиай Пан-мо, о котором пишет Богль (сводная сестра тогдашнего таши-ламы), настоятельница монастыря на озере Ям-дог-кчо (или оз. Пьяти) — одно из ее воплощений.

тившем бы любого казуиста, была в полной мере продемонстрирована азиатская метафорическая сообразительность. Как было сказано людям, дух умершего ламы воплотился во всех трех мальчиках. Один получил имя *Ом*, другой — *Хан*, третий — *Хун*, или, на санскрите, — *Будда*, божественный разум; *Дхарма*, материальная или животная душа, и *Сангха*, соединение первых двух в нашем объективном мире. Именно так чистое буддийское учение было низведено хитрым бутанским духовенством, чтобы лучше служить их целям. Таким образом, их первый лама переродился в трех лам, один из которых получил «тело» первого ламы, второй — его «сердце», а третий — его «слово» или «мудрость». Такая иерархия без разделения власти продолжалась до XV века, когда лама Дук-па Шаб-тунг, побежденный желтыми шапками Гай-дон Туб-па,¹ с армией монахов захватившего Бутан. Завоевав всю страну, тот объявил себя первым дхарма-раджей, или ламой Римбочей, таким образом начав линию третьей «Драгоценности» в противовес гелукпа. Но эта линия так и не достигла титула Величия, а тем более Знания или Мудрости. Вскоре он был разбит тибетской армией с помощью китайских войск «желтых шапок» и был вынужден принять определенные условия, одно из которых давало ему полномочия духовной власти над «красными шапками» Бутана при условии, что согласится на реинкарнации в Лхасе (и объявит, что таков будет закон навсегда). С тех пор все последующие дхарма-раджи рождались в Лхасе или на территории Тда-ши Хлум-по. По второму пункту выставленных условий, дхарма-раджи должны были препятствовать публичным демонстрациям обрядов колдовства и заклинаний; по третьему — ежегодно должна была вноситься определенная сумма денег на содержание ламаистского монастыря, в школе которого предполагалось наставлять сирот «красных шапок» и обращенных шаммаров к «истинной доктрине» гелукпа. То, что последние имели некую таинственную власть над бутанцами, народом самым недружелюбным и не-

---

¹ Строитель и основатель (1445 г.) Тда-ши Хлум-по (Тешу лумбо); «совершенный лама», или Панчен — «Драгоценность» (от слов: пан-чен — великий учитель, рим-поче — бесценная драгоценность). В то время как далай-лама — всего лишь Гьялба Рим-бочей («Драгоценность королевского величия»).

примиримым среди «красных шапок», подтверждается тем, что лама Дук-па Шаб-тунг переродился в Лхасе, и по сей день дхарма-раджи назначаются и возводятся в сан в Бутане властями Лхасы и Шигадзе. Дхарма-раджа ведаёт не административной, а духовной властью; гражданская власть полностью перешла в руки деб-раджи и четырех Пён-лобов, называемых в индийских официальных документах *пенлоу*, которые, в свою очередь, напрямую подчиняются властям Лхасы.

Из вышесказанного легко понять, что никогда дхарма-раджу не считался воплощением Будды. Выражение «никогда не умирает» относится лишь к двум великим и равным по статусу инкарнациям — далай-ламе и таши-ламе. Оба этих лица — воплощения Будды, хотя первого обычно считают воплощением Авалокитешвары, высшего небесного Дхиана. Для того нашедшего ключ к загадочной тайне легко разрубить Гордиев узел этой цепи инкарнаций. Этот человек знает, что Авалокитешвара и Будда — едины как Амита-фо, а Амита-Будда — то же самое, что и Авалокитешвара. Но учение тайной доктрины посвященных Пхаг-па,¹ или «святых мужей» (адептов), об этом предмете еще не открыто в полной мере всему миру. То малое, что нам было позволено обнародовать, вы можете найти в сообщении о «святых лха» в следующем номере «Теософиста».

---

¹ В тибетском языке сочетания *пхо* и *пха* произносятся как мягкий губной звук с придыханием и означают также «человек», «мужчина», «отец». Так, *пха-юл* — это родина, родная земля; *пха-нья* — ангел, посланец добрых вестей; *пха-ми* — предки и т. д.

СПИРИТУАЛИЗМ И СПИРИТУАЛИСТЫ

Уважаемый сэр, — за последние три месяца очень трудно было, открыв свежий номер «The Banner» или какой-либо другой газеты, не обнаружить в нем одного или более доказательства плодovitости галлюцинирующего человеческого воображения. Лагерь спиритуалистов в волнении, и их кланы собирают силы для боя с воображаемыми врагами. Звучит набатный колокол; сигналы опасности несутся, подобно пламенным ракетам, через бывшее прежде безмятежным небо и издадут предостерегающие крики бдительные караульные, поставленные по четырем сторонам «ангелами окруженного мира». Эхо этой шумихи отражается даже в ежедневной прессе. Можно подумать, что для американского спиритуализма наступил день страшного суда.

Из-за чего такое беспокойство? Все просто: две скромные личности высказали несколько полезных истин. Если громадный зверь Апокалипсиса с семью головами и надписью «Богохульство» на каждой появился бы на небе, едва ли пришлось увидеть такое смятение, как это; кажется, здесь имеет место сговор низвергнуть полковника Олькотта и меня (соединенных подобно паре герметических сиамских близнецов), настолько таких же зловещих для суеверных людей, как и комета с огненным хвостом — предвестник войны, мора и прочих бедствий. Кажется, они полагают, что если не сокрушат нас, мы уничтожим спиритуализм.

У меня нет лишнего времени, чтобы тратить его впустую, и то, что я пишу сейчас, предназначено не подобным людям, чьи мыльные пузыри, как бы ни пыжились, рано или поздно

лопнут, но для многих заслуженно уважаемых спиритуалистов, к которым я отношусь с искренним почтением.

Если бы духовная пресса Америки руководствовалась принципом соблюдения равной справедливости ко всем, я послала бы копии этого письма в другие газеты, не только в вашу, но их поведение в прошлом склонило меня — справедливо или нет — к сомнению в том, что можно добиться удовлетворения вне вашей газеты. Я буду весьма рада, если сей случай даст мне повод изменить мнение о том, что они и их злословящие теоретики вдохновлены библейскими бесами, покинувшими Марию Магдалину и вернувшимися обратно в страну «Приятных Сновидений».

Для начала, я хочу отделить свое имя от имени полковника Олькотта, если вы позволите, и заявить, что как я не отвечаю за его взгляды так же, как и он за мои. Он достаточно и смел, и силен, чтобы защитить себя при любых обстоятельствах, и позволит противникам ударить себя не иначе, как выбив два зуба за каждый один свой. Хотя наши взгляды на спиритуализм отчасти совпадают и наша работа в Теософическом обществе ведется совместно, тем не менее мы являемся двумя весьма отличающимися существами и намерены остаться таковыми. Я высоко уважаю полковника Олькотта, подобно каждому, кто знает его. Он — джентльмен; но что еще более значимо в моих глазах — это то, что он честный и правдивый человек и бескорыстный спиритуалист в собственном смысле этого слова. Если он теперь видит спиритуализм в другом свете, чем хотелось бы ортодоксальным спиритуалистам, то лишь они сами в том виноваты. Он наносит удары по слабым местам их философии, а они делают все, что могут, чтобы спрятать язвы, вместо того чтобы излечить их. Он — один из самых верных и наиболее бескорыстных друзей, которых спиритуалисты имеют сегодня в Америке, и тем не менее с ним обходятся с такой нетерпимостью, которую едва ли можно было ожидать от кого-либо, превышающего уровень неистовых *муди* и *санкеев*. Конечно, факты говорят сами за себя; и вероисповедание, такое чистое, ангельское и неподдельное, каким объявлен американский спиритуализм, не должно было бы бояться ересиархов. Дом, выстроенный на скале, стоит непоколебимо при любом шторме. Если Новая Лютеранская

церковь способна удостоверить всех ее «правителей, руководителей и визитеров из-за сияющей реки» в качестве разволпощенных духов, то в чем же дело? В этом-то и заключается неприятность: они не могут удостоверить это. Они отведали этих плодов Рая и нашли, что некоторые из них приятны и освежающи, поскольку были собраны и принесены действительно ангельскими друзьями, а многие другие оказались кислыми и гнилыми в своей сердцевине настолько, что для избавления от непрерывной диспепсии многие из лучших и наиболее искренних спиритуалистов оставили это вероисповедание, не спрашивая на то у последнего соизволения.

Это вовсе не спиритуализм; это, как я говорю, Новая Лютеранская Церковь; и действительно, хотя покойная предсказательница «The Banner of Light» была, очевидно, чистой и правдивой женщиной — судя по тому, что дыхание клеветы, этого яростного демона Америки, оказалось неспособным замарать ее репутацию, — и хотя, несомненно, она была замечательным медиумом, я все же не понимаю, почему спиритуалист должен подвергаться остракизму из-за того лишь, что, отказавшись от Святого Павла, он не пропагандирует и не придерживается доктрины Св. Конанта.

Последний номер «The Banner» содержал письмо м-ра Сейксона, критикующего некоторые выражения в недавнем письме полковника Олькотта в «New York Sun», в котором он защищал семейство Эдди. Единственная часть этого письма, касающаяся меня, такова:

Несомненно, некий маг, с его или ее каббалистическим «Престо! Изменись!», произвел неожиданную и необыкновенную революцию в уме этого последователя оккультизма, этого джентльмена, который «является» и «не является» спиритуалистом.

Поскольку я — единственный каббалист в Америке, то не могу ошибиться в том, кого автор имеет в виду; поэтому с радостью поднимаю перчатку. Хотя я не несу ответственности за изменения в спиритуалистическом барометре полковника Олькотта (который, замечу, обычно предсказывает шторм), но ответственна за следующий факт. С тех пор как я оставила Читтенден, мне приходилось постоянно и бесстрашно спорить с каждым, начиная с доктора Бэрда, утверждая, что их приве-

дения — разнообразные Эдди — подлинные. Являются ли они «духами ада или дьявольскими гоблинами» — это вопрос совершенно отдельный от их медиумизма. Полковник Олькотт не будет отрицать, что, когда мы встретились в Читтендене, в первый раз и впоследствии — и это случалось неоднократно — если он и выражал подозрение относительно «Мэйфлаура» и «Джорджа Дикса», духов сумрачных *сеансов* Горацио, то я настаивала на их существовании, поскольку могла составить представление о том, были ли они истинными феноменами. Также, несомненно, он признает, как чрезвычайно правдивый человек, что, когда неблагодарное поведение некоторых из Эдди, по отношению к которым он был любезнее брата — и каждый посетитель усадьбы это подтвердит, — подталкивало его к выражению негодования, я вмешивалась, защищая их, и умоляла, чтобы он никогда не смешивал медиумов с другими людьми в отношении их ответственности. Медиумы пытались поколебать мое мнение о парнях Эдди, предлагая в двух случаях, которые я могу вспомнить, поехать со мной в Читтенден и выявить обман. Я поступила с ними так же, как поступила с полковником. Медиумы пытались убедить меня, что Кэти Кинг мистера Крукса была на самом деле Ф.Кук, расхаживающей по комнате, в то время как сделанный с нее восковой бюст, облаченный в одежды, лежал в кабинете, изображая ее якобы находящейся в трансе. Другие медиумы, относясь ко мне как к фанатичному спиритуалисту, который готов скорее потворствовать обману, чем допустить вред заинтересованной стороне путем разоблачения, допускали или делали вид, что допускают, меня в тайны медиумизма их собратьев-медиумов, а иногда неосторожно и в свои собственные.

Мой опыт показывает, что наихудшие враги медиумов — сами медиумы. Не удовлетворяясь клеветой друг на друга, они набрасываются и клеветают на самых бескорыстных своих друзей.

Какая бы неприязнь не имела место по отношению ко мне из-за моего происхождения, религии, оккультных знаний, грубости речи, курения сигарет или любой другой особенности, моя летопись событий, связанных со спиритуализмом в течение долгих лет, не покажет меня делающей с его помощью деньги или получающей любые другие блага, прямые или кос-

венные. Напротив, те, кто встречал меня во всех частях света, который я объехала три раза, засвидетельствуют, что я давала тысячи долларов, подвергала опасности свою жизнь, бросала вызов католической церкви — на что требовалось мужества больше, чем, по представлениям спиритуалистов, требуется, чтобы продемонстрировать элементариев — и в лагерях путешественников, и при дворе, на море, в пустыне, в цивилизованных и диких странах, от начала и до конца я была другом и защитником медиумов. И даже больше: я часто вынимала последний доллар из своего кармана и даже снимала необходимую одежду со своих плеч, чтобы облегчить их нужды.

И чем, вы думаете, я была вознаграждена? Почестями, заработком, социальным положением? Я почиваю на лаврах за сообщение общественности и отдельным личностям того малого знания, которое собрала в моих путешествиях и исследованиях? Пусть ответят те, кто покровительствует нашим главным медиумам.

Я была оклеветана самым постыдным способом, и наиболее наглая ложь о моем характере и о моем прошлом распространялась теми самыми медиумами, которых я защищала с риском быть принятой за их сообщницу, когда их обман обнаружился. То, что происходило в американских городах, было не лучше и не отличалось от того, что случалось со мной в Европе, Азии и Африке. Временами мне наносился вред в глазах добрых людей клеветой медиумов, которых я никогда не видела и с которыми даже не бывала в одном и том же городе одновременно; медиумами, делавшими меня героиней постыдных историй, происходивших, как утверждалось, в то же время, когда я была в другой части света, далеко от лиц белых людей. Неблагодарность и несправедливость стала моим уделом с тех пор как я впервые начала иметь дело со спиритуальными медиумами. Мне попадались и исключения, но очень, очень мало.

Теперь, что же по-вашему поддерживало меня все это время? Думаете, я не смогла рассмотреть гадкий обман, смешанный с несомненно пророческими истинными манифестациями? Смогла бы я, ничего не получая ни деньгами, ни властью, ни каким бы то ни было иным образом, быть внутренне удовлетворенной после прохождения всех этих опасностей,

подвергаясь всей этой брани и получая все эти несправедливые оскорбления, если бы ничего не видела в спиритуализме, кроме того, что могут видеть в нем критики полковника Олькотта и меня самой? Была ли перспектива провести вечность в мире, окруженном ангелами, в компании с неумытыми индийскими проводниками и военными правителями, с тетями Салли и профессорами Вебстерами, достаточным стимулом? Нет; я бы предпочла уничтожение такой перспективы. Это произошло потому, что я знала, что через те же самые золотые ворота, которые распахнуты, чтобы пропускать элементариев и души отсталых людей, которые, пожалуй, даже хуже первых, часто проходят реальные и очищенные формы умерших и блаженных. Потому что, зная природу этих душ и законы медиумического управления, я вовсе не хотела считать моих клеветников ответственными за то великое зло, которое они делают, часто будучи просто несчастными жертвами одержания отсталыми духами. Кто может порицать меня за то, что я не желала общаться или получать сообщения от духов, если и не совсем плохих, то и не лучших, и не более мудрых, чем я? Получает ли человек право на уважение и почитание просто в силу того факта, что его тело разлагается под землей, подобно телу собаки? Что касается меня, то основная цель моей жизни достигнута и бессмертие нашей души доказано. Почему я должна обращаться к некроманту и вызывать умерших, которые не могут ни обучить меня чему-то, ни сделать меня лучше, чем я уже есть? Играть с тайнами жизни и смерти — вещь более опасная, чем предполагает большинство спиритуалистов.

Пусть они благодарят Бога за великое доказательство бессмертия, предоставленное им в наш век безверия и материализма; и если божественное Проведение наставит их на праведный путь, пусть они следуют ему всеми доступными средствами, а не стоят, транжируя время на рискованные переговоры с каждым потусторонним. Страна духов, Страна Вечного Лета, как еще ее называют, является *terra incognita*; никакой верующий не будет отрицать этого; она гораздо более неведома для любого спиритуалиста — в отношении ее разнообразных обитателей, — чем неисследованные девственные джунгли Центральной Африки. И кто может упрекнуть пио-

нера-поселенца, если тот не решается открыть свою дверь на стук, не убедившись сначала, является ли посетитель человеком или зверем?

Таким образом, из-за всего вышесказанного, я провозглашаю себя истинным спиритуалистом, потому что моя вера выстроена на твердом основании и потому что никакие разоблачения медиумов, никакие скандальные волнения, никакие материалистические заключения точной науки или насмешки ученых не могут потрясти ее. Истина медленно выходит на свет, и я буду делать все, что могу, чтобы ускорить ее приход. Я буду упорно противостоять потоку общественного предубеждения и невежества. Я готова терпеть клевету, грязные инсинуации и оскорбления в будущем, как терпела их в прошлом. Один спиритуалистический редактор, чтобы наиболее эффектно проявить свою духовность, уже назвал меня ведьмой. Я пережила это и надеюсь пережить подобное и в дальнейшем, если то же самое повторится два или двадцать раз; но понесусь ли я по воздуху, чтобы посетить шабаш, или нет, одно могу сказать определенно: я не буду губить себя покупками помела для погони после каждой лжи, пущенной в ход газетными писаками и медиумами.

Е.П. Блаватская

«УТВЕРЖДЕНИЯ ОККУЛЬТИЗМА»

Так называется статья, которую я обнаружила в одном из лондонских изданий, новом еженедельнике «*Light*» («Свет»), который заявляется как «журнал, посвященный высшим интересам человечества, в этом мире и в ином». Это хороший и полезный журнал, и судя по тем двум номерам, что я видела, это один из тех журналов, чей благородный тон способен убедить общество гораздо больше, чем страстные и зачастую грубые выпады его «духовных» современников против своих оппонентов и скептиков. Под статьей, к которой я хочу привлечь ваше внимание, стоит знакомая (*nom de plume*) подпись «М. А. Оксон», подпись писателя, глубоко мне симпатичного, личного и уважаемого мною друга, короче говоря, того, кому я доверяю, независимо от того, разделяет он наши взгляды или нет, и кто никогда не будет путать доктрину с ее последователями или, выражаясь точнее, возлагать грехи оккультистов на оккультизм и *vice versa*.

Пишущая эти строки с большим интересом и вниманием прочитала статью «Утверждения оккультизма». Как и все, что выходит из-под пера «М. А. Оксона», она носит особый отпечаток, не только оригинальности, но и незаурядной личности автора, его решительного намерения обратить каждый новый аспект, каждое новое открытие психологической науки к своим (к его) первоначальным принципам — *спиритуализму*. Употребляя это слово, я имею в виду не вульгарный спиритуализм «комнатных сеансов», который «М. А. Оксон» уже давно перерос, но ту первоначальную идею, которая легла в основу всех последующих теорий, тот изначальный корень, из

которого произросли все современные сорные травы, а именно: вера в ангела-хранителя или духа-покровителя, которому, независимо от того, сознает ли его присутствие его подопечный или нет, т.е. спирит он или нет, высшая сила поручает наблюдать за действиями каждого (крещеного?) смертного на протяжении всей его жизни. И это, если и не совсем точное описание религиозных взглядов «М. А. Оксона», то, несомненно, главная идея всех христианских спиритуалистов, прошлых, настоящих и будущих. Эта доктрина, считающаяся сейчас христианской, причем преимущественно римско-католической, возникла не в христианском, как думают, а в языческом мире. Помимо того, что эта доктрина присутствует в теории Сократа о духе-покровителе, этом древнем гиде, из которого наши спиритуалисты пытаются выжать все, что могут, — она также является и доктриной греческих теургов Александрии, зороастрийцев и позднейших вавилонских евреев, доктриной, которую исказили до неузнаваемости их последователи — христиане. Но в данный момент это не имеет особого значения, поскольку нас сейчас интересуют личные взгляды «М. А. Оксона», которые он противопоставляет взглядам некоторых теософов.

Нам кажется, что его доктрина, как никакая другая, сосредоточена и все время вращается вокруг одной и той же центральной идеи, согласно которой дух живого человека не способен действовать независимо и *per se* вне тела; подобно тому, как спотыкающегося малыша ведут за ручки его мать или няня, им управляет, дергая за духовные веревочки, некий бесплотный дух, очень сильно отличающийся от него, а временами даже и чуждый ему, поскольку такой дух может быть только духом человека, который в прошлом жил на нашей планете. Полагаю, я достаточно точно описала религиозные взгляды своего друга, которые разделяют и многие другие интеллектуальные, прогрессивные и либеральные спиритуалисты современности, а также те теософы, которые присоединились к нашему движению, покинув ряды *hoi polloi* спиритуалистов. Тем не менее, уважая личное мнение тех из наших Собратьев, которые встали на тот же путь исследования истины, что и «М. А. Оксон», и независимо от того, насколько сильно они отклонились от того пути, по которому следуем и

мы, будем неустанно повторять, что подобные взгляды не являются взглядами всех теософов, и пишущая эти строки не исключение. Поэтому не будем следовать бесчестному примеру большинства спиритуалистов и их газет, которые настроены против нас так же злобно, как и большинство миссионерских, сектантских газет друг против друга и против неверных теософов. Не будем вступать в пререкания, а будем просто приводить факты, и пусть лозунг «Света, больше света!» объединяет и прогрессивных спиритуалистов, и теософов. Объяснившись таким образом, я надеюсь, что «М. А. Оксон» воспримет как джентльмен все мои замечания, сделанные относительно его статьи в «*Light*», которую я здесь цитирую дословно. Не нарушая стройности его изложения, ограничу свой ответ лишь скромными примечаниями.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как публикация двух увесистых томов мадам Блаватской под названием «Разоблаченная Изида» буквально потрясла мир спиритуалистов. У тех, кто осилил все разнообразие содержания этих объемных, на 1 200 страниц, книг, отпечатанных мелким шрифтом, осталось смутное впечатление, что спиритуализм представлен не в очень выгодном для него свете и что в этом труде посеяны семена оккультизма, которые автор тщательно взращивает.

Книга содержит такое обилие материала, что я, наверное, окажусь прав, если предположу, что никто, прочитав ее, так и не смог понять замысел автора; материал этот сильно нуждается в систематизации, многие высказывания в пояснении, а некоторые, возможно, и в сокращении.¹ К тому же читателя нужно было снабдить справоч-

---

¹ Не в первый раз этот справедливый упрек несправедливо ложится у порога моей двери. Совершенно справедливо, что «материал сильно нуждается в систематизации», но это никогда не входило в мою компетенцию, поскольку я излагала совершенно самостоятельные и отдельные главы, расположенные одна за другой. Я тогда еще не знала, начала ли я серию статей, одну книгу или две, как м-р Синнетт правильно замечает в своем труде «Оккультный мир». Да мне было, собственно, все равно. Я считала своим долгом дать несколько намеков, указать на опасные тенденции развития современного спиритуализма и привести в качестве доказательств правильности своих заключений все утверждения и свидетельства древнего мира и его мудрецов, какие только могла найти по данному вопросу. Я сделала все, что было в моих силах. Если бы критики «Разоблаченной Изи-

ным материалом, чтобы легче пробираться сквозь дебри, которые он встречает на каждом шагу; и, что самое важное, нужно было предоставить больше сведений относительно истории и высказываний таинственного Братства, от имени которого автор делает такие тенденциозные утверждения.¹

Напрасными оказались усилия любого искателя истины войти в хотя бы отдаленные отношения с каким-нибудь адептом ордена, прямым представителем которого является мадам Блаватская. На все просьбы такого искателя подтвердить сделанные Братьями высказывания давался вежливый, но решительный отказ. Братья могли принять искателя истины только после того, как он докажет свою искренность, честность и мужество в течение бесконечно длинного периода испытаний. Они не искали никого и никого не обещали принять.²

Между тем, они не отвергали никого, кто настойчиво следовал предписанному пути ученичества, который один, как они утверждают, может развить божественные способности человеческого духа.

Единственный осязаемый результат их тщательных усилий просветить человечество — это основание в Америке Теософического общества, признанного всеми как организация Окултного Братства, хотя последнее и не вмешивалось в его управление.³

ды» не забыли учесть, что: (1) ее автор никогда не изучала английский язык, и с детства, в котором только и учила разговорную речь, не говорила на нем до тех пор, пока не побывала с полдюжины раз в Америке; (2) многие из доктрин (или лучше сказать — гипотез?), описанных в этой книге, надо было сначала перевести с азиатских языков; и (3) многие, если не все, цитаты и ссылки на другие работы касались изданий, многие из которых были уже давно распроданы, а большинство из них доступно только ограниченному кругу лиц, и сама автор никогда их не читала и не видела, хотя нет сомнений, что цитируемые отрывки точны до мелочей — тогда они, возможно, были бы настроены менее критично. Однако «Разоблаченная Изиды» является только *entrée en matière* [вступлением] к цитируемой выше статье, и я не должна терять время на разъяснения ее достоинств и недостатков.

¹ В действительности, утверждения, сделанные от имени «Братства» живых людей, не были никогда и на половину такими тенденциозными, как те, что каждый день делают спиритуалисты от имени развоплощенных духов *умерших* людей.

² И сейчас не обещают.

³ Просим обратить внимание на эту фразу всех тех наших Братев и друзей на Западе и в Индии, кто был склонен или не ве-

Они могут пользоваться услугами этого Общества, но никогда не будут давать советов относительно методов, которыми это Общество должно руководствоваться в своей деятельности, как и не будут давать гарантии оказания некоей особой помощи, кроме как очень осторожного обещания, что какую бы помощь они не сообразовали предоставить вопрошающему человечеству, эта помощь, если и придет, то придет именно из этого источника.

Признаться, это микроскопическая крошка комфорта, упавшая со столь богатого стола, который описала нам мадам Блаватская. Но теософам пришлось удовлетвориться и этим, или, по крайней мере, промолчать; и они предались размышлениям, по крайней мере некоторые из них.

Что заставляет их верить в существование этих Братьев, адептов, которые владеют ключом ко всем тайнам природы, затмевающим все результаты современных научных исследований, которые постигли глубочайшую мудрость «Познай самого себя», и которые могут продемонстрировать наглядно трансцендентальные способности человеческого духа, преодолевающего время и пространство, и доказать существование души методами точной экспериментальной науки? Какие основания для таких утверждений имеются вне пределов Теософического общества?

Долгое время ответ давался весьма туманный. Но постепенно были собраны доказательства, и вот в этой книге ¹ перед нами предстает мистер Синнетт со своими собственными исследованиями в этой области, но, что особенно интересно, он представляет нам свою переписку с Кут Хуми, адептом и членом Братства, который вошел с ним в более тесные, хотя и второстепенные, ² отношения, чем со всеми остальными.

Эти письма поражают безмерно, и их подлинная значимость неопределима. Их ценность еще более усиливается знанием того источника, из которого они появились, и тем светом, который они проливают на взгляды этих тибетских отшельников, для которых весь мир

речь, или обвинять «Братьев Первой Секции» в административных ошибках и просчетах Теософического общества. С самого начала наши Братья были уведомлены, что Первая Секция может отдавать распоряжения только тем, кто знает их лично, но никогда она не обещала руководить или даже защищать ни эту организацию, ни ее членов.

¹ А.П. Синнетт. Оккультный мир.

² Только с мистером Синнеттом, и пока только лишь с ним. Его отношения с некоторыми другими Братьями были личными в той мере, в какой они сами того желали.

и все, что в нем, не представляет ровно никакого интереса, за исключением случаев, когда они могут улучшить участь человека и научить его пользоваться своими способностями.

Другая благодатная тема досужих рассуждений тех, кто имеет склонность к изучению теософии — это природа оккультных сил. Из «Разоблаченной Изиды» невозможно составить себе четкое представление, подкрепленное соответствующими свидетельствами или подтвержденное достаточными доказательствами из какого-либо достоверного источника, на что все-таки претендует адепт. Мадам Блаватская сама, хотя и не претендует на то, что достигла столь же высокого развития, как и те, чьим представителем она является, обладает некоторыми оккультными способностями, которые спиритуалисту странным образом напоминают способности медиума.¹ Это утверждение, однако, она отвергает с возмущением. Медиум, объясняет она, это несчастное создание, что-то вроде канала, по которому спускают потоки грязи, или что-то вроде газовой трубки, по которой газ, способный дать лишь мерцающий свет, достигает нашей земли. Много усилий было затрачено на доказательства, что вода действительно грязная и газ извлечен из такого источника, вряд ли духовного, что мы, страстно жаждавшие подлинного света, едва ли можем остаться этим источником довольны. Невозможно отрицать, что состояние народного спиритуализма в Америке в момент, когда на него обрушился град этой критики, было таково, что он вполне заслуживал строгого осуждения. Он был дискредитирован в глазах журналистов, смотрящих на спиритуализм со стороны, которым не были известны его подкупающие черты и которые ассоциировали его с грязью и обманом. Ошибочно было предполагать, что это и есть лицо подлинного спиритуализма, а не спиритуализма, искаженного второстепенными наслоениями. Однако же, такое предположение было сделано. Когда мы хотели познать свет истины, нам сказали, что следует покончить с медиумизмом, закрыть все двери, через которые

---

¹ Медиум — наподобие почтальона, доставляющего письма от одного человека к другому; как помощник электрика, когда старший говорит ему, как повернуть гайку и установить проволоку в батарее; и никогда в роли духовного медиума. «Мадам Блаватская» никогда не нуждалась и никогда не прибегала к сеансам в затемненных комнатах, кабинетах, к «состоянию транса», «гармонии», и ни к одному из сотен условий, в которых так нуждаются пассивные медиумы, которые не способны даже предположить, что должно произойти в следующую минуту. Она всегда заранее знала и могла сказать, что должно произойти, но всякий раз воздерживалась от правильного ответа — в целях достижения полного успеха.

проникают мошенники-спиритуалисты, чтобы сбить нас с толку и погубить. Нам сказали, что нужно искать подлинных адептов, которые одни только могут правильно направить нас, минуя опасности, в нашем поиске. Это, как нам объяснили, ни в коей мере не дает права войти в их духовный дом случайному духу, которому взбредет в голову попытаться это сделать. Они владеют ключом и не подпускают к себе непрошенных гостей, демонстрируя, в то же время, свои чудесные способности, пред которыми меркнут все феномены медиумов. Это единственный безопасный метод; и эти способности, скрытые в каждом человеке, поддаются развитию только в нравственно чистых людях, да и то с трудом, и только теми методами, которые применяют эти адепты.

Некоторые теософы экспериментально доказали, что эти утверждения не лишены правдивости. Мне так и не удалось узнать, смогли кто-нибудь четко отличить свои собственные усилия от тех, в которых принимает участие потусторонний дух. Есть, однако, заслуживающий внимания факт, дающий ключ к пониманию разницы между методами спиритуалистов и оккультистом. Медиум — пассивный проводник воли другого духа. Адепт — активный, энергичный творец результатов, которые он сознательно производит, чему есть доказательства и что может быть подвергнуто исследованию. Спиритуалисты не торопились признать то, с чем они знакомы в несколько другой форме. Теософы также не спешили беспристрастно оценивать факты и теории спиритуализма. Во время своих собственных опытов м-р Синнетт добился многих замечательных результатов, которые достойны изучения и могут заставить тех, кто приближается к этим феноменам с разных сторон, задуматься, нет ли у них общей точки соприкосновения. Мы не так много знаем о воздействии духов на человека, чтобы позволить себе презрительно игнорировать малейшие признаки этого. Независимо от того, спиритуалисты мы или теософы — странные же ярлычки навешиваем мы на себя! — все мы ищем доказательств в попытке ответить на вопрос, откуда мы и куда идем. Мы хотим хоть немного постичь великую тайну жизни и заглянуть хоть одним глазком в не менее великую тайну смерти. Каждый день мы собираем все больше информации, которая приводит нас в недоумение своей противоречивостью. Но раз мы хотим получить свет из всех источников, будем же терпеливы и терпимы к мнениям других, будем торопиться исследовать даже мельчайшую подробность, которая может пролить свет на истину и все многообразие форм, в котором то, что мы называем истиной, предстает перед человеком. Неужели странно, что все мы видим различные аспекты истины? Неужели мы не можем понять того, что так оно и должно быть? Разве мы не можем дожидаться момента оконча-

тельного примирения, когда будем смотреть на мир более ясным взглядом и понимать то, что сейчас не понимаем?

Небольшая книга мистера Синнетта способна заметно помочь тем, кто разделяет эту точку зрения. Философия, которая в ней содержится, четко изложена и дает много пищи для размышлений. Зафиксированные факты излагаются с научной точностью и должны произвести сильное впечатление на внимательного и беспристрастного читателя. Завеса, приподнятая перед этим таинственным Братством, которое живет в уединении в горах Тибета и занимается огромнейшей проблемой и которое всегда готово раскрыть человечеству столько истины, сколько оно способно в себя вместить, впечатлила бы даже скептика-филистимлянина. Несомненно, мы видим проблески столь великой истины, хотя пока лишь весьма смутно, что важность ее не может быть описана словами.

Однако, как бы там ни было, еще на многие вопросы нужно пролить свет, прежде чем объявить об окончательных выводах. Нет никаких сомнений, что философия, содержащаяся в книге м-ра Синнетта, идентична той, к которой пришли великие теософы древности. В высокомерный девятнадцатый век эта философия отмечается, как недостойная внимания, теми, над кем пролился ослепительный свет круга спиритических сеансов. Зафиксированные факты, по крайней мере, столь же убедительны с научной точки зрения, как и те, которые были доказаны во время спиритических сеансов в затемненных комнатах или при обычных условиях проведения спиритуалистических исследований. Письма Кут Хуми содержат много ценных сведений и несомненно вознаградят усилия тех, кто затратит силы на их тщательное изучение. Поскольку в этой книге всего 172 страницы, она не чрезмерно испытывает терпение читателя. Если какой-либо знаток-спиритуалист прочтает ее и скажет, что она ничего не добавила к его знаниям, он, по крайней мере, будет удовлетворен тем, что ознакомился с обеими сторонами вопроса, что должно представляться высшим и насущнейшим долгом для каждого беспристрастного исследователя.

ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗОВ НА ПРАВА ЖЕНЩИН

Написав небольшую книгу «Les Femmes qui Tuent et les Femmes qui Votent» («Женщины убивающие и женщины голосующие»), Александр Дюма-сын вступил на арену социальной и политической борьбы. Новеллист, который находил своих Беатрис и Лаур в социальных трущобах, автор «La Dame aux Camélias» («Дамы с камелиями») и «La Dame aux Perles» («Иностранки»), славится лучшим во Франции знатоком женских сердец. Сейчас он выступает в новом качестве: как защитник женских прав вообще, и, в частности, тех женщин, о которых англичане предпочитают говорить как можно меньше. Если этот одаренный сын еще более одаренного отца до сих пор не утонул в топких болотах современной французской школы реализма, которая сейчас в такой моде, школы, возглавляемой автором «L'Assommoir» («Западня») и «Nana» («Нана») и метко прозванной «L'Ecole Ordurialiste» (школа мусорщиков), то только потому, что он прирожденный поэт и следует по пути, проложенному маркизом де Садом, а не Золя. Он слишком утончен, чтобы быть соперником тех писателей, которые называют себя *auteurs-naturalistes* и *romanciers-expérimentalistes* (писатели-натуралисты и романисты-экспериментаторы) и используют перо так же, как студенты-медики скальпель в операционной, вонзая его в глубины раковых опухолей общества везде, где смогут их найти.

До сих пор он идеализировал и приукрашивал порок. В рассматриваемой нами книге, он защищает не только право порока на существование в определенных условиях, но и тре-

бует для него признания под ярком солнечным светом социальной и политической жизни.

Его брошюра, в 216 страниц, недавно изданная в форме писем к Ж. Клерети, сейчас пользуется огромным успехом. В конце сентября, спустя лишь неделю после своего появления, она была переиздана уже шесть раз. Брошюра ставит перед нами две большие социальные проблемы: развода и права женщин участвовать в выборах. Дюма начинает с защиты нескольких женщин, замешанных в убийствах своих собственных мужей и любовников.

Все эти женщины, говорит он, есть воплощение идеи, которая некоторое время назад будоражила умы всего мира. Это идея полного освобождения женщин от состояния рабства, выдуманного для нее Библией и навязанного ей деспотичным обществом. Все эти убийства и сам сей общественный порок, а также пробуждающееся сознание женщины г-н Дюма принимает за разнообразные признаки одного и того же явления — стремления усовершенствовать мужчину, вызвать к жизни все лучшее, что в нем есть, соревнуясь с ним во всем. Что мужчины не отдадут женщинам по доброй воле, женщины определенного типа возьмут хитростью. В результате такой политики, говорит Дюма-сын, мы видим как «эти молодые леди» приобретают огромное влияние над мужчинами во всех сферах социальной и политической жизни. С годами, накопив огромное состояние, они предстают в роли патронесс школ для девочек и благотворительных заведений, и даже участвуют в управлении делами в провинции. След их прошлого исчезает, им удается создать, так сказать, *imperium in imperio*, где они навязывают собственные законы и следят за тем, чтобы их соблюдали. Такое положение вещей Дюма объясняет ограничением прав женщин, состоянием узаконенного рабства, в котором женщина находилась веками, и особенно брачным законодательством, запрещающим развод. Отвечая на излюбленное возражение противников развода, считающих, что он приведет к большей свободе в любви, автор «дамы с камелиями» мужественно пускает в ход свое последнее оружие и срывает с себя маску.

Почему бы и не поддержать такую свободу? Что кажется опасностью для одних, бесчестьем и стыдом для других, по его мнению:

Станет независимой и признанной профессией в жизни — *une carrière à part* — представляющей собой свой собственный мир, с которым все остальные объединения и группы общества вынуждены будут считаться. Недалеко то время, когда все признают право этого мира на независимое и легальное существование. Очень скоро он станет целым отдельным институтом; и настанет время, когда между этим миром и всеми остальными установятся такие же дружеские отношения, какие существуют между двумя равными, могущественными и признанными империями.

С каждым годом женщины все больше и больше освобождаются от *пустого формализма*, и г-н Дюма надеется, что времена реакции уже больше никогда не повторятся. Если женщина не может совсем отказаться от идеи любви, позвольте ей предпочесть союзы, которые ее ни к чему не обязывают, и руководствоваться в своем выборе только собственной свободной волей и *честью*. Конечно, мы заостряем внимание на книге г-на Дюма только для того, чтобы рассмотреть гамму важнейших настроений в обществе, а не для того, чтобы обсуждать *au fond* деликатные вопросы, поднятые г-ном Дюма. Мы представляем читателю самому разобраться с предложенной реформой, а также с большинством поднятых им вопросов.

Некая Юбертин Оклэр, француженка, недавно отказалась платить налоги под тем предлогом, что она как женщина не имеет тех политических прав, которыми пользуются мужчины; и Дюма, приводя в пример этот случай, посвящает последнюю часть своей брошюры защите женских прав; эта часть такая же выразительная, впечатляющая и оригинальная, как и все остальные, хотя гораздо больше склоняет к дебатам. Дюма пишет:

В 1847 г. политические реформаторы полагали необходимым ограничить избирательное право, предоставляя право голоса в зависимости от умственных способностей.

То есть, ограничить избирательное право только участием в голосовании умных мужчин. Правительство же не пошло на это, что и привело к Революции 1848 г. Перепугавшись, власти предоставили народу всеобщее избирательное право, распространив его на всех, способных и не способ-

ных, но при условии, что участвуют в голосовании только мужчины. Сейчас это право закреплено прочно и ничто не может отменить его. Но теперь женщины, в свою очередь, приходят и задают вопрос: «А как же мы? Мы требуем таких же прав».

Что, — спрашивает Дюма, — может быть более естественным, разумным и справедливым? Нет ничего, что препятствовало бы женщине иметь равные права с мужчинами. Какую разницу вы находите между этими двумя индивидуумами, которая оправдывает ваш отказ предоставить женщине такое же право? Никакой. Пол? Ее пол не имеет к этому никакого отношения, так же, как, собственно, и мужской. Что касается всех остальных несхожестей между ними, то они делают больше чести скорее женщине, чем мужчине. Если кто-то захочет возразить, что женщина по природе своей более слабое создание и долг мужчины заботиться о ней и защищать ее, то мы можем признать, что до сих пор, похоже, мы настолько плохо ее защищали, что она бывала вынуждена поднять револьвер и брать эту защиту в свои собственные руки; и если так, то чтобы быть до конца последовательными, мы должны выносить вердикт «Не виновна» всякий раз, когда ее застанут в свершении подобного акта самообороны.

Возражая против довода, что женщина уступает в уме мужчине и показана таковой во всех священных писаниях, автор в своем труде «Bible dans l'Inde» противопоставляет библейскому Адаму и Еве индусскую легенду в переводе Жаколио и утверждает, что первым, кто согрешил и кого изгнали из рая, был именно мужчина, а не женщина. Если мужчина наделен большей силой, то женщина превосходит его в выносливости. Сейчас доказано, что самый большой мозг, который когда-либо находили, по объему и по весу, принадлежит именно женщине. Он весит 2200 грамм, что на 400 г больше, чем мозг Кювье. Но мозг не имеет никакого отношения к избирательному праву. Чтобы получить право опустить избирательный бюллетень в урну, ни от кого не требуется изобретать порох или поднимать 500 кг.

У Дюма есть готовы ответы на все возражения. А не являются ли знаменитые женщины просто исключениями? Он приводит блестящую вереницу известных женских имен и утверждает, что пол, в котором можно встретить подобные ис-

ключения, несомненно заслуживает права участвовать в назначении деревенских *maires* (старост) и муниципальных властей. Пол, имевший в своих рядах Бланку Кастильскую, Елизавету Английскую, Елизавету Венгерскую, Екатерину II и Марию Терезу, имеет на все это право.

Если были такие женщины, способные царствовать и управлять народами, им, несомненно, следовало бы предоставить право голоса. На замечание, что женщины не могут ни воевать, ни защищать свою страну, читателю приводят в пример имена Жанны д'Арк и других трех Жанн: Жанны из Фландрии, Жанны из Блуа и Жанны Леснэ. Чтобы увековечить в истории мужественную защиту и освобождение последней из этих Жанн своего родного города, Бовэ, осажденного Карлом Смелым, Луи XI постановил, в присутствии всех женщин этого города, что отныне и впредь самое почетное место во всех торжественных церемониях всегда будет принадлежать женщинам. Если бы женщины Франции были лишена других прав, то уже тот факт, что они принесли в жертву Наполеону Великому 1 800 000 своих сыновей, должен предоставить им все права. Примеру Юбертин Оклэр скоро последуют все французские женщины. Закон всегда был несправедлив к женщине; и вместо того, чтобы защищать ее, стремится еще больше сковать ее цепями. Если она совершит преступление, то разве придет судьям в голову привести в качестве смягчающего обстоятельства ее слабость? Напротив, они всегда стараются этой слабостью воспользоваться. Незаконнорожденному ребенку закон предоставляет право узнать, кто его мать, но не отец. Муж может отправляться куда угодно и делать все что ему захочется, он может бросить семью, сменить гражданство и даже эмигрировать, не заботясь о том, чтобы получить на то согласие жены и не ставя ее об этом в известность.

Женщина же ничего этого делать не имеет права. Если муж подозревает ее в измене, он может лишить ее принадлежащего ей же приданого, а в случае вины может даже убить. Это его право. Лишенная права на развод, она все терпит, не находя утешения. Ее штрафуют, судят, приговаривают, сажают в тюрьму, казнят; она подвергается таким же наказаниям, как и мужчина, и в таких же точно условиях, но еще никогда

ни один судья не сказал: «Бедное, слабое создание!.. Давайте простим ее, потому что она безответственная и гораздо ниже мужчин!»

Весь этот выразительный, временами восторженный призыв в пользу избирательного права для женщин заканчивается следующими предположениями:

Сначала ситуация покажется абсурдной, но постепенно люди привыкнут к этой идее, и вскоре все возражения исчезнут. Несомненно, что идея о новой *rôle* (роли) женщин будет предметом жесточайшей критики и сатиры. Дам будут обвинять в том, что они заказывают шляпки *à l'urne*, корсеты *au suffrage universel*, а юбки *au scrutin secret*. А что потом? Какое-то время новая система будет казаться диковинкой, потом войдет в моду, станет привычкой, и, наконец, будет рассматриваться как непрменный атрибут. Во всяком случае, она уже начинает заявлять о своих правах. Несколько *grand dames* в городах, некоторые богатые помещицы и арендаторши в деревнях покажут пример, которому вскоре последуют и остальные женщины.

Книга эта заканчивается следующим вопросом и ответом:

Возможно, что некая добропорядочная и благочестивая дама, искренне верящая, что от вечных мук человечество могут спасти только законы, Евангелия, римское право и римская церковь, спросит меня: «Умоляю, скажите мне, сэр, куда нас приведут все эти идеи?» «Э, мадам!.. Мы идем туда, куда мы шли с самого начала, к тому, что должно быть, т.е. к неизбежному. Мы движемся вперед медленно, потому что можем не торопить время, имея в запасе миллионы лет, и потому, что должны оставить хоть немного работы для тех, кто придет после нас. В настоящий момент мы заняты предоставлением избирательного права женщинам. Когда с этим будет покончено, мы попытаемся предоставить избирательное право самому Богу. И как только восстановится гармония между этими тремя вечными принципами — Богом, мужчиной и женщиной — наш путь уже не покажется нам таким тернистым, и мы будем продвигаться вперед гораздо быстрее».

Конечно, сторонники женских прав в Англии еще не подходили к этому предмету с такой стороны. Окажется ли новый способ действий более эффективным, чем известные декламации британской политической платформы или серьезные разглагольствования нашего поборника женских прав — Джона

Стюарта Милля? Посмотрим. Но несомненно, что многие английские леди, борющиеся за свои права, будут немало озадачены, как же им вести себя с союзником, который разделяет те же неблагоприятные принципы, что и наш автор.

УМЫВАТЬ НОГИ УЧЕНИКАМ

На церемонии «умывания ног», происходившей 8 августа в христианском лагере Лимвуд и описанной в сегодняшнем номере «*The Sun*», Элдер Джонс из Механиксбурга, штат Пенсильвания, поведал историю этого древнего обряда. В газетном изложении описано так:

Он рассказал, что обряд этот не мог появиться до Христа; также не имеет он отношения к чистоте тела, как можно было бы подумать. Его соблюдение имеет смысл исключительно как следование библейским традициям: Христос умыл ноги ученикам и наказал им следовать своему примеру. Многие другие места в Писании свидетельствуют в пользу этого.

Преподобный джентльмен заблуждается. Впервые этот обряд был совершен Кришной (Christna или Krishna) индусов, который умыл ноги своим брахманам, в качестве примера смирения, за много тысячелетий до христианской эры. Если понадобится, мы можем указать главу и стихи из брахманических книг. Впрочем, читателю легче будет посмотреть книгу его преподобия Джона П. Ланди «Монументальное христианство», стр. 154.

*Е.П.Блаватская
Нью-Йорк, 12 августа.*

ПОДПОЛКОВНИК СВ. АНТОНИЙ

В 1808 году принц-регент Хуан VI, испугавшись Наполеона, бежал в Бразилию; а в 1815 году был коронован монархом Объединенного Королевства Португалии, Бразилии и Альгарвы. Снова воскресив свою страну посредством португальских Кортесов, он приплыл обратно в Лиссабон в 1821 году. А теперь познакомим вас с весьма интересным документом, содержащим ни много ни мало как присвоение принцем давно почившему Св. Антонию ранга подполковника португальской армии, о чем совсем недавно было напечатано в лиссабонской газете «*Revista Militar*». Нижеследующее — дословный перевод с португальского этого уникального постановления:

...Дон Хуан, волей Господа принц-регент Португалии и Альгарвы, двух морей с обеих сторон Африки, Властитель Гвинеи и хозяин навигации и коммерции в Эфиопии, Аравии, Персии и Индии, и т.д., и т.д., и т.д. Настоящим мы объявляем всем, кого это касается, в благодарность за особое отношение к нам величайшему Св. Антонию, к которому, помимо всего прочего, мы постоянно обращались со всеми нашими нуждами и в отношении которого жители этой столицы испытывают полнейшую веру, а также по причине, что боевые силы наших армий очевидно находятся под его патронажем и наслаждаются благословением Божиим, и что тем самым мир в Португалии гарантирован — в благоприятном воздействии чего мы убеждены совершенно, и это исключительно благодаря могущественному заступничеству вышеупомянутого, — мы объявляем следующее распоряжение: присвоить ему чин подполковника и соответствующее жалование, выдаваемое, как и все прочие регалии и ордена (*forma das minhas reaes ordens*), в штаб-квартире фельдмаршала Ксавьера

Кабра да Кунья, в данное время занимающего в должности генерал-адъютанта штаб-квартиру главнокомандующего наших армий. Да будет так. Вышеуказанное жалованье надлежит вписать в официальные гроссбухи и выплачивать регулярно. Дабы удостоверить подлинность настоящего, мы подписываемся нашим именем и ставим большую печать наших армий. Завизировано в городе Рио-де-Жанейро, 31 августа, год 1814 от Р.Х.

Мы можем добавить, что уже не в первый раз усопшие святые получают высокое воинское звание. Святой Яго в должности главнокомандующего долгие годы получал жалованье из испанского казначейства, и эти выплаты возобновились, когда испанская церковь стала носить его имя.

НОЧНЫЕ МЫСЛИ О ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗКАХ

Мы начинаем со странной истории из Гайнесвилльского американского журнала «Орел»:

...Несколько лет назад д-р Стивенсон исследовал обширную роговую обманку и образование хлористого сланца между Гайнесвиллем и Джефферсоном и обнаружил одинокую глыбу во владениях мистера Фрэнка Харрисона, которую он посчитал одним из самых интересных и необъяснимых порождений закона химического сродства. Глыба роговой обманки весила примерно тонну, была черная и вся в кристаллах. Они казались белым кварцем приблизительно в одну восьмую дюйма толщины, с цифрами, образующими надпись: «1791». Цифры около четырех дюймов длины, располагаются на одинаковых расстояниях друг от друга. В общем, все это было магматической породой, и камень, казавшийся кварцем, имел вкрапления гранита, гнейса, роговой обманки и других типов камней, расположенных в разных его частях, от одной восьмой дюйма до фута и больше; вкрапления иногда пересекались, но без какой-либо регулярности и симметрии. Это случилось не тысячу лет назад, когда арабы придумали свое исчисление от 1 до 10, и мы обнаруживаем здесь совершенную форму тех же самых цифр, полученных благодаря законам химического сродства на более древних камнях, которые сформировались на земной коре за многие миллионы лет до появления растений и животных.

ЭТО могло быть ничего не значащим капризом природы, и такой каприз мог стать сенсацией для не очень внимательно-го журналиста; или же такое действительно возможно, и тогда требуется огромная осторожность, прежде чем доверять таким экстраординарным новостям. Но что такое каприз природы? Эффект, вызванный естественной причиной; но тогда, напро-

тив, это вовсе не «каприз». И все-таки, когда такой случай очевиден, кто позволяет себе всякий раз несколько углубиться в его происхождение? Во всяком случае, не ученые, ибо они обычно оставляют первопричины, когда их это не касается. Некоторые суеверные души и христиане могут приписать загадочные цифры какой-нибудь оккультной или даже более разумной причине. Некоторые могут увидеть связь между ними и Французской революцией; другие — с перстом Самого Господа, который начертал их по какой-то непостижимой причине, а любую попытку понять это следует считать богохульством. Но теперь изменились и времена, и люди. Стандартное, подходящее на все случаи жизни объяснение, — «Воля Божья» и «Провидение», — на которую эти любезные и бессознательные богохульники (из числа самых набожных христиан) списывают весь мусор и злобу на несовершенство природы, пусть пока полегит в стороне. Все-Совершенный больше не несет ответственности за каждое несчастье, катастрофу и необъяснимое событие, случившееся с вышеупомянутыми набожными душами. И меньше всего — по отношению к людям науки. Христианская «Воля Божья» в компании с магометанским *кисметом* передала все полномочия эмоциональному методисту и непримиримому мулле.

Таким образом, причина этих цифр — если она вообще существует — относится к категории научных фактов. Только в этом случае последнее может быть воспринято в самом широком смысле, охватывающем область естественных наук, психологии и даже метафизики. Следовательно, если история с этой чудесной глыбы окажется чем-то большим, нежели газетной «уткой», созданной праздным репортером, мы, вероятно, сможем представить несколько комментариев. А затем можем усилить наши аргументы, приведя несколько фраз из одного любопытного манускрипта, принадлежащего брату Теософского общества в Германии, весьма ученого мистика, который сообщает нам, что этот документ уже находится на пути в Индию. Это своего рода дневник, написанный тем таинственным методом, отчасти цифрами, отчасти буквами, что был позаимствован розенкрейцерами и использовался ими около двух веков, ключом к которому владеют только несколько мистиков. Его автор — знаменитый и загадочный

граф Сен-Жермен, который во время Французской революции озадачил и почти привел в ужас все столицы Европы и несколько коронованных особ и о котором рассказано столько сверхъестественного. Но пока что все комментарии будут преждевременными. Безосновательное утверждение о существовании чего-то более загадочного, чем слепой «каприз» природы, касающийся этой особенной находки, рассчитано на то, чтобы вызвать презрительную усмешку в каждом уголке земного шара, за исключением, вероятно, некоторых спиритистов — и их естественных союзников, теософов.

Но будем экономить место на журнальных страницах и перейдем к другой, гораздо более удивительной истории, подтвержденной не кем иным, как маршалом Макмагоном, бывшим президентом Французской республики, и в которую верят — из религиозного убеждения — несколько сотен миллионов римских католиков. Мы принимаем ее с доверием, поскольку имеем нечто подобное, случавшееся либо с теософами, либо со спиритистами; хотя она может показаться смешной и восприниматься как басня о петухе и быке. Однако причастность католичества меняет дело, и никто, даже скептики до мозга костей, не осмелится безудержно смеяться над историей о сверхъестественных «чудесах», создаваемых Мадонной или ее Святыми, либо Сатаной и его бесятами. Ибо на такие «чудеса» церковь имеет патент. Этот факт допускается с молчаливого согласия всех, если уж не тайного, огромным количеством христиан, поскольку никто не осмелится не поверить в силу дьявола, даже в этот век свободной мысли, за исключением презренных *неверующих*. Спиритисты и теософы делаются виновными в глазах этих подсобников разума и заслуживают называться «безумными» из-за веры в феномены, происходящие по *естественным* причинам. Даже протестанты предубежденно относятся к истории, которую мы здесь цитируем; ибо они слишком привязаны к своим кальвинистским и прочим догмам, чтобы поверить в силу Сатаны — силу, дарованную Врагу Человеческому всегда непостижимой «Волей Божьей».

[Ниже приведен рассказ из «*Catholic Mirror*», г. Балтимор, и касается он весьма примечательного случая с местным колдуном, который маршал Макмагон наблюдал, находясь в Алжире.]

В отличие от маршала, нам есть что сказать. Спиритисты способны выдвинуть весьма простую и хорошо известную теорию, чтобы «дать ему объяснение», а теософы согласятся с этим объяснением, хотя и несколько изменив его. Но при этом они настроят против себя огромное количество римских католиков. Их теория, — или, уж прямо скажем, непогрешимая догма, — верна, если история правдива, а повествует она о том, как арабский капрал продал душу дьяволу. Но вот, судя по всему, противник всесильному во зле врагу рода человеческого сыскался в лице свинцового браслета или медальона с изображением Богоматери, и со скрежетом зубовным ему пришлось пуститься наутек, изгнанному образом Королевы Небес. Что ж, эта теория так же хороша, как и любая другая, когда мы имеем дело с гипотезами. Но тогда, — может спросить неверующий, — почему не было дано хоть чуть-чуть дополнительной силы к божественной мощи, чтобы раз и навсегда избавить человечество от этого вечного сеятеля зла, который «ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить»? Слабость человечества и нерешительные действия человека! Почему одним ударом не спасти его от дьявольских ловушек; тем более что человечество, если неспособно сопротивляться этой силе, слабеет не из-за собственных ошибок, а опять же потому, что чрезмерно угождает доброму Провидению? Безусловно, если простой свинцовый амулет обладает такой силой, что способен бороться с дьяволом, на что же способна сама благословенная Богородица? Особенно, если в последний раз она лично и очень часто посещала грот в Лурде.

Но тогда — страшно подумать! — как может нечестивый оказаться осужденным на вечные муки? Куда сможет отправиться грешник своей смиренной походкой, если единственное царство, «где червь их не умирает и огонь не угасает», захвачено римской имперской Властью Небес? Непреодолимая пропасть, острые рога дилеммы! Пока так называемое христианство *не сможет* избавиться от дьявола без, так сказать, совершения ужасного, невысказанного самоубийства. Несколько лет назад набожный и святой кардинал, отец Вентура ди Раулика, выразил свое мнение по этому поводу: «Чтобы продемонстрировать существование Сатаны, — произнес он, — следует пересмотреть одну из церковных *фундаментальных*

догм, которые служат основанием христианства и без которых оно стало бы одним названием...» И весьма рьяный католик шевалье Гугенот де Мюссе добавил: Сатана — это «Главный Столп Веры... если бы Спасителя и Искупителя не распяли на кресте, то появилось бы множество дополнительных насмешек, а Крест был бы оскорблением здравого смысла» (*Moeurs. Pratiques des Demons*).

Следовательно, мы видим, что дальнейшим и наиболее логичным развитием непогрешимой церкви стало бы введение институтом ежегодного изъявления благодарности — *Te Deum* — Дьяволу. Эта удачная мысль не защищена авторским правом, и Его Святейшеству дозволяется ею воспользоваться.

Более того, оказывается, снова по каким-то непостижимым и провиденциальным причинам, более известным на Небесах, нежели понимаемым на земле, не только Дьяволу, но даже простым смертным допускается совершать темные деяния. В нижеследующем ужасающем происшествии, случившемся в недавнее время в вышеупомянутом гроте в Лурде, мы обнаруживаем «Покровительницу», совершенно не способную защитить самое себя. Мы копируем этот печальный рассказ о человеческом бесчестии также со слов нашего набожного современника — «*The Catholic Mirror*»:

Явление в Лурде. Очень странная история дошла до нас из Франции — история, в которую трудно поверить, но авторитетный источник заслуживает доверия. Все, кто побывали в загадочном месте поклонения в Лурде, должно быть были поражены количеством свидетельств, демонстрируемых набожным паломникам, и великой частотой свершения чудес, происходящих в этом месте. Столь трогательна забота благодарных паломников, оставивших в этой усыпальнице последние напоминания о своих болезнях, благодаря чему еще какая-то милость Небес выглядит совершенно ненужной. До недавнего времени все стены в Лурде были завешаны костылями, деревянными ногами и *деревянными руками*, на которых написаны даты и имена, удостоверяющие чудеса. Эти свидетельства, похоже, возбуждали злобу у неверующих: очень трудно глумиться и насмехаться над чудесами, если вы видите свидетельства их достоверности своими глазами. И потому случилось так, что эти свидетельства оказались уничтожены. Кромешной ночью несколько неверующих проникли в усыпальницу, собрали в охапку

свидетельства и предали их огню. Те очень быстро превратились в пепел. Красивое розовое дерево, растущее в расщелине горы, тоже сгорело, а лицо статуи Богородицы было изуродовано и испачкано гарью. Очень трудно найти аналог такому подлому и низменному поступку, совершённом этими «поборниками здравого смысла и свободы».

«Поборники здравого смысла и свободы» — преступные элементы, и должны быть наказаны. Но Его Величество Закон оправдал, хотя и не должен был, этих «поборников разума», поскольку те задали судьям со всей почтительностью несколько вопросов. Как например: каким образом случилось так, что «наша благословенная Богородица из Лурда», столь стремительно производя «чудеса» самого удивительного свойства, пассивно терпела подобное ужасающее личное поругание? Ведь это был именно *тот* момент, чтобы продемонстрировать свою силу, разрушить все планы «неверующих» и оправдать тем самым свои «чудеса». Лучшей возможности для сего действия никогда более не возникнет. Ведь преступники подпалили и испачкали лицо статуи и — убрались безнаказанными, не пораженные огнем (католических) Небес. Действительно, со стороны прессы было весьма необдуманно публиковать эту историю! Вероятно, эти «поборники» были учениками и последователями Зуава Якоба, чья слава целителя была не ниже славы Богородицы из Лурда и чудодейственной воды.¹ Или, может быть, они вступили в сговор с Дж. Р. Ньютоном, знаменитым американским гипнотизером-«целителем», чьи просторные приемные покои тоже увешаны, не меньше, чем стены грота, «трофеями» его месмерической силы — «костылями, деревянными ногами и деревянными... руками» (?). — Нет! только не деревянные *руки*, ибо это всегда означает предварительную ампутацию настоящих рук. Несмотря на почти магические исцелительные силы нашего

---

¹ Анри-Август Якоб родился в Сант-Мартин-де-Шампс, во Франции, 6 марта 1828 года и скончался в Париже 13 октября 1913 года. Он был музыкантом в Гвардии зуавов, и начал заниматься своими удивительными исцелениями в 1866 году. Стал широко известен из-за своих актов благотворительности, опубликовал несколько любопытных книг и издавал «*Revue théurgique*» (1888 — апрель 1889). — *Составитель*.

уважаемого друга д-ра Ньютона, мы сомневаемся, что он когда-либо имел дар наделять человеческие существа дополнительными отличительными качествами речного рака, т. е. отрачиванием новой рукой, вместо привешенной к культе, как, похоже, случилось в Лурде — согласно утверждению «*Catholic Mirror*».

Но не один дивный только «грот» показал свое бессилие перед деструктивными личностями. Молния (Господа?) ведут себя не очень почтительно в отношении Дома Божьего, и святые усыпальницы горят не хуже, чем дома «поборников разума и свободы». Огромное количество церквей, полевых тентов для собраний, скиний и алтарей были разрушены за последние два года ураганами и молниями в Европе и Америке. Это ужасающе. И вот:

...Знаменитое святилище Мадонны Валмаллской, расположенное в долине с тем же названием в Швейцарии, было поражено молнией в воскресенье 24 августа, когда священник проводил мессу на алтаре. Шесть человек пострадало от рокового удара, одна из них — маленькая девочка, молившаяся стоя на коленях возле своих родителей, — была убита на месте, а остальные поражены без надежды на исцеление. Несколько человек, находившихся возле двери, остались в одних подошвах, потому что их обувь сгорела. («*Catholic Mirror*», 13 сентября).

Милостивые судари! Эта маленькая девочка, убитая, когда стояла на коленях и молилась, видимо, была *очень* испорченным ребенком — возможно, дочерью «поборника разума» и всех прочих «грешников». Действительно, неисповедимы пути твои, о, доброе Провидение! Не понимая, мы должны только подчиняться. Кроме того, чтобы полностью успокоить наши сомнения и привести в порядок свои пытливые умы, мы должны лишь помнить, что добропорядочный и набожный иезуит — *падре* из Колледжа Св. Ксавьера, Бомбей, — которого в христианском мире знают как самого искусного из логиков, — учил нас: то, что дважды два — четыре — это не что иное, как порочная логика; Бог, для которого возможно все, не настолько ограничен: если Ему захочется приказать, чтобы каким-то чудом дважды два стало пять, так почему бы даже сэру Исааку Ньютону не примириться с этой новой формулой?

НЕБЫЛИЦА

Несколько месяцев назад «*Теософист*» взял на себя задачу ради некоторых римско-католических друзей поверить в «сверхъестественную» небылицу, «выдуманную» касательно духов и медиумов, как говорилось в духовных печатных органах, в то время как ни одного подобного факта не приводилось «гораздо более заслуживающими доверия католическими печатными органами». Вследствие чего, поскольку политика нашей газеты является одной из самых беспристрастных, мы уступили просьбе некоего лица, которое было нашим хорошим другом и подписчиком, и пообещали изучить присланные нам римско-католические газеты на предмет литературы демонической или повествующей о призраках. Так мы и поступили, и наткнулись на странное приключение маршала Макмагона с дьяволом, происшедшее в Алжире. (См. «*Теософист*» за декабрь 1879). Тот же самый друг заверил нас, что маршал Макмагон жив, кроме того, он очень набожный католик, а газета, напечатавшая эту историю — весьма влиятельный и заслуживающий доверия печатный орган американских римско-католических священников, и поэтому *невозможно* сомневаться в ее правдивости. Так что некоторое время мы считали «совершенно неуместным», что бок о бок с «самыми достоверными чудесами Богородицы из Лурда» и другими вещами, столь заслуживающими внимания, такая уважаемая газета как «*Catholic Mirror*» (Балтимор, США) могла бы публиковать на страх и риск своей литературной и христианской репутации подобные вздорные фабрикаци, т. е. *газетные утки*. Поэтому мы слово перепечатали это приключение, каким обнаружили его

в «*Mirror*» от 13 сентября 1879 года, предварив его предисловием, как можно отметить, двусмысленного свойства:

Мы охотно принимаем ее, поскольку подобную историю могли породить либо теософы, либо спиритуалисты, она довольно забавна, и можно зачислить ее в сказки или небылицы. Однако обстоятельства вмешались в этот случай с католиками; никто, даже скептик в глубине своего сердца, не осмелится надсмехаться над историей сверхъестественных чудес, сотворяемых Богородицей и ее Святыми, или Сатаной и его бесами... Только спиритуалистов и теософов... могут называть «безумным» из-за их веры в феномены, вызванные *естественными* причинами.

Это не внушающее доверие приключение маршала было также опубликовано в лондонском «*Спиритуалисте*». Пусть теперь говорит издатель этой газеты:

Недавно мы задались вопросом, что же правда в сомнительных и сверхъестественных впечатлениях маршала Макмагона, которые уже перепечатаны в бомбейском «*Теософисте*» из римско-католической газеты. Этим же вопросом задаются некоторые из наших читателей. Результатом явилось нижеследующее письмо от мисс Дуглас:

«Дорогой мистер Харрисон! Я отослала моей сестре, миссис Дуглас Бейли, которая сейчас находится в Париже, № 7 журнала «*Спиритуалист*», в котором излагается удивительное приключение маршала Макмагона, рассказанное от его лица, попросив ее разузнать, есть ли в этом хотя бы доля правды.

Она пишет, что правды в нем нет. Знакомая с адъютантом маршала Макмагона, бароном де Ленгсдорфом, она разговаривала с ним на эту тему; он рассказал, что не мог поверить, что эта история правдива, и что он вообще никогда не слышал о ней; тем не менее, он передал «*Спиритуалист*», содержащий эту историю маршалу, который заявил, что не существует ни малейших оснований верить этой выдумке. Искренне ваша,

Дж.Х. Дуглас».

Мы приносим извинения мисс Дуглас и мистеру Харрисону за доставленное им беспокойство, и надеемся, что урок, которому учит этот случай, не пропустят те, кто так твердо стоит за *непогрешимость* римско-католической церкви, поскольку выглядит так, что там потокают «небылицам», как и многие простые смертные, в то же самое время претендуя на полное доверие.

БРОСАНИЕ КАМНЕЙ «ДУХАМИ»

В июльском номере мы перепечатали из «*Daily Chronicle*» отчет о недавнем бросании камней каким-то загадочным образом в Плюмстеде, Англия. Среди других случаев, описанных в английских газетах, есть подобный же, происшедший в Кокстауне, близ Белфаста, Ирландия, подтвержденный «*Daily Telegraph*» и «*Belfast News Letter*». Каменные «метательные снаряды» на этот раз упали прямо на глазах у полиции, и не удалось ей найти ни малейшего ключа. «*Спиритуалист*» упоминает и другие подобные инциденты, случавшиеся в Пекхаме среди бела дня, несмотря на все меры, принятые полицией, чтобы поймать этого хитреца. Издатель говорит, что мистер Уильям Хоуитт некогда собрал большую коллекцию подобных примеров. Подобные случаи хорошо известны в Индии, и чтобы наши друзья из Европы могли бы иметь данные для сравнения, мы были бы очень рады, если бы наши читатели докладывали нам о таких случаях, подкрепленных словами надежных и уважаемых свидетелей.

МАГНЕТИЧЕСКАЯ ЦЕПЬ

Мы с огромным интересом прочитали первый номер нового французского журнала, посвященного науке месмеризма, или, как это называют, животного магнетизма, который нам любезно прислал выдающийся и самый блестящий ученый, практикующий эту науку, барон Дюпоте из Парижа. Его труд озаглавлен «La Chaine Magnetique», или «Магнетическая цепь». После долгих лет сравнительно равнодушного отношения, вызванного засильем скептицизма в науке, эта захватывающая тема снова завладела вниманием западных специалистов по психологию. Месмеризм — это главный ключ к тайне внутренней природы человека; и он дает возможность человеку, знакомому с ее законами, понять не только феномены западного спиритуализма, но также, и весьма обширную область — настолько обширную, что она включает в себе все ответвления оккультизма — область восточной магии. Вся индийская *йога* служит приведению в движение внутренних сил человека, делая его самого повелителем своего физического я и всего остального. То, что высокоразвитый *йог* способен влиять, а порой и контролировать действия растительной и животной жизни, доказывает, что душа внутри тела крепко связаны с душой всех остальных вещей. Месмеризм ведет еще далее, обучая нас, как прочесть эту оккультную тайну, и великое открытие бароном Рейшенбахом одической силы или *ода* вместе с *психометрией* Букенана и недавний прогресс электрических и магнетических наук завершают эту демонстрацию. «*Теософист*» уделяет огромное внимание всем им — месмеризму, законам *ода*, психометрии и т. д. В этой связи мы при-

ведем выдержки из «Магнетической цепи», которую рассмотрели самым тщательным образом. В том, что барон Дюпоте говорит о месмерическом флюиде, содержится великая истина:

Это не утопическая теория, а универсальная Сила, чему мы имеем неопровержимое доказательство... Закон природы, как позитивной, так и электрический, все же отличается от нее; и отличается столь же существенно, как день и ночь. Закон, о котором врачи, несмотря на все свои научные знания, до настоящего времени не знали. Только зная магнетизм, можно продлевать жизнь и исцелять недуги. Врачи должны изучить это когда-нибудь... или перестать зваться целителями.

Хотя почти девяностолетний интеллект барона сейчас столь ясен, а его бесстрашная преданность любимой науке такая же рьяная, как и в 1826 году, когда он появился во Французской академии медицины и опытным путем доказал реальность животного магнетизма. Франция, мать огромного количества ученых, произвела на свет мало столь же великих, как Дюпоте.

Ученик барона — мсье Саладин из Тараскона-на-Роне — сообщая ему о результатах недавних магнетических экспериментов по исцелению болезней, сказал:

Как-то, магнетизируя мою жену, я совершил огромное усилие воли, чтобы создать магнетическое поле, и в тот же момент почувствовал потоки, льющиеся с кончика каждого пальца, как будто это были крошечные нити холодного бриза. Это ощущение напоминало мне действия, когда надуваешь резиновую лодку. Моя жена отчетливо ощущала этот необыкновенный ветерок, и, что было еще более странным, девушка-служанка, когда ей сказали поместить руку между моей рукой и телом моей жены и спросили, что она чувствует, ответила, что «ей кажется, словно что-то дует с кончиков моих пальцев».

Этот особенный феномен, описанный здесь, показывает то, что часто отмечается в терапевтической магнетизации: это жизненная сила, интенсивно сконцентрированная волей гипнотизера, выливается из его организма на организм пациента. Дуновение прохладного ветерка, ощущаемое руками и лицами присутствующих, часто наблюдается на спиритуалистических «сеансах».

ЖУРНАЛИСТ ПРОТИВ МИССИОНЕРА

Несколько недель тому назад «*Times of India*» в момент недоброжелательного отношения к «*Русскому Инвалиду*»,¹ который был пойман, *страшно сказать!* — на политической лжи! — объявила русскую нацию «прирожденными лжецами». Это оскорбление, несомненно относящееся помимо России — к Горчакову,² нигилистам и *жандармом* — можно было бы вынести. «*Times*» «поставила печать» на Северного Каина, и с этих пор каждый русский должен чувствовать себя как заклеянный и приговоренный к смерти; мало того, даже не-

---

¹ Ежедневная газета, публикуемая в Санкт-Петербурге, Россия, с 1813 по 1917 г. Она была основана П.П. Пезаровиусом, направленностью — помощь солдатам, инвалидам, вдовам и сиротам. Эта газета была одной из самых влиятельных в предреволюционной России. — *Составитель.*

² Ссылка на князя Александра Михайловича Горчакова (или Gortchakoff), знаменитого российского государственного деятеля (1798-1883). Покинув лицей в Царском Селе, он поступил в министерство иностранных дел под начальство графа Нессельроде. Когда в 1850 году вновь установился союз с Германией, его назначили русским министром иностранных дел. Он наладил дружественные отношения с Бисмарком. Александр II назначил его министром иностранных дел, заменив им Нессельроде. Это случилось после Крымской войны. Затем он стал канцлером и некоторое время был самым могущественным министром в Европе. В 1878 году на берлинском Конгрессе уже почтенный канцлер номинально занимал пост первого полномочного представителя, но вызвал ненависть графа Шувалова за уступки, сделанные Россией по отношению к Британии и Австрии. — *Составитель.*

приятности, связанные с язвой нигилизма, оказались менее ужасными, чем публичное заявление «*Times of India*». Тем не менее одна вещь успокаивает их печаль и дает своего рода утешение — и это то, что их, оказывается, бросили в самую святую компанию «лжецов». Вот что пишет о христианских миссионерах в письме в «*Scotsman*» знаменитый на весь мир Арчибальд Форбс:

Я отношусь к миссионерскому предприятию просто как к ужасной дерзости, и если бы оказался прямодушным и обладающим чувством собственного достоинства язычником, то пнул бы посягающего на чужую собственность миссионера, который ходит вокруг меня, произнося свои лицемерные речи, желая отвратить меня от веры моих отцов.

Неудовлетворенный, с выраженным желанием «пнуть» священных получателей денег, м-р Форбс стремится доказать — и справедливо, должны признаться — без особой надежды на успех — позицию миссионера как «по своей природе фальшивую и нелогичную», а также положить конец затянувшемуся спору при помощи довольно грубой ремарки — «мой опыт говорит о миссионерах, что они, главным образом, ЛЖЕЦЫ».

В письме в «*The Pioneer*», имевшем намерение сокрушить Теософское общество и его Генеральный Совет, преподобный м-р Скотт рьяно критикует статью миссис Гордон «Миссии в Индии», опубликованную в январском номере «*Теософиста*», говоря о ней как о «невежественной попытке показать дело так, будто миссии — потерпели полный провал». Нас крайне интересует, что теперь скажет преподобный в продолжение полемики. Склонные бросать оскорбления в лица теософам на каждое спокойное и вежливое замечание их печатному органу, что же они ответят на это горькое обличение от «лучших корреспондентов газеты», когда некоторые журналисты уже называют их своими пылками *confrère* [коллегами (*фр.*)], будучи знакомы с миссионерами в каждой стране? А ведь этот снаряд Армстронга должен был быть выпущен из тяжелого оружия, «*Scotsman*», установленного самой цитадели самого консервативного пресвитерианства!

ТЕОСОФЫ В МАЛИГАВЕ

Сэр! Могу ли я надеяться, что мне разрешат использовать некоторое количество строк в колонках вашей уважаемой газеты для опровержения ложного заявления, несомненно, написанного введенным в заблуждение и лживым корреспондентом? Абзац, опубликованный в вашем выпуске от 22 июня под заглавием «Теософы в Малигаве», должно быть, первоначально предназначался для колонок «*Observer*», от которого не следовало ожидать ни соблюдения приличий, ни беспристрастности, поэтому там мы ничему не удивились бы. Однако обнаружить в столь уважаемой газете, как «*Times*», одиозно-злые нападки на меня — это совсем другое дело! Я призываю вас, как джентльмена, исправить неверное впечатление, которое вызвала эта статья у общественного мнения.

Полковник Олькотт ничего не терял в Даладе Малигаве, ни «розочку», ни чего еще. В уплотнившейся внезапно толпе сорвали с груди сопровождающего нас джентльмена мистера Падши, одного из парсов, значок Теософского общества, изготовленный из золота и серебра. Это случилось настолько быстро, что он не смог рассмотреть эту руку, а поскольку предмет стоил больше нескольких рупий, его первой мыслью стало поведать всем нам о свершившемся, несомненно порожденным чистой злобой. Его подозрения в некотором роде оправдывались недостойным поведением одного местного жителя из группы христиан, предыдущим вечером в ратуше, где полковник Олькотт читал лекцию аудитории, которая, как мы тогда полагали, состояла только из джентльменов. (Теперь я отмечу в скобках одно из двадцати трех ложных заяв-

лений «*Observer*». Лектор не только в подобных обстоятельствах не пожаловался, что «провел целый час, оскорбляемый христианством», но — если заглянуть в уже напечатанный текст лекции — он даже совсем не упоминал ни христианство, ни христиан. Тем не менее, в конце описываемого вечера поступки клики этих буйных фанатиков, их шум и выкрики, вызвали негодование даже у присутствующих джентльменов-христиан из Европы, включая высших должностных лиц, поэтому они подошли к нам и извинились). Итак, узнав об эпизоде со значком, я сразу же отнеслась к нему как к оскорблению, нанесенному либо каким-нибудь местным обращенным в христианство, либо бургером, и я это высказала. Но я не обращалась ни к Дэва Ниламе, ни к святым мощам, когда мы находились рядом с ними. Взяв под руку мистера Уимбриджа, я вышла из храма через главные ворота, и тут мы встретили европейского управляющего «Европейского Кэнди Клуба» и рассказали ему эту историю. Рядом находилось несколько молодых англичан; но утверждать, что я непосредственно указала на кого-либо из них как на виновника инцидента — это просто ложь. Пусть они прочтут эти строки, и я взываю к их чести и справедливости, чтобы они подтвердили мои слова.

Факт заключается в том, что с момента, когда шесть недель назад мы ступили на остров Цейлон, мы читали проповеди против миссионеров и клеймили на их печатные органы, с «*Observer*» во главе. Они же посыпали нас клеветой, фальшью, порочащими высказываниями, занимались злобными инсинуациями; ни разу ни в одном из этих журналов не печаталось правды о том, чем мы занимаемся или что говорим. А что касается истории в Малигаве, то в завершение я прилагаю абзац из «*Times*», против которого я так категорически выступаю — «мотив предположить нетрудно».

Е.П. БЛАВАТСКАЯ
Галле, 25 июня.

ХРИСТИАНСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Было бы неплохо, чтобы наши преподобные проповедники, пропагандирующие христианство среди «несчастливых язычников», великодушно читали бы в своих начальных библейских классах воскресной школы или на встречах на открытом воздухе, как христианское воинство ведет войну против голых дикарей — это будет производить глубокое впечатление. Ниже следуют выдержки из влиятельного лондонского журнала, в качестве практической иллюстрации. Вот что сообщает кейптаунский корреспондент «Daily News»:

Печальное известие проливает свет на злодеяния, совершенные нашими союзниками, племенем амасвази, в экспедиции Секокоени. Они сообщили в своем отчете, что по пути не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей; и этих ужасающих подробностей достаточно, чтобы у любого кровь застыла в жилах. Вещи подобного рода обычно не выплывают на свет. Совершили бы они свои деяния под другим флагом, мир подверг бы их презрению и негодованию; но причастность к цивилизации предполагает набросить на подобные зверства завесу молчания. Это глубокий позор на нашу национальную честь, ибо, чтобы отмстить в сомнительной ссоре человеку, который по крайней мере способен к пониманию рудиментов цивилизации, мы натравили на него 10 000 варваров Южной Африки и, согласно более чем одному докладу, абсолютно уничтожили его клан. Ничто не может оправдать действия амасвази в Секокоенской кампании — безусловно, неуспешной и низменной, которые, однако, выставляются как заслугой этой операции. Этого вполне достаточно любому, чтобы разувериться в христианстве, — знать, что в девятнадцатом столетии его апологеты оправдывают подобные деяния, приписывая себе честь иметь дело с местным населением континента при помо-

щи таких же мер, посредством которых испанцы шестнадцатого века обращали индейцев в испанских рабов. Рабство, наверное, скверная штука, но трудно выбрать между ним и истреблением, хотя в случае таких головорезов, как амасвази, возможно, разницы никакой и нет. То, что такие деяния вообще имеют место — довольно прискорбно. А что им довелось иметь место под британским флагом, то стоит только попробовать любому здравомыслящему англичанину настаивать провести расследование, как официальное красноречие перекрывает *действия*, которые совершали буры или колонисты, мгновенно вспыхивающей бурей праведного негодования. «*Volksblad*», голландский печатный орган, который, конечно, нельзя обвинить в чрезмерной филантропии, этим утром получил следующую телеграмму: «Ужасающие злодеяния свазилендцев в Секокоени выплыли на свет. «*Volkterm*» упоминает лишь немногие из них, например о том, как женщинам отрезали груди, сжигали младенцев, перерезали глотки, а с пяти- и шестилетних детей заживо сдирали кожу». Напомню, что эти деяния, как говорилось выше, совершались нашими союзниками или, точнее, нашими наемниками, действующими под британским флагом.

ПЛАЧЬ, РЫДАНИЯ И ЦВЕТЫ

Несколько недель назад некто Джордж Найрнс, британский моряк, зверски убил в Калькутте скромного полицейского сипая, который спокойно стоял на своем посту и с которым он не имел ссоры и даже прежде не перемолвился ни единым словом. Злодей повалил свою жертву наземь и перерезал горло ножом, который принес с собой на берег намеренно, чтобы кого-нибудь убить. Он был связан и осужден, но по ходатайству жюри присяжных помилован. Однако суд, сделав присяжным выговор за настолько неуместное ходатайство в подобных обстоятельствах, вынес наказание; а правительство Индии, к которому апеллировали, весьма справедливо и разумно подтвердило решение суда. Итак, этот убийца, обогривший руки кровью, был повешен на следующий день, а его труп погребен на Шотландском кладбище в Калькутте. «*Indian Daily News*» пишет:

За некоторое время до этого на кладбище прибыл похоронный *кортеж*, состоящий примерно из пятидесяти леди и джентльменов. По прибытии катафалка гроб, украшенный надписью: «Джордж Найрнс, 29 лет, казненный 23-го июля 1880 г.», был накрыт Юнион Джеком [флагом Великобритании], вынесен на плечах шестью членами команды Найрнса и принесен к краю могилы. Преподобный мистер Гиллан отправил службу и сначала прочитал те части из библейского писания, которые Найрнс очень хотел услышать после приговора. Затем он кратко пересказал слова, высказанные Найрнсом на виселице, и лично обращаясь к присутствующим морякам, предостерег их брать в пример участь, которая постигла Найрнса, и ревностно посоветовал им избегать местных дешевых пивных. Затем были прочитаны обычные в таких случаях молитвы. На гроб, опущенный в

могилу, в печали и скорби было брошено много земли, и многие из благочестивых женщин бросали букеты цветов, а большинство отворачивали голову, чтобы вытереть слезы из-за столь позорной смерти молодого человека, чья карьера обещала быть перспективной. В конце церемонии преподобный мистер Гудвин и несколько присутствующих дам спели гимн «Спасись в руках Иисуса».

Кто бы не стал после такого убийцей сипаев!!! Пятьдесят извергающих слезы дам и джентльменов; Юнион Джек, чтобы накрыть им гроб; утешающие слова из Библии, его любимые места *после приговора* (а прежде его любимыми местами были местные злачные заведения с дешевым спиртным); куски земли, бросаемые «со скорбью» в могилу, — несомненно, «на счастье», как бросают на свадьбах тувельки; симпатичные букетики с цветами; и перламутровые слезы, дождем стекающие по прекрасным щечкам, — что еще более респектабельное мог бы потребовать убийца? Что еще ему нужно знать, подобно выпившему напиток бедняги Рип ван Винкля, кроме того, что это убийство нисколько не порочит его! И церковь нисколько не воздержалась от участия во всем этом фарсе, поскольку, в завершение всего, обаятельный преподобный Гудвин и его прекрасные плакальщицы выдали «Спасись в руках Иисуса». Счастливый Джордж! Тем не менее вызывает сожаление, что наш калькуттский современник упустил еще один очень важный факт, не приняв во внимание который читатель не может полностью оценить красоты этого христианского Искупления. *В чьих руках, позвольте нас спросить, будет «спасен» убитый сипай?*

УПАДОК ПРОТЕСТАНТСКОГО ХРИСТИАНСТВА

Азиатскими друзьями было выражено сомнение касательно истинности нашего суждения, что протестантизм быстро приблизил переломный момент своей судьбы. И все же достаточно посетить любую протестантскую страну, чтобы самим удостовериться в этом факте. Мы обнаружили перепечатанную редакционную статью из одного из самых оголтелых печатных органов римской церкви — «*Catholic Mirror*» — в «*New York Times*», ведущей американской газеты, — специально посвященную интересам ортодоксальной протестантской публики, содержащую следующее многозначительное предостережение:

Протестантское духовенство, похоже, не осознает чудовищных военных действий, уже развернутых против богооткровенной религии. Защитники, которые были эффективны против грохочущей артиллерии Пайна, оказались бесполезными против бесшумного и беспрестанного подкопа и минирования, при помощи которых их атакует рационализм. Ортодоксальный протестантизм закрывает глаза на тот факт, что наука и литература находятся в руках его врагов. Он отказывается постичь, что почва, на которой он стоит, ускользает из-под его ног; что Германия по призыву Лютера признала непогрешимую Книгу вместо самозванной непогрешимости Церкви и отвергнутой теперь Книги, и что новая реформация, которая искореняет христианство из существования, распространяется по всему протестантскому миру.

Результат этого, согласно «*Times*», будет к выгоде римской церкви. Фактически, предвидится, что последняя может стать «гораздо сильнее, чем она была в любое время после

Реформации». Разумеется, внезапный взрыв фанатической горячности над мнимыми «чудесами» во Франции и совсем недавно в Ирландии и возрастающие отклонения от нормы англиканских священников и мирян показывают решительный дрейф в указанном направлении. Люди в массе не думают, а чувствуют, и они скорее эмоциональны, нежели рациональны, и идут толпами к той религии, которая больше вызывает к эмоциям и воображению и меньше к здравому смыслу. Так что вся паства протестантизма теперь готова броситься в объятия какой-нибудь новой веры, которая выглядит более утешительной, чем протестантизм, и более разумной, чем католицизм, — это настолько ощутимо и неизбежно, что ни один эрудированный и незаинтересованный наблюдатель не станет отрицать это положение. Именно это побудило основателей нашего Общества провести исследование сложившейся ситуации. И результат его заставил некоторых из нас поверить, что для буддистов настал благоприятный час и надо готовиться к новой пропаганде буддизма.

[СЭР РИЧАРД ТЕМПЛ И НАШЕ ОБЩЕСТВО]

Сэр Ричард оказал нашему Обществу великую честь, лично сказав его характер и намерения перед английской публикой. Издание памфлета, озаглавленного «Речь, произнесенная в Шелдонском театре, Оксфорд, в понедельник 10 мая 1880 года сэром Ричардом Темплом, баронетом, кавалером ордена «Звезды Индии» 1-й степени, кавалером ордена Индийской Империи 3-й степени, бывшим губернатором Бомбея, в поддержку Оксфордской Миссии в Калькутте» только что была прислана нам из Англии и информирует жителей Оксфорда, что «современное образование сотрясает индусскую веру до самого основания» и «среди последствий подобного изменения в умах народа — появление нескольких влиятельных сект». Тем не менее он припомнил только три из них — Брахмо Самадж, Прартхана Самадж и — секту теософов! «Есть еще одна секта, — заявляет сэр Ричард, — называемая Прартхана Самадж, *которая ныне действует в Пуне; и в самом городе Бомбее есть еще одна секта, называемая теософами*». Затем он любезно объясняет религиозные воззрения двух из этих трех влиятельных сект. Члены Брахмо «почти, хотя и не полностью, христиане. Вы можете посетить любую из их лекций, и вы услышите, как лектор начинает речь с текста из Нового Завета, и он еще не раз обратиться к этому тексту, прежде чем вы поймете, что он — не христианин». Фактически эти люди, задержавшиеся у самого порога христианства, «почти несомненно» будут христианами. На членов Прартхана Самадж не обратили внимания, хотя их красивое белое здание — одно из самых приметных, из-за орнамента, в бомбейском

квартале Гиргаум. Но в любом случае ему известно все о нас: возможно, из докладов его секретной полиции. «Я точно знаю, что в Бомбее есть теософы, — замечает выдающийся лектор, — проинструктированные некими людьми, причем не местными, а европейского происхождения, теми, кто, после того как отвернулся от христианства, продолжал в Индии исследовать Веды, древние письмена этой страны, истинный источник мудрости». И еще он весьма любезно предполагает, что всё, что теперь требуется, это «высшие образованные классы индийского народа нужно свести с людьми более великой культуры, чем их собственная». На его замечание, что ни Оксфорд, ни любой другой европейский университет никогда не выпустит учащегося, равного хотя бы одному из пятидесяти индийских философов, которые заслуживают упоминания, мы скажем, что величайшее непонимание целей и принципов Теософского общества никогда не сможет быть доказано. Оно не руководится людьми, оставившими христианство, поскольку они никогда и не принимали его; оно не религиозная секта и не собирается ею стать, а напротив, вполне четко утверждает, что как общество оно не имеет кредо и принимает в свои члены людей любых верований на равных условиях. Касательно же того, что благодаря нашей помощи или вдохновению индусы «отказываются от веры их отцов», мы уже два года делаем все, что в наших силах, чтобы заставить их уважать эту веру сильнее, чем когда-либо, и осознавать, что их предки учили лучшей религии, лучшей философии и лучшей науке, чем любая нация Европы когда-либо знала. Если сэръ Ричард намеревается снова ораторствовать в Оксфорде об индийском религиозном веровании и «сектах», ему следовало бы хорошенько и чуть поглубже изучить эту тему. Тогда он сможет обнаружить даже, что в Индии есть лидер секты, у которого триста тысяч последователей, и зовут его пандит Дайананд Сарасвати Свами, чья Арья Самадж имеет пятьдесят филиалов по всей Индии — один в Бомбее, с членом губернаторского Совета в качестве Президента — и который открыто признал, что его цель — развивать дальше изучение *Вед*.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «THE BANNER OF LIGHT»

Бомбей, Индия.

К издателю «*The Banner of Light*»:

В вашем выпуске от 4-го октября в «Лондонских спиритуальных заметках», от вашего специального корреспондента, подписывающегося «Точность», я узнала нижеследующее:

...Мадам Блаватская появляется в новой роли, а именно, как издатель журнала, издающегося специально для теософов. Это — *аккуратный небольшой ежемесячник*, но в целом едва ли будет оценен спиритуалистами.

Теперь нам следует и в самом деле взять на себя миссию. Вы, обычно так рьяно представляющие вашим читателям каждую новость и заслуживающий доверия материал, появляющийся на горизонте, в действительности не удосужились представить вниманию публики этого вашего феноменального *ясновидящего* корреспондента! Воистину, он («Точность») должен быть одарен точностью дополнительного видения, которое просматривает то, что находится под «рясой священника», вместе с астрологическим Альманахом Задкиэля, чтобы точно пнуть его под зад. Судите сами: в то время как вы составляли эти надежные новости из Лондона, т.е. 4-го октября, этот «*аккуратный небольшой ежемесячник*, который едва ли будет оценен спиритуалистами», появился в Бомбее за два дня до этой даты. Он был сделан и впервые появился перед публикой 1-го числа октября, а значит, в то время когда ваш «специальный корреспондент» писал вам о нем в Лондоне, этот «небольшой ежемесячник» не был еще даже набран!

Этот журнал, совершенно очевидно, уже «оценен» многими, поскольку численность подписчиков увеличилась в четыре раза с тех пор, как появился первый номер. Вот тут-то «Точность» и дал маху. Но с другой стороны, какое сочетание дара дальновидения, ясновидения и пророческого видения! Если его развить, то вашего корреспондента можно будет отнести к высшим пророкам среди пророков. То, что напечатано в четырехстраничном «*проспекте*», было основано, очевидно, на его прогнозах. Описывая — психометрически — то, что еще не появилось, он тем самым добавляет еще один замечательный пример, подтверждающий открытие нашего выдающегося общего друга доктора Дж.Р. Бьюкенана, *отца психометрии*.

И все-таки этот «аккуратный небольшой ежемесячник» был «едва ли оценен» самим таким корреспондентом, хотя последний подписывается — наверное, исключительно в виде насмешки, — «Точность».

С братским приветом,
Е.П. БЛАВАТСКАЯ
12-го ноября 1879 года.

ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ ОГОНЬ

Парацельс и другие определенно учили, что «огонь был последним и единственным, в чем можно познать Бога»; но глубокий смысл их слов как правило ускользает от их критиков. Едва ли нам нужно объяснять, что под «огнем» они имели ввиду не материальный, видимый огонь, но тонкий невидимый дух пламени, квинтэссенцию всех атрибутов огня, которая ускользала и всегда будет ускользать от анализа и изучения при помощи «химических процессов», хотя ее и можно временами почувствовать благодаря *сверхфизическому* свету духовно тренированного разума. Человеку, который работает в области современной экспериментальной науки, в чьих глазах даже аура, или «одическая сила» Рейхенбаха, является чистой галлюцинацией, а потому остается за пределами научной терминологии, — вышеприведенные слова могут показаться лишенными всякого смысла. Но для изучающего психологию, который кое-что знает о свойствах животного магнетизма и месмеризма, смысл этого будет ясен лучше. Ибо такой человек знаком с теорией о «душе вещей», и для него этот герметический, божественный «огонь» — это квинтэссенция жизни, тот духовный и неосязаемый дух, который исходит из материи и немедленно поглощается ей; конечная сущность каждого атома, принадлежит ли он к одушевленному или неодушевленному, органическому или неорганическому веществу; дух, невидимый для всех, кроме глаз другого бессмертного духа... И, быть может, эта картинка из области физических наук, не будет неверна или неуместна.

Хорошо известно, что пока реальная связь между механической теорией тепла и феноменом «вольтовой» батареи была понята недостаточно, необходимость двухэлементной батареи для получения тепла при разложении воды не приходила физикам в голову, и они не могли бы с одним элементом произвести того, что они с легкостью могут проделать сегодня с двумя. Не может ли случайно требоваться то же самое и в биологии? Так же, как человек науки, согласно своему собственному убеждению, находится в затруднении и неспособен в течение долгого времени раскрыть тайну, почему один элемент не может разложить воду, так биологи и психологи (точной науки) бессильны перед некоторыми феноменами разума. Они неспособны понять истинное соотношение этого герметического божественного «огня», уже упомянутого, с феноменом человеческой батареи Вольта, известной как мозг; «огня», который может быть временами создан и развит на основании того же самого принципа, как и одно из связанных с ним явлений — тепло (как в случае искусственного месмерического развития ясновидения). И, если его внутренние силы возросли, он может освободить дух от его оков и, возвышая бесплотное над материальным, позволить человеку увидеть своими духовными глазами то, чего он никогда не смог бы воспринять при помощи своих физических органов чувств. Поэтому фразеология герметических философов и александрийских теургов естественным образом кажется непосвященным темной и бессмысленной.

ДУХИ ПРИРОДЫ И ЭЛЕМЕНТАЛЫ

Когда корреспондент «Light» обратился с просьбой к миссис Эмме Хардинг-Бриттен, знаменитому среди спиритуалистов оратору и автору, изложить свои представления относительно существования разрядов «духов», стоящих ниже человеческого уровня, наш выдающийся друг откровенно поведала о них в номере этого журнала от 3-го декабря [1882 г.]. Прежде чем привести ее слова, мы должны сообщить нашим читателям о том, что спиритуалисты всегда выступали против заявлений теософов о существовании таких видов существ, и мы должны были вытерпеть с их стороны немало поношений. Миссис Бриттен весьма опрометчиво, по нашему мнению, использует слово «элементарий» для обозначения духов природы, или природных сил. Необходимо провести четкую грань между этими духами природы и психическими оболочками некогда живых человеческих существ, известными в Индии под названием *бхуты*. Для того, чтобы установить это различие и, насколько возможно, избежать путаницы, мы относили в «Изиде» название «элементалы» к духам природы, а слово «элементарии» использовали для обозначения *бхутов*. Миссис Биттен говорит:

Заранее протестуя против любого втягивания в литературную полемику, бездуховный характер которой слишком часто вызывает отвращение и справедливое негодование у читателей нашего журнала, я лишь отвечаю на вопрос «изучающего», что я — как человек, который не просто верит в существование духов-элементариев, но и утверждает, что видела их и общалась со многими другими, имевшими сходный опыт — обычно классифицирую всех «субчеловече-

ских» духов как *элементариев* по своей организации, и я полагаю, что термин «духи природы» можно попросту применить к этим существам исходя из того положения, каковое они занимают в царстве природы.

Недавно я видела в одном спиритуалистическом журнале, хотя я и не могу сейчас точно припомнить в каком именно, совершенно аналогичное мнение, представляющее положение человека на шкале творения, стоящего где-то посредине на знаменитой лестнице, основание которой находится на земле, а вершина упирается в небеса. И если это положение представляет собой некую физическую истину, материальное существование которой засвидетельствовано визуально, не может ли быть также соответствующей духовной лестницы, в которой нисходящие ступени бытия столь же очевидны и философски обоснованы, как и ступени лестницы восхождения, с которой столь хорошо знакомы спиритуалисты? Если дарвинская схема материального прогресса совершенным и бесспорным образом объясняет столь многие моменты, что ее нерешенные проблемы можно временно оставить в стороне, ожидая доказательств, которые должны появиться в будущем, может ли спиритуалист удовлетвориться тем, чтобы дополнить дарвинские чисто материалистические признаки бытия путем проникновения в духовные царства *за пределами* материи, и все же полностью игнорировать существование духовных царств бытия, как *предшественников* материи? ¹ Разве не существует *эмбрионных* состояний и для души, так же как и для тела; разве не существует царств, в которых созревают духовные формы так же, как и материальные?

.....

Я не буду больше отнимать у вас время и лишь повторю еще раз, что я видела духов-элементариев во многих формах и на многих ступенях лестницы бытия, и что свои убеждения я обсуждала и согласовывала с многими сотнями интеллигентных людей, которые вместе со мной полагают, что имеют бесспорные доказательства су-

---

¹ Мы не знаем, что в действительности понимает прославленный автор «Современного американского спиритуализма» под словами «*за пределами*» и «*предшественники материи*» в данном контексте. Конечно, она не может иметь ввиду, что существует какое-либо царство «бытия» *за пределами* материи или *вне* ее? Такое царство было бы царством чистого духа, т. е., царством *абсолютной* нематериальности, в котором — едва ли это нуждается в напоминании — *не может существовать никакого бытия*; ибо под «бытием» в любом его определении подразумевается нечто *организованное*, и это нечто никогда не может быть образовано из *ничего*.

ществования как субчеловеческих и суперчеловеческих духов, так и просто человеческих духов. Я признаю, что общения с этими сферами бытия происходят гораздо реже, чем с духами людей; и потому те, кто входил в эти царства, с такой же болью и страданием отступают перед грубым отрицанием и откровенным презрением тех, кто не имел подобного опыта, каковые испытывают и сами спиритуалисты, когда невежество и слепой фанатизм нападают на их веру. По той же самой причине сегодня очень мало говорится и пишется об этом предмете, и, хотя я и имею все основания верить в грандиозное раскрытие духовного мира и духовной жизни, на самом пороге которых мы сегодня стоим, — нас ожидают еще более широкие, глубокие и удивительные открытия в духовной сфере человеческой природы, чем нам позволяет увидеть наша нынешняя, весьма ограниченная перспектива. Я полагаю, что несомненно послужит делу истины то, что мы с крайней осторожностью предлагаем; признавая лишь то, что мы можем доказать путем обычных опытов, и предоставляя экстраординарным и необычным явлениям самим раскрывать себя...

*Искренне ваша, Эмма Хардинг-Бриттен
Лаймс, Хамфри-стрит, Читем Хилл, Манчестер*

Из того же самого номера «Light» мы узнаем от корреспондента, назвавшегося «Ма», что

Древнейшие боги Египта, потомки Матери Богов, были теми Восемью, кто правил в Ам-Смене до того, как был поднят небесный свод Ра;

и что

Они известны всем египтологам как восемь *элементариев*.

Вот новое доказательство справедливости идеи о циклической неотвратимости: боги, которым поклонялись за девяносто веков до Р. Х., становятся кандидатами для такого же поклонения в девятнадцатом столетии н. э.!

ОККУЛЬТНЫЙ ФЕНОМЕН

Сэр!

В статье вашего достойного периодического издания от 19-го числа я обнаружила две колонки, посвященные сомнительному восхвалению, скорее воспринимаемому оскорблению моей скромной персоны. Там приведено длинное конфиденциальное письмо от полковника Олькотта к служащему нашего Общества, тайком раздобытое кем-то и помеченное «частное» — словом, которое само по себе подразумевает, что этот документ не предназначен для всеобщего обозрения — а редакционная статья полна преимущественно мелкими оскорблениями и ядовитыми, хотя и банальными, догадками.¹ Последнего и следовало ожидать, однако мне бы хотелось получить ответы на следующие вопросы: (1) Каким образом издатель завладел документом, украденным со стола Бомбейского филиала Теософского общества? (2) Заполучив его, какое он имел право вообще его публиковать, не получив предварительного согласия автора или адресата — согласия, которого он никогда бы не получил? и (3) Как охарактеризовать подобный поступок? Если закон не позволяет возместить

---

¹ [Здесь имеются в виду выдержки из частного письма полковника Олькотта, адресованного к Дамодару К. Маваланкару, в то время помощнику секретаря по переписке, датированного: Шимла, 4 октября 1880 г., которые были опубликованы в «*The Times of India*» 19-го октября под названием «Один день с мадам Блаватской». Текст этого письма можно обнаружить в: К.Ф. Вания. «Мадам Блаватская...», с. 65-67, и в: Свен Ик. «Дамодар и пионеры теософского движения», с. 156-159.]

ущерб за вред, подобный этому, меня по меньшей мере удовлетворит суждение каждого воспитанного мужчины или женщины, которые прочтут это письмо и после этого прокомментируют. Это *частное* письмо, написанное обо мне, а не мною, и этот особый вопрос должен быть улажен между обиженным и обидчиком, так как он касается, кроме него, еще и меня непосредственно.

Я достаточно долго прожила в этом мире непрестанной борьбы, в которой «выживание наиболее приспособленного», похоже, означает триумф самых беспринципных, чтобы знать, что коли я однажды позволила своему имени появиться в качестве благожелательного гения «чашек», «чайных блюдец» и «брошек», я должна понести наказание; особенно когда люди настолько глупы насчет того, что касается слова «магия», либо в его популярном суеверном смысле — что это работа дьявола — либо в убежденности, что это плутовство. Поэтому и ровно из-за того, что я «старая леди из России с заходом в Америку», эту страну неограниченной свободы, особенно в газетных личных оскорблениях, — мне приходится напрягаться изо всех сил, чтобы быть равнодушной к презрительным насмешкам и колкостям периодических изданий касательно вопросов, которых они вовсе не понимают — если только они остроумны и остаются в границах приличий и не наносят вред никому, кроме меня самой. Не будучи ни *профессиональным* медиумом, ни профессионалом в чем-либо еще и делая свои эксперименты с «оккультными феноменами» лишь в присутствии моих немногочисленных друзей — и редко перед кем-то, кто не является членом нашего Общества, — я имею право требовать от публики немного больше справедливости и вежливости, чем обычно предоставляется берущим плату мошенникам и даже так называемым чародеям. И если мои друзья будут настаивать на публикации сведений об «оккультных феноменах», имевших место в их присутствии, им следует по меньшей мере предварить их повествования следующим предупреждением: теософия не верит в *чудо*, божественное или дьявольское; ничего не признает сверхъестественным; верит только в факты и Науку; изучает законы Природы, оккультные и наблюдаемые непосредственно, обращая внимание в особенности на пер-

вые только потому, что точная Наука отказывается иметь с ними дело. Такие законы — это законы магнетизма и всех его проявлений, месмеризм, психология и т. д. Не один раз в своей прошлой истории Наука становилась жертвой своих собственных заблуждений, что особенно касается ее открыто заявленной непогрешимости; и должно наступить время, когда совершенство азиатской психологии и ее знания сил незримого мира будут признаны, как было признано кровообращение, электричество и тому подобное, после чего лишь исчезли презрительные насмешки и язвительные замечания. Эти «глупые попытки одурачить людей» будут потом рассматриваться как честные попытки доказать этому поколению спиритуалистов и верящих в «чудотворцев» прошлого в этом мире Материи и Духа существование видимых результатов и невидимых причин; ничто... кроме огромной порочности мира христиан и язычников, таких же нелепо и однобоко суеверных, как и их соответствующие религии, и злобных всякий раз, когда делались совершенно бескорыстные и филантропические усилия открыть им глаза на правду. Я позволю оставить дальнейшее замечание, что лично я никогда не хвасталась ничем, на что я, вероятно, способна, равно как я не предлагаю никаких объяснений этого феномена, если не считать, что я совершенно не признаю того, что владею какими-либо *чудодейственными* или *сверхъестественными* силами, или исполняю что-нибудь при помощи мошенничества — т.е. с помощью сообщников или механизмов. Это всё. И, разумеется, если в обществе все-таки осталось чувство справедливости, я не ответственна за законодательные акты, как и за социальные законы; тайком показывая, ради удовлетворения любопытства членов нашего Общества и желания моих личных друзей, различные феномены, в которые я верю гораздо крепче, чем любой из них, хотя мне известны оскорбления, какие бы результаты ни рассказывались публике. «Официальные круги Шимлы» — некорректная и глупая фраза. Я никогда не производила ничего в «официальных кругах»; но я, безусловно, надеюсь, что произвела впечатление на небольшое количество лиц, принадлежащих к подобным «официальным кругам». А произвела я впечатление тем, что не была ни самозванкой, ни обманщиком «официальных

лиц», в отношении которых, кроме того, — до тех пор, пока я живу в этой стране и уважаю ее (особенно принимая во внимание мои естественные демократические чувства, усиленные моей натурализацией в Америке), — я не обязана в большей степени уважать кого-либо из них персонально, даже если он заслуживает это своими индивидуальными способностями. Должна добавить, ради самодовольства издателя вашего периодического издания и в надежде, что это умиротворит его гневные чувства, что из пяти свидетелей-очевидцев производства «чашек» трое (двое из них относятся к «официальным кругам») совершенно не верят в подлинность этого феномена, хотя я была бы очень рада узнать, как им удастся, со всем их скептицизмом, продолжать так считать. Я не подражаю неучтивости Издателя и не упоминаю имен, но оставляю читателям шанс самим сделать из этого вывод, какой они пожелают.

Я частное лицо, и никто не имеет права призывать меня идти и давать объяснения. Прямо перед случаем с *украденным* письмом полковника Олькотта имела место газетная заметка, озаглавленная «Как относятся к оккультным феноменам в Англии», вызвавшая арест мисс Хьютон, медиума, которая добывала деньги под мнимыми предложениями; Издатель, приняв это за подсказку, что мой случай схожий с ее, стал виновен в еще одном ничем не спровоцированным и отнюдь не джентльменским оскорблением насчет меня, которая не добивалась ни денег, ни благосклонности какого-либо сорта к моему «феномену», чем вызывает на себя строгие ответные меры. Единственная польза, извлеченная мною из этих моих экспериментов, когда они сделались публичными, это оскорбление в газете и более или менее неблагоприятные комментарии по поводу моей несчастной личности, разошедшиеся по всей стране. Но пока мои осуждения еще не стали действительно сильными, еще не перешли площадную брань и мученичество *под мнимым предложением*, а также выдавание меня за душевнобольную. Полагаю, игра едва ли стоит свеч.

АМРИСТАР
Е.П. БЛАВАТСКАЯ
25-е октября 1880.

[Вышенапечатанная статья имеет отношение к оккультному феномену, произведенному Е.П.Б. в Шимле в октябре 1880 г. Для справок: Ванья, ук. соч. Глава VIII; «Старые страницы дневника» полковника Олькотта, II, 232-241; и несколько заметок, опубликованных в «*Теософисте*», том II, ноябрь и декабрь 1880 г., а также «Оккультный мир» Синнетта, с. 66-85. — *Составитель.*]

(НЬЮ-)ЙОРК ПРОТИВ ЛАНКАСТЕРА: НОВАЯ ВОЙНА (АЛОЙ И БЕЛОЙ) РОЗЫ

Несмотря на непрестанные свершения современными учеными новых открытий, преувеличенно благостное отношению к ее авторитету и установившейся научной рутине среди образованных классов, развитие *истинного* знания все равно задерживается. Факты, которые, если и наблюдались, проверялись, классифицировались и оценивались и могли иметь бесценное значение для науки, без долгих рассуждений отбрасывались на презренную свалку сверхъестественного. Для этих консерваторов опыт прошлого не служит ни примером, ни предостережением. Это ниспровержение тысячи высоко ценимых теорий делает нашего современного философа неподготовленным для любого нового научного открытия, как представление, будто его предшественники не допускали ошибок незапамятных времен.

Приверженцу протоплазмы по крайней мере следует скромно вспомнить, что его прошлое — одно огромное кладбище мертвых теорий; заброшенное кладбище для бездомных и нищих, где и покоятся изжившие себя гипотезы, покоятся в недостойном забвении, как множество казненных преступников, чьи имена их потомки не могут произносить без стыда.

Девятнадцатый век — по существу, век разрушения. Действительно, наука гордится многими революционными открытиями и требует увековечить эту эпоху, силою отняв у Госпожи Природы кое-какие из ее наиболее значительных тайн. Если бы она не освещала те несколько дюймов узкой кольцеобразной дорожки, в пределах которой она до сих пор

тащится, еле волоча ноги, какие неизученные и беспредельные пространства она оставила бы позади себя? Хуже всего то, что эта наука не просто отказывается освещать те области, которые кажутся темными (хотя это вовсе не так), а ее приверженцы пытаются сделать все возможное для того, чтобы погасить огни других людей под предлогом, что они не специалисты, и их дружеские маячки — это блуждающие огни. Предубеждение и предвзятые идеи поступают в мозг людей и, подобно раковой опухоли, пожирают их мозги до самой сердцевины. Спиритуализм — или, если для кого-то это слово стало весьма непопулярным, Вселенная духа — остается сражаться с миром материи, и близится переломный момент.

Полу-мыслители и слепо подражающие им люди, считающие себя философами — короче говоря, тот класс, который неспособен постигать события несколько глубже, чем их поверхностный «слой», и измеряющие ежедневные события под углом зрения сегодняшнего дня, забывшие о прошлом и не беспокоящиеся о будущем, — от души радуются отпору феноменализму в наступательно-оборонительном союзе Ланкастера-Донкина и мнимому разоблачению Слейда. В этот час будущего триумфа Ланкастера следовало бы сделать изменения на украшениях, венчающих английские геральдические щиты. Ланкастеры всегда не находили общего языка и провоцировали борьбу среди мирного населения. Со времени древних Йорков война Белой и Алой Розы переместилась в неведомые земли, и Ланкастер (имя которого искажено), вместо того чтобы объединиться с наследственным врагом, соединил своих идолов с идолами Донкина (чье имя, очевидно, тоже искажено). Поскольку герой этого времени — отнюдь не рыцарь, а зоолог, очень сведущий в науке, которой посвятил свои таланты, почему же не похвалить его альянс, поместив на четвертую часть щита красную розу Ланкастера вместе с пушистым чертополохом, так нежно любимым определенным пророческим четвероногим, выискивающим его на обочине дороги? И в самом деле, господин редактор, когда мистер Ланкастер говорит, что все, кто верит в феномены доктора Слейда, «лишились разума», мы должны предоставить библейскому животному решительное предпочтение над современными. Валаамская ослица по крайней мере обладала спо-

способностью воспринимать духов, тогда как некоторые из тех, кто по-ослиному ревет в наших академиях и больницах, не предъявляют никаких доказательств этой способности. При-
скорбное вырождение особей!

Подобные личности — это те, кто объясняют все духовные явления Природы удачами или неудачами медиумов; а каждому новому фавориту, по их мнению, наверное необходимо смириться, когда на него падает ненаучная и гипотетическая «Невидимая Вселенная», когда грохочущий красный дракон *Апокалипсиса* смёл своим хвостом треть звезд с небес. Бедные слепые кроты! Они не принимают всерьез яростные нападки против «мании» таких феноменалистов, как Уоллас, Крукс, Вагнер и Тьюри, а только помогают распространению *истинного* спиритуализма. Мы, миллионы сумасшедших, действительно должны направить выражение признательности «взъерошенным» Бэрдам, которые делают чрезмерные усилия, чтобы казаться тупыми болванами, пытаюсь обмануть семейство Эдди, к притворному «изумлению и повышенному интересу» Ланкастеров, и лучше обдурить доктора Слейда. При помощи пиротехнических шоу, они представляют свои чудеса публичному вниманию с большей помпой, чем все защитники феноменализма.

Когда Русский Комитет доверил весьма деликатную задачу отобрать медиума для будущих санкт-петербургских экспериментов и когда участник Теософического общества приспособил силы доктора Слейда для исследования в длительной серии *сеансов*, я объявила его не только истинным медиумом, но одним из лучших и наименее мошеннических медиумов из всех, когда-либо существовавших. Путем личного опыта мне удалось не только подтвердить подлинность его письма на грифельной доске, но также и все материализации, происшедшие в его присутствии. На стул была наброшена шаль (причем стул мне предложили поставить в любом месте, *которое я выберу*), как и на всё в кабинете были брошены шали, он приступил к действиям, и его призраки немедленно появились при свете газовой лампы.

Никто не будет обвинять *меня* в чрезмерной уверенности в личности материализовавшихся призраков или в избытке любви к ним; однако честь и правда заставили меня подтвер-

дить, что те, кто являлся мне в присутствии Слейда, были настоящими призраками, а не «загримированными» сообщниками или куклами. Они были недолговечны и почти прозрачны, и таких призраков я видела только в Америке, что напомнило мне о привидениях, вызываемых индийскими адептами. Как и последние, они образовывались и растворялись перед моими глазами, их субстанция как туман поднималась от пола и постепенно переходила из газообразного состояния в твердое. Их глаза двигались, а губы улыбались; но когда они останавливались рядом со мной, их формы были настолько прозрачны, что сквозь них я видела все предметы, находящиеся в комнате. Их я называю *подлинными духовными* субстанциями, тогда как тускло мерцающие и неясные формы, которые я где-то видела, были не чем иным, как оживленными формами материи — и всякий раз, когда они появлялись, у них потели руки, а от самих исходил особенный запах, название которому в то время дать я не могла.

Всем известно, что доктор Слейд не владеет иностранными языками, и все-таки на нашем первом *сеансе*, случившемся три года назад в день моего прибытия в Нью-Йорк, когда он еще не был со мною знаком, я получила на его грифельной доске длинное послание на русском языке. Я намеренно не рассказала ни доктору Слейду, ни его партнеру о своей национальности, и хотя по моему акценту они, конечно, определили бы, что я — не американка, то все равно не смогли бы догадаться, из какой я приехала страны. Представляю себе, что если бы доктор Ланкастер позволил Слейду писать, стоя на коленях и опираясь на локти, по-очереди или одновременно, то бедняге все равно не удалось бы написать русское послание посредством хитрости или какого-нибудь трюка.

Когда я читала отчеты в лондонских газетах, мне внезапно пришло в голову, насколько удивительно, что этот «бродящий» медиум, после того как сбил с толку такую толпу *ученых мужей*, очень просто стал жертвой *зоологическо-остеологической* своры ученых детективов. Утверждение, что ни «психический» сержант Кокс,¹ ни «бессознательно про-

---

¹ Уильям Кокс (1747—1828) — английский путешественник и историк.

славленный» Карпенгер, ни мудрый Уоллас, ни опытнейший М.А.¹ (Оксон), ни предусмотрительный лорд Рэйлих, который, сомневаясь в собственной проницательности, нанял профессионального фокусника и использовал его на своих *сеансах*; ни доктор Картер Блейк, ни целая толпа других весьма компетентных исследователей не смогли бы определить, видел ли своим орлиным взором Ланкастер-Донкин *созвездие Близнецов*, бросив на него один-единственный взгляд, — это обман. Ничего подобного не случилось со времени Бэрда, электро-сенной лихорадки и судьбы Эдди, объявившего профессорско-преподавательский состав Йельского университета группой ослов, поскольку они отказывались принять внушенное ему Богом открытие тайны чтения мыслей, и горевавшего по поводу имбецильности этого «любезного идиота», полковника Олькотта, за то, что тот предпочел единственный часовой *сеанс* «электрического» доктора двухмесячному изучению феномена Эдди.

Я — американская гражданка пока еще в зачаточном состоянии, господин издатель, и мне нельзя надеяться, что английские мировые судьи с Боу-стрит прислушаются к голосу, раздававшемуся из города, который, как поговаривают, очень мало уважают британские ученые. Когда профессор Тиндаль спрашивает профессора Йомэнса, смогут ли нью-йоркские плотники соорудить ему экран десяти футов длины для его лекций в Институте Купера и нужно ли ему самому необходимым отправлять в Бостон *ледяной пирог*, необходимый для его опытов; и когда Гёкси выказал огромное удивление, что «иностранец» способен выражать свои мысли на вашем (нашем) языке так, что это совершенно понятно, — «по всей видимости», — нью-йоркской аудитории, и что эти неглупые парни — нью-йоркские репортеры — способны доложить ему, несмотря на их акцент, были ли в Нью-Йорке «привидения», то я не могу надеяться выступить в лондонском суде, когда защитника преследуют английские ученые. Но, к счастью для доктора Слейда, британские суды не руководятся иезуитами, и поэтому Слейд может избежать участи Леймари. Конечно же, он явится в суд, если ему разрешат призвать на свидетельское

---

¹ Магистр гуманитарных наук.

место своего Овассо и других преданных ему «хозяев»,¹ чтобы записать их свидетельства внутри сдвоенной грифельной доски, сделанной самими же мировыми судьями. Это и есть золотой час доктора Слейда; ведь ему никогда не выпадало удачной возможности продемонстрировать реальность проявлений феноменов и дать спиритизму победить скептицизм; а мы, кому известны удивительные силы доктора, уверены, что он *сумеет* это сделать, если ему будут помогать те, кто в прошлом совершил очень много при его содействии.

Е.П. БЛАВАТСКАЯ,
*Секретарь по переписке
Теософического общества.*

Нью-Йорк, 8 октября 1876 года.

---

¹ «Хозяин», дух, вещающий устами медиума во время спиритического сеанса.

АРМЯНЕ

К издателю.

Сэр! Недавно лондонский «*Экономист*» в статье, озаглавленной «Чем Англия наказала Индию» и перепечатанной большинством местных газет, высказал следующее: «Из масс извлечена жизненная соль, и любой амбициозный индийский юноша, полный недоразвившейся силы, находится в более безнадежном положении, чем армянин в Санкт-Петербурге или алжирец в Париже». Исходя из общих принципов, но мало любя политику, возможно, из-за физиологического несоответствия, чтобы быть способной понять и потому оценить великолепную интригу с этими названиями — я ничего не могу сказать касательно замечания «алжирец в Париже». Мои представления об «алжирцах» слабо ассоциируются с *настилками серала*, продаваемыми свободными сыновьями безграничной пустыни на углах парижских улиц, могут быть опровергнуты любым французом, если он того захочет. Однако, хотя я американская гражданка и полностью отделила свою персону от отеческого покровительства России, за исключением того факта, что я родилась в России, я все-таки — одна из тех, кто, из-за пылкости своей природы чувствует непреодолимую тягу «воздать должное» противнику, даже если этот противник — московское правительство, когда нападки на него несправедливы. И эта инсинуация «*Экономиста*» по поводу безнадежного положения «армянина в Санкт-Петербурге» — так же несправедлива, как и глупа, лжива настолько, что подобное очень легко опровергнуть. Безусловно, издатель лондонского журнала, который позволил опубликовать такую ремарку,

должен либо забыть, либо вовсе не знать того факта, что покойный главнокомандующий экспедиционными войсками нынешней Центральной Азии *был* армянином; что генерал Тегукасов,¹ один из героев последней войны в азиатской части

---

¹ Некоторая информация, имеющая отношение к различным личностям, на которые ссылалась Е.П.Б., может заинтересовать читателя.

Генерал-лейтенант Арзас Артельевич Тегукасов (1819-1991) в 1859 году командовал Апшеронским кавалерийским полком; он принимал участие во взятии Гуниба; в 1868 году управлял Терской областью; в 1869 — командовал 38-ой кавалерийской дивизией. В начале Турецкой войны был назначен командующим Эриванской группой личного состава; в 1877 занял Баязет и Алашкерт, а в 1879 был назначен командующим 2-м Кавказским корпусом.

Бебутов принадлежал к княжеской фамилии, ведущей свой род от Асшар-бека, армянина, который был *меликом*, или губернатором, Тифлиса в царствование грузинского царя Теймураза II. Князь Василий Осипович Бебутов (1791-1858) был генералом от инфантерии, членом Государственного Совета, хорошо известным в военных и штатских кругах. Князья Тархановы-Муравьевы принадлежали к армянской фамилии, ведущей свое происхождение от Саакадзе (что означает «сын Исаака»). Персидский шах даровал Георгию Саакадзе княжеский титул и наследственное *тарханство*; последнее — монгольское слово, означающее освобождение от налогов ввиду благородства происхождения, что также даровалось знаменитым артистам и людям, прославившимся в торговых делах. Один из членов этой семьи был Иван Романович Тарханов, знаменитый русский физиолог 19-го века.

Князья Орбелиани, или Джамбакуриан-Орбелиан, были из княжеской фамилии, согласно легендам, пришедшей из Китая и обосновавшейся в Грузии за 600 лет до Р. Х. Они стали наследственными командующими грузинских военных сил и короновали королей во время церемонии коронации. Князь Георгий Дмитриевич Орбелиани (1800-1883) был генералом от инфантерии и членом Государственного Совета.

Князья Багратионы принадлежали к старейшей и самой почитаемой фамилии в Грузии, в течение нескольких веков короновавшей ряд армянских и грузинских царей. Их род произошел от Атанасиуса Багратида, чей сын Ашод Куропалат (ум. 826) был грузинским царем.

Адиль-Гирей правил племенем кумыков и в 1718 году стал подданным России. Когда он стал *шамхалом* Тарковским, то передал

Турции, который недавно заменил покойного Лазарева — армянин, без единой капли европейской крови; что армия, как и гражданская служба, на Кавказе с первых дней российского владычества была полна армянскими, грузинскими и даже мусульманскими полковниками, генералами, командирами и другими высокопоставленными государственными лицами; что величайшие кавказские герои почти все были армянами, грузинами или татарами, например, принц Бебутов (который действовал во время Крымской войны как вице-король Кавказа), несколько Меликовых, Тархановых, Орбелиани, Баграти-

---

свои владения России. Однако позже он напал на Россию, в 1725 году, к чему его вынудили турки; был разбит Кропотковым и скончался в тюрьме в Коле.

Лазарев, которого упомянула Е.П.Б., — генерал-лейтенант Иван Данилович Лазарев (1821-1879), происходивший от беков Карабага; прославился в Турецкой войне 1877-1878 гг.

Граф Михаил Тариевич Лорис-Меликов (1826-1888) был сыном армянского купца. Он родился в Тифлисе, на Кавказе, 1-го января 1826 года и воспитывался в Санкт-Петербурге, сначала в Лазевской Школе восточных языков, потом в Кадетском гвардейском институте. После того как он вступил в гусарский полк, в 1847 году его послали на Кавказ, где он провел 20 лет. С 1855 до 1876 г. он был губернатором округа Терек, стараясь обучать там людей, поскольку это могло дать ему возможность перейти от военного к гражданскому управлению. Во время Турецкой войны 1877-78 гг. он командовал отдельными армейскими корпусами в Малой Азии. Он взял крепости Ардахан и Карс и устроил осаду Арзрума. За это его удостоили графским титулом. В 1879 году он был временно назначен генерал-губернатором области на Нижней Волге, чтобы бороться с чумой. После его перевели в губернию Центральной России, чтобы бороться с нигилистами и анархистами, которые убили харьковского губернатора. Лорис-Меликов выступал за устранение причин растущего народного недовольства и для этого рекомендовал императору Александру II план больших административных и экономических реформ. Император назначил его министром внутренних дел с исключительными полномочиями. Тем не менее предполагаемый план так и не был приведен в исполнение. 13 марта 1881 года, когда император подписал указ о создании необходимых комиссий, он был убит среди бела дня, а его преемник Александр III повел реакционную политику. Лорис-Меликов уволился в отставку и жил в уединении в Ницце, во Франции, где и скончался 22 декабря 1888 года. — *Составитель.*

он, Хан Адиль-Гирей, и очень много других, что, в конце концов, из «Мусульманских полков» вышла превосходная группа людей, известная как «мусульманские телохранители царя», и выбирались в них воины от простого солдата до самого высокого генерала, и все были мусульманами. Сомнительный недавний суффикс «ов» фамилии Тегукасов и некоторых других армянских фамилий привел «*Экономист*» к такой несознательной грубой ошибке. В свете нынешнего развития событий, думаю, для ваших читателей будет не безынтересно узнать, что среди «гаев фоксов» — всей этой шайки нигилистов и осужденных преступников, — до сих пор не встречали ни одну армянскую, грузинскую или мусульманскую фамилию. Фактически, «азиаты» выказывают наибольшую лояльность среди подданных царя.

Е.П. Блаватская

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ К «ФИЛОСОФИИ ЙОГИ»

[Автор, подписавшийся «Правдоискатель», цитирует длинный пассаж из «The Dream of Ravan: A Mystery». Значительная часть этой работы была анонимно опубликована на страницах «The Dublin University Magazine» и появлялась отдельными выпусками как эссе за октябрь, ноябрь и декабрь 1853 г. и январь 1854. Существует возможность, что автор этих серий эссе глубоко изучал истинный оккультизм, но его личность никогда не была установлена. Текст этой истории был еще раз напечатан книгой «Теософским издательским обществом» в Лондоне в 1895 году. Более недавнее переиздание с вступительной статьей Софии Вадьи было сделано “Book Chamber International”, Ltd., Бомбей, Индия.

Автор пытается получить побольше сведений определенного рода, «что касается всех лучших способов освобождения души и культуры воли». Эта весьма таинственная тема, затронутая в цитированных пассажах, вынуждает Е.П.Б. сделать нижеследующие замечания:]

Следующее известие от европейского теософа будет с интересом и вниманием прочитано индусами, изучающими йогу. Ссылки на «живой воздух», «ветер», «полые сосуды», «лунный флюид бессмертия», «полости тела» и тому подобное могут быть неправильно поняты материалистом, не знакомым с метафорической терминологией мистиков; но тот, кто проделал хотя бы единственный шаг по пути саморазвития к духовности, довольно просто поймет, что означают эти слова.

КОММЕНТАРИИ К «ТРАКТАТУ О ФИЛОСОФИИ ЙОГИ»¹

Когда в Америке и Европе мы подтверждали убедительность доказательств свидетелей псевдочудесной физической выносливости некоторых индийских аскетов, наши слова неизменно принимались обычной публикой с недоверием; а врачами и людьми науки порой они принимались с презрительным смешком. Некоторые из многочисленных юмористических статей, постоянно печатающихся в нью-йоркских газетах, ехидничали на наш счет, как и об этом тексте. Когда мы упоминали то, что знали лично, и не только профессиональных *факиров* и *санньяси*,² но и отдельных джайнов, которые, вдохновленные фанатизмом, воздерживались от дыхания на период свыше двадцати двух минут, пока не впадали в глубокий транс, тогда как другие голодали больше сорока дней и все же выживали, к нашим свидетельствам относились немногим лучше, чем к свидетельствам безнадежного сумасшедше-

---

¹ Написан доктором Н.С. Паулом, членом конгресса Великобритании, помощником хирурга. Оригинальное издание 1850 г. — очень редкая книга; 2-ое издание было опубликовано Indian Echo Press, Калькутта, 1883 in octavo, 52 с. Находится в Британском Музее. 3-е издание было опубликовано Бомбейским теософским фондом Тукарам Татъя в 1888 г., 56 с. — *Составитель*.

Абзацы, напечатанные мелким шрифтом и заключенные в квадратные скобки, взяты вкратце из статьи в «*Теософисте*», для которой Е.П.Б. делала примечания. Мы включили их, чтобы сделать комментарии понятными. — *Ред.*

² Индусский аскет, достигший высшего мистического знания.

го. Естественно, поэтому подобные впечатления вынудили нас проявлять огромную осторожность, и наконец мы стали говорить на эту тему более робко и исключительно с нашими хорошими и надежными друзьями. Зная, какие гигантские шаги делает биологическая наука, мы решили, что это не может быть понято задолго до некоторых научных опытов, которые доказали бы возможность подобных феноменов, и что следует вырвать от скептически настроенной науки признание в ее заведомом невежестве. Похоже, теперь мы не разочарованы.

Телеграмма нью-йоркского агентства «Рейтер», датированная 7-го августа, известила мир о следующем важнейшем событии:

Д-р Таннер, который заявлял о своем неверии касательно медицинских теорий голодания, объявил, что смог прожить без пищи срок дней. Он начал свой эксперимент 28 июня и завершил ее сегодня, правда, он очень слаб и изможден.

Тотчас же нам в голову пришла мысль, что наконец настало время познакомить мир с некоторыми фактами, которые еще до смелого эксперимента доктора Таннера с уверенностью классифицировались невеждами как обман, наряду с другими фактами, появляющимися в нашем журнале, даже несмотря на то, что те были подтверждены заслуживающими доверия свидетельствами. Все они рассматривались скептиками как невероятные. Некоторые такие факты обсуждались в небольшой статье, опубликованной в Бенаресе тридцать лет назад одним англо-индийским врачом, что, вследствие его темы, столь нежелательной и невероятной, не привлекло внимания ученых того времени. И только благодаря любезности уважаемого пандита Лакшми Нарайн Вьясы из Аллахабада мы сможем, для ознакомления и к удовольствию наших читателей, воспроизвести блистательную монографию о философии йоги доктора Паула, которая имела в распоряжении Вьясы. Несмотря на то, что написана она очень давно и, конечно же, не содержит недавних научных достижений, все-таки этот труд обладает исключительной ценностью как честная попытка истолковать с точки зрения врача смысл начальных или других стадий обучения йоге, что, как мы показали, было отвергнуто как «научная» невозможность. Однако поскольку мы

не можем утверждать, что в каждом случае автор наблюдал лично или его факты можно понять ясно и четко, рискнем сопроводить этот текст комментариями. И еще вместе с двойкой целью, ввиду недолгого затишья после злобного обвинения, что наше Общество ничуть не лучше школы «магии», слова, применяемого для выражения нелепого суеверия и веры в *сверхъестественное*, — предостеречь наших читателей от ошибочного впечатления в общем.

Мы рады объявить, что восемнадцать месяцев провели в этой стране, и двенадцатимесячное существование нашего журнала не оказалось бесплодным по произведенному впечатлению. Ибо в течение этого периода нам стали известны по крайней мере некоторые очень важные характерные черты реального состояния индийского общества. Мы обнаружили, что последнее включает в себя две группы: одна — из свободомыслящих людей, *все*-отрицающих, скептических и совершенных материалистов, будь это группа Брэдли или «современная школа мысли»; и другая, ортодоксальная, фанатичная, полная необоснованных предубеждений брахманских школ и верящая во что угодно, если это соответствует чему-либо из *Пуран*.¹ Обе партии *не самое лучшее* убеждение, и, как гласит поговорка, «каждая более католическая, чем Папа», представляет ли последняя Брэдли или Касту Бога, самого непреклонного из богов. Несколько достойных исключений только усиливают основное правило.

Теософское общество — что бы ни утверждала какая-либо враждебно настроенная газета — понимало, почему оно необходимо в Индии, и прибыло на место как раз вовремя, чтобы встать между двумя вышеуказанными группами. Наш журнал, его печатный орган, с самого начала соблюдал вполне определенную политику, дружески прислушиваясь к обеим группам и предложив свое посредничество, чтобы переговорить со всеми. Из-за этого многое запуталось, некоторые обиделись — хотя не из-за наших ошибок или вредных намерений — но мы надеемся, что предложенные методы таковы, что оправдается мудрость этой политики. И теперь, когда год завершается, мы намереваемся из месяца в месяц начинать наши

---

¹ Буквально — древнее.

планируемые выпуски перепечаткой трактата д-ра Паула с комментариями касательно этого текста, как и было заявлено прежде. В то же самое время приветствуется критика всех лиц, знающих йогу, по поводу точки зрения д-ра Паула или нашей собственной.

Этот трактат повествует о практических занятиях главным образом не *раджа-йоги*, а *хатха-йоги* — хотя автор посвятил и той и другой отдельную часть. Позднее мы отметим огромную разницу между ними.

[Во вступительной части этого цикла статей автор, д-р Н.С. Паул, объясняет, что посредством выполнения определенных поз и подчинения тела определенным процессам впавший в транс инду добывается силы отказа от пищи и дыхания на долгое время, стремясь в финале достичь состояния самовызванного транса, во время которого впавший в транс обретает ясновидение и испытывает состояние блаженства. Успешная практика этого вида йоги обусловлена выдыханием и удерживанием углекислоты внутри тела. Таким образом, при помощи соблюдения всех способов регулирования выделения углекислого газа, впавший в транс добывается своей цели. Это выделение может быть отрегулировано в отношении каждой естественной функции человеческого организма и в любой среде, как утверждает д-р Паул. Помимо всего прочего он говорит: «Использование алкогольного напитка вызывает значительное уменьшение выделения углекислоты. Агоры, секта индийских факиров, практикуют потребление большого количества алкогольных напитков в течение суток».]

Агоры, или агоры Панты, едва ли можно брать в сравнение для вышесказанного, как следование вообще какой-либо системе *йоги*; их вообще нельзя относить к хатха-йоге. Они печально известны своими дурными привычками, не брезгают гнилой пищей, а в древности их даже обвинили в пристрастии к человеческой плоти! Эти люди сделали спиртные напитки своим привычным питьем и, в отличие от *настоящих* йогов, вымогают подарки и используют свои способности всего лишь как предлог для собирания денег. Признанные сперва отверженными и отвратительными подонками, они сперва оказались под запретом, а теперь они вовсе исчезли.

[Один из самых выгодных способов уменьшить выделение углекислоты — это отказ от пищи и полнейший отказ от всего со-

вместимого с поддержанием жизни. Отказ от пищи уменьшает количество вдохов и выдохов, тем самым уменьшая расход углерода. Нам сказали так: «Подавление дыхания... Ежедневная практика брахманских попросаек, которые стремятся к бездвижности, или йоге».]

Бездвижность человека принадлежит к системе йоги и может быть названо одним из ее многих результатов, но это нельзя называть «йогой».

[Продление интервала между вдохом и выдохом — еще один важный способ регулирования углекислоты. «Абсолютное количество углекислоты, исходящее из легких за период времени, становится меньше, чем при обычном дыхании».]

Таким образом, в этой части трактата мы обнаруживаем полное оправдание индийских аскетов, — мало того, даже христианских святых любого периода, с первого века до наших дней, что мы и докажем. Отсюда и насмешки невежд, скептиков и материалистов; насмешки над тем, что кажется им весьма нелепой из практик, но обращены он против самих же насмешников. Ибо теперь мы знаем, что если аскет предпочитает подземную пещеру свежему воздуху, чтобы исполнять (по-видимому) обет молчания и медитации, отказывается прикасаться к деньгам или чему-либо металлическому и наконец проводит свои дни в том, что кажется самым смехотворным из занятий — сосредотачивая все свои мысли на кончике носа, — он делает это не ради игры или бесцельной комедии и даже не из-за необъяснимых предрассудков, а ради физических процессов, основанных на строго научных принципах. Многие из тысяч факиров, госсайнов, байрагов и других людей из ордена попросаек, которые ходят по деревням и благотворительным индийским базарам в нашем нынешнем веке, могут быть и несомненно недостойными и праздными бродягами, современными клоунами, подражающими великим ученикам философских веков прошлого — хотя и в этом отношении есть небольшие сомнения, — хотя подражают позам и рабски копируют традиционные обычаи своих благородных собратьев, они понимают, *почему* это делают, не больше, чем смеющиеся над ними скептики. Но если мы посмотрим ближе на происхождение их школы и изучим «Йога-видью» Патанд-

жали,¹ то лучше пойдем и тем самым оценим их кажущиеся нелепыми действия. Если бы древние не так скрытно выразили в стихах подробности физиологии, как наши доктора из современной карпентерской школы — хотя этот вопрос по-прежнему пребывает в стадии обсуждения — вероятно, они бы считались авторитетами, то с другой стороны, чтобы понять эту науку в ином направлении посредством иных методов, гораздо более глубоких, нежели прежние — в общем, следовало бы заставить ученых самим лучше ознакомиться с ее тайными и исключительными законами. Что древние всех стран были близко знакомы с тем, что в наши дни называется «гипнотизмом» или самомесмеризацией, словом, с добровольным трансом — этого отрицать нельзя. Одно из многих доказательств обнаружено в том факте, что тот же самый метод, описанный в этих строках, известен в качестве традиции и практикуется христианскими монахами на горе Афон даже до нынешнего дня. Эти люди, чтобы вызвать «божественные видения», совместно часами сосредотачивают свои мысли и взгляд на пупке. Множество русских путешественников свидетельствовали о таком занятии у греческих послушников; то же самое утверждают и писатели других народов, которые посещали это прославленное место.

Итак, внося ясность в этот первый пункт и оправдав индийскую йогу во имя и ради авторитета современной науки, теперь мы оставим дальнейшее обсуждение этой темы нашему следующему номеру журнала.

[Посредством отказа от пищи, воды и воздуха, не считая очень небольшого количества, йоги добиваются силы бездвижности.]

Д-р Таннер из Нью-Йорка сам решил доказать, что «это возможно сделать без какой-либо еды — поддерживая жизнедеятельность тела только водой и воздухом в течение сорока дней и ночей», — сказано в американских газетах, и инспирировано это ссылкой на время искушения Христа в пустыне. Однако это особое число «сорок дней» старше христианства и

---

¹ Описательное название *сутр* Патанджали. — *Составитель.*

практиковалось более чем одним дохристианским аскетом, благодаря силе древней медицины, которая знала предел человеческой выносливости и прекрасно разбиралась в силе жизненных органов. За этот предел лучше не заходить: пребывая в состоянии полной бездвижности, человек может покинуть этот мир. Тем самым, это высший предел голодания джайна, указанный как «сорок дней»; и мы надеемся представить неоспоримое доказательство в каком-нибудь из следующих номеров, что здесь, в Бомбее есть люди, которые успешно практиковали и переносили сорокадневное голодание. Мы лично знакомы с двумя такими фанатиками. Еще месяц назад подобное заявление не только не было бы принято всерьез, но и определенно отрицалось бы «в качестве оппозиции теории д-ра Таннера, стойко поддерживаемой ортодоксальными американскими врачами».

[У разных животных и человека естественная частота вдохов и выдохов отличается, и согласно приведенной шкале, от него зависит долголетие живых существ. Чем больше количество респираторных движений в минуту, тем меньше жизненный срок. Черепаха делает меньше вдохов и выдохов, ее естественная норма — три дыхательных движения в минуту. «Она живет очень долго: срок жизни черепахи иногда достигает 110 лет».]

Мы считаем, что этот срок занижен. В Коломбо, на Цейлоне, мы видели в саду гигантскую земную черепаху примерно пяти футов длины и трех с половиной ширины, которая, если мы поверим местным жителям, жила в этом месте и была известна голландцам в их лучшие дни. Но это еще ничего не доказывает нам с научной точки зрения.

[Черепаха известна своей способностью долго обходиться без пищи и воды. Она может воздерживаться от еды и дыхания большую часть года, ее нормальный период бездвижности длится до пяти месяцев, во время которых она не дышит, не ест и не чувствует серьезных ран.]

Когда голодание д-ра Таннер продлилось двенадцати дней, врачами были произведены интересные эксперименты, чтобы определить, уменьшилась ли его чувствительность. Вот что пишет «*New York Tribune*» за 8 июля:

Был задействован анестезиометр, прибор, состоящий из двух острых штырей, расположенных под прямым углом к градуирован-

ной шкале, вдоль которой они могут двигаться взад и вперед. Их прикладывали к ступням, лодыжкам, кистям и рукам доктора Таннера. Он почти неизменно был способен определить, один или два конца приложены, даже когда они находились очень близко друг от друга. Он различал такие маленькие расстояния, как три восьмых дюйма, отчего врачи пришли к заключению, что его чувствительность не уменьшилась.

Если бы врачи продолжили свои опыты, они наверняка бы убедились, что он постепенно становился совершенно нечувствительным к физической боли.

[Воздержание от пищи вызывает у животного потерю тепла, которое в свою очередь вызывает сон и благоприятствует бездвижности. «Голодание — обычная практика индусов... Особенно в Бенаресе, средоточии индийских суеверий».]

Обычный здравый смысл вынуждает нас напомнить читателю, что строгие голодания не есть чисто «индийские предрассудки». Римские католики не уступают в этом ни одному сообществу монахов — особенно на Востоке — в непрерывных усилиях «подчинять плоть», добавляя к голоданию самоистязание в виде власяниц и регулярного бичевания. В Индии местные христиане и обращенные римские католики, в качестве искупления после исповеди, стегают себя хлыстом в присутствии их священников, пока «кровь не потечет потоком», согласно словам свидетеля, наблюдавшего подобную сцену не так давно.

[Йог, когда почти уверился, что впадает в состояние транса, ищет пещеру или подземное укрытие, где нет ни вентиляции, ни света или звука, а существует большая возможность покоя и воздержания от животного тепла. Он готовит себе ложе из травы куся, хлопка и овечьей шерсти.]

Хорошо известная особенность змеи жить несколько месяцев подряд без пищи и сбрасывать кожу или омолаживаться и ее чрезвычайное долголетие внушили древним естествоиспытателям и философам мысль, что секрет и инстинктивные привычки змееподобных можно испробовать на человеческом организме, за которым они решили наблюдать. Они обнаружили, что неизменно перед уходом в холодный сезон в свою нору змея обмазывается соком определенного растения, кото-

рый добывается отламыванием листьев. Это растение — его название держится в тайне раджа-йогами — вызывает без каких бы то ни было значительных приготовлений или специальных тренировок, как в случае *хатха*-йоги, глубокую кому, во время которой парализованы все жизненные функции и приостанавливаются жизненные процессы. Эта йога научилась регулировать пребывание в таком трансе. Поскольку, когда наступило это состояние, не нарушается спокойствие и не изнашиваются органы, и тем самым не могут «истощаться», как это медленно происходит с ними во время естественного сна, поскольку каждый час обычного сна, наступающего ввиду наступления ночи и служащего для отдыха, отбирается у самого течения жизни. Таким образом, раджа-йогам иногда известно, как прожить двойное или тройное количество лет среднестатистической человеческой жизни и время от времени возвращать молодую внешность на небольшой период времени, а если они ощущают, что становятся стариками — то на целые годы. Так, по крайней мере, они объясняют этот кажущийся феномен. Ибо тот, кто видел подобные случаи — сам убедился, что это утверждение было неоспоримым *фактом*, а тот, кто при этом совершенно не верит в возможность магии, будь она божественной или дьявольской, и полагает, что существование этого невиданного феномена должно объясняться точной наукой и демонстрироваться благодаря *естественным* силам, не должен совершенно отказываться выслушать какое-либо из правдоподобных объяснений. Оно может быть и слабо правдоподобным, и шансы противоположной выдвинутой теории могут показаться огромными — и все же это не *совсем невозможно*, и пока у нас не найдется более веская причина отвергнуть это, чем заурядное незнание о существовании такого явления — все это должно быть серьезно обдумано. Как часто точная наука вводит в заблуждение своим догматизмом, и это еще раз доказано последующим поражением ортодоксальных «обычных» врачей, как отмечено в «*New York Tribune*» и в том же самом случае доктора Таннера.

Следующий отчет, зафиксированный 7-го июля, утверждает:

Доктор Таннер говорит, что кризисная точка пройдена миновал. Этим утром он не испытывал серьезной тоски по пище. Никому не

следует на этом основании думать, что проведенная таким образом проверка может привести жизненные органы к способности поддерживать свои функции без пищи. Один из врачей выразил мнение, что д-р Таннер может внезапно впасть в горячку через двенадцать или тринадцать дней после начала голодания. Если такое случится, это может привести его к смерти в любой момент от тризма челюсти или мышечных конвульсий. Ему можно будет помочь только если это состояние обнаружится вовремя, однако такого шанса может и не представиться из-за его исключительно ослабленного состояния. Сегодня главное изменение в его состоянии — падение температуры, которая в 6 часов пополудни была 98,25. Если она упадет еще на пять градусов, то результат может оказаться фатальным. Доктор по-прежнему решителен и полон надежд.

И все-таки телеграмма из Нью-Йорка позволила нам в предыдущем номере объявить, что доктор Таннер провел без пищи *сорок дней* и выжил — вот так!

[Йога включает в себя такую способность, как полную бездвижность, похожую на чрезмерно продолжительный сон, и весьма интересно отметить, что существуют зафиксированные примеры сна некоторых людей, продолжавшегося по несколько недель, месяцев, более того, даже лет.]

Нам довелось познакомиться с русской дамой — мадемуазель Кашеренинофф — чья сестра, тогда еще незамужняя женщина примерно двадцати семи лет, регулярно спала непрерывно по шесть недель. После чего она пробуждалась, слабая, но не очень изможденная, и просила немного молока, ее обычную пищу. По прошествии двух, а иногда и трех недель, она начинала выказывать отчетливые признаки сонливости, а к концу месяца снова впадала в транс. Так длилось семь лет, и простые люди посчитали ее святой. Это происходило в 1841 году. Что случилось с ней потом, мы не можем сказать.

[Йога определяется различными крупными специалистами по-разному. Некоторые определяют ее как ментальную абстракцию; некоторые — как безмолвную молитву; некоторые определяли ее как слияние вдыхаемого воздуха с выдыхаемым; иные как слияние разума с душой. «Благодаря йоге я понял действие приостановления кро-

вообращения и дыхания. Йога главным образом разделяется на *раджа-йогу* и *хатха-йогу*.]

Здесь автор делает явную ошибку. Он путает *раджа-йогу* с *хатха-йогой*, в то время как первая не имеет никакого отношения к физической тренировке *хатхи* или какой-либо иной из бесчисленных сект, которые сейчас приняли название и символику *йогов*. Уилсон в своих «Очерках... о религии индусов» таким же образом сбивается с толку и очень мало знает, если вообще знает что-либо, о настоящих *раджа-йогах*, которые относятся к *Шиве* не больше, чем к *Вишну* или какому-нибудь другому божеству. Только самые знающие среди *дандинов Шанкары* из Северной Индии, особенно те, кто помогает Раджпутане, могли бы — если бы захотели — дать некоторые верные замечания относительно *раджа-йогов*; ибо эти люди, которые приняли философские догматы *веданты* Шанкары, помимо всего прочего, глубоко изучили учения Тантры — названные дьявольскими теми, кто либо не понимал их либо отвергал эти учения из-за определенных предвзятых мнений. Если, говоря о *дандинах*, мы используем вышеуказанную фразу, начинающуюся с «если», то это потому, что нам довелось узнать, с какой тщательностью секреты настоящей йоги — мало того, даже ее существования как таковой — скрываются этим братством. Сравнительно поздно они стали на позицию обычной отговорки, и в ее поддержку привели своих самых крупных авторитетов, которые подтвердили мнение, что состояние йоги недостижимо в настоящее время, или в эпоху Кали, пущенное ими же самими в оборот. ««Из-за перемены в ощущениях, господства греха в Кали и краткости жизни, как можно достичь экзальтации йоги?» — вопрошает *Кашикшанда*.¹ Однако эту отговорку можно опровергнуть двумя словами и их же собственным оружием. Продолжительность нынешней калиюги — 432 000 лет, из которых 4 979 уже вышли. В самом начале калиюги родились Кришна и Арджуна.

---

¹ Длинная поэма, составляющая часть Сканды пураны и содержащая другую версию о голове Дакши. Потеряв ее в битве, боги заменили ее головой барана Мекха Шивы, тогда как в другой версии говорится о голове козла — такая замена значительно изменяет аллегория.

После восьмого воплощения Вишну страна обладала всеми своими *исторически известными* йогами, поскольку, что касается доисторических йогов или утверждающих, что они таковы, мы не считаем, что нам дано право навязывать их общественному мнению. В таком случае, считаем ли мы, что никто из этих многочисленных святых, философов и аскетов, от Кришны до покойного Вишну Брахмачарьи Бавы из Бомбея, никогда не достигал «экзальтации» посредством йоги? Повторение этого утверждения просто-напросто самоубийственно для их же собственных интересов.

Но среди *хатха-йогов* — людей, которые порой путем физической и хорошо организованной системы тренировок достигают высших сил «чудотворцев» — никогда не было человека, достойного считаться истинным йогом. Скажем проще: *раджа-йоги* тренируют только свои ментальные и интеллектуальные силы, оставляя в покое физические, и производят лишь небольшие эксперименты физического характера. Поэтому во всем мире редчайшая вещь: обнаружить настоящего йога, хвастающего собою или охотно демонстрирующего такие силы — *хотя он достигает их так же, как и йог, практикующий хатха-йогу, но посредством иной и гораздо более сильной интеллектуальной системы.* Как правило, они категорически не признают эти силы, по вполне веским причинам. Настоящему йогу не надо принадлежать к какому-либо явному ордену аскетов, и он чаще известен как частная личность, чем член религиозного братства, и он не обязательно индус. Один кабир, будучи одним из них, обрушивался против многих из более поздней секты попрошайек, которые время от времени становились воинами, если даже не обычными бандитами, и этот кабир умелой рукой дал их краткий набросок:

О, брат! я никогда не смотрю на такого *йога*, который, позабыв свое учение, блуждает повсюду, неряшливый и пренебрежительно относящийся ко всему. Он якобы следует вере Махадэвы¹ и называет себя выдающимся учителем: его сцена существует для демонстраций и находится на ярмарке или рынке. Майя — возлюбленная этого мнимого святого. Когда Даттатрайя разрушал жили-

---

¹ Буквально, «великий бог»; титул Шивы.

ще? Когда Сукхадэва собирал вооруженное воинство? Когда Нарада¹ взбирался на фитильный замок? Когда Вайясадэва дудел в трубу? и т. д.

Следовательно, всякий раз, когда автор — доктор Пауль — упоминает о *раджа-йоге*, на самом деле имеется в виду *хатха-йога*.

[«Когда *йог*, посредством практики, становится способен удерживать себя в определенных позах и жить с ограниченным количеством пищи, он обретает склонность к уединению, к состоянию бездвижности посредством приостановки дыхания и произношения мантр». Затем следует небольшое руководство для отработки позиций, повторения мантр; и ямиасана и пранайяма, или вдох и приостановка дыхания.]

Все вышесказанное, как мы уже говорили, это упражнения *хатха-йоги*, способствующие созданию физических феноменов, очень редко включающих в себя вспышки настоящего ясновидения, пока *йог* пребывает в своего рода состоянии искусственного экстаза. Если мы публикуем эти строки, то только из-за огромной ценности этой информации, которая, вероятно, предоставит проблеск правды скептикам, продемонстрировав им, что даже в случае *хатха-йоги* причина создания этого явления такая же, как достигнутые результаты, которые все можно объяснить с научной точки зрения; и что тем самым нет необходимости отвергать этот феномен *a priori* [заранее (*лат.*)], не исследуя его, или приписывать *йогам* что-либо, кроме естественных, хотя и тайных сил, более или менее скрытых в каждом мужчине и женщине.

[Доктор Пауль потом описывает восемь разновидностей *кумбахака*,² которую *йоги* практикуют с целью изучения природы Души. *Кхешари мудра* — это вытягивание языка путем сворачивания его в трубочку, а затем «питье молока», пока его не станет достаточно, чтобы пищевод его отторгнул, и в этот момент одновременное надавливание на надгортанник, причем настолько близко к голосовой щели, что запирает вдохнутый воздух внутри организма; тем самым,

---

¹ Один из семи великих риши, сын Брахмы.

² Задержка дыхания, согласно предписаниям системы *хатха-йоги*.

легкие и кишки будут полностью заполнены. Благодаря этому упражнению йог становится невосприимчив ко всему, что есть *внешнее*. Посредством этих действий он, вероятно, способен побороть смерть. «Он становится чистой душой и может проникать в тайны прошлого, настоящего и будущего. Без этого он никогда не будет *поглощен Богом*».]

Поскольку наука и изучение философии йоги относятся к буддистской, ламаистской и другим предположительно атеистическим религиям, т. е. отвергающим веру в персональное божество, и поскольку религия веданты никоим образом не пользуется подобным выражением, мы должны понимать термин «поглощение Богом» в смысле единения со Вселенской Душой, или *Парама-пурушей* — Первоначальным или Единственным Духом.

[Дается руководство по упражнению мулабандхи — процесс, благодаря которому молодой человек, говорят, становится стариком. Это достигается особой позой.]

Эта поза едва ли обладает желаемым эффектом до тех пор, пока ее философия недостаточно хорошо понята и практикуема молодыми. Внешность старика, когда кожа морщинистая, а ткани расслаблены, может вернуться к прежнему состоянию, но временно, и при помощи Майи. Мулабандха же — это просто процесс погружения себя в сон (таким образом добиваются регулярных часов сна).

[Уджайи кумбхака. Принять позу, называемую сукхасана, освободить ноздри посредством первой кумбхаки, дышать обеими ноздрями, наполнить желудок и горло вдохнутым воздухом, а потом медленно выдыхать его через левую ноздрю. Тот, кто практикует эту кумбхаку, излечивает все болезни, происходящие от недостаточного вдыхания кислорода. При помощи определенных поз, вкуче с особым способом дыхания, йог способен побороть ринит, головную боль, червей в лобовых кавернах и другие недуги.]

А если кто-то чувствует презрение к этому новому средству, используемому йогами, чтобы излечивать «острый насморк» (ринит), «червей» и другие недуги — что по сути дела есть лишь определенный способ ингаляции, — обращаем его внимание на факт, что эти *необразованные* и *суеверные* аскеты, похоже, всего лишь предвосхитили открытия современной

науки. Об одном из самых последних открытий напечатано в прошлом номере «*New York Medical Record*» (за сентябрь 1880) в статье под названием «Новое и любопытное средство избавления от боли». Результаты опытов, произведенные доктором Бонвиллем, известным филадельфийским врачом, в 1872 году, с тех пор успешно применяются в качестве анестезии. Мы цитируем соответствующий абзац из Дубьюкского «*Daily Telegraph*»:

В 1875 году доктор А. Ньюсон почитал доклад с благоприятными отзывами о своем опыте над этим на Международном медицинском конгрессе, и на недавней встрече в Медицинском Обществе графства Филадельфия прочитали отчетов касательно этого вопроса, после чего последовала горячая дискуссия. Для использования этого метода хирург просто требует от пациента *очень быстро дышать, делая примерно сто вдохов в минуту, заканчивая каждый вдох быстрым выдохом*. По окончании этого действия, длящегося от двух до пяти минут, наступает полное или частичное обезболивание, и это продолжается полминуты или больше, и в течение этого времени можно выдернуть зуб или сделать разрез на теле пациента. Пациент может находиться в любой позе, но рекомендуется, чтобы он лежал на боку, поскольку так удобнее положить на лицо больного носовой платок, чтобы он не видел происходящего. Во время ускоренного дыхания сперва пациент может почувствовать некоторое приподнятое настроение, сходное с опьянением, после чего последует ощущение опухания головы или головокружения. Лицо сначала багровеет, а потом бледнеет или даже становится голубым, сердце бьется очень слабо и ритмично, однако он не чувствует прикосновения и не теряет сознания. Этот эффект наступает у лиц женского пола быстрее, чем у мужчин, и проходит легче у людей среднего возраста, чем у стариков; дети с трудом могут дышать должным образом. Лучше с ними этот способ не использовать, поскольку в случае с детьми существует возможность опасности. Благодаря этому методу было успешно произведено несколько небольших операций, не только стоматологических, и это говорит о том, что в стоматологии, хирургии и акушерстве этот метод может заменить общую анестезию. Доктор Ньюсон объясняет это тем, что ускоренное дыхание сокращает насыщение крови кислородом и в результате уменьшается избыток углекислоты, временно отравляющей нервные центры. Доктор Бонвилль дает несколько объяснений этому; одно касается специфического эффекта углекислоты, другое — накопление будущей силы, производимой при быстрой мышечной деятельности, и третье — задержки

поступления крови в мозг из-за избыточного количества воздуха, попадающего в легкие. «*Record*» не удовлетворился этими теориями, но считает хорошо доказанным тот факт, что от боли можно избавиться при помощи этого метода, который одобряется профессионалами, экспериментально подтвердившими его полезность.

Если же точно доказано, что примерно сто вдохов и сто быстрых выдохов в минуту, заканчивающиеся быстрыми порывистыми выдохами, могут успешно уничтожить боль, тогда почему же не разработать разнообразные способы ингаляции кислорода, чтобы произвести другие и даже более удивительные результаты, пока не известные науке, а сидеть и ожидать ее будущих открытий?

[«Как пенджабский факир, задерживая дыхание, мог прожить сорок дней без пищи и питья?» — вопрос, озадачивший великое множество образованных людей в Европе.]

Но успешный эксперимент по голоданию доктора Таннера, длительностью в сорок дней, который завершился недавно, подтверждает пенджабский феномен, в который иначе не поверили бы ученые.

[«...я рассмотрел различные ответвления раджа-йоги, при помощи которой йог анализирует разнообразные телесные, умственные, нравственные, чувственные и религиозные основы, из которых состоит человек... И теперь я предоставляю краткий отчет о хатхайоге». После подробного рассмотрения относительно самадхи и о разнообразных ответвлениях раджа-йоги к заметкам доктора Пауля сделано следующее замечание.]

Эта система, развивавшаяся долгими веками практики, пока она не привела к вышеописанным результатам, практиковалась не в одной только древней Индии. Величайшие философы всех стран стремились обладать этими силами, и, безусловно, за внешне нелепыми позами нынешних йогов лежит скрытая от посторонних глаз глубокая мудрость древних веков, некогда включавших среди иных вещей совершенное знание того, что теперь называется физиологией и психологией. Аммоний Саккас, Порфирий, Прокл и другие практиковали это в Египте; а древние греки и римляне в период расцвета их философии тоже вовсе не брезговали следовать их примеру. Пифагор рассказывал о небесной музыке сфер, которую

слышал в часы экстаза; Зенон считал мудрым человека, поборовшего все страсти, почувствовавшего счастье и возбуждение, но только в самом пике мучений; Платон выступал в защиту человека медитирующего и приравнивал его силы к божественным; и мы видим за христианских аскетов, которые посредством простого созерцания и самоистязания достигают сил левитации или аэробации, которые, хотя и приписывались чудодейственному вмешательству личного Бога, тем не менее реальны и являются результатом физиологических изменений в человеческом теле. «Йог, — говорит Патанджали,¹ — услышит небесные звуки, песни и разговоры небесных хоров. Он будет обладать восприятием их прикосновения в их переходе по воздуху» — что, переведенное на более ясный язык, означает, что аскет способен узреть духовным взглядом Астральный Свет, услышать духовным слухом реальные звуки, неслышимые для других, и жить и чувствовать, так сказать, *Невидимую Вселенную*. «Йог способен войти в мертвое или живое тело дорогой чувств и действовать этим телом как своим собственным». «Дорога чувств», наших физических ощущений, предполагает порождение в астральном теле, вечном двойнике человека, или *дживатму*,² умирающую вместе с телом; чувства здесь подразумеваются в их духовном смысле — сила воли высшего принципа в человеке. Истинный раджа-йог — стоик; и Капила, который имеет дело только с последним — полностью отвергая притязания хатха-йога к общению во время самадхи³ с *беспредельным* Ишварой,⁴ — описывает их состояние следующими словами:

«Для йога во всем разуме все вещи отождествлены с духом. Что такое страстная влюбленность? Что такое горе? Он видит все вещи как одну; он лишен привязанностей; он никогда не радуется

---

¹ Основатель философии йоги. Востоковеды относят время его жизни к 200 г. до Р. Х., оккультисты — ближе к 700, чем к 600 г. до Р. Х.

² Вообще — единая всеобщая жизнь; но также божественный дух в человеке.

³ Состояние экстатического и полного транса.

⁴ «Владыка», или личный бог, — божественный Дух в человеке. Буквально, суверенное (независимое) существование.

хорошему, равно как не обижается на зло... Мудрец видит так много мнимых вещей в том, что названо правдой, так много горести в том, что названо счастьем, что он отворачивается с отвращением... Я, достигший освобождения тела (от тирании чувств), не отношусь ни к какой-нибудь касте, ни к секте, ни к ордену; я не связан никакими обязанностями, не придерживаюсь ни шастр,¹ ни догматов, ни трудов ради заслуги; такой человек находится за пределами досягаемости разговора; он остается вдалеке от всех мирских забот; он отказался от любви и знания всех осязаемых предметов; он никому не льстит, никого не почитает, ему не поклоняются и он не поклоняется никому; либо он практикует и следует обычаям своих собратьев, либо полностью пренебрегает этим».

Может быть, это и считалось бы эгоизмом или мизантропией, если бы не делалось для того, чтобы стать **ИСТИННЫМ АДЕПТОМ**, к чему он так стремится. Но это нельзя понимать *буквально*, и нам придется рассказать об этом побольше в следующем номере, в котором завершится публикация трактата доктора Пауля о философии йоги.

[«Хатха-йог, как и раджа-йог... живет в *гумпха*, или в подземной камере, и избегает человеческого общества». Одна из практик, которым следует при этом хатха-йог, называется *дхути*. Она подразумевает проглатывание льняной повязки, смоченной водой, имеющей три дюйма в ширину и пятнадцать локтей в длину,² это очень трудоемкий процесс. И всего несколько факиров способны совершить это.]

К счастью, этот процесс и вполнину не так труден, как противен. *Неистинный* раджа-йог всегда готов проделать это. Кроме того, как заметит любой врач, этот процесс, если его повторить, становится весьма опасным для экспериментирующего. Существуют и другие «процессы», еще более ужасающие и совершенно бесполезные для психологических целей.

---

¹ Трактат или книга, любой труд божественного или признанного авторитета, включая книги закона. Шастри в Индии по сей день означает человека, сведущего в божественном и человеческом законе.

² Т. е. 7,5 м.

[Хатха-йог также практикует мудры, или неподвижные позы.]

Нет нужды напоминать постоянным читателям этого журнала о наших комментариях о принципиальной разнице между *раджа-* и *хатха-йогами*. Но такое напоминание может быть полезным для рядового читателя, не понимающего, о чем здесь написано, — он может вернуться к стр. 31 этого тома (ноябрь 1880) и просмотреть ее. Большинство же тех, кто и в наши дни принял название *йога*, имеют очень слабое представление о *настоящей* йоге, примерно какое бедняга Шинман имел представление о церемониях и этикете в Гостинной Королевы.

[Достоверный случай человеческой бездвижности — это когда факир из Пенджаба, прибыв в Лахор, велел закопать себя на любое количество времени без пищи и питья. Он был погребен, и за ним постоянно строжайше наблюдали 40 дней и ночей. Потом его откопал махараджа. Тело было теплое, а восстановление жизнедеятельности произошло очень быстро.]

Будучи в Лахоре, мы узнали подобную же историю от свидетеля, одного местного джентльмена, который служил клерком у мэра Клода Вада, когда это происходило. Его занятый рассказ можно найти на стр. 94 этого тома нашего журнала (февраль 1881).¹

[Один факир, хатха-йог, прославился тем, что во время бездвижности у него перестали расти волосы.]

Ссылаясь на остановку роста волос, некоторые адепты этой тайной науки, известные в Индии под названием *йогов*, претендуют на большие знания, чем имеют. Они доказывают свою способность полностью приостанавливать жизненные функции организма на каждую ночь во время часов, предназначенных для сна. Тогда жизнь, так сказать, пребывает в состоянии полного прекращения. изнашивание внутренних и внешних органов таким образом искусственно остановлено, и нет возможности их растрачивания; эти люди накапливают таким способом много жизненной энергии, чтобы использо-

---

¹ «*Теософист*», том II, февраль 1881 г., с. 94-95, статья, озаглавленная «Захоронение заживо садху в Лахоре: новое важное свидетельство». — *Составитель*.

вать ее, когда проснутся, поскольку, когда они погружаются в сон, то во время этого состояния, если оно естественно, потоки энергии и накопление сил по-прежнему автоматически продолжают в теле человека. Установлено, что в таком вынужденном состоянии, как состояние глубокого обморока, мозг работает не больше, чем если бы он умер, и потому кажется, что один век проходит за одну секунду, ибо восприятие времени теряется для человека, подвергшего себя этому процессу. При этих обстоятельствах у него не растут ни волосы, ни ногти, хотя, если человек действительно умирает, они продолжают расти, что доказывает, что атомы и ткани физического тела пребывают в состоянии совершенно ином от того, которое мы называем смертью. Ибо, в соответствии с физиологическим парадоксом, жизнь в мертвом животном организме проходит намного интенсивнее, чем в живом, который, как мы понимаем, чувствует себя не так уж хорошо, что уже было отмечено. Но среднестатистический скептик может отнести к этому состоянию как к абсолютному нонсенсу, хотя те, кому удалось проверить его на себе, считают это неоспоримым фактом.

Некоторые факиры из Непала иногда соглашались продемонстрировать этот эксперимент. Один из них, перед тем как попытаться впасть в спячку, тщательно прошел все церемонии подготовки, описанные доктором Паулем, и принял все необходимые меры предосторожности; второй просто пустился в процесс, известный ему и другим как временное состояние полного паралича, не налагая никаких ограничений во времени — он мог пребывать в таком состоянии несколько месяцев, равно как и часов, и случаи долгого погружения в него известны в некоторых ламаистских монастырях Тибета как... В результате, тогда как волосы, борода и ногти первого росли в течение шести недель, несмотря на то, что это было едва заметно, то клетки последнего остались такими же закрытыми и бездействующими, как если бы он на этот период времени превратился в мраморную статую. Поскольку мы лично не видели ни этих людей, ни эксперимента, то можем утверждать только обычным путем возможность такого феномена, а не подробности этого специфического случая, хотя мы скорее усомнились бы в реальности нашего существования, чем в

правдивости тех, от кого узнали эту историю. Мы лишь надемся, что среди скептиков и материалистов, которые наверняка отнеслись к этому с насмешкой, мы не найдем ни одного человека, который, несмотря на неверие нам, твердо поверит в историю воскрешения наполовину разложившегося Лазаря и в другие похожие чудеса, но будет готов уничтожить теософа за его убеждения, хотя никогда не осмелились бы совершить то же самое с христианином.

[Йог, который практикует *унумани мудра*, говорят, способен призвать душу, пробудить ее и наслаждаться счастьем.]

Такой йог больше похож на настоящего *раджа-йога* и настоящего человека, занимающегося наукой.

[Йог достигает увеличения особого притяжения (гаримы), заглатывая огромные глотки воздуха и сжимая их внутри своего организма.]

Это то, что три года тому назад описано в «Разоблаченной Изиде» как феномен, называемый нами «переменной электрической полярности» (см. Том I, с. xxiii и xxiv; статья об АЭРОБАЦИИ).

[«Йог, в состоянии вызванного им трансa, достигает силы предсказания грядущих событий,¹ понимания неизвестных языков (a), исцеления различных заболеваний (b), понимания мыслей других людей (c), способности слышать звуки на расстоянии или видеть отдаленные предметы, ощущать таинственные ароматы... И понимания языка животных и птиц (d)».]

А. Как глухонемой человек учится понимать точное значение сказанного по простому движению губ и лицу говорящего, не понимая ни одного языка с фонетической точки зрения, так другие сверхчувства надо развивать в душе. В физическом разуме немного шестое и в той же мере феноменальное чувство развилось в результате практики, что поддерживает его при отсутствии остальных двух чувств.

В. Магнетическая и месмерическая аура, или «флюид», могут быть выработаны и сконцентрированы в любом челове-

---

¹ В вечности не существует ни Прошлого, ни Будущего; следовательно — для освобожденной Души (или внутреннего Эго) эти три времени смешиваются в одно, в НАСТОЯЩЕЕ. [Е.П.Б.]

ке почти до сверхъестественной степени, не считая лишь тех, кто от природы совершенно пассивен.

С. Нам известно о такой способности, существующей в некоторых личностях, которые далеко не были адептами или йогами и никогда не слышали о последних. Можно легко усовершенствоваться при помощи силы воли, упорства и упражнений, особенно людям, которые уже родились с природными аналитическими силами, интуитивным восприятием и определенной склонностью к наблюдению и проницательности. Такие люди смогут, если только сохранят совершенную чистоту, развить способность чтения мыслей других до такого уровня, который покажется чуть ли не сверхъестественным. Некоторые очень проницательные, но совершенно необразованные лондонские и парижские детективы развили в себе эту способность почти до совершенства. Ее можно усилить при помощи изучения математики и тренировок. Если подобное бывает с обычными людьми, то почему бы такому не случаться с теми, кто посвящает этому всю свою жизнь, помогая себе изучением и накоплением опыта многих поколений мистиков и под обучением настоящих адептов?

Д. Дуализм души — отнюдь не фантазия, и, возможно, однажды это будет можно объяснить языком науки, когда психофизиологические способности человека станут изучены лучше и когда истина больше не будет приноситься в жертву самомнению, тщеславию и рутине. Наши физические ощущения не имеют никакого отношения к духовным или психологическим способностям. Последние вступят в действие, когда первых остановит Китайская стена, окружающая Империю Души и называемую —

МАТЕРИЕЙ.

[Пракамьей называется сила сбрасывания старой кожи и поддержания молодой внешности на неопределенный период времени. По словам некоторых писателей, это определяется состоянием входа в организм другого (е)».]

Е. Вероятно, тибетские *хобилганы* и *шабероны*, если бы захотели, могли бы нам что-нибудь рассказать. Великая тайна, окутывающая секрет реинкарнации их великих далай-лам, их высших хобилганов и других, кто так же, как и первые, как

предполагается, через несколько дней после того как их Просвещенные Души покидают свои одеяния смертных, реинкарнируются в тело молодого, но прежде того слабенького ребенка, тоже остается пока сокрытой. Эти дети, постоянно пребывающие на пороге смерти, когда их телам предназначено стать обиталищами Душ усопших Будд, обретают силы тотчас же после церемонии и, если не считать несчастных случаев, живут долгие годы, выказывая характерные черты и те же самые особенности характера, нравы и пристрастия, которые были у усопшего. Но довольно об этом.

[Относительно силы, называемой вашитва, имеются наблюдения...]

Вашитва также приводит к власти над прирученными живыми созданиями и деланию их послушными вашим желаниям и приказам.

[«Про Пифагора, некогда посетившего Индию, говорили, что он при помощи силы воли и слова приручил свирепого медведя, сумел воспрепятствовать быку пожирать зерна и остановил орла в полете (f)...».]

F. Существуют месмерические искусства, и только ученые, занимающиеся (не)точными науками, утверждают, что в наши дни месмеризм не признается. Об этом подробно описано в «Изиде», а о силе Пифагора рассказывается в томе I-ом, на с. 283 и далее.

[Ишватва, или божественная сила. «Когда страсти обуздываются нашими желаниями, разум становится спокойным, а душа пробуждается. Йог становится полным Брахмой (Высшей Душой) (g)... Йог, который достигает этой силы, может восстановиться из смерти к жизни (h)».]

G. В данном случае это означает, что душа, освобожденная от телесных уз при помощи определенных упражнений, дисциплины и чистоты помыслов в течение всей жизни последней, достигала сил, идентичных ее первоначальной сущности, то есть, вселенской души. Она побеждала своего материального стража; земные грубые аппетиты и страсти последней и ее деспотические хозяева превращались в ее рабов, потому душа становилась свободной и впредь, чтобы упраж-

няться в своих трансцендентальных силах, неподвластных никаким оковам.

Н. Жизнь однажды угасшую нельзя вернуть обратно, но *другую* жизнь и другую душу иногда можно воскресить в покинутом обиталище, если поверить ученым мужам, никогда не заявлявшим заведомой неправды.

Всякий раз, когда слово «душа» появляется по ходу наших комментариев, читатель должен иметь в виду, что мы не пользуемся им в смысле принципа бессмертия человека, а используем группу персональных качеств, которыми обладают скопления материальных частиц и понятие о возрождении которых за пределами физического или материального, и обретает личину на больший или меньший период, соразмерно грубости или чистоте личности.

У различных корреспондентов спросили, можно ли достигнуть *сиддх* йоги¹ примитивно-грубой хатха-йогой, и многие знатоки высказались «*The Journal of Science*» (Лондон), что нельзя, при этом применяя всякие острые выражения, которые недавно цитировались на этих страницах. Однако факт, что существует другой, не вызывающий возражений и разумный процесс, подробный отчет о котором нельзя представить в ответ праздному человеку, который не должен даже интересоваться настоящим комментарием. К этой теме можно будет возвратиться в более благоприятное время.

---

¹ Буквально, «качества совершенства»; феноменальные силы, приобретаемые йогами благодаря святости.

ПРИМЕЧАНИЯ К «АВТОБИОГРАФИИ ДАЙАНАНДЫ САРАСВАТИ СВАМИ»

Никогда свами или санньяси не прикасались к деньгам и лично не занимались какими-либо финансовыми делами.

Рудрадхья (*Rudrâdhyâya*) — это глава о Рудре¹ (имя Шивы).

Офис «джамадара» соответствует налоговой инспекции, объединенной с Магистратом.

*Партхива пуджа*² — церемония, связанная с поклонением глиняному фаллосу — символу Шивы.

[«...великий день тьмы и поста — назван Шиваратри...»] Вишнаиты, или поклонники Вишну — величайшие враги шиваитов, или поклонников Шивы — объявили этот день праздником, как бы в насмешку над своими религиозными оппонентами.

[«... этот день следует за 13 вадья маджа...»] Одиннадцатый месяц индийского года.

[Кайласа.³] Горный пик в Гималаях — где, по поверью, расположены небеса Шивы.

[*Нигханта.*] Врачебная работа. В *Ведах* есть трактат, озаглавленный «Нигханта».

[Нирукта.¹] — Еще один ведический трактат.

---

¹ Рудра — титул Шивы Разрушителя.

² Пуджа — приношение; поклонение и божественные почести, оказываемые идолу или чему-нибудь священному.

³ Кайлас — в метафизике «небеса», обитель богов; географически — горная цепь в Гималаях, севернее озера Манасавара, называемого также озером Манаса.

[Пурва миманса.] — *Первая миманса.*²

[Науч.] Профессиональные женские пение и танцы.

[Четыре *граткас.*] — Примерно полчаса.

[Мукти.³] — Окончательное блаженство освобожденной души; растворение в Брахме.

Астрономия включает в себя индийскую астрологию, а в Бенаресе изучаются самые тонкие из метафизических и так называемых оккультных наук.

Мелла — религиозное собрание, порой насчитывающее сотни тысяч паломников.

[Тумба (*tumbâ*).] — Сосуд для воды, изготовленный из высушенной тыквы.

[Санньяси⁴] *Sannyâs*. Существуют различные типы отшельничества, предписанные шастрами. (1) *Брахмачарья* — тот, кто идет к простой жизни безбрачия, поддерживая себя подаянием, в то же время продолжая свое послушание; (2) *Грихастха* — тот, кто женат, но ведет святой образ жизни; (3) *Ванапрастха* — тот, кто живет жизнью отшельника; (4) *Санньяси или чатурхасра*. Это наивысший из четырех, в которого не может воплотиться ни один из трех вышеуказанных, а необходимое условие для этого — полное отречение от *всего* мира. Далее перечислены четыре различные последовательные стадии этой жизни: (1) *Кутичака* — жизнь в лачуге или каком-нибудь уединенном месте и ношение одежды красно-охряного цвета, а также обладание бамбуковой палкой с тремя узлами и ношение волос, связанных на макушке священной нитью, а также посвящение себя созерцанию *парабрахмы*;⁵ (2) *Бахудака* — обитание совершенно вдали от сво-

---

¹ Анга, или член, раздел Вед; словарный комментарий.

² Миманса — школа философии; одна из шести в Индии. Существуют две мимансы, старая и новая. Первую, *пурва мимансу*, создал Джамини, а более позднюю, или *уттару мимансу* — один из Вьяс, и теперь ее называют школой веданты.

³ Освобождение от чувственной жизни.

⁴ Индусский аскет, достигший высшего мистического знания.

⁵ Буквально, «за пределами Брахмы». Верховный Беспредельный Брахма, «Абсолют», — реальность, лишённая атрибутов, не имеющая себе подобных. Безличный и безымянный всемирный Принцип.

ей семьи и мира, поддерживая себя пожертвованиями, собираемыми в *семи* домах, и ношение такого же рода рыжеватой одежды; (3) *Ханса*¹ — тот же, как и в предыдущем случае, за исключением того, что обладает палкой из бамбука с одним узлом; (4) *Парамаханса* — подобно предыдущим; но этот аскет носит священную нить, и его волосы и борода очень длинные. Это самый высший из всех орденов. Парамаханса, всегда проявляющий себя достойным — находится на самом пороге того, чтобы стать *дикшитой* — посвященным.

[Данд.] Бамбуковая палка с тремя или семью узлами считается и знаком власти — после посвящения.

[«...человек, весьма сведущий в йоге...»] Практически, религиозный «волшебник». Тот, кто способен объять прошлое и настоящее в единое *реальное*; человек, который достиг самого совершенного состояния ясновидения и обладает подробными знаниями о том, что ныне известно, как месмеризм, и оккультных явлениях природы, изучение которых помогает ученикам достичь этого величайшего феномена; этот феномен не следует путать с *чудесами*, которые суть абсурд.

Можно стать йогом, и все-таки не быть *дикшита*, т. е. не получить окончательного посвящения в мистерии *йога-видьи*.

[«Духовные напитки, рыба, и все прочие типы пищи, и *мудра* (неподобающие образы)... в довольном количестве...»] Слово *мудра* понимается и истолковывается по-разному. Оно может означать как печатку, так и изображение религиозного персонажа; как правило, это кольцо с выгравированными инициалами. Но это также понимается и в другом смысле — древнем и эзотерическом.

Бхучарьи, чачурьи, кхечарьи, черачарьи и агочарьи — это пять мудр, практикуемых ариями, чтобы наделить себя качествами йога. Они выполняются на стадии посвящения в сложную систему РАДЖА-ЙОГИ и подготовительных мероприятий *дхотипоти*, ранних упражнений ХАТХА-ЙОГИ. *Мудра* — это совершенно другой и независимый тренировочный курс йоги, завершение которого помогает кандидатам достичь *анима, ладжима и гарима*. (О значении этих

---

¹ «Лебедь или гусь», согласно востоковедам: мистическая птица в оккультизме, аналогичная Пеликану розенкрейцеров.

*сиддх*¹ см. статью о *йога-видье* в ноябрьском номере «*Теософиста*».) Смысл этого священного слова некогда исказился, невежественные брамины опозорили его, применив его к изображению эмблем своих божеств, намалевав знаки этих сексуальных символик на своих телах вместе с *гопи*, сделанными из белой глины рек, считающихся священными.² Вайшнавцы обесценили эти обозначения в еще большей степени, чем *шайвы*; но *шакти*, посчитав это неприличными жестами и непристойными выставлениями напоказ грязного ритуала, полностью отринули его арийское значение.

Нижеследующее означает пять носовых звуков на санскрите:

(1) *n*; (2) *ñ*; (3) *ṅ*; (4) *m*; (5) *m̃*

[«Я... достиг Гупта Каси (*Gupta Kâsî*) (*тайна* Бенареса)...»] Гупта Каси: *гупта* — тайна, нечто скрываемое; *Каси* — древнее название Бенареса — это священное место, скрытое от посторонних глаз тайной. Оно находится примерно в пяти милях от Бадринаха. Снаружи виден только храм с колоннами; однако непоколебимая вера ведет паломников далее, и поэтому это святилище служит им только вехой, указывающей на местонахождение священного скрытого ото всех Бенареса — целого города, расположенного под землей. Это священное место, как они считают, в должное время откроется всему миру. Лишь *махатмы* могут достичь его, а некоторые из них и обитают там. Наш ученый друг Свами, родом из Бадринаха и высоко почитаемый в Бомбее, недавно рассказал нам пророчество, что через двадцать пять лет Бенарес начнет приходить в упадок во всех отношениях, поскольку он долго находился в святости, и наконец полностью разрушится из-за порочности людей. Затем тайна Гупта Каси будет раскрыта и истина завоюет умы людей. Свами Р... торжественно заверяет, что он, часто посещая этот храм, несколько раз наблюдал своими соб-

---

¹ Буквально, «качества совершенства»; феноменальные силы, приобретаемые йогами благодаря святости.

² Последователь любой секты, признающей и поклоняющейся Вишну как единому высшему Богу. Поклонников Шивы называют шайвами.

ственными глазами, как нечто похожее на темные очертания появлялись у самого его входа, видя это словно человек с плохим зрением — это появлялись призраки.

[Трайюга.] Три йоги или три эпохи.

[«...о тех трех аскетах я слышал, но никогда с ними не встречался — *махатмы...*»] Махатмы, или буквально великие души, от слов *маха* — великий и *атма* — душа, суть мистические адепты, которых в народе считают «чудотворцами» и о которых в Индии известно каждому ребенку, но которые встречаются крайне редко, особенно в этом упадочном веке. За исключением некоторых Свами и аскетов, ведущих совершенно праведную жизнь, очень мало тех, кто точно знает об их *существовании*, но суеверные фантазии созданы отнюдь не мифами. По-видимому, только Свами Дайнанде, этому великому и святому человеку, будет предоставлено вывести из заблуждения скептические умы его деградирующих соплеменников; особенно это разукрашенное молодое поколение, *Jeunesse Dorée* [золотая молодежь (*фр.*)] Индии, имеющую высшее образование аристократию — которая, питаясь западным материализмом и вдохновляясь бездушным отрицанием этого века, несмотря на традиции и религию их предков, всё, что считалось священным благодаря последним, полагает «невежественными предрассудками». Увы! Они едва ли сами заметили, как от идолопоклонства с головой окунулись в *фетишизм*. Они всего лишь изменили своих идолов на более ничтожных, и остаются теми же самими.

[«...Я поднялся на Пик Тунганат».] В Бадринасе (Северная Индия) на правом берегу Бишанганги, где находится прославленный храм Вишну с ее горячими минеральными источниками и ежегодно собирается огромное число паломников, среди обитателей храма существует очень странная традиция. Они верят, что святые махатмы (затворники) по несколько тысяч лет проживали на неприступных горных пиках, в пещерах дивной красоты. Их обитель доступна только через пещеру, вход в которую всегда засыпан снегом, что закрывает доступ любопытным и скептикам. Пики Бадринаса и их окружение находятся на высоте 22 000 футов.

Когда писалось вышеприведенное, один из наших самых уважаемых и образованных собратьев сообщил нам, что его

гуру (наставник) рассказал ему, что когда он останавливался в храме Нарайан в Гималаях, где провел несколько месяцев, то видел там медное блюдо с выбитой на ней датой и надписью, говорящей, что оно было изготовлено Шанкарачарьей и что этот храм — самая последняя граница, куда он смог пойти, поднявшись на Гималаи. Еще гуру сказал, что дальше вершин, за пределами неприступных стен из снега и льда он несколько раз видел человека весьма почтенной наружности, как он себе представлял арийских риши, с такими длинными волосами, что они доходили ему до пояса. Есть смысл полагать, что все, что он видел — верно, и можно не без оснований считать, что это место населено адептами, и *никто, не являющийся адептом, никогда не сможет пройти туда.*

[Е.П.Б. О СЕЗОНЕ ДОЖДЕЙ]

[Нижеследующее перепечатано *дословно и буквально* из вырезок одной из записных книжек генерала Абнера Даблдея, которые хранятся в архивах бывшего Теософского общества Пойнт Лома. Из заголовка «Корреспонденция Banner» становится очевидным, что первоначально это было опубликовано в «*Banner of Light*». Вырезка не датирована, но в других вырезках, вклеенных в ту же записную книжку, дата не вызывает сомнения — 1879 год.]

Banner Correspondence
Индия.

БОМБЕЙ. [Из частного письма, отправленного нами мадам Е.П. Блаватской, мы позволили себе извлечь нижеследующее живописное описание климатических условий этой солнечной страны, предварив наши действия сообщением, что у нас есть подшитое в дело очень длинное письмо от этой талантливой леди, которое мы предполагаем опубликовать при первой ближайшей возможности.] Вам известно, что такое *сезон дождей*? И если вы осведомлены о его природе, готовы ли вы утверждать, что так хорошо знакомы со всеми его особенностями, развитием и влиянии, оказываемом им на человечество в общем и флегматичных людей с медленной кровью в частности? Мое личное мнение как археолога таково, что это один из таких муссонов, который Отец Ноя — кто, по-моему, принадлежал к низшей касте индусов — принял в угаре интоксикации за всемирный потоп и тем самым ввел в обман доверчивое христианско-иудаистское человечество и на многие годы внес сумятицу в геологию. Что ж, этот сезон дождей на-

чался примерно 15-го июня и закончился приблизительно 15-го октября. До этого прошло долгих восемь месяцев, когда на покрытые волдырями носы миллионов исходящих потом «средних» индусов не упало и капли воды, чтобы облегчить их изнывающие от жары души. Будучи по природе «невежественными язычниками», они тем не менее стали готовиться к христианскому аду. Пока ничего особенного не случилось. Но когда это началось, то это было предупреждением, говорю я вам! Назвать это дождем — все равно что назвать Ниагарский водопад душем. Улицы, задворки, сады и бараки, и даже комнаты в домах были затоплены. Бомбей изменился за несколько дней, может быть, недель, превратившись в некое подобие прекрасной Венеции. Индусов это не волновало, поскольку во время засухи они прогуливаются голые по пояс, а во время сезона дождей ходят обнаженные более откровенным образом. Это для них всего лишь сезон дождей, но несчастных приезжих из других, более сухих областей, как, например, представителей нашей «Теософской миссии», как нас здесь называли, наводит на более серьезные размышления. Всё в домах, от крыши до пола; от мебели до носимой одежды, шляп, ботинок, платяных щеток, и т. д. и т. д., становится мокрым, как пропитанная водою тряпка, липнет и в конце концов рвется на куски, если недосмотреть. Каждый второй или третий день мне приходилось высушивать над жаровней каждую из моих нескольких сотен книг; а наша группа, я бы сказала, почти всё время сидела под зонтиком в гостиной, проводя таким образом половину времени! Но это еще не всё! Поля, джунгли и расщелины в скалах были затоплены; очковые змеи, скорпионы, многоножки, ящерицы, а в некоторых местах и тигры начали удирать от голода и находили себе убежища в домах, большинство из которых, как и наше бунгало, не имело рам у окон, а просто несколько деревянных планок. Это — настоящий Дарвиновский сезон, в котором самый главный закон гласит, что «выживает наиболее приспособленный». Каждую ночь мне приходилось обходить мое уединенное бунгало, которое «угнездилося» под куполом кокосовых деревьев, окруженное бананами и крупными кустами, и я чувствовала чрезвычайное счастье всякий раз, когда мне удавалось совершить некоторое количество жестоких убийств. Я становилась кро-

вожадным Нимродом и убивала тараканов, больших и маленьких мышей, пауков, которых можно было принять за средних размеров крабов, и по ночам расправлялась примерно с тысячей разнообразных насекомых поменьше. Увы! Я никогда не надеялась на уютное место в календаре ни джайнистских, ни буддистских святых. Но, как я вам уже говорила, выживает наиболее приспособленный; и если мы собирались выжить, то нам приходилось уничтожать наших *братьев* из царства животных. Мы все внесли свою долю в этот мир скорби.

РАЗНООБРАЗНЫЕ ЗАМЕТКИ

[Копия *Правил и Устава Теософского общества* вклеена в «Альбом» Е.П.Б., том I, с. 77-79. На самом верху первой колонки над заглавием Е.П.Б. написала синим карандашом:]

Дитя
Родилось!
Осанна!

[Из «Альбома» Е.П.Б., том X, часть II, с. 511.]

[«*The Times of India*» в статье, опубликованной 13 декабря 1880 года, цитирует д-ра Прайма, издателя «*New York Observer*», заявляющего, что он не верит, что во всех США Теософское общество насчитывает пятьдесят членов и что «ни одна знатная особа, министр или мирянин, не известна как член Общества». На это Е.П.Б. добавляет нижеследующее замечание:]

Чистейшая выдумка! Теософское общество с самого начала включало в себя более дюжины священников и министров и вовсе не кичится этим как каким-то достоинством.

[Профессор Хирам Корсон из Итаки, Нью-Йорк, в статье, датированной 26 декабря 1875 года и опубликованной в «*Banner of Light*» под названием «Теософское общество и обращение его избранного Президента», кратко критикует полковника Олькотта, его обращение к обществу как Президента от 17 ноября 1875 года, особенно места, касающиеся оккультизма. Эта статья вырезана и

вклеена в «Альбом», том III, с. 98-99, после чего Е.П.Б. прибавила следующие замечания:]

О, бедный Йорик — мы отлично знаем его!!!! Мы даже часто видим его, идущего в кровать в шелковой шляпе и грязных башмаках. Хирам Йорик наверное был пьян, когда писал эту статью.

См. ответ полковника Г.С. Олькотта на с. 112.

[В «Альбоме» Е.П.Б., том VIII, с. 278, вклеено «Важное замечание», датированное июнем 1879 года и подписанное Свами Дайанандой Сарасвати. В последней его части оно предоставляет информацию, касающуюся Харричанды Чинтамана (Харичандры Чинтамона), который, получив крупную сумму денег, исчез. Е.П.Б. добавляет к этому следующее замечание:]

Публично передать пересланные из Т.о. деньги, 600 рупий, высланные нами из Америки и Англии, для Арья Самадж. Потом тайно уехать в Англию, забрав у Дай Нанды Сарасвати 4000 рупий.

[«*Теософист*», том I, № 2, ноябрь 1879 г., с. 33.]

«С.Р.» сообщил, что его критика нечестного обращения Управления гражданской службы Индийского Правительства с местным населением, хотя и очень умелая и убедительная — неприемлема для этих колонок. Наш философский и научный журнал строго религиозный, и для нас было бы предосудительно как самим обсуждать политические вопросы, так и позволять это делать другим. По той же причине мы не склонны опубликовать поэму, посвященную Ее Величеству Королеве, присланную из штата Барода.

[«*Теософист*», том I, № 3, декабрь 1879, с. 57-58, 70.]

Наш глубоко уважаемый брат Свами Дайананда Сарасвати в этом номере продолжает свой автобиографический рассказ, который вся индийская пресса объявила наиболее инте-

ресной частью нашего журнала. Мы надеемся, что пример его самопожертвования в поисках божественного знания — истинной мудрости, что учит человека природе своего внутреннего Эго, его источника и судьбы — не будет отвергнут молодым поколением его страны. И, действительно, это счастье, что мы сможем увидеть замечательных молодых людей, которые, стекаясь в его Арья Самадж, следуют его примеру поведения, равно как почитают его личность. Западный читатель не станет недоумевать и поймет интерес, который сопутствует этому движению в его проповедническом паломничестве по всей Индии. И не станет возражать, как, возможно, возражают наши ученые мужи, против его истолкований ведических текстов, поскольку ни один рьяный ортодокс не может не уважать его, объединяющего в себе глубокие знания санскритской литературы с абсолютной чистотой помысла и жизни, и это пылкое чувство долга никогда не погасят реформаторы. Для теософов любой национальности отчет об его приключениях среди адептов тайных (и священных) наук будет обладать особенным очарованием.

Доктор Пандуранг Гопал, G.G.M.C., известный хирург-окулист и ботаник из Бомбея, представил в данный номер нашего журнала первую из предполагаемых серий статей об индийской фармакологии. Как мало, а в действительности, мы бы сказали, вовсе чуть-чуть известно западной науке об этом весьма важном предмете; во всяком случае — намного меньше, чем о том же самом их родного народа. Все их исследования практически начинаются с периода древнегреческих учений; если мы, конечно, исключим совсем недавние данные, которыми снабдили их «копания» египтологи и ассириологи. Хотя здравый смысл подсказывает, что заболевших людей лечили еще во времена Асклепиада или Галена, отсутствие переводов с санскрита вынудило современных писателей о медицине сказать вместе Эпплтоном, с ученым автором статьи «Медицина» в *«Новой американской энциклопедии»*: «О том, что лежит за пределами медицины египтян и индусов и т.п., — имеются лишь предположения». Цель нашего добровольного помощника и собрата-теософа д-ра

Пандуранги — уяснить необходимость ни на чем не основанных догадок, и продемонстрировать современной науке то, что ариям известно о физическом вреде, который может быть нанесен человечеству.

ХОРОШО УСТРОИВШЕЕСЯ БЛАГОЧЕСТИЕ. — Среди *гвалта и кавардака*, к сожалению, растущих с каждым днем, представляется на какой-то момент как средневековое благочестие следующее письмо из собрания писем барона Жирардота, которое недавно было выставлено на продажу на аукционе. Мать кардинала Ришелье пишет к молодой замужней даме:

«Долгие годы я рьяно молилась Господу, чтобы он ниспослал моему сыну такую возлюбленную, как вы; ибо вы обладаете всеми желаемыми качествами. И вот Бог был рад принять мою смиренную молитву, и с тех пор вы избраны моим дорогим сыном стать вашим покорным слугою.»

Очаровательная картина во благо матери, сына, священника, церкви и Бога!

Итак, новейший реформатор Свами Дайананда Сарасвати — отвергает божественное откровение, как нечто невозможное, но требует *вдохновение* для своих первых четырех адептов.

[«*Теософист*», том I, № 4, январь 1880, с. 83, 84, 92.]

[Из «Альбома» Е.П.Б., том X, часть I, с. 140.]

[В связи со статьей в «*The Pioneer*» от 30 декабря 1879 г., касающейся действий мистера Уолла, бенаресского цензора, по запрету речи Свами Дайананды Сарасвати о ведической философии, Е.П.Б. цитирует следующий фрагмент из личного письма бабу Шишира Гесе, издателя «*Amrita Bazar Paprica*», к полковнику Олькотту:]

«Чудо заключается не в том, что вы обратили издателя «*The Pioneer*» к теософии... Однако это действительно было

бы чудо, если бы вы заставили сам «*The Pioneer*» высказываться. Очень своевременно пришло известие о миссионерских проблемах, случающихся повсеместно. Автор — одна из самых уважаемых леди в Индии, член филиала Теософского общества, жена подполковника Уильяма Гордона, из штаба войск округа, супериндентанта полиции, Манбхум, Бенгалия. Ее недавнее письмо в «*The Pioneer*» на тему спиритуализма вызвало очень горячую дискуссию; здесь же она выразила мнение всех англо-индийцев касательно миссионерской деятельности в Индии, и весьма вероятно, что очень нужное обсуждение неприятного и долго устоявшегося положения дел привлечет внимание публики, несмотря на то, что мнимая деликатность защищает этот вопрос от того, чтобы рассматривать его с той серьезностью, которой он заслуживает. Печально наблюдать, какое множество жертвований сделано добрыми людьми на Западе только для того, чтобы поддержать группу неумелых в своих бесплодных начинаниях людей, поскольку совершенно бесполезное занятие — пытаться убедить народ Индии и других азиатских стран отказаться веры предков ради той, которую миссионеры ни в малейшей степени не способны защитить, когда им задают вопросы даже терпимо настроенные «язычники». Деньги — вот единственное, что нужно в доме, чтобы утолить голод, прикрыть наготу и спастись от порочности, идущей от состояния беззакония и деградации. Здесь с этим дело обстоит плохо — за исключением самих миссионером.

Интересное археологическое открытие только что было сделано возле Полтавы (Россия). Один киевлянин сообщает, что весьма известный специалист по древности господин Кибальчич только что откопал *огромное поселение первобытного человека на берегу реки Трубеш*, неподалеку от села Селишточ, в районе Переславля. Пока обнаружено два каменных орудия, используемых для ломки костей; 372 образца каменных стрел и ножей; два глиняных, грубо выделанных «котелка»; 26 окаменелых костей людей и животных; 8 кусков обуглившегося дерева; 17 кусков разбитых гончарных изделий,

украшенных вертикальными полосами и дырками; 5 бронзовых наконечников (или кончиков) для стрел; два стакана (?) и железное звено от кольчуги [*sic*]. «Насколько нам известно, — пишет Санкт-Петербургская газета, — это единственное место в южной России, которое предоставило столь богатые научные результаты касательно человека каменного века, проживающего так давно».

Несомненно, Париж — одно из самых лучших мест в мире для изучения протеевой болезни — истерии; два года назад «Чарите» познакомил нас с голодной девушкой, которая могла продержаться без пищи столько же, сколько любая из средневековых святых, и обходилась без воды столько, что это стало роковым для ее сестры из Уэллса. Сейчас мсье Дюхардин-Бюаметц открыл «литографическую женщину», у которой легчайшее прикосновение вызывает ощущение, как ожог крапивы. Когда же он называл ей свое имя, на ее коже немедленно появлялись рельефные красные буквы, и все это сопровождалось поднятием температуры в этих местах от 1 до 2 градусов. Или, наоборот, полная анестезия всего тела. Те, кто изучал оккультные науки, знает, что последний симптом обычно отмечается при одержимости бесами. Так, мать-настоятельница зачарованного женского монастыря в Лоудане могла производить пассы и вызывать имена демонов, которые вселялись в ее тело. Несколько лет назад спиритуалисты из Торонто часто беседовали со своими усопшими друзьями посредством тех же способов, используя руки одной одержимой из этого города; и похожий феномен наблюдался с «медиумами». Тем самым, было бы неплохо тщательно описать и проанализировать проявления сверхъестественного, прежде чем давать научное объяснение этих феноменов, хотя, конечно, гораздо проще описывать «литографическую женщину» как имеющую слабые симптомы Св. Катерины, чем брать на себя риск считаться атеистом, объясняя появления стигматов крапивницей.

[Говоря, в частности, о священных местах в Индии и о святых людях, которые, как говорилось выше, там живут, автор утверждает,

что «никому, кроме дхианов, не удавалось побывать в их компании». Касательно этого Е.П.Б. отмечает:]

Того, кому удастся достичь «дхианы», называют «дхианой». Словом «дхиана» здесь не обозначается какое-либо знание, кроме знания таинственных законов природы, и в результате знание того, чего добиваются посредством тренировки йоги. Следовательно, определенный уровень знаний философии йоги менее доступен англичанам и более характерен для *местных жителей*.

[Ниже от руки Е.П.Б. написала карандашом и чернилами:]

Эффект теософии и наш ответ. «Чудо» свершилось.

[Из «Альбома» Е.П.Б., том X, часть I, с. 207.]

[В связи со статьей из «*The Medium and Daybreak*», Лондон, 2 января 1880, озаглавленной «Философия духа» и написанной Уильямом Оксли, в которой имеется изображение «Бусириса Древнего, автора Махабхарат», Е.П.Б. синими и красными чернилами ставит несколько знаков восклицания и знаков вопроса, а потом синим карандашом пишет следующее:]

О, тени великих риши, простите этих доверчивых *идиотов* — спиритуалистов!

[«*Теософист*», том I, № 5, февраль 1880, с. 107-108.]

Один уважаемый англо-индийский журнал в рецензии на наш январский номер намекнул, что самое праздничное лакомство, распространяемое для наших читателей, будет неполным до тех пор, пока не сделаны надежные вклады от парсов и мусульман. Настоящий номер по крайней мере должен удовлетворить нашего критика, поскольку в нем можно будет обнаружить заслуживающие доверия статьи талантливых представителей этих двух верований. Разве когда-нибудь прежде был какой-либо журнал, показывающий более совершенный и братский «Евангелический альянс», чем этот?

Работа, которую нам довелось проделать в Индии, возможно, будет затуманена глупыми неправильными представлениями, которые мы от всего сердца приветствуем как некие дополнительные свидетельства, доказывающие, что публичные авторитеты сейчас существенно они ближе к пониманию истинного характера нашего предприятия. На страницах нашего журнала уже было объявлено, что политический департамент правительства Индии совсем недавно выпустил приказ поставить нашу группу под наблюдение, а некоторое время тому назад этот приказ был отменен и объявлено о том, что теософов больше не беспокоить. Это было фактически *публичным признанием* и закрывало все вопросы относительно конфиденциального ответвления этой службы, но для такого никогда не найдется места в «*Gazette*». Приятно ощущать, что беспочвенные и, с точки зрения наших предшественников, абсурдные предположения, равно как попытки достижения некоторых политических целей оказались способными дать новый толчок изучению восточной философии, уже исчезающей во тьме веков. Наши друзья еще больше обрадуются услышать, что без малейших пожертвований или унижения чувства собственного достоинства с нашей стороны последняя тень непонимания со стороны правительства исчезла. Тем, кто нас хорошо знает, не надо рассказывать, что здесь не было никакой взаимосвязи, и Теософское общество ни в малейшей мере не строит свои надежды и чаяния на успех на благосклонности правительства. Наше дело — это истина и философия, а не политика и администрация. Однако условия жизни в Индии таковы, что крохи благосклонности правительства, содержащие одобрение, являются следствием проявленной ранее активной немилости, но все же их можно отметить как наше достижение. Радостно осознавать, что теперь мы приняты — поскольку, разумеется, имели право быть принятыми — и имеем мощную поддержку от правителей этой страны того духовного интереса, которому мы посвятили наши жизни. И теперь, когда эта поддержка нам буквально дарована, мы, не рискуя быть неправильно понятыми, добавляем, что к любой организации, подобной нашей, британскому правительству следовало бы относиться более любезно, даже имея для подозрений бóльшие причины, чем в отношении нас. Как неза-

висимое звено между двумя народами, которое правительство желает видеть объединенными более близко, так и общество, которое непреклонно нетерпимо к бунтарским усилиям любого рода среди его членов — мы уже сослужили лучшую службу делу общественного порядка в этой стране, чем ее правители, наконец осознавшие, чем именно мы занимаемся. Но таковы уже свершившиеся факты, и нынешнее признание что мы принимаем с полным удовлетворением и убеждением, что заслужили его. Мы получили любезное предусмотрительное приветствие, сообщенное в следующем письме от личного помощника вице-короля, в письме с уведомлением о получении трех первых номеров «Теософиста», отправленных руководителем этого журнала Его Высокопревосходительству для прочтения:

КАЛЬКУТТА, 1 января 1880 г.

ДОРОГАЯ МАДАМ,

Я представил на рассмотрение Его Высокопревосходительству Вице-королю письмо, которое вы адресовали мне, а также номера «Теософиста», которые вы были столь любезны мне послать. Его Высокопревосходительство просил меня передать, что он рад обнаружить представителей Западного общества, с таким рвением посвятивших себя изучению индийской философии.

Искренне Ваш,

(без указания даты), Дж.Х.М. БАТТЕН

М-м Блаватской.

Мы хотим выразить глубокую благодарность лондонскому «Спиритуалисту» за предложение, что теософию можно считать «дополнительным ответвлением спиритуализма»; тем самым она становится не основным антитезисом материализму, а является в наши дни западным феноменалистическим движением. Это чрезвычайно либерально; примерно именно так было бы для из Манчестера признать, что Британская Империя — это дополнительное ответвление графства Ланкашир. Когда можно будет доказать, что часть чего-либо может со-

держат целое, что хвост может вилять собакой или что океан можно вместить в галлон, тогда настанет время, чтобы всерьез обсудить это предложение, выдвинутое уважаемым столичным печатным органом спиритуалистов. Особенно при условии, что никоим образом не ясно, персональное ли это мнение или всех спиритуалистов.

[«*Теософист*», том I, № 6, март 1880, с. 144.]

Несколько весьма смехотворных ошибок, сделанных наборщиком, за последнее время произвели на нас впечатление. «*Deccan Star*», обращая внимание на книгу, написанную руководителем этого журнала, назвала ее «Разоблаченные *Льды*» [Ises вместо Isis]. В напечатанном в прошлом месяце письме к нам от вице-короля именно ошибка наборщика вынудила мистера Баттена сказать, что он подчинился троем из наших *членов*, взамен большинства, Его Высочеству, и вместо того чтобы позволить одному из наших братьев-помощников написать о развитии внутреннего или духовного *Эго*, вынудила несчастного выглядеть обеспокоенным тем, чтобы развивать духовные *яйца* (*eggs*). И наконец, весьма трезвомыслящий калькуттский «*Oriental Miscellany*» за февраль начал разносить всякий вздор о некоем духовном философе, который самолично объединился со *Scul* Вселенной! Если что-нибудь в большей степени может оправдать кары в отношении наборщика, чем то, что было предъявлено, крайне хотелось бы об этом узнать.

Еще одна ошибка, в общем-то не такая нелепая, но весьма раздражающая, это изменение официального титула преп. Джорджа Х.М. Баттена с «личного помощника» в «личного *адъютанта*» Его Высочества Вице-короля. Мы полагаем, что эту глупейшую оплошность можно извинить.

Такой остроумный и язвительный журнал, как «*Bombey Review*», порадовал нас несколькими дружескими замечаниями, и за эти заслуги и любезный прием мы его благода-

рим от всей души. Но одна ремарка в его февральском номере не должна остаться без возражения. Журнал требует, чтобы «истории о призраках, напечатанные «Теософистом», мы забыли раз и навсегда — уж слишком жутко они читаются». Да, конечно, если воспринимать их однобоко; и чем меньше в журнале историй о призраках вообще, судя с этой точки зрения, тем лучше. Если бы подразумевалось только удовлетворить этими болезненными фантазиями чувствительных читателей художественной прозы, то им, возможно, уютнее в своей комнате, чем в компании. Но поскольку они появляются в журнале, в явном виде посвященному серьезному исследованию вопросов науки и религии, то вовсе не неосмотрительно предположить, что издатели имеют определенную цель: продемонстрировать свою связь с обеими областями исследования. Таковы, в любом случае, факты. Прежде мы уже так поступали с нашими читателями, и хотелось бы пояснить, что все истории о призраках, гоблинах или *бхутах* допускались на наши страницы исключительно ради того, чтобы проиллюстрировать какой-нибудь аспект загадочной и весьма важной науки — психологии. Наши же друзья из «*Bombey Review*» спешно пришли к внезапному заключению, что в последних рассказывает именно о Призрачной Собаке,¹ Одушевленной Скрипке и блуждающих тенях усопших.

Правительство Еревана всегда гордилось своими знаменитыми памятниками и остатками античности. И вот русская ежедневная газета «*Кавказ*» объявляет о недавних открытиях, бесценных для археологии, в виде надписей на твердых скалах и отдельных камнях. Все они оказались клинописью. Самые ранние из них привлекли внимание выдающегося армянского археолога профессора Нормана. Ему помогал

---

¹ Здесь ссылка на историю о «Призрачной собаке», присланную русским капитаном для страниц «*Одесского Вестника*» и переведенную для «*Теософиста*», вероятно, самой Е.П.Б., которая ручалась за достоверность сведений, представленных автором. Она была опубликована в томе I, декабрь 1879 г. — *Составитель*.

фотограф из Эчмиадзина (старейший армянский монастырь). Сначала он обнаружил ключ к пониманию этих клинописей и доказал их историческое значение. Кроме того, профессор продемонстрировал при помощи своего открытия, что до изобретения Месробом ныне существующего алфавита армяне пользовались клинописью или буквами, напоминающими наконечники стрел, и особенно важным в этом открытии оказалось то, что все они имели форму правильных треугольников; значение каждой буквы, т. е. треугольника, зависело от взаимного соединения и положения этих треугольных форм.

[«Теософист», том I, № 7, апрель 1880, с. 169, 174.]

Довольно своеобразный факт, который до сих пор, похоже, избежал внимания так друзей, так и врагов Ирландии и был оставлен пристальному наблюдению Пака, это открытие, что большинство, если не все, источники беспорядков и волнений этой страны могут быть занесены в указатель под буквой П. Таким образом, у нас есть Попрошайки, Помои и Пабы; Попы и Папство; Протестанты, Пастухи и Публика; Пиво, Политики и Придурки; Патриотизм, Парнелл и Св. Патрик, и наконец, сами Пэт.¹ Даже в Америке их роковое П. соответствует сынам Ирландии, но здесь эта начальная буква относится к самому главному любителю посмеяться над ними — к Паку.

Самое интересное и поучительное письмо было адресовано Обществу одним уважаемым английским врачом; в нем он спрашивает об отношении к джентльмену, который, с тех пор как стал вращаться к неким спиритуалистическим «кругам», стал свидетелем необычного феномена «материализации», одержимости дьяволом или «злым духом», несмотря на его усилия избавиться от этого. Этот случай настолько ва-

---

¹ Ироническое прозвище ирландца.

жен, что будет специально описан в «Теософисте» за следующий месяц.

[«Теософист», том I, № 9, июнь 1880, с. 217, 222.]

Редакционное замечание о запланированном визите нашей теософской делегации на остров Цейлон, которое перепечатано с разрешения Издателя «*The Pioneer*», будет прочитано с радостью и интересом каждым собратом нашего Общества, Западным и Восточным. Его тон настолько благодушен, честен и искренен, что все мы выражаем свою запоздалую благодарность Издателю. Это должно быть воспринято как самый обнадеживающий факт, что в течение одного года факты нашего посещения Индии привлекают все большее внимание, несмотря на энергичные усилия наших оппонентов поставить нас в неловкое положение. Год тому назад правительство выделяло крупные суммы денег, чтобы следить за каждым нашим шагом; теперь же мы находимся в совершенно иных отношениях!

В «Путешествиях» Ж.Д. Леметра мы читаем, что над воротами церкви Шартрез, близ Милана, выбита следующая надпись: «*Marie Virgini, matri, filie, sponse Dei*», что означает: «*Богородице, Матери, Дочери и Супруге Господа*». Это добавляет еще одно к «Божественным тайнам», ибо, согласно этой надписи, получается, что Иисус был своим собственным отцом и сыном своей собственной дочери.¹

[Из «Альбома» Е.П.Б., том X, часть II, с. 357.]

[Это относится к вырезке из «*The Ceylon Observer*», от 22 мая 1880 г. Е.П.Б. подчеркнула карандашом и чернилами большой заго-

---

¹ Эту надпись, сохраненную в своей первоначальной орфографии, без использования дифтонгов, можно обнаружить в Письме XII, том I, с. 241 в «*Travels after the Peace of Amiens, through Parts of France, Switzerland, Italy and Germany*» Ж. Леметра, изданной в Лондоне в 1806 г. в трех томах. — *Составитель*.

ловок: МИССИЯ НА ЦЕЙЛОН, МАЙ-ИЮЛЬ 1880; затем следует вклейка на три страницы из «Предварительного сообщения» «*The Pioneer*», и Е.П.Б. написала:]

ПЕРВЫЙ ЗВУК ВОЕННОЙ ТРУБЫ.

[В связи со статьей в «*The Ceylon Observer*» от 23 июня 1880 г., которая рассказывает о полковнике Олькотте, который «был пойман по пути» при двух благоприятных возможностях и отвечал на вопросы, Е.П.Б. особенно привели в ярость следующие выражения: «Это было не совсем приятно для мадам Блаватской, которая высказывала свои мысли весьма свободно» и «Исключено, что Теософское общество производит такой прогресс на Цейлоне, как хотелось бы его президенту-основателю». Е.П.Б. пишет на с. 357 в том же «Альбоме»:]

Ложь и фальшивое благочестие от начала до конца. См. статью Е.П. Блаватской на следующей странице.

[Имеется в виду ее статья «Теософы в Малигаве».]

[«*Теософист*», том I, № 11, август 1880, с. 279.]

«ПЛЕТКА МИССИОНЕРА». — Мистер Эндрю Чермсайд, недавно путешествовавший по Центральной Африке, вложил в руки д-ра Камерона, члена Парламента, плетку, которой, по его словам, миссионеры в миссии, учрежденной близ озера Ньясса, имеют привычку сечь своих непокорных обращенных. Эта плеть состоит из нескольких очень толстых ремней и является более ужасным оружием, чем морской кот, которого выставляли в прошлом году в Палате общин. Нам известно, что это дело, вероятно, подвернется официальному расследованию. — «*Daily News*».

Разве язычник способен сопротивляться столь убедительным аргументам?

[Там же, с. 283.]

Поездка из Бомбея до Пойнта Галле, проходившая во время сухих месяцев, на одном из самых красивых пароходов

британско-индийской компании «S.N.Co.», с заходом во все береговые порты, очаровательна. С приятным капитаном, в хорошей компании и с иммунитетом к морской болезни походит на экскурсию на яхте, поэтому было очень жаль, когда она подошла к концу. Во всяком случае, так было с нами. А возвращаться по юго-западным муссонам, как нам довелось потом, это уже совсем другое дело.

[«*Теософист*», том I, № 12, сентябрь 1880, с. 303, 310.]

Отмечая печальный факт надвигающегося распада «Общества санскритских текстов», основанного в Лондоне в 1865 году благодаря стараниям профессора Голдштукера и профессора Альбрехта Вебера, образованнейшего преподавателя санскрита в Берлинском университете, я с горечью спрашиваю издателя «*Times*»:

Возможно ли, чтобы среди сотен и тысяч английских джентльменов, которые провели большую часть жизни в Индии, что они часто называли «самой прекрасной службой в мире», не нашлось достаточного количества таких, кто сумел бы поддержать это общество, созданное с целью сделать доступным европейским учащимся достоверные документы исследования индийской литературы?..

Минутное размышление подсказывает, что профессор Вебер не стал бы утруждать себя, если бы такой вопрос не вызывал беспокойства. Какая же часть английских джентльменов, сделавших карьеру в Индии, беспокоится хоть капельку по поводу индийской истории или подлинных документов? Сколько настоящих ученых было воспитано в индийских филиалах службы с тех пор, как туда прибыл первый корабль «Компании Джона»?¹ Великие имена, несомненно, не должны забываться; однако просмотрев весь список, попробуйте оценить, сколько процентов образованных или даже из очень образованных людей действительно побывали в Индии? Если какой-то профессор проведет анкетный опрос сегодняшних

---

¹ Указание любопытной взаимосвязи между «Вест-Индской Компанией» и сэром Уильямом Джоном. — *Составитель*.

гражданских и военных чинов государственной службы, то он не обнаружит и одного процента, даже из крепких молодых парней, только что вышедших из ученой теплицы, обременивших себя знанием санскрита, не говоря уже об участии в Обществе санскритских текстов, которого завтра уже не будет. Их интересуют бадминтон, лаун-теннис, флирт, верховая езда, охота на кабанов, бильярд и пузырящиеся напитки; и потому всегда найдется куча денег для поддержки клубов и вещей подобного рода. Но азиатская литература, арийская религия или философия — это не их «пунктик»; и из всех этих тысяч тысяч, кто пересек индийскую «сцену», мало кто отвернется от модных удовольствий и найдет свое счастье в учении. На Кэнди на Цейлоне, например, в английской библиотеке, которая расположена как раз напротив храма Далады Малигавы, среди собрания 7000 томов есть, или была несколько недель назад, одна книга о буддизме как местной религии — наблюдения Шлагинвейта на Тибете. Она излагает настоящую историю; а профессору Веберу не нужно тратить время, чтобы изумляться таким обществам, как это, которое, по его словам, радуется лишь сомнительным возможностям управления жизнью. Если европейские ученые выказали бы более уважительное и братское расположение к их местным азиатским современникам, эта ситуация могла бы измениться. А если «просвещенные индийские принцы и джентльмены», о которых упоминается в том же письме к «*Times*», увидели бы, что их покровительство подобным научным организациям благосклонно воспринимается правящими кругами, когда они делают пожертвования на памятники и всяческие предприятия, то, несомненно, их помощь стала бы более ощутимой.

Собрат-теософ предлагает наиболее краткое сжатое и вполне удовлетворительное определение слова «чудо», какое мы видели. «Почему бы не стоило, — спрашивает он, — объяснить, что это «чудесное» всего лишь означает наше незнание причин и что в отрицании «чудес» мы только стараемся отрицать феномен, *неспособные на любое какое бы ни было*

рациональное объяснение, а также феномены, не поддающиеся объяснению с позиции общеизвестных и общепринятых законов и факторов природы?» Из-за отсутствия понимания огромной разницы между Невозможным и Незнакомым в физике нас часто критикуют наши оппоненты. Они даже обвиняют нас в непоследовательности отрицания возможности чудес, в то же самое время подтверждая реальность оккультный феноменов сходного характера. Наш спор заключается в допущении, что каким бы ни был феномен — если он необычен и незнаком, то должен *в силу самого факта* быть приписан сверхъестественному фактору, и потому именно считается чудесным. Мир слишком стар, чтобы быть ведомым и соответствовать вере, что все, что бы ни случилось или когда-нибудь случалось, оказывается за пределами законов природы.

[«Теософист», том II, № 3, декабрь 1880, с. 47, 49, 59, 60.]

[Мокша] — Идеальное состояние чистого духа, почти идентичное *нирване* буддистов.

[Комментарии, добавленные к статье Джозефа Поллока «Разве человек всего лишь машина?»]

Мистер Поллок вполне умело представил обе стороны дела, как человек, способный без дополнительной помощи выйти за пределы экспериментальной психологии. Эта материалистическая аргументация вполне хороша, когда касается механического аспекта человеческого существа; но здесь вмешивается практик азиатской йоги и, демонстрируя феноменальные возможности, который материалист никогда не видел, разве только во сне, доказывает нам, что человек может быть понятым только теми, кто изучил обе стороны его природы. Древнее изречение *опыт учит* следовало бы всегда помнить нашим современным философами.

[Кама-рупа] — иллюзорная форма того, зримая цельность чего есть обман чувств. Наблюдатели «манифестации формы» должны как следует это осмыслить.

[В своей статье «Сатгур Свами» Лалла Майкулал рассказывает о йоге, чья движущая сила — есть собственная воля человека, а также тантрах, которые включают несколько систем, сводимых к практическому применению магнетической силы. Он утверждает: «Тем не менее, эти практически полезные скрытые силы могут быть... суть в том, чтобы не потерять их из поля зрения, что сиддхи йоги и тантры имеют лишь дополнительное значение». На это Е.П.Б. замечает:]

Для феноменалистических намерений, да — несомненно. Но наш индийский собрат должен помнить, что Западу ничего не известно о существовании в человеке такой силы; и пока он не узнает о ней, то никаких научных исследований и быть не может, особенно в области психологии.

[Нижеследующая заключительная заметка добавлена Е.П.Б. к описанию доктора Батуркрама С. Менты «Психологический тест для поимки вора».]

Д-р Батуркам совершенно прав в своем диагнозе, и было бы весьма неплохо, если бы все так называемые «чудеса» были изучены с позиций здравого смысла. Но существует еще один метод поимки воров в Индии, в котором физиология вора не играет никакой роли. Мы имеем в виду «вращающийся котелок». В этом случае тот, кто ищет вора, не дотрагиваясь до медного котелка, заставляет его вибрировать и наконец, закрутиться на боку, как колесо телеги, пока он не остановится там, где находится вор или его добыча. Опишут ли во всех подробностях и результатах этот опыт те, кто бывал его свидетелем, для пользы наших читателей?

[ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА]

[В «Альбоме» Е.П.Б., том I, с. 54-55, есть вырезка из еженедельного журнала. Это «*Liberal Christian*» за субботу, 2 сентября 1875 г. Вырезка содержит статью, озаглавленную «Розенкрейцерство в Нью-Йорке». Статья не подписана, но известно, что ее написал преподобный д-р Дж.Х. Виггин, издатель этого журнала. Статья начинается с поверхностного исследования идей розенкрейцерства. Д-р Виггин собрался рассказать об обстоятельствах, при которых недавно познакомился с Е.П. Блаватской. Он пишет:

«Это случилось сразу же после удивительных историй, опубликованных полковником Олькоттом в «*Sun*» по поводу подарков в виде цветов, полученных от духов через Бостонского медиума, поэтому я любезно попросил моего друга мистера Сотерана из «*American Biblioplist*» познакомить меня с мадам Блаватской и полковником Олькоттом следующим вечером в Ирвинг Плэйс; с разрешением привести с собой нескольких друзей...»

Согласно утверждению д-ра Виггина, на этом собрании присутствовали: полковник Олькотт, *Il Conte*, «некогда секретарь Маззини», Чарльз Сотеран, судья М. из Нью-Джерси, его жена, мистер М., некий джентльмен из Бостона и Е.П. Блаватская, которая, по его словам, была «центром группы».

Вырезав эту статью для своего «Альбома», Е.П.Б. написала карандашом и подчеркнула чернилами следующее замечание:]

Написано преп. д-ром Виггином. Эта статья вызывала ярость преподобного д-ра Беллоуса; поэтому он написал другую статью, в «Колдовство и некромантию», в которой обрушился на нас.

[Далее Е.П.Б. провела синюю линию от заглавия вдоль вырезки до самого низа правого края на с. 55 и добавила карандашом и чернилами следующую значительную ремарку:]

На этом вечере впервые обсуждалась идея Теософского общества.

[Это дополнение сделал полковник Олькотт, по-видимому, позднее:]

Для бóльших подробностей см. цитату на с. 296 в «*Nineteenth Century Miracles*», издававшегося Э.Х. Бриттенем.

[К несчастью, в замечании полковника Олькотта перепутано эссе. То, что он имел в виду — это доклад о собрании, имевшем место в доме Е.П.Б. во вторник, 7-го сентября 1875 г., на Ирвинг Плэйс, 46. Этот доклад был опубликован в «*New York Dailies*» и перепечатан в «*Spiritual Scientist*» годом позже. На этой встрече присутствовали некие семнадцать человек и Джордж Х. Фелт, инженер и архитектор, который прочел лекцию об «Утерянном египетском каноне о пропорциях». Этот доклад был включен в работу миссис Эммы Хардинг-Бриттен, и, разумеется, очевидно, что д-р Виггин не мог напечатать его в сентябре в 4-м выпуске журнала.

Мы поняли, что д-р Виггин специально упомянул об истории с полковника Олькотта в нью-йоркской «*Sun*». Это касается и его статьи, озаглавленной «Призраки, которые есть Призраки», опубликованной в «*Sun*» в среду 18 августа 1875 года, в которой он обрисовывает в общих чертах значительное развитие знаменитой медиума миссис Мэри Бейкер Тайер из Бостона, чей феномен выделялся главным образом *дополнением* в виде цветов и птиц. Почему-то до вышеупомянутой даты полковник Олькотт имел благоприятную возможность лично исследовать подлинность ее способностей и оставался категорически убежденным в ее *честности*.

Из слов д-ра Виггина может показаться, что собрание, которое он описывает, имело место вскоре после того, как полковник Олькотт опубликовал доклад о феномене миссис Тайер. Поскольку никаких упоминаний о подобных собраниях не нашлось в «*Liberal Christian*» от субботы 28-го августа, то оно имело место где-то между 28-м августа и 4-м сентября.

В упоминании об этом самом раннем собрании, однако, не указана дата. Полковник Олькотт («Старые страницы дневника», I, 114-15) говорит о собрании, будто оно имело место «на предыдущей неделе», и узнает в одном из присутствующих сеньора Бруццеси, который мог оказаться тем же персонажем, что «Il Conte» д-ра

Виггина. Под предыдущей неделей он подразумевает период между 29 августа и 4 сентября.

Тем не менее нет никаких причин для сомнений, что *действительное* формирование Теософского общества имело место 7-го сентября 1875 года, несмотря на то, что, по собственным словам полковника Олькотта, «лица, присутствовавшие на этом особенном вечере, фактически не сделали официального меморандума» и «никакого официального документа, завизированного секретарем собрания, на этой первая встреча сделано не было» (Op. cit., с. 114, 118).

В книге, которая принадлежала Е.П.Б. и теперь находится в Библиотеке Адьяра, озаглавленной «*Теософский гид*» — собрание избранных статей, опубликованных Туракамом Татъя в Бомбее в 1887 году, — на 51 странице мы обнаруживаем «Цели и Правила Т.о.», в пересмотренной версии 1886 года. Среди прочего, здесь заявляется, что Общество было учреждено в Нью-Йорке, США, 17 ноября 1875 г. К этому Е.П.Б. прибавила сноску карандашом и чернилами:]

Формально оно уже было сформировано 7-го сентября в моем доме по адресу: Ирвинг Плэйс, 46, Нью-Йорк.

[На с. 79 тома I в «Альбоме» Е.П.Б. имеется еще одна вырезка из «*The Liberal Christian*» от 25 сентября 1875 г. Это доклад о собрании, состоявшемся 7 сентября 1875 года, и называется он «Каббала». Она описывает лекцию мистера Фелта и упоминает о формировании теософского «Клуба». Здесь рассказывается о д-ре Панкосте из Филадельфии как об очень мудром оккультисте и имеется ссылка на его заявление о том, что древние оккультисты «могли вызывать давно усопших «духов с бездонной глубины» и заставлять их отвечать на вопросы». К этому Е.П.Б. добавила замечание карандашом и чернилами:]

Не «усопших духов или душ», а «элементалов», существ, воплощающих Элементы.

[Следует иметь в виду, что полковник Олькотт, когда писал первые серии своего «*Дневника*», делал это по памяти, поскольку его настоящие Дневники за период 1874-78 гг. таинственно исчезли. Говоря о собрании 7-го сентября, он утверждает, что во время оживленной дискуссии, последовавшей за лекцией Фелта:

«...мне (Олькотту) пришла в голову мысль, что как раз сейчас весьма подходящее время для формирования общества, чтобы про-

должать и всячески поддерживать подобные оккультные исследования, и, повертев эту мысль в уме, я написал на клочке бумаги следующее: «*А не стоит ли сформировать общество для нечто подобного обучению?*» — и передал записку Хьюджу, который тогда стоял между мною и Е.П.Б., сидевшей напротив. Потом он передал листок ей. Она прочитала написанное и кивнула...»

С другой стороны, Анни Безант написала в «*Люцифере*» (Том XII, апрель 1893, с. 105) о формировании Т.о., сказав, что:

«...Она (Е.П.Б.) рассказала мне сама, как ее Мастер просил ее основать его и как по Его просьбе она написала на полоске бумаги предложение и передала его У.К. Хьюджу, чтобы тот передал ее полковнику Олькотту; и потом Общество сделало свое первое начинание...»

Поскольку эти два противоречивых сообщения могут запутать историка, следует помнить, что никто из них не основывался на каком-либо реальном документе или письменном источнике того времени. Тем не менее, что особенно важно и интересно — это тот факт, что Е.П.Б. сама, завершив свои «Важное замечание», вклеила их в «Альбом», с. 20-21, со следующим заявлением: «... М.: получил распоряжение сформировать Общество — тайное Общество наподобие Ложи розенкрейцеров. Он обещает помочь». Вдобавок к этому она особенно отметила, что имеет *распоряжения* из Индии «основать философско-религиозное Общество» и «избрать Олькотта». Все это датируется июлем 1875 года.

Тем самым, очевидно, что приближающееся формирование подобного Общества уже, так сказать, «носились в воздухе», причем задолго до собрания, на котором на котором оно обсуждалось впервые.]

[Кроме Е.П.Б., полковника Олькотта и У.К. Хьюджа есть и другие «основатели» Т.о., и если использовать указания самого Олькотта, то ими были: Чарльз Сотеран, д-р Чарльз Э. Симмонс, Герберт Д. Моначези, Чарльз С. Массей, У.Л. Олден, Джордж Х. Фелт, Д.Э. де Лара, д-р Бриттен, миссис Эмма Хардингс-Бриттен, Генри Дж. Ньютон, Джон Сторер Кобб, Дж. Хайслоп и Х.М. Стивенс. — *Составитель.*]

[В «Альбоме» Е.П.Б., том I, с. 57, вклеена статья полковника Олькотта, озаглавленная «Спиритические остатки». Она датирована 7-м сентября 1875 года и касается духов элементалов и их воплощений. Е.П.Б. вклеила рядом со статьей три цветных карикатуры: очень толстого человека с огромной головой; три бутылки виски с лицами

на пробках; и голову клоуна с косыми глазами. Под ними она написала карандашом и чернилами:]

Нынешнее поколение людей постепенно развилось путем эволюции — из растений, овощей, рыб, став наконец «бутылками виски», — это «эмбриональный человек», или предок современной расы.

[СОЗДАНИЕ «THE THEOSOPHIST»]

[Согласно «Дневникам» полковника Х.С. Олькотта, в Адьярских архивах имеется самый первый номер теософского журнала. «Теософист» был учрежден 6 июля 1879 г. 15 июля Мастер М. посетил Основателей в своем физическом теле, и имела место «чрезвычайно приватная беседа», по-видимому, касающаяся вопроса о журнале. 31 июля Э. Уимбридж разработал обложку для «Теософиста», а 2-го сентября начал делать оттиски с ее гравюры. 11 сентября рабочие приступили к подготовке издательского офиса для журнала. 20 сентября был отпечатан первый образец (восемь страниц) «Теософиста». 27 сентября был отпечатан последний образец. 28 сентября полковник Олькотт в 5 часов пополудни отправился к печатнику, чтобы внести кое-какие изменения в распоряжения «почтенного Старого Джентльмена», сделанные прошлым вечером. Так привыкли называть Мастера Нарайана. 30 сентября были получены первые четыре сотни экземпляров журнала, и 1 октября официально вышел первый номер «Теософиста»: «все руки в клею и кругом оберточная бумага», как записано в «Дневниках» полковника Олькотта.

3-го октября полковником было получено письмо от Мастера Сераписа, ставшее, вероятно, «первым словом от него за некоторое время», как отметил Олькотт. Это письмо инструктировало полковника касательно некоторых вопросов, связанных с «Теософистом». Помимо всего прочего, он говорит:

«Утверждаю ваше право на этот журнал: он был основан не для вас, но никто, кроме вас двоих, не имеет больше права управлять ***¹ ... При всяком случае было бы полезно разъяснить, что это издание не принадлежит ни вам, ни Е.П.Б., а находится под кон-

---

¹ Здесь стоит символ, часто используемый Мастером Сераписом.

тролем определенных лиц, чтобы не только вы сами знали об этом...¹

[В ее «Журнале», том X, с. 9, вклеена, как доказательство, обложка будущего «*Теософиста*», а под нею написано следующее:]

Первое доказательство — это то, что она все-таки отпечатана рельефно, хотя мы не нашли в Индии ни ксилографического клише, чтобы сделать оттиск, ни гравера, который должным образом сделал бы эту врезку, ни литографа, чтобы отпечатать ее в цвете с камня. Уимбриджу пришлось изобрести новый процесс, чтобы выгравировать ее на цинке.

---

¹ «Письма махатм», серия вторая, письмо № 29.

[Е.П. БЛАВАТСКАЯ И ЭДВАРД УИМБРИДЖ]

[Статья с таким названием содержит ответ Эдварда Уимбриджа, опубликованный в той же самой газете от 20 сентября 1880 г. Некоторое количество комментариев, сделанных Е.П.Б. от руки чернильным карандашом, записаны сбоку от вырезки в ее «Альбоме». Фразы, заключенные в квадратные скобки, приведенные далее — это выдержки из статьи Уимбриджа, к которым Е.П.Б. добавляет комментарии. — *Составитель.*]

[Я вынужден попросить немного места в вашем уважаемом журнале, в котором в последнем номере напечатан ответ на письмо мадам Блаватской.]

Мистер Эдвард Уимбридж — в Новом Свете — что за фальшивый свидетель!!

[Мадам Блаватской, безусловно, не нужно заверять наших читателей в том, что она будет такой же ревностной, как и всегда в ее филантропической деятельности, поскольку все, кто знает мадам Блаватскую и полковника Олькотта, должны совершенно осознать, что филантропическая деятельность не стоит для них ничего. Было бы гораздо лучше, если бы она указала хоть на какое-то свое крошечное деяние, совершенное во имя милосердия или ради истинного благополучия Индии.]

Бахвалиться своими милосердными поступками — отнюдь не в привычке мадам Блаватской — пусть даже самыми великими, хотя, безусловно, не секрет, что она предоставляла стол и кров, воду... а иногда и ОДЕЖДУ мистеру Уимбриджу и мисс Бэйтс в течение 18 месяцев, когда все они были в Индии.

[...Братство и справедливость — суть просто *идеи* Теософского общества...]

«Идеи» находятся в мозгу мистера Уимбриджа, а для нас это — реальность и факты.

[Отношение мадам Блаватской к тому, чтобы раскрыть то, что ей нравится называть «все факты, как они есть» — это даже смехотворно. Неужели мне следует вообразить, что эффект, производимый на членов Бомбейского филиала Теософского общества при помощи нравственных усилий, заставит их принять предубежденное утверждение в качестве предъявления факта? Это едва ли может ускользнуть из памяти мадам Блаватской.]

Эффект задокументированного свидетельства, прочитанного на последнем собрании, был таков, что мисс Бэйтс была *исключена*, а мистер У. признан выбывшим, и за ним последовали еще четыре члена, а мистер Сирвай признан всего лишь одним из приверженцев. Потому что «*предубежденное* утверждение» содержало правду и ничего кроме ПРАВДЫ о том, что эти люди пытались представить в ложном свете и что мы всегда публикуем, *опираясь на факты*.

[Совершенно неверно называть полемикой женскую ссору, даже если муж одной из дам и друзья другой сначала принимают в ней участие, и если мадам Блаватская берет на себя труд отметить, что «у мадам Коулумб не имелось приверженцев», то это было, вероятно, потому что присутствовавшие решили, что она не заслуживала поддержки.]

Либо так, либо справедливость и честность не всегда оказывается в выигрыше.

[С тех пор Теософское общество выросло еще на примерно 8 подразделений и сейчас вместе с Цейлонским филиалом их число достигло 19 или 17, но Бомбейский филиал — гораздо более многочисленный и значительный из всех подразделений. По секрету поговаривают, что некоторые из филиалов включают в себя только 5-6 членов.]

Слухами земля полнится (*sic!*). Также ходят тайные слухи, что мистер У. несмотря на то, что он Советник, ничего не знает об истинном состоянии Теософского общества. Как уверяет мистер У., филиалов не 5 или 6, а больше в пять раз, и в

каждом филиале, прежде чем он мог быть официально зарегистрирован, уже имелся 21 член.

[Что касается утверждения, что из Общества вышли только четыре региональных члена, то я не буду на этом настаивать, так как вовсе не желаю быть неточным или неучтивым. Однако более 4 человек покинули Общество, а другие, несомненно, поступили бы так же, не помешай мы им своим побегом в Шимлу.]

Три *лжи* на шести строчках. Только четверо региональных членов покинули Общество и двое английских: мистер У. и Бэйтс (*исключена*). Наше поспешное бегство в Шимлу — это величайшая выдумка. Но зато эта ссора была перенесена в Шимлу спустя несколько дней после нашего возвращения с Цейлона. Мистер Синнетт может засвидетельствовать, что он приглашал меня приехать за три недели до нашего прибытия. Но нам приходилось откладывать день за днем.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕДАКТОРСКАЯ ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ «БРАХМЫ, ИШВАРЫ И МАЙИ»

[Ссылаясь на статью с точно таким же названием, опубликованную в «*Теософисте*», том I, октябрь 1879 г., профессор Прамада Даса Миттра, автор этой заметки, Вара Гуру, делает некоторое количество наблюдений с точки зрения ведантиста и заканчивает словами: «прежде... теософы применяли ко всем без исключения вышеупомянутым определенным бхашьям свои исследования и открытия, посредством которых их громадные проблемы были точно и ясно раскрыты; но это слишком преждевременно — подтверждать верность доктрины, описанной Прамада Даса Миттрой».

Комментируя это, а также предоставляя ответ самому профессору Миттре, Е.П.Б. отмечает:]

Теософы еще *не* изучили все эти бхашьи и не намереваются поддерживать ни одну сектантскую школу. Они оставляют это ученым мужам, для чьей особой выгоды, помимо всего прочего, и был основан этот журнал. Влиятельный американский ежеквартальный журнал «*North American Review*» действует по такому плану: представляет вниманию публики публикации известных исследователей, а заодно одного или более столь же знаменитых авторов весьма противоположного взгляда, и печатает всё это вместе с критикой. Благодаря такому мудрому плану читатель журнала может ознакомиться с тем, что было сказано о данном предмете, со всех точек зрения. Мы поступаем подобным способом и ради этого печатаем критику профессора Прамада Даса Миттры на его критика, после того как прочитали вышесказанное. «Из столкновения мнений рождается истина», — утверждает великий французский философ.

КОММЕНТАРИИ К «ЖИЗНИ ШАНКАРАЧАРЬИ, ФИЛОСОФА И МИСТИКА»

[Во второй части этой статьи автор, Кашинае Тримбак Теланг, магистр гуманитарных наук, и LL.B, подробно излагает, как однажды мудрец «заставил свою душу войти в труп» короля Амараки. Нижеследующие комментарии добавлены Е.П.Б.:]

Этот инцидент слишком важен, чтобы прочитать его без комментария редактора. Способность йога покинуть свое тело и входить и оживлять тело другого человека, хотя и подтверждена Патанджали и включена в сиддхи Кришны, дискредитирована европеизированными молодыми индийцами. Довольно естественно, что западные биологи отрицают наличие в человеке души и считают немислимым предположение, что душа йога способна войти в другое тело. Такое необоснованное неверие должно превалировать среди учеников европейских школ, и есть достаточно разумное основание, почему следует предпринять усилия, чтобы возродить в Индии такие школы психологии, в которых арийские юноши теоретически и практически учили бы оккультные законы Человека и Природы. Мы, по крайней мере имеющие некоторое знакомство с современной наукой, не колеблемся подтвердить нашу веру, что это временное перемещение душ вполне возможно. Мы даже можем зайти гораздо дальше, сказав, что для нас этот феномен доказан экспериментально — в Нью-Йорке и в других местах. И поскольку мы будем среди немногих, кто испытывает необходимость в таком удивительном заявлении, позволяя принять любое не поддержанное кем-либо свидетель-

ство, мы настоятельно требуем, чтобы наши читатели сперва изучили арийскую литературу, а потом извлекли из персонального опыта это подкрепляющее обоснование. Результат неизбежно удовлетворит каждого честного исследователя, как было с Патанджали, Шанкарачарьей и чего не свершили Тиндаль, Карпентер и Гёксли, чтобы узнать секреты нашего бытия.

[Далее К.Т. Теланг говорит, что «Шанкара, познавший определенным сверхъестественным способом, что его мать на пороге смерти, поспешил скорее к ней, и на ее требование духовного совета сообщил ей или, скорее, попытался сообщить ей о не имеющем формы Брахме». На это Е.П.Б. замечает:]

Нам придется поспорить с нашим выдающимся исследователем по поводу этого вопроса. Мы не верим в «сверхъестественные способы», но мы верим и знаем, что совсем несложно для воплощенного, как Шанкара, узнать из своих внутренних способностей о состоянии его матери. Мы встречали множество доказательств таких возможностей, чтобы в этом сомневаться.

[В третьей части той же статьи К.Т. Теланг пишет: «Шанкара внезапно подхватил болезнь, называемую вхаджандара, которая была наслана на него некромантическими заклинаниями Абхинавагупты, который совершил особое жертвоприношение, чтобы произвести этот зловещий заговор. Самые известные врачи приглашались к Шанкаре, но все было тщетно. Тем временем сам пациент вел себя стоически... но, в конце концов, когда недуг нельзя было излечить, он помолился Махадэве... гнев Падмапады еще раз явился во утверждение ведантизма Шанкары. Ибо, несмотря на уговоры самого Шанкары, он стал тихо напевать какие-то мистические мелодии, которые перенесли недуг на самого Абхинавагупту, который от того и скончался». На это Е.П.Б. замечает:]

[Вхаджандара] — ужасающая форма обжигающей язвы или фистулы.

Важное место для изучающего оккультные науки здесь следовало бы не пропустить. Закон физики, что действие и противодействие имеют тенденцию уравновешивать друг друга, существует и в оккультном царстве. Полностью это объясняется в «Разоблаченной Изиде»¹ и других работах подобного

---

¹ Например, в томе I, с. 142-145. — *Составитель.*

рода. Течение акаши, направленное кудесником на данный объект со злым намерением, должно либо приводиться в движение при помощи такой интенсивности воли, что оно пройдет сквозь любое препятствие и победит сопротивление воли выбранной жертвы, либо оно отскочит на того, кто его наслал, и поразит насланного тем же самым способом, каким оно должно было причинить боль другому, если хорошо понимать этот закон, который предостерегает нас во многих народных пословицах, например: «как аукнется, так и откликнется», «попался, который кусался» и т. д., в итальянской пословице «la bestemia gira e gira e torna adosso a chi la tira» и т. п. Это полное перенаправление зловещего течения на того, кто его насылает, может быть великолепно задействовано дружеским вмешательством другого человека, знающего секрет управления течениями Акаши — если нам позволено ввести здесь новое слово, которое вскоре понадобится в западном лексиконе.

[ЗАКОЛДОВАННОЕ ЗЕРКАЛО]

[В июньском номере *«Теософиста»* за 1880 год на с. 230 появилась статья об эксперименте, проделанном А. Церетели. Он узнал, что если «стоять в одиночестве в полночь перед зеркалом, держа в каждой руке по зажженной свече, и три раза громко и медленно повторить свое имя» — это должно иметь самые ужасающие последствия. Он проделал его точно так, как ему рассказали. После того как он дважды произнес свое имя, при этом пристально всматриваясь в свое отражение в зеркале, его внезапно наполнил ужас, ибо он осознал, что его изображение исчезло, тогда как все остальные предметы отчетливо отражались, как и прежде. В отчаянии он попытался произнести свое имя в третий раз, но не смог. После этого он больше ничего не помнил, пока на следующее утро не осознал, что лежит в своей постели, а рядом стоит слуга.

Такой же эксперимент попытался произвести бабу Тош Миттра, который делал все в точности согласно тому же методу, но безрезультатно. Три последующие ночи он повторял эксперимент, но тщетно. Он выражает желание узнать, пробовал ли еще кто-либо проделать такое, и считает, что «подобные описанные эффекты могут случаться только с определенными людьми».

На это Е.П.Б. замечает:]

Стремления к экспериментам, примеру которых следовал бабу, это всего лишь то, благодаря чему может быть открыто много истины, существующей в освященных веками легендах, традициях и суеверных преданиях современных народов. Если попытки его и его друга больше ничего не доказывают, то они, безусловно, демонстрируют, что любой человек, который вызывает самого себя в зеркале в полночь при свете двух свечей, непременно придет в ужас в случае появления призрака.

Однако его здравый смысл, вероятно, подсказал, что не надо сомневаться в самом факте случившегося; а именно, что феномен, описанный в нашем июньском номере князем Церетели, наблюдается только у людей с особым складом характера. Это безусловное правило в любой другой области психических феноменов. Что касается рассказа «Заколдованное зеркало», мы опубликовали его в качестве иллюстрации одного из старинных славянских поверий, оставляя читателю поверить, что лучше описанного не делать.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К «РАХАТСТВУ»

[Серия выдержек из различных буддистских писаний о рахатстве предваряется следующими заметками Е.П.Б.]

Нашим делегатам на Цейлоне доставило огромную радость обнаружить, что не только очень образованный священник и мирянин, но и необразованный народ острова Цейлон также знаком с возможностями человека достичь высоких психических сил адептства и с тем фактом, что люди часто этого достигали. В Бентосе нас привели в храм, где раньше жило общество из 500 *рахатов*, или адептов. Мало того, мы даже познакомились с теми, кто совсем недавно встречался с такими святыми людьми, и с одним выдающимся священником, который всступил в Общество очень скоро после разрешения увидеть и обменяться с ним некоторыми из наших знаков отличия. Правда состоит в том, что в Индии и Египте преобладает идея, что время манифестаций самых высших степеней *рахатства* (*рахат*, или *арахат* — это палийский эквивалент санскритского *риши* — того, кто развил свои психические силы до их полнейшей величины) давно прошло, однако это идет от ошибочного мнения, что сам Будда ограничил срок подобного развития до одного тысячелетия после своей смерти. Чтобы лучше осветить этот вопрос, мы публикуем переводы, сделанные мистером Фредериком Диасом, пандитом (ученым мужем) Теософского общества Галле, выдержек из трудов, которые могут считаться абсолютно авторитетными. Их любезно подобрал для нас главный помощник священника Парамананды вихары в Галле.

[О РАХАТСТВЕ]

Одна сентенция к статье «Рахатство», напечатанная в августовском номере, была тотчас же ухвачена врагами нашего дела и стала для них неплохим развлечением. Мы желаем им веселья, ибо они попали пальцем в небо. Это выражение было таково: «Мы даже познакомились (на Цейлоне) с теми, кто совсем недавно встречался с такими святыми людьми (то есть, людьми, которые достигли «самых возвышенных сил адептства»), и с одним выдающимся священником, который вступил в Общество очень скоро после разрешения увидеть и обменяться с ним некоторыми из наших знаков отличия». Мы ясно объяснили в статье, о которой идет речь, что под словом *рахат* мы подразумеваем адепта или кого-либо, кто «кто развил свои психические силы до их полнейшей величины». В Индии такой человек известен как *риши* или *йог*, и есть множество стадий и степеней развития, прежде чем можно добиться вершины духовного совершенства. Таким образом, рахат может быть самого низшего или самого высшего уровня развития. Существует четыре степени или стадии: это — *Sukkha-vipassaka* (низшая), *Tevijja* (третья), *Shad Abhiñña* (вторая) и *Siwupilidimbiapat* (первая), высшая. Мы утверждаем и повторяем, что ни в Индии, ни в Египте, ни на Цейлоне эта древняя мудрость не умерла, и наша вера, что она пережила своих древних адептов и посвященных, основана на персональном знании, а не на слухах. Цейлонский христианский журнал обвиняет нас в «ребяческой доверчивости и вере в так называемую высшую святость и предании гласности мифов и обмана». Чем больше наши враги говорят об обмане и мифе, тем лучше; их дом —

из стекла, и они больше не швыряют камни в наш огород. Ви-
дел ли священник или нет обмен знаками с чужаком, который
ознакомился с оккультными науками, и поскольку буддисты
называют *рахатом* какую-нибудь одну из степеней, это не
играет никакой роли: мы верим, что он, возможно, подобно
любому делегату из нашей группы, имел свое индивидуальное
впечатление от какого-то места на острове — не говоря уже о
впечатлении издателя этого журнала или некоего другого че-
ловека, не относящегося к нашему Обществу, которые виде-
лись и беседовали с такой личностью. Если священник его
видел, то он видел живого человека, а не призрак, бога или
духа. Спустя несколько недель после нашего приплывтия в Ин-
дию, когда никто, кроме полдюжины бомбейских джентльме-
нов, не понимал предзнаменований нашего Общества, пол-
ковник Олькотт, находясь в пещерах Карли в Мофуссиле, за-
говорил с индусским *санньяси*, который сперва показал ему
один очень важный из наших знаков, а потом уже все осталь-
ное. Когда спросили, где он им научился, он ответил, что его
гуру (учитель) послал ему их из ——— в Карли, приказав
прибыть туда точно в этот час и встретиться с белым челове-
ком, которому он показал эти знаки и послание, которое тот
получил впоследствии. Суть как для врагов, так и для друзей
состоит в том, что необходимо понять: именно Будда объявля-
ет, что состояние рахата, или адепта, всегда может быть дос-
тигнутым теми, кто будет следовать его наставлениям.

КОММЕНТАРИИ К «ТЕОСОФАМ НА ЦЕЙЛОНЕ»

[К отчету корреспондента Аллахабадского «*Pioneer*» от 31 июля 1880 г. о визите на Цейлон Е.П.Б. и полковника Олькотта Е.П.Б. добавляет следующее замечание:]

Корреспондент «*The Pioneer*»'а, похоже, совершенно проглядел одно из самых важных событий нашего посещения Цейлона. На Конвенции буддистских священников 4-го июля, уже упомянутой нами и прошедшей в Галле, было выслушано обращение полковника Олькотта о необходимости возрождения палийской литературы, и особая обязанность была возложена на них, как ее единственных хранителей. Вслед за этим они единодушно приняли резолюцию постоянно устраивать собрания священнослужителей при содействии Теософского общества, где любой присутствующий священник, не инициированный до того, мог быть посвящен и должным образом вступить в наше Главное Общество. Эта Конвенция состояла исключительно из лучших людей — таких, какие были бы признаны лидерами в своих соответствующих сектах; и в результате этого одного собрания Общество сильно возросло во влиянии и престиже во всех буддистских странах.

Огромный ажиотаж, вызванный в цейлонском обществе визитом наших делегатов, можно оценить по единственному факту: когда мы находились там, трое христиан из Галле пришли в неистовство, размышляя над нашими аргументами против значительности основы их религии. Бедняги! Их вера, очевидно, была основана в большей степени на доверии, чем на логике.

10-го июля мы явились по приглашению в Велитару, село между Галле и Коломбо, чтобы учредить наш седьмой и по-

следний буддистский филиал. В качестве продуманной любезности, демонстрировавшейся нам повсюду, можем упомянуть, что, хотя мы провели в Велитаре всего несколько дневных часов, мы обнаружили приготовленное для нас и полностью обставленное бунгало, каждый предмет мебели в котором был специально доставлен из Коломбо миллионером Мудалайяром м-ром Сампсоном Раджапаксой. В этом селе есть храмы двух выдающихся священников, преподобного Вимеласары и Дхаммаланкары из секты Амарапура. Помимо основания Велитарского Теософского общества — с м-ром Балтасаром М. Вирасингхе, переводчиком Мудалайяра, в качестве Президента — мы принимали тридцать священников из двух вышеупомянутых вихар.¹ А потому Главным Обществом были посещены последние из групп или школ среди буддистских священников, и последнее препятствие практического представительства буддизма во всем мире было преодолено.

Учреждение постоянного филиала в Галле вечером 11 июля стало последним важным делом, которое было выполнено на этом острове. Утром 13-го — на *пятьдесят седьмой* день нашего пребывания в стране Цейлон — мы сели на пароход компании «В.И.Со» «Чанда» до Бомбея, куда добрались 24-го числа после шторма, бушевавшего одиннадцать дней из-за юго-восточного муссона. И снова цифра Семь проявила себя, поскольку 24-го июля было *семьдесят седьмым* днем с тех пор, как мы вышли из Бомбея до Цейлона! Фактически роль, которую цифра Семь играла в каждой существенной детали этого визита на Цейлон, настолько поразительна и загадочна, что мы отложили эти факты для отдельной статьи.

---

¹ Любое место, где живут буддистские жрецы.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К «ОБРАЩЕНИЮ ПРЕЗИДЕНТА ИОНИЧЕСКОГО ТЕОСОФСКОГО ФИЛИАЛА НА КОРФУ»

[Президент Ионического Теософского филиала, синьор Паскуале Менелао, доктор литературы, послал инаугурационное обращение к Конституционной Организации Собратьев. Е.П.Б. сделала следующие замечания:]

Инаугурационные обращения соответствующих председательствующих официальных лиц Ионического и Бомбейского филиалов Теософского общества, которые появились в настоящем номере бок-о-бок, настолько хорошо иллюстрируют их политику взаимной терпимости и братства, что мы заранее планируем для каждого весьма осмотрительный отчет. Здесь мы видим, что итальянским мыслителем движет то же самое возвышенное стремление индивидуального совершенства и счастья и просвещения человечества, как мыслителем-парсом из Бомбея. И хотя один постигает Первопричину или Божество совершенно по-другому, нежели второй, чьи предки с незапамятных времен поклонялись Солнцу как видимому образу Ормазда, все же всеми движут обычные религиозные чувства, находящиеся в их сердцах, и обычный инстинкт заставляет их видеть путь наверх, к истине, который светлее и яснее благодаря свету теософии. Мы не атеистическое Общество, хотя в нем есть и атеисты; и не христианское, даже несмотря на то, что наш собрат доктор Уилд, Президент британского Теософского общества, хотел бы, чтобы мы принимали Иисуса как наиболее божественного персонажа из всех, кто когда-либо появлялся среди людей. У наших Собратьев самые

разнообразные мнения, и каждый имеет право требовать уважения к своим идеям, равно как и он обязан уважать идеи своих собратьев. У нас есть президенты, среди которых: христианин, деист, буддист, индуист и атеист; и у нас нет ни одного догматика, как никто не претендует, что он мудрее или непогрешимее остальных, и все-таки каждый, взяв другого за руку и называя его братом, помогает ему, как и тот помогает этому в вопросе о божественном знании. Не все, и даже явное меньшинство, являются изучающими оккультные науки, ибо редко рождается мистическое откровение. Увы, их немного! но всегда были те, кто жаждал открытия секретов Природы, когда рьяно следовал этим сложнейшим и бескорыстным путем учения, и наш век может представить их меньше, чем любой из их предшествующих. Что касается секретов Теософского общества, когда мы упоминаем о масоноподобных знаках отличия и тайне, хранимой очень небольшим количеством людей, которые занимаются своими экспериментами в психологической науке, обо всем этом было сказано выше. Главное Общество это, одним словом, Республика Сознания, братство людей, ищущих Абсолютную Истину. Как было подробно истолковано в начале нашего октябрьского номера, каждый из нас признается, что готов помочь другому, какое бы ответвление науки или религии лично он ни предпочел.

КОММЕНТАРИИ К «НАНГА БАБА ГВАЛИОРА»

[В этом весьма ценном повествовании автор «М.В.В.» дает пример появления *майявирупы*,¹ однако не способен понять логического обоснования этого феномена, и поэтому в конце задает вопрос: «Почему появляется персона или форма... Как мы можем объяснить этот удивительный феномен?» На это Е.П.Б. отвечает:]

О названии *камарупа*² или *майявирупа*. Арию нет нужды спрашивать об этом. Нам известно об одном случае, имевшем место в Европе, рассказанном нам одним джентльменом, который был очевидцем события, когда человек пребывал в трансе или полутрансе тридцать шесть часов — день и две ночи. В течение этого времени он появлялся — или казалось, что появлялся — как обычно, в колледже и продолжал читать лекцию, которую начал читать предыдущим днем, продолжив нить изложения точно там, где прервался. Этот человек не поверил бы в заверения своих учеников об этом факте, если бы они не показали бы ему блокноты, в которые, как обычно, записывали для памяти лекции в колледже, которые прослушали. Как можно определить, кто находился без сознания: учитель, читающий лекцию, или джентльмен-очевидец, и было ли его физическое тело оживлено другим разумом или *майявирупой*, «двойником», действуя независимо от сознания его физического мозга? А сему джентльмену, которому мы обязательно пришлем этот номер, напоминаем, что крайне заинтересованы в истории Собха Сингха о смене караула.

¹ «Иллюзорная форма», «двойник» в эзотерической философии.

² Метафизически и в нашей эзотерической философии это есть субъективная форма, переживающая смерть физических тел.

ПРИМЕЧАНИЕ К «ГОЛОВОЛОЖКАМ ДЛЯ ФИЛОЛОГОВ»

[Автор, м-р Грасиас, обсуждает проблему величайшей миграции народов с их первоначальных мест на плоскогорьях Центральной Азии и в конце статьи утверждает, что «точный срок этих эмиграций... нельзя установить, но если можно принять библейское исчисление, этот период, похоже, определенно начался сразу же после Ноева потоп, который библейские хронологи относят примерно к 2343 году до Р. Х.; а разлуку трех сыновей Ноя с их детьми и семьями можно объяснить несколькими миграциями, о которых идет речь, т. е. что Хам отправился в Африку, Иафет — в Европу, а Сим остался дома в Азии». Замечания Е.П.Б.:]

Этот способный молодой автор пишет весьма осмотрительно, когда, ссылаясь на Библию, ставит союз «если». «Всемирный потоп» никак не мог случиться в 2343 г. до Р. Х., и это доказано, не оставляя места для сомнений или геологического крючкотворства. Барон Бунзен в *«Месте Египта во всемирной истории»* допускает *частичный* потоп, происшедший более чем 10 000 до Р. Х. «Чам» или Хам, как ныне доказано антропологией, не имеет ничего общего с египетским народом, черепа мумий которого относятся к индо-кавказцам, чья высокая цивилизация предшествовала Ноеву потопу, как воды Красного моря предшествуют Суэцкому каналу.

КОММЕНТАРИИ К «СТРАННОЙ ФАНТАЗИИ»

[Автор этой заметки высказал несколько замечаний о древней славе Арьяварты ¹ и выразил надежду вскоре увидеть ее возрожденной благодаря усилиям Теософского общества и помощи «*Теософиста*».]

Наш дорогой соратник-раджпут, по-видимому, вдохновлен рыцарским рвением, которое всегда было характерным для этой воинственной расы. Хотя ни наш журнал, ни Общество не признают, что претендуют на принятие лидерства или стремление к чему-то большему, чем очень скромная часть огромной работы касательно индийской национальной реформации, мы, тем не менее, подтверждаем искренность наших мотивов и публикуем без искажений слова нашего собрата, в надежде и вере, что его благородный патриотизм эхом отзовется по всей стране. Для возрождения Индии должны быть задействованы усилия ее собственных сыновей.

---

¹ «Страна ариев», или Индия; древнее название Северной Индии.

РЕДАКТОРСКАЯ ЗАМЕТКА НА «ПОКЛОНЕНИЕ ПРИРОДЕ»

[В вышеупомянутой статье автор, подписавшийся «Н.Н.Д., бакалавр искусств», прослеживает «рождение и рост мысли среди индийских ариев с точки зрения поэзии Ригведы, и т.д., а далее — развитие науки, как он это наблюдал с исторической точки зрения». Комментарии Е.П.Б. на эту статью следующие:]

Мы весьма неохотно прерываем поток речи нашего корреспондента нашими комментариями, однако должны высказать несколько дополнительных слов. Он кратко и красноречиво прослеживал фазу хаотического поклонения природе. Однако он вместе с самыми современными научными педантами полностью игнорировал один главный фактор. Мы ссылаемся на опыт, некогда обыденный среди людей и теперь сравнительно весьма редкий в мире заурядных личностей, чье обиталище существует в четырех элементах, среди человеческих существ с пока еще, вероятно, недостаточно развитыми силами и восприятием существования. Мы просим прощения у тех, у кого подобные допущения вызывают жалость; но факт — это факт, признан он наукой или нет. Реализация внутреннего мира *элементалов* датируется самым началом нашей расы и сохранена от забвения в стихах поэтов, как и в религиозных и исторических записях нашего мира. Если учесть, что существование подобных феноменов развивало поклонение природе, в то время как наши друзья-материалисты допускают, что область таких феноменов, включая опыты с духами-элементалами, относится к самым высшим и благородным реалиям психологии, это должно посеять сомнения

насчет универсальности вер различных народов Невидимой Вселенной.

Почему же только один элемент, а именно — земля, должен стать таким крайне популярным, а огонь, вода, воздух и т. д. должны быть обречены на беспредельную пустоту, не заселенную своими собственными существами — «невидимыми расами», как их окрестил великий Бульвер-Литтон? Неужели эта пристрастность природы — есть научная и логичная гипотеза? Почему тот, кто наблюдает адаптацию органов чувств и природу существ в их развитии, осмеливается утверждать, что эти элементалы не существуют, пока полностью не убедится, что воспринимающие способности наших тел могут преошущать все тайны этого и других миров? Почему возможно такое, что в королевстве земли, воздуха, огня и воды для нас не существует духов, а мы по отношению к ним существуем только потому, что обладаем органами, которые не видят и не чувствуют других?

С иным аспектом этой темы можно будет познакомиться в декабрьском выпуске.

КОММЕНТАРИИ К «ИНДИЙСКИМ АЭРОБАТАМ»

[Автор, бабу Кришна Индра Сандьял, говоря о различных *сиддхях*, утверждает, что «совершенно ясно, что сиддхьи *анима* и *махи-ма* принимают состояние даже физического тела, как это было показано в «Варат рупа даршана» (*Гита*, XI)». К этому Е.П.Б. добавляет следующее замечание:]

Бабу Кришна неправ. Невозможно настолько надуть конечности человеческого тела простым воздухом, чтобы оно плавало по воздуху. Тело плавает в воде, потому что оно вытесняет собою соответствующее по весу количество этого плотнейшего элемента. Если он попытается сделать себе судно из какого-либо материала, такого же плотного, как человеческая плоть и кость, очень компактно заполненного обычным воздухом, оно останется лежать на земле, и он поймет, что теория аэробации несостоятельна; ибо упомянутое судно будет продолжать лежать на земле бесконечное количество времени, не выказывая ни малейшей склонности подняться, как это делает, например, тело аскета, несмотря на то, что оно не наполнено воздухом от головы до пят. Нет, здесь иной способ аэробации, и он описан членом филиала Теософского общества .¹ как «измененная полярность». Система вдыханий и выдыханий, практикуемых йогой, вызывает полярное изменение

---

¹ Об этом упоминается в длинном эссе о «Йога-видье», которое было опубликовано по частям в октябре, ноябре 1879 г. и январе 1880 в «*Теософисте*», том I. Авторы некоторых статей никогда не указывались, однако три точки вместо инициалов могут указывать на человека определенных спиритуалистских знаний. — *Составитель*.

посредством создания свойств физиологического и психологического характера.

Бабу также ошибается, предполагая, что тело из плоти может быть разделено на атомы и вынуждено заполнять всю пустоту пространства или может быть сжато в одну бесконечно малую атомическую точку, подобно алмазному зернышку. Пусть он подумает только над одним примером о природе биопластической материи и поймет этот факт так, как он есть на самом деле. Внутреннее я, благодаря достоинству своей извечной природы и связи с всепроникающей *Anima Mundi*, или Мировой Душой, способно показать качества *анима* и *махима*. Отчасти в арийской литературе, похоже, сообщается противоположная мысль, которая сразу же может быть воспринята как метафорическая и подразумевается как понимаемая только *мудрым*. Ученые мужи, которые писали эти книги, были адептами психологической науки, и мы не должны воспринимать их как несведущих в этих очевиднейших законах.

КОММЕНТАРИИ К «ИНДРЕ»

[Индра.] Произошло от санскритского *Ind*, которое, по-видимому, означает «видеть, открывать», а буквально «тот, кто видит или открывает», а именно, деяния мира.

[Автор описывает отличительные черты Индры и некоторые деяния, которые были приписаны ему его почитателями. На это Е.П.Б. делает следующее замечание:]

Внимательный читатель христианской Библии может быть изумлен ее сильным сходством с арийскими священными писаниями, и поскольку евреи — народ гораздо более молодой, чем арии, то можно сделать справедливый вывод, что их литература была если не скопирована, то по крайней мере вдохновлена этим изначальным величественным образцом. Например, сравните ведическую концепцию Индры как защитника своих почитателей и разрушителя городов с подобными же пассажами из *Псалмов* Давида.

[Далее Е.П.Б. цитирует Псалмы 38, 17, 29, 18, 28, 39, 96 и 135, и завершает это такими словами:]

Еще множество подобных цитат можно привести, чтобы продемонстрировать, что метающее громы и молнии воинственно-покровительственное божество евреев ЯХ, или ЯХВЕ, которого христиане приняли как главного персонажа Троицы и сделали предполагаемым отцом их второго персонажа, Иисуса, было во многом, если не всецело, реминисценцией Индры ариев.

НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО «ПЯТИКОНЕЧНОЙ ЗВЕЗДЫ»

В своем письме в «Теософист», К. Х. Ван дер Линден ищет объяснения некоторым необычным случаям, произошедшим с ним; в конверт также вложена копия письма на ту же тему, адресованное им полковнику Бунди в «Религиозно-философский журнал». В частности, там говорится: «Некоторые назовут меня сумасшедшим, другие мечтателем, а большинство людей — мошенником».

Несомненно, так оно и будет; и каждый член Теософского общества — если только он не скрывает в себе такие же личные оккультные и психологические опыты и не держит их в строгом секрете — должен быть готов к подобному обвинению. Публика (не исключая и высший свет) — готовая в любой момент отвернуться от своих идолов и авторитетов, и, разбивая их вдребезги, забрасывать их камнями и втоптывать в грязь даже таких выдающихся ученых как профессоров Хэйра и Цёльнера, г-д Уоллеса и Крукса, и все это лишь потому, что они были вынуждены признать некоторые феномены как факты и искренне объявить их таковыми — тем более не должна проявлять большую снисходительность к таким людям, как мы.

Повествуя о своих опытах, Ван дер Линден пишет: «Несколько дней назад у моей жены были мучительные спазмы в животе. Я магнетизировал ее, произвольно повторяя своими движениями фигуру пятиконечной звезды над больным местом, и вот! спазм исчез как по волшебству... Оказал ли при этом воздействие данный знак?»

В своем письме к полковнику Бунди он рассказывает, что лежал посреди ночи «в дремотном состоянии, но оставаясь в

сознании...» Он заметил возле своей кровати «фигуру человека в древнем одеянии», который сказал ему: «Сам того не осознавая, несколько дней назад ты использовал тайну, чтобы успокоить боли твоей жены, тайну, которая, если она станет известна всем, в корне изменит практику медицины... Я научу тебя, как тебе лично использовать ее... и только одно обещание я *требую* взамен... никогда не раскрывай этот секрет никому вне своей семьи...» В заключении автор письма сетует: «Сама наука стала испорченной и развращенной, ибо она отказывается признавать или исследовать факты».

Напротив, многие люди науки делают это. Но для этого от человека требуется исключительное мужество, чтобы встретить ту бурю критики, которая обрушится на экспериментатора из-за признания таких исследований, особенно в том случае, если они увенчаются успехом. Загляните в «Трансцендентальную физику» профессора Цёльнера и в «Изучение феноменов спиритуализма» В. Крукса, члена Теософского общества, и судите сами.

Что касается визитов «ориенталов» [людей с Востока], с одним из которых посчастливилось познакомиться м-ру Ван дер Линдену, то они стали довольно частыми в наши дни. У нас есть несколько писем о том же самом явлении. Однако, мы возьмем на себя смелость утверждать, что никакое объяснение не может принести никакой пользы, если ему не предшествовало долгое изучение и правильное понимание оккультных законов так называемых «магнетических сообщений». Сначала посмотрим, имеем ли мы право, собрав свидетельства одинаковых результатов, включить это таинственное воздействие в число фактов. Для нас преждевременно говорить о таких вещах, если даже научная гипотеза профессора Цёльнера о четвертом измерении пространства снискала столь слабое одобрение у материалистов. Между тем, мы добавляем к этим материалам другое письмо на ту же самую тему, полученное от одного парса, члена Теософского общества, который еще вчера был убежденным скептиком, но его скептицизм пошатнулся благодаря такому же эффекту.

Это письмо было получено от Дараша Дошабхои. Кроме рассказа о случае, сходным со случаем Ван дер Линдена, связанным с воздействием пентаграммы, он пишет, что его сильно поразила история о перевоплощении, рассказанная дамой из касты кшатриев, которая была опубликована в майском номере «Теософиста» за 1881 г. Он пишет: «Я обнаружил те-

перь, что история этой дамы подтверждает мое предположение, так как она утверждает, что поскольку в этом брэнном мире материи нет никакого возрастания или убывания, *атма* кого-либо, как только она покидает тело, переходит в другое тело... Я все еще настроен наполовину скептически относительно того, что это такое и чем это должно быть...»

Наука неспособна показать, что это или «чем это должно быть». Хотя намного легче доказать, чем это не является и не может быть. Это не «арфа» и не «крылья» на некой лишенной тела голове, на которой нет ничего, кроме ушей — и это единственное, чем можно утешиться.

РЕДАКТОРСКАЯ ЗАМЕТКА НА «МУСУЛЬМАНСКИЙ АБДАЛ (ЙОГУ)»

[Автор, Саид Махмуд, сослался на рассказ в Части III «Гулистана»,¹ повествующий о дервише, пересекшем реку на маленьком ковре, который он расстелил на воде, и спросил: «Почему враги не верят, что *абдалы* могут пройти через воду и огонь?»]

Этот анекдот, любезно предоставленный весьма образованным мистером Махмудом, действительно интересен и ценен: в нем изучающему психологию напоминает, что определенная область психофизиологических сил может развиваться, независимо от веры или национальности, любым, кто использует определенную систему тренировки, или, как мистер Махмуд выражается в своей заметке в его же переводе, тем, кто идет к святой жизни и таким образом преодолевает обычные, то есть самые знакомые, законы материи. Мусульманская литература изобилует достоверными описаниями психических феноменов, порождаемых приверженцами и аскетами этой веры, и хотелось бы надеяться, что по крайней мере часть из них может найти свое место на этих страницах посредством дружеской помощи персидских и арабских знатоков.

---

¹ «Гулистан, или Фруктовый сад» — поэма Саади (1184-1291), величайшего дидактического поэта и самого популярного персидского писателя. Она посвящена атабеку Абубекру. — *Составитель.*

КОММЕНТАРИИ НА «СВАМИ ПРОТИВ “МИССИОНЕРА”»

[Вышеупомянутая статья — это ответ преподобного Дж. Грея на замечания Мунши Самарзадана о дебатах в Ахмере, на которых этот преподобный джентльмен пытается исправить несколько «неточностей». На эту тему Е.П.Б. говорит следующее:]

Перевод на хинди вышеупомянутого автора был послан к Свамихи, и он пишет из Бенареса 10-го февраля:

Когда мною была устроена встреча в Ахмере, я попросил *падри* выступить на следующий день в дискуссии, но его ответ был, что он не прибудет. Поэтому теперь я отвечаю ему, что мне не пристало вести дискуссию, которую он сейчас предлагает. Если бы какой-либо высокообразованный священник был готов вести дискуссию такого рода в вашем журнале, можете не сомневаться, что я бы принял подобное предложение, сделанное им.

Несмотря на то, что наши колонки можно занять и более выгодными темами, чем дебаты о христианстве, которое умирает в своей же собственной цитадели, а в Индии никогда и не процветало, все же это не может быть проявлением пристрастности нашего подбора материалов. «*Теософист*» опубликует дискуссию, предложенную нашим собратом, если какой-либо священник выразит желание подставить свою голову под тяжелые удары «языческой» дубинки логики. Тем временем для некоторых *падри сахивов* не помешало бы прочитать нижеследующую редакционную статью из недавнего выпуска нью-йоркской *Sun*:

[Далее следует статья, автор которой пытается найти истинную причину отставания довольно большого количества студентов, изучающих теологию на факультетах богословия некоторых самых известных протестантских семинарий. — *Составитель.*]

ЗАМЕТКА НА «СИЯЮЩУЮ МАТЕРИЮ»

[В этой статье Камилл Фламарион комментирует открытия в физике, сделанные У. Круксом. Он говорит: «Спиритизм испытывает слишком большую благодарность великому ученому Уильяму Круксу, чтобы позволить хоть части его величайшей славы остаться незамеченной. Достаточно того, что он — автор восхитительных исследований *сияющей материи*... И наш долг перед читателями приветствовать эти открытия великого химика, который не уклонился от изучения *спиритических феноменов*». Е.П.Б. на это замечает:]

Двадцать миллионов человек на Западе, верящих в эти современные феномены, и те, кто приписывает себе посредничество с усопшими духами или душами (*бхутами*), делятся на две большие секты: спиритуалистов и спиритистов. Последние — это «реинкарнисты», верящие в последующие воплощения или переселение человеческой души.

КОММЕНТАРИЙ К «КАЛИЙЯ МАРДАНА»

[В этой статье автор, Рао Бахадур Дадоба Пандуранг, приводит из *Śrīmad-Bhāgavata* сообщение о том, как Кришна превозмог ярость огромной Гидры, называемой Калийей, и пытается истолковать этот миф. В конце статьи он пишет:

«Кришна... позволяет Калийе, когда она полностью побеждена... поменять свое обиталище на какое-нибудь еще в безмерном океане и больше никогда не волновать мир и не беспокоить счастье своего народа...; доказывая тем самым, что истинный Бог защищает от зла тех, которые посвящают себя Ему, а не весь огромный мир вокруг, который сбился с пути и отдалился от Него». Е.П.Б. на это пишет:]

И все же, опять, здесь говорится не о разрешении, даруемом змею, отправиться в бездонные пучины моря, но указывается на то, что хотя мы можем очистить наши личные характеры от зла, его никогда нельзя искоренить, а можно лишь задержать в бескрайних просторах *Космоса* в качестве противоборствующей силы, задействовав божество, которое поддерживает равновесие в Природе, — иными словами, баланс чаш весов и совершенная гармония разлада.

ПРИМЕЧАНИЯ К «БРАХМАЧАРЬЯ БАВА»

[Эти примечания добавлены Е.П.Б. к переводу статьи Брахмачарья о его жизни.]

[«...полностью полагаясь на защиту и всезнание всеведущего Мастера (Ишвары)».] См. «Занони» Бульвер-Литтона — сцена, где Занони видит и встречается со своим «Адонай».

[«... всеведение Бога (божественного Я или Духа, *персонального* Бога каждого человека)».] По Ишваре и Мастеру, персональный Бог не означает того, кого верующие считают творцом Вселенной и всего находящегося за ее пределами — Брахмачарья Бава не признаёт такого Бога находящимся в связи со Вселенной. Его Бог — это Брахма, вечная и универсальная сущность, которая пропитывает все и везде и которая в человеке есть божественная суть, являющаяся его нравственным проводником, признанным инстинктами сознания, заставляющая его стремиться к бессмертию и ведущая его к ней. Этот божественный дух в человеке — творческий Ишвара — соответствует имени Адонай, Бога каббалистов, т. е. Бога внутри человека.

[«Даттатрайя, универсальный Бог».] В обычном смысле, *Даттатрайя* — Троица, состоящая из Брахмы, Вишну и Шивы, воплощается в *аватаре* — конечно, в качестве тройственной сущности. Эзотерическое и истинное значение заключается в индивидуальной троице — тела адепта, его души и духа; эти три бытия реализованы в нем как реальное, существующее и потенциальное. Посредством тренировки йогой, тело становится чистым, как хрустальный гроб, душа

освобождается от всей своей грубости, а дух, который перед началом его пути самоочищения и развития был для него как сон, делается реальностью — и этот человек становится полубогом.

[ХРИСТИАНИЗИРОВАННЫЕ «ЯЗЫЧЕСКИЕ» ИДЕИ]

[Фрагмент, написанный рукой Е. П. Б., из архива в Адьяре. — Составитель.]

Кому же тогда обязаны мы современными представлениями об общении с духом и о возвращении духа? Откуда они появились? Все же, в наименьшей степени они могли бы появиться из протестантизма. Ибо, если мы не ошибаемся, хотя многие протестантские секты и различаются в различных вопросах, практически все из них согласны в вере в то, что душа умершего, будь то святой или грешник, уже осуждена и обречена до ее отделения от своего тела. Поэтому нет никакой необходимости в молитвах о ней. Она пробудится в последний Судный День, когда «Христос будет судить живого и мертвого», чтобы вернуться в свое тело, вместе со своим сознанием, то есть, своей сознающей индивидуальностью, которая будет либо награждена вечным блаженством, либо осуждена на вечное проклятие. И поскольку они смотрят на немедленное чистилище так же, как и католики, некоторые из них выглядят сильно запутавшимися в своих представлениях в отношении этого частного вопроса. Из всех тех, с кем мы смогли поговорить на эту тему, будь то теолог или мирянин, никто не смог прояснить для нас этого вопроса. Никто из членов протестантской церкви не мог объяснить, находится ли душа в течение этого периода — между телесной смертью и днем Воскресения — в сознательном или бессознательном состоянии, что помешало бы возможности некоего независимого действия, которое необходимо для духа, желающего сохранить свои земные отношения и общение с людьми.

[Следующие строки зачеркнуты самой Е. П. Б.]

Таким образом, мы имеем лишь римско-католическую и православную церкви, которые, приняв эти древние языческие идеи, христианизировали их и верят в них с некоей видимостью логичности. И так как первая учит о состоянии чистилища, а последняя, хотя и отрицает это состояние, все же надевает каждую грешную и каждую праведную душу пропорциональным количеством проклятия или блаженства, прежде чем час окончательного подсчета или Великого Судного Дня решит их судьбу, это также объясняет тот факт, что ...

[О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПИФАГОРЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ]

[Этот фрагмент, написанный рукой Е. П. Б., находится в архиве в Адьяре и воспроизведен по точной копии оригинала. — *Составитель.*]

...Азиаты говорят, что благодаря Зодиаку, который в течение тысячелетий использовался в наших храмах, — если целиком оставить в стороне психологические претензии, — мы имеем средства увидеть и глубоко проникнуть сквозь ту киммерийскую тьму, которая для жителей Запада протягивается назад в виде некой бесконечной и непроницаемой череды доисторических веков. И это жители Азии бесстрашно говорят в лицо профессору Веберу, который своим научным авторитетом убеждает доверчивую публику, что арийские брамины не знали Зодиака до первого века нашей эры и что индусы «в любом случае обязаны в том, что касается зодиакальных знаков и названий планет, греческому влиянию». Ибо, если он может показать, что Варахамитра (в Пулисе) «использовал в своих сочинениях огромное количество греческих слов», то индусы могут доказать на основании не меньшего авторитета, что тогда как Варахамитра жил в шестом веке христианской эры, Пифагор, который жил в том же, шестом веке (570 г. до н.э.), но одиннадцатью столетиями раньше, получил свое астрономическое и астрологическое образование (включая сюда и знание Зодиака), свою систему ученичества (chelaship) и религиозного братства, для чего перевел с санскрита термины *эзотерического* и *экзотерического* на греческий язык, и даже свое знание о гелиоцентрической системе — от посвященных

браминов. Его запрещение есть животную пищу и некоторые овощи и его учение о переселении душ пришли из Индии, так же как из шрути он взял свою систему внушения части учеников безграничного почтения к их учителю, или гуру, и, по существу, даже свою доктрину о числах, связанных с музыкальной шкалой, и о Вселенной, как о гармонически устроенном целом. Наши зодиакальные знаки имеют общее происхождение с знаками египтян, и это можно будет как-нибудь при случае доказать. Даже европейские египтологи приписывают Зодиаку возраст в 4000 лет до нашей эры.

Кроме того, некоторые из самых крупных светил филологии заходят столь далеко, что утверждают, что до предполагаемого завоевания Александром у индийских ариев вообще не было никакого представления об искусстве чтения и письма. И, хвастаясь столь немногим...

ДОМАШНИЕ ЛЕКАРСТВА ИНДИЙЦЕВ

[Следующее вступление было приложено Е. П. Б. к статье об индийских домашних лекарствах и методах лечения пандита Джасвант Роя Бходжапатры, местного хирурга.]

Мы рады отметить, что статья пандита Прананатха о действенности лечения чарами, или при помощи нанесения пятиугольной фигуры на дальнем или ближайшем конце части тела, укушенной скорпионом, повлекла за собой проведение подобных экспериментов повсюду, и, среди прочих, одним хирургом из Джолны, свидетельство которого было опубликовано в январском номере,¹ — с неизменным успехом. Таким образом, это позволило нам с большой радостью отметить, что оккультная сила впечатления, осязаемого или ментального, имеет не меньшее количество удостоверенных случаев, оказавших благотворное влияние на страдающего человека. Результат лечения, последовавшего за ядовитым укусом, или, если говорить о самом простом, успокоение сильной судорожной боли, внезапно причиненной жалом ядовитого насекомого, при помощи ментального или, скорее, психологического воздействия — это само по себе немалое приобретение для человечества. И если его можно было подтвердить посредством экспериментов, проведенных в разных местах добросовестными и непредубежденными учеными, во всех случаях укусов скорпиона, мы могли бы вскоре проверить влияние

---

¹ Статья, озаглавленная «Чары звезды для (лечения) укуса скорпиона» и подписанная «J. M., хирург», в «Теософисте», том II, январь 1881 г., стр. 92. — *Составитель.*

психологических методов лечения в случаях более сильных ядов, подобных яду змеи.

Очевидная эффективность метода лечения, подтвержденная тремя нашими авторами, побудила нас более тщательно проверить связи симптомов, которые влечет за собой отравление ядом скорпиона, с предполагаемым патологическим состоянием, вызванным ядом, и искать решение вопроса, который сам наводит на мысль о своей внутренней природе и своем действии на человека. Нам следовало сперва определить, был ли это локальный раздражитель, распространивший свое воздействие на нервы одной части тела, или же кровяной яд, который вызывает симптомы, возникающие в результате укуса через кровяные сосуды укушенной части тела.

Для того чтобы приблизить разрешение этой проблемы, необходимо изучить те симптомы, которые наблюдаются после укуса. Поэтому мы позволим себе рассмотреть, каковы они. Они представляют собой немедленное ощущение сильного жжения в укушенной части тела, как если бы на нее положили раскаленные угли; некую ауру, которая распространяется от этой части через всю конечность до ее самого дальнего конца или до места соединения конечности с туловищем; ее дальнейшей границей является подмышка, если укус пришелся на руку или предплечье, или пах, если это была нога или бедро. Затем общее потрясение системы сопровождается холодным потом, который прошибает все тело, и чувством истощения или прострации, из-за шокового состояния как нервной системы, так и разума. Все вышеизложенной является подлинной последовательностью симптомов, которые немедленно проявляются после укуса. Нам нет необходимости упоминать здесь о последствиях, ибо они отсутствуют во многих случаях. Большинство из них указывают на локальные воспаления, затрагивающего и лимфатические сосуды, если укус был совершен зрелым скорпионом.

Этого вполне достаточно для нашей данной цели, чтобы установить, что воздействие не выходит за пределы самых ближних крупных сплетений лимфатических каналов; также возможно, что яд не поглощается немедленно кровяными каналами, ибо, если бы это происходило, то намного более часто в результате укуса появлялись бы более тяжелые симптомы и

даже смертельные исходы. Это правда, что до сих пор не было проведено ни одного непосредственного эксперимента с ядом скорпиона, выделенного подобно змеиному, на низших животных; и степень его ядовитости и способ, которым он вызывает смерть, до сих пор не выяснен. Но тем не менее мы предполагаем, что его действие — это действие некоего раздражающего и едкого вещества, воздействующего на чувствительные корпускулы *rete mucosum*, или настоящей кожи, которая содержит в себе много чувствительных нервов. Внезапный шок, вызванный введением яда во внутреннюю структуру кожи, становится еще более сильным, вероятно, при таких обстоятельствах: во-первых, при очевидном отсутствии какой-либо видимой причины, и во-вторых, при вошедшем в привычку страхе при появлении этого животного, которое народное сознание связывает с действием его укуса. Таким образом, очевидно, что любой метод, который будет отвлекать разум от такого представления, ослабит страх, и что тот, кто сочетает с этим способом некое противоположное воздействие на нервные каналы, должен в достаточной степени изучить ауру, нейтрализовать тенденцию к их закупориванию и ослабить патологическое мышечное раздражение, которое проявляет себя во временных судорогах, сказывающихся на ауре. Оба эти последствия могут быть проконтролированы при помощи сильного положительного потока, искусственно наведенного на всю эту часть тела, от ближайших нервных центров вниз в направлении укушенной части; следовательно, вполне возможно, что человек с сильной волей, решивший направить поток своего собственного витального магнетизма на укушенную часть, сможет успешно успокоить боль и помочь лимфатической системе усилить свою работу и растворить яд. Сам этот яд со временем химически разлагается и выносится через эту систему благодаря лимфатическим сосудам. Но все это лишь предположение, правильность которого будет проверена только в результате экспериментов, проведенных с выделенным ядом. Между тем совершенно несомненно, что освобождение от страдания может быть получено при помощи тех психологических приемов, которые описывают авторы наших статей.

[ОТВЕТ ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О СОЛНЕЧНОМ ТЕПЛЕ]

... что «никакое земное вещество, с которым мы знакомы — никакое вещество, которое попало на Землю в результате падения метеоритов, — *не дает повода предполагать, что на Солнце происходит процесс горения*», — лишь может послужить оправданием вопросу — откуда же тогда эта удивительная теория о «вспышках» на Солнце и медленном, но все же непрерывном сгорании? «Адепты» отвечают таким образом: Если некто изучит подлинное устройство Солнца, он не остановится перед тем, чтобы подумать, что эта манвантара «выглядит намного превосходящей то предполагаемое время, в течение которого солнце может сохранить свое тепло», ибо — оно не является «просто остывающей массой». И, таким образом, «адепты» ответили на второй вопрос, насколько это возможно для людей, совершенно незнакомых с современной наукой; и теперь они завершают его последним замечанием. Поистине, современная физика солнца заслуживает сегодня во много большей степени поэмы или фантастического произведения, наполненного «представлениями, превосходящими концепции Мильтона», — чем рассудительного научного трактата о математических фактах астрономии. И в этих словах великого поэта-физика есть подлинно оккультное звучание, та основная тональность, на которой должны быть основаны все последующие рассуждения (См. Проктор, стр. 412).¹

---

¹ Ричард А. Проктор. Солнце, правитель, огонь, свет и жизнь планетарных систем. Лондон, Longmann & Green, 1871 г.

Ответ на вопрос [3]. Никогда не высказывалось утверждение о подобной бессмыслице. Катаклизм, который практически уничтожил атлантов, медленно подготавливался в течение веков (см. стр. 54 «Эзотерического буддизма»), и другие части этого континента и населенные людьми острова 4-ой расы погрузились в океан задолго до того, как его постигла кульминация финальной катастрофы, о которой говорится и которая известна в истории. Их цивилизация обладала совершенно иным характером, чем та, которой сегодня гордится Запад. Цивилизация Египта и особенно ее учения были столь же велики, как и учения последних атлантов, и, по крайней мере в одном отношении, намного превосходили доктрины современных европейцев. И все же, в то время как то и дело откапывают их нерушимые монументы из камня и тому подобное, монолиты, их сфинксы и статуи, пирамиды с многочисленными саркофагами, наполненные папирусами и несущие на себе свидетельства о поздних цивилизациях, уже исчезающих или близящихся к своему концу, — где же следы их более древней и удаленной вглубь времен славы, где записи о той цивилизации, о которой барон Бунзен был вынужден сказать:

[Две пустые строки для цитаты, которая отсутствует.]

И все же земля Египта никогда не погружалась в глубины океанического дна. Не была она и расщеплена повторяющимися землетрясениями, которые снова и снова сотрясали то песчаное ложе, на которое погрузился в свой последний физический сон несчастный Посейдон, — пока ее почва не превратилась за сотни лет в липкую грязь, медленно засасывающую последние следы этой цивилизации. Тем не менее, благодаря постоянному ежегодному отложению аллювия (всего на несколько дюймов за сто лет), выносимого Нилом, древним Хапиму, — следы древнейшей египетской цивилизации, которая столь же превосходит позднейшую или ту, с которой, как утверждают египтологи, они знакомы, как ваша собственная превосходит сегодня цивилизацию Тибета, — сокрыты навсегда от знания ваших подчас. Сколько тысячелетий пронеслось над пирамидами, превосходящими нынешние, причем каждое тысячелетие откладывало свои 50 или 60 дюймов земли над погребенными разрушенными городами, еще более древними сфинксами и дворцами, — это предстоит подсчитать вам, по-

следним завоевателям Египта. Вкапывайтесь все глубже и глубже в толщу песка и ила веков, и, быть может, вы сможете найти, и тогда подсчитайте и сложите ваши цифры. Нет; это не «предположение», но вполне определенное знание, что ваша современная европейская цивилизация, которая была циклопической и остается таковой, хотя могла бы иметь предметами своей гордости более тонкие и возвышенные вещи, будет также разрушена, ибо таков неизменный закон природы. И для некоего огромного пожара намного легче пожрать без остатка телеграфные и электрические механизмы, железные дороги и здания театров, недолговечные газеты и книги, рестораны и пивные, чем это было для потопа или наводнения — разрушить любое из семи чудес света и лабиринты, сады Семирамиды и Колосса Родосского, также как и древние неподверженные порче папирусы и пергаменты, — и тем не менее, время и стихии совершенным образом исполнили эту задачу. Сможет ли кто-нибудь распознать в спившихся трусливых коптах потомков непобедимых Сынов, обладавших «искусствами и языками» Озириса? Нынешние искусства обречены на уничтожение задолго до финальной катастрофы, чтобы освободить место для более совершенных искусств, — как и древний клавесин и клавикорд, исчезнув, освободили место для современного пианино, древняя виола — для скрипки, и некоторые из искусств и наук Египта, Рима и Халдеи, намного превосходящие современные, ныне утрачены, чтобы воскреснуть в будущем. Бессмертные творения Фидия, сделанные из мрамора, имели все основания сохраниться, и все же они почти исчезли, — но почему не должно случиться того же самого и с вашими? Что касается языков, то, не вступая в бесполезный спор с вашими филологами, которые не могут обнаружить никаких следов санскрита во времена, которые предшествуют этим несчастным двум тысячам лет до вашей эры, мы почтительно просим их высказать предположение о том, каков же был язык ученых атлантов? Адепты говорят, что древний санскрит и то, что сегодня называют тамильским языком, — это остатки того, что европеец назвал бы допотопным языком, а мы могли бы определить как до-посейдоновые языки. В этой связи автор позволит себе соединить шестой вопрос с третьим, к которому он очевидно относится... [Конец фрагмента.]

[ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ]

[Рукопись этого фрагмента, написанная рукой Е. П. Б., находится в архиве в Адьяре. Она состоит из двух листов, исписанных с обеих сторон. Некоторые сведения, содержащиеся в ней, согласуются с тем, что утверждала Е. П. Б. в ответах на «Некоторые вопросы, вызванные *Эзотерическим буддизмом* м-ра Синнетта», которые можно найти в томе V (1883 г.) данной серии. — *Составитель.*]

Их спрашивают о том, нет ли «некоторой путаницы» в письме, которое приводится на стр. 62 «Эзотерического буддизма» и связано с тем, «что говорили древние греки и римляне о том, кем были атланты». Они ничего не отвечают. Слово «атланты» — это родовое название.

(Вставка с небольшого белого листка.) [Он отсутствует.]

Вполне естественно, что те, кто интересуется Тайной Доктриной, должны сделать свой выбор; они или должны признать в качестве своего непогрешимого проводника (а) современного филолога, археолога, этнолога и специалиста по общей истории; либо (б) тех, кто владеет Тайной Доктриной и однажды покажет свои достоверные и неопровержимые доказательства; либо (те, кто были бы более здравомыслящими) (в) попытаться искать истину между этими двумя параллельными путями — современным исследованием и Тайной Доктриной. Таков путь, открытый для них, но им следует запастись терпением. Огюст Конт был не первым из философов, который заметил, что перед воссозданием необходимо разрушение. Никто не испытывает большего почтения и уважения к тяжелому труду филологов и археологов, чем «адепты», — и никто не видит более ясно их ошибки, чем эти скромные вы-

шеназванные персоны. В самом деле, кажется невозможным удержаться от улыбки по поводу некоторых из их рассуждений. И все же, этому не поможешь. Каким же образом некто сможет рискнуть выдвинуть свидетельство, основанное исключительно на секретах эзотерической доктрины, — той доктрины, которая была бы более чем бесполезна, если не доверена целиком тем людям, которых лишь и может она просветить; ибо отдельные изолированные свидетельства, выбранные наугад, удаленные друг от друга, причинили бы больше вреда, чем пользы. Насколько справедлива, например, эта важнейшая ошибка, появившаяся благодаря проф. Максу Мюллеру, который говорит, что «до времени Панини [грамматика] и до начала распространения буддизма в Индии было совершенно неизвестно использование письма для литературных целей», и «письмо использовалось в Индии до времени завоевания Александра [?!], — хотя оно и не могло применяться для литературных целей».¹ Сегодня одним этим единственным ошибочным представлением определяется судьба почти каждого хронологического вычисления, касающегося Индии и ее древностей. От демонстрации этого зависит исправление тысяч ошибок, и главная из них — это правильная датировка в мировых хронологиях Ведической эпохи и большого числа наиболее важных сочинений. Посмотрим, чем же является это доказательство проф. М. Мюллера, что письмо не было известно до определенного им времени: (а) «В терминологии Панини нет ни одного слова, которое предполагало бы существование письма»; (б) «нет никакого упоминания о материалах для письма, будь то бумага, кора или кожа, в то время, когда индийские *Diaskeuasts* собирали песни своих риши, так же как и нет никаких намеков на письмо в течение всего периода Брахманов»; (в) «Мегасфен и Непарх утверждают, что законы индийцев не были закреплены письменном виде»; (д) «все слова, обозначающие чернила (маси, кали, мела, гола) и перо (калама), имеют современное происхождение»; слово «липи», письмо, и «дхармалипи», священное письмо, не содержаться ни в каких подлинно древних сочинениях; и (е) брахма-

---

¹ «История древней санскритской литературы», стр. 507, 515. См. также статью «Была ли известна письменность до Панини».

ны «никогда не говорят о своих грантах, или книгах», и «мы никогда не встречается с [названием] книги, или тома, или страницы» в старых сочинениях брахманов»; и Ману или «вся литература брахманов не обнаруживает ни малейшего следа или намека на искусство письма».¹ Таковы главные доказательства. Показав столь многое, и постоянно заявляя о том, что ни у Ману, ни у Панини нет ни одного слова, связанного с каким-либо предметом, используемым при письме или чтении, — мы видим, что несколькими страницами дальше профессор признается, что: (1) В «Законах Ману» (X.1) мы читаем: «Все три касты могут читать Веды, но лишь брахманам позволено провозглашать их». Авторам древних сутр не было ничего известно об искусстве письма, тем не менее (2) одно слово в них, как кажется, усиливает предположение об обратном: «некоторые из сутр разделены на главы, называемые паталами. Это слово... означающее ... некое покрытие, окружающую кожу или мембрану... если это было так, оно выглядело бы практически синонимом слов *liber* и *biblos*, и обозначало бы книгу», и т.д.² (3) «У Панини есть и другое слово, как могло бы показаться, доказывает, что не только искусство письма, но и написанные книги были известны в то время. Это слово — грантха... [которое] четыре раза встречается в наших текстах Панини...». (4) «Слово *липикара* — это важное слово ... в сутрах Панини ... и можно бы обоснованно добавить, что это доказывает знакомство Панини с искусством письма».³ (5) В «Законах Ману» (VIII, 168) мы читаем: «То, что дано по принуждению, то, что используется насилем, а также написанное (лекхита) по принуждению ... Ману объявил недействительным». Сегодня любой беспристрастный читатель, который прочитал бы все вышеприведенные *pros* и *cons verbatim* (выдержки за и против) из «Истории древней санскритской литературы» проф. М. Мюллера, — увидит, что чаши весов с

---

¹ Цит. соч., стр. 515, 514, 520, 512, 501.

² Цит. соч., стр. 509, 524. Все вышеприведенные цитаты см. также на стр. 468—480 пересмотренного издания работы Мюллера, выполненного д-ром Сурендра Натхом Шастри в как одна из частей «Chowkhamba Sanskrit Studies», том XV, Бенарес, Vidyavilas Press, 1968 г. — *Составитель*.

³ Цит. соч., стр. 520.

доказательствами прекрасно сбалансированы. И все же великий кембриджский санскритолог добавляет к последней из приведенных фраз следующее в высшей степени удивительное замечание: «Но это лишь другое доказательство того, что метрическое переложение Законов Манавов было сделано позже Ведического века».

Именно на этом основании соответствующие работы определяют... На все это мы можем сказать лишь следующее: даже если бы во всей индийской священной литературе не было ни одного-единственного слова, которое хотя бы немного намекало на искусство чтения, письма или на хоть какое-либо представление об авторстве, мы все же утверждали бы, что это не доказательство, — и просто потому, что факты, приведенные профессором как доказательство противоположного, являются сильнейшими свидетельствами в пользу обсуждаемого вопроса. Когда он цитирует такие фразы, как «мы не встречаем нигде в буддийской литературе, и т.д.» (стр. 519), ему следует сперва осознать то, чего он не понимает, а именно, что *в течение веков Веды, как и вся наша священная литература, считались слишком святыми для того, чтобы изложить их в письменном виде*, и что такой поступок сразу же наказывался смертью. Сначала одни только посвященные брахманы, в большей степени, чем брахманы в целом, имели право «провозглашать» или произносить вслух Веды или священные мантры... Если бы они были открыты, мы привели бы для этой цели сотни шлок. После того, как они были записаны, долгое время одни лишь брахманы сохраняли их. Почему? Потому что вся священная литература — это серия оккультных трактатов, доктрин и практических наставлений науки наук, специально изложенных неким условным языком, причем такие предложения как правило имеют значение, совершенно противоположное тому, которое они должны выражать, и несколько тысяч слов, имеющих одно экзотерическое и одно эзотерическое значение, абсурдны и вызывают отвращение, если понимать их в буквальном смысле, возвышенны и величественны — если истолковать их при помощи сакрального кода. Никакой посвященный не мог быть и не может быть таковым, если он не запечатлел в своей памяти этот код. Даже записанные на своем экзотерическом языке, четыре Веды бы-

ли запрещенной книгой для трех низших каст. Одного примера, приведенного на стр. 283 в августовском номере «Теософиста» за 1883 г. [том. III], достаточно, чтобы показать, сколько тщательно скрывали посвященные их истинное значение. Он содержится в ответе Тара Натха на вопрос в статье «Наркотики *versus* [против] оккультизма». В нем он показывает, что слово «рамарасапанам», которое считается входящим в терминологию йогов и на профанном языке телугу обозначает сорт крепкого алкогольного напитка, — в эзотерическом языке имеет значение *определенного вида медитации* для достижения оккультных целей. И нет ничего удивительного, если наши ориенталисты не находят таких слов, как том, книга или бумага, в древних сочинениях; кажется вполне естественным, что первый писец, который отразил эти труды в письменном виде, должен был избегать добавления хотя бы одного-единственного слова в то, что было смрити или шрути, поскольку все подобные слова в сакральной литературе опускались, как богохульственные и кощунственные, поскольку считалось, что они низводят священные труды на один уровень с трудами непосвященных. И все же весьма затруднительно понять, каким образом можно заподозрить писца-брахмана, — а не кайастху, представителя касты «писцов», название которой не встречается в «Законах Ману» именно по этой причине, — в том, что он не имеет никакого представления о письме, в то время как в действительности он совершает этот процесс с древнейшими текстами. Если бы на брахманов, которые впервые отразили в письменном виде сакральную литературу, не было наложено такое ограничение, кайастхи — презренная каста писцов, потомки отца-кшатрия и матери-шудры, — никогда не смогли бы привнести многочисленные чужеродные элементы в оригинальный текст, как они сделали впоследствии. Не следует удивляться, если мы встречаем такие устаревшие слова, как адхьяя, наставления, прашна, вопросы, и другие, которые имеют двойной смысл, ключ к которому — это тайный Код; они были в конце концов заменены чисто эзотерическими терминами, такими, которые мы обнаруживаем в более поздних трудах, и именно они и привели Макса Мюллера к ошибочному предположению о том, что до времени Будды не было ни письма, ни литературных начинаний. Со-

вершено верно, каста кайастха была малочисленна и появилась лишь за несколько веков до буддистов. Но это вовсе не причина для того, чтобы утверждать, что не существовало никакого письма до этого времени. Относительная древность различных работ так называемого (ориенталистами) второго периода санскрита скорее вращается в некоем порочном кругу вокруг общедоступных сочинений, чем соотносится с трудами на арийском бхаша. Одни лишь брахманы говорили и на языке богов, санскрита бхаша (санскрит и его иератическое дополнение, сензар), и на пракрити бхаша. Язык богов был неизвестен никому, кроме них самих. О металлических пластинах, упомянутых в книге законов Яджнявалкьи, не говорится в «Законах Ману», и все же существуют четырнадцать пластин с выгравированными мантрами, которые предшествуют особому Коды, на котором говорили в течение семи столетий... Идея о том, что в то время как небольшое ... племя предположительно беглых египетских рабов, что демонстрируется на основании авторитета(!) их писаний, было ...

«ДУХ» ЗАНИМАЕТСЯ ПРОДЕЛКАМИ НА КАВКАЗЕ

[Нижеследующее — это вступительная заметка Е.П.Б. на письмо, касающееся спиритуалистических манифестаций:]

Воистину... Правда часто бывает более странной, чем выдумка!

Примерно три месяца назад американо-ирландский редактор одной незначительной англо-индийской газеты, очевидно, в припадке *белой горячки* с оскорблениями и клеветой назвал нас «спиритуалистами». Этот эпитет был брошен нам в лицо под явным впечатлением, что в глазах скептической публики, по крайней мере, это смутит и поразит нас. На сей раз этот ярлык не прилип. Если поверить в реальность бесчисленных феноменов, произведенных за долгие годы практически перед нашим взором почти по всей стране в самых тщательно проверенных условиях, исключаящих любую возможность обмана, назвать нас «спиритуалистами», помещая тем самым в ряд самых выдающихся ученых, то мы не будем отказываться от признания наших заслуг. Но если, с другой стороны, возьмем определение из словаря Вебстера, то получится, что «спиритуалист» — это «тот, кто верит в непосредственную связь с духами усопших через людей, называемыми *медиумами*». Как бы там ни было, мы не приписываем эти феномены тому, что верим в посредничество «духов», которые суть души усопших. Но не буду излагать здесь нашу персональную теорию. Ибо, для начала, существует очень мало спиритуалистов, которые незнакомы с этим; и наша сегодняшняя тема — привлечь внимание всех здравомыслящих людей, что вообще такие феномены, который ортодоксальные спиритуалисты при-

писывают духами, имеют очень малое значение, какую бы причину мы лично им не приписали. Рьяные и неутомимые искатели истины, жаждущие только ИСТИНЫ, мы, теософы, никогда не объявим кого-то непогрешимым и не станем превращать это в догму. Мы не сектанты, и большинство из нас, если не все, благородно открыты для ведения обсуждений. Пусть кто-нибудь докажет нам истинность сомнительного факта, чтобы он стал реальным, и мы в любое время охотно примем его в качестве догмы. Итак, высказавшись полностью, мы прилагаем, с разрешения людей, удостоившихся стать свидетелями этого необычного феномена, описание, приведенное ниже, а автор описания — наша собственная сестра, мадам В. П. де Желиховская из Тифлиса (Русский Кавказ), одна из самых правдивых женщин, которую когда-либо знали, и к тому же многие годы бывшая величайшим скептиком относительно подобных вопросов. Но этот сверхъестественный феномен ей довелось пережить лично, и все факты, кроме одного, случились прямо на ее глазах, о чем она без утайки рассказала нам. Будь они рассказаны кем-либо еще, мы, мягко выражаясь, отнеслись бы к ним с величайшим сомнением, и можно поставить десять к одному, что письмо было бы выкинуто в корзину. Но все-таки мы публикуем его полностью.

ПРОДЕЛКИ «ДУХОВ» СРЕДИ МИРЯН

[Нижеследующее вступительное замечание Е.П.Б. было добавлено к истории о призраке, которую она цитирует из «*Cincinnati Enquirer*».]

В этом случае под словом «миряне» мы подразумеваем такой класс общества и человечества в целом, который не является «ортодоксальными спиритуалистами», но точно так же не готовы заявить о себе как о верующих в теорию «Нового Избавления». Мы включаем в их число самых обычных смертных — христиан, скептиков и «ни то ни сё» — простите за столь вульгарное выражение. А потому всякий раз, когда мы слышим о совершенно достоверном феномене, якобы проделанном каким-то невидимым посредником — «душами усопших», как это считается у спиритуалистов, и то вне их храмов ортодоксии — «демонстрационных комнат», где медиумы как высшие священники и священницы проводят службу — мы даем им гораздо больше пищи для размышлений, чем могли бы дать иным способом. Такой сверхъестественный феномен нельзя просто взять под сомнение, как нельзя не доверять личному впечатлению и свидетельству миллионов людей из самых отдаленных веков, которое тоже чего-то стоит, хотя это можно как отрицать, так и считаться с ним. Нет; даже самые оголтелые приверженцы свободы мысли школы Брэдлоу, пока не стали алогичными и не пошли против духа собственного учения — «Верь только в то, что видишь собственными глазами, слышишь собственными ушами и чего касаешься собственными руками», — никакому адепту скептики не могли приписать подобный феномен. Что касается спири-

туалистов, мы только напомним бы им, что во всех этих странных событиях, демонстрирующих зловредный, порочный разум, лежащий в их основе, наша теория элементалов или земных воплощенных мыслей злых людей, которые покинули этот мир, как и всегда, имеет и положительный, и отрицательный аспект. Подобный феномен ставит этих верующих перед «ангелом мира» намного жестче, чем когда-либо между полюсами весьма неприятной дилеммы. Они либо принимают вместе с христианством существование дьявола, либо вместе с каббалистами принимают «элементалов». Честно говоря, со всей искренностью, мы не можем постичь никакой существенной разницы между христианским дьяволом — первоначально «падшим ангелом» — и злобным, порочным «духом» — или усопшей душою, — каждую из которых спиритуалисты считают ангельского и божественного происхождения.

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

В ноябрьском и декабрьском выпусках журнала «Теософист» Е. П. Б. опубликовала английский перевод, — по всей видимости выполненный ей самой, — некоторых отрывков из знаменитого романа Достоевского «Братья Карамазовы», а именно, из 5-ой главы 5-ой книги. Этому переводу предпосланы два следующих примечания: ¹

Посвящается переводчиком скептикам, которые столь громко кричали в печати и в частных письмах: «Покажите нам чудодейственных «Братьев», пусть они будут доступны публично, — и тогда мы поверим в них!»

Это фрагмент из прославленного романа Достоевского «Братья Карамазовы» — последней книги, вышедшей из-под пера этого великого русского романиста, который скончался несколько месяцев назад, сразу же после того, как были опубликованы последние ее главы. Достоевского сегодня начинают осознавать как одного из наиболее талантливых и глубоких

---

¹ Вероятно, предложение перевести этот фрагмент из романа Достоевского поступило от наставников Е. П. Б. В письме, полученном благодаря А. П. Синнетту в Симле в августе 1881 года от Учителя К. Х. («Письма махатм», стр. 204—207), содержится следующая фраза:

«Предложение перевести *Великого Инквизитора* является моим, ибо его автор, на котором уже лежала рука смерти, когда он писал это, дал наиболее убедительное и правдивое описание Общества Иисуса, чем все те, которые появились до него. В нем содержится очень сильный урок для многих людей, и даже вы можете извлечь пользу из него». — *Составитель.*

русских писателей. Его герои — это неизменно типичные персонажи из различных классов русского общества, поразительно живые и реалистичные до самой высокой степени. Переведенный отрывок представляет собой прекрасную сатиру на современную теологию в целом и римско-католическую религию — в частности. Его идея состоит в том, что Христос вновь посетил землю, появившись в Испании во времена инквизиции, и его сразу же арестовал как еретика Великий Инквизитор. Предполагается, что один из трех братьев в этой истории, Иван, грубый материалист и атеист новой школы, выразил эту концепцию в виде поэмы, которую он описывает Алеше (младшему из братьев), юному христианскому мистика, взятому одним «святым» в монастырь.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «ДВЕНАДЦАТЬ ЗНАКОВ ЗОДИАКА»

[Эта ценная и поучительная статья Т. Субба Роу сопровождается несколькими примечаниями, сделанными Е. П. Б. по поводу различных терминов и утверждений автора. Они таковы:]

[В отношении Знака Девы:] Дева-Скорпион, когда никто, кроме посвященных, не знал, что было двенадцать знаков. Для непосвященных за Девой-Скорпионом тогда следовал Стрелец. В срединной точке, или точке соединения, где ныне Весы, и на место знака, который сегодня так называется, который сопровождает Деву, располагались два мистических знака, оставшиеся непонятными для непосвященных.

[О зодиакальном знаке, о котором Субба Роу говорит как о знаке Крокодила:] Древние западные астрономы никогда не называли это созвездие Крокодилом и описывали его как рогатого козла, называя его — Козерогом.

[О принципе, который Субба Роу называет дживатмой, и который, как он говорит, изображается знаком Синха, или Льва:] В своем низшем или наиболее материальном состоянии это жизненный принцип, который дает жизнь материальным телам животного и растительного царств, и т. д.

[Об утверждении Субба Роу, что знак Синха, или Льва, представляет также «подлинного Христа, помазанного святого духа, хотя миссионеры могут отнестись неодобрительно к такому истолкованию:»] Тем не менее, оно справедливо. Дживатма в микрокосме (человеке) — это та же самая духовная сущность, которая одушевляет макрокосм (вселенную), разли-

чение, или специфическое отличие между двумя дживатмами, проявляет себя лишь в двух состояниях или условиях одной и той же Силы. Следовательно, «этот сын Параматмы» — это вечная взаимосвязь Отца-Причины, Пуруши, проявляющего себя как Брахма «золотого яйца» и становящегося Вирадждж — вселенной. Мы «все рождены Адити, из воды» (Ригведа, Гимны марутам, кн. 10, Гимн 63,2), и «Бытие рождено из небытия» (там же, мандала 1, сукта 164, 6).

[Об астральном свете:] Даже само имя Канья (Дева) показывает, что все древние эзотерические системы соглашались друг с другом во всех своих фундаментальных учениях. Каббалисты и герметические философы называли астральный свет «небесной или звездной Девой». Астральный свет в своем единстве является седьмым. Следовательно, семь принципов проникают в любое единство, или 6 и ОДИН — два треугольника и корона.

[Об утверждении Субба Роу, что «дживатма отличается от Параматма, или, если выразить то же самое другими словами, *баддха* отлична от *мукта*, поскольку первая, так сказать, полностью заключена внутри этих 36 таттв, в то время как другая свободна»:] Так же, как бесконечное отлично от конечного, и необусловленное от обусловленного.

[О 36 таттвах:] 36 — это три раза по 12, или 9 тетрактисов, или 12 триад, — это самые священные числа среди каббалистических и пифагорейских цифр.

[О знаке Макара, или Козерога:] См. статью «Пятиконечная звезда» в августовском номере (1881 г.), где мы утверждаем, что пятиконечная звезда, или пентаграмма, изображает пять конечностей человека.

[О «деяти Праджапати — помощниках Демииурга»:] Девять каббалистических сефирот, изошедших из 10-ой сефиры, и глава сефирот — идентичны. Три тройки или триады со своим эманативным принципом образуют пифагорейскую мистическую Декаду, сумму всего, которая представляет весь Космос.

О НЕПОГРЕШИМОСТИ ЕВРЕЙСКИХ ПИСАНИЙ

[Второй рукописный фрагмент Е.П.Б., обнаруженный в Адъярском архиве — очевидно, часть того материала, который в конечном счете стал «Тайной Доктриной». В этом фрагменте чуть ниже упомянут 1879 год. Несмотря на то, что *основное произведение* Е.П.Б. не увидело свет до 1888 года, она действительно «делала первые шаги» для этого еще 23 мая 1879 года, когда велись «Дневники» полковника Олькотта, тоже хранящиеся в Адъярском архиве. Между 25 мая и 4 июня 1879 года была проделана кое-какая подготовительная работа, а именно, было написано «Предисловие» к этому новому труду, который в то время представлялся как «переработка» «Разоблаченной Изиды». По некоторым причинам следующий отрывок оказался вне выстроенного порядка расположения материала. — *Составитель.*]

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом», — сказал некогда великий философ. Если моя первая работа, «Изида», появляется «на полвека раньше, чем следовало бы», как отметил благодущный критик, то вера, что новый труд окажется своевременным, похоже, оправдана. Сейчас не век неприступных религиозных цитаделей с каменными идолами или непогрешимостью, не принимающей никаких апелляций. Едва начавшись, он стал свидетелем крушения небесного дома кровавой резни — «Святой Инквизиции», отмененной в 1808 году, которая наводила ужас на христиан почти семьсот лет; и вот теперь, на его 79-й период, авторитет непогрешимого «Слова Божьего» подорван, расшатан с самого его основания рукою ее собственного англиканского синаедриона и нетвердым шагом идет к уничто-

жению.¹ Божественное Откровение делается раболепным к [здесь фраза прерывается]...

«Читателям... которые страшатся последствий даже самого слабого смягчения абсолютной словесной непогрешимости Ветхого Завета... мы надеемся, что сможем коротким разъяснением уменьшить их тревогу. Более ревностно мы станем убеждать их запомнить, что вопросы, на которые можно найти ответ в «Комментарии», которые покажутся им в известном смысле оскорбительными, находятся полностью в границах христианской веры, не затрагивают ни Кредо, ни христианской доктрины, ни предписаний в отношении поведения, ни правил церкви. Как бы эти вопросы мы ни решали, вся ткань божественной истины остается точно такой же, какой была, неразделенной и целостной». («*Quarterly Review*», *supra*, с. 334).

Таким образом, нас просят верить, что после разрушения таинственности египетских деяний Моисея, *дословной* точности его мнимых приказов от Бога, предсказательного значения высказываний пророков, в том, что касается пришествия Христа, которые многие века выставлялись напоказ, основания христианской теологии по-прежнему остаются «неразделенными и целостными». Будет очень трудно, следуя вместе с этими апологетами чрезмерной веры, удовлетворить беспристрастного критика, в то время как многое из заявленного о божественном откровении выброшено на ветер, сохранив лишь частицу непогрешимости или оставшейся божественности. Как можно видеть, ситуация сходна с Гамлетом: «Быть или не быть — вот в чем вопрос». Вообразите верхнюю часть дома, поддерживающую саму себя в воздухе после того как убран самый нижний этаж и фундамент!

---

¹ Публичное суждение не может быть слепым из-за обилия софизмов, походящих на следующее.

ТЕОСОФИЯ — СУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

[Оригинал нижеследующего фрагмента находится в Адьярских Архивах и представляет собой четыре старых листка, написанных Е.П.Б. от руки; вышеуказанное название было написано ею на оборотной стороне последнего из этих листков. Последний параграф дает приблизительный ключ к дате написанного, это примерно 1879 год. — *Составитель.*]

Чтобы иметь представление о первых *теософах*, нам придется проследить шаги сотен поколений, на мгновение вернуться к смутной традиции «нашего бездонного прошлого», как красноречиво заметил мистер Тиндаль — и назвать наших самых первых адептов — Агни, Вайю, Адитью и Ангираса, которые, находясь под вдохновением Вечносущего Духа (*Sarva Viraayas*), выразили словами четыре *Веды*.¹ Такие люди, как эти, не знали другого Божества, кроме того, что жило в них, так как они чувствовали себя неотделимыми от Него. Наверное, Эмерсон имел в виду именно это, когда писал свое эссе о *Высшей душе* (1902). Один из самых трансцендентальных идеалистов нашего времени, Эмерсон, в своем эссе о *высшей душе* высказал в немногих словах самое великолепное определение психологических утверждений, касающихся написанного выше. Говоря о смешении индивидуума со Вселенской Душой, он описывал это так: «Я — несовершенный, обожаю *мое собственное Совершенство*». Тех, кто подходит в точности под определение *теософов* Во, Эмерсон считает подозрительными. Его труды, замечания в виде благочестивой критики —

¹ См. «Веда Бхашья» Свами Дайананда Сарасвати.

однажды будут приняты благосклонно — «не будь там некоторых поразительных парадоксов и смелых утверждений, которые находятся в прямом конфликте с теологическими верованиями людей, их не поддержали бы ни факты, ни аргументы, но только *основанное на простом свидетельстве индивидуальное сознание автора*». Быстро проскочив смеяющиеся друг друга группы более поздних мистиков и Пророков, мы остановимся, чтобы отметить основателей шести великих школ индийской философии; потом отметим Шанкарачарью, Кабира и нескольких других, и пройдем вперед, чтобы вернуться к нашей нынешней точке. И здесь, в нынешнем столетии, мы обнаружим себя лицом к лицу с теми, в ком признаем братьев теософов, таких оригинальных мыслителей, как Свами Нарайан, Рам Мохун Рой, Брахмачарья Бава, Кешаб Чандер Сен и, наконец, последнего в списке, но не по значению — Свами Дайананду Сарасвати, ученого мужа, выдающегося знатока Вед и красноречивого оратора, а также основателя Арийской Реформации.

Теперь мы могли бы внимательнее проследить наши шаги и начать новый перечень с самых ранних теософов Арийской Греции. Где бы ни произошло разделение народов — после окончательного пристанища арийских племен, которые, мигрируя на юг, завладели Семиречьем, или раньше, когда предки современных народов все жили вместе в более северных областях, — это не имеет особого значения, мы по-прежнему обнаруживаем старинные теософии этих эмигрантов, которые сейчас существуют в основных нациях Северо-западной Азии и Европы, те же самые метафизические концепции, надежды и вдохновения — возможно, менее мечтательные, но в некоторых случаях сопоставимые со спекуляциями индийских ариев. Профессор Макс Мюллер приписывает эту миграцию последних — через Гималаи — периоду, который он называет «первым рассветом традиционной истории»,¹ но справедливо оставить этот вопрос открытым, пока не будет дополнительных и более серьезных доказательств, на которые можно будет сослаться, чтобы опровергнуть хронологию древности, как и современных индийских ученых. Для нас очень важно понять,

---

¹ См. «Веды» в «Отрывках из немецких семинаров».

что все эти народы некогда жили вместе, вместе думали и боролись в своих попытках разрешить вечные проблемы, постичь Невидимое и понять Непостижимое. И поскольку, согласно утверждению этого великого филолога, «не было ни одного народа, очень твердо верящего в другой мир и очень мало заботящегося по этому поводу... И нигде еще религиозные и метафизические идеи не пускали так глубоко корни в разум народа, как это было в Индии. Подобные идеи должны обладать... [фраза прерывается]

...огромный океан забвения, обрывки и кусочки самых ранних записей современных писателей, чтобы увидеть, что так оно и было всегда, и так должно всегда быть. Что каждый век демонстрировал одну и ту же особенность человечества, проявляя то, что как сама природа — как в абстрактном, так и конкретном смысле, — имеет свои противоположные полюсы, подобно тому и общество всегда должно состоять из двух противоборствующих элементов, подразделяемых на бесконечное количество меньших, которые однако тоже существуют ради могучего закона противоположности, и они притягивают друг друга, таким образом уравнивая и помогая себе в своем идущем вперед и прогрессирующем движении. И поэтому людям — особенно философам — кажется, что они рождены, чтобы расходиться во мнениях. Насколько далеко можно раскопать в древней истории, боги создавались постоянно, и им с одной стороны поклонялись, в то время как с другой стороны отталкивали их и оскверняли. И хотя Сатира более жестока, чем Медуза, и настолько же слепа, как Фемида с завязанными глазами, все же никогда не будет доказана достаточность ее для аргументации; ибо это всего лишь применение права сильного судить в тех вопросах, где нужно применять разум. И то и другое, если не будут совсем уничтожены, должны однажды отступить перед логикой и разумом. В лукиановской *«Продаже философов»* великий Пифагор подставляет локоть циничному Диогену, одетому лишь в тряпье; и хотя один выручает десять мин, а второй — два обола, все-таки оба — бессмертный философ и грязный афинский фигляр — послужили мишенью для стрел иконоборческого сирийского юмориста. Тем не менее некоторые историки, если не сама История, справедливо относились к обоим, и в после-

дующие годы им справедливо воздавали по заслугам. Часто те, кто наиболее жестоко боролся с предрассудками и фанатизмом своего века, оказывались оскорбляемыми более удачливыми преемниками в следующем. В течение многих поколений Сократа называли неверующим; Суидас, для развенчания всеобщих идолов стремящийся сорвать маску с превдопророка Пафлагонии, называет Лукиана «Богохульником»...

«Союз — это сила», — утверждает вековая Мудрость. Имея такое разнообразие врагов, чтобы с ними бороться, немногие, разбросанные по всему свету, мистики и независимые мыслители, четыре года назад объединились в небольшую организацию. В конце года они стали маленькой армией, и их ряды постоянно увеличиваются и крепнут.

Е.П. Блаватская

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

КАРМИЧЕСКИЕ ВИДЕНИЯ

*Произведение Е.П. Блаватской,
написанное под псевдонимом «Санджна».*

«О, больше нет печали!
О, сладостное *Больше нет!*
О, чуждое мне *Больше нет!*»

Близ мшистого берега, где бежит ручеек
На камне растет одинокий цветок.
И чувствую я дивный запах его,
В ушах раздается же только одно,
На очи мои навернулась слеза,
Да, прежнее счастье ушло навсегда...
В земле на три фута, ТЕПЕРЬ НИКОГДА!»
Теннисон, «Самоцвет», 1831

1

Лагерь на поле брани полон военных колесниц, громко ржущих лошадей и легионов длинноволосых воинов.

Разноцветный королевский шатер, безвкусно пестрый в своем варварском великолепии. Его льняные стены едва не провисают под тяжестью оружия. В центре возвышается обитое шелком сиденье, на котором восседает воин крепкого сложения и очень дикой внешностью. Он разглядывает пленников, которых подводят к нему по очереди. И судьба их решается согласно прихоти бессердечного деспота.

Сейчас перед ним стояла очередная пленница и обращалась к нему с неистовостью в голосе... Когда он слушал ее, с трудом сдерживая страсть на своем мужественном, но свирепом и жестоком лице, белки его глаз наливались кровью и вращались от ярости. Когда он наклонился вперед, зловеще

глядя на женщину, то вся его свирепая внешность — спутанные волосы, нависающие над нахмуренными бровями, ширококостное, мускулистое тело с могучими руками, положенными на щит, стоящий справа от него — вынудила седоголового воина, расположившегося неподалеку, прошептать:

— Не стоит ждать пощады святой пророчице, угодившей в лапы Хлодвига! *

Пленница, стоявшая между двумя бургундскими воинами, пристально глядела в глаза бывшему салическому принцу, а ныне королю всех франков. Это была очень старая женщина с серебристо-белыми взъерошенными волосами, ниспадающими на ее худые, как у скелета, плечи. Несмотря на почтенные годы, она держалась совершенно прямо, а ее вдохновенные глаза гордо и бесстрашно рассматривали жестокое лицо коварного сына Хильдерика.**

— Да, король, — громким, звенящим голосом промолвила она. — Да, сейчас ты велик и могуч, но твои дни сочтены, и твое царствование продлится не более трех лет. Ты был рожден порочным и злобным... ты предательски относишься к своим друзьям и союзникам и награл больше, чем кто-нибудь, носящий законную корону. Убийца своих ближайших родственников, в честном бою ты, помимо ножа и копья, пользуешься кинжалом, ядом и изменой, но будь осторожнее со служанкой Нертус! ¹ ***

— Ха-ха-ха, старая ведьма из Ада! — захихикал король со зловещей презрительной усмешкой. — Воистину, ты выползла из нутра твоей богини-матери. И ты не боишься моего гнева? Что ж, это хорошо. Но мне вряд ли следует бояться твоих пустых проклятий... мне, крещеному христианину!

— Это, конечно, так, — отвечала прорицательница. — Всем известно, что Хлодвиг отказался от богов своих отцов; что он навсегда потерял веру в предостерегающий глас белого

---

* Хлодвиг I (481-511) — основатель Франкского государства.

** Хильдерик I (457-481), сын Меровея, король салических франков.

¹ Питающая (Тацит. О происхождении германцев, X) — Земля, Богиня-Мать, самая милосердная и почитаемая богиня древних германцев. — *Прим. автора.*

*** Нертус — богиня плодородия, растительности и земли.

солнечного коня и что, не боясь алеманов, склонил колени перед Ремигиусом Рейнским, назорейским служителем. Но разве ты стал соблюдать свою новую веру? Разве не ты хладнокровно убил всех твоих братьев, что верили тебе, после твоего отступничества, как это было и прежде? Разве ты не присягнул в вере Алариху, королю вестготов, и разве не ты предательски убил его, вонзив копье ему прямо в спину, когда он отважно сражался с врагом? Неужели даже теперь твоя новая вера и новые боги учат твою черную душу изобретать самые мерзкие средства против Теодориха, который может лишить тебя нынешнего положения?.. Берегись, Хлодвиг, берегись! Ибо нынче боги твоих отцов восстали против тебя! Берегись, говорю тебя, берегись, ибо...

— Эй, женщина! — яростно вскричал король. — Женщина, прекрати свои безумные речи и ответь на мой вопрос. Где сокровища священной дубравы, накопленные жрецами Сатаны и спрятанные ими после того, как их разогнал Крест Господень?.. Ведь тебе одной известно про это! Отвечай, или, клянусь Небесами и Адом, я вырву язык из твоей поганой глотки!

Она не обратила внимания на угрозу, а спокойно продолжала говорить, будто вовсе не слышала слов короля.

— Боги утверждают, что ты проклят, Хлодвиг, и что возродишься заново среди твоих нынешних врагов, и станешь претерпевать те же муки, которыми ты подвергал свои жертвы. И еще, ты лишишься своего могущества и славы и так и не достигнешь их в будущем!.. Ты...

Прорицательница так и не закончила своей фразы.

Чудовищно выругавшись, король сжался, подобно дикому зверю, на покрытом кожей сиденье и, прыгнув на женщину как ягуар, одним могучим ударом свалил ее на землю. И когда он вознес над нею свое острое смертоносное копье, «Святейшая» племени солнцепоклонников звонко огласила воздух последним проклятием.

— О, враг Нертус, я проклиная тебя! И пусть мои мучения воздадутся тебе десятикратно!.. И пусть Великий Закон отомстит...

Увесистое копье пронзило горло жертвы, пригвоздив ее голову к земле. Фонтан горячей крови хлынул из разверстой раны, забрызгав одеяние короля и солдат...

Время... этот межевой знак для богов и людей в бесконечном пространстве Вечности, беспощадный убийца собственного потомства и памяти человечества... время движется бесшумным, непрерывным шагом через зоны и века... И вот, среди миллионов Душ возрождается Душа-Эго: заново возрождается, во благо или для печали — кто знает? Будучи плененной новой человеческой Formой, она растет вместе с нею, и в конце концов они вместе начинают осознавать свое существование.

Счастливы годы цветущей юности, неомраченные нуждой и печалью. Эти лета не ведают ни Прошлого, ни Будущего. Все для них суть радостное Настоящее: ибо Душа-Эго не осознает, что некогда она жила в иной человеческой оболочке, равно как не знает она, что будет возрождаться снова и снова, поэтому не думает о завтрашнем дне.

Эта Форма спокойна и довольна, и пока это так, Душа-Эго не ведает горя. Она счастлива благодаря постоянно мягкой безмятежности характера и любви, которую она распространяет вокруг, где бы ни находилась. Ибо это — благородная Форма, а сердце ее полно благожелательности и доброты. Эта Форма никогда не пугает свою Душу-Эго жестокими потрясениями и не беспокоит безмятежное состояние ее владельца.

Годы плавно скользят, как одно короткое паломничество; долгое путешествие через залитые солнечным светом жизненные тропинки, окаймленные вечно цветущими розовыми кустами без колючек. Очень редко печаль выпадает на долю этой пары, Formы и Души, являясь им скорее как бледный свет холодной северной луны, отблеск которой погружает все освещаемые ею предметы в глубочайшую тень, нежели крошечную тьму ночи, ночи безнадежной печали и отчаяния.

Сын Принца, рожденный для того, чтобы однажды править королевством своего отца, с самой колыбели был окружен уважением и почестями; заслужил всеобщее почтение и любовь... Чего же еще может пожелать Душа-Эго для Formы, в которой она нашла себе пристанище!

Вот так Душа-Эго продолжает наслаждаться жизнью в своей неприступной башне, спокойно любуясь постоянно сменяющейся жизненной панорамой, расстилающейся пред ее двумя окошками — двумя голубыми глазами любимого и благочестивого человека.

3

Наступает время, когда дерзкий и неистовый враг угрожает отчему королевству, и тогда дикие, свирепые инстинкты старого воина просыпаются в Душе-Эго. Оно покидает свою страну грез посреди жизненного расцвета и заставляет свое человеческое Эго выхватить боевой клинок, убеждая его, что это — защита своей страны.

Побуждая друг друга к действию, они покоряют врага и покрывают себя славой и почетом. Они заставляют надменного врага поедать пыль у своих ног в наивысшем унижении. Ибо они увенчаны историей неувядающими лаврами героизма, как все победители. Из поверженного врага они делают скамеечку для ног, и небольшое королевство их предков становится великой империей. Удовлетворенные, ибо не смогли бы добиться большего в настоящее время, они возвращаются к уединению и удаляются в стан грез своего родимого дома.

И на протяжении больше чем пятнадцати лет Душа-Эго остается на своем обычном месте, рассматривая из своих окон мир, лежащий вокруг. Над ее головою — синее небо и широкие горизонты покрытые, внешне неувядающими цветами, произрастающими в солнечных лучах благосостояния и могущества. Все выглядит чудесно, как зеленеющий луг весной...

4

Однако во всей этой драме бытия наступает злой час. Он является в жизни и короля и нищего. Он оставляет следы в истории каждого смертного, которого родила женщина, и его

самых приспособленных. Но почему же именно *ИХ* следует защищать?

А как красиво утро на рассвете, когда его первые золотисто-янтарные лучи словно целуют скалы этого прекрасного берега? Слышится радость в песне жаворонка, когда он, вылетая из своего травяного гнезда, пьет утреннюю росу из глубоких чашечек цветов; когда розовые бутоны трепещут от первого ласкового прикосновения солнечного лучика, а земля и небеса улыбаются в обоюдном приветствии. Только вот печальна Душа-Эго, когда она наблюдает за пробуждающейся природой с высокой постели, стоящей напротив огромного зеркала.

Как спокойно и тихо приближается полдень, когда тени солнечных часов решительно ползут к отметке часа отдохновения. Теперь жаркое солнце начинает расплавлять облака в прозрачном воздухе, и последние полоски утреннего тумана, все еще обволакивающие вершины отдаленных холмов, наконец, исчезают. Вся природа в этот жаркий и ленивый полуденный час готовится к отдыху. Крылатое племя прекращает свое пение; их мягкие, цветистые крылья изнемогают, и птицы опускают усталые головки, выискивая убежище от нестерпимого пекла. Утренний жаворонок занят тем, что гнездится в кустах под гроздьями цветов граната, растущих вдоль гладкого средиземноморского пляжа. И даже самый громкий певец в эти мгновения замолкает.

— Его сладкий голосок снова весело запоет, но это будет завтра! — вздыхает Душа-Эго, прислушиваясь к замирающему жужжанию насекомых, обитающих в зеленых болотах. — А запую ли вновь когда-нибудь я?

И вот напоенный цветочным ароматом легкий ветерок едва скользит по верху утомленной растительности. Одинокая пальма, пробившаяся сквозь щель в покрытой мхом скале, почти ухватывает взгляд Души-Эго. Ее одиночный торчащий вверх цилиндрический ствол весь изогнулся и почти переломился от мощных порывов ночных северо-западных ветров. И раскинув из стороны в сторону свои похожие на перья утомленные руки, пальма раскачивается туда-сюда в голубом прозрачном воздухе, она вся трепещет и чуть ли не ломается надвое от первого же шквального порыва ветра.

— А после отделившаяся часть рухнет в море, и этой одинокой величественной пальмы больше не станет, — говорит сам с собой Душа-Эго, печально взирая в окно.

Все возвращается к жизни, когда в час заката в старой беседке наступает прохлада. Тень на солнечных часах с каждой минутой становятся длиннее, и оживившаяся природа пробуждается даже сильнее, нежели в самые холодные часы приближающейся ночи. Птицы и насекомые чирикают и жужжат, исполняя свои последние вечерние гимны вокруг этой мужественной и все еще могущественной Формы, когда она медленно и устало ступает по покрытой гравием тропе. И теперь ее суровый взгляд с тоскою и затаенной завистью взирает на голубую вздымающуюся грудь умиротворенного моря. Пролив искрится, подобно ковру из синего бархата с вкрапленными в него самоцветами, в этом прощальном танце солнечных лучей и улыбается, как задумавшееся утомленное дитя, усталое от долгого гуляния по берегу. А еще дальше, спокойное и безмятежное в своей коварной красоте, все дальше и дальше расстилается море, своими холодными водами напоминая гладкое зеркало... соленое и горькое, как человеческие слезы. Оно лежит в своем предательском покое, подобно гигантскому спящему чудовищу, и стережет непостижимую тайну своих черных бездн. Оно действительно являет собой кладбище без памятников, где нашли свой последний приют миллионы утонувших в его глубинах...

Без могилы, без погребального звона,

И не положенных во гроб,

непогребенных и безвестных...

Когда печальные останки единственной благородной Формы проходят там, как только их час пробьет и гулкоголовые колокола звонят по усопшим, отделившуюся душу следует подготовить к погребению и похоронить с помпой. Об ее разрушении и распаде возвестят миллионы трубных гласов. Короли, принцы и все могущественные люди на земле явятся на ее похороны или пошлют своих представителей с печальными ликами и изъявлениями соболезнования тем, кто навеки остался после них...

— Выиграно лишь одно очко у тех, непогребенных и безвестных, — вот горькое размышление Души-Эго.

Таким образом один день стремительно сменяется другим; и когда быстроекрылое Время убыстряет свой полет, каждый исчезающий час разрывает некую нить в материи жизни, а Душа-Эго — это постепенно преобразованные в своих видах предметы и люди. Проносясь между двумя вечностями, гораздо дальше от своего места рождения, одинокая среди толпы своих врачей и слуг, эта Форма с каждым днем все ближе и ближе тянется к своей Душе-Сущности. И теперь другой свет, не доходящий и недоступный в дни радости, мягко опускается на изможденного пленника. Теперь это кажется тем, что прежде никогда нельзя было постичь...

6

Как велики и таинственны весенние ночи на морском берегу, когда ветры словно цепенеют, и все стихии утихают! Тогда в природе воцаряется торжественная тишина. Едва слышен шум серебристой волны, мягко набегающей и нежно ласкающей влажный песок, ракушки и голыши. Совершая свое бесконечное путешествие вверх и вниз, шум волны достигает слуха, подобно нежному нескончаемому дыханию, исходящему от мерно вздымающейся груди спящего. До чего же ничтожным, маленьким и беззащитным чувствует себя человек во время этих спокойных часов, когда он находится между двумя гигантскими непостижимыми величинами: усыпанном звездами небесным куполом и спящей землей. Небеса и земля погружены в сон, но их души бодрствуют, и они ведут между собой бесконечную беседу, шепотом передавая друг другу невыразимые тайны. Вот тогда-то оккультная, сокровенная сторона Природы и приподнимает для нас свою завесу, и открывает нам тайны, которые мы тщетно попытались бы отыскать днем. Кажется, что небесный свод, настолько удаленный от земли, в эти мгновения приближается и склоняется над нею. Звездные луга обмениваются объятьями со своими более скромными земными братьями — полянами, усыпанными маргаритками и спящими изумрудными полями. Небесный

свод падает ниц в объятья величественного умиротворенного моря; и мириады звезд, что усыпали небосвод и смотрели на землю, словно купаются в каждом озерце и лужице. Для изрезанной скорбными морщинами души эти мерцающие светила как глаза ангелов. С невыразимой печалью они взирают с вышины на страдающее человечество. И не ночная роса покрывает лепестки спящих цветов, а слезы сострадания, что падают из этих глаз при виде ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОРЯ.

Да, нежна и прекрасна южная ночь. Однако...

Когда мы молча наблюдаем за одром,
В мерцании ночного света,
И все, что любим, спешно ускользает прочь,
Ох, до чего ж ужасна Ночь...*

7

Каждый день хоронит с собою еще целую череду дней. Далекие зеленые холмы и хрупкие ветви цветущего граната незаметно сливаются с густым ночным мраком, а одновременная печаль и радость погружают в оцепенение спящую душу, жаждущую покоя. В королевских садах замирают все шорохи, и во всеобъемлющей тишине не слышать ни голоса, ни звука.

Улыбающиеся звезды навевают быстрокрылые сны на разноликие толпы людей, и, спускаясь на землю, эти сны рассеиваются среди простых смертных и бессмертных, среди животных и людей. Они парят над всеми спящими, и каждый сон притягивается спящим по своей близости к нему и характеру; это сны радости и надежды, сны сладкие и невинные, ужасные и кошмарные, и все эти сны, проходя сквозь закрытые очи, ощущаются душою; некоторые вселяют надежду и утешение, иные вызывают рыдания, и тогда вздымающаяся грудь чувствует нестерпимую тяжесть, глаза — выступающие слезы, а разум — мучения; и все это бессознательно готовит спящих к их пробуждающимся мыслям о завтрашнем дне.

---

* Ложе старой женщины в сером: Доверская легенда.

Даже во сне Душа-Эго не знает покоя.

Жар и лихорадка ее тела вызывают у нее почти нескончаемую муку. Поэтому время счастливых снов — теперь лишь исчезнувшая тень и долгие воспоминания о прошлом. Физические страдания терзают полностью пробудившуюся Душу. С холодных и неприветливых идолов мира снимается иллюзорный покров, тщета и пустота славы и богатства стоят перед глазами полностью обнаженными, а нередко и отвратительными. Мысли Души падают, как тени, на мыслительные способности этого стремительно разрушающегося тела, преследую думającego днем, ночью, каждый час...

Зрелище фыркающего боевого коня больше не радует его взгляд. Воспоминания об оружии и стягах, отбитых у врага; о покоренных городах, о траншеях, пушках и походных шатрах, о побежденных армиях теперь совсем мало щекочут его национальную гордость. Подобные мысли больше не двигают им, а тщеславие становится бессильным, чтобы разбудить в его больном сердце величественное признание героических рыцарских подвигов. Совершенно другие зрелища теперь преследуют его скучным днем и бессонными ночами...

Теперь он видит столпотворение воинов, кромсающих друг друга среди дыма и крови; тысячи изуродованных трупов покрывают землю. Они разорваны и разрублены на куски при помощи смертоносного оружия, изобретенного наукой и цивилизацией, благословляемыми на успех слугами его бога. Теперь он видит истекающих кровью, израненных и умирающих людей, с оторванными руками и ногами и всклокоченными волосами, в одеждах, пропитанных кровью насквозь...

8

Отвратительный сон сам отделяется от череды проплывающих видений и тяжело опускается на его больную грудь. В этом кошмаре он видит людей, умирающих на поле боя и в последнюю секунду проклиная тех, кто послал их на эту бойню. И каждый приступ боли приносит ему во сне воспоминания о муках еще более сильных, о болях, которые дово-

дилось некогда претерпеть ему. Он видит и *чувствует* мучения погибших миллионов людей, которые умирают после долгих часов жуткой мысленной и телесной агонии; которые выпускают свой последний дух в лесах и на равнинах, в придорожных канавах с застоявшейся водою, умирающих в лужах крови под черным от дыма небом. Его пристальный взгляд снова и снова впивается в потоки крови, каждая капля которой — это слеза отчаяния, пронзительный вопль разорвавшегося сердца и беспредельной печали. Снова он слышит их леденящие кровь крики безысходной скорби, и эти крики громко звенят над горами, лесами и долинами. Он видит старух-матерей, навеки лишившихся света души; он видит целые семьи оставшихся без кормильца. Он замечает молодых вдов, выброшенных в огромный, равнодушный мир, и нищих сирот, жалобно плачущих на улицах среди тысяч других. Он видит молодых дочерей своих самых храбрых солдат, обменивающих свои траурные одежды на цветастые, мишурные платья проституток, и Душа-Эго невольно вздрагивает в своей спящей Форме... Его сердце разбито от отчаянных криков умирающих от голода; его глаза ослеплены дымом горящих деревень, разрушенных домов, городов и сел, превращенных в тлеющие развалины...

И в этом кошмарном сне он вспоминает тот момент безумия в жизни солдата, когда, стоя над грудой погибших и умирающих людей, он махал вправо и влево рукою, сжимающей обнаженный меч, красный по рукоятку от запекшейся крови, и падающего к его ногам воина, погибшего от его руки, и как громopodobным голосом посылал он молитвы к трону Всевышнего, благодаря его за одержанную победу!..

Он спит — и просыпается в ужасе. Все его тело сотрясается, как осиновый лист, и он откидывается на подушки, совершенно измученный воспоминаниями. И тут он слышит голос — голос Души-Эго, которая говорит ему:

— Слава и победа — тщеславные слова... Благодарность и молитвы за уничтоженные жизни — злобная ложь и богохульство!..

— Что же принесли тебе или твоей родине эти кровавые победы? — шепчет Душа, затаившаяся внутри него. — Народ облачился в металлическую броню, — доносится до него от-

вет. — Много миллионов людей теперь мертвы для духовных стремлений и жизни Души. И оттого народ глух к мирному голосу долга самых достойных граждан и питает отвращение к мирной жизни. Он слеп к искусству и литературе, равнодушен ко всему, кроме корысти и тщеславия. Ну, и каково же твое будущее, Королевство? Легионы военных марионеток, как единое целое, и огромный дикий зверь в их общности. Теперь этот зверь мрачно дремлет, как море за твоим окном, но он готов впасть в лютую ярость при виде первого врага, на которого ему укажут. Укажет, но кто? Как будто бессердечный, гордый дьявол, внезапно принявший на себя власть, олицетворяющий собою Тщеславие и Могущество, охватил железной дланью разум целого государства. Благодаря какому злему колдовству перенес он народ на много веков назад, к примитивной жизни, когда его предки, желтоволосые свебы и грозные франки, странствовали, охваченные воинственным духом, жаждя убивать, чтобы истребить каждого десятого и покорить друг друга. Благодаря каким адским силам все это свершилось? И все же изменение произошло, и это стало таким же неизбежным фактом, что один лишь враг рода человеческого радуется и похваляется тем, что это изменение свершилось. Весь мир затаил дыхание в ожидании. Не жены или матери, а появляющейся в ее снах черной, огромной штормовой тучи, нависшей над всей Европой. Эта туча надвигается все ближе и ближе... О, горе и ужас!.. Я снова предвижу для земли страдания, которыми я уже был свидетелем. Я вижу роковую участь по выражению лица цветущей юности Европы! Но пока я живу и обладаю властью, никогда, о, никогда моя страна не снова не примет участие в этом! Нет, нет, я не увижу...

Смерть ненасытную, что жадно поглощает
измученные жизни...

Я не услышу —

Как мать пронзительно кричит,
Та, у которой отняли ее дитя,
В то время, как из рваных ран мужчин
Жизнь истекает — и быстрее, чем кровь!..

Все сильнее растет в Душе-Эго чувство нестерпимой ненависти к ужасной мясорубке, именуемой войной; все глубже поражают мысли об этом Форму, в которой томится ее пленница. Порой в ноющей груди пробуждается надежда, которая окрашивает долгие часы одиночества и раздумий; как утренний луч, рассеивающий мрачные тени уныния, она озаряет долгие часы одиноких раздумий. Но как и радуга не всегда разгоняет штормовые тучи, а часто является лишь преломлением садящегося солнца на проплывающее облако, так и за короткими мгновениями призрачной надежды, как правило, следуют часы еще более черного отчаяния. Почему, ну, почему, ты, насмешливая Немезида, среди всех властелинов этой земли очистила и озарила его, которого сделала беспомощным, немым и бессильным? Почему ты зажгла пламя священной братской любви для человека, сердце в груди которого уже чувствует приближение холодной руки смерти и разложения и силы которого с каждым мгновением покидают его, а его жизнь вытекает из него, подобно пене на гребне волны?

И вот рука Славы лежит на одре боли. Наконец настал час, когда природа исполняет свой непреложный закон. Старого короля больше нет; и с этого мгновения монархом становится более молодой человек. Еще не умеющий говорить и беспомощный, тем не менее, он — могущественный, аристократический хозяин миллионов подданных. Жестокая Судьба вознесла его на трон над открытой могилой и приманивает его славой и властью. Терзаемый мучениями, он вдруг находит себя коронованным. Опустошенная Форма выхвачена из теплого гнезда посреди пальмовой рощи и роз; ее уносит ветром с ароматного, благовонного юга на морозный север, где вода превращается в кристаллический лес и «волна на волне вырастают суровые горы»; и туда он теперь спешит царствовать и... спешит умереть.

Все дальше и дальше вперед устремляется черное, огнедышащее чудовище, изобретенное человеком, чтобы частично завоевать Пространство и Время. Вперед, и с каждым мгнове-

нием еще дальше летит поезд из целебного, благоухающего юга. Подобно дракону с изрыгающей пламя головой, он жадно пожирает расстояние, оставляя позади длинный хвост дыма, искр и вони. А когда его длинное, огромное, гибкое тело, извиваясь и шипя, как гигантская черная рептилия, стремительно скользит вперед, преодолевая горы и болота, лес, туннель и равнину, он, своим монотонным движением убаюкивает усталого пассажира, изможденную и опечаленную Форму, чтобы дать ей уснуть...

В этом движущемся дворце воздух теплый и благовоновый. Роскошное средство передвижения полно экзотических растений; а от огромного количества ароматных цветов поднимается вместе с этим запахом Королева грез в сопровождении свиты из веселых эльфов. В чашечках из листьев смеются дриады, а когда поезд мчится дальше, рассылая дурманящий бриз на зеленые отдаленные поля и сказочные видения. Рокошующий звук колес постепенно превращается в рев отдаленного водопада, чтобы потом утихнуть в серебристых трелях прозрачного ручейка. Душа-Эго пускается в полет в Страну грез...

Она путешествует через зоны времени, через жизни и чувства под самыми разнообразными формами и обличиями. Теперь это гигант, Один, напавший на Муспелльсхейм.*

Она бесстрашно сражается против огромного количества чудовищных животных и поражает множество их одним взмахом своей могущественной руки. Потом она видит себя в Северной Стране туманов, она проникает под видом храброго лучника в Хельхейм, Царство Мертвых, где Черный Эльф открывает ему несколько своих жизней и их таинственную связь. «Почему человек страдает?» — спрашивает Душа-Эго. — «Потому что он остается человеком», — следует насмешливый ответ. Тотчас же Душа-Эго предстает перед священной богиней Сага. Она поет ему песнь о подвигах германских героев, об их добродетелях и пороках. Она показывает Душе могучих воинов, погибших от рук множества их

---

* В скандинавской мифологии — огненная земля, существовавшая еще до начала творения), которую охранял Сурт со своим огненным мечом.

же прошлых Форм, как на поле брани, так и свято защищая свою родину. Она видит себя в разных обличиях, то девственниц, то женщин, молодых мужчин и старцев, маленьких детей... Она чувствует, что умирает намного больше раз, чем в одной этой Форме. Она погибает, как герой... Дух, она видит, как сострадательные Валькирии уносят ее с поля брани в обитель Блаженства, находящееся под сияющей листвою Валгаллы. Она выпускает свой последний вздох в другой Форме, и тут ее с силой бросает в холодные и безутешные угрызения совести. Она закрывает невинные глаза в своем последнем сне, как дитя, и тотчас же прекрасные Эльфы Света переносят ее в другое тело... обреченное на вечные Страдания и Боль. И каждый раз смертельный туман рассеивается и проходит мимо взора Души-Эго, ничуть не быстрее, чем переправа через Черную Бездну, что разделяет Царство Живых от Королевства Мертвых. Тем самым «Смерть» становится для нее ничего не значащим словом, просто пустым звуком. И в каждом случае вера Смертного принимает объективную жизнь и форму для Бессмертного, как только между ними она перекидывает Мост. Потом они начинают постепенно исчезать, пока не исчезнут окончательно...

— Каково же мое Прошлое? — вопрошает Душа-Эго Урд, самую старшую из сестер Норн.* — Почему я страдаю?

Та разворачивает длинный пергаментный свиток и открывает долгую вереницу смертных существ, в каждом из которого Душа-Эго узнает одно из своих убежищ. Когда она добирается до последнего, душа видит руку, залитую кровью из-за бесконечных жестоких деяний и предательства. И тут она вздрагивает... Простодушные жертвы окружают ее и зывают к Орлогу за отмщением.

— Каково мое немедленное Настоящее? — спрашивает смятенная Душа Верданди, среднюю сестру.

— Повеление Орлога — в тебе самом! — следует ответ. — Но Орлог не произносит его безрассудно, как это делают неразумные смертные.

---

* Богини судьбы в скандинавской мифологии: Урд — судьба, Вернанди — становление, Скульд — долг.

— Каково же мое Будущее? — с отчаянием в голосе обращается Душа-Эго к Скульд, третьей Норне. — Неужели оно навеки будет черно от слез и лишено Надежды?

Ответа не последовало. Однако Сновидец ощутил в пространстве некое верчение, и внезапно сцена переменялась. Душа-Эго обнаружила себя на знакомом месте, в королевском дворце, прямо напротив сломанной пальмы. Прежде чем она вытянулась, как когда-то, огромное синее пространство воды отразило скалы и утесы, а вместе с ними и одинокую пальму, которая волею судьбы очень быстро исчезла.

Нежное, мелодичное и непрерывное журчание легких волн теперь превратилось в человеческий разговор и напомнило Душе-Эго о торжественных клятвах, неоднократно произнесенных в этом месте. И Сновидец с жаром повторяет слова, произнесенные прежде.

— Никогда, о, никогда я с этих пор не пожертвую единственным сыном родной земли ради пустой славы или тщеславию! Наш мир и без того полон неизбывной печали, и в нем так мало радости и блаженства. Неужели я добавлю к этой чаше горечи безмерный океан горя, крови, имя которому ВОЙНА? Прочь подобные мысли!.. О, больше никогда...

11

Странное зрелище и перемена... Сломанная пальма, некогда возвышавшаяся перед мысленным взором Души-Эго, внезапно выпрямила свой согбенный ствол и стала совершенно прямой и зеленой, как прежде. Потому как Душа-Эго испытала еще большее блаженство, почувствовав себя такой же сильной и здоровой, какой была всегда. И она громко запела четырем ветрам веселую и радостную песнь. И внутри он ощутил прилив радости и блаженства, и теперь ему показалось, что он знает, почему он счастлив.

Внезапно он перенесся в какой-то зал, как в сказке, освещенный огнями, и сделанный из материалов, которые он ни разу еще не видел. Он различил наследников и потомков всех монархов на земле, которые собрались в зале и стали одной счастливой семьей. Они больше не носили знаков королевско-

го различия, а, как ему показалось, те, кто считались царственными принцами, правили посредством добродетели от своих собственных заслуг. Это — величие сердца, благородство характера, их наивысшие качества соблюдения законов, мудрость, любовь к Правде и Правосудию, на которых их воспитали к достоинству наследников тронов, королей и королев. Короны, благодаря власти и благоволению Господа, были сброшены, и теперь они правили «божественной милостью человечества», будучи единодушно избранными на престол благодаря признанию своего соответствия правлению и почтительной любви своих добровольных подданных.

Казалось, все вокруг странным образом изменилось. Тщеславие, ненасытная алчность и зависть — неверно называемые Патриотизмом — больше не существуют. Жестокий эгоизм уступил место простому альтруизму, а холодное равнодушие к желаниям и потребностям миллионов больше не находят благорасположения в глазах этого меньшинства. Бесплезная роскошь, напускные претензии — общественные и религиозные — все это исчезло. Войн больше нет, армии распущены. Солдаты начали прилежно возделывать землю, и по всему земному шару эхом отдалась песня его безудержной радости. Королевства и графства, окружающие его, стали как братья. Наконец-то настал этот великий, славный час! То, на что он едва отваживался надеяться и размышлял долгими бессонными ночами, теперь претворилось в жизнь. Великое проклятие снято, и теперь мир остается освобожденным и уверенно идет к своему перерождению!..

Трепеща от восторга, его сердце переполняется любовью и филантропией, он поднимается, чтобы щедро рассыпаться пламенной речью, которая войдет в историю, когда внезапно он ощущает, как его тело исчезает, а точнее, переходит в другое тело... Да, это больше не высокая, благородная Форма, с которой он так хорошо знаком, а тело кого-то еще, о ком он пока ничего не знает... Что-то темное пробегает между ним и слепящим светом, и он видит в воздушных волнах очертания гигантского циферблата. И на этом огромном циферблате читает:

«НОВАЯ ЭРА: 970 995 ЛЕТ СО ДНЯ МОМЕНТАЛЬНОЙ СМЕРТИ НА ПОЛЕ БОЯ ОТ ПНЕВМО-ДИНО-ВРИЛА ПО-

СЛЕДНИХ 2 000 000 СОЛДАТ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЗЕМНОГО ШАРА, 971 000 СОЛНЕЧНЫЙ ГОД СО ДНЯ ЗАТОПЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ КОНТИНЕНТОВ И ОСТРОВОВ. ТАКОВО ПОВЕЛЕНИЕ ОРЛОГА И ОТВЕТ СКУЛЬДЫ...»

Он сделал невыносимое усилие и... снова оказался сам собою. Побужденный Душой-Эго ПОМНИТЬ и ДЕЙСТВОВАТЬ согласованно, он вознес руки к небесам и поклялся перед ликом всей природы сохранять мир до конца дней своих — по крайней мере, в своей собственной стране.

Отдаленный бой барабанов и протяжные крики о том, что он воображал в своих мечтах — так он выражал восторженные благодарности, ибо только что принял обет. Затем короткий шок, громкий стук, и, когда глаза открылись, Душа-Эго смотрела сквозь них с изумлением. Его тяжелый взгляд встречается с почтительным и торжественным лицом врача, протягивающего ему обычную дозу лекарства. Поезд останавливается. Он встает с кровати, еще больше изможденный, чем когда-либо, и осматривается вокруг. Он видит бесконечные боевые шеренги, вооруженные новым и еще более смертоносным оружием уничтожения. Войска готовы к бою.

ВОЗМОЖНО ЛИ УБИЙСТВО ДВОЙНИКОМ?

МИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ,
рассказанная членом Теософского общества ¹

УЖАСНАЯ СЦЕНА В ВОСТОЧНОЙ НЕКРОМАНТИИ — ОТ-
МЩЕНИЕ, ПРЕВОСХОДНО ИСПОЛНЕННОЕ ПРИ ПОМОЩИ
ОККУЛЬТНЫХ МЕТОДОВ — МИСТЕРИИ — ШИН-ЛАК

[«*The Sun*», Нью-Йорк, том XLIII, № 104, 26 декабря 1875 г.]

Главному редактору «*The Sun*».

Сэр!

Сэр... Однажды утренним днем 1867 года Восточная Ев-
ропа была потрясена известиями самого ужасающего характе-

---

¹ Эта история была заново напечатана Е.П.Б. в «Теософисте», том IV, январь 1883 г., с. 99-101, под названием «Возможно ли убийство двойником?» Ее предваряет следующее замечание издателей:

«Эта история была написана издателем этого журнала несколько лет назад по просьбе литературного друга в Америке и опубликована в ведущем журнале Нью-Йорка. Ее перепечатали, поскольку описанные в ней события произошли в действительности и привлекли огромный интерес студентов, изучающих психологические науки. Эти события продемонстрировали замечательный уровень огромного потенциала человеческой воли на месмерических объектах, которые могут вовлечь человеческое существо целиком в неотделимый от него предрассудок, показав, что «двойник», или *майави-рупа*, когда спроектирован через тело, будет выполнять приказ гипнотизера с беспомощным раболепством. Тот факт, что смертельная рана может быть нанесена человеку даже без прокола его кожного покрова, станет новостью только для таких читателей, которые не очень тщательно изучали доклады и записи множества доказательств, что смерть может быть результатом психических причин и, кроме того, эмоциональных, летальная сила которых допускается повсеместно.

ра. Мишель Обренович, царствующий принц Сербии, его тетя, принцесса Катрин, или Катинка, и их дочь были убиты среди бела дня неподалеку от Белграда в своем собственном саду. Убийца или убийцы так и остались неизвестными. Принца изрешетили пулями и нанесли ему несколько ударов кинжалом, так что его тело обнаружили искромсанным; принцессу убили наповал в голову, а их молодая дочь, хотя и осталась жива, но до сих пор не приходила в сознание. Поэтому, казалось, нет никакой надежды, что она выживет. Этот инцидент произошел слишком недавно, чтобы о нем забыть, и в этой части света в то время все это вызвало горячее возбуждение.

В австрийских владениях и в областях, находящихся под сомнительным протекторатом Турции, от Бухареста до Триеста, ни одна высочайшая фамилия не чувствовала себя в безопасности. В этих наполовину восточных странах каждый Монтеки имел своего Капулетти, посему тотчас же распространились слухи, что это кровавое деяние было совершено принцем Кара-Георгиевичем или «Черно-Георгием», поскольку именно он регулярно требовал возврата этих областей. Как часто бывает в подобных случаях, арестовали и заключили в тюрьму несколько невиновных в этом преступлении, а настоящие убийцы избежали правосудия. По этой причине из парижской школы привезли юного родственника жертвы, почти еще ребенка, горячо любимого своим народом, чтобы устроить церемонию, на которой его объявили царем Сербии. В суеете политических волнений белградская трагедия была забыта всеми, кроме одной почтенной сербской матроны, очень связанной к семье Обреновича, которая, подобно Рахили, не могла утешиться после гибели своего дитяти. После провозглашения царем юного Обреновича, племянника убитого, она продала все свое имущество и исчезла; но перед этим торжественно поклялась на могилах убитых отомстить за их смерть.

ВАМПИР

Примерно за три месяца до этого ужасного происшествия пишущая эти правдивые строки провела несколько дней в Белграде, и была знакома с принцессой Катинкой. Дома она

была очень добрым, нежным и ленивым созданием; выезжая за границу, она, по манерам и воспитанию, казалась истинной парижанкой. Поскольку все действующие лица рассказываемой истории все еще живы, то, следуя правилам приличия, я не стану упоминать их настоящие имена, а буду называть только инициалы.

Старая сербская леди редко покидала свой дом, но время от времени виделась с принцессой. Облокотившись на горы подушек и покрывал, одетая в живописное национальное платье, она шепотом рассказывала о своих оккультных знаниях, от чего иногда среди гостей, собирающихся возле камина ее скромного жилища, ходили леденящие душу истории. Несколько раз толстая незамужняя тетка хозяйки была потревожена прошедшим мимо нее вампиром, и она чуть не умерла от страха при виде ночного гостя, а когда все усилия местного священника изгнать его оказались тщетными, жертву, к счастью, доставила обратно госпожа П***, которая отогнала незваного гостя, просто погрозив ему кулаком и пристыдив на его на известном им обоим языке. Именно в Белграде я впервые узнала об этом интереснейшем филологическом факте, то есть о том, что у привидений есть свой собственный язык. Старую леди, которую я буду называть госпожа П***, обычно посещало еще одно действующее лицо, волею судьбы ставшее главным в нашем ужасающем рассказе: молодая цыганка из отдаленной области Румынии примерно четырнадцати лет от роду. Кто она и где родилась, похоже, не знал никто. Мне рассказывали, что однажды ее привезли с собой странствующие цыгане и оставили на заднем дворе у старой дамы. С тех пор цыганка стала жить в этом доме. Ее прозвали «спящей девушкой», поскольку говорили, что она обладает даром неожиданно засыпать в любом месте, где бы она ни стояла, и рассказывать свои сны вслух. А языческое ее имя было Фрося.

Примерно спустя полтора года известие об этом убийстве дошло до Италии, где я тогда находилась, путешествуя в своем собственном фургончике, беря при потребности напрокат лошадь. По пути я познакомилась со старым французом, неким ученым, путешествующим, как я, в одиночку, но с той разницей, что он совершал путешествие пешком, в то время как я укрощала дорогу с высоты «трона» из сухого сена, сло-

женного в фургончике. Я наткнулась на него прелестным утром, когда она бродил среди диких цветов и кустов, и я чуть не проехала мимо, ибо была погружена в созерцании окружающего меня великолепия. Мы тут же познакомились, причем нам не понадобилось взаимной церемонии представления друг другу. Я слышала о нем, его имя упоминалось в кругах людей, интересующихся месмеризмом, и знала, что он — известный приверженец школы Дюпоте.

КОРОЛЕВА ЯСНОВИДЦЕВ

— Я нашел одну из самых удивительных вещей в этом прекрасном *Thebaide*,* — промолвил он во время нашей беседы, после того, как я предложила ему усесться на мое сиденье из сена. — Сегодня вечером у меня назначена встреча с этой семьей. Они хотят разгадать тайну убийства при помощи ясновидения девушки... о, она удивительна!

— Кто она? — осведомилась я.

— Румынская цыганка. Так получилось, что ее привезли в семейство сербского царствующего принца, который больше уже не царствует, ибо его загадочно уби... Эй, осторожнее! Черт подери, вы нас чуть не опрокинули! — воскликнул он, бесцеремонно выхватывая у меня поводья, и изо всех сил сдерживая лошадь.

— Вы имеете в виду принца Обреновича? — в ужасе прошептала я.

— Совершенно верно, именно его. Сегодня вечером мне надо быть там. Я надеюсь завершить серию сеансов при помощи самой современной и удивительной демонстрации скрытых сил человеческого духа; и вы, если хотите, можете поехать со мной. Я вас представляю; и кроме того, вы сможете помочь мне как переводчик, ведь они не говорят по-французски.

Будучи почти уверенной, что если сомнамбула — Фрося, то остальная часть семьи — это госпожа П***, я с готовностью приняла его предложение. И вот, на закате мы добрались

---

* Уединение, пустыня.

до подножия горы, к дороге к старинному замку, как называл это француз. И он полностью заслуживал данное ему поэтическое название. Когда мы остановились напротив входа в это поэтическое место, я увидела в далеких сумрачных глубинах шероховатую скамью. Тут француз галантно взялся перевести мою лошадь по подозрительно выглядящему шаткому мосту, перекинутому через водяной ров к воротам. Тем временем я увидела, как со скамьи медленно поднялась высокая фигура и направилась прямо к нам.

Это оказалась моя старая знакомая госпожа П***. Теперь она выглядела более бледной и загадочной, чем когда-либо. При виде меня она не выказала никакого удивления, а просто поздоровалась со мною на сербский манер, трижды поцеловав меня в каждую щеку. Потом взяла за руку и повела к укрытию, сплошь заросшему плющом. Там в высокой траве полулежала, спиною опираясь на стену, девушка, в которой я узнала нашу Фросю.

ТРАНС

Она была одета в национальный костюм валахских цыган. На голове ее красовалось нечто похожее на кисейный тюрбан с вплетенными в него медалями и лентами. Туловище девушки закрывала белая сорочка с просторными рукавами, а ноги — множество разноцветных нижних юбок. Лицо ее выглядело мертвенно бледным, глаза были закрыты, и весь облик напоминал каменного сфинкса, что говорило об особенном способе ясновидящей впасть в сомнамбулический транс. Если бы при каждом ее дыхании грудь, разукрашенная монисто и ожерельями, еле-еле не шевелилась, то стороннему наблюдателю вполне могло показаться, что девушка мертва, настолько безжизненным и бледным было ее лицо. Француз сообщил мне, что погрузил ее в сон еще тогда, когда мы подъезжали к дому, и теперь она пребывает в том же состоянии, в котором он оставил ее предыдущей ночью. И еще он пояснил, что теперь начинает заниматься *объектом*, как он называл Фросю. Затем, больше не обращая на нас внимания, он потряс девушку за руку, а потом, сделав несколько быстрых движе-

ний, вытянул ее руку и крепко сжал ее. Рука осталась в том же положении, неподвижная, словно каменная. Потом он начал один за другим складывать ее пальцы, кроме одного — среднего — который он направил прямо на вечернюю звезду,* мерцающую в темно-синем небе. Затем повернулся и начал раскачиваться то вправо, то влево, время от времени посылая флюиды, сперва в одно место, затем — в другое. В эти мгновения он напоминал художника, невидимыми, но мощными движениямидвигающего кистью и наносящего на картину последние штрихи.

Когда француз приготовился уже к своим обычным гипнотическим пассам, молча наблюдавшая за ним старая дама, которая некоторое время сжимала пальцами подбородок, вдруг протянула тонкие как у скелета руки к его руке и крепко вцепилась в нее.

— Подождите, — сдавленно прошептала она. — Подождите, пока звезда не установится и не закончится девятый час. Вокруг кружат вурдалаки; они могут воспрепятствовать воздействию.

— Что она говорит? — спросил гипнотизер, несколько раздраженный этим вмешательством.

Я объяснила ему, что старая дама опасается пагубного воздействия вурдалаков.¹

— Вурдалаки! Что такое вурдалаки? — вскричал француз. — Давайте довольствоваться христианскими духами, если они удостоят нас своим посещением этой ночью. И не станем зря тратить время на вурдалаков!

Я взглянула на госпожу П***. Ее лицо побелело, как мел, и глубокая морщина прорезала лоб над горящими черными глазами.

— Скажите, чтобы он не шутил в этот ночной час! — пронзительно закричала она. — Ему неизвестна эта страна. Даже святая церковь не сумеет защитить нас, если восстанут вурдалаки. Что это? — вдруг спросила она, поддевая ногою пучок травы, который гипнотизер-ботаник положил рядом с

---

* Имеется в виду Венера.

¹ Также известные среди славянских народов как волколаки и вукодлаки.

собою на землю. Она склонилась над травами и с тревогою на лице изучила содержимое пучка, после чего с силою столкнула его в воду.

— Мне нельзя оставаться здесь, — решительно прибавила она. — Это растения Святого Иоанна, и они могут привлечь внимание бродячих вурдалаков.

Тем временем наступила ночь, и луна озарила местность бледным призрачным светом. Ночи в Банате почти такие же восхитительные, как на Востоке, и французу пришлось продолжать свои сеансы на открытом воздухе, поскольку приходской священник запретил совершать эти действия в башне, которую использовали как приход, из страха появления еретических демонов гипнотизера в освященных окрестностях замка. Священник заметил, что он не сумеет их изгнать из-за их иноземного происхождения.

ОККУЛЬТНАЯ ДЕТЕКТИВНАЯ РАБОТА

Старый джентльмен скинул с себя куртку путешественника, закатал рукава рубашки, и сейчас, приняв артистическую позу, начал обычный процесс гипноза.

И действительно, казалось, что в сумерках засветился флюид, исходящий от его трепещущих пальцев. Фросю поставили лицом к луне, и мы отчетливо видели каждое движение околдованной девушки, как в свете дня. Спустя несколько минут на ее лбу выступили крупные капли пота; они медленно катились по ее щекам и бледному лицу, сверкая в лунном свете. Затем она неуклюже задвигалась и запела тихую мелодию, к словам которой внимательно прислушивалась госпожа П***, низко склонившись над лишившейся сознания девушкой. Она страстно пыталась уловить каждый слог этой песни. Старая дама не двигалась и, прижав палец к губам и с глазами, почти вылезшими из орбит, она, казалось, превратилась в статую, олицетворяющую внимание. Вместе с девушкой они являли собою весьма выдающееся зрелище, и я глубоко пожалела, что я не художница. То, что последовало за этим, было сценой, достойной «Макбета». С одной стороны я видела изящную юную девушку с лицом, как у трупа, которая судорожно изви-

валась, следуя невидимым движениям француза, который в эти мгновения был ее полновластным хозяином; с другой стороны находилась пожилая матрона, которая, горя неугасимой жадой мщения, стояла в ожидании, когда будет произнесено имя убийцы принца. Казалось, что сам француз изменился. Его седые волосы стояли дыбом, а нескладное, полное тело словно бы за эти несколько минут стало несравненно больше. Театральный эффект происходящего полностью исчез; вокруг не оставалось ничего, кроме гипнотизера, осознающего свою ответственность за происходящее и не могущего постичь вероятных его результатов. Он лишь пристально вглядывался в девушку и ожидал. Внезапно Фрося, словно поднятая неведомой сверхъестественной силой, поднялась из своей согбенной позы и выпрямилась прямо перед нами. И опять она пребывала в неподвижности и спокойствии, ожидая магнетического флюида, управляющего ее сознанием. Француз, молча взяв руку старой дамы и возложил ее на медиума, после чего приказал девушке отвечать на вопросы ее госпожи.

— Что ты видишь, дочь моя? — нежно промолвила сербская дама. — Обладаешь ли ты духом отыскать убийц?

— Найти и узреть! — сурово приказал гипнотизер, сосредоточивая взгляд на лице медиума.

— Я в пути... я иду, — еле слышно прошептала Фрося. Казалось, голос исходит не от нее, а откуда-то из воздуха.

МИСТИЧЕСКИЙ ДВОЙНИК

В это мгновение появилось нечто настолько необычное, что вряд ли я сумею описать это. Мы увидели святающийся пар, окутывающий тело девушки. Сначала он был не более дюйма в толщину, но потом стал постепенно распространяться, и вдруг полностью отделился от тела и стал превращаться в некое подобие полутвердого газообразного вещества, которое вскоре приняло облик сомнамбулы. Пронесясь почти по поверхности земли, эта новообразовавшаяся форма несколько секунд трепетала, а потом бесшумно заскользила по направлению к реке. И исчезла, как туман, растворившись в лунном свете, который, казалось, целиком поглотил ее.

Я напряженно наблюдала за этой сценой. Ведь прямо перед моими глазами происходило действие, известное на Востоке как *шин-лак*,¹ вызывание духа. Никаких сомнений не было, и Дюпоте оказался прав, утверждая, что месмеризм — это сознательная магия древних, а спиритуализм — бессознательное воздействие той же магии на некоторые живые существа.

Как только газообразный двойник вышел через поры девушки, госпожа П*** стремительным и свободным движением руки, извлекла из-под накидки нечто, напоминающее крошечный стилет и быстро положила его девушке на грудь. Она сделала это настолько быстро, что гипнотизер, поглощенный своими действиями, не заметил этого.² Так он мне рассказал впоследствии. Несколько минут стояла мертвая тишина. Мы походили на группу окаменевших людей. Внезапно с губ околдованной девушки сорвался леденящий душу пронзительный крик. Она наклонилась вперед и, схватив с груди стилет, стала неистово размахивать им в воздухе, словно преследуя воображаемых врагов. На губах ее выступила пена. Она стала издавать бессмысленные, бессвязные звуки, среди которых я различила несколько знакомых имен. Гипнотизер настолько испугался, что полностью потерял контроль над собой и вместо того, чтобы убрать свои флюиды от девушки, он нагружал ими ее все больше и больше.

— Осторожнее! — воскликнула я. — Перестаньте! Вы же убьете ее или она вас!

---

¹ Е.П.Б., похоже, употребляет этот восточный термин, в то время как в реальности он англосаксонский. Шин-лак означает магию, некромантию и колдовство, равно как и магическое явление, спектральной формы, т. е. обманное явление или призрак (*фантазм*). Шинлака — это волшебник или колдун, а шин-даэка — колдунья. Искусство способа, при помощи которого производятся иллюзорные явления, известно как Скин-крафт. От англосаксонского *scinan*, сиять, и он также означает термин скин-фолд, употребляемый для мысли об Елисейских полях. — *Составитель*.

² Е.П.Б., наверное, часто думала о Франции, даже когда писала по-английски. Вот и тут такой случай. Она подразумевает «он не отметил это», но использует эквивалент французского слова «*remarquer*», которое в Англии имеет другое значение. — *Составитель*.

Однако француз совершенно машинально увеличивал коварные силы Природы, над которыми потерял контроль. Девушка неистово развернулась и изо всех сил ударила его и непременно убила бы, если бы он вовремя не отскочил в сторону, получив лишь глубокую царапину на правой руке. Несчастного охватила паника; и с необыкновенной для столь неуклюжего человека проворностью он взобрался на стену. Затем, сидя верхом на стене, он сосредоточил на девушке взгляд и, собрав все оставшиеся силы, начал делать пассы в ее сторону. Наконец, девушка выронила оружие и осталась неподвижной.

— Что все это значит? — хрипло закричал на французском гипнотизер, сидя на стене, подобно некоему чудовищному ночному гоблину. — Отвечай же, я приказываю!

— Я делала... что она... что вы мне приказывали делать, — отвечала девушка к моему изумлению.

— Что тебе приказала сделать эта старая ведьма? — непочтительно осведомился он.

СВЕРШИВШЕЕСЯ ВОЗМЕЗДИЕ

— Найти их... кто убил... убил их... я и нашла... и они больше не... Отомщены!.. Отомщены!.. Они...

Победоносные восклицания, громкие крики inferнальной радости, звонко раздавались в воздухе, и разбудили собак в соседних селениях, которые залаяли, и с этого мгновения их лай напоминал нескончаемое эхо от крика госпожи П***:

— Я отомстила! Я чувствовала, я знала, что отомщу! Мое сердце-вещун говорит мне, что врагов больше нет.

И с этими словами она без чувств рухнула наземь, потянув за собою и девушку, которая тоже свалилась, словно тук с шерстью.

— Надеюсь, мой объект больше не будут вводить в заблуждение. Ведь она опасна, как и все необычные люди, — заметил француз.

Мы расстались. И спустя три дня я оказалась в Т***. И вот, сидя в зале ресторана и ожидая ланча, я случайно обра-

тила внимание на заголовок в газете. Взяв ее, я прочитала следующее.

«ВЕНА, 186... Две загадочные смерти.

Прошлым вечером, в 21-45, когда П*** собирался ложиться спать, двоих камергеров внезапно охватил великий ужас, словно они увидели жуткое привидение. Они закричали, зашатались и выбежали из покоев, размахивая перед собою руками так, будто отбивались от невидимого оружия. Не обращая внимания на вопросы принца и свиты, они вскоре в корчах рухнули на пол и испустили дух в величайших мучениях. На их телах не обнаружили ни признаков апоплексии, ни каких-либо внешних ранений, однако, странно сказать, на их коже были многочисленные темные пятна и крупные отметины, как если бы их надкожицу повредили ударами ножа. После вскрытия обнаружилось, что под каждым из этих загадочных выцветших мест, находилась некоторое количество свернувшейся крови. Этот факт вызвал огромное недоумение, загадку разрешить так и не удалось».

*Хаджи Мора*¹

---

¹ В своем «Альбоме», том I, с. 118, Е.П.Б. вклеила вырезку этой истории и подписала свое имя под этим псевдонимом. Что касается правдивости фактов, вкратце изложенных Е.П.Б., и других данных, свойственных этой истории, то студент может обратиться к письму Е.П.Б. к А.П. Синнетту, написанному в самом начале 1886 года и обозначенному как Письмо № LXI в томе, озаглавленном «Письма Е.П. Блаватской к А.П. Синнетту», опубликованном в 1924 году.

Несколько лет спустя, когда эта история была переиздана в «*Теософисте*», том IV, январь 1883 г., Джон Йаркер, известнейший масон, написал короткий доклад о похожих впечатлениях, которые он имел с сенситивами (там же, март 1883 г., с. 149-150). На его вопрос о подлинности повествования Е.П.Б. добавила в блокноте: «Мы уверяем нашего ученого корреспондента, что каждое слово этой истории — истинная правда». — *Составитель*.

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Обстоятельства, сопутствующие внезапной смерти мсье Делессера, инспектора полиции Сюртэ, казалось, произвели такое впечатление на парижские власти, что их запечатлели во всех необычных подробностях. И мы решили поведать об этой несомненно странной истории, не вдаваясь в подробности, за исключением тех, которые мы сочли необходимыми, чтобы объяснить это дело.

Осенью 1861 года в Париж прибыл человек, назвавшийся Виком де Ласса — собственно говоря, так и было записано в его документах. Он приехал из Вены, и сказал, что сам он венгр, владеющий поместьями на границе Банаты, что не очень далеко от Сенты. Это был маленький человечек лет тридцати пяти с бледным и загадочным лицом, длинными светлыми волосами, с невыразительным блуждающим взглядом голубых глаз и крепко сжатыми губами. Одевался он небрежно и неброско, и если разговаривал, то был крайне немногословным. С другой стороны, его спутница, по-видимому, жена, бывшая лет на десять моложе него, была поразительно красивой женщиной. Пышная брюнетка с роскошной, бархатистой кожей, она являла собой чистый тип венгерки, о которой можно сказать, что в ее венах текла чуть ли не цыганская кровь. В театрах, в парках, на бульварах и повсюду, где развлекается беспечный Париж, мадам Айма де Ласса привлекала огромное внимание и производила сенсацию.

Они поселились в роскошных апартаментах на Рю Ришелье, часто посещали лучшие дома города, принимали знатные компании, красиво развлекались, и во всем вели себя так, словно владели баснословным богатством. У Лассы всегда имелся крупный счет у «Шнейдера, Рутера и Си», австрийских банкиров с Рю Риволи, а его жена носила бросающиеся в глаза своим сиянием бриллианты.

Как же случилось, что префект полиции счел уместным подозревать мсье и мадам де Ласса, и подробно рассказал о

своих подозрениях Полю Делессеру, одному из самых пронизательных инспекторов полиции, и попросил «наблюдать» за венгром? Дело в том, что этот невыразительный человек с великолепной женой оказался весьма загадочной личностью, а полиция имеет обычай предполагать, что тайна всегда скрывает за собой либо заговорщика, либо авантюриста или шарлатана. Вне всякого сомнения, он был удачлив, ибо вел себя необыкновенно скромно и никоим образом не возвещал во всеуслышание о чудесах, которые призван был исполнить, и все-таки спустя несколько недель он основал в Париже «Салон мсье де Ласса». Посещение этого салона стало модным увлечением, и нашлось огромное количество людей, готовых выложить по 100 франков за единственный взгляд на магический кристалл и единственное послание, сделанное посредством спиритического телеграфа. И это действительно приводило в смятение. Секрет состоял в том, что мсье де Ласса был фокусником и мошенником, чьи претензии были велики, а предсказания всегда оказывались правдой.

Делессеру не составило особого труда получить приглашение в салон де Ласса. Приемы происходили ежедневно — два часа до полудня и три часа — вечером. Итак, вечером инспектор Делессер отправился туда, назвавшись вымышленным именем мсье Флабри, *ценителем искусства* и знатоком драгоценностей, а также человеком, посвященным в спиритуализм. Явившись в салон, он обнаружил красивые, ярко освещенные комнаты и очаровательное собрание очень довольных гостей, которые совсем не походили на людей, пришедших узнать о своем счастье или участи, явившиеся не для того, чтобы сделать вклад в доходы их хозяина, а скорее из любезности к его добродетели и дару.

Мадам де Ласса играла на пианино или беседовала то с одной группой гостей, то с другой, и, казалось, получала от этого большое удовольствие, в то время как мсье де Ласса прохаживался по апартаментам или скромно сидел с равнодушным видом, изредка перекидываясь словами с присутствующими. Однако он все время старался держаться в стороне от всего — что уже было подозрительно. Слуги разносили освежающие напитки, мороженое, ликеры, вина и так далее и так далее, и Делессер представил себе, что попал на очень

скромную вечеринку, на которой полностью соблюдались все приличия, однако его зоркий глаз быстро ухватил два примечательных обстоятельства.

Когда хозяин или хозяйка беседовали с гостями, разговаривая тихими и скорее загадочными голосами, совершенно никто не смеялся, как это бывает в подобных случаях. Иногда очень высокий и надменный слуга подходил к одному из гостей и с низким поклоном подавал ему карточку, лежащую на серебряном подносе. Тогда гость выходил в сопровождении этого напыщенного слуги, а когда он или она возвращался в салон — а некоторые не возвращались вовсе — они непременно были чем-то ошарашены или озадачены, выглядели смущенными, удивленными, испуганными или веселыми. Выражения их лиц были совершенно искренними и неподдельным, а де Ласса с супругой относились ко всему этому с явным безразличием, если не сказать — с отрешенностью от всего происходящего, что Делессер тоже не сумел избежать изумления и был предельно озадачен.

Делессера впечатлили несколько небольших инцидентов, которые ему довелось наблюдать, их оказалось вполне достаточно, чтобы прояснить характер впечатлений, действующих на присутствующих. Двое джентльменов, молодых и принадлежащих к высшим кругам общества, к тому же, как явственно отметил Делессер, бывших очень близкими друзьями, разговаривали на повышенных тонах и *тыкали* друг другу, когда напыщенный слуга позвал того из них, которого звали Альфонс. Он расхохотался.

— Погоди секундочку, дорогой Август, — проговорил он, — и ты узнаешь все подробности удивительной судьбы!

— Хорошо!

Когда Альфонс возвратился в салон, едва пролетела минута. Его лицо было бледным как мел, и на нем отражалась еле сдерживаемая ярость. На молодого человека было страшно смотреть. С горящим взором он направился прямо к Августу и, приблизив лицо к лицу друга, который невольно отпрянул, побагровев, прошипел:

— Мсье Лефевр, вы подлец!

— Отлично, мсье Менье, — отозвался Август тоже шепотом, — завтра в шесть часов утра!

— Договорились, лживый друг и гнусный предатель!

— Деремся до смерти! — ответил Альфонс, отходя прочь.

— Этого можно было бы и не говорить! — пробормотал Август, направляясь в прихожую.

Наконец слуга с поклоном вызвал к оракулу известного дипломата, представляющего в Париже соседнее государство, пожилого джентльмена с внешностью, полной апломба, человека, привыкшего повелевать. После пятиминутного отсутствия он возвратился и немедленно протиснулся через толпу гостей к мсье де Ласса, стоящему неподалеку от камина, держа руки в карманах. Лицо хозяина не выражало ничего, кроме совершеннейшего равнодушия.

Делессер подошел к ним поближе и с жадным интересом стал прислушиваться к их беседе.

— Приношу свои глубочайшие извинения, — проговорил генерал фон ***, — но через несколько минут мне придется покинуть ваш занятный салон, мсье де Ласса. Но результат моего сеанса убеждает меня, что моя дипломатическая депеша подделана.

— Сожалею, — вяло, но с некоторой долей вежливого интереса отозвался мсье де Ласса. — Надеюсь, вам удастся выяснить, кто из ваших слуг предатель.

— Мне придется сделать это незамедлительно, — произнес генерал, и многозначительно добавил: — Уверен, что он и его сообщники не сумеют избежать самого сурового наказания.

— Это единственный возможный для следования курс, мсье граф.

Посол выпучил глаза, резко наклонил голову и вышел с выражением полного замешательства на лице. У него не хватило сил сдержать свои эмоции.

В течение вечера мсье Ласса с беспечным видом подходил к пианино и после нескольких посредственных и неясных прелюдов очень искусно исполнил весьма впечатляющую музыкальную пьесу, в которой чувствовался жизненный вихрь с вакхической жизнерадостностью; затем напряжение мягко растаяло и стало едва заметным, перейдя в рыдающие жалобные стенания, апатичные, вялые и полные неизбежного отчая-

ния. Это придавало мелодии особенную красоту, и она произвела огромное впечатление на гостей, а одна из дам восторженно воскликнула:

— Как прелестно — и как печально! Вы сами это сочинили, мсье де Ласса?

Несколько секунд хозяин рассеянно смотрел на нее, потом ответил:

— Я? О, нет! Это просто воспоминания, мадам.

— Вам известно, кто сочинил это, мсье де Ласса? — осведомился наш *ценитель искусства*.

— Думаю, первоначально ее сочинил Птолемей Аулет, отец Клеопатры, — ответил мсье де Ласса со своим обычным рассеянно-задумчивым видом, — но тогда это звучало по-иному. Насколько я знаю, эта композиция дважды переписывалась; и все-таки ее мотив по существу не изменился.

— Позвольте полюбопытствовать, а от кого вы об этом узнали? — настойчиво вопрошал джентльмен.

— Разумеется, разумеется! В последний раз я слышал ее в исполнении Себастьяна Баха; однако вариант, сыгранный мною сейчас, принадлежит Палестрине. И все же, я предпочитаю Гвидо Д'Ареццо, его вариант звучит хотя и шероховато, но намного мощнее. Я научился исполнению этой мелодии от самого Гвидо.

— Вы... от... Гвидо! — вскричал изумленный джентльмен.

— Да, мсье, — отвечал де Ласса, вставая и отходя от пианино со своим неизменным равнодушным видом.

— Боже мой! — воскликнул *ценитель искусства*, положив руку на голову на манер мистера Твемлова. — Боже мой! Это же было в 1022 году!

— Если я верно запомнил, то это было немногим позднее, а именно — в июле 1031 года, — вежливо поправил его мсье де Ласса.

В это мгновение перед Делессером с низким поклоном появился высокий слуга, и протянул ему серебряный поднос с карточкой. Делессер взял ее и прочел по-французски:

«В вашем распоряжении *всего-навсего тридцать пять секунд, мсье Флабри*». Делессер проследовал за слугой, который, отворив дверь в другую комнату, с очередным поклоном сделал знак Делессеру войти.

— Ничего не спрашивайте, — коротко произнес слуга. — Сиди — немой.

Делессер вошел в комнату, и дверь тотчас же закрылась за его спиной. Комната оказалась маленькой и пропитанной сильным запахом ладана. Стены были полностью отделаны красными портьерами, которые закрывали даже окна, а пол устилал толстый ковер. У противоположной от двери стены почти под самым потолком находился циферблат огромных часов, а под ним, освещенные высокими восковыми свечами, располагались два низеньких столика, на одном из которых стоял аппарат, очень похожий на обычное телеграфическое устройство, на другом же — хрустальный шар примерно двадцати дюймов в диаметре. Он был установлен на треножнике очень тонкой работы, изготовленном из золота и бронзы. Около двери стоял черный как уголь мужчина, одетый в белые бурнус и тюрбан. В одной руке он держал что-то похожее на серебряный жезл. Свободной рукою он взял Делессера чуть повыше правого локтя и быстро повел его через комнату. Он показал на часы, и они тотчас же пробили; тогда он показал на кристалл. Делессер наклонился, рассматривая его, и вдруг увидел в нем... свою спальню, воспроизведенную с фотографической точностью. Сиди даже не дал ему времени воскликнуть от удивления, а, все еще не отпуская его руки, подвел его ко второму столику. Похожий на телеграфическое устройство прибор начал издавать странные чирикающие звуки. Сиди выдвинул ящик комода, достал оттуда клочок бумаги и поспешно всучил его Делессеру, при этом указывая на часы, которые снова пробили. Тридцать пять секунд прошло. Сиди, по-прежнему держа Делессера за руку, указал ему на дверь и повел его к ней. Дверь открылась, и Сиди выпихнул Делессера из комнаты, а когда дверь затворилась, инспектор снова увидел высокого слугу с опущенной головой. «Беседа» с оракулом кончилась. Делессер взглянул на клочок бумаги, который держал в руке. Заглавными буквами на нем было напечатаны очень простые слова: «Мсье Делессеру. Полицейскому всегда рады, шпион же всегда в опасности!»

Обнаружив, что его маскировку раскусили, Делессер на мгновение остолбенел, но тут он услышал, как высокий слуга произнес:

— Пожалуйста, сюда, мсье Делессер.

Эта фраза вывела его из оцепенения. Крепко сжав губы, он вернулся в салон и сразу же отыскал мсье де Ласса.

— Вам известно, что там написано? — осведомился он, показывая послание.

— Мне известно все, мсье Делессер, — небрежно ответил де Ласса.

— В таком случае, вы понимаете, что я имел целью выявить шарлатана, разоблачить притворщика и моя попытка потерпела крах? — спросил Делессер.

— Мне это все равно, мсье, — сказал по-французски де Ласса.

— Значит, вы принимаете мой вызов?

— О, так это вызов? — переспросил де Ласса, на мгновение останавливая взгляд на Делессере. — Да, конечно, принимаю! — И с этими словами де Ласса удалился.

И вот Делессер принялся за работу, призвав на помощь все возможности полиции, которые ему удалось привлечь. Ему во что бы то ни стало хотелось выявить и разоблачить этого изошренного и весьма искусного чародея, который возбуждал свою аудиторию, воздействуя на самые примитивные побуждения, доставшиеся нам от предков. В результате настойчивых изысканий Делессеру удалось выяснить, что этот человек был никаким не венгром, и его никогда не звали де Ласса. И совершенно неважно, насколько далеко распространяется его сила «воспоминания», в своем нынешнем облики он родился в этом грешном мире в городе, славящемся своими игрушками, Нюрнберге; что еще в детстве он отличался незаурядными способностями изобретать весьма хитроумные механизмы, но был очень сумасбродным субъектом и негодяем. В шестнадцать лет он сбежал в Женеву и стал учеником изготовителя часов и различных инструментов. Там он познакомился с прославленным Робертом-Хьюдином,* престижджитатором. Хьюдин признал незаурядный талант молодого парня и, будучи сам изобретателем одного весьма хитроумного автомата, привез его в Париж и, дав ему работу в собственных

---

* Роберт-Хьюдин Жан-Эжен (1805-1871 — знаменитый французский фокусник

мастерских, еще сделал его ассистентом на своих выступлениях перед публикой, характерной чертой которых была любопытная и хитроумная дьявольщина. После того, как Пфлок Хаслик (таково настоящее имя де Ласса) проработал с Хьюдиным несколько лет, он отправился на Восток в свите турецкого паши и после долгих лет скитаний по странам, где его деятельность невозможно было проследить, ибо он скрывался под псевдонимом, молодой человек наконец прибыл в Венецию, и уже оттуда отправился в Париж.

Затем Делессер перевел свое внимание с мсье де Ласса на его супругу, мадам де Ласса. Ему оказалось очень трудно отыскать какие-либо ключи, при помощи которых он смог бы узнать об ее прошлой жизни, но это было необходимо, чтобы разобраться с Хасликом. Наконец, совершенно случайно, ему это удалось, и Делессер узнал, что мадам Айме была некоей мадам Шлафф, довольно подозрительной личностью полусвета Буды. Делессер поспешил в этот старинный город, а оттуда отправился через дикую Трансильванию в Менжайко. На обратном пути, как только Делессер добрался до телеграфа и цивилизации, он телеграфировал префекту из Карджага: «Не спускайте глаз с моего человека и не разрешайте ему уехать из Парижа. Я арестую его в течение двух дней после приезда».

Случилось так, что в день возвращения Делессера в Париж префект отсутствовал, находясь вместе с императором в Шербурге. Он вернулся только на четвертые сутки, ровно через двадцать четыре часа после объявления о смерти Делессера. Насколько удалось выяснить, это случилось примерно таким образом: в ночь после возвращения Делессера он явился в салон де Ласса, имея при себе пригласительный билет на сеанс. Он замаскировался под дряхлого старика, решив, что в таком виде его будет невозможно раскрыть. Тем не менее, когда его привели в комнату, и Делессер посмотрел на кристалл, его поразил ужас, ибо он увидел себя, лежащим бездыханным лицом вниз на тротуаре; а в полученном им послании значилось следующее: «То, что вы увидели, Делессер, произойдет на третий день. Готовьтесь!» Потрясенный до глубины души детектив сразу вышел из злополучного дома и отправился к себе на квартиру.

Утром он явился в участок в состоянии глубочайшего уныния. Нервы его были на пределе. На вопрос напарника, что произошло, он ответил:

— Этот человек выполнит свое обещание. Я обречен!

Он сказал, что решил возбудить дело против Хаслика, известного под фамилией де Ласса, но не сможет этого сделать, не повидавшись с префектом и не получив от него указаний. Он не стал ничего рассказывать о своих открытиях в Буде и в Трансильвании, сославшись на то, что не имеет права, и при этом постоянно восклицал:

— О, если бы только здесь был мсье префект!

Ему посоветовали поехать к префекту в Шербург, но он отказался под предлогом, что его присутствие необходимо в Париже. Снова и снова он высказывал свое убеждение, что обречен, что было явственно видно по его поведению, неустойчивому, нерешительному и крайне нервическому. Ему говорили, что он будет в полной безопасности, если над де Лассой и его домочадцами установить круглосуточное наблюдение, на что Делессер отвечал:

— Вы не знаете этого человека.

Тогда одному инспектору поручили постоянно сопровождать Делессер, не спуская с него глаз ни днем, ни ночью и охранять его, как зеницу ока. Также были приняты соответствующие меры предосторожности насчет еды и питья для Делессера, а заодно удвоили количество полицейских, наблюдающих за де Лассой.

Утром на третий день Делессер, который все время не выходил из дома, открыто заявил о своем решении пойти и телеграфировать префекту о том, чтобы тот немедленно возвращался. С этим намерением Делессер с напарником вышли из дома. Как только они достигли угла Рю де Ланери и бульвара, Делессер внезапно остановился и приложил руку ко лбу.

— Боже! — вскричал он. — Кристалл! Изображение! — и без чувств рухнул лицом вниз. Его незамедлительно доставили в больницу, однако прошло несколько часов, а он так и не пришел в сознание. Получив указание от властей, несколько выдающихся хирургов, сделали самое тщательное вскрытие тела Делессера, и врачи единодушно вынесли заключение:

причиной смерти стал апоплексический удар, связанный с крайней усталостью и нервным возбуждением.

Как только Делессера отправили в больницу, его напарник поспешил в Центральное Управление, и де Ласса вместе с женой и всеми домочадцами были немедленно арестованы. Когда де Лассу уводили, он презрительно улыбался.

— Я знал, что вы придете; и я приготовился к этому; а вы будете рады отпустить меня.

То, что де Ласса приготовился к аресту, оказалось сущей правдой. Когда его дом обыскали, то обнаружили лишь сгоревшую бумагу и разбитый вдребезги хрустальный шар. В комнате, где проходили сеансы, наткнулись на огромную грудку каких-то тонких механизмов, разбитых на мелкие кусочки.

— Это обошлось мне в 200 000 франков, — заявил де Ласса, показывая на кучу обломков. — Однако это было хорошее вложение капитала.

Стены и полы в некоторых местах были раскурочены, а ущерб, причиненный дому, был весьма значительным. В тюрьме ни де Ласса, ни его помощники не сделали никаких признаний. Таким образом убеждение, что эти люди имеют какое-нибудь отношение к смерти Делессера, быстро рассеялось с юридической точки зрения, и всю компанию, кроме де Лассы, выпустили на свободу. Его не выпускали из тюрьмы то под одним предлогом, то под другим, и наконец одним прекрасным утром обнаружили, что он повесился на карнизе в камере на шелковом шарфе. Как выяснилось впоследствии, за ночь до этого мадам де Ласса тайно бежала с высоким слугою, захватив с собою и нубийца Сиди. Де Ласса унес свою тайну с собою в могилу.

— Ваша статья в ежедневнике «Scientist» содержит весьма интересную историю. Но это фактический материал или просто игра воображения? Если это правда, то почему не указан источник, иными словами, не оговорены ваши основания для написания подобной истории.

Статья не была подписана, но мы воспользуемся возможностью заявить, что история под названием «Неразгаданная

тайна» была опубликована нами, поскольку мы посчитали основные пункты повествования — предсказания и необычная смерть офицера полиции — психическими феноменами, подобные которым происходили, и, может быть, произойдут снова. Почему мы упомянули об «основаниях»? Священное Писание рассказывает нам о смерти Анании из-за строгого упрека Петра; здесь же мы столкнулись с явлением похожего характера. Предполагается, что Анания внезапно скончался от страха. Некоторые осознают силу, управляемую законами духа, а те, кто ступают по пограничной линии и разбираются в некоторых вещах, которые вполне могут произойти, не увидят в этом случае великой тайны, как и в истории, опубликованной на прошлой неделе. Мы не собираемся разговаривать таинственным тоном. Спросите могущественного гипнотизера, существует ли опасность, что человек, находящийся под его контролем, может умереть? Может ли он лишиться души и никогда не возвратиться? Вполне вероятно демонстрация опыта, когда гипнотизер способен воздействовать на субъекта с расстояния многих миль; и это еще не предел, ибо большинство гипнотизеров очень мало знают или не знают вовсе о законах, управляющих их силами.

Можно предаваться приятным мечтам, пытаться постичь красоты духовного мира; но может быть, лучше потратить время с большей пользой, изучая сам дух, и совсем не нужно, чтобы субъект изучения находился бы в духовном мире.

ЛЕГЕНДА О ГОЛУБОМ ЛОТОСЕ

Название каждого журнала или книги должно иметь определенное значение, и особенно если речь идет о теософической публикации. Предполагается, что название отражает предмет с определенной целью, символизируя, так сказать, содержание журнала. Поскольку аллегория — это душа восточной философии, то, вероятно, можно возразить, что в названии «*Le Lotus Bleu*» («Голубой лотос») нельзя ничего вообразить, кроме самого этого водяного растения — *Nymphaea Cerulea* или *Nelumbo*. Кроме того, читатель этого уровня восприятия увидел бы только голубой цвет страниц содержимого нашего журнала.

Чтобы избежать непонимания, нам придется посвятить наших читателей в обычный символизм лотоса и символизм Голубого лотоса в частности. Многие годы это растение считалось загадочным и священным, и в Египте и в Индии, а также рассматривалось, как символ Вселенной. Нет ни одного памятника в долине Нила, ни одного папируса, где бы это растение не занимало достойное место. На капителях египетских колонн, на тронах и даже головных уборах Божественных Царей — повсюду обнаруживался лотос, как символ Вселенной. Он неизбежно становился обязательным атрибутом каждого созидательного бога, равно как и каждой созидательной богини, причем последние, рассуждая философски, всего лишь воплощали женское выражение бога, сначала андрогинное, а впоследствии — мужское.

Из «Падма-йони» известно о «душе Лотоса», происходящего из Абсолютного Пространства, или из Вселенной, находящейся вне времени и пространства, которая излучается из Космоса, обусловленная и ограниченная временем и пространством. Хираньягарбха, «яйцо» (или матка) из золота, из которого появился Брахма, часто называли Священным Лотосом. Бог Вишну, — синтез Тримурти — индуистской троицы (Брахма, Вишну и Шива) во время «ночей Брахмы» плавает

спящий в зачаточных водах, растянувшись на цветущем лотосе. Его богиня, прекрасная Лакшми, поднимается из недр вод, подобно Венере-Афродите с белым лотосом под ногами. Это случилось при пахтании Молочного Океана — символа пространства и Млечного Пути, собранных богами воедино; тогда Лакшми, богиня красоты и Матерь Любви (Кама) сформировалась из пенящихся волн, появившись перед изумленными богами, передвигаясь на лотосе, а еще один лотос держа в руке.

Таким образом Лакшми обрела два основных названия: Падма Лотос и Кширабди-танайя, дочь Океана Молока. Будда-Гаутама никогда не нисходил до уровня бога, вопреки тому факту, что он был первым смертным за всю историю, который не побоялся допросить безмолвного сфинкса о том, что мы называем Вселенной, и затем полностью узнать тайны Жизни и Смерти. Хотя он никогда не был обожествлен, мы, тем не менее, вслед за многочисленными поколениями Азии, признали его богом Вселенной. Вот почему завоеватель и великий учитель мировой мысли и философии представляется сидящим на лотосе в полном его цветении и размышляющим о Вселенской мысли. В Индии и на Цейлоне лотос обычно имеет золотистый оттенок; а среди буддистов Севера он голубой.

Но в одной части мира существует третий вид лотоса — *сизифус* (*Zizyphus*). Как говорят древние, отведавший его забывает о своей родине и тех, кто ему дорог. Давайте же не станем следовать этому примеру. Давайте не забывать наш духовный дом, колыбель человеческой расы и рождение Голубого лотоса.

Давайте же откинем покров забвения, скрывающий одну из самых древних аллегорий — ведическую легенду, которую, тем не менее, сохранили брахманские хроники. Только их повествователи пересказывали эту легенду каждый по-своему, добавляя к ней собственные вариации,¹ мы же пре-

---

¹ Частица *a* в санскритском слове четко это демонстрирует. При расположении перед существительным эта частица превращает его в свое отрицание. *Сурья* — бог, написание *a*-Сурья означает не-Бог или дьявол; *Веда* — знание, и *a*-Веда — невежество или нечто, противоположное знанию, и т. д. и т. д. — *Прим. автора.*

доставили здесь эту историю — не в соответствии с полными вариантами изложения и переводов неких восточных джентльменов, а в соответствии с популярной (народной) версией.¹ Тем самым, это — как раз то, что поют старые барды Раджастана, когда они приходят в сырые вечера сезона дождей и усаживаются на веранде бунгало путешественника. Так что давайте оставим востоковедов с их фантастическими спекуляциями. Так какая нам забота, кто стал причиной превращения белого лотоса в голубой: эгоистичный отец или трусливый сын, и звали ли их Харишчандра или Амбариша? * Имена и названия не имеют никакого отношения к наивной поэзии легенды, равно как и к ее морали — ибо мораль обнаруживается только в поисках добра. Скоро мы увидим, что главный эпизод в этой истории — это прелюбопытная реминисценция другой легенды — библейской истории Авраама и принесения в жертву Исаака. Разве это не еще одно доказательство того, что Тайная Доктрина Востока, вероятно, имеет вескую причину утверждать, что имя Патриарха ни халдейское или еврейское, а скорее, эпитет и прозвище на санскрите, означающее *abram*, то есть кто-то не-Брахман, дебрахманизированный Брахман, тот, кто понижен в своем звании или лишившийся своей касты? После этого, как же мы сможем избежать предположения, что, вероятно, обнаружили среди иудеев и халдеев времен риши Агастья — тех каменщиков, преследование которых началось примерно восемьсот или тысячу лет назад, но которые эмигрировали в Халдею за четыре тысячи лет до христианской эры — когда огромное количество народных легенд Южной Индии походило на библейские истории. В нескольких из своих двадцати одной книг Луи Жаколио рассказывает об этой теме в Брахманской Индии, и в кои-то веки он оказывается прав.

---

¹ См. историю Сунахсефы в «Бхагавате», IX, XVI, 35 и из «Рамаяны», книга I, шл. 60; Ману, X, 105; Кулука Бхатта (Историк); Бахвруба и Айтарея брахманы; Вишну-пурана, и т.д. и т.д. Каждая книга дает свою версию. — *Прим. автора.*

* Великие лучники, владыки земли в Упанишадах.

Мы расскажем об этом в другое время.

А пока вот вам — Легенда о

ГОЛУБОМ ЛОТОСЕ

Века прошли с тех пор, когда Амбариша, царь Айодхи, правил городом, основанным священным Ману Вайвасвата, происшедшим от Солнца. Этот царь был сурьяванши (потомок Солнечной Расы), и он открыто объявлял себя самым преданным слугою бога Варуны (бог Океана), величайшего и самого могущественного божества Ригведы.¹ Однако бог не признал наследников мужского пола у своего почитателя, и царь весьма опечалился из-за этого.

— Увы! — протяжно восклицал он каждым утром, исполняя пуджу. — Бог лишает меня наследника крови. Когда я умру и попаду в погребальный костер, кто исполнит благочестивые обязанности сына и расколется мой безжизненный череп, чтобы высвободить мою душу из земных пут? Чья чужая рука проведет рисовую церемонию шраддхи, чтобы почтить мою душу? ² Неужели ни одна из птиц смерти, грачи и вороны, не слетятся на похоронное пиршество? Ибо, безусловно, мой земной бесплотный дух, будучи в величайшем отчаянии, не позволит им принимать в нем участие.

---

¹ Только в позднейшем ортодоксальном пантеоне и символическом политеизме брахманов Варуна стал Посейдоном или Нептуном — которым и является ныне. В Ведах он считается самым древним из богов, таким же древним, как Уран у греков, то есть персонафикация божественного космоса и бесчисленных богов, создатель и правитель небес и земли, Царь, Отец и Владыка мира, богов и людей. Он — Уран Гесиода и Зевс Греции. — *Прим. автора.*

* Религиозный обряд в индуизме.

² Шраддха — церемония, соблюдаемая ближайшими родственниками покойного, длящаяся девять дней после смерти. В древние времена эта церемония считалась магической. Сейчас, тем не менее, помимо других действий, во время нее перед дверью дома покойного разбрасывают вареные рисовые шарики. Если вороны быстро склюют рис, это означает, что душа освободилась и пребывает в покое. Если эти птицы, столь жадные до пищи, не притронулись к ней, это подтверждение того, что *пишача* или *бхут* (бесплотный дух) все еще присутствует на земле и отгоняет их. — *Прим. автора.*

Таким образом царь плакал и сокрушался, когда его семейный священник вдохновил его на мысль совершить обет. Если бог пошлет ему двух или более сыновей, то царь пообещает богу прилюдно принести Ему в жертву старшего сына, как только тот достигнет половой зрелости.

Привлеченный обещанием сожжения плоти — а острый запах паленого мяса всегда был приятен для великих богов — Варуна принял обещание царя, и у счастливого Амбариши был сын, после которого родилось еще несколько. Пока старший сын был наследником трона, его звали Рохита (красный), и он носил прозвище Деварата, которое, переведенное буквально, означало «Данный от бога». Деварата рос и скоро стал воистину Очаровательным Принцем, но если верить легенде, он был так же лжив и себялюбив, как и красив.

Когда принц достиг условленного возраста, бог, заговорив устами того же придворного священника, обязал царя сдерживать обещание; а поскольку Амбариша всякий раз придумывал какой-нибудь предлог для отсрочки часа жертвоприношения, бог в конце концов разозлился. И будучи нетерпимым и гневливым богом, он угрожал царю всеми Своими Божественными карами.

Однако долгое время ни приказы, ни угрозы не производили желаемого действия. До тех пор, пока на царских пастбищах оставались священные коровы, которых отдавали брахманам, до тех пор, пока в казне имелись деньги, чтобы наполнять тайники Храма, брахманам успешно удавалось успокаивать грозного Варуну. Но когда больше не осталось ни коров, ни денег, бог пригрозил уничтожить царя, его дворец и его наследников, а в случае их побега — сжечь их заживо. Несчастный царь, обнаружив, что все его запасы кончились, призвал к себе старшего сына и сообщил ему об ожидающей его судьбе. Однако Деварата остался глух к этому известию. Он отказался подчиниться вдвойне: и воле отца и божественной воле.

И вот, когда загорелись жертвенные костры, и все жители Айодхи, преисполненные волнения, собрались вместе, первого наследника царя не обнаружили на празднестве.

Он скрылся в лесах йогов.

В этих лесах обитали лишь святые отшельники-богомольцы, и Деварата понимал, что там он будет неуязвим и недося-

гаем. Его могли бы там отыскать, но никто не смог бы причинить ему зло — даже сам бог Варуна. Это было простое решение. Религиозная суровость и нетерпимость араньяков (лесных отшельников-богомольцев), среди которых были дайтьи (Титаны, раса гигантов и демонов), обладала таким могуществом, что все боги трепетали перед их властью и сверхъестественными силами — и даже сам Варуна.

Казалось, эти допотопные леса обладали силой, способной в любое время уничтожить Самого Бога... вероятно, потому что они сами же Его создали.

Несколько лет провел Деварата в лесах; и в конце концов ему постепенно наскучила такая жизнь. И он осознал, что мог бы удовлетворить Варуну, подыскав человека, которого принесли бы в жертву вместо него, но только в том случае, если священная жертва была бы сыном риши (мудреца). И он пустился в дорогу, и наконец обнаружил то, что искал.

В краю, раскинувшемся по берегам, усыпанным цветами, в прославленной Пушкаре стоял жестокий голод, и очень святой человек по имени Аджигарта¹ пребывал на грани смерти от голода, как и вся его семья. У него было несколько сыновей, из которых второй, Сунахсефа, благочестивый юноша, готовился стать риши. Воспользовавшись преимуществом его крайней бедности и посчитав весьма веским поводом, что голодный желудок намного лучший слушатель, чем сытый, коварный Деварата вынудил отца ознакомиться с его историей. После этого он предложил в обмен на Сунахсефу ему сотню коров, если тот заменит его для сожжения на алтаре богов.

Сперва добродетельный отец категорически отказался, но благородный Сунахсефа сам вызвался пожертвовать собою, и обратился к отцу с такими словами:

— Самый важный момент в жизни человека наступает тогда, когда он может спасти многих других. Этот бог — великий Бог, и Его сострадание бесконечно; но он также очень нетерпим и Его гнев быстр и мстителен. Варуна — бог Ужаса, и Смерть повинуется Его приказу. Еще ни разу Его дух не бо-

---

¹ Другие называют его Ришика и зовут королем Амбариша, а также Харишчандрой, знаменитым властелином, который был образцом всех добродетелей. — *Прим. автора.*

ролся с тем, кто ослушался Его. Он будет горячо сожалеть, что Он создал человека, а потом сожжет заживо сотни тысяч сотен тысяч¹ невинных людей из-за одного виновного. Если Его жертва убежит от Него, то он, безусловно, высушит наши реки, предаст огню наши земли и уничтожит наших женщин с детьми — в Своей безграничной доброте. Так позволь же мне пожертвовать собою, о, отец! Позволь я заменю этого чужеземца, что предлагает нам сотню коров. Это спасет тебя и моих братьев от голодной смерти, и еще спасет тысячи других! За такую цену приятно расстаться с жизнью.

Старый риши залился слезами, но в конце концов согласился и начал готовить жертвенный костер.²

Озеро Пушкара³ считалось одним из излюбленных мест на земле богини Лакшми-Падма (Белый Лотос); она часто погружалась в его чистейшие воды, чтобы навестить свою старшую сестру Варуни, супругу бога Варуны.⁴ Лакшми-Падма

---

¹ Мера, равная 100 000, идет ли речь о людях или деньгах. — *Прим. автора.*

² Ману (книга X, 105), ссылаясь на эту историю, отмечает, что Аджигарта, святой риши, не совершал греха, продавая жизнь своего сына, поскольку эта жертва спасла жизнь ему и всей его семье. Это напоминает нам еще одну легенду, более современную, которая, возможно, послужит некоей параллелью более древней. Разве граф Уголино, приговоренный к смерти от голода в темнице, не поедает своих собственных детей, «чтобы сохранить для них отца»? Народная легенда о Сунахсефе намного красивее комментариев Ману; по видимому вставленная некоторыми брахманами в фальсифицированные рукописи. — *Прим. автора.*

³ В наши дни это озеро иногда называют Поккр. Это знаменитое место, куда ежегодно направляются паломники. Оно очаровательно и расположено в пяти английских милях от Аджира в Раджистане. Пушкара означает «синий Лотос», и его поверхность покрыта этими восхитительными растениями, подобно ковру. Однако легенда утверждает, что эти лотосы первоначально были белыми. Пушкара — также имя человека, и название одного из семи священных островов, *Санга Двина*, географии индусов. — *Прим. автора.*

⁴ Варуни, богиня тепла (позднее богиня вина) также родилась из Океана Молока. Из четырнадцати драгоценных объектов, вызванных сбиванием молока, она появилась второй, а Лакшми — последней, предшествуя Чаше Амриты (Амриты), нектару, дарующему бессмертие. — *Прим. автора.*

услышала предложение Девараты и видела отчаяние его отца, при этом восхищаясь сыновьей любовью Сунахсефы. Преисполненная сострадания, Мать Любовь и Сочувствия послала к риши Висвамитру, одного из семи первоначальных Ману и сына Брахмы, и ей удалось заинтересовать его участием своего протеже. Великий риши обещал ей помочь. Незаметно для всех остальных, он явился к Сунахсефе и научил его двум священным стихам (мантрам) из Ригведы, взяв с него обещание прочитывать их на костре. Они таковы, что тот, кто произносит эти две мантры (заклинания), заставляет собраться всех богов во главе с Индрой, чтобы они явились спасти его, и благодаря этому он сможет стать самим риши в следующем воплощении.

Алтарь установили на берегу озера и разожгли огонь. Вокруг уже собралась толпа. После того как Аджгарта положил сына на благовонное сандаловое дерево и привязал его, он вооружился жертвенным ножом. И как только он занес дрожащую руку над сердцем своего любимого сына, юноша начал петь священные стихи. Старый риши застыл, охваченный сомнениями и горем, а когда юноша закончил чтение мантр, вонзил нож прямо в грудь Сунахсефы.

И — о, чудо! В этот же самый момент Индра, бог Голубого Свода (Вселенной) спустился с небес прямо в самую середину церемонии. Окутанный огнем, а жертва — плотным голубым туманом, он разорвал веревки, связывающие молодого пленника. Казалось, словно уголок голубых небес сам опустился над этим местом, освещая всю страну и окрасив эту сцену золотисто-голубым цветом. Охваченная ужасом толпа и даже сам риши пали ниц, полумертвые от страха.

Когда они пришли в себя, туман рассеялся, а сцена полностью переменялась.

Огонь жертвенного костра вновь разгорелся и распространился повсюду, и тогда все увидели самку благородного оленя Рохит¹ — не кого иного, как принца Рохиту, Деварату, который, с воткнутым в сердце ножом, предназначенным для другого, горел, как жертва, за своей грех.

---

¹ Игра слов. Рохит — на санскрите означает самку оленя, а Рохита означает «красный». Согласно легенде, из-за трусости и страха смерти боги превратили его в самку оленя. — *Прим. автора.*

Совсем неподалеку от алтаря, но на постели из Лотосов, распростершись, лежал мирно спящий Сунахсефа; а в том месте, куда некогда вонзился нож, расцветал прелестный голубой лотос. Озеро Пушкара, за мгновение до этого покрытое белыми лотосами, сверкающими на солнце лепестками, подобно серебряным чашам с нектаром Амриты (эликсир, дарующий бессмертие), теперь отражало голубизну небес — и белые лотосы стали голубыми.

Затем из глубины озера послышался мелодичный голос, подобный звукам вины (разновидность лютни; музыкальный инструмент, неизменный атрибут Шивы), произносивший такие слова и такое проклятие:

— Принц, которому неведомо, как умереть за своих подданных, не достоин править страной детей Солнца. Он возродится заново в расе рыжеволосых народов, варварских и эгоистичных, и народы, которые станут его потомками, получают в наследство упадок и разрушение. А вместо него царем станет младший сын нищенствующего аскета, и он будет править страной.

Ковер из цветов, покрывающий озеро, зашевелился и что-то одобрительно прошептал. Открыв золотистым солнечным лучам свои голубые сердца, лотосы улыбались от радости и, качая головками, исполняли торжественный гимн Сурье,* их Солнцу и Владыке. Вся природа ликовала, кроме Девараты, превратившегося в горстку пепла.

Затем Висвамित्रа, великий риши, хотя уже и имел сотню сыновей, объявил Сунахсефу своим старшим сыном, и поскольку любой, кто отказался бы признать его, был бы заранее проклят, то все согласились, что Сунахсефа — последнее рождение риши, старший из его сыновей и законный наследник трона Амбариши.

Благодаря этому решению, Сунахсефа был рожден в своем следующем воплощении в царской семье Айодхи и правил Солнечной расой 84 000 лет.

Что касается Рохиты — Девараты, или Данного-от-бога, — его участь стала такой, как предсказала Лакшми-Падма. Он заново возродился в семье чужака, не имеющего касты (млечч-

---

* Ведическое солнечное божество.

ха-явана) и стал предком варварских рыжеволосых народов, которые обосновались на Западе.

И эти расы выродились, как и установил Голубой лотос.

Если кто-нибудь из наших читателей позволит себе усомниться в исторической правде приключений нашего предка, Рохиты, и в превращении белого лотоса в голубой, то мы приглашаем их совершить путешествие в Аджмир.

А там уж им лишь придется отправиться к берегам трижды благословенного озера Пушкура, где каждый пилигрим, искупавшийся в нем в полнолуние месяца крхтика (октябрь-ноябрь), достигает наивысшей святости, причем без всякого усилия. Скептики увидели бы собственными глазами место, где был возведен жертвенный костер Рохиты, а также и воды, куда во время оно погружалась богиня Лакшми.

Они даже могли бы увидеть голубые лотосы, если большинство из них не изменилось с тех пор, из-за новых превращений, предписанных богами. Они бы увидели священных крокодилов, которых не имеет права потревожить никто. Это превращение дает возможность девяти из десяти паломникам, ныряющим в воды озера, почти немедленно погрузиться в нирвану. Потому-то священные крокодилы становятся все толще и толще.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЖИЗНЬ

Перевод Е. Ф. Писаревой

Введение

Была темная холодная ночь в сентябре 1884 года. Тяжелый мрак спустился над улицами маленького городка на Рейне и повис, подобно черному погребальному покрову, над скучным фабричным местечком. Большая часть его обитателей, изнуренных дневным трудом, давно уже удалилась на покой.

Все было тихо в большом доме; на опустелых улицах царил тишина.

Я тоже лежала в постели; но увы, не для отдыха, а пригвожденная на несколько дней страданием и болезнью. Так тихо было в доме, что, по выражению Лонгфелло, тишину эту можно было почти расслышать. Я могла ясно разобрать движение своей крови, как она стремительно пробегала по моему больному телу, производя то монотонное пение, которое хорошо знакомо страдающему от бессонницы. Я прислушивалась к этому пению, пока оно не перешло в моем воображении в шум водопада, в падение могучих водных потоков... Как вдруг, изменяя внезапно свой характер, «пение» перешло в другие, более приятные звуки. Это был тихий, вначале едва слышный, шепот человеческого голоса. Он приближался и, постепенно усиливаясь, говорил в самое мое ухо. Так звучит голос, проносясь по неподвижному голубому озеру в одном из тех удивительных акустических проходов среди снеговых гор, где воздух так чист, что произнесенное за полмили слово кажется прозвучавшим вот здесь, у самого вашего уха. Да, это был голос того, к кому нельзя было относиться без глубокого почитания; голос, с которым для меня были соединены глубокие мистические воспоминания; голос, всегда для меня желанный в течение многих лет и особенно желанный в часы душевных и физических страданий, ибо он всегда приносил с собой луч надежды и утешения. «Бодришь... — прошептал он

мягким ласкающим звуком. — Думай о днях, проведенных в светлом общении; думай о великих истинах, подслушанных у природы, и о многочисленных человеческих заблуждениях относительно этих истин и попробуй прибавить к ним новый опыт. Пусть рассказ о странной и интересной жизни наполнит эту ночь и поможет сократить часы твоих страданий... Внимание! Смотри туда перед собою!»

«Туда» означало большие светлые окна пустого дома по ту сторону узкой улицы немецкого городка. Они выходили как раз против окна, перед которым стояла моя кровать. Послушная приказанию, я устремила глаза по указанному направлению, и то, что я увидела там, заставило меня на время позабыть страшную боль, которая терзала мою распухшую руку и мое ревматическое тело...

Над окнами полз туман; густой, тяжелый, извивающийся, беловатый туман, похожий на огромную тень гигантской змеи, медленно развертывающей свои кольца.

Постепенно туман бледнел, исчезал, и за ним показался блестящий свет, нежный и серебристый, словно на поверхности окон отразились тысячи лунных лучей с тропического неба — сперва снаружи дома, а затем и внутри, наполняя пустые комнаты. Далее я увидела тот же туман, удлинявшийся и перекинувшийся в виде воздушного моста от заколдованного окна на мой балкон, а затем и на мою собственную постель. Пока я продолжала глядеть, окна, стены и самый дом внезапно исчезли. На месте, где были пустые комнаты, я увидела внутренность иной небольшой комнаты, которую я признала за швейцарское шалэ — рабочий кабинет, старые, темные стены, покрытые от пола до потолка книжными полками, на которых виднелось много древних фолиантов. Посреди комнаты стоял старомодный стол, заваленный манускриптами и письменными принадлежностями. Перед ним, с гусиным пером в руке, сидел старый человек, мрачный, худой как скелет, с лицом до того тонким, бледным и пергаментным, что свет одинокой лампы отражался двумя яркими точками на его выдающихся скулах, словно они были выточены из слоновой кости.

Когда я осторожно приподнялась на подушках, чтобы хорошенько разглядеть его, все, и шалэ, и рабочий кабинет, и

полки, и книги, и сам пишуший заколебались и начали двигаться. Медленно начали они приближаться все ближе и ближе, бесшумно скользя по облачному мосту, перекинутому через улицу, проплыли сквозь закрытое окно моей комнаты и под конец остановились у самой моей постели.

«Прислушайся к тому, что он думает и что собирается писать, — услышала я успокоительные звуки того же знакомого, издали звучащего голоса. — Ты услышишь рассказ, который сократит для тебя длинную бессонную ночь и заставит на время забыть твои страдания... Попробуй!»

Я пыталась исполнить, что было мне велено. Я сосредоточила все мое внимание на одинокой пишущей фигуре, которую видела перед собой, сама оставаясь для нее невидимой. Вначале скрип гусиного пера, которым старый человек писал, не передавал ничего, кроме тихого, шепчущего звука, который трудно описать. Затем до моего слуха начали постепенно доноситься неясные слова слабого, отдаленного голоса, и мне казалось, что наклоненная над манускриптом фигура читала свою повесть вслух вместо того, чтобы писать ее. Но вскоре я убедилась в своей ошибке. Взглянув на старого человека, я увидела, что губы его крепко сжаты и неподвижны, голос был слишком тонкий, чтобы быть его голосом. Еще удивительнее, что при каждом слове, написанном его слабой старой рукой, я видела свет, сверкающий из-под его пера, большие разноцветные искры, которые немедленно превращались в звук. Это и был маленький голос гусиного пера, его-то я и слышала, хотя и пишуший, и перо могли быть за сотни миль от Германии. Такие вещи случаются иногда, в особенности по ночам, «под звездным пологом которых мы познаем, — как выразился Байрон, — язык иных миров...»

Как бы то ни было, слова, произнесенные гусиным пером, остались надолго в моей памяти. Да мне и не трудно было восстановить их; стоило мне присесть с мыслью записать их, как вся история, неизгладимо запечатленная на астральных таблицах, начала в последовательных картинах проходить перед моим внутренним взором. Так всегда бывает со мной, и мне остается только переписывать то, что я вижу перед собой.

К сожалению, мне не удалось узнать имени моего ночного гостя. Несмотря на это я надеюсь, что читатель найдет записанную мной историю небезынтeресной для себя.

1. История незнакомца

Место моего рождения — маленькая горная деревушка, горсть швейцарских коттеджей, брошенных в солнечном уголке, между двумя разрушенными глетчерами, над которыми поднимается покрытая вечными снегами вершина. Туда тридцать семь лет назад я возвратился искалеченным физически и нравственно, надеясь умереть; но чистый, живительный воздух моей родины решил иначе. Я все еще жив; может быть, чтобы свидетельствовать о фактах, которые я глубоко скрывал от всех, рассказать ужасную повесть, которую я предпочел бы скрыть навеки.

Многие будут склонны рассматривать все эти события с точки зрения высшего Промысла; но я никогда не верил в Провидение, и все же я не могу приписать их простой случайности. Я связываю эти события с одной основной причиной, от которой произошло все последующее. Слабым, старым человеком стал я ныне, но физическая слабость не подорвала моих умственных способностей. Я вспоминаю мельчайшие подробности той страшной причины, которая породила такие роковые результаты. Они-то и убеждают меня в действительном существовании того, кого я желал бы — и как страстно желал! — считать созданием своей фантазии, преходящей тенью горячечного страшного сна! О это ужасное, кроткое и всепрощающее, это праведное и таинственное существо! Именно этот образец всех добродетелей и отравил так жестоко всю мою жизнь. Это он выбил меня с такой силой из безопасной колеи моей прежней жизни, это он внушил мне уверенность в потусторонней жизни, прибавив этим еще один лишний ужас к без того уже погубленному существованию...

Чтобы выяснить положение вещей, я должен сказать несколько слов о себе. О, как желал бы я изгладить всякое воспоминание об этом ненавистном *себе!*

Рожденный в Швейцарии от французских родителей, которые видели всю мировую мудрость в литературной троице Вольтер-Руссо-Гольдбах, и воспитанный в германском университете, я вырос полнейшим атеистом. Я не мог себе даже представить что бы то ни было, а тем более единое Существо, — поверх или вне видимой природы, отличное от нее. Поэтому я считал все, неспособное пройти через точный анализ физических чувств, чистойшей химерой.

Душа, думал я, если предположить, что у человека есть душа, должна состоять тоже из материи.

По определению Оригена, incorporeus — эпитет, который он дает своему богу — означает субстанцию, лишь более тонкую, чем наше физическое тело, о которой мы, в лучшем случае, не можем иметь никакой определенной идеи. Каким же образом то, о чем наши чувства не дают нам никакого ясного представления, может быть видимым и стать осязаемым проявлением?

В таком настроении я не мог чувствовать ничего, кроме презрения к зарождавшемуся тогда спиритуализму, и выслушивал все подобные басни с насмешкой, в которой был всегда оттенок гнева. Последнее чувство никогда не покидало меня.

Паскаль в VIII отделе своих «Мыслей» признается в полной своей неуверенности в существовании Бога, я же в течение всей своей жизни исповедовал полную уверенность в несуществовании какого бы то ни было внекосмического Существа и повторял вместе с великим мыслителем его достопамятные слова: «Я смотрел, не оставил ли этот Бог, о котором говорит весь мир, какого-либо следа на земле. Я смотрю всюду, и всюду встречаю одну лишь темноту. Природа не дает ничего, что не вызывало бы во мне сомнения и тревоги».

И я лично чувствовал так же. Я никогда не верил и никогда не поверю в Верховное Существо; но в скрытые свойства человека, признаваемые на Востоке, силы, настолько развитые в некоторых людях, что благодаря им они делаются как боги, *эти* силы я должен был признать и не могу более смеяться над ними. Вся моя разбитая жизнь доказывает их существование. Я верю в них и проклиная их, откуда бы они ни являлись.

После смерти моих родителей я, благодаря неудачному процессу, потерял почти все свое состояние и решил — не столько для себя, сколько для тех, кого любил — составить себе новое состояние. Моя старшая сестра, которую я боготворил, вышла замуж за бедного человека. Я принял предложение богатой гамбургской фирмы и отправился в Японию в качестве ее младшего компаньона.

В течение нескольких лет мои дела шли успешно. Благодаря доверию, которое я заслужил у многих влиятельных японцев, мне удавалось проникать в такие области, которые тогда были трудно доступны для иностранцев. Равнодушный ко всем религиям, я заинтересовался философией буддизма, единственной религиозной системой, которая достойна названия философской. Я любил в свободное от работ время посещать наиболее замечательные храмы Японии, самые любопытные из девяноста шести буддийских монастырей Киото. Я осматривал по очереди Даи-Бутзу с его гигантским колоколом, Дзионине, Энарино-Иассеро, Киэ-Миссу, Хигадзи-Вонзи и многие другие знаменитые храмы.

Время шло, но я не изменял своему скептицизму и оставался при своих прежних мнениях. Я поднимал на смех претензии японских бонз и аскетов так же, как смеялся над христианскими священниками и европейскими спиритуалистами; не мог же я, в самом деле, верить в существование каких-то неведомых сил, неизвестных людям науки? Суеверные и меланхолические буддисты, которые учат избегать радостей жизни, искоренять страсти и делаться одинаково бесчувственным как к счастью, так и к несчастью, чтобы приобрести какие-то химерические силы — все они были необыкновенно потешны в моих глазах.

Однажды, в день, навсегда незабвенный и роковой, я познакомился с очень ученым и почтенным бонзой по имени Тамоора Хидейери. Я встретился с ним у подножия золотого Куэн-Он, и с этого момента он стал моим лучшим другом. Но несмотря на все мое уважение к нему, я никогда не упускал случая, чтобы не поднять на смех его религиозные предрассудки, чем нередко оскорблял его чувства.

При этом мой старый друг проявлял столько кротости и всепрощения, что мог бы удовлетворить самое правоверное

буддийское сердце. Он никогда не злился на мои злые сарказмы и ограничивался кратким протестом: «Подождите и сами увидите». Он не мог даже поверить моему отрицанию Бога. Значение терминов «атеизм» и «скептицизм» было вне понимания его, во всех других отношениях чрезвычайно тонкого и развитого ума. Подобно некоторым богобоязненным христианам, он был неспособен понять, каким образом мудрые выводы науки можно предпочитать нелепому верованию в невидимый мир, населенный богами, демонами и разными духами. Он упорно утверждал, что человек — «духовное существо, которое возвращается на землю много раз, а в промежутках между смертью и новым рождением получает или награду, или наказание». Подобно Жерому Колье, он отказывался признать себя за ходячую машину или за говорящую голову без души, мысли которой подчинены законам движения. «Ибо, — убеждал он меня, — если бы мои действия были действительно предначертаны заранее, как вы говорите, и я был бы так же неспособен по своей воле изменять направление своих действий как течение вод вон той реки, тогда великое учение Кармы было бы действительно безумием».

Таким образом вся онтология моего ультраметафизического друга покоилась на шатком основании метемпсихоза, на каком-то воображаемом «справедливом» Законе Возмездия и тому подобных диких фантазиях.

— Мы не можем, — говорил он однажды, — наслаждаться после смерти полным сознанием, если при жизни не построили твердой основы духовности... Нет, не смейтесь, друг, лишенный веры, — просил он кротко, — лучше подумайте хорошенько об этом. Кто не научился жить в духе во время своей сознательной и ответственной жизни на земле, едва ли способен на сознательное существование после смерти, когда, лишенный тела, он будет пребывать в области единого Духа.

— Что вы понимаете под жизнью в Духе? — спросил я.

— Жизнь в духовном мире, в том, который буддисты называют Девалока (рай). Человек может подготовить себе такое блаженное существование в промежутках между двумя рожденьями, перенося постепенно на этот высший план бытия все

способности, которые во время его земного существования проявляются через телесные его органы и, как вы это называете, через физический мозг...

— Какая нелепость! И как же человек может сделать это?

— Созерцание и сильное желание уподобиться благословенным богам дадут ему возможность достигнуть цели.

— А если человек откажется от этого интересного занятия, под которым вы, вероятно, подразумеваете устремление глаз на кончик своего носа, что станет с ним после смерти его тела? — задал я ему насмешливый вопрос.

— Это будет зависеть от преобладающего состояния его сознания, в котором различается несколько степеней; самое лучшее — немедленное новое рождение — в худшем случае — состояние *авичи*, душевный или субъективный ад. Но совсем не нужно быть аскетом, чтобы овладеть духовностью, которая длилась бы и в посмертном состоянии. Требуется лишь желание приблизиться к области Духа.

— Так, так! Даже и не веря? — спросил я.

— Даже и не веря! Возможно не верить и все же оставить место для сомнения, как бы мало оно ни было; и тогда может наступить минута, когда человек все же попытается приоткрыть дверь, ведущую во внутренний храм. И этого достаточно.

— Вы решительно поэтичны и в придачу парадоксальны до конца ногтей, высокочтимый сэръ! Не будете ли вы так добры и не объясните ли мне немножко эту тайну?

— Тайны нет никакой, но я готов. Предположите на минуту, что какой-либо храм, в котором вы никогда не были и самое существование которого вы отрицаете, и есть тот «духовный план», о котором я говорю. Предположите, что кто-либо взял вас за руку и привел туда, а любопытство заставило вас открыть дверь и заглянуть внутрь. Этим простым действием, тем, что вы войдете туда на одну секунду, вы установите вечную связь между вашим сознанием и храмом. Вы не можете более отрицать его существования и не можете уничтожить того, что вы входили в храм. И смотря по тому, как вы себя чувствовали в святом месте, так вы будете жить в нем и после того, как ваше сознание покинет свою телесную обитель.

— Что вы подразумеваете под этим? И какое дело моему посмертному сознанию, если существует такая вещь, до вашего храма?

— Очень большое дело, — ответил торжественным тоном Тамоора. — После смерти не может быть самосознания *вне* храма Духа. Только то и переживает от нас, что соприкасалось с миром духовным. Все остальное исчезает и есть лишь — иллюзия. Всему этому суждено погибнуть в Океане Майи.

Находя идею проживания вне своего тела очень забавной, я просил своего старого друга продолжать. Не замечая моего насмешливого настроения, почтенный бонза охотно согласился.

Тамоора Хидейери принадлежал к большому храму, Тзи-Оненскому буддийскому монастырю, знаменитому не только по всей Японии, но и по всему Тибету и Китаю. Его монахи принадлежат к секте Дзено-доо, и их считают наиболее сведущими среди всех ученых братьев. Кроме того, существует тесная связь между ними и ямабуши (аскеты или пустынники), последователями учения Лао-цзы. Неудивительно после этого, что достаточно было с моей стороны легкого намека, чтобы Тамоора Хидейери вознесся на головокружительные метафизические вершины, вероятно надеясь изменить мое неверие.

Бесполезно повторять хитросплетения этого безнадежно непонятого учения. По его словам выходило так, что мы должны упражняться в духовности еще на земле, вроде того, как упражняемся гимнастикой. Продолжая аналогию между храмом и «духовным планом», он пробовал иллюстрировать свою идею. Сам он работал в храме Духа две трети своей жизни и отдавал несколько часов в день «созерцанию». И потому он *познал*, что после освобождения из своей брэнной оболочки, — которая ничто иное, как «иллюзия», прибавил он, — он будет переживать в своем духовном сознании снова и снова каждое чувство благородной радости и высшего блаженства, которое он когда-либо переживал или *мог бы переживать* — только во сто раз сильнее.

Его работа на духовном плане была значительная, говорил он, и поэтому он надеялся, что и награда работнику будет соответствующая.

— Но предположите, что работник, как это было на вашем примере, относившемся ко мне, откроет дверь храма из простого любопытства, заглянет лишь на секунду в святилище и этим и ограничится. Что тогда?

— Тогда, — ответил он, — у вашего будущего самосознания будет одна только эта минута, и больше — никакой. В нашей посмертной жизни вносятся и повторяются лишь те впечатления и чувства, которые принадлежат к духовным нашим переживаниям, и только они. Таким образом, если бы вы проникли в жилище Духа не с чувством благоговения, а питая в сердце своем гнев, зависть или печаль, в таком случае ваша будущая духовная жизнь была бы поистине печальна. Для вашего будущего не осталось бы ничего, кроме открывания двери в припадке дурного настроения.

— Как же бы это было? — спрашивал я, все более забавляясь. — Что же, по-вашему, я стал бы делать до нового воплощения?

— В таком случае, — сказал он медленно и как бы взвешивая каждое слово, — вам не осталось бы ничего иного, как открывать и закрывать двери храма снова и снова в течение периода, который, какова бы действительная продолжительность его ни была, для вас показался бы вечностью.

Этот род посмертного занятия показался мне в то время до того уморительным в своей величавой нелепости, что я разразился неудержимым припадком смеха.

Мой почтенный друг пришел, по-видимому, в большое смущение от такого результата своей метафизики. Но он не сказал ни слова, а только вздохнул и посмотрел на меня с усиленной нежностью и состраданием.

— Простите, пожалуйста, мой смех, — сказал я. — Но неужели вы серьезно уверяете, что так горячо проповедуемое вами «духовное состояние» состоит в обезьянничаньи того, что мы делаем на земле?

— Нет, нет, не обезьянничанье, а лишь заполнение тех пробелов, которые оставались незаполненными в течение жизни, лишь усиленное внедрение всего, совершенного нами в области духа. То, что я сказал, лишь иллюстрация, и для вас, совсем незнакомого с мистериями духовного зрения, вероятно это было очень непонятно. Вся вина на моей стороне... Мне

хотелось выяснить вам, что духовное состояние нашего сознания, освобожденного из тела, есть лишь плод или результат всех духовных деятельностей, имевших место в нашей земной жизни. Следовательно, если бы за всю жизнь совершилось лишь *одно* духовное действие, нельзя было бы и ожидать иных плодов, кроме повторения этого единственного действия. Вот и все. Буду молиться, чтобы вы были избавлены от такого бесплодного будущего и перестали бы отворачиваться от истины.

И затем, пройдя через все японские церемонии отбытия из гостей, превосходный человек отправился домой.

Увы, если бы я знал тогда то, что узнал впоследствии, как бы далек я был от смеха!

Но в те времена, чем больше вырастала моя привязанность и мое уважение к нему, тем более раздражали меня его дикие идеи о посмертной жизни и, в особенности, о сверхъестественных силах, которыми, по его мнению, обладали некоторые люди. Чрезвычайно неприятно было для меня его почитание ямабуш. Их претензии на «чудотворения» были для меня в высшей степени ненавистны. Слышать от каждого знакомого япошки и даже от моего собственного компаньона, слывшего за необыкновенно проницательного делового человека, восхваления «великих и чудесных» даров у этих последователей Лао-цзы с вечно опущенными глазами и благочестиво сложенными руками — это было более, чем я мог вынести терпеливо в те дни. И кто были, о сущности, эти великие маги с их претензиями на сверхъестественные знания, эти «святые нищие», которые нарочно прячутся, как думал я тогда, в недоступных горах, чтобы никакой любопытный посетитель не мог разыскать их и выследить, что они делают в своих берлогах? Я не верил возражениям, которые делали мне, уверяя, что хотя ямабуши и ведут таинственную жизнь, не допуская к своим тайнам посторонних, они, при соблюдении многих условий, все же принимают учеников и, таким образом имеют живых свидетелей великой чистоты и святости своей жизни. На это я отвечал, что одинаково презираю как учеников, так и учителей, и отвожу их в одну категорию полумных, если не мошенников; я доходил до того, что в ту-же категорию включал и синтоистов. Синтоизм, или *син-сью*,

«вера богов и в путь, ведущий к богам», то есть возможность общения между этими проблематическими существами и людьми, этот род поклонения духам природы казался мне особенно нелепым. Но подобные речи с моей стороны создали мне немало врагов. Ибо *синто-канузи*, духовные учителя, почитаются выше самых высших классов японского общества; сам Микадо находится во главе их иерархии, и наиболее культурные и воспитанные люди во всей Японии принадлежат также к этой секте. Эти «*канузи*» не составляют какой-либо отдельной касты и даже не проходят через какое-либо посвящение, по крайней мере насколько это известно посторонним; и так как они не пользуются никакими привилегиями и даже платье носят такое же, как и все, и только слывят среди мирян за учеников и учителей оккультных и духовных наук, — то я часто приходил с ними в соприкосновение, не имея ни малейшего понятия, что нахожусь в присутствии таких необычайных господ.

2. Таинственный посетитель

Прошли годы; но по мере того, как подвигалось время, мой неискоренимый скептицизм становился все упорнее. Я уже упоминал о своей горячо любимой сестре, единственной своей родственнице, оставшейся в живых. Она вышла замуж и поселилась в Нюрнберге.

Я относился к ней скорее с сыновними, чем с братскими чувствами, и ее дети были мне так же дороги, как если бы они были моими собственными детьми. В те тяжелые дни, когда отец наш потерял все свое состояние, а мать не выдержала удара, эта старшая, кроткая сестра моя стала истинным ангелом-хранителем разоренной семьи. Во имя любви ко мне, желая заманить мне учителей, которых мы не могли оплачивать, она отказалась от личного счастья. И как же я любил и почитал ее! И как бессильно было время разорвать эту нежную связь! Тот, кто утверждает, что атеист не может быть самоотверженным другом, любящим семьянином, произносит величайшую клевету и ложь.

Могут быть исключительные случаи, но это относится не столько к скептикам, сколько к эгоистам, но когда человек от

природы добрый становится неверующим из любви к истине, он только сильнее чувствует свои семейные узы и свои симпатии к людям. Все его чувства, все его пламенные стремления к невидимому и недостижимому, вся любовь, которую он иначе направил бы на проблематические небеса и на обитающего там бога, сосредоточиваются с удесятенной силой на любимых существах и на человечестве. Я утверждаю, что только сердце атеиста:

Может познать, какие неведомые приливы
Безмолвных радостей заливают его,
Когда братья любят друг друга...

Именно такая святая братская любовь привела меня к тому, что я с радостью пожертвовал своим собственным комфортом и личными радостями, чтобы обеспечить счастье той, которая была для меня более, чем мать. Я был совсем молодым, когда покинул дом и отправился в Гамбург; работая с углубленной серьезностью человека, имеющего пред собой благородную цель осчастливить тех, кого он любит, я скоро добился доверия своих патронов, и они вверили мне ответственный пост, который я занимаю и по сие время. Первою истинною радостью моей жизни было содействие браку моей сестры с тем человеком, которым она пожертвовала ради меня. Я был счастлив, что мог помогать им, и так бескорыстна была моя любовь к ней, что когда у нее появились дети, мое чувство еще более усилилось, и все привязанности моего сердца сосредоточивались на одной ее семье. Для моего сердца привязанность эта была единственной святыней, единственной церковью, где я поклонялся перед алтарем священных семейных уз. Дважды в течение девяти лет я переплывал океан с единственной целью увидеть и прижать к сердцу сестру и дорогих ее детей. У меня не было других связей с западом, и каждый раз, повидавшись с ними, я возвращался в Японию, чтобы работать для них. Из любви к ним я остался холостяком, чтобы все плоды моих трудов могли перейти к ним безраздельно.

Мы переписывались с сестрой так часто, как то позволяло медленное движение почтовых кораблей. Но вдруг настал

долгий перерыв, и я почти целый год не получал известий из дома; с каждым днем мое беспокойство росло все более и более, начал терзаться предчувствием великой беды.

— Друг, — сказал мне однажды Тамоора Хидейери, единственный человек, которому я вполне доверял, — друг, посоветуйтесь со святым ямабуши, и вы найдете успокоение.

Нечего говорить, что предложение его было отвергнуто с негодованием. Но по мере того, как пароход за пароходом приходил без единой весты, я почувствовал отчаяние, которое ежедневно увеличивалось. Под конец оно перешло в такое непреодолимое стремление узнать правду, какова бы она ни была, что я был побежден. Прежде я гордился своим полным самообладанием — теперь я стал презренным рабом страха. Фаталист из школы Гольдбаха, убежденный, что строгий закон необходимости — единственное условие для невозмутимого спокойствия философа, я ловил себя на желании прибегнуть к чему-то вроде гадания. Я дошел до того, что начинал забывать важнейший принцип моего вероисповедания, который можно было выразить в двух словах: *все совершается по необходимости*; да, я готов был все забыть, чтобы узнать во что бы то ни стало судьбу моих близких; и до того изменился весь мой внутренний мир, что я жаждал, подобно слабой, нервной девушке, сделать попытку и заглянуть — в такую нелепость верят некоторые безумцы — по ту сторону земного шара, чтобы узнать наконец, чем вызвано это необъяснимое молчание!

Однажды вечером, перед закатом солнца, мой старый друг, почтенный бонза Тамоора, появился на веранде моего дома. Я долго не был у него, и он пришел узнать о моем здоровье. Я воспользовался его приходом, чтобы задеть его, и задал ему вопрос: почему берет он на себя труд приходить ко мне пешком, когда он легко мог бы узнать обо мне все, что его интересует, спросив о том своего ямабуши? Вначале он как будто огорчился, но, взглянув пристально на мое измученное лицо, он кротко заметил, что продолжает настаивать на своем прежнем совете: лишь член этого братства может принести мне утешение в переживаемом мною испытании.

С этой минуты безумное желание овладело мною, и я решил проверить его обещание. Я сказал ему, что предлагаю

его прославленным магам назвать ему имя той личности, о которой я думаю, и открыть мне, что делает она в данный момент. Он спокойно ответил, что удовлетворить мое желание совсем не трудно. В двух шагах от моего дома, у больного синто находится ямабуши, и если я скажу одно только слово, он пойдет и приведет его ко мне. Я сказал это слово, и как только я произнес его, судьба моя была решена. Через двадцать минут старый японец, необычайно высокий и величественный для этой расы, бледный, тонкий и изможденный, стоял передо мной. Вместо подобострастной угодливости, которую я ожидал, я увидел спокойствие, полное достоинства, выражение нравственного превосходства и полное равнодушие к тому, что могут о нем подумать. На вопросы, и насмешливые, и неуважительные, которые я с лихорадочной поспешностью ставил ему один за другим, он не дал никакого ответа, но смотрел на меня в молчании так, как смотрит врач на больного в бреду. В момент, когда он устремил свой взгляд на меня, я почувствовал или, скорее, увидел, как яркий луч света, как бы тонкая серебряная нить устремилась из глубины его черных, глубоко запавших глаз и как бы проникла в самый мозг и мое сердце, подобно острой стреле. Да, я и видел, и чувствовал это, и скоро это двойное ощущение стало невыносимо.

Чтобы прекратить мучительное молчание, я спросил его, что нашел он в моих мыслях. На это последовал спокойный и совершенно верный ответ: чрезвычайное беспокойство за родственницу, ее мужа и детей, которые живут далеко в доме, описание которого последовало с такими верными подробностями, как будто он знал этот дом так же, как и я сам. Услышав этот ответ, я подозрительно посмотрел на моего друга бонзу; но, вспомнив, что Тамоора не мог знать дома моей сестры и что японцы славятся своей «верностью до могилы», я устыдился своего подозрения. После этого я спросил отшельника, не может ли он мне сообщить, что делает в настоящую минуту моя сестра.

— Чужеземец, — последовал ответ, — никогда не поверит словам и знаниям кого бы то ни было, кроме самого себя. Если он услышит истину, впечатление продлится недолго и им овладеет по-прежнему мучительное беспокойство. Остает-

ся только одно средство: заставить чужеземца (то есть меня) видеть собственными глазами и таким образом узнать истину самому. Согласен ли чужеземец довериться мне, чтобы я мог привести его в надлежащее состояние?

Я слышал в Европе о сомнамбулах и о претендующих на ясновидение и, не имея никакой веры в них, не мог ничего иметь и против самого процесса, в действительность которого не верил. Несмотря на всю переживаемую агонию, я все же не мог удержаться от улыбки при мысли о забавной операции, через которую должен буду сейчас пройти, и я молча наклонил голову в знак согласия.

3. Психическая магия

Старый ямабуши не терял времени. Он смотрел на заходящее солнце и, находя, вероятно, что Господь Тен-Дзио-Даидзио (Дух, выбрасывающий свои лучи) благоприятствует предстоящей церемонии, он быстро вынул из небольшого пакета маленький лакированный ящик, кусок растительной бумаги, изготовленной из коры тутового дерева, и перо, которым он набросал на упомянутой бумаге несколько изречений особыми знаками, *наидин*, употребляющимися лишь для религиозных и мистических целей. Окончив это, он вынул из складок своих одежд маленькое круглое зеркало из стали, необычайного блеска, и, держа его перед моими глазами, предложил мне смотреть в него.

Я не только слышал ранее о таких зеркалах, часто употребляющихся в храмах, но даже нередко и видел их. Существует верование, что по воле знающих священников в них появляются *даидж-дзин*, духи, показывающие правоверным их будущую судьбу. И я в первую минуту подумал, что он намеревается вызвать такого духа, чтобы он отвечал на мои вопросы. На деле же произошло нечто совершенно иное.

Только что я успел с чувством неловкости, вызванным ясным сознанием нелепости моего положения, притронуться к зеркалу, как почувствовал странное ощущение в той руке, которая держала его. На короткое время я забыл свой сарказм и перестал смотреть на дело с комической точки зрения. Был ли

это страх, который внезапно впился в мой мозг, на минуту парализуя его деятельность? Нет, ибо я еще сохранял свое сознание настолько, что не ожидал ничего от эксперимента, который противоречил всем моим здравым понятиям. Что же это было, что проползло по моему мозгу, леденя его и вызывая в нем ощущение ужаса, а затем проникло в мое сердце, словно ядовитая змея вонзила в него свое жало? Конвульсивным движением руки я выпустил магическое зеркало и не мог принудить себя поднять его с дивана, на котором я сидел. В течение одного короткого мига произошла страшная борьба между непонятной для меня жаждой взглянуть в глубину полированной поверхности зеркала и моей гордостью, которую, казалось, ничто не могло укротить. Около меня на лакированном столике лежала открытая книга; взглянув случайно на развернутую страницу, я прочел слова: «Покров, скрывающий будущее, соткан руками милосердия». Этого было достаточно. Та же самая гордость, которая удерживала меня от унижительного эксперимента, бросила вызов моей судьбе. Я поднял нестерпимо блестящий диск и приготовился смотреть в него.

Пока я рассматривал зеркало, ямабуши быстро сказал несколько слов бонзе Тамооре, что заставило меня бросить на обоих подозрительный взгляд. Но я еще раз ошибся.

— Святой человек желает поставить вам один вопрос и в то же время предупредить вас, — сказал бонза. — Если вы хотите смотреть сами, вы должны подвергнуться процессу очищения после того, как увидите в зеркале все, что желаете знать; *иначе вы останетесь ясновидящим навсегда и будете видеть на всяком расстоянии вопреки желанию и против воли своей.*

— Что это за очищение и что должен я обещать? — спросил я с недоверием.

— Это делается для вашего же блага. Вы должны обещать подчиниться и сделать все, что он скажет вам, иначе на него ляжет ответственность, что он сделал из вас *бессознательного ясновидца.* Ведь вы согласитесь, дорогой друг?

— Впереди еще много времени, чтобы подумать об этом, если я увижу что-нибудь, — ответил я с насмешкой и прибавил про себя: «в чем я сильно сомневаюсь до сих пор».

— Хорошо, друг, вы предупреждены, последствия падут на вас самих, — был торжественный ответ.

Я взглянул на часы с жестом нетерпения, который был замечен ямабуши. Было ровно *семь минут шестого*.

— Определите ясно в своем уме, *что* вы желали бы видеть и узнать, — сказал «заклинатель», положив зеркало и бумагу в мои руки и объяснив, как следовало обращаться с ними.

Выслушав его и устремив взгляд на зеркало, я сказал:

— *Я желаю лишь одного — узнать причину, почему моя сестра так внезапно перестала писать ко мне...*

Действительно ли я произнес эти слова перед двумя свидетелями, или подумал их — я и до сих пор не могу решить. Помню ясно только одно; в то время как я смотрел в зеркало, ямабуши смотрел на меня. Но определить, как долго длилось это: одну секунду или несколько часов — я не могу. Я помню все с малейшими подробностями до того момента, как взял зеркало в левую руку, а бумагу, исписанную мистическими знаками, между большим и указательным пальцем правой руки; с этого момента я, по-видимому, потерял сознание всего окружающего. Переход этот в совершенно новое для меня состояние совершился так быстро, что я потерял из виду все внешние предметы, и бонзу, и ямабуши, и комнату в тот момент, когда увидел себя наклоненным вперед с зеркалом в руке. Затем появилось сильное ощущение непроизвольного стремления вперед, как бы скачка со своего места — я бы даже сказал, из своего тела. А потом мои глаза, как мне показалось тогда — все остальные мои чувства были вполне парализованы — увидели яснее и живее, чем когда-либо в действительности, нюренбергский дом моей сестры, который я сам никогда не видал и знал только по рисункам. И вместе с тем, ощущая как бы вспышки уходящего сознания — умирающие должны испытывать нечто подобное — я различил последнюю мысль, слабую и едва уловимую, о том, какой смешной у меня должен быть вид...

Это ощущение — ибо это было скорее ощущение, чем мысль — было внезапно погашено духовным видением (я не могу назвать этого иначе) меня самого, того, что я знал, как свое тело, лежащим со свинцово-бледным лицом на кушетке,

мертвым по всем признакам, но продолжающим тарашить стеклянные глаза мертвеца в зеркало. Наклоненный над ним, разбивающий по всем направлениям своими худыми руками воздух над *его* бледным лицом, стоял высокий ямабуши, к которому я чувствовал в тот момент нестерпимую, смертельную ненависть. А когда я рванулся в мыслях, устремляясь на гадкого шарлатана, мой труп, оба старика, и самая комната, и все предметы в ней задрожали и затанцевали в красновато-пламенном свете и быстро понеслись куда-то от «меня». Еще несколько искаженных чудовищных теней перед «моим» взором, и, вместе с последним ощущением ужаса и высочайшего напряжения, чтобы понять, *кто же* был я, если я не был тот труп — густой покров мрака упал на меня и погасил последнюю искру моего сознания.

4. Видение ужаса

Как странно!.. Где же был я теперь? Было ясно, что ко мне снова вернулось сознание. Ибо я несомненно существовал и быстро подвигался вперед, но как-то необычайно, как будто я плыл без всякого импульса и усилия с моей стороны и притом — в полнейшей темноте. Первая моя мысль была о длинном подземном переходе среди воды, земли и спертого воздуха, хотя телесно я не испытывал ни малейшего соприкосновения с которой-нибудь из этих стихий. Я пробовал произнести несколько слов, повторить мою последнюю фразу: *«Я желаю лишь одного — узнать причину, почему моя сестра так внезапно перестала писать ко мне»*. Но из всех пятнадцати слов я услышал только одно: *«узнать»*, — и даже оно исходило во все не из моего горла, и хотя прозвучало звуком моего собственного голоса, но совершенно вне меня, вблизи, но не во мне. Короче, слова были произнесены *моим* голосом, но *не моими* губами...

Еще одно быстрое произвольное движение, еще одно погружение в темноту, и я увидел себя — стоящим — под землю, как мне казалось. Я был плотно окружен со всех сторон — сверху и снизу, справа и слева — землю, и, тем не менее, она не имела веса и казалась нематериальной и прозрач-

ной для *моих чувств*. Но я тогда совершенно не сознавал полную нелепость, более того, невозможность этого *кажущегося* факта! Еще одна секунда, и я увидел... рассказываю об этом теперь с невыразимым ужасом, но тогда — несмотря на необычайную обостренность всех ощущений — я оставался совершенно равнодушным к тому, что увидел перед собой.

Да, я увидел гроб у моих ног. Это был простой, непритязательный ящик, последнее ложе нищего, и в нем — сквозь закрытую крышку — я ясно различал страшно ослабленную голову и человеческий скелет, раздробленный во многих местах, словно его извлекли из какой-нибудь секретной комнаты блаженной памяти инквизиции, где его подвергали страшным пыткам. «Кто это может быть?» — подумал я.

В эту минуту я опять услышал, как издалека доносился мой собственный голос... «*Причину, почему...*» — произнес он, словно эти слова были непрерывавшимся продолжением той самой фразы, из которой он только что произнес одно слово «*узнать*».

Он звучал близко и в то же время как бы из невообразимой дали, производя впечатление, что все долгое подземное путешествие и все последовательные размышления и открытия совсем не заняли времени; что все они произошли в течение мгновенного промежутка между первым и средними словами фразы, начатой в моей комнате в Киото — и которую голос продолжал произносить в оторванных изречениях, подобно верному эхо моих собственных слов...

Вслед за тем чудовищные останки начали принимать знакомую мне форму. Раздробленные части соединились вместе, кости снова оделись телесным покровом, и я узнал с некоторым удивлением, но без малейшей тени чувства — мужа моей сестры, которого я во имя ее так горячо любил! «Почему умер он такую страшную смертью?» — спросил я себя. Едва я поставил этот вопрос, как словно в панораме развернулась передо мной вся картина смерти бедного Карла со всею ужасающею живостью и со всеми потрясающими подробностями, которые тогда оставляли меня совершенно равнодушным. Вот он, старый дорогой друг, полный жизни и радости, только что получивший значительное повышение по службе, рассматривает и пробует на лесопильном заводе огромную паровую ма-

шину, только что прибывшую из Америки. Он наклонился над ней, рассматривая что-то внутри и словно желая закрепить одну из гаек. Его платье схватывается зубьями вращающегося на полном ходу колеса и внезапно — весь он втянут, разорван пополам, и его отделившиеся члены выброшены вон прежде, чем незнакомые с механизмом рабочие смогли остановить колесо. Его вынимают, то есть то, что осталось от него, ужасную, незнаваемую массу еще трепещущего окровавленного тела... Я следую за этими останками, которые везут в госпиталь, слышу грубо отдаваемое приказание, чтобы вестники смерти остановились по дороге у дома вдовы и сирот. Я вхожу за ними в дом и вижу ничего не подозревающую семью, спокойно занятую своими делами. Я узнаю мою сестру, дорогую, любимую, и остаюсь совершенно равнодушным, хотя и сильно заинтересованным предстоящей сценой. Мое сердце, мои чувства, вся моя личность — казалось — исчезли, остались где-то позади, принадлежали кому-то другому.

Там стоял «я», присутствуя, как передавалась страшная новость. Я вижу ясно влияние удара на нее, я наблюдаю до мельчайших подробностей все ее ощущения и внутренний процесс, происходящий в ней. Я наблюдаю и запоминаю, не пропуская ничего.

Когда труп был внесен в дом, я услышал долгий крик агонии, затем мое собственное имя, и — глухой звук живого тела, упавшего на останки Мертвеца. С любопытством следил я, как ее начала потрясать сильная дрожь, как за дрожью последовало моментальное сотрясение в мозгу, я внимательно наблюдал червеобразное, страшно напряженное движение всех фибр, моментальную перемену цвета в оконечностях головной нервной системы, как нервное вещество волокон изменяло свой белый цвет в красноватый, который быстро переходил в темно-красный, а затем — в синеватый оттенок. Я заметил внезапную вспышку фосфорического яркого сияния, как оно затрепетало и внезапно погасло, после чего наступила темнота — полнейший мрак в области памяти... как сияние, сравнимое по форме лишь с очертаниями человека, выделилось внезапно из верхней части головы, расширилось, потеряло свою форму и рассеялось в пространстве. И я сказал себе: «Это — сумасшествие, неизлечимое пожизненное сумасшеств-

вие, ибо начало разума не парализовано и угасло не на время, а совсем покинуло свою обитель, выброшенное из него ужа-сающей силой внезапного удара... Связь между животной и божественной сущностью порвана...» И когда необычайное слово «божественной» было произнесено, *моя* «мысль» за-смеялась.

Внезапно я снова услышал мой голос, отдаленный и все же близкий, произносивший совсем около меня: *«почему моя сестра так внезапно перестала писать...»* И прежде, чем последние слова *«ко мне»* успели закончить всю фразу, я увидел целый ряд тяжелых событий, последовавших за ката-строфой.

Я увидел мать, беспомощную, что-то бормочущую идиот-ку, помещенную в сумасшедшем отделении городского госпи-таля, и семерых детей в приюте для бедных, затем увидел двух старших — мальчика пятнадцати лет и девочку годом моложе, моих любимцев, обоих в услужении у чужих людей. Капитан парусного судна взял моего племянника, а племянницу забра-ла старая еврейка. Я смотрел на все эти события, со всеми сердцараздирающими подробностями, и запоминал их с от-четливостью и полным хладнокровием. Ибо, запомните хоро-шенько: когда я употребляю выражение «сердцараздираю-щие» и другие в этом роде, это относится к позднейшим моим переживаниям. Во время же описанных наблюдений я не испытал ни малейшего горя, ни малейшей жалости. Все мои чувства были парализованы так же, как и внешние органы; и лишь по «возвращении назад» в тело начинал я сознавать все свои невознагражденные потери.

Все, что я ранее так энергично отрицал, приходилось пе-реживать в те дни личным горьким опытом. Если бы мне кто-нибудь сказал прежде, что человек способен действовать и сознавать независимо от своего мозга и от своих органов чувств; что какой-то таинственной силой он может быть пере-несен в бесплотном виде за тысячи верст от своего тела, чтобы присутствовать при событиях не только совершающихся, но и прошедших, и задерживать их каким-то непонятным способом в своей памяти — я назвал бы такого человека сумасшедшим. Но увы, это время прошло, ибо я сам стал таким «сумасшед-шим». Десять, двадцать, сто раз во время моей проклятием

отмеченной жизни испытал я подобное существование *вне своего тела*. И я даже не могу приписать этого временному помешательству: сумасшедшие видят несуществующее, а мои видения оказывались *неизменно верными*. Но вернемся к моей повести страдания. Последним моим впечатлением была горькая судьба моей любимой племянницы, а затем я почувствовал такое же сотрясение, после которого я поплыл внутрь земли, как мне казалось тогда. Я открыл глаза в моей собственной комнате, и первое, на что упал мой взгляд, были стенные часы. Их стрелки показывали *семь с половиной минут шестого!*.. Таким образом я прошел через все эти ужасающие испытания, на описание которых потребовалось несколько часов, *ровно в полминуты!* Но это сознание появилось позднее. В первый миг я не помнил ничего, и то первое мгновение, когда я взглянул на часы, принимая зеркало из рук ямабуши, слилось для меня с этим вторым мгновением. Я только что открыл рот, чтобы поторопить ямабуши, как вдруг воспоминание обо всем виденном осветило мой мозг. Испустив крик ужаса и отчаяния, я почувствовал, словно весь мир опрокинулся на меня и придавил меня своей тяжестью. Мое сердце заняло от нестерпимой боли; судьба моя была решена, и безнадежный мрак опустился навсегда на остаток моей жизни!

5. Возврат сомнений

Затем наступила реакция столь же неожиданная, как и порыв отчаяния. Во мне возникло сомнение, которое постепенно разрослось в гневное желание отрицать все, что я только что видел. Упорная решимость видеть во всем происшествии бессмысленный сон, последствие моего чрезмерного напряжения, овладело мною.

Да, все это было лживое видение, идиотическое нагромождение моих собственных ощущений, внушивших мне картины смерти и несчастий под влиянием многих недель неизвестности и нравственной подавленности.

— Как мог я увидеть все это менее чем в полминуты времени?.. — воскликнул я. — Теория сновидений, быстрая сме-

на событий во сне, вызванная возбужденным состоянием ганглий мозговых полушарий, достаточно объясняет длинный ряд событий в моем видении. Только во сне могут до такой степени уничтожаться соотношения между временем и пространством. Ямабуши не при чем в этом неприятном кошмаре. Какой-нибудь дьявольской смесью, секрет которой известен этим людям, он вызвал у меня бессознательное состояние, во время которого я и увидел все эти лживые и ужасные видения. Я изгоню все эти наваждения, я не верю в них! Через несколько дней придет пароход, отправляющийся в Европу, и я поеду с ним!

Этот бессвязный монолог был произнесен в присутствии моего друга Тамооры и ямабуши. Последний продолжал стоять в прежней позе и смотрел на меня, вернее сказать — *через* меня, со спокойным и молчаливым достоинством. Тамоора, доброе лицо которого светилось состраданием, приблизился ко мне и со слезами на глазах сказал:

— Друг, вы не должны уезжать, не очистившись от соприкосновения с низшими даидж-дзин (духами), которые направляли вашу неопытную душу туда, куда она стремилась. Сношение с нашим внутренним Я должно быть закрыто от их опасных вторжений. Не теряйте времени, сын мой, и допустите святого Учителя очистить вас немедленно.

Но гнев делает человека глухим, и, вместо всякого ответа, я начал с негодованием протестовать: как *мог* он подумать, что я могу поверить в действительность своих видений и смотреть на него, ямабуши, иначе, как на простого обманщика.

— Я уеду завтра, даже если бы мне это стоило всего моего состояния! — воскликнул я, бледнея от ярости и отчаяния.

— Вы будете раскаиваться в этом всю жизнь, если не дадите святому Учителю оградить вас от вторжения даидж-дзин, — сказал он с кроткой настойчивостью.

Я прервал его грубым смехом и спросил, какую плату ожидает от меня его ямабуши за свой эксперимент?

— Он не нуждается ни в чем, — ответил Тамоора. — Орден, к которому он принадлежит, богатейший в мире, так как его члены выше всех земных желаний и помыслов. Не оскорбляйте того, кто пришел к вам из чистого сострадания, желая облегчить ваши мучения.

Но я неспособен был внимать его мудрым словам, так овладел мною мятежный дух гордости. К счастью для меня, обернувшись с намерением выгнать монаха, я увидел, что его уже не было в комнате.

Я не слышал, чтобы он двигался, и приписал, его внезапный уход страху быть изобличенным. Безумец, слепой самонадеянный идиот!

Я не захотел поверить, что покой всей моей жизни уходит вместе с ним навсегда... тупое, угрюмое недоверие, упрямое отрицание свидетельства моих же собственных чувств и твердое решение видеть во всем случившемся результат расстроенного воображения овладело всем моим существом.

«Мой ум, рассуждал я, что представляет он из себя? Неужели я поверю, вместе с суеверными и слабыми, что этот продукт фосфора и серого вещества есть в самом деле высшая часть меня и может видеть независимо от моих физических чувств? Никогда! я считаю за личное оскорбление, за поругание разума человеческого говорить о каких-то невидимых существах, о каких-то «даидж-дзинах» и всякого рода нелепых суевериях. И я просил своего друга бонзу избавить меня от его непрошенных советов. Так бесновался я перед кротким японцем, делая все, что зависело от меня, чтобы оттолкнуть его, но его удивительная кротость оказалась сильнее моего идиотического гнева, и он продолжал умолять меня, ради блага всей моей жизни, подвергнуться необходимому очистительному обряду.

— Никогда! Лучше пребывать в пространстве, из которого даже самый воздух выкачан здоровым недоверием, чем оставаться в густых туманах глупого суеверия, — отвечал я на его мольбы, перефразируя изречение Рихтера.

— Чужеземный друг! — воскликнул Тамоора. — Я буду молиться, чтобы вам не пришлось раскаяться в вашем упорстве; пусть же Куан-Он (богиня милосердия) оградит вас от дзинов! Ибо святой ямабуши бессилен защитить вас от дурных влияний, вызванных вашим неверием и гневом, раз вы отказываетесь подвергнуться очищению от его руки. Но позвольте в час разлуки мне, старому человеку, желающему вам добра, еще раз предупредить вас. Могу я говорить?

Несмотря на мое нелюбезное возражение, что я не выношу его ненавистных суеверий, он начал так:

— Преклоните ваше ухо, дорогой друг, в последний раз и узнайте, что ваша будущая жизнь станет невыносимой, если вы не послушаетесь меня. Дайте тому, кто открыл ваше «духовное зрение», закончить дело и оградить вас от постоянного повторения тяжелых видений. Если вы не согласитесь свободной волей, вы останетесь во власти *Сил*, которые будут мучить и преследовать вас до пределов безумия. Знайте, что развитие «Дальнего зрения» (ясновидения), которым владеют *по своей воле* лишь немногие избранные, от которых великая Куан-Он не имеет тайн, — для начинающих совершается с помощью дзинов (элементалей), которые лишены души, следовательно и жалости. Узнайте также, что лишь архаты, «победители врага», сделавшие из этих существ своих слуг, в безопасности от них; тот же, кто не овладел ими, становится их рабом. Нет, не смейтесь в вашей гордости и неведении, но слушайте дальше. Во время видений даидж-дзин овладевает ясновидцем, если он, как вы — неопытный новичок, и держит его в своей власти; и в это время ясновидец перестает быть *самим собою*. Он разделяет природу своего «руководителя». Даидж-дзин, направляющий его внутреннее зрение, держит его душу в позорном плену, делая из него, пока ясновидение длится, существо, подобное себе. Лишенный божественного света, человек становится бездушным существом; поэтому, оставаясь в соприкосновении с даидж-дзином, он лишается всех человеческих чувств, не испытывает ни жалости, ни страха, ни любви, ни сострадания.

— Стой! — воскликнул я невольно, когда его слова вызвали во мне воспоминание о равнодушии при виде отчаяния моей сестры. — Стой!.. но нет, безумием было бы обращать внимание и делать выводы из ваших диких речей... но если вы все это считаете таким опасным, почему посоветовали вы мне позвать вашего ямабуши? — прибавил я насмешливо.

— Потому что не было бы никакого зла, если бы вы одержали обещание и подвергли себя очищению, — последовал грустный и смиренный ответ. — Я желал вам добра, друг, и сердце мое истекло кровью, видя, как вы страдаете день за днем. Сделанное над вами совершенно безвредно, если это делается знающим, и становится опасным только в том случае, если последующие предосторожности не выполнены. Тот же

учитель «ясновидения», который раскрыл вход в вашу душу, должен и закрыть его, налагая Печать Очищения в защиту от дальнейших вторжений...

— Учитель ясновидения! как бы не так! — грубо прервал я его. — Скажите лучше — учитель мошенничества!

Страдальческий взгляд на его добром старом лице был до того мучителен, что я понял наконец, как далеко я зашел, но было уже поздно.

— В таком случае — прощайте, — сказал бонза, поднимаясь.

И совершив в молчании, полном достоинства, все церемонии вежливости, Тамоора покинул мой дом.

6. Я отправляюсь — но не один

Через несколько дней я отплыл в дальний путь, но не видал более своего друга бонзу. Очевидно, в тот незабвенный для меня вечер он был серьезно оскорблен моим дерзким отношением к тому, кого он так глубоко чтит. Меня это огорчало, но колесо страстей и гордости вращалось с такою силою в моей душе, что не допускало и минуты раскаяния, а между тем не прошло и недели, как я должен был вспомнить все его предостережения.

Со дня моего опыта с магическим зеркалом я заметил большую перемену во всем своем состоянии, но вначале я приписывал ее душевному угнетению, которое давило меня столько месяцев кряду. Днем я очень часто ловил себя на том, что теряю временно из виду все окружающие предметы, в том числе и ехавших со мной людей. Ночи я проводил чрезвычайно тревожно. Мои сны были тягостны, а по временам и ужасны. Я всегда переносил очень хорошо морские поездки; кроме того, погода была превосходная и океан спокоен как озеро, и, несмотря на это, я часто испытывал странные головокружения; в такие минуты знакомые мне лица пассажиров принимали самые фантастические очертания. Так, один молодой немец, с которым я был и ранее хорошо знаком, преобразился передо мной в своего старого отца, которого мы вместе с ним похоронили на маленьком европейском кладбище Киото три

года перед тем. Мы разговаривали с ним на палубе о покойном и об одном из его деловых распоряжений, как вдруг голова Макса Грюнера покрылась какой-то странной пленкой; густой, серый туман окружил его и, все более сгущаясь вокруг его здорового лица, преобразился вдруг в страшную мертвую голову его отца, которую я сам видел опущенной в могилу на глубину шести футов под землей. В другой раз, когда капитан говорил об одном воре из малайцев, которого он помог запереть в тюрьму, я увидел рядом с ним гнусное лицо, вполне отвечавшее его описанию. Я никому не говорил о своих галлюцинациях; но по мере того, как они все более учащались, я сильно встревожился, хотя продолжал приписывать их естественным причинам, о которых читал в медицинских книгах. Однажды ночью я был внезапно разбужен громким криком отчаяния. Это был женский голос, выражавший ужас и словно призывавший на помощь. Проснувшись, я очутился на земле в странной незнакомой мне комнате. И я увидел страшную картину насилия. У запертой двери притаилась старая женщина, которую я немедленно узнал: это было лицо еврейки, взявшей к себе мою племянницу в сновидении, которое так потрясло меня в Киото. Она очевидно сторожила, принимая деятельное участие в подлом преступлении, но кто же была жертва? О ужас, невыразимый словами! Когда, придя в нормальное состояние, я постиг все виденное, я понял, что то была моя собственная девочка-племянница...

Но, как и в первом моем видении, я не испытывал никакой боли, которую чувствуешь при виде страдания любимых и близких людей; лишь одно мужское негодование против гадкого насилия. Я бросился на негодея, схватил его с могучей силой, но он, по-видимому, даже и не замечал моего присутствия. Тогда я удвоил усилия, бросился на него и начал душить его. Только тут я заметил в первый раз, что и сам я — тень, и схваченный мною человек — такая же тень...

Мои громкие крики и проклятия разбудили весь пароход. Их приписали кошмару, и я никому не рассказывал своих переживаний; но, начиная с этого дня, моя жизнь превратилась в сплошную нравственную пытку. Едва я закрывал глаза, как делался свидетелем какого-нибудь ужасного дела, какой-

нибудь сцены страдания, смерти или преступления; то в прошлом, то в настоящем, а иногда и в будущем, как я убедился позднее. Словно какой-то издевающийся враг взял на себя задачу показывать мне все злобное, звериное, безнадежное, что творится в этом мире бедствий. Ни единый луч красоты или добра не освещал этих картин страдания и преступления, при которых я был осужден присутствовать. Сцены убийства, измены и разврата проходили постоянно перед моим внутренним взором, и я должен был смотреть на самые низкие проявления человеческих страстей.

Неужели же Тамоора предвидел все мои тяжкие переживания, когда говорил о даидж-дзин, для которых я оставил «вход», «открытую дверь» внутри себя? Вздор! Наверное какое-нибудь физиологическое ненормальное состояние. Как только я приеду в Нюрнберг и успокоюсь относительно своих, все эти видения исчезнут сами собою. Самый факт, что мое воображение работает в *одном* направлении, рисуя постоянно картины страдания и худших человеческих страстей, доказывает их нереальность.

«Если, как вы говорите, человек состоит только из одной материи, доступной физическим чувствам, и если все виды сознания лишь результат молекулярного движения мозга, в таком случае нас должно бы привлекать одно материальное, земное...» Мне казалось, что я слышу знакомый голос бонзы Тамоора, прервавшего мои размышления и повторяющего один из своих обычных аргументов в спорах со мной.

«Человек видит на двух планах, — снова услышал я его голос. — На плане бессмертной любви и духовных стремлений, исходящих из вечного Света; и на плане тревожной, вечно меняющейся материи, в излучениях которой купаются вводящие в заблуждение даидж-дзины».

7. Вечность в одном коротком сновидении

В тот период своей жизни я не допускал даже на минуту нелепой веры в каких бы то ни было духов, как добрых, так и злых. Теперь я понял, что такое подразумевается под этим термином, хотя и продолжал надеяться, что все это окажется в

конце концов физическим расстройством или нервной галлюцинацией. Чтобы укрепить еще более свое неверие, я старался припомнить все аргументы, когда-либо слышанные мною, направленные против подобного суеверия. Я припоминал едкие сарказмы Вольтера, спокойные рассуждения Юма и повторял до тошноты слова Руссо, сказавшего, что против суеверия, этого «разрушителя общества», мы обязаны бороться изо всех сил.

Однажды старый капитан рассказывал нам различные суеверия, распространенные между моряками; величественный английский миссионер заметил, что Филдинг давно уже высказал, до какой степени суеверие «делает человека глупцом», после чего он поколебался на мгновение и внезапно замолчал. Я смотрел на почтенного миссионера; когда он произносил эту цитату, я увидел в окружающей его вибрирующей ауре, которую я начал видеть почти постоянно вокруг всех людей, продолжение Фильдинговой цитаты: *«а скептицизм делает его умалишенным»*. Я слышал не раз от людей, претендующих на ясновидение, что они видят мысли людей, впечатленные на их ауре. Теперь у меня был личный опыт, подтверждающий их претензию, и открытие это было для меня чрезвычайно тягостно. Я — *ясновидящий!* Новая тяжесть придавила мою жизнь, прибавился нелепый и смешной дар, который я должен скрывать от всех, стыдясь его как проказы. В эти минуты моя ненависть к ямабуши не знала пределов: ведь это он своими манипуляциями, в то время как я лежал без сознания, затронул какую-нибудь неизвестную пружину в моем мозгу и, растянув ее, вызвал способность, обыкновенно скрытую в человеческой организации!

Но и гнев мой, и мои проклятия были одинаково бесцельны. К тому же, мы уже подходили к европейским морям и через несколько дней должны были высадиться в Гамбурге. И тогда все мои сомнения придут к концу и я докажу, что хотя ясновидение, в смысле чтения мыслей на ближайшем расстоянии, и имеет за собой нечто действительное, но возможность узнавать на далеком расстоянии прошедшие события, как в моих сновидениях, вещь совершенно невозможная для человеческих способностей. И что же? Несмотря на все эти рассуждения, сердце мое отчаянно болело и было полно самых

мрачных предчувствий: я чувствовал, что приближается нечто роковое.

Накануне прибытия в порт я видел сон: я видел себя мертвым; мое тело лежало холодное и окоченелое, а умирающее сознание готовилось через несколько мгновений погаснуть совсем. Я всегда думал, что мозг должен последним из всех человеческих органов прекращать свою деятельность, что мысль на несколько мгновений должна переживать остального человека. Поэтому я нисколько не удивился, что в моем сневидении тело уже перешло через ту страшную пропасть, «откуда смертный не возвращается вовек», тогда как сознание все еще оставалось в сером полусвете, предшествующем великой Тайне. Таким образом, моя мысль, связанная, как мне казалось, с остатками исчезающей жизненной силы, следила с любопытством за приближением своего собственного разрушения, то есть *уничтожения*. «Я» спешило отметить мои последние впечатления прежде, чем темный покров вечного забвения закроет меня навсегда, прежде чем Я испытаю *торжество* подтверждения всех моих убеждений и того, что смерть есть полное прекращение сознательного бытия. Темнота вокруг меня росла с каждой минутой. Передо мною двигались серые большие тени, вначале медленно, затем движение их все ускорялось, и под конец они закружились в вихревом движении головокружительной быстроты. Затем, словно движение их служило только для сгущения темноты,— оно стало все более замедляться, а когда темнота превратилась в абсолютную темноту, движение прекратилось и совсем. Теперь передо мною не было ничего, кроме черного, неизмеримого Пространства; и оно представлялось мне столь же безграничным и безмолвным, как океан Вечности, над которым Время — создание человеческого мозга — скользит безостановочно, бессильное переплыть через него.

Сновидения определяются Катонем как «образ наших надежд и опасений». Никогда не страдавший страхом смерти, я чувствовал себя спокойным и ясным пред предстоявшим концом. Я даже радовался своему скорому избавлению от непрерывной тоски, которая непрестанно грызла мое больное сердце в течение томительных месяцев и под конец стала невыносимой; и если — как Сенека думает: «смерть лишь пре-

кращение того, чем мы были», в таком случае лучше всего было для меня умереть. Тело уже умерло; «я», то есть его сознание, готовится последовать за ним. Мысль начнет постепенно работать все слабее, туманнее, пока полное забвение не охватит меня своим холодным саваном.

Желанна для Меня таинственная рука Смерти, великого Мирового Утешителя; глубок и безмятежен сон в его нерассторжимых объятиях... Тихая пристань среди бушующих волн жизненного океана, шумный прибой которых вотще разбивается о скалистую твердыню Смерти. Счастлив тот одинокий челн, который после страшной борьбы на свирепых волнах земной жизни достиг, наконец, тихих вод ее черной бездны. Прикрепленная навсегда, не нуждающаяся ни в парусе, ни в руле, моя ладья найдет там вечный покой. Приветствую тебя, Смерть-избавительница, и прощай, несчастное тело, давно уже не знающее ничего иного, кроме страдания!..

Произнося этот гимн смерти, я наклонился над расprostертым телом своим и стал рассматривать его с любопытством. Чувствуя, как окружающая темнота давила на меня со всех сторон, я вообразил, что ко мне приближается желанный Освободитель. А между тем... как странно! Если после смерти умирает все мое «я», следовательно и сознание; почему же оно не бледнеет, почему мой *мозг* работает энергичнее, чем когда-либо... между тем, как сам я ведь умер? И обычное чувство тоски не уменьшается; наоборот, оно становится еще сильнее... до невыразимой степени!.. Когда же придет забвение?.. Ах, вот опять мое тело!.. Исчезнувшее из вида на одну секунду, оно вновь появляется передо мной. Какое оно бледное и страшное! А между тем, его мозг еще не умер, так как «я», его сознание, все еще действую, так как оба мы живем и мыслим, оторванные от нашего создателя и его мыслетворящих Клеток...

И вдруг меня охватило сильное желание узнать, в какой момент разложения будет наложена последняя печать на мозг и его деятельность. Я стал рассматривать свой мозг во всех головных впадинах сквозь совершенно прозрачные (для меня) кости черепа и даже *потрогал* мозговое вещество... Как и какими руками, я не могу теперь сказать, но ощущение липкой, необычайно холодной материи произвело на меня чрезвычай-

но сильное впечатление. К великому моему смущению, я убедился, что кровь окончательно застыла, а так как мозговые волокна не могли при этих условиях развивать молекулярную деятельность, я совершенно перестал понимать то, что происходило со мной. Но у меня не было времени, чтобы предаваться размышлениям. Новая и совершенно необыкновенная перемена в моих ощущениях поглотила все мое внимание... что это такое?..

Та же тьма была вокруг меня, как и раньше, черное, непроницаемое пространство, простирающееся во всех направлениях. Но теперь прямо передо мной, в каком бы направлении я ни глядел, передвигаясь вместе со мною, куда бы я ни двинулся, повисли гигантские круглые часы; огромный диск, широкое до ужаса, белое лицо которого зловеще светлело на черном фоне.

Когда я посмотрел на его огромный циферблат и на маятник, качавшийся взад и вперед, медленно и мерно, словно его взмахи разделяли вечность, я увидел, что его стрелки показывали *семь минут шестого*. «Тот самый час, в который началась моя пытка в Киото!» Только что успел я это подумать, как к моему неизобразимому ужасу я почувствовал то же самое, что и в тот роковой час; я поплыл под землю, быстро подвигаясь вперед внутри ее состава; я снова был в той же могиле и снова узнавал мужа моей сестры в искалеченных остатках; я был свидетелем его ужасной смерти; входил в дом моей сестры; видел всю ее агонию, и как она сошла с ума. Я проходил через те же самые сцены, не пропустив ни единой подробности. Но увы, я уже не был тем безразличным существом, которое в первом моем видении оставалось так же равнодушно, как кусок скалы. Мои нравственные мучения были выше всякого описания и становились почти невыносимы. О, как я страдал среди всех этих ужасов, в ряду которых уверенность в посмертном существовании — ибо в этом сновидении я твердо верил, что мое тело умерло — прибавляла самое устрашающее из всех переживаний!

Сравнительное облегчение, которое я почувствовал, когда на смену картинам страдания появилось большое белое лицо циферблата, длилось недолго. Длинная заостренная стрелка на колоссальном диске указывала на *семь с половиной минут*

шестого. Но прежде, чем я успел подумать о происшедшей перемене, стрелка медленно передвинулась назад и остановилась как раз на семи минутах и, о проклятие!.. я снова был принужден повторять все сначала! Снова я плыл под землю и видел, и слышал, и переносил все пытки, какие только могут существовать в аду; я возвращался назад только для того, чтобы снова видеть, как на роковом диске, после перенесенных страданий, которые казались мне вечностью, стрелка передвигалась ровно на полминуты вперед. Я смотрел на нее и видел с усиливающимся ужасом, как она снова двигалась назад, меня же, одновременно с этим движением, гнало снова вперед. И так продолжалось раз за разом, в бесконечной последовательности, которая, казалось, не имела начала и никогда не будет иметь конца...

Хуже того: мое сознание, мое «я» приобрело удивительную способность утраиваться, учетверяться и даже удесятиряться. Я жил, чувствовал и страдал в одно и то же время в нескольких различных местах, переживая события из моей собственной жизни, происходившие в разные эпохи и при различных условиях, хотя господствовало надо всем остальным мое *духовное* переживание в Киото. Как в знаменитой фуге Don Giovanni сердце надрывающие звуки трагической арии Эльвиры звучат *над* мелодией, не сливаясь ни с менуэтом, ни с песней соблазна, ни с хорами, так и я переживал снова и снова мои скорби, повторение которых не утоляло ни на йоту ощущение невыразимого отчаяния и ужаса... но и ужас этот ничуть не ослаблял те картины и события, не имевшие с ним ничего общего, ничем не связанные с ним, которые я переживал одну за другой: это было нечто граничившее с безумием! Ряд фантазмагорий из реальной жизни. В течение одной и той же полминуты я мог присутствовать *с холодным вниманием* при сцене сумасшествия моей сестры и чувствовать в то же время адские муки, какие я переживал по поводу того же события, приходя в сознание; или слушать философские рассуждения бонзы и презрительно пробовать смеяться над ним; или чувствовать себя ребенком, юношей, слушающим любимые голоса моей матери и моей дорогой сестры, поучающими меня, как следует себя вести с ближними; или спасти утопавшего друга и в то же время издеваться над его старым от-

цом, который благодарил меня за спасение «души», еще не готовой предстать перед своим Создателем.

«Говорите после этого о *двойственном* сознании, вы, психо-физиологи! — крикнул я в один из тех моментов, когда нравственная агония достигла такой напряженности, которая могла бы убить целую дюжину живых людей. — Говорите о ваших психологических экспериментах, ученые мужи, надутые гордостью и книжной мудростью! Я докажу вашу ложь...» И я начинал цитировать ученых произведения и спорить с профессорами и лекторами, которые привели меня к этому фатальному скептицизму. И в то же время, как я доказывал невозможность сознания, разлученного с мозгом, я плакал кровавыми слезами над предполагаемой судьбой моих несчастных племянников. Более того: *я знал, как только может знать освобожденное сознание*, что все виденное мной в Японии и все, что я видел и слышал снова и снова, было верно во всех подробностях, что это была длинная нить страшных и, в то же время, действительных фактов.

Сотни, может быть, раз мое внимание приковывалось к стрелке часов, и я уже терял счет своим круговращениям и приходил к заключению, что сознание в конце концов неразруσιμο и что так должны чувствовать себя осужденные грешники — «если бы вечные мучения не были логически и математически невозможны в вечно прогрессирующей вселенной» — все же находил я силу для новых рассуждений. Странно, а между тем в этот час все растущей агонии мое сознание продолжало возмущаться и отрицать все, кроме себя...

Нет, независимое существование своего сознания я более уже не отрицал, но будет ли оно со всем тем существовать *вечно*? О, непостижимая, вечно устрашающая Реальность! Но если ты существуешь вечно, кто же ты? Откуда приходишь ты, и где твое начало, если ты не часть этого окоченелого трупа? И куда ведешь ты меня, который есть ты сама, и будет ли когда-либо конец нашим мыслям и нашему воображению? И каково истинное имя твое, о неисповедимая Реальность и непроницаемая Тайна! Да, я уничтожил бы тебя, если бы мог... «Видение души!..» Кто говорит о душе и чей это голос? Это ложь. Моя душа, дух жизни во мне умер вместе с серым веще-

ством мозга. А что это мое «я», это сознание будет существовать вечно, это еще не доказано для меня... Перевоплощение, в действительности которого бонза так стремился убедить меня, может быть и существует... почему нет? Разве цветок не распускается из года в год от того же корня? Отсюда следует, что это я, отделенное от своего мозга, утерявшее свое равновесие и вызывающее такой сонм видений... до перевоплощения... Я снова очутился лицом к лицу с неумолимыми часами, и пока я следил за их стрелками, я услышал голос бонзы, исходящий изнутри белого циферблата: «В этом случае — я боюсь — вам придется лишь открывать и закрывать двери храма снова и снова в течение периода, который вам покажется целой вечностью...»

Часы исчезли, тьма заменилась светом, голос моего старого друга потонул в многочисленных голосах, раздававшихся с палубы, и я проснулся на своей койке, покрытый холодным потом и совсем измученный.

8. Скорбная повесть

Мы высадились в Гамбурге, и едва я успел увидеть своих компаньонов, как, напутствуемый их добрыми пожеланиями, отправился в Нюрнберг. Через полчаса после моего прибытия последнее сомнение в точности моих видений исчезло. Действительность оказалась хуже самых мрачных моих ожиданий. Муж моей сестры, раздавленный в колесах машины, моя сумасшедшая сестра, быстро приближавшаяся к концу своей жизни; моя племянница, чудный, еле распустившийся цветок, обесчещенная в гнусной берлоге, младшие дети, погибшие от заразной болезни в приюте для сирот; мой единственный выживший племянник, исчезнувший без вести...

Все, что я любил — погибшее и развеянное, и я один остался в живых, чтобы быть свидетелем смерти, отчаяния и бесчестия. Удар был слишком силен, и я лишился сознания. Последнее, что уловила моя мысль — были слова бургомистра: «Если бы вы, покидая Киото, протелеграфировали властям Нюрнберга о вашем намерении принять участие в осиротевших детях, мы разместили бы их иначе, и они из-

бегли бы своей тяжелой участи. Они переселились не очень давно в Нюрнберг; никто не знал, что у детей есть родственник с обеспеченным состоянием. Они остались без всяких средств и при этих обстоятельствах нельзя и претендовать на иные распоряжения... Я могу только высказать искреннее сожаление...»

Если бы я послушался дружеского совета бонзы Тамоора и телеграфировал властям после того видения в Киото, я бы спас, по крайней мере, мою дорогую племянницу от ее тяжелой судьбы. Это сознание, вместе с тем фактом, что я не мог более сомневаться в ясновидении и яснослышании, возможность которых я так долго отрицал — все это вместе раздавило меня. Людского осуждения я мог избежать, но не угрызений совести, не упреков моего собственного большого сердца, и это навсегда, до последней секунды моей жизни! Я проклинал мой упорный скептицизм, мое отрицание фактов, мое воспитание, я проклинал и себя, и весь мир...

В течение нескольких дней, пока я устраивал свою несчастную сестру и племянницу и добивался наказания старой еврейки, я еще держался на ногах, но затем силы покинули меня. В течение нескольких недель я находился между жизнью и смертью, в когтях нервной горячки. Под конец мой сильный организм преодолел, и, к величайшему моему горю, меня объявили вне опасности. Возврат к жизни привел меня в отчаяние и, конечно, не к утолению этого отчаяния послужило немедленное возвращение — в первые же дни моего выздоровления — тех непрошенных видений, реальность и верность которых я не мог уже более отрицать. Таким образом, каждый раз, когда я оставался хотя бы на минуту один, я испытывал беспомощную пытку прикованного Прометея. В тихие ночные часы, словно приведенный какой-то безжалостной железной рукой, я снова находился у постели сестры, принужденный следить за медленным умиранием ее ослабленного организма, переживать те мучения, которые ее собственный опустошенный мозг не мог уже более отражать. Этого мало: я должен был день за днем смотреть на невинное лицо моей молодой племянницы, до того детское и незапятнанное, несмотря на все случившееся, а ночью быть свидетелем, как воспоминание о бесчестии, навсегда отравившем ее

молодую жизнь, возвращалось к ней немедленно, как только она засыпала. Ее сны принимали для меня объективную форму, как тогда, на пароходе; я должен был переживать их ночь за ночью и каждый раз испытывать то же беспредельное отчаяние. Ибо теперь, когда я *верил* в реальность ясновидения и пришел к заключению, что в нашем теле скрыто нечто, как в гусенице куколка, которая в свою очередь заключает в себе бабочку, символ души, — с этих пор все мое прежнее равнодушие к моим душевным переживаниям исчезло навсегда. Нечто раскрылось во мне, как бы внезапно освободилось из своего окоченелого кокона. Для меня стало очевидным, что я видел уже не благодаря отождествлению моей внутренней сути с даидж-дзином; теперь мои видения возникали благодаря личному психическому развитию, тогда как вражеская сила заботилась лишь о том, чтобы я не видел ничего отрадного и возвышающего душу. Теперь все страдания моих близких находили горячий отклик в моем кровью исходящем сердце. Глубокий родник любви и скорби хлынул из моего земного сердца, отдаваясь в моей пробужденной и освободившейся из тела душе. Так суждено мне было испить всю чашу страданий до последней капли... О, как я скорбел над своим гордым безумием, которое заставило меня отказаться от предложенного «очищения»... Да, я дошел до того, что поверил даже и в это... Даидж-дзин действительно приобрел власть надо мной, и враг спустил самых свирепых псов со всего ада на свою жертву. Наконец, разверстая пропасть закрылась передо мною. Несчастную мученицу, мою сестру, опустили в темную могилу, а через несколько месяцев за нею последовала и ее молодая дочь. Чохотка быстро разрушила молодое нежное тело. Не прошло и года после моего возвращения, как я остался один на всем свете; — единственный оставшийся в живых племянник отправился в кругосветное плаванье.

Теперь мне остается рассказать немного, лишь грустный конец моей грустной истории. Превратившийся в калеку, имея в тридцать лет вид шестидесятилетнего старика и, благодаря никогда не прекращавшимся видениям, приближавшийся к границам безумия, я остановился внезапно на отчаянном решении. Я решил вернуться в Киото, найти ямабуши, пасть к

ногам святого человека и не отставать от него до тех пор, пока он не вернет меня в прежнее состояние.

Через три месяца я был снова в своем японском доме; разыскал своего старого, почтенного друга, Тамоора Хидейери, умоляя его отвести меня к ямабуши. Его ответ наложил последнюю печать на мою роковую судьбу. Ямабуши покинул страну, отправившись в благочестивое странствование, которое, по обычаям его ордена, должно было длиться не менее семи лет.

В своем отчаянии я обращался к помощи других мудрых ямабуши, но это не послужило ни к чему: никакой другой «адепт» не мог принести мне исцеления. Я узнал от них, что только тот, который вызвал даидж-дзина, может иметь власть над этим демоном ясновидящего одержания. С глубоким милосердием, которое я только теперь научился ценить, святые люди предложили мне присоединиться к группе их учеников для того, чтобы узнать все, что может помочь мне. «Только ваша собственная воля и вера в ваши душевные силы могут помочь вам, — говорили они. — Но понадобится несколько лет, чтобы уничтожить хотя бы часть великого зла, — прибавляли они. — Даидж-дзина легко удалить вначале; если же его оставить, он овладевает всем существом человека и почти невозможно искоренить врага, не уничтожив при этом и его жертву.

Видя, что мне не оставалось ничего иного, я с благодарностью принял их предложение и изо всех сил старался поверить всему тому, чему эти святые люди верили. Но старания эти оказались тщетными: дух отрицания и сомнения укоренился во мне глубже даже, чем даидж-дзин. И все же я решил не упускать этот последний шанс на спасенье и принялся за приведение в порядок всех своих житейских обязательств: я разделался со своими гамбургскими компаньонами, сделал завещание в пользу своего племянника — на случай, если бы он возвратился из своего плавания, оставив для своих личных потребностей ничтожную часть своего, оказавшегося очень значительным, состояния, и то по настоянию своих друзей. Я знал теперь вместе с Лао-цзы, что *знание* — единственная крепкая опора, которой может довериться человек, что она не разбиваема никакими бурями. Богатство — слабый якорь в

дни скорби, а самомнение — самый роковой из всех советчиков. Устроив свои земные дела, я присоединился к «Учителям Дальнего Видения», которые приняли меня в свое таинственное местопребывание. Там я оставался в течение нескольких лет, серьезно изучая их науку в полнейшем уединении, не видя никого, кроме нескольких членов нашей религиозной общины.

Много тайн природы постиг я с тех пор. Много поглотил тайных фолиантов из библиотеки Тзионене и приобрел, благодаря этому, власть над несколькими видами невидимых существ низшего порядка. Но приобрести тайну власти над страшным даидж-дзином я так и не мог. Тайной этой владеет очень ограниченное число Посвященных Лао-цзы, и большая часть самих ямабуши не знали, как овладеть этим опасным элементом. Чтобы приобрести такую власть, мне нужно было отождествиться вполне с ямабуши, проникнуться их верованиями и достигнуть высшей ступени Посвящения. Естественно, что я оказался неспособным на это, не говоря уже о моем неискоренимом скептицизме, хотя я искренно старался поверить. Таким образом, облегченный отчасти от моих страданий и наученный, каким образом удалять от себя непрошенные видения, я все же и до сих пор не в состоянии предупредить их непрошеное появление, которое повторяется от времени до времени. Относительно святого человека, который был первой невинной причиной моего несчастья, я не мог узнать ничего. И сам старый бонза, навещавший меня в моем уединении, не мог или не хотел указать мне местопребывание ямабуши. Когда исчезла всякая надежда на то, что я когда-либо буду освобожден от моего рокового дара, я решил вернуться в Европу и поселиться в одиночестве на весь остаток моей жизни. С этой целью я купил с помощью моих прежних компаньонов швейцарское шалэ, в котором родились и я, и моя покойная сестра, в котором я рос, окруженный ее нежными заботами; его я и выбрал для своего последнего земного жилища.

Прощаясь со мной навсегда на палубе корабля, увозившего меня на родину, добрый бонза старался утешить меня и примирить с моими разочарованиями. «Сын мой, — сказал он, — смотрите на все случившееся с вами, как на *вашу кар-*

му — как на справедливое возмездие. Ни один человек, подвергнувший себя добровольно власти одного из даидж-дзинов, не может надеяться стать когда-либо архатом (адептом), не подвергнувшись немедленному очищению. В лучшем случае он может добиться — как сделали это вы — способности противодействовать своему врагу. *Подобно ирраму, оставленному после себя ядовитой раной, следы даидж-дзина не могут никогда быть стерты с души, пока она не очистится новым рождением.* И все же не унывайте и не тяготитесь вашим положением: оно повело вас к познанию и к принятию многих истин, которые иначе вы отвергли бы с презрением. Этого же бесценного познания, приобретенного страданием и личными усилиями, ни один даидж-дзин не может лишить вас никогда! Прощайте же, и да будет над вами помощь и защита Матери Милосердия, великой Царицы Небесной».

Мы расстались, и с тех пор я веду жизнь отшельника в непрерывном одиночестве, никогда не переставая учиться. Хотя у меня от времени до времени еще бывают тяжелые дни, я никогда не жалею о годах, проведенных у ямабуши, и глубоко благодарен им за полученные знания.

С Тамоора Хидейери, искренно почитаемым мною, я постоянно переписывался до самого дня его смерти — события, при котором я имел незаслуженное счастье присутствовать, несмотря на разделявшие нас моря, в тот самый час, когда оно совершилось.

СВЕТАЩИЙСЯ ДИСК

Мы представляли собой небольшую и хорошо подобранную группу беспечных путешественников. Уже прошла неделя, как мы прибыли из Греции в Константинополь, и с тех пор по четырнадцать благословенных часов в день мы бродили вверх-вниз по крутым холмам Перы, заходя на базары, взбираясь на самый верх минаретов и пробираясь сквозь полчища голодных собак, неизменных хозяев улочек Стамбула. Говорят, что бродячая жизнь заразительна, и ни у какой цивилизации не хватит сил, чтобы разрушить очарование необузданной свободы, стоит ее вкусить хоть раз в жизни. Нельзя уговорить цыгана покинуть его шатер, и даже обыкновенный бродяга находит очарование в своем неудобном и опасном существовании, которое не позволяет ему поселиться в любом постоянном жилище. Таким образом моей главной заботой во время пребывания в Константинополе стала забота уберечь моего спаниэля Ральфа стать жертвой этой заразы и присоединиться к псам-кочевникам, наводняющих улицы. Он был прекрасным товарищем, моим постоянным спутником и любимым другом. Опасаясь потерять его, я постоянно строго следила за его передвижениями; но в течение первых трех дней он вел себя весьма сносно, как хорошо воспитанный четвероногий, и постоянно ходил за мной по пятам. На каждое дерзкое нападение со стороны своих мусульманских собратьев, выражали ли они враждебность или демонстрировали попытки завязать дружбу, он всегда отвечал одним и тем же: поджимал хвост и с выражением скромного достоинства искал защиты под крылышком кого-нибудь из нашей компании.

Так как он продемонстрировал решительное отвращение к скверной компании, я окончательно уверилась в его осмотрительности и вечером третьего дня заметно ослабила бдительность. Однако эта беспечность с моей стороны вскоре была наказана, и я горячо пожалела о чрезмерном доверии. В один момент отсутствия бдительности он услышал глас какой-то

четвероногой сирены, и последнее, что я увидела, было кончиком его косматого хвоста, исчезающего за углом грязной, извилистой улочки.

Преисполненная величайшим раздражением, я провела остаток дня в тщетных поисках моего бессловесного компаньона, обещая за него награду двадцать, тридцать, а потом и срок франков. И тотчас же множество бродяг мальтийцев начали постоянные поиски, и к вечеру к нашей гостинице явилось целое полчище людей, которые волочили за собой более или менее шелудивых дворняг и пытались убедить меня, что это именно мой пес. Чем сильнее я отвергала их, тем торжественнее они настаивали на этом, а один даже встал на колени и, ударяя себя в грудь с проржавевшим образом Святой Девы, торжественно поклялся, что сама Богородица любезно указала ему на нужную собаку. Вокруг поднялась такая суматоха, что все выглядело так, словно исчезновение Ральфа повлекло за собой народные волнения, и в конце концов наш хозяин послал за парочкой кавассов из ближайшего полицейского участка, и это полчище двуногих и четвероногих вскоре было разогнано превосходящими силами. Я начинала убеждаться, что больше никогда не увижу своего пса, и уже впала в глубочайшее уныние, когда гостиничный портье, полупочтенный старый разбойник, прошедший, судя по его внешности, не меньше шести лет на каторжных работах, бодро заверил меня, что горевать бессмысленно, поскольку мой спаниель, безусловно, уже мертв и сейчас уже сожран, ибо турецкие собаки просто обожают некоторых своих английских собратьев.

Этот разговор имел место на улице возле входа в гостиницу, и я было отказалась от своих поисков, по крайней мере, этой ночью, когда некая старая греческая дама, фанариотка, заслышавшая шум на лестнице около двери, подошла к нашей безутешной компании и предложила мисс Х***, одной из наших спутниц обратиться к дервишам, чтобы узнать, какая участь постигла Ральфа.

— Да что могут знать дервиши о моей собаке? — спросила я, будучи отнюдь не настроена на шутку, которой мне показалось это необычное предложение.

— Этим святым людям известно все, *кириа* (мадам), — несколько загадочным тоном ответила старуха. — На про-

шлой недели у меня украли новую атласную мантилью, которую сын привез мне из Бруссы и, как видите, я получила ее обратно, и теперь она закрывает мне спину.

— В самом деле? Тогда, по всей видимости, эти святые люди также оказались способны превратить вашу новую мантилью в старую, — произнес один из сопровождающих нас джентльменов, показывая на огромную дырку на спине, неуклюже заколотую булавками.

— А это как раз самая удивительная часть всей истории, — ровно ответила фанариотка без всякого смущения. — Они показали мне в сияющем круге городской квартал, дом, и даже комнату, в которой жил еврей, укравший мою мантилью и собирающийся разрезать ее на кусочки. Нам с сыном едва хватило времени, чтобы добежать до квартала Калинджикоулосека и спасти мою собственность. Мы застали вора как раз в этот момент и оба узнали в нем человека, показанного нам дервишами в магическом свете. Он признался в воровстве, и теперь находится в тюрьме.

Хотя никто из нас совсем не понимал, что означал магический свет и сияющий круг, и все мы были совершенно озадачены ее рассказом о божественной силе «святых людей», мы всё же отчасти ощутили удовлетворение от ее манеры рассказа и решили, что эта история не совсем вымышленная, и поскольку, как бы то ни было, она получила свою вещь обратно при помощи дервишей, мы решили на следующее утро отправиться туда и провести сами, смогут ли они нам помочь.

Монотонный крик муэдзинов с высоты минаретов объявил о полудне, когда мы, спустившись с холмов Перы к порту Галата, с трудом протиснулись через неприглядные толпы людей, наводнивших торговый квартал города. Перед тем, как добраться до доков, мы наполовину оглохли от пронзительных криков, режущих слух воплей и вавилонского смещения языков. В этой части города бесполезно руководствоваться номерами домов или названиями улиц. Расположение любого желаемого места отыскивалось только по его близости к каким-то бросающимся в глаза строениям, например: мечети, бани или европейского магазина; а что касалось остальных зданий, то тут приходилось довериться Аллаху и его пророку.

Поэтому мы с огромными трудностями наконец обнаружили лавку британского поставщика корабельных принадлежностей, позади которой располагалось место нашего назначения. Наш гостиничный проводник знал о жилище дервишей не больше нас, но в конце концов маленький грек, облаченный в примитивный халат, согласился за скромный бакшиш проводить нас к плясунам.

Когда мы добрались до места, то очутились в просторном мрачном помещении, смахивающем на заброшенную конюшню. Оно было длинным и узким, а пол покрыт толстым слоем песка, как в школе верховой езды. Свет пробивался туда сквозь маленькие оконца, расположенные на одинаковой высоте от пола. Дервиши закончили свои утренние представления и, очевидно, отдыхали от изнуряющих трудов своих. Они выглядели совершенно отрешенными; некоторые лежали по углам, другие сидели на корточках, бессмысленно уставясь в пространство, как нам потом объяснили, медитируя о своем невидимом божестве. Казалось, они ничего не видели и не слышали, ибо никто не отвечал на наши вопросы до тех пор, пока из темного угла не появилась гигантская фигура в высокой шапке, отчего нам показалось, что в этом человеке по меньшей мере семь футов росту. Сообщив нам, что он их предводитель, гигант объяснил, что святых братьев, по обычаю получающих указания о дополнительных церемониях от самого Аллаха, ни в коем случае нельзя беспокоить. Но когда наш переводчик объяснил ему цель нашего посещения, которое касалось лишь его одного, поскольку он являлся единственным хранителем «божественного жезла», его возражения тотчас же испарились, и он протянул руку за пожертвованиями. Вознагражденный, он вскользь упомянул о том, что только двое из нашей компании могут быть приняты одновременно, чтобы довериться будущему, и двинулся вперед, ведя за собой мисс Х*** и меня.

Мы пошли за ним и вскоре очутились в некоем подобии прохода, наполовину находящегося под землей. Затем он провел нас к подножию высокой лестницы, ведущей в помещении, находящееся под самой крышей. Мы взобрались наверх за нашим проводником и наконец очутились на небольшом отвратительного вида чердаке с голыми стенами и полностью

лишенном мебели. На полу лежал толстый слой пыли, а со стен беспорядочно свисали бесконечные гирлянды паутины. В углу мы увидели нечто, что я поначалу ошибочно приняла за грудку старого тряпья; но вскоре эта куча зашевелилась и поползла к нашим ногам, приближаясь к центру помещения, после чего остановилась перед нами. Это оказалось самого необычайного вида создание, которое я когда-либо видела. Оно было женского пола, однако невозможно было определить, женщина это или ребенок. Это была омерзительная карлица с огромной головой, гренадерскими плечами и соответствующей талией; и все это держалось на коротких, уродливых паукообразных ножках, которые, казалось, неспособны справиться с задачей выдержать вес этого чудовищного тела. Она имела насмешливое выражение лица, как у сатира, и это лицо было разукрашено буквами и знаками из Корана, нанесенными ярко желтой краской. На лбу виднелся кроваво-красный полумесяц; а голову венчал пыльный колпак или феска; ее ноги были обряжены в просторные турецкие шаровары, а тело завернуто в грязный белый муслин, едва скрывающий ее чудовищные уродства. Это создание скорее лежало, нежели сидело на середине пола, а когда она всем своим весом опустилась на рахитичные ножки, то вверх поднялось огромное облако пыли, отчего мы закашлялись и зачихали. Это была знаменитая Татмос, известная как оракул Дамаска!

Не теряя времени на пустые разговоры, дервиш взял кусок мела и нарисовал вокруг этой девушки круг примерно шести футов в диаметре. Затем он вышел за дверь и принес двенадцать маленьких медных ламп, которые наполнил какой-то темной жидкостью из бутылочки, что снял со своей груди. Потом он симметрично расположил лампы по окружности магического круга. Затем выломал щепку из полуразвалившейся двери, уже носившей на себе многочисленные следы подобного обращения, и, держа ее между большим и указательным пальцем, начал дуть на нее с постоянными интервалами, бормоча при этом странные, даже жуткие заклинания, пока на ней внезапно не появилась искра, хотя ничего для разжигания у него не было. Спустя несколько мгновений щепка загорелась, как сухая спичка. Тогда дервиш при помощи этого самозародившегося пламени зажег двенадцать ламп.

Во время этого процесса Татмос, сидевшая до сих пор спокойно, внезапно скинула со своих обнаженных ног желтые тапочки и швырнула их в угол, продемонстрировав нам в качестве дополнительного украшения шестой палец на каждой своей уродливой ноге. Теперь дервиш вступил в очерченный им круг, и, схватив карлицу за лодыжки, оторвал ее от пола, словно поднял мешок с кукурузой. Он оторвал ее от пола, а потом, отступив на шаг назад, опустил ее голову вниз. Она затрясла головой так, будто высыпали содержимое мешка, и движения ее были легкими и регулярными. Затем он стал раскачивать ее то вперед, то назад, как маятник, пока не достиг необходимого момента, и тут, когда она отставила одну ногу в сторону, он обеими руками ухватился за вторую и с необыкновенным усилием закружил ее в воздухе, как будто она была индийской булавой.

Моя спутница в ужасе отошла в самый дальний угол мансарды. А дервиш все продолжал кружить свою живую тяжесть, она же оставалась совершенно равнодушной к этому. Он закружил ее еще быстрее до тех пор, пока мы едва могли уловить взглядом кружащееся тело. Наверное, это длилось две или три минуты, пока он постепенно не замедлил движение и в конце концов остановился. А спустя мгновение он опустил девушку так, что она оказалась на коленях в самом центре освещенного лампами круга. Таков был способ погружения в гипнотическое состояние на Востоке, практикуемый дервишами.

И тут карлица, совершенно не замечая окружающих ее предметов, впала в глубокий транс. Ее голова и челюсть безвольно упали на грудь, глаза пристально уставились в одну точку, а вся ее внешность стала намного чудовищнее, нежели прежде. Тогда дервиш осторожно закрыл ставни на единственном окошке, и мы очутились бы в крошечной тьме, если бы не крошечное отверстие, через которое пробивался яркий луч солнца, освещающий затемненную комнату вместе с девушкой. Дервиш взял ее за голову и расположил ее так, что луч упал ей прямо на головной убор, после чего, сделав знак, чтобы мы молчали, он сложил руки на груди и, сосредоточив взгляд на освещенном месте, застыл, как каменный идол. Я тоже вперилась в это место, размышляя, что же бу-

дет дальше и как эта странная церемония поможет мне отыскать Ральфа.

Постепенно яркое пятно, как будто напитанное солнечным лучом, сконцентрировалось во всем своем великолепии в одной точке, приняв форму сверкающей звезды, посылая во все стороны лучи, как из фокуса.

Потом случился весьма любопытный оптический эффект: помещение, которое до этого было лишь частично освещено солнечным лучом, становилось темнее и темнее, в то время как звезда увеличивалась в своем сиянии, и так продолжалось до тех пор, пока нас не охватила египетская тьма. Звезда мигала, трепетала и изменялась, сперва в медленном вращательном движении, становящемся все быстрее и быстрее, с каждым оборотом ее диаметр увеличивался, и наконец мы увидели сверкающий диск. Мы больше не смотрели на карлицу, которая, казалось, растворялась в своем свечении. Постепенно достигнув наивысшей скорости, подобно тому, как это сделала девушка, когда ее вертел дервиш, движение стало замедляться и наконец превратилось в еле заметную вибрацию, очень похожую на отблеск лунного света на покрывшейся рябью воде. Потом свет на какое-то мгновение замерцал, испустил несколько завершающих вспышек и, приняв вид плотного зрачкоподобного огромного опала, остался недвижимым. Теперь диск излучал свет, похожий на лунный, мягкий и серебристый, но вместо того, чтобы освещать чердак, он, казалось, только усиливал тьму. Очертания круга были не расплывчатыми, а, напротив, резко выделялись в темноте, подобно серебристому полю.

Теперь, когда все было готово, дервиш, не промолвив ни слова и не сводя взгляда с диска, вытянул руку и, схватив меня, подтащил к себе и указал на светящееся поле. Глядя на указанное место, мы заметили, как на нем появились довольно крупные пятна, как на луне. Постепенно они сформировались в очень рельефные фигуры, которые стали окрашиваться в свои естественные цвета. Они не были похожими ни на фотографии, ни на гравюры; и меньше всего походили на образы, отраженные в зеркале, однако диск очень напоминал камеею, и фигуры поднимались над его поверхностью, а затем наполнялись жизнью и движением. К моему изумлению и ужасу моей

подруги, мы узнали мост, ведущий из Галаты в Стамбул, перекинутый через Золотой Рог, из нового города в старый. По нему туда и обратно сновали люди, синие воды Босфора бороздили пароходы и юркие каики. Мы видели отражающиеся в воде множество разноцветных зданий, вилл и дворцов; и вся эта картина озарялась полуденным солнцем. Она проходила перед нами, как панорама, но производимое ею впечатление было настолько ярко и живо, что мы стояли, не двигаясь, и не в силах произнести хотя бы слово. Повсюду кипела жизнь, движение, суматоха, но ни один звук не нарушал гнетущей тишины. Все было бесшумно, как сон. Это была картина-призрак. Улица за улицей, квартал за кварталом проплывали друг за другом; вот и базар, а вот его узкие, крытые коридоры, крохотные лавки по обеим их сторонам, кофейни с бодрыми турками, курящими благовонный табак; и когда они проскользали мимо нас, или мы — мимо них, один из курильщиков опрокинул наргиле и кофе прямо на другого, и тотчас же мы изумленно ощутили поток беззвучных ругательств. Так мы путешествовали вместе с изображением до тех пор, пока не подошли к крупному зданию, в котором я узнала дворец министра финансов. И в канаве позади здания, неподалеку от мечети, лежал в грязной луже в своей шелковой и испачканной попоне мой бедняга Ральф! Тяжело вздыхая и вытянув лапы, словно от жуткой усталости: казалось, что он при смерти; а рядом с ним собрались несколько жалких дворняг, которые лежали, греясь на солнышке, и изредка лаяли на мух!

Я увидела все, что хотела, хотя я не могла рассказать дервишу о собаке, и к тому же в эти мгновения меня больше охватывало любопытство, нежели какая-либо удачная мысль. Мне не терпелось немедленно уйти отсюда и вызволить из беды Ральфа, но поскольку моя спутница умоляла меня немного задержаться, я с явной неохотой согласилась. Наконец, сцена поблекла, и мисс Х*** в свою очередь заняла место рядом с дервишем.

— Я буду думать о *нем*, — прошептала она мне на ухо страстным голосом, которым, как правило, говорят о *том*, кого боготворят.

Появилась длинная полоска песка и синее море с белыми волнами, пляшущими на солнце. Затем мы увидели огромный

пароход, плывущий вдоль далекого заброшенного берега, оставляя за собою молочно-белый след. На палубе вовсю кипит жизнь, все мужчины чем-то заняты; из кубрика вышел кок в белой шапочке и переднике; прохаживаются офицеры в форме, пассажиры собрались на юте, они отдыхают, флиртуют или читают. И тут появился молодой мужчина, которого мы обе узнали. Он вышел вперед и перегнулся через гакаборт. Это был *он*.

Мисс Х*** вздохнула, зарделась и улыбнулась, после чего снова сосредоточилась на своих мыслях. Изображение парохода исчезло; магическая луна еще несколько минут оставалась чистой. Но вот новые пятна появились на ее светящемся лице, и мы увидели, как откуда-то из глубины медленно выплывает библиотека с зелеными коврами и обоями и с книжными полками по всем четырем стенам. В кресле за столом под свисающей с потолка лампой сидел пожилой джентльмен и что-то писал. Его седые волосы были откинута со лба назад, а вся его внешность и выражение свежесвыбритого лица говорили о доброте.

Дервиш сделал быстрое движение, призывая к тишине; и вот свет на диске дрожит, но все-таки продолжает ровно светиться, и снова, во второй раз, его поверхность оказывается пуста.

Теперь мы возвращаемся в Константинополь, и из кристально чистых глубин поля показываются наши апартаменты в гостинице. Мы видим наши бумаги и книги на бюро, в углу висит шляпа для путешествий моей подруги, ее ленты свисают на стекло, а на постели лежит платье, которое она сменила перед началом нашей экспедиции. Ни одной подробности не упущено, поэтому сходство полнейшее; и, словно в доказательство этому мы не видим в своем воображении ничего необычайного. На туалетном столике лежат два нераспечатанных письма, подпись на которых моя подруга отчетливо узнала. Эти письма от ее дорогих родственников, о которых она ожидала услышать еще по приезду в Афины, но там ее постигло разочарование. Сцена постепенно стала блекнуть, и вот мы увидели комнату ее брата, и его самого, лежащего в ленивой позе; затем увидели слугу, моющему ему голову, и к нашему ужасу заметили капающую кровь. Когда мы уезжа-

ли, то оставили мальчика совершенно здоровым, но это было за час до нашего ухода. При виде этого зрелища моя спутница издала тревожный крик и, схватив меня за руку, потащила к двери. Мы присоединились к нашему проводнику и друзьям, оставшимся в том длинном помещении и поспешили в гостиницу.

Юный Х*** упал с лестнице и довольно сильно порезал себе лоб; в нашей комнате на туалетном столике оказались два письма, доставленные в наше отсутствие. Наняв экипаж, я немедленно отправилась к дворцу министру финансов, и отпустив проводника, поспешно добралась до канавы, которую впервые увидела на светящемся диске! Прямо посреди лужи, всклокоченный, полуголодный, но все-таки живой, лежал мой красавец спаниель Ральф, а рядом с ним шелудивые дворняги, равнодушно порывивая на мух.

ПЕЩЕРА, ГДЕ ЖИВЕТ ЭХО

(Необычная, но правдивая история)

Эту историю мне поведал ее очевидец, некий русский джентльмен, очень набожный и полностью заслуживающий доверия. Кроме того, эти факты запечатлены в полицейских рапортах П. Очевидец, о котором идет речь, разумеется, объясняет происшедшее отчасти божественным вмешательством, а отчасти — вмешательством со стороны Дьявола.

Е.П.Б.

В одной из отдаленных провинций Российской империи, в небольшом сибирском городке примерно тридцать лет тому назад произошла весьма загадочная трагедия. Приблизительно в шести верстах от городка П., прославившегося красотой своей местности и богатством его жителей — главным образом, владельцев рудников и сталелитейных предприятий — располагалось аристократическое поместье. В нем проживали его хозяин, старый богатый холостяк, и его брат, вдовец и отец двух сыновей и трех дочерей.

Известно, что владелец поместья, господин Изверцов, усыновил детей своего брата, и, испытывая особую привязанность к старшему из племянников, Николаю, сделал его единственным наследником своего баснословного состояния.

Шло время. Дядя старел, племянник становился старше. Так, в скучной безмятежности, проходили дни и годы, когда, на пока еще ясном горизонте этой благословенной семьи, внезапно появилось облако. Воистину несчастливым стал тот день, когда одной из племянниц взбрело в голову учиться играть на цитре. Однако нигде поблизости не было ни инструмента, изготавливаемого только в Германии, ни преподавателя игры на нем, поэтому снисходительный и потакающий во всем детям брата дядюшка послал за ними Санкт-Петербург.

После неустанных и кропотливых поисков нашелся один-единственный профессор, выразивший желание отправиться в городок, находящейся в такой близости от Сибири. Это был старый немецкий музыкант, разделяющий свою любовь поровну между цитрою и дочерью, очаровательною блондинкой, с которыми не расстался бы никогда. И вот, в один прекрасный день, старый профессор появился в поместье, с цитрою в одной руке, а другой рукою опираясь на ручку своей очаровательной Мюнхен.

С этого дня еле заметное облачко быстро стало превращаться в тучу; ибо каждый мелодичный отзвук цитры отдавался эхом в сердце старого холостяка. Говорят, что музыка пробуждает любовь, и это пробуждение, начавшееся с первым звуком цитры, завершилось благодаря небесно-голубым глазам Мюнхен. По истечении полугода племянница прекрасно выучилась играть на цитре, а дядя безумно влюбился.

Как-то утром, собрав возле себя пятерых детей брата, он по очереди стал нежно обнимать их, при этом обещая, что не забудет их в своем завещании, а потом неожиданно ранил их в самое сердце, объявив о своем твердом намерении жениться на голубоглазой Мюнхен. Произнеся это, он по очереди бросался к ним на шею, рыдая от молчаливого восторга. Его домочадцы, осознав, что их обманули с наследством, тоже рыдали; но отнюдь не от восторга, а совершенно по иной причине. Проплакавшись, они утешали себя и пытались порадоваться вместе с пожилым джентльменом, которого искренне любили. Впрочем, радовались не все. Николай, пораженный в самое сердце прекрасной немкой, чувствовал, что его обманули как с красавицей, так и с деньгами дядюшки, не радовался и не утешал себя, а на целый день куда-то исчез.

Тем временем, господин Изверцов приказал приготовить ему на следующий день карету. Вокруг шептались, что он собирался отправиться к губернатору, живущему на некотором расстоянии от его поместья, намереваясь внести изменения в завещание. Несмотря на баснословное богатство, у господина Изверцова не было поверенного, управляющего его состоянием, ибо он вел свои денежные дела собственноручно. Тем же вечером после ужина все услышали, как из его покоев доносились крики. Господин Изверцов яростно бранил своего слу-

гу, проработавшего у него больше тридцати лет. Этот человек, по имени Иван, был уроженцем северной Азии, Камчатки, он воспитывался семьей в христианской религии и, как считалось, был очень привязан к своему хозяину. Несколько дней спустя, когда первое трагическое событие, о котором я рассказываю, привело в поместье всю полицию городка, кто-то вспомнил, что Иван напился пьяным и что его хозяин, ненавидевший этот порок до глубины души, по-отечески поколотил его и выгнал прочь из своей комнаты. Кто-то видел, как Иван вылетел за дверь, бормоча угрозы.

В обширных владениях господина Изверцова находилась прелюбопытная пещера, вызывающая огромный интерес всех, кто приезжал в поместье в гости. Эта пещера существует и по сей день, и хорошо известна каждому жителю П. Сосновый бор, начинающийся сразу в нескольких футах от ворот усадьбы, взбирается на крутые уступы длинного ряда каменистых холмов, которые он покрывает широкой лентой непроходимой зеленой чащобы. Грот, ведущий в пещеру, известную под названием «Пещера, где живет эхо», расположен примерно в полумиле от усадьбы, откуда она кажется маленькой выбоиной на склоне холма, почти скрытая от посторонних глаз пышно разросшейся растительностью. Однако пещера скрыта не совсем, поэтому с уступа, находящего напротив дома, легко можно разглядеть человека, входящего в пещеру. Очутившись внутри грота, вошедший обнаруживает в его противоположной стене узкую расщелину; а пройдя через нее, попадает в величественную пещеру, едва освещаемую светом, проникающим через трещины в сводчатом потолке, находящемся в пятидесяти футах от земли. Сама пещера огромна, и в ней без труда поместилось бы три тысячи человек. В те дни, когда жил господин Изверцов, часть пещеры выстлала камнем-плитняком, а летом любители пикников часто использовали пещеру, как танцевальную залу. Она имела форму неправильного овала, постепенно сужающегося в довольно тесный коридор, простирающийся на несколько миль под землей, время от времени образуя другие залы, такие же просторные, как «танцевальная зала», но совершенно на нее не похожие, ибо их невозможно было преодолеть, не имея лодки, поскольку они всегда заполнены во-

дою. В народе поговаривали, что эти природные бассейны бездонны.

На краю одного из этих бассейнов располагалась маленькая платформа, с несколькими грубо отесанными и покрытыми мхом камнями, приспособленными как сиденья, откуда можно было услышать необыкновенное и почти сверхъестественное эхо, отчего пещера и получила свое название. Слово, произнесенное шепотом, или даже вздох подхватывались бесконечными игривыми голосами, и вместо того, чтобы постепенно затихнуть, как случается с обычным эхо, звук становился все громче и громче с каждым его повторением, и так продолжалось до тех пор, пока он не взрывался грохотом, наподобие пушечного выстрела, и затем с жалобным воем исчезал где-то в бесконечности коридора.

В тот день, о котором идет речь, господин Изверцов выразил намерение устроить танцевальный вечер в пещере в день его свадьбы, который он назначил заблаговременно. На следующее утро, когда он готовился к поездке, домочадцы заметили его входящим в грот в сопровождении лишь одного сибирского слуги. Спустя полчаса Иван возвратился в дом за табакеркой, забытой хозяином в его комнате, а потом снова отправился в пещеру. Еще через час весь дом содрогнулся от его пронзительного крика. Совершенно бледный и насквозь промокший Иван, словно безумный, стремительно ворвался в дом и заявил, что он не нашел господина Изверцова в пещере. И, решив, что хозяин упал в озеро, он нырнул в первый бассейн, чтобы найти господина Изверцова, но сам едва не утонул.

Целый день прошел в тщетных попытках обнаружить тело. Дом наводнила полиция. Громче всех рыдал от отчаяния Николай, который вернулся домой уже после того, как было получено это печальное известие.

И вот, черные подозрения пали на сибиряка Ивана. Ведь все знали, что прошлым вечером хозяин поколотил его, и многие слышали, как Иван поклялся жестоко отомстить обидчику. Кроме того, только Иван сопровождал Изверцова в пещеру, а когда полиция тщательно обыскала покои господина, где, как известно, тот хранил шкатулку с фамильными драгоценностями, то ее обнаружили под матрасом Ивана.

И тщетно крепостной призывал в свидетели Господа, что перед самым уходом в пещеру хозяин собственноручно отдал ему шкатулку на хранение, объяснив это тем, что хочет сделать невесте свадебный подарок; тщетно Иван клялся и божился, что, не задумываясь, отдал бы жизнь за воскрешение своего хозяина, если бы знал, что тот умер. На его стенания не обратили никакого внимания, и Иван был арестован и препровожден в тюрьму по обвинению в убийстве. Там его и оставили, ибо по российским законам преступника нельзя было (во всяком случае в те времена) осудить за преступление, даже несмотря на неопровержимые доказательства, до тех пор, пока он не признает свою вину.

Итак, ранним утром после недели бесполезных поисков, вся семья собралась вместе; и поскольку первоначальное завещание так и осталось без кодицилла,* вся собственность перешла в руки племяннику. Старый учитель музыки и его дочь восприняли этот внезапный поворот судьбы с чисто немецким бесстрашием и стали готовиться к отъезду. И вот, с цитрой под мышкой, старик уже протянул свободную руку к Мюнхен, как вдруг племянник преградил им путь, предложив прекрасной деве руку и сердце вместо своего усопшего дядюшки. Это предложение нашло приятный отклик, и без долгих разговоров и суматохи молодые люди обвенчались.

Незаметно пролетело десять лет, и мы снова видим счастливую семью в начале 1859 года. Очаровательная Мюнхен стала толстой и вульгарной. Со дня исчезновения старика Николай стал мрачным, замкнутым и неопрятным человеком, и многие люди изумлялись происшедшей с ним перемене, ибо теперь он никогда не улыбался. Казалось, что его жизненная цель состоит лишь в одном: отыскать убийцу дяди, или точнее, заставить Ивана сознаться в содеянном. Но сибиряк по-прежнему упорно утверждал, что он невиновен.

У молодой четы родился единственный сын, оказавшийся весьма странным ребенком, маленьким, хрупким и очень болезненным. Казалось, что его жизнь висит на волоске. Когда черты его лица разглаживались, его необычайное сходство с покойным дядей становилось настолько поразительным, что

---

* Кодицилл — дополнительное распоряжение к завещанию.

все члены семьи часто приходили в ужас. Ибо у этого девятилетнего ребенка было сморщенное лицо шестидесятилетнего старца. Никто ни разу не видел, чтобы мальчик смеялся или играл. Он восседал на своем высоком стуле, сложив руки тем особенным образом, как это делал старый господин Изверцов; причем в этой неподвижной, дремотной позе он мог пребывать часами. Няни часто крестились тайком, и ни одна не соглашалась провести ночь в детской наедине с мальчиком. А поведение отца в отношении сына было еще более странным. Казалось, что он страстно любит мальчика — и одновременно ненавидит лютой ненавистью. Он редко обнимал или ласкал его, зато мог часами наблюдать за ним пристальным взором, когда мальчик тихо сидел в своем уголке в старомодной позе, очень походя на домового. Когда Николай рассматривал сына, его лицо всегда было белым, как мел.

Ребенок ни разу не выходил за пределы усадьбы, и мало кто, за исключением родственников, знал о его существовании.

Примерно в середине июля в городок П. приехал некий венгерский путешественник, имеющий репутацию весьма эксцентричного, баснословно богатого и загадочного человека. Он приехал с севера, где, как поговаривали, прожил много лет. Он поселился в городке вместе со своим спутником — шаманом, или сибирским колдуном, на котором, как утверждали, он производил месмерические опыты. Путешественник давал роскошные ужины и званые обеды, и всякий раз демонстрировал своего шамана, которым весьма гордился, ибо приводил этим в приятное изумление своих гостей. Однажды дворяне городка П. неожиданно приехали во владения Николая Изверцова, и попросили его предоставить им пещеру для вечернего приема. С огромной неохотой Николай дал согласие, и только после величайшего колебания и уговоров решился присоединиться к знатым гостям.

Первая пещеры и платформа, примыкающая к озеру, были ярко освещены огнями. Сотни зажженных свечей и факелов, установленных в щелях между камнями, озаряли это место, а также темные закоулки, заросшие мхом и плесенью, которые пребывали в покое долгие годы. На стенах сверкали сталакти-

ты, а уснувшее эхо внезапно пробудилось от веселого смеха и разговоров. Шаман, всегда находящийся под неусыпным взором своего друга и хозяина, сидел в углу, как обычно пребывая в трансе. Он сидел, сгорбившись на выступающем между входом и озером камне, и, с лимонно-желтым изможденным лицом с приплюснутым носом и редкой бородачкой, скорее походил на уродливого каменного идола, нежели на человеческое существо. Большинство из присутствующих тесным кольцом обступили его, чтобы получить верные ответы на свои вопросы. А венгр с веселым видом подвергал свой месмерический «объект» перекрестному допросу.

Внезапно одна из дам заметила, что они находятся в той самой пещере, где десять лет назад совершенно непостижимо исчез господин Изверцов. Похоже, иностранца заинтересовало это замечание, и он выразил желание узнать как можно больше об этом происшествии. Тогда Николай протиснулся сквозь толпу вперед и остановился напротив собравшихся, глаза которых горели нетерпением. Ведь он был хозяином, и поэтому посчитал неприличным отказать гостям в рассказе о случившемся со старшим Изверцовым. Дрожащим голосом он повторил эту печальную историю, а на фоне побелевших щек лихорадочно горели его глаза, повлажневшие от слез. Его рассказ произвел на общество неизгладимое впечатление, после чего все произнесли панегирик достойному поведению любимого племянника в честь памяти его усопшего дяди и благодетеля. Затем все стали перешептываться, продолжая обсуждать случившееся, как вдруг Николай поперхнулся, а глаза его выступили из глазниц, и, издав сдавленный стон, он отшатнулся назад. Присутствующие не сводили с него глаз, с любопытством глядя на его изможденное лицо, и изумленный взор, устремившийся на болезненное личико, показавшееся за спиной венгра.

— Откуда ты пришел? Кто привел тебя сюда, дитя мое? — выдохнул Николай, бледный как смерть.

— Я уже лег спать, папа; и тут ко мне пришел этот человек. Он взял меня на руки и принес сюда, — просто отвечал ребенок, показывая на шамана, рядом с которым он и стоял на камне. Шаман, закрыв глаза, раскачивался из стороны в сторону, словно оживший маятник.

— Все это очень странно, — заметил один из гостей. — Ведь этот человек вообще не выходил отсюда.

— О, Боже милосердный! Какое поразительное сходство! — пробормотал один из старейших жителей городка, друг исчезнувшего господина Изверцова.

— Ты лжешь, дитя мое! — с чувством произнес Николай. — Отправляйся в постель, здесь тебе не место!

— Ну, полно, полно, — вмешался венгр, и выражение его лица было очень странным. Сказав это, он обнял хрупкую детскую фигурку. — Малыш видел двойника моего шамана, который иногда выходит из его тела и бродит далеко-далеко от него. Мальчик ошибся, приняв призрак за человека. Пусть он немного побудет с нами.

Услышав эти странные слова, гости стали переглядываться в немом изумлении, а некоторые, самые набожные, перекрестились и сплюнули в сторону, вероятно, на дьявола и на его нечестивые дела.

— Кстати, — продолжал венгр решительно, обращаясь скорее ко всему обществу, нежели к кому-либо в частности. — Почему бы нам не попытаться с помощью моего шамана разгадать тайну этой трагедии? Подозреваемый все еще в тюрьме? И что? Он до сих пор не признался? Это очень и очень странно. Но теперь мы узнаем правду за считанные минуты! Только пусть все соблюдают тишину!

Тогда он подошел к шаману и тотчас же начал представление, даже не спросив согласия хозяина пещеры. Последний стоял неподвижно, точно врос в землю. Казалось, что он не способен вымолвить ни слова от сковавшего его ужаса. У всех остальных это предложение вызвало одобрение. У всех, кроме Николая. И особенно похвалил эту идею полицейский инспектор полковник С...

— Дамы и господа, — приглушенным голосом промолвил последователь Месмера. — Позвольте мне на этот раз отступить от моих обычных методов. Я воспользуюсь методом природной магии, поскольку он более соответствует этому дикому месту и гораздо действеннее, нежели европейский метод гипноза. Вы сами это увидите.

И, не дожидаясь ответа, он вытащил из сумки, с которой никогда не расставался, сначала маленький барабан, а по-

том — две крохотных пиалы, одну наполненную жидкостью, а вторую — пустую. Он начал обрызгивать шамана содержимым из первой пиалы. Все заметили, что шаман задрожал и закивал намного сильнее, чем когда-либо прежде. Воздух наполнился терпкими ароматами, и сама атмосфера стала намного яснее. Потом, к ужасу всех присутствующих, он подошел к тибетцу, и, вытащив из кармана крохотный стилет, вонзил сверкающее лезвие ему в предплечье. Когда оттуда хлынула кровь, он подставил под нее пустую пиалу. Когда пиала наполнилась наполовину, он большим пальцем закрыл разверстую рану, и остановил поток крови также легко, как закупаживают бутылку, после чего он окропил кровью голову мальчика. Затем он повесил барабан себе на шею и двумя палочками из слоновой кости, с вырезанными на них магическими знаками и буквами, пробил короткую барабанную дробь сигнала *утренней побудки*, дабы, как он пояснил, привлечь духов.

Свидетели этого необыкновенного действия столпились вокруг венгра. Выражения их лиц были наполовину испуганными, наполовину изумленными этим процессом, и в течение нескольких секунд в гигантской пещере воцарилась мертвая тишина. Николай, похожий на живой труп, как и прежде, стоял неподвижно с искаженным лицом. Гипнотизер встал между шаманом и платформой и опять начал медленно бить в барабан. Первые удары были приглушенные, они разносились по воздуху так тихо, что не вызывали эха, а шаман стал раскачиваться, как маятник, еще быстрее. Ребенок же беспокойно задвигался. И тогда барабанщик стал напевать медленную, тихую, выразительную и очень торжественную песнь.

Когда эти неведомые слова сорвались с его губ, огни свечей и факелов заволновались и замерцали, и так продолжалось до тех пор, пока они не заплясали в такт этой песни. Откуда-то из-за озера, из крошечной тьмы коридора сильно подул холодный, пронизывающий до костей ветер, оставляя за собою жалобный стон эха. Затем все увидели, как по стенам и каменистой земле начал расползаться расплывчатый пар, который постепенно стал обволакивать шамана и ребенка. Вокруг мальчика образовалось прозрачное серебристое

свечение, а шамана скрыло красное зловещее облако. Чародей приближался к платформе, и по мере своего приближения он бил в барабан все сильнее и сильнее, и на этот раз эхо подхватило этот звук. Эффект был ужасающий! И тут и там эхо превратилось в непрерывные, грохочущие раскаты, пока этот громopodobный звук не стал походить на хор тысяч и тысяч демонических голосов, все громче и громче доносящихся из бездонных глубин озера. Вода, поверхность которой была освещена множеством цветов, и до этого казалась ровной, как стекло, внезапно забурилась, будто волнуемая мощными порывами ветра. Венгр запел еще одну песнь и снова забил в барабан, и вместе с этими раскатами, напоминающими пушечные залпы, гора задрожала у самого основания, в то время как эхо прокатилось по темным и самым отдаленным ее коридорам. Тело шамана поднялось в воздух на высоту двух ярдов, после чего, он, раскачиваясь из стороны в сторону и кивая, растворился, словно привидение. И тут тело ребенка стало видоизменяться, что привело в священный трепет всех присутствующих, которые наблюдали за происходящим, лишившись дара речи. Казалось, что серебристое облако, обволакивающее мальчика, тоже поднимало его в воздух; однако, в отличие от шамана, его ноги не отрывались от земли. Ребенок стал увеличиваться, словно годы каким-то загадочным образом завершили свою работу за какие-то несколько мгновений. Он стал высоким и крупным, а проявившиеся на лице старческие черты становились еще старше по мере старения его тела. А еще несколько секунд спустя детские формы полностью покинули его тело. Оно полностью растворилось совершенно в другой личности, и, к ужасу тех, кто некогда знал, как он выглядел, эта новая личность оказалась не кем иным, как старым господином Изверцовым. На его виске зияла глубокая рваная рана, из которой крупными каплями сочилась кровь.

И тут этот призрак двинулся к Николаю и остановился прямо напротив него, застывшего со вздыбленными волосами от изумления от этого превращения его сына в его дядю. И в эти мгновения могильную тишину прервал голос венгра, который, обращаясь к ребенку-призраку, торжественно спросил:

— Именем Великого Мастера, Того, кто обладает всем могуществом на Земле, расскажи правду, и ничего, кроме правды. О, потревоженный дух, поведай же нам, погиб ли ты от несчастного случая или был предательски убит?

Губы призрака зашевелились, но не он ответил на вопрос, а эхо, которое отозвалось повсюду замогильным криком:

— Убит! У-у-бит!

— Где? Как? И кем? — вопрошал чародей.

И тут привидение указало пальцем на Николая, а затем, не сводя с него взгляда и не опуская протянутой руки, стало медленно отступать к озеру. И с каждым его шагом младший Изверцов, словно подверженный чарам, которым не мог сопротивляться, тоже начал приближаться к озеру, до тех пор, пока призрак не достиг воды. А в следующий момент все увидели, как призрак заскользил по его глади. Это было ужасающее, жуткое зрелище!

Когда Николай оказался в двух шагах от края этой бездны, наполненной водою, страшные судороги пробежали по телу виновного. Резко упав на колени, он отчаянно вцепился в одно из поросших мхом сидений и безумным взором вперился в озеро, издавая пронзительные, леденящие душу вопли. В эти секунды призрак неподвижно стоял на воде и, выпростав палец, медленно поманил Николая к себе. Съездившись от презренного страха, он извивался и громко кричал, а эхо разносило его вопли по пещере:

— Нет! Нет... Я не убивал тебя!

Но тут послышался всплеск, и теперь все увидели, как в темной воде барахтается мальчик, который отчаянно боролся за свою жизнь. Он находился на самой середине озера, а над ним нависал неподвижный, суровый призрак.

— Папа! Папочка! Спаси меня! Я тону!.. — жалобно восклицал тоненький детский голосок, подхватываемый громким издевательским эхом, разносившим его по пещере.

— О, мой мальчик! — вскричал Николай безумным голосом и резко вскочил на ноги. — Мой мальчик! Спасите его! О, спасите его!.. Да, я признаюсь... Я — убийца! Это я убил дядю!

Раздался еще один всплеск, и призрак исчез. С криками ужаса все присутствующие устремились к платформе; но вне-

запно ноги отказались им повиноваться, и гости словно вросли в землю. И они увидели сквозь кружащийся водоворот белесую бесформенную массу, которая крепко схватила убийцу вместе с мальчиком и медленно утянула обоих в бездонное озеро...

На следующее утро после этих событий, когда, проведя бессонную ночь, часть компании отправилась в дом венгерского джентльмена, они обнаружили дверь запертой, а дом — пустым. Венгр и шаман исчезли. Среди старых жителей П. многие помнят его; и особенно полицейский инспектор, полковник С., скончавшийся спустя несколько лет в полной уверенности, что знатный путешественник оказался самым дьяволом. Вдобавок к ужасу, перенесенному всеми свидетелями происшедшего, той же ночью усадьба Изверцова сгорела дотла. Архиепископ тотчас же произвел обряд изгнания дьявола, однако эта местность и по сей день считается проклятой. Губернатор распорядился произвести тщательное расследование случившегося, после чего приказал хранить молчание.

ИЗ ХОЛОДНОГО КРАЯ

(Рождественская история)

Примерно год тому назад во время празднования Рождества в одной из старинных усадеб, а точнее — в родовом замке одного из богатейших землевладельцев Финляндии, собралось многочисленное общество. Здесь сохранилось многое, присущее гостеприимству и радушию наших предков, равно как сохранились и средневековые обычаи, основанные на традициях, безотчетных предубеждениях и суевериях, наполовину финских, наполовину русских, причем последние привносились сюда богатыми представительницами прекрасного пола с берегов Невы. Уже нарядили елки и приготовили все принадлежности для ворожбы. Ибо вся обстановка старинного замка способствовала этому: мрачные, выцветшие от времени портреты знаменитых предков, рыцарей и дам их сердца, старинные заброшенные башни с бастионами и высокими готическими окнами; таинственные хмурые аллеи, темные и бесконечные подвалы, незаметно превращающиеся в подземные переходы и пещеры, позабытые тюремные камеры, часто посещаемые неугомонными призраками героев местных сказаний. Короче говоря, старинный замок являл собой наилучшее место для кошмаров, описанных в романтических историях. Но увы! на этот раз они не служили ни для какой цели, ибо в настоящем повествовании старые добрые ужасы не играют никакой роли, как это могло бы показаться...

Главный герой нашей истории — самый заурядный, прозаический человек... назовем его Эрклер. Да, доктор Эрклер, профессор медицины, наполовину немец по отцу, а с материнской стороны — совершенно русский по воспитанию и образованию. Это был человек плотного телосложения, как и многие другие простые смертные. Тем не менее, с ним произошли весьма экстраординарные события.

Как оказалось, Эрклер был заядлым путешественником и некогда сам вызвался сопровождать в кругосветное путеше-

ствии одного из самых знаменитых в мире исследователей. Неоднократно они лицом к лицу встречались со смертью, то изнывая от палящего солнца тропиков, то замерзая в арктических льдах. Но несмотря на все эти опасности, доктор с неослабевающим энтузиазмом рассказывал об их «зимовках» в Гренландии или на Новой Земле, о бесплодных равнинах Австралии, где они на завтрак ели кенгуру, а на ужин — эму, после чего едва не погибли от жажды во время перехода через совершенно безводное место, занявшего у них срок часов.

— Да, — обычно замечал он. — Я испробовал на себе все, кроме того, что вы назвали бы *сверхъестественным*... Безусловно, если сбросить со счетов одно определенно исключительное событие в моей жизни... когда я познакомился с человеком, о котором сейчас расскажу... и весьма необычных, я бы даже сказал — *необъяснимых* последствий этого знакомства.

Присутствующие громко потребовали от доктора объяснений, и он, вынужденный уступить, приступил к рассказу.

— В 1878 году мы были вынуждены остановиться на зимовку на северо-западном берегу Шпицбергена. Мы тогда предприняли попытку за очень короткое лето добраться до Северного полюса; однако, как водится, все наши усилия потерпели крах из-за айсбергов, и после нескольких бесплодных попыток, нам пришлось отказаться от этой затеи. Не успели мы решить, что предпринять, как наши пароходы в Проливе Мюссель зажало между торосами льда, и на восемь долгих месяцев мы оказались отрезаны от всего человечества. Признаюсь, лично я сначала чувствовал себя ужасно. Но особенно мы пали духом, когда одной штормовой ночью снежный ураган унес почти все материалы, заготовленные нами для строительства зимовья. И в ту же роковую ночь мы лишились больше сорока оленей из нашего стада. Сами понимаете, скорая перспектива голодной смерти не поднимает настроения. Ведь вместе с оленями мы потеряли нашу основную *линию обороны* против полярных морозов, ибо в этом климате человеческому организму требуется повышенное тепло и основательная пища. Но в конце концов мы смирились с утратой, и даже привыкли к местной пище, оказав-

шейся еще больше питательной едой — тюленям и тюленьему жиру. Из остатков древесины наши люди возвели строение и аккуратно разделили его на два отсека: один предназначался для наших трех профессоров и меня, второй же — для себя самих. Им удалось построить несколько деревянных сарайчиков для метеорологических, астрономических и магнетических целей, добавив к ним хорошо укрепленное стойло для нескольких оставшихся оленей. После же началась нескончаемая вереница безрассветных дней и ночей, которые почти ничем не отличались друг от друга, разве что темно-серыми оттенками. Порой на нас нападала хандра, и это было ужасно! В сентябре мы решили отправить домой два из трех наших пароходов, однако преждевременно и непредвиденно нас окружили льды, что полностью разрушило наши планы. И вот, мы остались со всей нашей командой, и поэтому нам пришлось все больше и больше экономить скудную провизию, топливо и свет. Лампы мы использовали только с научными целями, а все оставшееся время нам приходилось довольствоваться Божьим светом — от луны и арктической Авроры... Но как вам описать великолепное, ни с чем не сравнимое северное сияние! Кольца, стрелы, гигантское зарево из аккуратно отделенных друг от друга лучей, переливающихся самыми яркими и разнообразными цветами. Самыми прекрасными были лунные ночи ноября. Все вокруг точно окрасилось яркими цветами! И эта игра лунных лучей на снегу и ледяных скалах завораживала. Это были сказочные ночи.

— И вот, в одну из таких ночей, — продолжал Эрклер, — а возможно — и дней, ибо, насколько я помню, с конца ноября до почти середины марта мы совсем не видели сумерек, и поэтому не могли отличить день от ночи — мы вдруг увидели издалека, что в игре разноцветных лучей, окрашивающих снежные равнины золотисто-розовым цветом, двигается какое-то темное пятно... Оно постоянно увеличивалось, и казалось, что оно приближается прямо к нам. Что это такое?.. Оно было похоже на оленя или на небольшую группу людей, быстро идущих по снежной пустыне... Но животные в этих краях были белые, как все остальное вокруг. Тогда, что же это было? Человеческие существа?..

Мы не могли поверить нашим глазам. Да, к нашему убежищу приближалась группа людей. Их оказалось примерно пятьдесят охотников на тюленей, идущими за своими проводником — Матилиссом, знаменитым бывалым моряком из Норвегии. Они тоже попались в ледяную ловушку айсбергов, как и мы.

— Как вы узнали, что мы здесь? — осведомились мы.

— Старый Иона, старейший из группы, показывал нам дорогу, — отвечали они, показывая на почтенного старика с совершенно седыми волосами.

— И в самом деле, их проводнику гораздо больше подошло бы сейчас сидеть у домашнего очага, нежели отправиться с более молодыми людьми на охоту на тюленей в арктические земли. Мы так и сказали, по-прежнему изумляясь, как он узнал о нашем пребывании в этом царстве белых медведей. На что Матилис и его спутники улыбались, уверяя нас, что «старому Ионе» известно все на свете. И еще они заметили, что мы, должно быть, новички в арктических землях, ибо не знали о выдающейся личности Ионе и удивлялись всему, что он говорил.

— Вот уже почти пятьдесят пять лет, — произнес главный охотник, — как я ловлю тюленей в Полярных морях, и сколько помню, я всегда знал его, причем точно таким же, как нынче: старым, седобородым человеком. И, насколько помню, в те дни, когда я маленьким мальчиком впервые вышел в море вместе с отцом, мой папа частенько рассказывал мне о старом Ионе то же самое. И всегда он прибавлял, что и его отец и его дед, будучи совсем детьми, тоже знали о старом Ионе, и никто из них не помнил его иным, чем человеком, седым, как эти снега. Наши предки прозвали его «всеядущий седоволосый», посему мы, охотники на тюленей, зовем его так же и по сей день.

— Не хотите ли вы убедить нас, что ему двести лет? — рассмеялись мы. И некоторые из наших матросов столпились вокруг этого седого, как лунь, чуда и засыпали его вопросами.

— Дедушка, ответьте нам, сколько вам лет?

— Я и в самом деле не знаю, дети мои. Я живу столько, сколько отмерил мне Господь Бог. А что касается моих лет, я их никогда не считал.

— А как вы узнали, дедушка, что мы зимуем именно в этом месте?

— Бог направлял меня. А откуда мне стало об этом известно — не знаю; если не считать того, что я знал... я знал, куда держать путь.

ОЖИВШАЯ СКРИПКА

1

В 1828 году в Париж приехал старый немец, учитель музыки. Он прибыл туда со своим учеником и незаметно поселился в одном из тихих предместий столицы. Старика величали Сэмюэль Клаус; его ученика нарекли более поэтически: Франц Стенио. Молодой человек был весьма одаренным скрипачом, и, по слухам, обладал исключительным, чуть ли не сверхъестественным талантом. Однако поскольку он был беден, то до сих пор не завоевал себе громкого имени в Европе. Поэтому он несколько лет оставался в столице Франции — этом сердце и пульсе своенравной и капризной европейской моды — неизвестным и непризнанным. По происхождению Франц был штирийцем, и во время описываемых событий ему исполнилось почти тридцать лет. Философ и мечтатель по природе, отличающийся чудачковатостью истинного гения, он напоминал некоторых персонажей «*Contes Fantastiques*» * Гофмана. И действительно, его детство было необычным, очень странным, и для понимания настоящей истории необходимо вкратце о нем поведать.

Он родился в стране очень набожных и благочестивых людей, в тихом городке, расположенном посреди Штирийских Альп. Как говорится, «гномы качали его колыбель», и ребенок рос в жуткой атмосфере вампиров и вурдалаков, которые играют очень большую роль в семье любого штирийца, словенца или уроженца Южной Австрии. Позднее мальчик стал студентом и учился вблизи старинных немецких замков на Рейне; так что Франц с самого детства прошел все эмоциональные стадии так называемого «сверхъестественного». В то время при помощи одного восторженного последователя Парацельса и Кун-

---

* «Волшебные сказки» (фр.).

рата * он изучил оккультные искусства; алхимию и некоторые ее теоретические тайны. Помимо всего прочего, он учился «ритуальной магии» и «колдовству» у венгерских цыган. И все-таки сильнее всего он любил музыку, а сильнее музыки — свою скрипку.

В двадцать два года он внезапно оставил практические исследования оккультных наук, и с этого времени посвятил себя только мыслям о красоте греческих богов и полностью отдался искусству игры на скрипке. Из классического учения он сохранил воспоминания только о том, что касалось муз — и в особенности Эвтерпы, алтарю которой он поклонялся, и еще он боготворил Орфея, и со своею скрипкой пытался состязаться с его волшебной лирой. Мечтательный юноша верил в нимф и сирен, ибо считал, что последние при помощи Орфея и Каллиопы связаны с музами. И кроме этого его мало интересовало все происходящее в подлунном мире. И вместе с волною небесной гармонии, извлекаемой из его скрипки, все его желания, как после воскурения фимиама, устремлялись к величественным и самым высшим сферам. Он грезил наяву и жил настоящей, хотя и зачарованной жизнью, только в те часы, когда его волшебный смычок уносил его на волнах звука к языческим богам Олимпа и бросал прямо к ногам Эвтерпы. Даже дома, где непрестанно звучали загадочные истории о ведьмах и колдунах, он считался очень необычным дитятей, превратившимся впоследствии в странного мальчика, пока, наконец, он не возмужал, не имея при этом ни одной отличительной черты, присущей юности. Ни одно очаровательное личико не привлекало его внимания, и ни разу он не отвращал своих мыслей от уединенных занятий к реальной жизни, проходившей вдали от таинственных цыган. Он довольствовался собственным обществом, и посему лучшие годы своей юности и зрелости проводил со скрипкой, играя для своего единственного кумира, и с богами и богинями Греции, играя лишь для этой аудитории, совершенно пренебрегая реальной жизнью. Все его существование являло собой один бесконечный

---

* Генрих Кунрат — мистический писатель XVI—XVII вв., с библейской теософией соединял идеи каббалы и герметической философии или алхимии.

день мечтаний и грез, музыки и солнечного света, и никогда он не ощущал иных стремлений.

До чего же бесполезны, но, о! до чего же величественны и прекрасны были эти грезы! А какие они были живые! К чему ему было искать лучшей судьбы? Разве он не обладал всем, чего хотел, с каждым мгновением обращая свои мысли то к одному, то к другому герою; от Орфея, заставлявшего всю природу затаить дыхание, к домовому, подглядывающему с высокого дерева за наядами, купающимися в кристально чистом фонтане Каллирои? Разве не его манили к себе резвоногие нимфы, прибегающие на звук волшебной флейты пастуха Аркадии — кем он порою считал себя? Вот, сама богиня Любви и Красоты спускается с небес, влекомая мелодией его сладкоголосой скрипки!.. И все же настало время, когда он предпочел Афродите Сириге, но не из-за красоты этой наяды, преследуемой Паном, а после ее божественного превращения в тростинку, из которой разочарованный бог пастухов изготовил свою волшебную флейту. Ибо со временем стремления растут, а удовлетворить их удается нечасто. Когда же он пытался на своей скрипке подражать самыми волшебным звукам на свете, весь Парнас замолкал, подпав под его чары, или наслаждался этой неземной мелодией, но он мечтал, чтобы его слушателей стало больше, нежели богов, воспетых Гесиодом, и чтобы это были воистину самые взыскательные меломаны европейских столиц. Он ощущал ревность к волшебной флейте и мечтал бы обладать ею.

— О, своей любимой скрипкой я смог бы заманить к себе нимфу! — часто восклицал он, пробуждаясь от своих грез. — О, только бы мне удалось в полете моей души преодолеть бездонную пропасть Времени! О, когда-нибудь я сумел бы овладеть секретом Божественных искусств, тайной самого Господа на глазах у всего восхищенного человечества! А узнав тайну лиры Орфея, я бы звуками своей скрипки заманивал сирен, принося тем самым радость всем смертным, а себе — вечную славу!

Таким образом, проведя долгие годы в мечтаниях в обществе воображаемых богов, теперь он стал грезить о преходящей земной славе. Но однажды он внезапно получил письмо от своей овдовевшей матери, которая звала его домой. Письмо

застало его в одном из немецких университетов, где он жил последние два года. Это событие положило конец его намерениям, по крайней мере оно имело прямое отношение к его ближайшему будущему, ибо до этого времени единственный человек, поддерживающий его скудное существование, была мать. Его же собственных средств для независимой жизни вне родных мест было явно недостаточно. При возвращении домой его ожидало скорбное известие. Мать, любившая Франца больше всего на свете, скончалась вскоре после прибытия любимого сына домой; и добропорядочные жены городка больше месяца упражнялись в злословии по поводу истинной причины ее смерти.

До приезда Франца фрау Стенио была пышущей здоровьем, полногрудой женщиной средних лет, крепкой и добросердечной. Как и все, она была благочестивой и богобоязненной, и во время долгого отсутствия сына ни разу не пропускала ни молитвы, ни утренней мессы. В первое воскресенье после приезда сына (а этого дня она дожидалась долгие месяцы, предчувствуя радостное зрелище: сына, стоящего на коленях рядом с нею в маленькой церквушке на холме), она позвала его, стоя у подножия лестницы. Этот час настал, когда ее благочестивые мечты, наконец, обрели реальность; она ожидала его, тщательно вытирая пыль с молитвенника, которым Франц пользовался в детстве. Но вместо Франца, на ее призыв откликнулась скрипка, мелодия которой звучно смешалась с веселым звоном воскресных колоколов. Любящая мать была несколько обескуражена, услышав, как звуки, призывающие к молитве, потонули в жуткой, фантастической мелодии «Пляски ведьм», показавшейся ей совершенно неземной и издевательской. И она чуть не лишилась чувств, услышав от любимого сына решительный отказ отправиться в церковь. Ибо, как он холодно заметил, он никогда не ходит в церковь. Еще он добавил, что все это — пустая трата времени, ибо громкие звуки старинного церковного органа только действуют ему на нервы. И ничто не заставит его терпеть такие муки, как слушать эти надтреснутые звуки органа. Франц был тверд в своем решении, и ничто не смогло бы сдвинуть его с места. И он положил конец всем ее просьбам и увещаниям, предложив сыграть ей «Гимн солнцу», который только что сочинил.

И с этого памятного воскресного утра фрау Стенио лишилась своей обычной чистоты ума. Она спешила рассеять свои печали и искать утешение в исповедальне; но то, что она услышала в ответ от строгого священника, наполнило ее чистую душу смятением и отчаянием. Чувство страха и глубокого ужаса вскоре стали ее привычным состоянием и преследовали ее непрестанно; ночи она проводила без сна, а дни — в жалобных молитвах. И в своем материнском беспокойстве о спасении души возлюбленного сына и о его посмертном благополучии, она дала себе целый ряд строгих обетов. Обнаружив, что ни просьбы на латыни, написанные ее духовником к Богородице, ни ее робкие просьбы на немецком, обращенные ко всем святым, которые, как она верила, пребывают в Раю, не достигли желаемого действия, она предприняла паломничество к далеким храмам. Во время одного из таких путешествий в часовню, расположенную высоко в горах, она простудилась посреди тирольских ледников и возвратилась домой только к смертному одру, чтобы уже не подняться с него более. В определенном смысле, действия, которыми руководствовалась фрау Стенио, все же привели ее к желаемому результату. Теперь несчастной женщине была дарована возможность самолично увидеть в своем сыне вероотступника и человека, насмехающегося над монахами и верой и не переносящего звучания церковного органа.

Франц искренне переживал кончину матери. Не осознавая, что причиной ее смерти был он сам, молодой человек не испытывал угрызений совести; а продав скромный домашний скарб, он, с легким кошельком и легким сердцем, пустился пешком в путешествие, в котором провел около двух лет, прежде чем занялся каким-либо делом.

Его путешествие было вызвано смутным желанием повидать крупные европейские города и попытать счастья во Франции, однако бродячий образ жизни оказался настолько силен, что юноше было бы очень сложно с ним расстаться. Он отложил свой небольшой капитал на черный день, доверив деньги одному банкиру, и двинулся пешком через Германию и Австрию. По дороге он останавливался на постоялых дворах и фермах, расплачиваясь за кров и хлеб игрою на скрипке, а дни проводил на зеленых полях и в величественных молчаливых

лесах, лицом к лицу с Природой, мечтая, как обычно, с открытыми глазами. Так он провел три месяца в приятном путешествии по разным сторонам, и за все время ни разу не спускался с Парнаса; но, подобно алхимику, превращающему свинец в золото, Франц превращал все, попадающееся ему на пути, в песни Гесиода и Анакреонта. Каждый вечер, играя на скрипке, оплачивая тем самым себе ужин и постель, будь то зеленая лужайка или вестибюль второсортной гостиницы, он видел в своем воображении совершенно иные сцены. Деревенские парни и девки превращались в пастухов и нимф Аркадии. Пыльный гостиничный пол преображался в его глазах в лужайку, покрытую изумрудной травой; неуклюжие парочки, кружащиеся в неторопливом вальсе с изяществом ручных медведей, становились жрецами и жрицами Терпсихоры; нескладные, багровощекие и голубоглазые дочери сельской Германии были Гесперидами, танцующими вокруг деревьев, увешанных золотыми яблоками. Своим волшебным слухом он не слышал ничего, кроме сладкоголосых мелодичных напевов аркадских полубогов, дудящих в свои свирели, звуки которых исчезали с рассветом. Ибо стоило сонному покрову подняться с его очей, как он снова отправлялся в следующее волшебное царство своих ежедневных грез. По пути к темным величественным сосновым лесам он непрерывно играл на скрипке, играл для себя и для всего на свете. Он играл для зеленых холмов, для высоких гор, и казалось, что эти покрытые мхом скалы двигались ему навстречу, чтобы лучше услышать его скрипку, как они делали, заслышав звуки лиры Орфея. Он играл весело журчащим ручейкам и бурным рекам, и в эти мгновения они останавливали свое течение и, казалось, застывали на месте, чтобы насладиться звучанием волшебной музыки. Даже длинноногий аист с задумчивым видом застывал на одной ноге, наверху покрытой соломой полуразрушенной мельницы, словно пытаясь разгадать причину своего длительного бытия, и посылал вдогонку юноше пронзительный скрипучий крик:

— Тебя обучал играть сам Орфей, о, Стенио?

Это было время полного блаженства и ежедневного, едва ли не ежечасного восторга. Он так и остался безучастным к последним словам умирающей матери, шепчущей ему о веч-

ном проклятии, и лишь единственный образ из ее предостережения запомнился ему — Плутон.* У Франца уже сложился облик этого господина загробного царства, который приветствовал его, как прежде — супруга Эвридики, Орфея. Зачарованные волшебными звуками его скрипки, колесо Иксиона снова остановилось, тем самым предоставляя отдых несчастному соблазнителю Юноны, опровергая тех, кто требовал вечного наказания для осужденных грешников. Он понимал Тантала, позабывшего о непрерывно терзавшей его жажде, и ощущал его губы, когда тот пил эту рожденную небесами мелодию; Сизифов камень стал недвижимым, сами Фурии смеялись над ним, и властелины самых мрачных царств наслаждались, предпочитая его скрипку лире Орфея. Если же говорить серьезно, то мифология может оказаться действенным противоядием против страха, вопреки всем богословским угрозам, особенно когда она усиливается безрассудно-страстной любовью к музыке. Ведь Франц и Эвтерпа всегда побеждали в любой борьбе, даже с сами Адам!

Однако рано или поздно всему наступает конец, и очень скоро Францу пришлось отказаться от непрерывных мечтаний. Он дошел до некоего университетского города, где поселился у старого учителя музыки, Сэмюэля Клауса. Когда престарелый музыкант обнаружил, что его любимый ученик остался без гроша в кармане, и, что еще хуже, без земных привязанностей, он еще сильнее привязался к молодому человеку. Он тяжело переживал за Франца, а впоследствии усыновил его.

Старый учитель напоминал причудливую фигуру, сошедшую со средневековых городских украшений. Клаус обладал волшебным обаянием, так сводящим с ума женщин, и тягой к самопожертвованию, присущему мученикам раннего христианства. Когда Франц кратко рассказал ему о том, как прожил последние несколько лет, профессор взял его за руку и, пригласив в свой кабинет, просто сказал:

— Оставайся у меня, и прекрати свою бродячую жизнь. Сделай себя знаменитым. Я уже стар и бездетен, и я буду тво-

---

* У древних Плутон отождествлялся с Аидом — царством мертвых.

им отцом. Давай жить вместе, и позабудем обо всем, кроме славы.

Затем он предложил Францу отправиться с ним в Париж через несколько крупных немецких городов, где они будут останавливаться и давать концерты.

За несколько дней Клаусу удалось убедить Франца оставить бродячую жизнь и артистическую независимость и заново пробудить в своем ученике его дремлющее доселе честолюбие и стремление к мировой славе. Ведь с тех пор, как умерла его мать, Франц довольствовался только аплодисментами от богов и богинь, обитающих в его ярком воображении; теперь же он снова начал желать вызывать восхищение у простых смертных. И благодаря тщательным урокам старого Клауса, его незаурядный талант с каждым днем обретал силу и очарование, а его репутация росла и распространялась после посещения каждого города, где они давали концерты. Его честолюбивые замыслы быстро реализовались; гениальные музыканты, председательствующие в разнообразных музыкальных центрах, восхищенные его талантом, вскоре объявили молодого человека *величайшим* ныне существующим скрипачом, а публика во всеуслышание заявляла, что Франц оставался непревзойденным ни одним из всех, кого слушали до сих пор. И очень скоро от подобных панегириков и учитель и ученик потеряли головы.

Однако Париж не был готов согласиться с такою оценкой. Париж создает репутацию для себя сам, и ничего не принимает на веру. Поэтому, прожив в столице Франции почти три года, они все еще с огромными трудностями взбирались на артистическую Голгофу, но вдруг некое внезапное событие сокрушило их весьма скромные ожидания. Во-первых, внезапно объявили о приезде Никколо-Паганини, и вся Лютеция * содрогнулась от конвульсий ожидания. И когда этот не имеющий себе равных скрипач, наконец, появился в Париже, весь город тотчас же бросился к его ногам.

---

* Название древнего поселения, на месте которого возник Париж.

Из-за суеверия, проистекающего от средневековых предрассудков продолжающего существовать и в наше время, любовью талант объяснялся сверхъестественными причинами. Так же было и с талантом Паганини. В свое время каждого величайшего и удивительного артиста обвиняли в тайной сделке с дьяволом. Поэтому читателю придется немного потерпеть, чтобы мы смогли освежить его память.

Великого композитора и скрипача 17 века Тартини обвиняли в том, что он брал свое вдохновение у дьявола, с которым, как поговаривали, был в постоянной связи. Безусловно, это обвинение явилось следствием его почти магического воздействия на слушателей. Благодаря своей игре на скрипке он на родине получил титул «Повелителя язычников». Его соната «Трель дьявола», также называемая «Сон Тартини» считалась (каждый, кто слышал ее хоть раз, готов был это засвидетельствовать) самой загадочной и жуткой мелодией, когда-либо услышанной или сочиненной; с тех пор, эта удивительная композиция стала источником бесконечных легенд. И не без основания, поскольку сам Тартини способствовал их распространению эти легенды. Он признался, что написал ее, пробудившись от сна, в котором услышал свою сонату в исполнении самого Сатаны, для его же, Тартини, пользы, вследствие сделки с его inferнальным величеством.

Несколько знаменитых певцов, чьи изумительные и неповторимые голоса приводили слушателей в суеверное восхищение, тоже не сумели избежать подобного обвинения. Восхитительный голос Пасты * в ее дни объясняли тем, что за три месяца до ее появления на свет мать оперной дивы во время состояния транса была перенесена на Небеса, где слушала пение ангелов. Малибран ** обязана своему голосу Святой Цецилии, в то время как другие утверждали, что она обязана демону, что сидел возле ее люльки и напевал ей колыбельную.

---

* Урожд. Негри, Джудитта (1798—1865) — итальянская оперная певица, сопрано.

** Урожд. Гарсиа (1808—1836) — французская оперная певица, контральто.

И, наконец, Паганини, — непревзойденный исполнитель, итальянец самого низкого происхождения, который, подобно Драйденовскому Джубалу, играя на «звучащей раковине», заставил толпу последовать за ним, чтобы поклоняться божественным звукам, и давал повод народу говорить, что «вовсе и не Бог живет в его скрипке»... Паганини тоже оставил легенду.

Почти сверхъестественное искусство величайшего в мире скрипача очень часто обсуждалось, но никогда не понималось. Действие, оказываемое им на слушателей, было буквально непостижимым, подавляющим и всепоглощающим. Говорят, что великий Россини, услышав его игру впервые, рыдал, как сентиментальная немецкая барышня. Сестра великого Наполеона, принцесса Элиза де Лукка, личным оркестром которой дирижировал Паганини, долгое время не могла слушать его игру, не падая при этом в обморок. У женщин его игра вызывала нервные припадки и истерию; а суровых мужчин Паганини доводил до оцепенения. Он умудрялся превращать трусов в героев, а самых храбрых солдат — чувствовать себя нервными школьницами. Так что было, чему изумляться, потому долгие годы вокруг личности загадочного генуэзца, этого современного европейского Орфея, возникали сотни жутких рассказов. Один из них был особенно чудовищным. Ходили слухи, причем подхваченные бóльшим количеством людей, нежели можно было подумать, что струны его скрипки сделаны из *человеческих* кишок, причем по всем правилам Черной Магии.

Разумеется, кому-то подобные истории могут показаться весьма преувеличенными, хотя ничего невозможного в них нет; и более чем вероятно, что именно эта легенда привела к необычным событиям, о которых мы собираемся поведать. Человеческие органы часто использовались специалистами по черной магии Востока, и доказанный факт, что некоторые бенгальские тантристы (то есть произносящие *тантры*, или «вызывания духов», как их описывает один уважаемый писатель) использовали человеческие трупы и некоторые взятые от них внутренние и внешние органы, как могущественные колдовские атрибуты для весьма нехороших целей.

Однако вполне возможно, в свете признания большинством врачей феномена магнетических и месмерических гипнотических сил, не вызывающих теперь таких опасений, как прежде, что исключительное воздействие скрипичной игры Паганини полностью определялось его талантом и гениальностью. Изумление и благоговение, которые он так легко возбуждал у слушателей, могло быть вызвано его обликом, «в котором было нечто жуткое и демоническое», как утверждают некоторые из его биографов, а также невыразимым очарованием его исполнения и его выдающимся мастерством. Последнее подтверждается его совершеннейшей имитацией флежолета его исполнение долгих и изумительных мелодий на одной струне «соль». Это исполнение, которому многие музыканты пробовали безуспешно подражать, остается недостижимым и по сей день.

Из-за своей удивительной внешности — названной его друзьями эксцентрической, а его слишком нервными жертвами — дьявольской, он испытывал огромные трудности в опровержении некоторых неприглядных слухов о его персоне. Ибо в его время заработать подобное было гораздо проще, нежели сейчас. Гадкие слухи шепотом передавались по всей Италии, и даже в его родном городе поговаривали, что он убил свою жену, а позднее — любовницу, и что обе женщины страстно его любили, а он не колеблясь принес их в жертву своему дьявольскому тщеславию. Утверждали, что он сам в совершенстве овладел колдовскими искусствами, и поэтому ему удалось заключить души обеих убитых им женщин в свою скрипку — знаменитую Кремону.

Так свидетельствовали близкие друзья Эрнста Теодора Амадея Гофмана, прославленного автора «Эликсира сатаны», «Мастера Мартина» и других чудесных и загадочных историй; и что Советник Креспель в «Кремоновской скрипке» взят из легенды о Паганини. Всем, кто прочел это, наверняка, известно, что это — история о знаменитой скрипке, внутри которой заключены голос и душа прославленной оперной дивы, женщины, которую Креспель полюбил и убил, и к которой добавился голос его возлюбленной дочери Антонии.

Это поверье имело под собой некоторые основания, равно как и Гофмана нельзя порицать за заимствование этой

истории, после того как он услышал игру Паганини. Исключительное мастерство, с которым он играл на своем инструменте, извлекая из него не только неземные звуки, но и, определенно, человеческие голоса, подтверждает это подозрение. Подобные эффекты вполне могут напугать слушателей и привести в великий ужас какое-нибудь нервическое сердце. А если добавить ко всему этому непостижимую тайну, связанную с определенным периодом юности Паганини и большинство фантастических рассказов о нем, то все это можно считать вполне оправданным, и даже простительным; особенно среди народа, предкам которого известны Борджиа и слава владения искусством Черной Магии, приписываемая Медичи.

3

Однако в те дни телеграфа еще не существовало, а газет было очень мало, поэтому полет на крыльях славы совершался много медленнее, нежели теперь.

Франц почти не слышал о Паганини, а когда он узнал о нем, то поклялся если не затмить генуэзского чародея, то хотя бы соперничать с ним. Да, либо он станет самым великим из всех ныне живущих скрипачей, либо разобьет свой инструмент и тотчас же покончит с жизнью.

Старого Клауса обрадовала такая решимость. С ликующим видом он потер руки и запрыгал на хромой ноге, как согбенный сатир; он расхваливал своего ученика на все лады и всячески льстил ему, при этом веруя, что исполняет священный долг в отношении величайшего дела искусства.

С тех пор как три года назад Франц ступил на землю Парижа, он имел все, кроме провала. Музыкальные критики называли его восходящей звездой, однако все сходились во мнении, что ему потребуется еще несколько лет практики, прежде он сможет взять поразить своих слушателей до глубины души. В результате более чем двух лет упорных занятий и непрерывных репетиций штирийский музыкант, наконец, подготовился к первому серьезному появлению в знаменитой «Гранд-Опера», где концерт проходил перед самыми суровыми кри-

тиками со всего мира; и именно в этот момент в Париж прибыл Паганини, явив собою серьезную преграду на пути воплощения в жизнь всех его надежд, и старый немецкий профессор мудро отсрочил дебют своего ученика. Сперва старик просто посмеивался над безудержным восторгом публики и над ее панегириками в адрес генуэзского скрипача, и почти суеверным благоговением от одного произнесения его имени. Но очень скоро имя Паганини превратилось в раскаленный утюг, прижатый к сердцам обоих музыкантов и угрожающий призраком в уме старого Клауса. По прошествии еще нескольких дней, они вздрагивали от одного упоминания об их знаменитом сопернике, успех которого с каждым днем становился все более невероятным.

Первая серия концертов завершилась, однако ни Клаус, ни Франц так и не сумели услышать их и оценить, ибо их скудные средства не позволяли приобрести билеты, не говоря уже о том, чтобы их собрат по искусству просто встретился с ними, с бедняками. Так что им, как и многим другим, пришлось дожидаться лучших времен для этой возможности. Но наконец ни профессор, ни его ученик не сумели более сдерживать нетерпение, и, заложив в ломбард часы, они купили два билета на самые дешевые места.

Кто может описать восторг и триумф этого незабываемого, и в то же время рокового вечера! Слушатели неистовствовали; мужчины плакали, а женщины с пронзительными криками падали в обморок. Стоило Паганини только коснуться своего волшебного смычка, как Франц с Сэмюэлем почувствовали, как к ним протянулась холодная рука смерти. Первые звуки скрипки привели их в непреодолимый восторг, затем они ощутили неземные муки. В течение всего выступления они точно оцепенели, не в силах ни перегляднуться, ни обменяться словом.

В полночь, когда представители музыкальных обществ и Парижской консерватории отвязали лошадей и в полном восторге показали карету великого артиста домой, наши немцы с печальным видом возвратились в свое скромное жилище. В горести и отчаянии они, как обычно, направились к своим креслам, стоящим в уголке у камина, и некоторое время не произносили ни слова.

— Сэмюэль! — наконец воскликнул смертельно бледный Франц. — Сэмюэль!.. теперь нам не остается ничего, кроме как умереть!.. Ты слышишь меня? Мы ничтожества! Мы — двое безумцев, которые понадеялись соперничать... с ним!

Имя Паганини застряло у него в горле, и он в полном отчаянии упал в кресло.

Морщины на лице старого профессора побагровели от напряжения. Когда он придвинулся к ученику, его тусклые зеленоватые глаза фосфорически мерцали, и тогда он, запинаясь, хрипло прошептал:

— Нет! Нет! Просто ты неверно учился, Франц! Сейчас я тебе все объясню. Да, я обучал тебя этому искусству, и среди простых смертных в нем нет равных тебе, ибо ты научился всему, что только способен человек и крещенный христианин научиться у другого обыкновенного смертного. И разве я виноват в том, что эти трижды проклятые итальянцы для того, чтобы стать несравненными в области искусства, обращаются за помощью к Сатане и дьявольскому воздействию черной магии?

Франц обратил взор на старого музыканта. Он заметил в его мерцающих очах зловещий огонь, и этот взгляд отчетливо сообщал молодому человеку, что для того, чтобы овладеть такой же силой, его учитель не задумываясь, продал бы дьяволу свои тело и душу.

Однако, не проронив ни слова, Франц отвернулся от старика и стал задумчиво вглядываться в угольки, тлеющие в камине.

И вот давно позабытые бессвязные грезы юности, от которых он постепенно избавлялся, все более осознавая реальность, теперь снова стали снедать его разум, причем с той же силой и живостью, как в былые дни. Он вновь увидел перед собой силуэты Ихциона, Сизифа и Тантала, которые с нелепыми ужимками и гримасами говорили ему:

— Ад означает для тебя то, во что ты никогда не верил. И даже, если ад существует, то это ад, описанный древними греками, а не современными фанатическими его приверженцами: это место, наводненное мыслящими тенями, для которых ты сможешь стать вторым Орфеем.

Францу показалось, что он сходит с ума, и он машинально повернулся к старику и вновь посмотрел ему прямо в лицо. И тотчас же его налитые кровью глаза заставили Клауса отвести взгляд.

Либо Сэмюэль осознал, в каком ужасном состоянии пребывал разум его ученика, либо ему хотелось некоторым образом расшевелить молодого человека, вызвать его на разговор, и тем самым направить его мысли в иное направление, наверняка, мистическое, как и для пишущей эти строки, так и для их читателя. Что бы ни было на уме у старого профессора, он продолжил говорить с мнимым спокойствием:

— Франц, милый мой мальчик, знаешь, что я тебе скажу? Искусство этого проклятого итальянца неестественно; то есть, оно не зависит ни от обучения, ни от одаренности. Такого нельзя добиться обычным, естественным способом. И не нужно так дико смотреть на меня, мой мальчик, ибо сейчас я говорю то, что думают миллионы людей. Лучше послушай, что я тебя сейчас поведаю, и постарайся понять. Ты слышал странную историю о знаменитом Тартини? Ту самую, которую рассказывают не иначе, как шепотом. Он умер ясной субботней ночью, задушенный своим знакомым демоном, который научил его, как наделить скрипку человеческим голосом, при помощи заклинаний заключив внутри инструмента душу юной девственницы. Паганини же сделал еще больше. Чтобы наделить свою скрипку способностью издавать звуки человеческих голосов, такие, как рыдания, крики отчаяния, мольбы, любовные стоны и яростные вопли... в общем, самые душевраздирающие звуки человеческого голоса, Паганини убил не только жену и любовницу, но и друга, любившего его больше, чем кто-либо другой на земле. Потом из кишок своей последней жертвы изготовил четыре струны для своей волшебной скрипки. Таков секрет его магического таланта, этой всепоглощающей музыки, этих чарующих аккордов, которые тебе никогда не удастся воспроизвести, если не...

Старик не закончил фразу. При виде дьявольского выражения на лице ученика, он отшатнулся назад и закрыл глаза руками.

Франц прерывисто дышал, а его взгляд напоминал Клаусу взгляд гиены. Лицо молодого человека отдавало трупной

бледностью. Некоторое время он молчал и лишь хрипло дышал. Наконец, он с трудом пробормотал:

— Ты говоришь серьезно?

— Да, ибо надеюсь помочь тебе.

— Скажи... а ты и вправду веришь, что, стоит мне лишь раздобыть человеческие кишки для струн, и я смог бы соперничать с Паганини? — спросил Франц после непродолжительной паузы и опустив глаза долу.

Старый немец открыл лицо и с необычной решимостью в голосе ровно ответил:

— Для наших целей недостаточно раздобыть одни лишь человеческие внутренности. Надо, чтобы они принадлежали тому, кто любит тебя больше всех на свете, причем — бескорыстной, святою любовью. Тартини наделил скрипку жизнью девственницы; а она умерла от неразделенной любви к нему. Этот дьявольский музыкант заранее приготовил специальную трубку, при помощи которой ему удалось уловить ее последний вздох, произнесший имя возлюбленного, и только потом он перенес этот вздох в свою скрипку. Что касается Паганини, я только что рассказал тебе его историю. То, что он совершил, было сделано с согласия его жертвы, которую он лишил жизни, дабы завладеть ее внутренностями.

— О, и это ради могущества звучания человеческого голоса! — переведя дыхание, продолжал старик. — Что может сравниться с красноречием, с магическим обаянием человеческого голоса?! Неужели ты думаешь, бедный мой мальчик, что я не научил бы тебя этому великому, решающему секрету, если бы он не швырнул тебя прямо в лапы... в лапы того, кого нельзя по ночам называть по имени? — прибавил он, внезапно охваченный суевериями своей молодости.

Франц не отвечал; и когда в комнатухе воцарилась зловещая тишина, он поднялся, снял со стены скрипку и, одним мощным движением, оборвав на ней струны, разорвал их и швырнул в огонь.

Сэмюэль пронзительно закричал от ужаса. Струны шипели на раскаленных углях и извивались среди обгорелых поленьев, словно живые змеи.

— Клянусь именем фессалийских колдуний и черными искусствами Цирцеи! — воскликнул он, и на губах его появи-

лась пена, а глаза загорелись, как угли. — Клянусь всеми фуриями Ада и самого Плутоса. Клянусь в твоём присутствии, о, Сэмюэль, мой учитель и наставник, что я больше никогда не возьму в руки скрипку до тех пор, пока не натяну на нее четыре струны из сухожилий человека. И пусть я проклят во веки веков, если я это сделаю! — С этими словами он, издав приглушенное рыдание, напоминающее похоронный плач, без чувств повалился на пол. Сэмюэль поднял его на руки, как ребенка, и отнес в кровать. Потом он вышел из дома в поисках врача.

4

Через несколько дней после этой печальной сцены, Франц все еще жестоко болел, находясь почти при смерти. Врач объяснял состояние молодого человека тяжелым воспалением мозга и добавил, что можно опасаться самого худшего. Долгие девять дней больной пребывал в горячке; и Клаус, денно и ночью ухаживающий за ним, как самая нежная мать, постоянно был в ужасе, ибо считал, что случившееся с юношей — дело его рук. Ибо с первого дня их знакомства старый учитель, из-за диких галлюцинаций и фантазий своего ученика, сумел проникнуть в самые темные уголки его причудливой, суеверной, хладнокровной, и в то же время — страстной — натуры; и он трепетал от того, что, наконец, обнаружил. Ибо он познал то, что ему не удалось постичь прежде: Франц, какой он был в реальности, оказался совсем не таким, как выглядел для поверхностных наблюдателей. Для молодого человека музыка была жизнью, а лесь — воздухом, которым он дышал, и без этого его жизнь превращалась в тяжелую ношу; ибо свое существование Стенио черпал только из струн своей скрипки; а аплодисменты людей и даже богов были необходимы для поддержания его жизни. Старый профессор отчетливо осознал, что видел перед собою гениальную, артистическую, земную душу с ее совершенно невидимым божественным двойником; он видел перед собою сына Муз, мечтательного и поэтического, но полностью лишённого сердца. Когда Клаус слушал бредовые и бессвязные фантазии ученика, он чув-

ствовал себя так, будто впервые за свою долгую жизнь изучает какой-то дивный край, где еще не ступала нога человека, что он наблюдает за человеческим существом, явившимся к нему не из этого мира, а с какой-то другой планеты. И, понимая все это, он дрожал от ужаса. И даже несколько раз он спрашивал себя, стоит ли проявлять доброту к этому «мальчику», и не лучше ли просто дать ему умереть, так и не приходя в сознание?

Однако он настолько обожал своего ученика, что не смог долго вынашивать подобные мысли. Франц зачаровал его своей воистину артистической натурой, и теперь старый Клаус ощущал, словно их жизни неразрывно связаны друг с другом. Потому это чувство и стало откровением для старика; так что он решил спасти Франца, даже ценою своей старой, и, как он считал, уже никчемной жизни.

Самый страшный кризис пришелся на седьмой день болезни. Целые сутки больной не смыкал глаз, и ни на секунду не успокаивался; все это время он постоянно бредил. Его видения были удивительными, и каждую минуту он описывал их. Из полумрака темной тесной комнаты медленно выплывала нескончаемая процессия фантастических призрачных силуэтов, и Франц громко приветствовал каждый по имени, как старинных знакомых. Он считал себя Прометеем, привязанным к скале четырьмя крепкими веревками, сделанными из человеческих внутренностей. Черные непроницаемые воды Стикса с грохотом ударялись о подножие скалы в Кавказских горах... Эти воды покинули Аркадию и теперь пытались сокрушить скалу, на которой он страдал.

— Старик, разве ты не знаешь, как называется скала Прометея? — ревел он прямо в ухо своего любящего отца. — Тогда слушай... она называется... она называется Сэмюэль Клаус...

— Да, да... — безутешным голосом шептал старый немец. — И это я убил его, в поисках утешения. — Известие о Паганини вызвали у него такие яркие фантазии! О, бедный, несчастный мальчик!

— Ха-ха-ха-ха! — больной разразился громким, безудержным смехом. — И это говоришь ты, несчастный старик?.. Так, так, как бы то ни было, твое искусство ничтожно! Оно

стало бы великолепным только тогда, когда ты играл бы на прекрасной кремоновской скрипке!..

Клаус вздрагивал, но молчал. Он только склонялся над несчастным одержимым и целовал его в бровь, нежно и ласково, как целует любящая мать, а затем на некоторое время покидал комнату больного, чтобы немного отдохнуть в своей мансарде. Когда он возвращался, бред Франца принимал иную форму. Молодой человек пел, пытаясь подражать звукам скрипки.

С наступлением вечера того же дня горячка больного стала ужасающей. Он видел огненных духов, хватающихся за его скрипку. Их руки, как у скелета, каждый палец которых заканчивался устрашающими когтями, манили к себе старого Сэмюэля... Они протягивались к старому учителю, окружали его со всех сторон, готовясь растерзать его... его, «единственного человека на свете, который любит меня бескорыстной, святою любовью и... и чьи внутренности могли бы оказаться очень кстати!» — продолжал он шептать со сверкающим взором и демоническим смехом...

Однако на следующее утро лихорадка прекратилась, и к концу девятого дня Стенио встал с постели, еще не придя в себя после болезни, и не подозревая, что он позволил Клаусу прочитать его потаенную мысль. Нет; знал ли он об этой ужасной идее, как принести в жертву своего старого учителя ради тщеславия, никогда не покидавшего его разум? Едва ли. Единственным следствием его роковой болезни было то, что по причине его клятвы, его артистическая страсть не смогла найти выхода, зато пробудилась другая страсть, которая, вероятно, и предоставила пищу его тщеславию и ненасытному воображению. Очертя голову, он бросился изучать оккультные искусства, алхимию и черную магию. И, занимаясь магией, молодому мечтателю удалось приглушить голос своего страстного желания к навеки утраченной скрипке. Во всяком случае, он так думал.

Прошли недели, затем месяцы, и между учителем и учеником больше не возникало разговора о Паганини. Однако Францем овладела глубокая меланхолия, поэтому оба редко обменивались словами, а скрипка с оторванными струнами и полная пыли висела на своем обычном месте.

Создавалось впечатление, будто между ними находился бездушный труп.

Молодой человек стал угрюмым и саркастическим, и при этом он избегал любого упоминания о музыке. Однажды, когда старый профессор, после долгих колебаний, вытащил из пыльного футляра свою скрипку и приготовился играть, по телу Франца пробежала судорога. Но он не проронил ни слова. Однако при первых же движениях смычка он побагровел и, как сумасшедший, стремительно выбежал из дома, после чего часами бесцельно бродил по улицам. Тогда старый Сэмюэль отшвырнул свой инструмент и заперся в комнате до наступления утра.

Как-то поздним вечером, когда Франц сидел в кресле и выглядел особенно мрачно, старый профессор внезапно поднялся со своего места и, сильно хромя на одну ногу, отчего очень смахивая на сороку, подошел к ученику и запечатлел на челе молодого человека страстный поцелуй. Затем пронзительным от волнения голосом произнес:

— Не пора ли положить конец всему этому?

И, словно пробудившись от летаргического сна, Франц вторил ему:

— Да, это время настало.

После чего оба разошлись по своим постелям.

Когда Франц проснулся на следующее утро и захотел поприветствовать Клауса, он весьма удивился, не застав старика учителя на его обычном месте. Однако за последние несколько месяцев молодой человек сильно изменился, и сперва он не придал никакого значения отсутствию учителя, что было для того очень необычно. Одевшись, Франц прошел в смежную комнату, разделяющую их спальни и являющую собой небольшой закуток, где они обедали. Огонь в камине не горел с тех пор, как угли погасли в нем предыдущим вечером. К тому же Франц не заметил даже намека на хозяйскую руку профессора, занимающегося всеми делами по дому. Молодой человек был сильно озадачен, но ничуть не встревожился. Франц уселся на свое обычное место у погасшего камина и предался бесцельным мечтаниям. Когда он сладко потянулся, чтобы после сцепить руки за головой, таким образом принимая свою излюбленную позу, он случайно задел рукою за полку, висящую

за его спиной. Рука ударилась об какой-то ящик, который с грохотом свалился на пол.

Это оказался футляр, в котором старый Клаус хранил свою скрипку. Он упал на пол с такой силой, что открылся, и оттуда вывалилась скрипка, которая упала прямо к ногам Франца. Ее струны задели за медную каминную решетку и издали протяжный, печальный и горестный звук, напоминающий плач неуспокоившейся души; казалось, что этот звук наполнил всю комнату и отдался эхом прямо в голове и сердце молодого скрипача. Этот звук оказал на Франца магическое действие.

— Сэмюэль! — вскричал Стенио с выпученными глазами. Страх неведомого внезапно овладел всем его существом. — Сэмюэль! Что случилось? Господи, мой дорогой, старый учитель! — кричал молодой человек, устремляясь к комнате профессора и рывком распахивая дверь.

Ответом ему была одна тишина.

Испугавшись собственного голоса, он попятился. Никто не отвечал на его призывы. Ничего, лишь мертвая тишина... и гробовое спокойствие, обычно предвещающее смерть. В присутствии мертвого тела, лежащего в мрачном упокоении могилы, такое спокойствие обладает загадочной силой, приводящей чувствительную и трепетную душу в невыразимый ужас... Маленькая комната была погружена во тьму, поэтому Франц отворил ставни.

Сэмюэль, холодный, напряженный и безжизненный, лежал на своей кровати... При виде трупа того, кто страстно любил его и был для него больше чем отец, Франц испытал страшное чувство потрясения. Однако тщеславие артиста оказалось сильнее отчаяния человека и за несколько секунд сгладило это чувство.

На столе, неподалеку от трупа лежал конверт, на котором значилось его имя. Франц взял его дрожащей рукой и прочитал следующие строки:

МОЕМУ ЛЮБИМОМУ СЫНУ, ФРАНЦУ,

Когда ты прочитаешь это письмо, я уже совершу величайшую жертву, на которую может пойти только твой лучший

друг и учитель. Я сделал это ради твоей славы. Тот, кто любил тебя больше всех на свете, ныне являет собой бездушный комок глины. От твоего старого учителя не осталось более ничего, кроме комка холодной органической материи. Мне не нужно подсказывать тебе, что следует с этим сделать. И не бойся глупых предубеждений. Это сделано ради твоей будущей славы, и для этого я отдаю свое тело, и с твоей стороны было бы самой черной неблагодарностью не воспользоваться этой жертвой. Когда ты натянешь струны на свою скрипку, эти струны, что являются частью меня, то от прикосновения твоего смычка будешь обладать могуществом проклятого колдуна и всеми волшебными голосами скрипки Паганини. Ты услышишь и мой голос, мои вздохи и стоны, мою приветственную песнь и набожные всхлипывания моих беспредельных и преисполненных печали симпатии и любви к тебе. Главное, никого не бойся, мой милый Франц! Бери инструмент и повсюду следуй за ним — за тем, кто наполнил наши жизни горечью и отчаянием!.. Появляйся во всех концертных залах, где до сих пор царствовал он, будучи непревзойденным и не имея соперника, и храбро бросай перчатку вызова прямо ему в лицо! О, Франц! Стоит тебе только услышать волшебную силу аккордов бескорыстной любви, которые издаст твоя скрипка... Быть может, с последним ласковым прикосновением к ее струнам, ты вспомнишь, что некогда они были частью твоего старого учителя, который сейчас обнимает тебя и благословляет на все времена.

СЭМЮЭЛЬ

Горячие слезы заискрились в глазах Франца, но они быстро высохли. Его охватило неистовое страстное чувство надежды и гордости, эти два светила, озаряющие будущее артиста-волшебника, и на фоне призрачно-прозрачного лица мертвеца глаза Франца засверкали подобно глазам дьявола.

Наше перо отказывается от описания того, что имело место в этот день, когда закончился полицейский осмотр и допрос. В комнате нашлось еще одно письмо, содержание которого полностью удовлетворило власти. Старый учитель настолько любил Франца, что предусмотрительно оставил и другое признание. Поэтому вердикт был таков: «Самоубий-

ство по неизвестным причинам». После чего коронер и полицейские покинули дом, оставив осиротевшего наследника у смертного одра наедине с останками того, что некогда было живым человеком.

Едва день успел смениться ночью, скрипка была уже очищена от пыли, и на нее были натянуты четыре новых крепких струны. Франц не отваживался даже взглянуть на них. Он попробовал сыграть, но смычок дрожал в его руке, как кинжал, зажатый в пальцах разбойника-новичка. Тогда он решил больше не играть до тех пор, пока не наступит тот необычайный вечер, когда ему выпадет возможность соперничать — нет, превзойти Паганини.

Тем временем знаменитый скрипач покинул Париж и давал серию блистательных концертов в старинном фламандском городке в Бельгии.

5

Однажды поздним вечером Паганини, окруженный толпою поклонников, сидел в обеденной зале отеля, где он остановился. Внезапно к нему подошел молодой человек и, пристально взирая на него, протянул ему визитную карточку с несколькими словами, написанными карандашом.

Сосредоточив на незваном визитере взгляд, который могли выдержать лишь немногие, великий скрипач получил в ответ такой же холодный и решительный взгляд и с легким поклоном сухо произнес:

— Сэр, все будет так, как вам угодно. Назовите вечер. Я к вашим услугам.

На следующее утро весь город был изумлен появлением огромного количества афиш, наклеенных чуть ли не на каждом доме, на которых было напечатано весьма необычное объявление:

«Вечером *** в Гранд-Театре города *** впервые на публике появится немецкий скрипач Франц Стенио, прибывший в город специально для того, чтобы бросить вызов известному

на весь мир Паганини и вызвать его на дуэль... на скрипках. Он намеревается соперничать с великим «виртуозом» в исполнении самых сложных из его композиций. Знаменитый Паганини принял вызов. Франц Стенио сыграет, соревнуясь с непревзойденным скрипачом, прославленное «Fantaisie Caprice», сочиненное последним, известное также под названием «Ведьмы».

Это объявление возымело на публику магическое действие. Паганини, который, между своими величайшими триумфами никогда не упустил своей выгоды, удвоил обычную цену на билеты, но даже несмотря на это, театр не смог вместить толпы желающих, купивших билеты на это памятное выступление.

Наконец, наступило утро того дня, когда был должен состояться концерт. Слово «дуэль» не сходило с уст всех жителей городка. Франц Стенио, который всю ночь проходил по комнате взад-вперед, как пантера в клетке, с наступлением утра рухнул в постель от усталости. Постепенно он провалился в беспокойный сон без сновидений. Когда он проснулся, за окном забрезжил серый зимний рассвет, и, решив, что для подъема еще слишком рано, молодой человек снова уснул. И тогда он увидел яркий, живой сон — настолько живой, как будто все происходящее было наяву. Поэтому он подумал, что увиденное им с ужасающим реализмом — скорее видение, нежели сон.

Он оставил скрипку на столике рядом с постелью. Футляр он как всегда запер на ключ, с которым не расставался никогда. С тех пор, как он натянул на нее эти кошмарные струны, он ни разу не упустил футляр из виду. Согласно своему решению, он не брал в руки инструмент до своего первого выступления, и его смычок еще ни разу не касался струн из человеческих кишок, поэтому с того времени Франц всегда упражнялся на другой скрипке. И вот во сне он увидел себя, разглядывающего запертый футляр. Что-то в нем привлекло его внимание, и он почувствовал, что не в силах отвести от футляра взора. Внезапно он заметил, как верхняя крышка футляра медленно приподнимается, и вдруг он уви-

дел, как из образовавшейся щели на него смотрят очень знакомые зеленоватые фосфорические глаза, причем смотрят на него с несказанной любовью, и чуть ли не умоляюще. Потом до не него донесся тонкий пронзительный голос, и этот голос принадлежал Сэмюэлю Клаусу. Он раздавался прямо в ужах Франца, и молодой человек услышал:

— Франц, мой любимый мальчик... Франц, мне нельзя, я не могу, *нет, я не могу* отделиться от... *них!*

А «они» издали жалобный звенящий звук внутри футляра.

Франц стоял, лишившись дара речи, скованный ужасом. Он чувствовал, как кровь замерзает в его жилах, а волосы поднимаются дыбом на голове.

— Это всего лишь сон, пустой, ничего не значащий сон! — попытался он привести в порядок свои мысли.

— Я старался сделать все, что от меня зависит, Франчен... Я пытался отделиться от этих проклятых струн, так, чтобы они не разорвались... — умоляюще стонал тот же пронзительный, до боли знакомый голос. — Ведь ты же поможешь мне это сделать?

И снова из футляра послышался жалобный звон, на это раз более долгий и гнетущий. Теперь он исходил от столика во все стороны, наполненный какой-то неведомой внутренней силой, словно какое-то живое, корчащееся в муках существо; звенящий звук становился все резче и резче с каждым следующим натяжением струн.

Стенио не в первый раз слышал эти звуки. Он часто замечал их и прежде... и, действительно, это стало происходить с тех пор, как он использовал кишки своего учителя в качестве трамплина для собственного тщеславия. Но всякий раз, когда это случалось, и чувство неизбывного страха охватывало все его естество, заставляя его не заглядывать в футляр, чтобы изучить его содержимое, Франц пытался внушить себе, что эти звуки — всего-навсего галлюцинация.

Однако теперь он лицом к лицу столкнулся со зловещим фактом, и он не знал, во сне или наяву все это происходит, поскольку галлюцинация — если это было галлюцинацией — стала гораздо отчетливее и живее, нежели реальность. Он попытался заговорить, сделать шаг вперед; но, как часто происходит в кошмарах, не мог произнести ни слова, как не мог

пошевелить хотя бы пальцем. Он чувствовал себя полностью парализованным.

С каждым мгновением толчки и подергивания становились еще отчаяннее, и, наконец, что-то внутри футляра громко щелкнуло. Стенио увидел свою Страдивари, лишенную волшебных струн, вспыхнувшую прямо у него на глазах, и это видение бросило его в холодный пот. Молодой человек буквально окаменел от тупого невыразимого ужаса.

Он сделал сверхчеловеческое усилие избавиться от кошмарного видения, сковавшего его члены. Но когда последний умоляющий шепот невидимого Присутствия повторил: «О, помоги же мне... помоги мне вырваться...» — Франц одним прыжком подскочил к футляру, подобно тигру, защищающему свою добычу, и одним неистовым усилием преврал колдовские чары.

— Оставь скрипку в покое, ты, старый демон из ада! — кричал он хриплым трепещущим голосом.

С неистовством он захлопнул поднявшуюся крышку, и пока крепко надавливал на нее левой рукой, то правой схватил со стола кусок канифоли и начертил им на обитой кожей крышке шестиконечную звезду: печать, которой пользовался царь Соломон, чтобы закупоривать мятежных джинов в бутылках.

И тотчас же из футляра послышался жалобный стон, напоминающий вой волчицы над своими мертвыми детенышами:

— Ты неблагодарный... очень неблагодарный, мой Франц! — рыдал «голос духа». — Но я прощаю... ибо я по-прежнему страстно люблю тебя. И все-таки, ты не должен запырять меня в... мальчик. Смотри!

И тут совершенно внезапно сероватый туман стал обволакивать запертый футляр и стол; затем он стал подниматься, принимая какую-то расплывчатую форму. Эта форма становилась все больше и больше, и по мере ее уплотнения Франц почувствовал, как постепенно его тело обвивают холодные и влажные кольца, скользкие, как кольца гигантской змеи. С отчаянным криком он очнулся, и что странно, не в постели, а рядом со столом, где он теперь стоял, точно во сне, обеими руками надавливая на крышку футляра.

— В конце концов, это всего лишь сон... — пробормотал он, все еще пребывая в ужасе, но уже не ощущая давления на грудь.

С чудовищным усилием он взял себя в руки и отпер футляр, чтобы посмотреть на скрипку. Он увидел, что она покрыта пылью, но, несмотря на происшедшее с ним, она в целостности и сохранности. И тут он внезапно почувствовал хладнокровие и решимость, каких еще не испытывал ни разу в жизни. Смахнув пыль с инструмента, он осторожно натер смычок канифолью, натянул струны и настроил их. А потом он зашел слишком далеко, отважившись попытаться сыграть первые ноты «Ведьм»; сперва он играл с опаской, затем, окончательно осмелев, провел смычком по струнам в полную силу.

Раздался громкий, одинокий звук, вызывающий, как военная труба конквистадора, и в то же время нежный и величественный, как будто ангел провел пальцами по струнам своей золотой арфы, как воображают это верующие. И этот звук проник в самую душу Франца, с того самого мгновения открывая ему могущество его смычка, о котором он даже не мог подозревать. Комнату наполнили божественные звуки мелодии, постепенно достигшей крещендо. Такой музыки Стенио не слышал до этой ночи ни разу. Начав с непрерывных тонов *legato*,* своими звуками смычок передавал Францу яркую, как солнце, надежду и красоту залитых лунным светом ночей, когда бархатное нежное спокойствие нисходит на каждую травинку, и все создания оживляются и потом успокаиваются от этой песни любви. А спустя несколько мгновений мелодия потекла бурным гармоничным потоком, «настроенным на тихую печаль», способным заставить зарыдать горы, чтобы потом постепенно смягчить...

.....даже неумолимые силы ада, присутствие которого неизбежно ощущалось в этом скромном гостиничном номере. Внезапно торжественная песнь *legato* вопреки всем законам гармонии, затрепетала, и, сначала превратившись в *arpeggio*** и завершилась пронзительными *staccato*,*** будто

---

* Плавно (*итал.*).

** Исполнение звуков аккорда вразбивку (*итал.*).

*** Короткое, отрывистое исполнение звуков; в игре на смычковых исполняется на один смычок вверх или вниз.

громко рассмеялась гиена. И, вновь ощутив наползающий на него ужас, Франц отшвырнул смычок прочь. Он узнал этот знакомый смех, и ему больше не хотелось слышать его. Одевшись, он крепко-накрепко запер заколдованную скрипку в футляр, и вместе с ним вышел в обеденную залу, решив в спокойной обстановке дожидаться часа, на который было назначено выступление.

6

И вот роковой час схватки настал, и Стенио уже был на своем месте, спокойный, рассудительный и хладнокровный. Стороннему наблюдателю могло показаться, что на его губах играет легкая усмешка.

Театр был забит до отказа, и даже яблоку негде было упасть, ибо все места — даже стоячие — были оплачены звонкой монетой или заняты поклонниками Паганини. Единственным способом попасть на концерт были деньги, поэтому золото буквально текло в необъятные карманы Паганини, почти в полной мере удовлетворяя даже его ненасытную, алчную и корыстную душу.

По договоренности, концерт открывал Паганини. Когда он появился на сцене, крепкие стены театра задрожали от громоподобных аплодисментов. Он сыграл полностью, от начала до конца, свою знаменитую композицию «Ведьмы», и завершил ее под бури оваций. Вопли восторженной публики продолжались так долго, что Францу казалось, что его очередь не наступит никогда. Когда же, наконец, Паганини, оглушенный криками восторга и аплодисментами неистовавшей публики, уходил за кулисы, он краем глаза посмотрел на Стенио, настраивавшего свою скрипку. Маэстро поразило суровое спокойствие и уверенный вид неизвестного немецкого музыканта.

Когда Франц появился при свете рампы, аудитория приняла его с ледяной неприязнью. Однако он не испытывал ни малейшего смущения. Его лицо было бледно, а в ответ на это пассивное неприятие на тонких губах играла презрительная усмешка.

При первых же аккордах прелюдии к «Ведьмам» слушатели ощутили трепет изумления. Это были не просто звуки, издаваемые до того смычком Паганини, а нечто большее. Коекому — а таких людей было большинство — показалось, что даже на вершине вдохновения великий итальянец еще ни разу не исполнял эту дьявольскую композицию с такой исключительной демонической силой. Под нажатием тонких крепких пальцев Франца струны трепетали, подобно пульсации кишок несчастной жертвы, выпотрошенной ножом вивисектора. Они мелодично стенали, как умирающее дитя. Огромные синие глаза музыканта, с сатанинским выражением сосредоточенные на скрипке, казалось, вызывали самого Орфея из глубин ада, и именно они, а не звуки, извлекаемые скрипкой. Создавалось впечатление, что сами звуки превращаются в материальные формы, гулко и стремительно собираясь воедино, когда могущественный чародей призывает их к себе, и они обволакивают его, подобно фантастическим призракам, преображаясь в inferнальные фигуры, танцующие «козлиную пляску» ведьм. За спиной артиста, в пустой и темной задней части сцены, словно бы разворачивалась жуткая фантазмагория, вызванная неземными звуками: казалось, что где-то во мраке образуются сцены бесстыдной оргии под сладострастные песни самого настоящего шабаша ведьм... Слушателей охватила коллективная галлюцинация. Тяжело дыша, люди сидели и стояли, обливаясь холодным потом и дрожа от невыразимого ужаса, неспособные сделать ни малейшего движения, чтобы прервать эту колдовскую музыку. Они испытывали на себе все недозволенные разгульные наслаждения мусульманского рая, что часто случается в фантазиях курильщиков опиума, и в то же время все ощущали беспредельный ужас и агонию тщетно борющегося с белой горячкой... Многие дамы пронзительно кричали, некоторые падали в обморок, а сильные мужчины в полной беспомощности скрежетали зубами...

Затем наступил *финал*. Но наступил он не сразу — был отсрочен почти на четверть часа громоподобными аплодисментами. Повсюду раздавалось неистовое «браво», люди исходились в истерике. Наконец, отвесив последний глубокий поклон, Стенио, с губ которого не сходила сардоническая победоносная усмешка, снова поднял смычок, чтобы обрушить

на публику знаменитый финал. При этом он смотрел на Паганини, который молчаливо восседал в администраторской ложе, так ни разу и не сдвинув ладоши для одобрительных хлопков. Прищуренные пронзительные черные глаза генуэзца были устремлены на скрипку Страдивари в руках Франца, а сам Паганини казался совершенно спокойным и равнодушным. На какое-то мгновение лицо соперника встревожило Стенио, но Франц тотчас же вновь обрел самообладание и, снова подняв смычок, сыграл первую ноту.

И тут восторг присутствующих достиг своего апогея, а очень скоро вообще не имел предела. То, что люди услышали, было невероятным. В воздухе словно бы раздавались голоса ведьм, но всех их перекрывал:

Звук, который не издает ни один человек
Он похож на лай собак и вой волков,
На печальный вздох ночной совы,
На шипение змеи; на рев льва, исходящего слюной...
Он похож на шум волны, бьющейся о брег,
Стоны ветра посреди лесных деревьев,
Грохот грома с помрачневших облаков,
Все это в нем одном...

Волшебный смычок выводил последние трепетные звуки, и мастерство Франца не знало себе равных. Скрипка передавала полет ведьм перед рассветом, этих нечестивых женщин, пропитанных гнусными испарениями своих ночных празднеств; как вдруг... на сцене произошло нечто очень странное. Ноты вдруг, без перехода, изменились. Они то вышались, то низвергались, и мелодия неожиданно изменила характер. Звуки смешались, начали спотыкаться, разрываться — а потом...

Всем показалось, что это исходило из корпуса скрипки, откуда внезапно вырвались проклятия, нестройные шумные возгласы, и вдруг прозвучал писклявый старческий голос, очень смахивающий на крик уличного Петрушки:

— Ну как, Франц, ты доволен, мой мальчик?.. Разве я не сдержал своего обещания, да еще с таким великолепием? Э?

Чары мгновенно рассеялись. Хотя многие из присутствующих не осознали до конца происходящее, те, кто услыша-

ли голос, похожий на крик Петрушки, моментально избавились от ужасающего очарования, под которым пребывали доселе. Раздался громкий смех, язвительные восклицания, смешанные с гневом и раздражением. И теперь возмущенные крики неслись из всех уголков театра. Оркестранты, аккомпанирующие Францу, сидели в яме с побледневшими лицами от жуткого впечатления, произведенного на них чудодейственной музыкой, но и они постепенно приходили в себя и начинали трястись от хохота; а спустя несколько минут вся аудитория, как один человек, поднялась со своих мест, так и неспособные разгадать загадку; однако они ощущали неприязнь и раздражение. И поэтому никто не выразил желания остаться в театре.

Но вдруг всё море голов в партере и оркестровой яме снова застыло на месте, и все будто окаменели, словно пораженные молнией. То, что увидели слушатели, было воистину ужасно: красивое, хотя и безумное лицо молодого музыканта внезапно постарело, а его стройная, изящная фигура сгорбилась, будто под воздействием прожитых лет; но и это было ничто по сравнению с тем, что отчетливо увидели самые восприимчивые из зрителей. Ибо в эти мгновения фигуру Франца Стенио полностью заволокло полупрозрачным туманом, напоминающим облако, который обволакивал его змеей, постепенно сгущаясь вокруг живого человека, словно готовясь поглотить его. И все разглядели в этом высоком столбе дыма отчетливо проглядывающие очертания фигуры, нелепой и усмехающейся, в которой безошибочно распознали ужасно выглядящего старика, из разверстого живота которого вываливались кишки, а их концы были натянуты на скрипку.

И сквозь расплывчатую, дрожащую пелену все увидели скрипача, неистово водящего смычком по струнам из человеческих кишок. При этом он извивался, подобно демону, каких мы часто видим на изображениях в кафедральных соборах!

Аудитория овладела неопишуемая паника, и люди сорвались со своих мест, несмотря на чары, все еще сковывающие их. Все люди, находящиеся в театре, очертя головы, устремились к выходу. Но тут раздался грохот, напоминающий вне-

запно прорвавшуюся плотину, и среди громких воплей ужаса, пронзительных криков и жалобных стонов послышался еще один звук, громкий, как пистолетный выстрел. Это одна за другой разрывались струны, натянутые на гриф заколдованной скрипки.

Когда театр опустел, его управляющий в ужасе выбежал на сцену в поисках несчастного исполнителя. Он обнаружил Стенио мертвым, лежащим в неестественной позе за рампой. Его тело все изогнулось от нечеловеческих мук, а шею сдавливали «кишечные струны». Рядом валялась расколовшаяся на тысячи осколков скрипка...

Когда всем жителям города стало известно, что несчастный претендент на соперничество с Никколо Паганини не оставил ни цента на свои похороны и даже не смог оплатить счет в отеле, великий гезуэец, несмотря на свою скупость, вошедшую в поговорку, оплатил счет в гостинице и похоронил беднягу Стенио за свой счет.

Но за это он потребовал остатки скрипки Страдивари, как память о необычайном событии.

МОЛЧАЛИВЫЙ БРАТ

Рассказано графом Е.....А....., F.T.S.

[Авторство этой необычной истории сомнительно, но она очень похожа на другие истории, написанные Е.П.Б. совместно с адептом, известным как Илларион Смердис, такие, например, как «Одушевленная скрипка» или «Неразгаданная тайна».

Инициалы Е.А. очень легко приписать Эндрейнеку Агарди, ученику Мастера М. и F.T.S. благодаря объяснению Е.П.Б. См. в этой связи замечания Составителя по окончании истории «Неразгаданная тайна». — *Составитель.*]

Необычную историю поведал мне один из ее главных героев. Ее достоверность не вызывает сомнений, хотя человек скептический может не поверить некоторым деталям этого повествования, — и на то есть три разумные причины: (а) эти обстоятельства были хорошо известны в Палермо, и этот инцидент все еще могут припомнить небольшое количество старейших жителей; (b) потрясение, вызванное этим ужасным происшествием у рассказчика, было настолько сильным, что волосы этого молодого в то время, двадцати шести лет, человека за одну ночь стали седыми как снег, и на последующие полгода он стал буйнопомешанным; (с) имеется официальный доклад о признании преступника на смертном одре, и свидетельство об этом можно обнаружить в семейной хронике князя де R.....V..... По крайней мере, у меня не осталось сомнений в подлинности этой истории.

Глауэрбах страстно почитал оккультные науки. Некоторое время его единственной целью было стать учеником жившего тогда в Париже знаменитого Калиостро, привлекавшего там к себе всеобщее внимание; но таинственный граф очень скоро заявил, что не хочет иметь с ним ничего общего. Почему Калиостро отказался принять в качестве ученика молодого человека из хорошей семьи и к тому же очень умного, было секретом, который Глауэрбах — поведавший эту историю — так никогда и не сумел понять. Достаточно сказать, что все, чего он мог добиться от «Великого Копта», это — обучить его

до определенной степени: как узнать о тайных мыслях людей, с которыми он общается, заставляя их высказывать подобные мысли вслух, не подозревая о том, что их губы издают какие-либо звуки. Но ему не удалось практически овладеть даже этой сравнительно легкой магнетической фазой оккультной науки.

В то время Калиостро и его таинственные способности были у всех на языке. Париж испытывал сильнейшую лихорадку насчет того, что касалось Калиостро. При дворе, в обществе, в парламенте, в академии говорили только о Калиостро. О нем рассказывали самые невероятные истории, и чем невероятнее были эти истории, тем охотнее в них верил народ. Поговаривали, что Калиостро при помощи своих магических зеркал предсказывает картины будущих событий некоторым из самых блестящих государственных деятелей Франции, и что все эти события непременно сбудутся. Король и королевская семья принадлежали к числу тех, кому было дозволено увидеть неизведанное. «Волшебник» вызывал тени Клеопатры и Юлия Цезаря, Магомета и Нерона; Чингисхан и Карл Пятый беседовали с министром полиции; и внешне набожный, но втайне скептический христианский архиепископ, выказав желание развеять свои сомнения, призвал одного из богов — но тот не явился, ибо никогда не существовал во плоти и крови. Мармонтель выразил желание встретиться с Велизарием и, увидев великого воина, вышедшего из земли, упал без чувств.¹ Молодой, бесстрашный и дерзкий Глауэрбах, понимая, что Калиостро никогда не поделится с ним большим, чем несколькими крупинками своего великого знания, двинулся в ином направлении и, наконец, смог найти лишенного духовного сана аббата, который за некоторое вознаграждение взялся научить его всему, что он знал. И за несколько месяцев (?) Глауэрбах овладел сверхъестественными тайнами черной и белой магии, т. е. искусства умело одурачивать глупцов. Так-

---

¹ Ссылка на Жана Франсуа Мармонтеля (1723-99), французского писателя, историографа Франции и секретаря Академии. В 1767 году он опубликовал роман «Велизарий», который подвергся цензуре Сорбонны и архиепископа Парижа в части, посвященной религиозной терпимости. — *Составитель.*

же он посетил Месмера и его ясновидящих, которых в то время стало очень много. Злополучное французское общество 1785 года чувствовало приближение своего рока; оно страдало от хандры и жадно хваталось за все, что угодно, что могло бы привести к перемене, убившей пресыщение, вызывающее ледяную монотонность. В результате оно стало скептическим настолько, что от неверия ни во что пришло к вере во все, что угодно. Глауэрбах, под опытным руководством своего аббата, начал упражняться на человеческой доверчивости. Но не пробыл он в Париже и восьми месяцев, как полиция потечески посоветовала ему уехать за границу — ради собственного благополучия. И все же, столица Франции была весьма удобна для знатоков шарлатанства, но менее всего удобна для начинающих. Так что он покинул Париж и через Марсель прибыл в Палермо.

В этом городе образованный ученик аббата познакомился и заключил дружбу с маркизом Гектором, младшим сыном князя R.....V....., одним из богатейших и благородных сицилийских вельмож. Тремя годами раньше на это семейство обрушилась великая беда. Старший брат Гектора, герцог Альфонсо, исчез, не оставив никаких шансов на поиски, и старый князь, наполовину убитый отчаяньем, покинул суету мира, уединившись в своей прекрасной вилле в окрестностях Палермо, где вел жизнь затворника.

Молодой маркиз умирал от *ennui*.¹ Понятия не имея, чем ему заняться, он под руководством Глауэрбаха начал изучать магию, или по меньшей мере то, что преподносилось под этим названием умнейшим немцем. Профессор и ученик стали неразлучны.

Поскольку Гектор был вторым сыном князя, то ввиду наличия старшего брата у него не было иного выбора, кроме вступления в армию или церковь. Все состояние семьи переходило в руки герцога Альфонсо R.....V....., который, помимо всего прочего, обручился с Бьянкой Альфррьери, богатой сиротой, уже в десять лет ставшей наследницей огромного состояния. Этот брак объединял богатства домов R.....V..... и Альфррьери, и так было договорено, когда Альфонсо и Бьян-

---

¹ Скука, тоска (*фр.*).

ка были просто детьми и даже не подозревали, что когда-нибудь понравятся друг другу. Тем не менее судьба решила, что будет так, и между молодыми людьми возникла страстная и взаимная привязанность.

Поскольку Альфонсо был слишком юн, чтобы жениться, его послали в путешествие, и он отсутствовал больше четырех лет. По возвращении были сделаны все приготовления для брачной церемонии, которую старый князь решил сделать одним из памятных событий Сицилии. Все планировалось с широчайшим размахом. Два месяца заблаговременно собирались самые богатые и благородные жители страны, и им оказывали воистину королевское гостеприимство в фамильном особняке, занимающем целый квартал старого города, и все они были более или менее дальними родственниками семьи R.....V..... или семьи Альфьери: второго, четвертого, двадцатого или шестидесятого колена родства. По местному обычаю, прибыло множество неприглашенных голодных поэтов и *импровизаторов*, чтобы воспеть красоту и добродетели новобрачных, Ливорно прислал судно с венками цветов, а Рим — благословение от самого Папы. Прибывали толпы любопытных из самых разных стран, чтобы стать свидетелями свадебной процессии, а также уйма карманников, готовых применить свои профессиональные навыки при первой же благоприятной возможности.

Свадебную церемонию назначили на среду. А во вторник жених бесследно исчез. Была поднята на ноги полиция всей области, Увы, бесполезно! На несколько дней Альфонсо выехал из города в Монте-Кавалли, где находилась его любимая вилла — чтобы лично наблюдать за приготовлениями для приема своей любимой жены, медовый месяц с которой он собирался провести в этом очаровательном городке. Во вторник вечером он отправился туда один, как обычно верхом, чтобы пораньше вернуться домой на следующее утро. Около десяти часов вечера его повстречали и поприветствовали два *contadini*. Они были последними, кто видели молодого герцога.

Позднее выяснилось, что той ночью в водах Палермо проследовало пиратское судно; что корсары появлялись на берегу, чтобы увести нескольких сицилийских женщин. В конце

прошлого века сицилийские дамы считались весьма дорогим товаром и очень высоко ценились на рынках Смирны, Константинополя и Берберийском берегу: богатые паши платили за них колоссальные суммы. Кроме того, красивых сицилиек пираты частенько увозили, чтобы получить выкуп от богачей. Бедняги мужчины, когда попадали в руки к пиратам, делили судьбу с рабочим крупным рогатым скотом, и их часто пороли кнутами. Все в Палермо уверились, что молодой Альфонсо был увезен пиратами; и это было не так уж невероятно. Высокоставленный адмирал сицилийских военно-морских сил немедленно снарядил за пиратами четыре судна, славившихся своей быстроходностью. Старый князь сулил золотые горы тому, кто вернет ему сына и наследника. Как только эта небольшая эскадра была готова к отплытию, она, расправив паруса, исчезла на горизонте. На одном из кораблей находился Гектор R.....V.....

До наступления вечера наблюдатели, находящиеся на палубе, так ничего и не заметили. Потом подул свежий бриз, и около полуночи он превратился в ураган. Одно из судов тотчас же вернулось в порт, два других шли до наступления бури, и так ничего больше не узнали, а одно судно, на котором находился молодой Гектор, достигло два дня спустя Трапани, сильно пострадавшее и без оснастки. За ночь до этого наблюдатели с башни одного из маяков видели очень далеко двухмачтовое судно, которое без мачт, парусов и флагов отчаянно моталось по волнам разгневанного моря. Решили, что это и было то самое пиратское судно. Оно затонуло где-то в пределах прямой видимости, поэтому распространилось мнение, что все до последнего человека погибли.

Несмотря на это, старый князь отправил эмиссаров во все стороны — к Алжиру, Тунису, Марокко, Триполи и Константинополю. Но так и не удалось ничего найти; и когда Глауэрбах прибыл в Палермо, со времени тех событий минуло уже три года.

Князя, хотя он и потерял сына, отнюдь не собирався упускать состояние Альфрери по обусловленному договору. И он решил выдать за Бьянку своего второго сына, Гектора. Но прекрасная Бьянка залилась горькими слезами. Ничто не

могло ее утешить. Она категорически отказывалась и заявила, что останется навсегда верной Альфонсо.

Гектор вел себя как истинный рыцарь. «Зачем делать Бьянку еще более несчастной, досаждая ей своими мольбами? Может быть, мой брат еще жив, — говорил он. — Как же я тогда могу ввиду такой неизвестности отнять у Альфонсо, который может вдруг возвратиться, его самое дорогое сокровище, ту, которая ему дороже самой жизни?»

Тронутая таким проявлением благородных чувств, Бьянка стала менее безразличной к брату ее Альфонсо. Старик же не терял всех надежд. Кроме того, Бьянка была женщиной; а женщин на Сицилии, как и повсюду, всегда недоставало. Наконец, она пообещала, если она когда-нибудь получит четкое подтверждение гибели Альфонсо, то выйдет замуж за его брата, или — ни за кого. Таково было положение дел, когда Глауэрбах — похваляющийся, что обладает силой воскрешать тени умерших, — появился на княжеской, ныне скорбной и заброшенной вилле R.....V..... Не прошло и двух недель, как он стал окружен всеобщими любовью и восхищением. Таинственные и оккультные действия, общение с миром неведомого в целом, этой «безмолвной страной», вызывали у всех очарование, и особенно у пораженного горем. Однажды старый князь решился и попросил ловкого и искусного немца разрешить его страшные сомнения. Мертв Альфонсо или жив? Вот в чем вопрос. После нескольких минут раздумья Глауэрбах ответил так: «Князь, ведь то, о чем вы меня просите, очень важно для вас... Да, это истинная правда. Если вашего несчастного сына больше нет, может, мне удастся вызвать его призрак; но не станет ли это для вас сильнейшим потрясением? И согласятся ли на это ваш сын, мой ученик, и очаровательная графиня Бьянка?»

«Нет ничего более жестокого, чем неизвестность», — отвечал старый князь. И таким образом порешили устроить через неделю вызывание призрака. Когда Бьянка узнала об этом, она тотчас же лишилась чувств. Ее привели в себя при помощи многочисленных восстановительных лекарств, и затем любопытство взяло верх над ее колебаниями. Как и все женщины, она была дочерью Евы. Сам же Гектор старался сопротивляться тому, что считал святотатством. Он не желал

тревожить останки дорогого усопшего; и сначала он сказал, что если его любимый брат действительно мертв, ему бы не хотелось знать об этом. Но наконец усиливающаяся любовь к Бьянке и желание успокоить отца возобладали над ним, и он тоже согласился.

Неделя, что потребовалась Глауэрбаху для приготовлений и очищения, показалась всем троим целым веком. Еще день, и они бы сошли с ума. Но некромант и раньше не терял времени. Догадываясь, что однажды от него потребуют такого, он заранее собрал самые подробные сведения об особенностях усопшего Альфонсо и очень тщательно изучил его портрет в натуральную величину, висевший в спальне старого князя. Этого было вполне достаточно для его цели. Чтобы придать всему этому торжественность, он наложил на княжескую семью строгий пост и молитвы, денно и нощно, на протяжении целой недели. Наконец настал долгожданный час, и князь в сопровождении сына и Бьянки вошел в апартаменты некроманта. Глауэрбах выглядел бледным и торжественным, но невозмутимым. Бьянка дрожала с ног до головы и держала наготове флакончик с ароматической солью. Князь с Гектором напминали преступников, которых вели на казнь. Огромную залу освещала всего лишь единственная лампа, и даже этот тусклый свет внезапно оказался потушен. Среди непроглядной тьмы был слышен голос чародея, произносивший на латыни короткие каббалистические формулы, и наконец он приказал появиться призраку Альфонсо — если тот и в самом деле находился в стране теней. Внезапно тьма в самом отдаленном углу залы стала озаряться слабым голубоватым сиянием, которое постепенно явило взгляду собравшихся большое магическое зеркало, казалось, скрытое непроглядным туманом. Этот туман постепенно рассеялся, и наконец перед взорами присутствующих появилось очертание лежащего ничком человека. Это был Альфонсо! Он был одет так же, как и в вечер своего исчезновения; тяжелые цепи сковывали его руки, а он лежал на берегу моря мертвый. С его длинных волос и разорванной, окровавленной одежды стекала вода; затем огромная волна подхватила его, и вдруг все исчезло.

После этого ужасного зрелища воцарилась мертвая тишина. Присутствующие, сильно дрожа, пытались задержать ды-

хание; а потом все снова погрузилось во тьму, и Бьянка, издав жалобный, еле слышный стон, упала без чувств в объятия своего опекуна.

Потрясение было слишком сильным. Молодая девушка непрерывно бредила и несколько недель находилась между жизнью и смертью. Князь чувствовал себя немногим лучше; а Гектор не покидал своей комнаты две недели. Не оставалось никаких сомнений, что Альфонсо мертв и утонул. Стены виллы занавесили черными покрывалами с вышитыми серебром слезами. Трое суток колокола большинства палермских церквей звонили по несчастной жертве пиратов и моря. Внутри кафедрального собора также все было занавешено черным бархатом с пола до купола. Две тысячи пятьсот огромных свечей мерцали вокруг катафалка; и полтора месяца кардинал Оттобони, при помощи пяти священников, ежедневно отправлял службу по усопшему. Четыре тысячи дукатов были распределены в качестве милостыни для бедняков у портала собора, а Глауэрбах, облаченный в черную мантию, как и все из семьи князя, представлял ее отсутствующих членов во время погребальных обрядов. Его глаза были красными, и когда он прикрывал их надушенным носовым платком, те, кто находился рядом с ним, слышали его конвульсивные рыдания. Никогда раньше святотатственная комедия не бывала разыграна лучше.

Вскоре после этого в церкви Св. Розалии в память об Альфонсо был поставлен величественный монумент из чистого каррарского мрамора, выполненный в виде двух аллегорических фигур. По распоряжению старого князя на саркофаге вырезали высокопарные надписи на греческом и латинском языках.

По прошествии трех месяцев начали ползти слухи, что Бьянка выходит замуж за Гектора. Глауэрбах, который в это время путешествовал по Италии, возвратился в Монте-Кавалли в преддверии свадьбы. Он повсюду демонстрировал свою неромантическую силу, и «святая» инквизиция шла по его пятам. Он чувствовал себя в полной безопасности только в убежище княжеской семьи, где его обожали и считали полубогом.

На следующее утро огромное количество гостей собралось в часовне, которая сверкала золотом и серебром и была

разукрашена, как для королевской свадьбы. Каким счастливым выглядел жених! Старый князь плакал от радости, а Глауэрбаху выпала честь стать шафером Гектора.

В саду расставили огромные банкетные столы, за которыми сидели вассалы обеих семей. Празднества Гаргантюа были менее богаты, чем этот праздник. Из пятидесяти фонтанов вместо воды било вино; но ближе к закату уже никто пить не мог, ибо, к несчастью, человеческая жажда не беспредельна. Рядом со столами бегали собаки, которым бросали жареных фазанов и куропаток, и те тоже оставались нетронутыми, поскольку даже собаки наелись по самые глотки.

Внезапно среди веселой и яркой толпы появился новый гость, привлекий к себе всеобщее внимание. Им оказался человек тощий, как скелет, очень высокий, одетый в платье католического ордена кающихся грешников или «молчаливых братьев», как их называли в народе. Это одежда состояла из длинного ниспадающего серого шерстяного одеяния, подпоясанного веревкой, с обоих концов которой свисали человеческие кости, и остроконечного капюшона, полностью закрывающего его лицо, не считая двух отверстий для глаз. В Италии среди многочисленных монашеских орденов кающихся грешников — черных, серых, красных и белых — ни один не внушал такого ужаса, как этот. Кроме того, никто не имел права заговаривать с таким человеком, когда капюшон закрывал его лицо; сам же он не только имел полное право, но и был обязан оставаться совершенно неизвестным.

Таким образом, никто не заговорил с этим таинственным братом, так неожиданно появившемся на свадебном торжестве, хотя он, казалось, следовал за парой новобрачных, словно был их тенью. Всякий раз, глядя на него, Гектор с Бьянкой внутренне содрогались.

Солнце село, и старый князь в сопровождении своих детей собрался в последний раз обойти все банкетные столы, стоящие в саду. Остановившись у одного из них, он поднял кубок с вином и воскликнул: «Друзья мои, давайте выпьем за здоровье Гектора и его жены Бьянки!» Но именно в это мгновение кто-то схватил его за руку и остановил ее. Этим человеком оказался одетый в серое «молчаливый брат». Поспешно подойдя к столу, он тоже поднял кубок.

— Скажи, старик, разве нет еще одного человека, кроме Гектора и Бьянки, за чье здоровье ты бы предложил выпить? — спросил он глубоким, гортанным голосом. — Где же твой сын Альфонсо?

— Разве ты не знаешь, что он умер? — печально ответил князь.

— Да!.. умер... умер! — повторил за ним монах. — Но если бы он снова услышал тот голос, который слышал в момент ужасной смерти, то, как мне кажется, мог бы ответить... да... из самой могилы... Старик, призови сюда твоего сына Гектора!..

— О, благословенный Боже! Что ты... Что ты имеешь в виду? — воскликнул князь, побледневший от невыразимого ужаса. Это было проще вообразить, чем описать.

Бьянка была готова упасть в обморок. Гектор, ставший более серым, чем отец, едва держался на ногах, и непременно упал бы, если бы его не поддержал Глауэрбах.

— Во имя памяти Альфонсо! — медленно произнес тот же самый замогильный голос. — Пусть все повторяют за мной! Гектор, герцог R.....V..... Предлагаю тебе рассказать им!..

Гектор сделал отчаянное усилие и, вытерев трясущиеся губы, попытался открыть их. Но его язык присох к нёбу, и ему не удалось произнести ни звука. Все пристально смотрели на молодого человека. Он был бледен как смерть, а во рту появилась пена. Наконец, после сверхчеловеческой борьбы со своей слабостью, он заикаясь вымолвил:

— Памяти Альфонсо!

— *Это голос моего уби-й-цы!*.. — воскликнул монах глубоким, но отчетливым голосом.

И с этими словами он откинул капюшон, рывком открыл одеяние, и перед взорами испуганных гостей появилась *мертвая* фигура Альфонсо с четырьмя глубокими рваными ранами на груди, из которых лилось четыре потока крови!

Под крики ужаса и возгласы испуга присутствующих сад опустел; вся толпа, опрокидывая столы, устремилась прочь от смерти... Но намного удивительнее этого было то, что Глауэрбах, несмотря на его близкое знакомство с мертвецами, сильнее всех ударился в панику. Увидев настоящий призрак, некрома́нт, который вызывал мертвецов когда угодно и беседовал

с ними, как с живыми людьми, рухнул без чувств на цветочную клумбу, а позже этой ночью стал совершенно безумным и таким им в течение долгих месяцев.

Только спустя полгода он узнал, что произошло после этого ужасного инцидента. Произнеся эти слова, монах исчез у всех на глазах, а Гектора отнесли в его в комнату в жестоких конвульсиях, где через час, после того как к его кровати призывали исповедника, он заставил его записать признание и, подписавшись, принял из тайника в перстне с печаткой яд, прежде чем кто-либо сумел остановить его. От этого он почти сразу скончался. Через две недели старый князь последовал за ним в могилу, оставив все свое состояние Бьянке. Но несчастная девушка, чья еще совсем молодая жизнь оказалась сокрушена двумя ужасающими трагедиями, нашла себе убежище в монастыре, и ее огромное богатство перешло в руки иезуитов. Ведомая своими видениями, она избрала отдаленный и уединенный уголок в огромном саду Монте-Кавалли для постройки величественной часовни, которую она воздвигла как испуительный памятник того ужасного преступления, положившего конец старинному роду князей R.....V..... Рабочие, выкапывая котлован для фундамента, обнаружили старый высохший колодец, а в нем — скелет Альфонсо с четырьмя колотыми ранами на его наполовину разложившейся груди и обручальным кольцом Бьянки на пальце.

Сцена, подобная происшедшей в день свадьбы, способна поколебать самого непримиримого скептика. Оправившись от болезни, Глауэрбах навсегда покинул Италию и вернулся в Вену, где сперва ни один из его друзей не узнавал в этом дряхлом седом старике молодого человека, которому едва минуло двадцать шесть лет. Он навсегда перестал вызывать духов и заниматься шарлатанством, с этого времени стал твердо верить в воскрешение человеческой души и в оккультные силы. Скончался он в 1841 году, честным исправившимся человеком, и очень редко рассказывал об этой жуткой истории. Однако в последние годы жизни случилось так, что некая личность, завоевавшая его полное доверие благодаря услугам, оказывая ему всяческую помощь, узнала от него все подробности этого мнимого видения и настоящей трагедии семьи R.....V.....

ДОПОЛНЕНИЯ К ИСТОРИИ «НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА»

[В «*Spiritual Scientist*» за 2 декабря 1875 г., с. 151, было опубликовано следующее издательское замечание:]

«НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА»

«Это интересная история, ваша статья в сегодняшнем «*Scientist*». Однако являет она собой отчет о фактах или это — игра воображения? Если это правда, почему не указан источник; иными словами, отвечаете ли вы за это своим авторитетом?»

Сверху не было никакой подписи, но мы воспользуемся возможностью сказать, что история под названием «Неразгаданная тайна» была опубликована потому, что мы задумались над главными местами этого повествования — пророчество и необычная смерть офицера, — и этот феномен можно назвать психическим, как и было на самом деле, и такое может произойти снова. Возможно ли подобное воздействие? Писание рассказывает нам о смерти Анании от строжайшего выговора Петра; здесь же мы встречаемся с феноменом очень похожей природы. Предполагается, что Анания мгновенно умер от страха. Некоторые умеют осознавать свою силу, управляемую духовными законами; но те, кто переходит пограничную линию и ЗНАЕТ кое-что о вещах, которые НЕЛЬЗЯ совершать, не увидит в этом великой тайны, как и в истории, опубликованной на прошлой неделе. Мы не рассказываем об этом в мистических тонах. Спросите могущественного месмериста, существует ли опасность того, что субъект может выйти из-под контроля? И способен ли он лишиться духа и никогда не вернуться? Такое вполне возможно на сеансе, и месмерист может воздействовать на субъект с расстояния многих миль; и не менее бесспорно, что большинство месмеристов очень мало знают — или даже вообще ничего — о законах, управляющих этими силами.

Это мог бы быть приятный сон, в котором человек пытается постичь красоты духовного мира; но лучше потратить

время с большей пользой, чтобы изучить сам дух, а если необходимо, то субъект для изучения духовного мира найдется всегда.

[В этом же самом номере «*Spiritual Scientist*», с. 147, опубликовано следующее письмо к Издателю, которое проливает дополнительный свет на эту необычную историю]:

«НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА»

Издателю «*Spiritual Scientist*»,

Сэр!

Мне полностью известен источник, откуда появились первоначальные факты, вошедшие в эту исключительно интересную историю, озаглавленную «Неразгаданная тайна», что опубликована в № 12, томе III вашего издания. Во время описываемых событий сам я находился в Париже и лично был свидетелем великолепного впечатления, производимого персонажем, фигурирующим в рассказе как М. де Ласса. Мое внимание тогда было приковано к теме оккультизма, встречавшего сердечное радушие всех посвященных, среди которых я проводил досуг — чтобы не указывать прямо, был ли я включен в их число или нет.

Вы представили американской публике номер журнала, наполненный битком сведениями о психических феноменах, преподнося в интересе к романтике самые восхитительные впечатления нынешнего спиритизма; и задолго до этого ваше издание цитировалось во всем мире, как главное хранилище этих феноменов. И это несмотря на то, что многочисленные авторы наших современных журналов недавно радовались предполагаемому крушению вашей русской приятельницы — мадам Блаватской, хотя даже Президент Философской Академии воспринимал это только со смехом и советовал, чтобы они не слишком торопились печатать об этом. В том же номере журнала, в котором содержится история де Лассы, находилась статья, озаглавленная «Оккультная философия», излагающая предположение, что материализовавшиеся духовные формы, которые доводится наблюдать — всего лишь симуля-

кры усопших людей, похожие на своих личностей, но не являющиеся настоящими духами, не более, чем фотографии в альбоме — натуральной природой.

Среди известных людей, с которыми я познакомился в Париже в то особенное время, был знаменитый граф д'Орч, бодрый почтенный джентльмен около девяносто лет от роду. Его благородные родители окончили жизнь на виселице в Царстве Трора, и события той кровавой эпохи навсегда отложились в его памяти. Он был знаком с Калиостро и его женой, и даже имел портрет этой дамы, чья красота поражала королевские дворы Европы. Однажды он, задыхаясь, прибежал в апартаменты одного дворянина, живущего на Елисейских полях, держа в руке эту миниатюру, и возбужденно воскликнул: «Боже мой! — она вернулась — это она! Мадам Калиостро здесь!» Я улыбнулся на такое возбуждение старого графа, отлично зная, о чем он собирается сказать. Успокоившись, он поведал нам, что только что присутствовал на сеансе М. де Ласса и узнал в его жене оригинал этой миниатюры, которую он показал, прибавив при этом, что получил ее во владение вместе с другими предметами, оставшимися ему от замученного отца. Некоторые из фактов, сообщенным мне о де Ласса, оказались ложными, но я сейчас не буду этого касаться.

Я понимаю, что первый толчок шутливой критике оккультизма дала моя дерзкая улыбка, но возможно, красавица мадам де Ласса в 1861 году действительно была той же самой, что в 1786 году была известна как красавица мадам Калиостро; и далее можно предположить, хотя это кажется невозможным, что владелец хрустального шара и шелкающего телеграфа, который так действовал на нервы Делессеру, полицейскому шпику, был тем же лицом, что известно под именем Алессандро Калиостро, о котором его лживые биографы сообщили, что он обнаружен мертвым в тюрьме Сент-Анджело.

Те же самые легкомысленные писатели будут еще больше веселиться, когда я расскажу вам, что такое не только возможно, но и вполне вероятно, что ту же самую пару видели в стране перед Всемирной Выставкой, и она привела в изумление профессоров, издателей и спиритистов.

Посвященного так же трудно поймать, как солнечный зайчик, танцующий на стене в солнечный день. Одно поколение людей может знать их под одним именем в определенной стране, а следующее или грядущее поколение может узнать их под другим именем в отдаленных землях.

Они живут в каждом месте столь долго, сколько им необходимо, а потом — исчезают «подобно вздоху», не оставляя за собою следа.

ЭЙНДРЕНЕК АГАРДИ из Колосвара,
F.T.S.

[В «Альбоме» Е.П.Б., том I, с. 83, над письмом к Издателю «*Spiritual Scientist*» вклеен короткий отрывок, автор которого идентифицирован как ученик Мастера М. Город, первоначально известный как Колосвар, был в то время в границах Венгрии; а теперь он известен как Клух и расположен в Трансильванском районе Румынии; его немецкий вариант названия — Клаузенбург.

Е.П.Б. также приводит историю «Неразгаданная тайна», которая написана с рассказа адепта, известного как Илларион, который иногда подписывался Илларион Смердис, хотя греческий оригинал, как правило, только «I». Е.П.Б. помечала его только одной буквой, используя просто «I», как часто делают в славянских языках.

Факсимиле Е.П.Б. помечено в ее «Альбоме» карандашом и чернилами и прилагается в нем в самом конце.]

[Любопытен факт, что когда Петер Дэвидсон, F.T.S., опубликовал в «*Теософисте*» (том III, февраль и март 1882 г.) старинный рассказ о Таинственных Братьях, который переписал из некоего труда восемнадцатого века, он закончил свое повествование следующим образом: «...эти загадочные «существа», называемые братьями, розенкрейцерами и т. д., встречаются в любом краю, от знаменитых улиц «цивилизованного» (!) Лондона до безмолвных криптов разрушенных храмов в «нецивилизованных» пустынях — короче говоря, где бы их ни призывали могущественные и добродетельные намерения или где могут понадобиться их истинные заслуги — неизвестные из-за их герметической скрытности, ибо одно поколение может знать их под одним именем в определенной стране, а грядущее или другое поколение может узнать их под другим именем в каком-нибудь заморском краю». — *Составитель.*]

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.А. Каменская. Миссия Е.П. Блаватской</i>	5
Мои книги	13
Участь оккультиста	26
Масонская грамота Е.П. Блаватской	29
Она мертва, и все же говорит	34
Дневники Е.П. Блаватской	46
Мадам Блаватская о Теософском обществе в Бомбее	85
Письмо издателю «Bombey Review»	89
Индийская «публика» и теософия	92
Харичандра Чинтамон	95
Письмо к издателю «Hindu Prakash»	98
Мадам Блаватская	100
Наука магии	104
В поисках оккультизма	113
Что такое индусский спиритуализм?	120
Что касается феноменов	133
Наши три цели	138
Философы и философчики	149
«Пусть каждый тщательно делает свою работу»	159
Несколько вопросов к «Хирафу»	172
Письмо от мадам Блаватской	191
Магическое воплощение Аполлония Тианского	192
Несколько мыслей по поводу нескольких мудрых слов, высказанных одним мудрым человеком	200
Некоторые указания для каждодневного пользования	214
Великое сокрытие света под спудом	230
Психология — наука о душе	247
Способен ли человек творить?	255
Может ли вакцинация предотвратить оспу?	260
Вежливый ответ	265
Отсутствие единство среди спиритуалистов	268
Спор вокруг дела Холмса	272
Гёксли и Слейд	294
Факиры и летающие столы	301
Индийские метафизики	305

Тодды	317
Общество без догм	323
Вспышка общих чувств	330
Еще один знаменитый член	339
Фокус или магия?	346
Магия	352
Ахкунд из Свата	361
Персидский зороастризм и русский вандализм	367
Древность вед	376
Буддизм в Америке	382
Взгляды каббалистов на «духов»	386
По поводу некоторых эзотерических догматов арийских архатов	393
Яркое световое пятно	400
1888	402
«Мы хотим не ругаться, а просто спорить»	405
Теософия и спиритуализм	408
Война на Олимпе	410
Русские суеверия	421
Реинкарнация в Тибете	424
Спиритуализм и спиритуалисты	434
«Утверждения оккультизма»	441
Взгляд французов на права женщин	449
Умывать ноги ученикам	456
Подполковник Св. Антоний	457
Ночные мысли о газетных вырезках	459
Небылица	466
Бросание камней «духами»	468
Магнетическая цепь	469
Журналист против миссионера	471
Теософы в Малигаве	473
Христианское военное искусство	475
Плач, рыдания и цветы	477
Упадок протестантского христианства	479
[Сэр Ричард Темпл и наше Общество]	481
Письмо к издателю «The Banner of Light»	483
Герметический огонь	485
Духи природы и элементалы	487
Оккультный феномен	490

(Нью-)Йорк против Ланкастера: новая война (Алой и Белой) Розы	495
Армяне	501
Вступительное замечание к «Философии йоги»	505
Комментарии к «Трактату о философии йоги»	506
Примечания к «Автобиографии Дайананды Сарасвати Свами»	530
[Е.П.Б. о сезоне дождей]	536
Разнообразные заметки	539
[Формирование Теософского общества]	557
[Создание « <i>The Theosophist</i> »]	562
[Е.П. Блаватская и Эдвард Уимбридж]	564
Заключительная редакторская заметка по поводу «Брахмы, Ишвары и Майи»	567
Комментарии к «Жизни Шанкарачарьи, философа и мистика»	568
[Заколдованное зеркало]	571
Вступительная заметка к «Рахатству»	573
[О рахатстве]	574
Комментарии к «Теософам на Цейлоне»	576
Заключительная заметка к «Обращению Президента Ионического Теософского филиала на Корфу»	578
Комментарий к «Нанга Бава Гвалиора»	580
Примечание к «Головоломкам для филологов»	581
Комментарий к «Странной фантазии»	582
Редакторская заметка на «Поклонение природе»	583
Комментарии к «Индийским аэробатам»	585
Комментарии к «Индре»	587
Некоторые комментарии относительно «Пятиконечной звезды»	588
Редакторская заметка на «Мусульманский абдал (йогу)» ...	591
Комментарий на «Свами против “Миссионера”»	592
Заметка на «Сияющую материю»	594
Комментарий к «Калийя Мардана»	595
Примечания к «Брахмачарья Бава»	596
[Христианизированные «языческие» идеи]	598
[О происхождении пифагорейской системы]	600
Домашние лекарства индийцев	602
[Ответ по поводу вопроса о солнечном тепле]	605

[Ответы на вопросы]	608
«Дух» занимается проделками на Кавказе	614
Прodelки «духов» среди мирян	616
Великий инквизитор	618
Примечания к статье «Двенадцать знаков Зодиака»	620
О непогрешимости еврейских писаний	622
Теософия — сущность философии и науки	624

Художественная проза

Кармические видения	628
Возможно ли убийство двойником?	647
Неразгаданная тайна	658
Легенда о Голубом Лотосе	669
Заколдованная жизнь	679
Светящийся диск	720
Пещера, где живет эхо	730
Из холодного края	742
Ожившая скрипка	747
Молчаливый брат	779
Дополнения к истории «Неразгаданная тайна»	790

Блаватская Елена Петровна
ОКУЛЬТИЗМ ИЛИ МАГИЯ

Составитель *О. Колесников*

Ответственный редактор *М. Яновская*
Художественный редактор *А. Сауков*
Художник *П. Сацкий*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 09.12.2005.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 42,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № 3196.

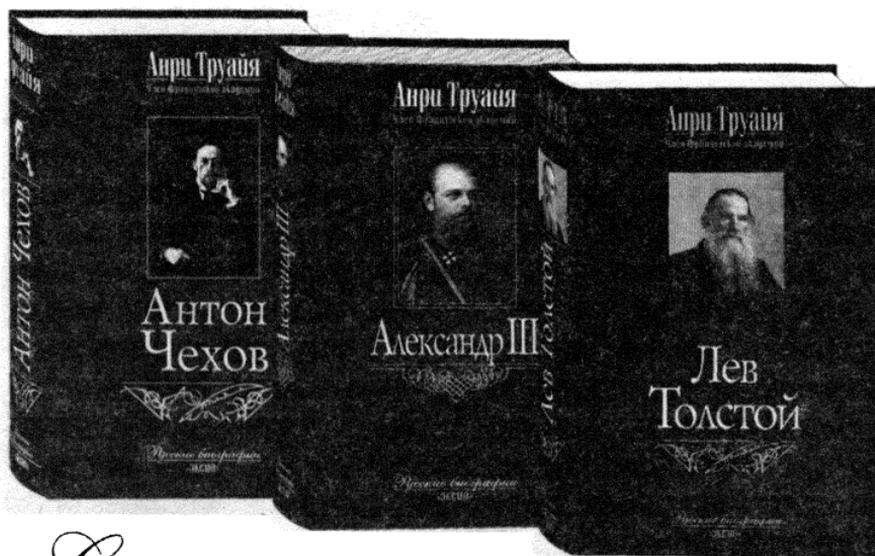
ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Анри Труайя

Член Французской академии литературы

в серии
«Русские биографии»

Собрание исследований известного французского писателя и биографа Анри Труайя представляет собой уникальную коллекцию книг о самых ярких и неоднозначных личностях русской политики, литературы и искусства.

Достоверные и важные факты!

Также в серии:

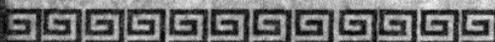
«Грозные царицы», «Марина Цветаева», «Федор Достоевский»,
«Николай Гоголь», «Балерина из Санкт-Петербурга», «Александр II»,
«Павел Первый», «Екатерина Великая»

Издательство «Эксмо» представляет

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН»

*Серия «Исторический роман»
представляет уникальные романы,
рассказывающие о самых ярких
событиях, вошедших в мировую
историю.*

Также в серии:

К. Хамфрис «Французский палач», К. Эссекс «Клеопатра»,
К. Маккалоу «Битва за Рим. (Венец из трав)»,
«Первый человек в Риме»

